

А. П. БОРОДИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОВЕТ РОССИИ
(1906 – 1917)

КИРОВ
1999

ББК 63.3(2) 52я73
Б 83

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИИ (1906—1917)

Киров.: 1999. — 368 с.

Технический редактор *Н. П. Первозникова*

Корректор *Т. В. Крючкова*

Подписано к печати 16.06.99 г. Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс»

Усл. печ. л. 21,39. Тираж 500. Заказ № 1104

Государственное издательско-полиграфическое предприятие «Вятка».

610044, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 5-85271-075-X

© Анатолий Петрович Бородин, 1999

Предисловие

Преобразованный в 1906 г. в равноправное с Государственной думой законодательное учреждение, Государственный совет (Гос. совет) превратился фактически в верхнюю палату российского «парламента» и сыграл важную роль в судьбе третьеиюньской монархии.

Третьеиюньская система как средство осуществления бонапартистского курса не исчерпывалась Думой, ее механизмом двух большинств. Важнейшим ее элементом был Гос. совет: по замыслу творцов реформы он должен был играть роль «спасительного тормоза», умеряя реформаторский пыл Думы и корректируя одобренные ею законопроекты. Однако в условиях усиливающегося размежевания внутри третьеиюньского блока он превращается в оплот правых и парализует законодательную деятельность и Думы, и правительства.

Истории реформированного Гос. совета посвящены три кандидатские диссертации,¹ частично опубликованные.² Отдельные моменты ее исследованы Р. Ш. Ганелиным, Н. П. Ерошкиным, Е. Д. Черменским и другими. Общие характеристики состава и суммарные оценки деятельности второй палаты содержатся в работах многих отечественных историков (А. Я. Авреха, В. С. Дякина, П. Н. Зырянова, С. М. Сидельникова, Ю. Б. Соловьева и других).

Тем не менее далеко не все исследовано в пореформенной истории Гос. совета, не совсем выясненной представляется его роль в событиях последнего десятилетия Российской империи. К тому же, кое-что из сформулированного в советское время требует, на наш взгляд, уточнения, а то и пересмотра.

В начале XIX в. в системе высших государственных учреждений России появилось новое — Гос.совет.¹ Формально это был законосовещательный орган, однако вряд ли можно считать его «учреждением абсолютистской монархии».² В действительности Гос.совет вполне определенно и существенно стеснял самодержавную власть.³ Это подтверждается как редкостью случаев несогласия царя с решениями Гос.совета,⁴ так — особенно — и тем, что обычно приводят как свидетельства его незначительной роли в государственной жизни: практикой обхода его посредством Комитета министров, Синода, Военного совета, всеподданнейших докладов и др.; резолюциями Николая I о желательности тех или иных решений; назначениями великих князей его председателями и т. п. Это было учреждение, которое терпели. Недовольство Гос.советом, подозрения по его адресу, стремления его обойти — все это непременно всплывало при царе с обостренным чувством самодержавия.⁵ Наоборот, в условиях либерального царствования роль и значение Гос.совета возрастали.

Трудно совместить с представлениями о Гос.совете как «учреждении абсолютистской монархии» и долгий срок его существования.⁶ Социально-экономическое развитие размывало основы абсолютизма, между тем Гос.совет с течением времени обнаруживал не признаки увядания, а, наоборот, способность легко и быстро — простым включением в свой состав выборных от населения⁷ — превратиться в представительное учреждение. С этим и связаны стремления либералов усилить влияние Гос.совета и их «излюбленная мечта» о преобразовании его в буржуазном духе.⁸ В этом направлении советовали царям отступать в трудные моменты их царствования П. А. Валуев (1863), вел. князь Константин Николаевич (1866), М. Т. Лорис-Меликов (1880), В. К. Плеве и князь П. Д. Святополк-Мирский (1904), Д. Ф. Трепов (1905). Тенденция, выразившаяся в проектах названных бюрократов, привела в условиях революционного кризиса начала XX века к образованию Гос. думы.⁹

Акты 20 февраля 1906 г. — проявление противоположной тенденции; они, по сути, не уступка,¹⁰ а контрреформа. Потому, во-первых, что ни одна из противоположных сил в 1905 г. не добивалась преобразования

Гос.совета — все хотели его упразднения.¹¹ Во-вторых, и в содержании реформы не было, на наш взгляд, ничего, что можно было бы трактовать как уступку. Ее авторы понимали, что без выборных членов невозможно ожидать «нормальных отношений» Гос.совета с Думой (С. Ю. Витте), рассчитывали, что выборы придадут учреждению «нравственную силу и вес в глазах широких масс населения» (С. Е. Крыжановский), и стремились привлечь те силы, для которых неизбежные «социальные увлечения» Думы представляли опасность, — привлечь с тем, чтобы опереться на них в борьбе с Думой. А чтобы сделать эту борьбу эффективной, важно было не просто уравнять Гос.совет в правах с Думой, а обеспечить ему преимущество — сделать его «верхней палатой». Реформа 20 февраля оказывалась единственным способом сохранить Гос.совет как фактор законодательства и, не допуская непосредственного сопоставления Думы с царем, обеспечить возможность парализовать всякую угрозу с ее стороны. Современникам, например, противодумский смысл преобразования был очевиден.¹²

Другое дело, что за это приходилось расплачиваться: реформа Гос. совета закрепляла законодательную Думу в системе высших учреждений империи и тем затрудняла возвращение к дореволюционному порядку вещей, лишая сторонников неограниченного самодержавия надежд в этом отношении. Поэтому граф А. П. Игнатьев и увидел в реформе Гос.совета упразднение его как «совета монарха». Это, утверждал он, «уже решительный шаг к конституционному устройству страны». Поэтому же страшной «уступкой» казалось правым сановникам и включение в состав Гос.совета выборных членов.¹³

Нет оснований утверждать, что учреждение Гос. думы само по себе «влекло за собой реформирование» Гос.совета, и усматривать противоречие между этим реформированием и его антидумским смыслом.¹⁴

Мысль о реформе Гос.совета в антидумском смысле появляется в июне 1905 г., когда вопреки «неоднократно» выраженной воле Николая II сохранить самодержавие незыблемым и прямому его указанию, чтобы проект А. Г. Булыгина не имел последствием введение «конституционного образа правления», Совет министров, обсуждая проект учреждения Думы, составленный Булыгиным, «вынужден был остановиться на некоторых заключениях», в которых не трудно было «усмотреть сходство с конституционным строем».¹⁵ Стало ясно, что с учреждением Гос.думы существенно изменится — «не текстом закона», а «силою самих вещей» — условия деятельности власти, и Николай II стал к этому «готовиться». 4 июля 1905 г. граф Д. М. Сольский,¹⁶ докладывая царю соображения Совета министров, получил указание «заняться вопросом о преобразовании Совета для согласо-

ния деятельности обоих законосовещательных учреждений»; при этом царь выразил желание пополнить Гос.совет новыми лицами и поручил Сольскому составить список их. 6 июля Сольский пригласил председателей департаментов Гос.совета, государственного секретаря и управляющего делами Совета министров и просил их представить кандидатов в этот список, а также обдумать основания преуказанного преобразования Гос.совета «для сохранения за ним подобающего места в ряду высших государственных установлений». ¹⁷

На Петергофском совещании (19 — 26 июля 1905 г.) правые его участники, стремясь не допустить и малейшего ограничения самодержавия, связывали с Гос.советом надежды обуздать Думу: ему отводились место и роль верхней относительно Думы палаты. ¹⁸

Акты 6 августа 1905 г. действительно превратили Гос.совет в «верхнюю палату» ¹⁹ и тем предопределили его реформу: последовало указание Николая II Сольскому «относительно необходимости преобразования» Гос.совета, контуры реформы постепенно прояснялись в ходе совещаний сановников на квартире Сольского. ²⁰ 16 сентября приглашенные им Э. В. Фриш, Ф. Г. Тернер, И. Я. Голубев, В. Н. Коковцов, Ю. А. Икскуль и П. А. Харитонов «обменялись взглядами». На основании бывших тут суждений Государственной канцелярией был составлен «Проект главных оснований переустройства Государственного совета». ²¹

Предполагалось, что Гос.совет образуется из равного числа членов по назначению монарха и избранных на 10 лет: губернскими (областными) избирательными собраниями, создаваемыми для выборов в Думу, — по одному из числа крупных землевладельцев (10 цензов съезда уездных землевладельцев или 5, но при условии не менее двух сроков службы по дворянским, земским или городским выборам или 15 лет государственной службы в должности не ниже 5 класса); Академией наук и университетами — по одному из числа ординарных академиков и профессоров; всероссийским съездом представителей биржевой торговли и сельского хозяйства — 10 членов. Кроме того, трех членов должен был избирать Синод и по одному — инославные христианские исповедания. Муфтии и шейх-уль-ислам могли принимать участие в заседаниях Гос.совета лишь по делам, касающимся их веры.

Назначенные к присутствию могли пополняться как из числа неприсутствующих, так и вновь назначенных.

Для избираемых устанавливался возрастной (35 лет) и образовательный (не ниже среднего) цензы. Предполагался годовой оклад содержания в 10 тыс. рублей.

Законодательное предположение вместе с заключением Думы должно

было поступать в общее собрание Совета, которое имело право передавать сложные дела в департаменты Совета для предварительного рассмотрения.

После обсуждения дела в Гос.совете составлялся, согласно с мнением большинства, законопроект, поступавший затем на утверждение царя. В случае неутверждения, дальнейшая судьба законопроекта определялась волею монарха.²²

21 сентября в совещании на квартире Сольского принял участие недавно вернувшийся из Америки Витте. Он также ратовал за включение в состав Гос.совета, наряду с назначенными членами и в равном с ними числе, выборных от дворянства, духовенства, купечества, промышленников и высших учебных заведений, утверждая при этом, что Гос.совет, «вследствие пополнения его лицами, того не заслуживающими, потерял во всех классах населения всякое к себе уважение».²³

9 октября «ввиду предстоящего обсуждения вопроса» Крыжановский представил Сольскому записку «К преобразованию Государственного совета».²⁴

Крыжановский исходил из того, что Дума, хотя и законосовещательная, по свойству своих занятий не что иное, как «нижняя палата»; при этом из-за своего состава она не сможет соразмерять свои пожелания с силами и средствами государства и сдерживать свои стремления «сознанием необходимости сохранять строгую историческую постепенность в развитии каждого дела и каждого установления». Поэтому ее «пожелания и взгляды, — предрекал автор записки, — будут иметь довольно долгое время характер несколько отвлеченный и стремительный, резко наклоняясь в том направлении, которое принято называть прогрессивным». Дума «легко может оказаться склонной к увлечениям и крайностям».

Отсюда и задача Гос.совета: он должен быть «регулятором» по отношению к Думе, «умеряющим и упорядочивающим» ее. А чтобы с успехом выполнять эту функцию, Гос.совет должен объединить «консервативные силы страны», быть средоточием «опыта и государственного направления», иметь «общественное признание».

Дав краткую, но емкую и убедительную критическую характеристику Гос.совета «в настоящем его составе», автор обоснованно заключал: «ни по числу, ни по свойству лиц» он не может «почитаться достаточным для выполнения такой задачи». Следовательно, — формулировал Крыжановский задачу реформатора, — надо «поставить Государственный совет так, чтобы личный состав его, помимо служебного опыта и познаний, имел и общественный вес в стране, а не казался бы Государственной думе одним лишь Советом чиновников, поставляющим свои заключения по указаниям высшего начальства. Необходимо поэтому, чтобы Совет представлял лич-

ность вполне самостоятельную, соглашаясь с мнением которой в случаях, когда это окажется необходимым, вопреки мнению Государственной думы, Самодержавный Государь опирался бы не только на силу власти, но и на силу мнения определенных общественных слоев, представляемых Советом и принимающих на себя ответственность за мнение, ими выраженное и ими поддержанное».

Что это даст? Развернутый ответ Крыжановского не оставляет, на наш взгляд, никаких сомнений относительно смысла намечаемой реформы.

Прежде всего, это сохранит самодержавную власть царя «на подобающей ей высоте и в отдалении от мелочей будничной жизни и взаимного столкновения общественных интересов», что — в свою очередь — позволит поддерживать «обаяние этой власти в низших слоях населения».

Во-вторых, верховная власть получит учреждение, представляющее «самостоятельную общественную силу, умеряющую порывы собрания выборных, и обеспечивающее спокойствие и планомерность развития народной жизни».

В-третьих, положение монарха будет легче: он сможет «выбирать между двумя мнениями, имеющими за себя определенную общественную силу», получит возможность не противопоставлять во всех случаях «силу власти государственной силе мнения земли, что всегда будет оставлять известный осадок неудовольствия и горечи в умах». А если это и возникнет, «будет направлено прямо и непосредственно против Совета, а не против Верховной власти». Здесь возможность и для правительства «взять в руки общественное движение и, не отрицая существование того, что требует простора для своего проявления, уложить это движение в определенные рамки».

В-четвертых, изменение состава Гос.совета обеспечит «содействие правительству также и тех приверженных порядку и устойчивых слоев общества, которые, по случайности выбора, могут и не оказаться представленными в достаточной мере в Государственной думе».

Наконец, Думе, выражающей взгляды лиц, колеблющиеся мнения которых основаны на инстинктивных влечениях, «в обиходе большинства заменяющих правильное сознание целей», к которым должно стремиться правительство, будет противостоять Гос.совет как выразитель мнений слоев сложившимся и сознательным направлением, выражающим «не один личный опыт, а совокупность опыта сменяющихся поколений».

Формироваться состав Гос.совета, по Крыжановскому, должен следующим образом. Половину составляют назначенные: совершеннолетние члены императорской фамилии, состоящие в определенной степени родства к царю или особо им назначенные; княжеские и дворянские роды Российской империи, которым царь, ввиду заслуг перед государством и особого обще-

ственного их значения, предоставил бы наследственный голос в Гос.совете в лице старшего в роду лица, удовлетворяющего определенным условиям возраста, образования и предшествовавшей государственной или общественной деятельности; назначенные царем «пожизненно из числа лиц, заявивших себя особыми трудами и познаниями» в области государственного управления, общественной, научной, промышленной или торговой деятельности.

Другая половина должна была состоять из избираемых: Синодом или особым Духовным собором (10); советами Московского и Петербургского университетов из числа прослуживших в звании ординарного профессора не менее 10 лет (по одному); дворянскими обществами «коренных русских губерний из числа лиц, обладающих определенным имущественным и образовательным цензом» (30); торгово-промышленными организациями (15 — 17); собственниками недвижимого имущества, превышающего «не менее, чем в 10 раз, размер его, установленный для участия в избирательных съездах землевладельцев» (по одному от каждой коренной русской губернии — всего 51). Следовательно, в Гос.совете должно было быть 216 — 220 человек.

Такой состав Гос.совета, подчеркивал Крыжановский, открыл бы перед властью ряд новых возможностей. Прежде всего, он объединил бы «все консервативные силы страны и притом консервативные не вследствие случайности личных воззрений, а вследствие других более мощных движущих причин» — крупных материальных интересов, связывающих с интересами порядка и спокойствия и «возможного охранения того распределения собственности, которое имеет место ныне»; привычек к установившемуся строю, «которые наследственны в этих слоях общества». Это сделает Гос.совет «прочной общественной силой, на которую правительство всегда может опереться и которая будет иметь обширное влияние на местах и найдет существенную поддержку образу своих мнений и суждений в широких общественных слоях.

Такой состав Гос.совета «облегчит возможность образования более умеренных мнений и в Думе, так как мнения эти будут иметь за собою нравственную поддержку в общественном значении» Гос.совета; облегчит и возможность соглашения между Думой и Советом: основой таких соглашений будут «невидимые связи, создаваемые единством среды».

Наконец, такой состав имел бы значение «для упрочения национального направления в деятельности обоих высших законодательных учреждений», ибо национальная борьба «и теперь проявляется у нас в высокой степени, а в ближайшем будущем должна составить вопрос первенствующий, с которым едва ли не будет связана территориальная целостность империи. Инте-

ресы величайшей государственной важности настоятельно требуют поэтому, чтобы голос русского народа, на котором одном держится и сила государственной власти, и самый Престол Российских Государей, безусловно господствовал в законодательных учреждениях».

В правах и обязанностях Гос.совет, по мнению Крыжановского, должен быть уравнен с Гос. думой.

Ряд соображений высказал Крыжановский и по будущему устройству Гос.совета: существенно должна сократиться редакционная работа Совета и Государственной канцелярии, т. к. техническая работа уйдет вниз, в Думу и Совет министров; исчезнет необходимость в департаментах — они с успехом могут быть заменены особыми комиссиями; отпадет необходимость в сложном аппарате Государственной канцелярии.

11 октября на квартире Сольского обсуждались записка Крыжановского и «Проект главных оснований переустройства Государственного совета» («Проект Государственной канцелярии»). Были: Витте, Н. Н. Герард, Икскуль, Коковцов, К. И. Пален, А. А. Половцов, О. Б. Рихтер, Тернер, Фриш, Харитонов и Н. М. Чихачов.

Как пометил в дневнике Половцов, Витте торопил с реформой Гос.совета, считая необходимым иметь его готовым ко дню созыва Думы, и предлагал возложить избрание членов Гос.совета «на выборщиков в Думу», поскольку времени уже не оставалось. Ему возражали Пален и Чихачов. Последний настаивал «на необходимости военной силою прекратить беспорядки, прежде чем делать какие-либо реформы, являющиеся теперь уступками перед буйством толпы».²⁵

«В следствие суждений», бывших в совещании 11 октября, был составлен «Проект переустройства Государственного совета»,²⁶ в основу которого был положен «Проект главных оснований переустройства Государственного совета». Новым тут было существенное увеличение представителей Синода: предполагалось пять от монашеского духовенства и пять от белого. Конкретизировалось представительство от инославных христианских исповеданий: по одному члену от римско-католической, протестантской, армяно-григорианской и армяно-католической церквей. Представители других исповеданий могли принимать участие в заседаниях Гос.совета по делам, касающимся их веры. Уточнялось представительство Академии наук (два из числа ординарных академиков) и университетов (по одному от каждого). Устанавливались двухстепенные выборы от торговых и промышленных организаций: биржевые комитеты и комитеты торговли и мануфактур должны были избирать из своей среды выборщиков (по два от комитета), съезды последних (по расписанию) из своей среды — членов Гос.совета (по одному от съезда).

Члены Гос.совета при вступлении должны были давать торжественное обещание по особой форме. Оговаривались полная свобода суждений и мнений «по делам, подлежащим ведению Совета», необязательность отчетом перед избирателями, лишение и ограничение свободы члена Гос.совета «не иначе, как по распоряжению судебной власти», право отказываться от звания члена Гос.совета, условия выбывания из состава Гос.совета и случаи временного устранения члена Гос.совета от участия в его собраниях.

Посторонние лица не допускались в заседания Гос.совета. Председатель его получал право назначать закрытые заседания, утверждать стенограммы заседаний и разрешать их публикацию, допускать представителей печати (по одному от издания) в незакрытые заседания.

Гос.совету присваивалось право законодательной инициативы (кроме Основных законов) и право требовать от министров разъяснений в случае нарушения ими законов.

Работа на квартире Сольского продолжалась еще некоторое время (14 октября еще раз обсудили составленный проект, к 19 октября был составлен проект указа), однако обстоятельства вынудили Николая II на новые, более существенные уступки.

Манифест 17 октября, придавая Думе законодательный характер и расширяя круг ее избирателей, делал реформу Гос.совета, с точки зрения власть имущих, еще более настоятельной.²⁷ Д. Ф. Трепов накануне, 16 октября, отзываясь по просьбе царя о проекте манифеста и записке Витте, одобрил мысль о введении в состав Гос.совета выборных членов и советовал объявить его уже в манифесте верхней законодательной палатой.²⁸

«Необходимым следствием»²⁹ манифеста 17 октября было особое совещание под председательством Сольского, созданное 28 октября 1905 г. для выработки «необходимых изменений» в действующем учреждении Гос.совета. В него вошли председатель Совета министров Витте, председатели департаментов Гос.совета Фриш, Чихачов, Тернер и Голубев, старейшие члены Гос.совета Пален и Рихтер, бывшие государственные секретари Половцов и Коковцов, министры барон В. Б. Фредерикс, граф В. Н. Ламздорф, П. Н. Дурново, А. Ф. Редигер, А. А. Бирилев, барон А. А. Будберг, А. С. Танеев, граф И. И. Толстой, князь А. Д. Оболенский-2, Д. А. Философов, С. С. Манухин (замещенный с 23 ноября 1905 г. М. Г. Акимовым), В. И. Тимирязев, И. П. Шипов, К. С. Немешаев и Н. Н. Кутлер, государственный секретарь Иксуль. Делопроизводство возлагалось на товарища государственного секретаря Харитонова. С 11 января 1906 г. в состав совещания был включен, по докладу Сольского, управляющий делами Комитета министров барон Э. Ю. Нольде. Выработанные совещанием предложения должны были быть представлены царю.

В продолжение десяти заседаний (4, 6, 10 и 12 ноября, 10, 12 и 16 декабря 1905 г. и 11, 13 и 19 января 1906 г.) проект был подготовлен.³⁰

Как справедливо заметил А. Д. Степанский, «самым острым был вопрос о сравнительных правах и взаимоотношениях» Думы и Гос.совета.³¹ На первых заседаниях Витте, игравший в качестве «премьера» главную роль в совещании, опасался уравнивать Гос.совет с Думой: войска для подавления революции не хватало, и он рассчитывал опереться на умеренную часть общества — превратить Думу в придаток Совету было опасно. Консервативная часть совещания возмущалась. «Приходится слушать невероятные наивности, — записал в дневнике 7 ноября Половцов. — Витте хочет созвать выборное собрание, долженствующее составлять вторую половину Гос.совета. Он думает, что одно то, что явятся люди, избранные населением, достаточно будет, чтобы служить опорой правительству. Полное пренебрежение к условиям таких выборов, ценз ничтожный, гарантии независимости никакой. Это будет вторая государственная дума с примесью старых чиновников и генералов». Однако, когда Половцов в следующем заседании предложил компромисс (первый отказ Совета согласиться с Думой не отнимает у последней права повторить свое решение в следующую сессию; при этом «вторичное постановление Думы могло бы получить силу закона в случае согласия верховной власти даже и при несогласии Совета»), Витте «внезапно» высказался за уравнивание в правах Совета и Думы.³² Вряд ли это «была уступка Витте правым».³³ Причина, скорее, была в том, что в эти дни Витте начинает расставаться с надеждой на активную поддержку либералов.

На декабрьских заседаниях этот вопрос был снова поднят. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Кутлер, «вполне» разделяя мысль о необходимости верхней палаты, способной пресечь «односторонности и увлечения» нижней, высказался против уравнивания в правах Совета и Думы. Указывая на «неизбежно» демократический характер предстоящей Думы и уже предрешенный аристократический Гос.совета, он предупреждал: «Может случиться, что законопроекты, принимаемые Думой, будут систематически отклоняться Гос.советом, и всякая законодательная деятельность прекратится, а государство окажется вследствие этого в самом отчаянном положении». Для устранения такой опасности Кутлер повторил, по существу, ноябрьское предложение Половцова, преследуя, правда, противоположную цель: предоставить Гос.совету право окончательно отклонять вторичное постановление Думы, если оно принято простым большинством голосов, однако вторичное постановление, принятое квалифицированным большинством 2/3 голосов наличного состава Думы, представляется монарху, даже если Гос.совет вновь не согласится.³⁴

Кутлера поддержал один только обер-прокурор Синода Оболенский. Все другие члены совещания (в их числе и Витте) выступили против, защищая «начало равноправности» Совета и Думы и пугая неизбежным, в этом случае, умалением значения Совета и переносом «тяжести разрешения разногласий между Думой и Советом ...на верховную власть».³⁵

Итак, определяя место Гос.совета в ряду высших государственных установлений, особое совещание решило поставить его «на равную с Думой ступень». Вместе с тем совещание установило «общее правило»: рассмотрение законопроектов в Думе должно предшествовать рассмотрению их в Совете, что превращало последний в верхнюю палату.

Другим важным был вопрос о составе Совета. При его обсуждении совещание, руководствуясь «высочайше преподанным» указанием во всеподданнейшем докладе Витте 17 октября о важности реформировать Гос.совет «на началах видного участия в нем выборного элемента», рассудило, что от последнего «можно ожидать действительной пользы лишь в том случае», если члены по выбору будут представлять «наиболее устойчивые, по взглядам и направлению, слои населения». Это соображение предопределило повышенный, сравнительно с назначенным для выборов в Думу, возрастной (40 лет) и образовательный (не ниже среднего) ценз и предоставление права избирать членов Гос.совета православной церкви, губернским земским собраниям, съездам землевладельцев в неземских губерниях, дворянским обществам, Академии наук и университетам, торговым и промышленным организациям. При этом выборы членов Гос.совета от дворянских обществ, Академии наук и университетов, землевладельцев губерний Царства Польского, торговых и промышленных организаций предполагались двухстепенные.

Проектируемое место Гос.совета в системе высших государственных учреждений как второй законодательной инстанции обусловило борьбу за представительство в нем внутри формирующегося третьейиюньского блока. Разумеется, бюрократы, привлеченные к разработке реформы, руководствовались прежде всего интересами самодержавия как самостоятельно организованной силы. Это, естественно, не могло не вызывать беспокойства дворян и верхов буржуазии. И по мере того, как вырисовывались контуры будущей реформы, лидеры последних активизировались.

С самого начала работ по подготовке реформы само собою разумелось, что удельный вес дворян в составе реформированного Гос.совета будет весьма высокий, и поэтому, надо полагать, в первоначальных наметках реформы особое представительство дворянства не предусматривалось. Мысль о нем появляется в записке Крыжановского. В «Проекте переустройства Государственного совета» мы вновь не видим особое дворянское представитель-

ство. Нет мысли о нем и в «Проекте указа Правительствующему Сенату», составленном 19 октября 1905 г. В особом совещании Сольского в заседании 6 ноября вопрос этот пытался поднять Половцов, но «без успеха».³⁶

Естественным в этих условиях представляется демарш дворянства: 10 ноября 1905 г. губернские предводители Петербургского и Московского дворянств граф В. В. Гудович и князь П. Н. Трубецкой обращаются к Сольскому с «Докладной запиской»,³⁷ где, ссылаясь на слухи, будто в проекте «представителям дворянства всей России вовсе не предполагается уделить места», указывают, что это, во-первых, лишает дворянство «значения в будущей политической жизни»; во-вторых, «несправедливо» и, в-третьих, «не соответствовало бы ...общим пользам государственным». Напомнив об «исторических» заслугах дворянства (и «труд» 120 дворянских предводителей, и «великую реформу Александра II», и земское дело), авторы записки настаивали на особом дворянском представительстве в Гос.совете в числе 20—25 членов, приблизительно по одному от двух дворянских губерний: меньше — дворянство будет сведено к нулю, больше — Гос. совет приобретет нежелательный «оттенок дворянско-сословного представительства».

Однако «с первого слова, — свидетельствует Половцов, — чиновники оказывают поголовное сопротивление». И только после выступлений Оболенского-2 и Палена в защиту особого дворянского представительства «опозиция ослабела» и было решено «допустить в Совет 12 членов от дворянства».³⁸

17 ноября 1905 г. управляющий МВД Дурново представил в совещание «Проект правил о дворянском представительстве в Государственном совете»: губернии с дворянскими собраниями и 9 западных разбивались на 12 округов, в каждом из которых для избрания одного члена Гос.совета составлялось окружное избирательное собрание из депутатов от дворянских обществ губерний, входящих в состав округа.³⁹

Однако опасение придать Гос.совету сословно-дворянский характер побудило совещание, с включением в Гос.совет представителей дворянства, отказаться от земского представительства.

В заседании совещания 10 декабря 1905 г. приглашенные Трубецкой и Гудович категорически возражали и против сокращенной нормы, и против идеи порайонных собраний дворянских уполномоченных для выборов членов Гос.совета (необходим был общеимперский съезд⁴⁰), и против замены представителей земства дворянскими. Находя последнюю «неправильной», Трубецкой и Гудович в письме к Сольскому от 11 декабря уверяли, что представители дворянства пойдут в Гос.совет «вовсе не для защиты своих сословных интересов, или даже местных». Они, утверждалось далее, «могут

иметь законное нравственное право участвовать в общей государственной работе как представители отдельной культурной единицы». А главное — «включёние представителей от дворянства в Государственный совет в равном числе с земскими представителями даст контингент людей, связанных с прошлым России и могущих относиться к законодательной работе с государственным смыслом и разумом». ⁴¹ В итоге совещание Сольского «признало необходимым назначить 18 членов Совета от дворянства», которые должны были избираться на общеимперском съезде уполномоченных дворянских обществ (по два от губернии). Хотя было очевидным, что большинство членов Гос.совета от земств и съездов землевладельцев «окажутся принадлежащими к дворянскому сословию», совещание тем не менее не нашло оснований «к устранению дворянства, искони отдававшего свои силы на служение родине», от самостоятельного избрания членов Гос.совета. Вторым мотивом этого решения был прогноз: «по преобразовании земских учреждений, процентное отношение гласных из дворян к общему составу земских собраний вероятно понизится, а потому вполне возможно ожидать уменьшения числа дворян между членами Гос.совета от земства» .⁴²

Хотя съезд дворянских предводителей в январе 1906 г. одобрил деятельность Гудовича и Трубецкого и благодарил их, дворянство достигнутым не удовлетворилось, и позднее было немало по их адресу сетований и досады ⁴³ (надо было, по крайней мере, по одному представителю от каждого губернского общества) и настойчивых попыток под разными предлогами увеличить дворянское представительство в Гос.совете.

Что касается буржуазии, то ее представительство предполагалось сразу, еще на стадии «предварительного обмена мнениями»; правда, весьма незначительное: 10 членов — в «Проекте главных оснований...», 15—17 — в записке Крыжановского, 10 — в «Проекте переустройства Государственного совета». Тайны это не составило. И уже 29 октября 1905 г. председатель Московского биржевого комитета обратился к Сольскому с письмом, где, указывая на крайне неопределенный состав будущей Думы и допущение в Гос.совет земских представителей, «в число которых едва ли будут в состоянии войти лица торгово-промышленного сословия», выразил тревогу: «внутренняя промышленность может оказаться в совершенно незащитном и подавленном состоянии». ⁴⁴ Тревога эта была общей — с 5 ноября 1905 г. по 19 апреля 1906 г. на имя председателя Совета министров, председателя Гос.совета, министров торговли и промышленности, финансов и внутренних дел поступило 67 ходатайств, представлений, докладных и памятных записок, прошений, писем и телеграмм от различных торгово-промышленных и банковских организаций, городских голов и отдельных видных представителей буржуазии. ⁴⁵

Конечно, слабость класса при этом обнаруживалась со всей очевидностью: преобладало стремление обеспечить интересы прежде всего своей отрасли, своего района, своей группы. Несомненно, однако, и другое: при всех противоречиях между собой, представители буржуазии сплачивались против дворянства. Весьма примечательна в этом отношении Докладная записка Саратовского купеческого общества,⁴⁶ с которой, кстати сказать, солидаризировалось большое число ходатайствовавших. «Если даже, — говорилось в ней, — и решить, что эти маленькие интересы (выше речь шла о дворянстве. — А.Б.) нуждаются в защите, то разве мало дворянского элемента в Государственном совете и без этих отдельных дворянских, так сказать, депутатов?» Подсчитав, что 156 членов «будут принадлежать к дворянскому сословию», авторы записки справедливо заключали: «Кажется достаточное большинство для обеспечения незыблемости привилегий дворянского банка, училища правоведения и пажеского корпуса! Передача этих 18 голосов торговле и промышленности русской была бы не только простым актом справедливости, но и вполне целесообразной для правильной деятельности Государственного совета прямо необходимой мерой». Надо отметить, вся эта серия прошений производит, в целом, впечатление достаточно настойчивой, обстоятельной и аргументированной попытки буржуа доказать бюрократам, что незначительное число их представителей в Гос.совете «совершенно не соответствует тому значению, которое торговля и промышленность имеют в хозяйственной жизни государства», и что интересы экономического развития страны «безусловно пострадают».

Нельзя сказать, что все это не замечалось. Прошения принимались, препровождались по назначению; министр финансов и временно управляющий министерством торговли и промышленности свидетельствовали свое сочувствие этим запискам и подтверждали действительность обрисованных в них нужд; Тимирязев, участвуя в совещании Сольского, «не оставлял, — по его словам, — указывать на недостаточность участия 12 членов от торгово-промышленного сословия для всестороннего и успешного разрешения нужд отечественной торговли и промышленности»; Витте в Совете министров поднимал вопрос о назначении в Гос.совет видных деятелей торгово-промышленного мира; в совещании Сольского эти ходатайства рассортировали по четырем «категориям», выделив для каждой типичные; последние перепечатали и сброшюровали.⁴⁷ Однако в итоге совещание «не усмотрело оснований к увеличению числа членов Совета от торговли и промышленности». Было решено предоставить Совету торговли и мануфактур, его Московскому отделению, комитетам торговли и мануфактур, биржевым комитетам и купеческим управам право избирать выборщиков (от одного до четырех) с

тем, чтобы съезд последних в столице избирал из своей среды 12 членов Гос.совета.⁴⁸ Робкая попытка Витте пересмотреть вопрос в Царскосельском совещании 14 февраля 1906 г. результатов не имела.⁴⁹

Что касается членов Гос.совета по назначению, то предполагалось их деление на присутствующих в Совете и не присутствующих. При этом совещание рекомендовало «установить, что общее число членов Государственного совета, которые будут ежегодно призываться» монархом к присутствию, «не должно превышать числа членов Совета по выбору».

Итогом работы совещания Сольского были три проекта: манифеста и указов о переустройстве Гос.совета и об изменениях в учреждении Думы.

11 февраля 1906 г. царь, ознакомившись с меморией совещания Сольского, назначил обсуждение подготовленных проектов под своим председательством, которое состоялось 14 и 16 февраля в Царском Селе.

В Царскосельское совещание были приглашены, кроме членов совещания Сольского, вел. князь Михаил Александрович и состоящий в его распоряжении генерал-майор А. В. Чарторыйский, дворцовый комендант Трепов и влиятельные члены Гос.совета А. А. Сабуров, Игнатъев, Н. С. Таганцев, В. В. Верховский, князь А. Д. Оболенский-1, Булыгин и А. С. Стишинский. По должности главноуправляющего землеустройством и земледелием вместо Кутлера был А. В. Кривошеин. С 16 февраля принял участие граф П. К. Бенкендорф. По различным причинам (болезнь, отпуск) не приняли участия в совещании брат царя, Будберг, Фриш, Фредерикс и 16 февраля не было Сольского.

Каких-либо существенных поправок в «Проект изменений и дополнений в Учреждении Государственного совета», как уже отметил А. Д. Степанский, Царскосельское совещание не внесло. Протоколы его интересны в другом отношении.⁵⁰ Граф Игнатъев, презиравший «как ненужную уступку манифест 17 октября» и вынашивавший планы дворцового переворота ради укрепления монархического принципа,⁵¹ сделал попытку поставить под сомнение целесообразность реформы Гос.совета в целом, полагая, что «не следовало бы идти далее того, что даровано 17 октября». Разумеется, Игнатъев был прав: с точки зрения неограниченного самодержавия, трогать Гос.совет не следовало, а на Думу надо было смотреть как на временную уступку. Однако совещание вместе с царем исходило из действительного положения дел: революция продолжалась, и в борьбе с нею на Думу все еще возлагали надежды. В этой ситуации реформа Гос.совета представлялась неизбежной: на Думу нужна была узда, при этом, с одной стороны, достаточно эффективная, с другой — для страны все-таки приемлемая. Поэтому царь резко вернул совещание к обсуждению проекта манифеста.

Группа правых участников совещания (Стишинский, Дурново, Игнатьев, Пален) опасались, что Гос.совет не сможет выполнить возлагаемой на него задачи, если выборная его часть окажется оппозиционной и поддержит думские притязания. Поэтому они настаивали поставить соотношение избираемых и назначаемых членов Гос.совета в зависимость от воли монарха.⁵²

Большинство не разделяло этих опасений. Да, говорил Витте, «верхняя палата должна представлять из себя буфер», т. е. должна «спасти от необузданности нижней палаты», «гарантировать консервативный строй государства», исключить «непосредственные коллизии с Верховной властью» и «давать отпор всем крайним взглядам»; однако Гос.совет все это выполнит, ибо «будет глубоко консервативным». Его поддержал Половцов: «Состав выборных членов представляется достаточно консервативным». А «в случае недоверия, — напомнил Сабуров, — правительство имеет иной способ борьбы: оно может распустить Гос.совет. Это такое сильное право, которое устраняет всякие опасения».

Опасения были другого рода: «искусственный подбор подорвет» доверие к Совету (Коковцов), даст «предлог к толкам», «произведет дурное впечатление» (Витте).

Царь согласился с большинством: избираемые и назначаемые должны были быть «в равном числе».

Не простым оказался и вопрос о том, как — одновременно или нет — созывать и распускать Думу и Совет. В совещании не получилось не то что спора, но и обсуждения, поскольку царь сразу согласился с мнением большинства: Совет и Дума ежегодно созываются и распускаются указами царя. Такое решение открывало широкие возможности. Вопрос был в том, кто и с какими целями ими воспользуется. Витте представлял дело так: Гос.совету «на первых порах делать будет нечего. Дума, после ее созыва, прежде всего займется, вероятно, крестьянским вопросом, на что потребуется до двух месяцев. Потом она разъедется. То же, что она выработает, поступит в Совет. Тогда он начнет работать. Одновременный сбор уменьшит работоспособность Думы и Совета процентов на 30». Главное, однако, не в этом: «Зачем связывать монарха, когда так много еще неизвестного?» Правда, он тут же успокоил: опасению, что монарх воспользуется одною палатою, в России «нет места».

Подозрения, однако, были относительно самого Витте. «Пален, — свидетельствует Половцов, — опасался, что, при отсутствии условия одновременности, правительство вздумает довольствоваться одною думою, не созывая Совета». Сам же Половцов «думал напротив, что в случае отсутствия Думы, законодательные постановления кабинета могли бы восходить к го-

сударю через Совет».⁵³ Этими расчетами и воодушевлялось большинство царскосельского совещания.

В первом же заседании совещания Оболенский-2 возобновил предложение Кутлера на декабрьских заседаниях совещания Сольского — дать Думе право представлять царю отклоненный Гос.советом законопроект, если при вторичном обсуждении в Думе за него выскажется квалифицированное большинство. Князь опасался, что Гос.совет «может не допустить того, что уже принято Думою», и «голос народа не всегда будет доходить до престола», и это неизбежно поведет к конфликтам. Предложение единодушно отклонили: это подрывает значение Гос.совета и приведет к его ликвидации, между тем неизвестно, какую будет Дума, и давать ей особые права, «в особенности на первых порах», не следует; совершенно невозможной представлялась и верховная власть в роли арбитра между конфликтующими палатами.

В заседании 16 февраля Витте, пугая негативной реакцией крестьян («Скажут: думали, что будет доступ, а между тем чиновники отдалили нас от государя»), попытался пересмотреть принятое решение, существенно смягчив редакцию Оболенского: речь шла уже не о представлении царю отклоненного Гос.советом законопроекта, а только о доведении до высочайшего сведения «мнения» Думы; царь, если разделял позицию Думы, мог «дать свои указания министру», который вносил бы новый проект. Витте поддерживали Оболенский-2 и Стишинский. «Конечно, — говорил последний, — Гос. совет должен быть щитом Верховной власти при увлечениях Гос.думы. Но нельзя допустить, чтобы Гос.совет явился при этом тормозом». Таким образом, спор шел, как справедливо заметил Верховский, «по существу не о доведении до высочайшего сведения об отклоненных проектах, что всегда возможно». Речь шла о возможности «издания законов, отвергнутых Гос.советом». Пален, Дурново, Верховский, Коковцов «энергически восстают против предложения Витте», — записывает в дневнике Половцов, сам полагававший, что «такое замаскированное всесилие Думы равнозначительно уничтожению Совета».⁵⁴ Возражения дошли до обвинения Витте в намерении «снова ...отдать законодательство в руки толпы».⁵⁵ «Между тем, — продолжал барон Иксуль, — для этого дела требуется устойчивость, необходимо поставить Гос.совет в качестве учреждения, ограждающего» монарха.

Попытка Витте обосновать свое предложение необходимостью устранить средостение между царем и народом, его утверждения, что его оппонент «желает конституционный порядок управления», а он, Витте, считает, «что этого нельзя», что «манифест 17 октября не устанавливает конституции», что нельзя «все заимствовать от Запада», что Николай II «вводит этот

строй по собственной инициативе» — все это выглядело в глазах сановников «забавно».

Во время перерыва с чаепитием Пален, оказавшийся вместе с Половцовым возле Николая II, припечатал Витте («А говорить, что вы не дали конституции, значит куртизанить. Вы дали конституцию и должны ее сохранить») и убеждал царя, что предлагаемая Витте мера, будь она принята, «была бы гибель монархического начала».⁵⁶ По возобновлении заседания царь согласился с большинством.

Таким образом, опасения, что в Думе получат «преобладание демократия и радикализм», обусловили ярко выраженную антидумскую направленность царскосельского обсуждения проекта, и преобразование Гос.совета приобрело однозначно характер контрреформы.

Результатом царскосельского совещания были акты 20 февраля 1906 г.,⁵⁷ определившие основное содержание реформы. Гос.совету предоставлялись «в делах законодательства равные с Государственной думой права». Однако устанавливаемый порядок прохождения дел,⁵⁸ закрепленный затем практикой, превращал его в верхнюю палату.

Постановлялось «впредь общим порядком», что закон не мог получить силы без одобрения Гос.совета и Думы. Вместе с тем предусматривалась и возможность проведения законопроекта «во время прекращения занятий» Гос.совета и Думы, «если чрезвычайные обстоятельства» вызовут его необходимость. Правда, этим способом нельзя было внести изменения в основные государственные законы, в учреждения Гос.совета и Думы, в Положения о выборах в Думу и Совет. Проведенный таким образом законопроект должен был поступить на рассмотрение Думы «в течение первых двух месяцев» после возобновления ею занятий, иначе — действие его прекращалось.

Гос.совет, как и Дума, получил право законодательной инициативы, «за исключением основных государственных законов», почин пересмотра которых царь оставлял за собою. Гос.совет мог теперь обращаться к министрам и главноуправляющим с запросами по поводу таких их действий, «кои представляются незакономерными».

Наряду с назначенными членами и в равном с ними числе вводились теперь и выборные от губернских земских собраний (34), съездов землевладельцев в неземских губерниях (22), дворянских обществ (18), православной церкви (6), Академии наук и университетов (6), торговых (6) и промышленных (6) организаций — всего 98.⁵⁹ Как общее правило, они избирались на 9 лет с тем, чтобы каждые 3 года треть каждого разряда выбывала по очереди. Особый порядок был установлен для членов Гос.совета от земств и

съездов землевладельцев: они избирались на 3 года и выбывали одновременно, в полном составе.⁶⁰

Губернские земские собрания избирали по одному члену Гос.совета из лиц, владеющих не менее трех лет количеством земли, в три раза превышающем земский ценз (ценз понижался до обычного земского, если лицо прослужило «не менее двух сроков в должностях губернского или уездного предводителя дворянства, председателя губернской или уездной земской управы, городского головы или почетного по выборам мирового судьи»).

В 15-ти губерниях⁶¹ и области Войска Донского съезды землевладельцев под председательством дворянских предводителей избирали по одному члену Гос.совета из лиц, владевших количеством земли в три раза превышавшем земельный ценз, дававший по Положению о выборах в Думу право непосредственного участия в съезде уездных землевладельцев (в шести губерниях⁶² и области Войска Донского ценз понижался в три раза для лиц, прослуживших по выборам «не менее двух выборных сроков»).

В 10-ти губерниях Царства Польского съезды землевладельцев под председательством «особых лиц, назначенных к тому высочайшей властью», избирали по шесть выборщиков из лиц, владевших количеством земли, в три раза превышавшем ценз для непосредственного участия в съезде уездных землевладельцев. Съезд выборщиков в Варшаве избирал из своей среды шесть членов Гос.совета.

Дворянские общества избирали из своей среды по два выборщика; их съезд в Петербурге выбирал из своей среды 18 членов Гос.совета.

От православной церкви избирались Синодом три члена Гос.совета из монашествующего и три члена из белого духовенства из кандидатов, предложенных епархиями.⁶³

Академия наук в полном академическом собрании из числа ординарных академиков и университетские советы из числа ординарных профессоров избирали по три выборщика, съезд которых в Петербурге выбирал из своей среды шесть членов Гос.совета.

Совет торговли и мануфактур, его Московское отделение, местные комитеты торговли и мануфактур, биржевые комитеты и купеческие управы избирали от одного до четырех выборщиков, съезд которых в Петербурге выбирал из своей среды 12 членов Гос.совета — шесть от торговли и шесть от промышленности.

Выборы были тайные. Избранные приобретали депутатскую неприкосновенность и не были обязаны отчетом перед избирателями.

Избираемая половина Гос.совета могла быть распущена до истечения срока полномочий указом царя, которым назначались и новые выборы.

Не могли быть избираемы в члены Гос.совета лица, моложе 40 лет; не имевшие среднего образования; иностранные подданные и лишенные права избираться в Думу по Положению о выборах в нее (ст. ст. 6, п. «а»; 7 и 8).⁶⁴

Другую половину членов реформированного Гос.совета составляли «присутствующие в нем по назначению» царя. Их состав пополнялся как из числа неприсутствующих членов по назначению, так и вновь назначаемыми. Из числа присутствующих по назначению царь ежегодно назначал председателя и вице-председателя Гос.совета.

Список избранных и назначенных к присутствию членов Гос.совета ежегодно публиковался во всеобщее сведение.

Созывался и распускался Гос.совет вместе с Гос.думой ежегодно указами царя.

При Гос.совете сохранялись департаменты и особые присутствия.⁶⁵ Они комплектовались из числа назначенных к присутствию, однако к деятельности Гос.совета как верхней законодательной инстанции никакого отношения не имели.

Корректировка в принципе решенного преобразования продолжалась и после 20 февраля 1906 года. 4 марта последовало сенатское разъяснение, что для избрания в члены Гос.совета «необходимо окончание курса в русских учебных заведениях», что обуславливало «и знание русского языка». Были разработаны правила выборов членов Гос.совета Синодом, правила рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, правила об охране порядка в помещении Гос.совета и о допущении в его заседания посторонних лиц. Определился способ решения вопроса о том, могут ли военные, избранные в Гос. совет, оставаться на службе. Новая редакция основных законов 23 апреля, включив главу «О Государственном совете и Государственной думе и образе их действий», лишила Гос.совет права изменять собственное Учреждение.

Вместе с тем шла работа по составлению нового Учреждения Гос.совета. Государственная канцелярия подготовила его проект, включив как статьи указа 20 февраля, так и некоторые статьи действующего Учреждения. 7 марта его рассмотрело под председательством государственного секретаря Иксуля совещание статс-секретарей Совета и товарища государственного секретаря, а 25 марта царь приказал обсудить проект в Особом совещании под председательством Сольского, в состав которого вошли председатели департаментов Гос.совета Фриш, Чихачов, Голубев и Тернер, члены Гос.совета Пален и Рихтер, председатель Совета министров Витте, бывшие государственные секретари Половцов и Коковцов, государственный секретарь Иксуль и его помощник Харитонов. В начале апреля к ним при-

соединились министр юстиции Акимов, С. Ф. Расолли, С. В. Безобразов, барон А. А. Икскуль.

В заседании 6 апреля 1906 г. Витте предложил сохранить за Гос. советом, «в качестве совещательного при верховной власти органа», обсуждение таких важных вопросов, поступавших на рассмотрение дореформенного Совета, как объявление войны, заключение мира и другие важные меры в области внешней и внутренней политики. Мотивировалось это тем, что польза предварительного обсуждения подобных мер в Гос.совете и авторитетность его заключений возрастут «в силу участия в Совете выборных членов.»⁶⁶

Витте поддержал только Половцов, правда, по иным соображениям. «В случае распухания Думы, — записал он в дневнике, — могут настать такие обстоятельства, кои потребуют чрезвычайных мероприятий, кои в глазах страны будут приняты с большим доверием, если будут поддержаны авторитетом Гос.совета, а не кабинетом, составленным из ничтожных людей, вроде тех, кои составляют его ныне».⁶⁷

Совещание, «не отрицая значения приведенных соображений», признало «более осторожным воздержаться от каких бы то ни было указаний на возможность обсуждения Гос.советом таких дел, которые не упомянуты в его Учреждении». Мотивы такого решения были следующие. Во-первых, сохранение за Гос.советом обсуждения упомянутых вопросов «не соответствовало бы характеру преобразованного Совета»: он отныне законодательное учреждение. Во-вторых, это потребовало бы установления особого порядка рассмотрения этого рода вопросов. В-третьих, вызвало бы «нежелательные нарекания», ибо нарушит равенство в правах с Думой в пользу Совета. Были сомнения в возможности единогласных заключений многочисленного и разнородного состава реформированного Гос.совета по чрезвычайным мерам политического характера; заключения же с разногласиями не представлялись авторитетными. Наконец, было высказано опасение, что это свяжет в некоторой степени монарха, вольного по любому вопросу выслушивать как членов Гос.совета, так и всякого, его доверием облеченного.

Проект нового Учреждения Гос.совета совещание одобрило и 24 апреля 1906 г. царь его утвердил — реформа Гос.совета была завершена.

Как уже отмечалось, новое Учреждение «не содержало ничего принципиально нового по сравнению с актами 20 февраля».⁶⁸

Назначенные члены

Назначенная половина Гос.совета должна была, по мысли реформаторов, уравновесить выборную, которая представлялась не иначе как либеральная; она-то и должна была стать силой, способной противостоять «увлечениям» Думы. Это предполагало умение «говорить», полемизировать, возражать «против заявлений и нападков со стороны и Думы, и правительственных чинов». В дореформенном Совете мало кто отвечал этим требованиям. С. Ю. Витте утверждал, что «из 85 членов, заседающих в общем собрании, не более 15 способны произносить речи». Некоторых смущало преобладание в нем «бюрократического элемента»: понимали, что это дает «повод к обвинению Совета в том, что он будет сборищем чиновников, кои задушат Гос.думу».

В связи с этим А. А. Половцов советовал Николаю II «не стесняться чинами в своих назначениях и начать такой образ действия теперь же» (разговор происходил 4 марта 1906 г.). Царь одобрил мысль, однако заметил, что провести ее в жизнь «будет очень трудно».

30 марта 1906 г. вопрос обсуждался в совещании под председательством графа Д. М. Сольского. Были Витте, И. Я. Голубев, барон Ю. А. Икскуль, Половцов, Э. В. Фриш и Н. М. Чихачов. Чтобы сохранить «хоть часть ныне заседающих в Совете членов» и удалить тех, «кои неспособны принимать участие в прениях», было решено установить, чтобы на каждый год царь назначал «членов присутствующих и членов неприсутствующих, подобно тому, как это делается в Сенате». Этим создавалась возможность привлечь в Гос.совет новые молодые силы. Половцов повторил свое предложение назначать членов Гос.совета «не из чиновников, а из людей, преследовавших другие карьеры». По списку выборщиков членов Гос.совета обсудили некоторые кандидатуры из числа профессоров, адвокатов, а также сенаторов — получился «список приблизительно в 20 человек».¹

Накануне открытия реформированного Гос.совета в его составе было 109 назначенных членов, из них 25 были неприсутствующими — великие князья и дряхлые и больные сановники. До 27 апреля членами Гос.совета

было назначено 12 человек, из которых трое были моложе 50-ти лет, четверо — моложе 55-ти, четверо — моложе 60-ти и один — 63-летний. Затем 28 апреля и 6 мая были назначены и в течение первой сессии включены в число присутствующих еще шесть в возрасте от 48 до 61 года.

Однако обновление состава назначенных членов «не стесняясь чинами» оказалось непростым делом. «Трудно представить, — писал А. Н. Шварц, — до какой степени «старцы» раздражены внезапным назначением в Гос.совет наиболее молодых членов Сената, гг. Кауфмана и Лукьянова. Оба уж очень ничтожны, ничем никогда не выдавались, ничего не сделали, и вдруг им отдано предпочтение. «Старцы» решительно оскорблены».²

К открытию реформированного Гос.совета было назначено 90 членов присутствующими³ и 8 — в течение сессии.⁴ На 10 июля 1906 г., когда занятия Гос.совета были приостановлены, назначенных было, как и положено, 98. Из них 9 — министры и главноуправляющие.

По происхождению 90 (91,83%) из них были потомственными дворянами, в т. ч. 24 — титулованными (князей — 8, графов — 10, баронов — 6). 10 членов прежде были дворянскими предводителями: трое — уездными, четверо — губернскими и трое — уездными и губернскими.

Имущественное положение их было таково. 61 член (62,24%) владели землей, двое (2,04%) земли не имели, но владели домами и дачами, 34 человека (34,69%) не имели недвижимого имущества; имущественное положение одного, А. В. Кривошеина, не выяснено.

По размерам владений (в дес.) члены-землевладельцы распределялись следующим образом:

		до 100	— 2 (3,27%)
от	101	« 500	— 8 (13,11%)
	« 501	« 1 тыс.	— 6 (9,83%)
	« 1001	« 5 тыс.	— 25 (40,98%)
	« 5001	« 10 тыс.	— 5 (8,20%)
	« 10 001	« 25 тыс.	— 5 (8,20%)
	Более	25 тыс.	— 7 (11,47%)

Размеры владений не выяснены у трех (4,41%)

Среди членов-землевладельцев 16 имели дома в Петербурге (от одного до двенадцати), из них двое — еще и в Москве; за женой одного значился дом в Москве; 9 человек имели дачи близ Петербурга, под Москвой, в Сочи и Крыму; 19 членов владели различного рода предприятиями заводами: винокурным, свеклосахарным, спиртоочистительным, масло-молочным,

пивоваренным, лесопильным, кирпичным, керамическим, чугунолитейным, железоделательным, сталеплавильным; золотыми приисками, железными и медными рудниками; фабриками: текстильной, стеклохрустальной, экипажно-автомобильной; мельницами: водяной, паровой; соляными промыслами; добычей фосфорита. Двое из этих 19-ти держали крупную торговлю: склады и торговля продукцией хрустальной фабрики в Москве, Пензе и Самаре; склады вин и торговля с них в Петербурге и Москве.

У четырех членов-землевладельцев были майораты. Четверо других сдавали значительную часть земли в аренду крестьянам.

Наряду с этим, имения двух были обременены долгами.

По возрасту назначенные к присутствию члены к концу первой сессии распределялись на следующие группы:

от 45	до 49	— 5 (5,10%)
« 50	« 54	— 10 (10,20%)
« 55	« 59	— 22 (22,45%)
« 60	« 64	— 20 (20,40%)
« 65	« 69	— 17 (17,34%)
« 70	« 74	— 15 (15,30%)
« 75	« 79	— 9 (9,18%)

Доля членов 60-ти лет и старше составляла, таким образом, 62,24%.

Среди них православных было 84 (85,71%), в т. ч. 15 — с немецкими фамилиями; пять человек (5,10%) были лютеранами; восемь (8,16%) принадлежали к евангелическо-лютеранскому исповеданию и один (1,02%) — к евангелическо-реформатскому.

Образовательный уровень назначенных к присутствию в первую сессию был таков. 82,65% их (81 человек) имели высшее образование (17 из них окончили Училище правоведения, 10 — Александровский лицей, 19 — Петербургский университет, 11 — Московский, по одному — Харьковский и Казанский, по два — Новороссийский университет и Константиновский межевой институт и 18 — академии). Шестеро из них имели по два высших образования. Получив высшее образование в России, шесть человек дополнили его за границей. 14 назначенных членов (14,28%) имели среднее образование и трое — домашнее.

В первую сессию среди назначенных к присутствию было два почетных академика, член-корреспондент, семь профессоров, магистр. Восемь членов были известными учеными.

56 (57,14%) среди присутствующих были с высшим юридическим образованием.

Назначенная половина Гос.совета состояла из чинов только первых четырех классов; при этом I класса — был один гражданский, II класса — 19 военных, 32 гражданских и трое придворных, III класса — 6 военных, 20 гражданских и 16 придворных, IV класса — один гражданский. Военные чины составляли 25,51%, гражданские — 55,10% и придворные — 19,38%. Среди них было два кавалера ордена Андрея Первозванного, 9 генерал-адъютантов, 16 статс-секретарей и 39 сенаторов.

Из присутствующих членов были назначены председатель и вице-председатель: статс-секретари и действительные тайные советники Сольский и Фриш.

На современников назначаемая половина Гос.совета производила неодинаковое впечатление. На одних — скверное: смутил прежде всего возраст. «Наш Государственный совет, — сетовал в письме к сыну А. Н. Куломзин, — был открыт плачевным образом, — муха дохла. Сольского чуть ли не принесли в Совет, он пробурчал себе под нос свою речь и избранные представители громко говорили, что с такими старыми мухами (Сольский и Фриш) далеко не уедешь».⁵ Во-вторых, они никак не могли освоиться с новыми условиями и отрешиться от традиций старого режима. «Они не могут, — писал Д. Н. Шипов, — привыкнуть к мысли, что нужно говорить и действовать по совести и по убеждениям, и все сбиваются на то, как посмотрит государь».⁶

Особенно трудно было Сольскому и Фришу: они не могли отмалчиваться в сторонке, однако непривычная обстановка, требовавшая оперативности и самостоятельности, парализовала их. Когда Сольскому сообщили, что кадет В. А. Кугушев собирается заявить о необходимости включить в ответный царю адрес «требование о даровании амнистии всем преступникам», он, перепугавшись, «немедленно объявляет заседание закрытым» и приглашает группу сановников «для обсуждения того, что следует делать».⁷

Вмешивается знаменитый генерал Е. В. Богданович. «Не могу, наконец, умолчать, — писал он Николаю II 3 мая 1906 г., — о негодовании членов Государственного совета, назначенных и выборных, которые в один голос сетуют и ропщут на председателя Совета, расслабленного здоровьем и годами, не имеющего ни авторитета, ни сил, ни характера, чтобы властно, честно и твердо руководить столкновениями политических разномыслий в высшем Государственном учреждении. ...нельзя же оставаться глухим к голосу событий, вопиющих о честном, стойком и энергичном деятеле во главе Го-

сударственного совета вместо сановной развалины, бессильной проявить хоть какое-нибудь живое участие к тому, что вокруг нее происходит».⁸

9 мая 1906 г. Сольский был уволен от должности председателя Гос.совета «по состоянию здоровья».⁹ 20 мая председателем был назначен Фриш, а вице-председателем — Голубев.

Фриш, однако, не имел необходимых преимуществ перед Сольским: они были одногодки, обоим шел 75-й год. Выразительную сценку запечатлел Половцов. 3 мая 1906 г. «скучнейшее, безжизненное заседание совета под председательством Фриша, растерянного внезапно, нечиновничьей атмосферой, в которой он внезапно оказался. Сольский сидит в стороне, как будто он приехал на театральное представление. Цель заседания — избрание членов в три комиссии ...Избрание предлагается листами, а подсчет избранных до того глупо сложный, что продержав нас в ожиданиях более двух часов, Фриш объявляет, что он убеждается, что это продлится до ночи, а потому распускает собрание до 9 часов вечера. Расходящиеся члены смеются над председателем, которому оказались необходимыми столь продолжительные мозговые усилия, чтобы убедиться в таком простом факте».¹⁰

Вместе с тем имеются свидетельства и оценки противоположного характера. Они тем интереснее, что исходят из уст представителей либерально-оппозиционного лагеря. «К немалому моему прискорбию, — писал М. М. Ковалевский, — должен сказать, что бюрократические элементы в нашем Совете по уму, талантливости, знанию и практическому опыту выигрывают от сравнения с общественными».¹¹ Столь же высокого мнения о назначенных членах Гос.совета был В. А. Маклаков: «В 1906 г. слуги старого режима были не только внушительной политической силой; у них одних был государственный опыт и школа. Многие из них по своему удельному весу значили в государственном деле неизмеримо больше, чем любимцы нашей общественности». Отсюда мысль Маклакова делает любопытный поворот: отметив, что у них не было шансов быть избранными («их прошлое клало на них клеймо в глазах демократических избирателей»), а устранение «их вовсе от участия в законодательной деятельности было бы вандализмом, государственным мотовством», он делает вывод о том, что при политической неподготовленности тогдашней общественности, ее нетерпимости, разделении на «мы» и «они» институт назначаемых членов Гос.совета был не просто разумен, а необходим, ибо хотели «не Революции, а превращения Самодержавия в конституционную монархию» — значит, «опытных и знающих государственных людей надо было сохранить и использовать».¹²

По своему настроению большинство назначенных к присутствию не воспринималось как реакционное. Пожалуй, наоборот. Так, по оценке мо-

жайского предводителя А. К. Варженевского, «большинство членов старого состава, назначенных Высочайшей Властью, оказалось направления очень близкого к «кадетам»». ¹³ Похожее впечатление сложилось у Шипова: «Члены по назначению, пожалуй, даже лучше по своему настроению», чем Совет в целом, где преобладали реакционные элементы. ¹⁴

Что касается независимости назначенных к присутствию членов Гос.совета, то уже в первую сессию они убедились в скромных ее пределах. «В заседание [комиссии по Наказу] не является Куломзин, уведомивший, что его здоровье требует деревенского отдохновения, — записал 17 мая 1906 г. в дневнике Половцов. — В действительности он получил приказание уехать за слишком горячее поддержание требования политической амнистии, включенное в адрес государю, советом представленный». ¹⁵

Выборные члены

Первые выборы членов Гос.совета проходили с 16 марта по 26 мая 1906 г. 34 члена (34,69%) были избраны губернскими земскими собраниями. На момент избрания 12 из них состояли в должности уездного предводителя дворянства, двое — губернского, двое — председателя уездной земской управы, четверо — председателя губернской управы, двое — городского головы и один — председателя городской думы. Среди них также были бывшие уездные (3) и губернские (3) предводители, председатели уездных (8) и губернских (5) управ, городской голова.

31 из них (91,17%) были потомственные дворяне, в т. ч. пять — титулованные (три князя, граф и барон); недворяне составляли 8,82%: сын купца, из потомственных почетных граждан и из иностранцев, принявших российское подданство.

Все они были землевладельцами, при этом по размерам владений (в дес.) распределяются следующим образом:

от 101	до 500	— 3	(8,82%)
« 501	« 1 тыс.	— 6	(17,64%)
« 1001	« 5 тыс.	— 14	(41,17%)
« 5001	« 10 тыс.	— 4	(11,76%)
« 10001	« 25 тыс.	— 4	(11,76%)

Размеры владений трех (8,82%) не выяснены.

11 человек владели домами в Петербурге (пятеро, из них двое еще и в Москве), губернских городах (четверо) и уездном (один); избранник Владимирского земства Н. А. Ясюнинский имел дома во многих городах империи — Москве, Омске, Одессе, Ташкенте и др.

13 членов имели различного рода предприятия: заводы винокуренные, кирпичные, черепичные, лесопильные и сахароваренные, мельницы; двое из них выделялись особым размахом промышленной деятельности: совладелец Суксунских горных заводов и пароходного предприятия и владелец ряда других предприятий представитель Пермского земства И. Г. Каменский и упомянутый уже Н. А. Ясюнинский, совладелец нескольких фабрик и обширного торгового дела.

Член Гос.совета от Орловского земства В. Э. Ромер был основателем и директором Орловского коммерческого банка.

Имение одного было обременено долгами.

О возрасте земских избранников можно судить по следующей таблице:

от 40	до 44	— 9 (26,47%)
« 45	« 49	— 5 (14,70%)
« 50	« 54	— 4 (11,76%)
« 55	« 59	— 5 (14,70%)
« 60	« 64	— 1 (2,94%)
« 65	« 69	— 6 (17,64%)
« 70	« 74	— 1 (2,94%)
« 75	« 79	— 2 (5,88%)

Возраст С. С. Климова от Рязанского земства не выяснен.

Доля лиц 60-ти лет и старше составляла 29,41%.

Все члены Гос.совета от земств были православные, из них 29 — русские, один — молдаванин и четверо — в той или иной степени обрусевшие европейцы.

22 человека (64,70%) имели высшее образование, один из них окончил два факультета. Среди них семь выпускников Петербургского университета, четыре — Московского, по одному — Киевского и Казанского университетов, Лесного и Технологического институтов и Александровского лицея, двое окончили академии, двое — европейские вузы и двое — российские, название которых не выяснено. Девять из них (26,47%) имели юридическое образование. Четверо (11,76%) имели незаконченное высшее (3—4 курса университета) и восемь человек — среднее (23,52%)

30 членов Гос.совета от земств (88,23%) имели чины; при этом:

III	класса	— 4 (в т. ч. двое придворных)
IV	«	— 10
V	«	— 4

VI	«	— 1
VII	«	— 2 (в т. ч. военный в отставке)
VIII	«	— 5 («)
IX	«	— 3
XIII	«	— 1 военный в отставке.

Пятеро из них были в придворном звании или должности.

Избранник Псковского земства был без чина. Двое были коммерц-советниками. Относительно одного не выяснено.

Что касается политической окраски избранных земствами членов Гос. совета, то она была весьма различной. Пятеро из них (14,70%) вошли в левую группу Гос.совета. Это представители Вологодской, Вятской, Костромской, Самарской и Уфимской губерний — члены кадетской партии. 21 земский избранник (61,76%) примкнули к группе центра; это 12 октябристов, а также близкие к ним по настроению. Пятеро (14,70%), избранные Калужским, Курским, Пензенским, Симбирским и Тульским земствами, присоединились к правой группе. Имена трех членов Гос.совета (8,82%) — от Орловского, Рязанского и Таврического земств — отсутствуют в групповых списках периода первой сессии: «член октябристской партии»¹⁶ С. С. Климов был болен, а В. Э. Ромер и Е. В. Рыков, как и некоторые другие члены реформированного Гос.совета, не сразу определили свои позиции.¹⁷

22 члена (22,44%) были избраны съездами землевладельцев неземских губерний. На момент избрания среди них было три губернских и один уездный предводитель, два бывших — губернский и уездный.

По социальному происхождению 21 из них — потомственные дворяне, в т. ч. пять — титулованные (2 графа и 3 барона), один — из потомственных почетных граждан.

По размерам владений (в дес.) они распределялись следующим образом:

от 501	до 1 тыс.	— 3 (13,63%)
« 1001	« 5 тыс.	— 11 (50,00%)
« 5001	« 10 тыс.	— 3 (13,63%)
« 10001	« 25 тыс.	— 4 (18,18%)
Более	25 тыс.	— 1 (4,54%)

Четверо из них владели домами (в Москве, Варшаве, Астрахани и Новочеркасске), у 12-ти были предприятия: заводы винокуренные, крахмальный, лесопильный, кирпичный, стекольный, мельницы, фабрика дубового паркета. Выделялся среди них В. П. Глебов от Ставропольской губернии, широко

поставивший производство вин, шерсти и зерна; вел он и крупную оптово-розничную торговлю винами собственных садов; вкладывал средства в нефтедобычу (Челекено-Дагестанское нефтяное общество) и угледобычу (Углепромышленное акционерное общество подмосковного района). Крупным железнодорожным дельцом был барон Л. Л. Кроненберг (от землевладельцев Царства Польского).

О возрасте их говорят следующие данные:

от 40	до 44	— 1	(4,54%)
« 45	« 49	— 3	(13,63%)
« 50	« 54	— 6	(27,27%)
« 55	« 59	— 9	(40,90%)
« 60	« 64	— 2	(9,09%)
« 70	« 74	— 1	(4,54%)

Православных среди них было только трое (13,63%): от области Войска Донского, Ставропольской и Астраханской губерний; остальные были нерусские: двое (9,09%) — лютеране от Курляндской и Лифляндской губерний, по одному — евангелическо-лютеранского (от Эстляндской) и евангелическо-реформатского (от губерний Царства Польского) вероисповеданий и 14 католиков (63,63%): пять от губерний Царства Польского и девять от Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской и Подольской губерний. Вероисповедание Л. И. Шотта от Оренбургской губернии не выяснено.

19 из них (86,36%) имели высшее образование: пять окончили Варшавский университет, четверо — Дерптский, двое — Рижский политехникум, по одному — Александровский лицей, Московский и Казанский университеты, Институт инженеров путей сообщения и Петербургский технологический; трое получили высшее образование за границей. Один имел два высших образования. Пять, получив высшее образование в России, продолжили его за границей. Трое (13,63%) были со средним образованием. Половина (11 человек) имели высшее юридическое образование.

10 из них (45,45%) были без чина: 9 поляков и немец. Среди остальных были тайный советник, три действительных статских советника, семь статских советников и подпоручик гвардии в отставке. Трое были в придворном звании.

По группам Гос.совета они распределились так: в левую вошел один, остальные — в группу центра. Определенной политической окраски из них были член ЦК кадетов В. Г. Выковский, член ЦК октябристов в 1907—1914 гг.

Глебов, член Польской национал-демократической партии С. В. Гавронский и члены Партии реальной политики Е. Е. Добецкий и И. А. Островский.¹⁸

18 членов Гос.совета (18,36%) были избраны 6—8 апреля 1906 г. на съезде выборщиков дворянских обществ губерний, где производились дворянские выборы. 10 из них были губернскими предводителями дворянства, один — уездным, а четверо — бывшими предводителями (уездными и губернскими); двое — бывшие председатели земских управ (губернской и уездной), один — бывший городской голова.

Все они потомственные дворяне, трое из них — титулованные (князья).

Все они землевладельцы и по размерам владений (в дес.) распределялись следующим образом:

от 101	до 500	— 1	(5,55%)
« 1001	« 5 тыс.	— 3	(16,66%)
« 5001	« 10 тыс.	— 8	(44,44%)
« 10001	« 25 тыс.	— 2	(11,11%)
Более	25 тыс.	— 3	(16,66%)

У одного (И. Г. Чавчавадзе) размер владения не выяснен.

Четверо сдавали некоторую часть своей земли (от 1 тыс. дес. до 6 тыс. дес.) в аренду крестьянам.

Восемь из них (44,44%) были домовладельцами (Петербурга, Москвы, Тулы, Екатеринослава, Херсона, Каховки). Восемь человек владели промышленными предприятиями (винокуренные заводы, мельницы, соляной промысел, чугунолитейный завод, картографическое заведение).

У большинства из них были многоотраслевые хорошо поставленные хозяйства. Были в их среде и разоряющиеся. Так, А. А. Нарышкин оставил после смерти в феврале 1916 г. «небольшое имение, обремененное долгами».

О возрасте дворянских избранников дают представление следующие данные:

от 40	до 44	— 3	(16,66%)
« 45	« 49	— 4	(22,22%)
« 50	« 54	— 3	(16,66%)
« 55	« 59	— 3	(16,66%)
« 60	« 64	— 1	(5,55%)
« 65	« 69	— 4	(22,22%)

Православных среди них было 17 (94,44%), в т. ч. один из обрусевших и один грузин, и один — евангелическо-лютеранского исповедания.

С высшим образованием было 12 членов (66,66%), в т. ч. восемь — с юридическим. Неполное высшее было у одного и среднее у пяти (33,33%). Высшее образование получили в Александровском лицее (1) и университетах: Петербургском (2), Московском (5), Новороссийском (1) и Харьковском (1); двое — за границей.

Все они были в чинах, при этом:

III класса	—	5 (в т. ч. трое придворных)
IV «	—	8 (в т. ч. двое в придворном звании)
V «	—	2
VII «	—	1
VIII «	—	1 военный в отставке
XIV «	—	1

С определенным партийно-политическим лицом среди них было 15 (83,33%): семь правых, шесть октябристов, один член Балтийской конституционной партии, близкой к «Союзу 17 октября», и один — определенно левый, с серьезным революционным прошлым.

По группам Гос.совета они распределились следующим образом: в левую вошел один (5,55%), в группу центра — семь (38,88%) и в правую восемь (44,44%). Двое в течение первой сессии так и не определили свои позиции.¹⁹

Шесть членов Гос.совета были избраны от православной церкви: митрополит²⁰ и два архиепископа от черного духовенства и три протоиерея — от белого. Пятеро из них происходили из духовного звания и один был сыном действительного статского советника.

У одного из них была недвижимость — дом в Харькове и дача в Харьковском уезде.

По возрасту они распределялись следующим образом:

от 40	до 44	—	1
« 50	« 54	—	2
« 55	« 59	—	1
« 65	« 69	—	2

Все с академическим образованием, один из них окончил еще и юридический факультет Петербургского университета. Среди них два доктора и два магистра богословия, два доктора церковной истории, доктор государ-

ственного права, четыре заслуженных профессора, член-корреспондент Академии наук.

Двое были во многих отношениях людьми выдающимися. Архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) родился в семье героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг., в юности был близок к Ф. М. Достоевскому и послужил прообразом Алеши Карамазова. По оценке современного исследователя, обладал «наиболее высокой духовной культурой из всех тогдашних церковных иерархов», а его сочинения предстают «как воплощение вершин богословской мысли XX века».²¹ В конце XIX в. он был ректором Московской духовной академии, а затем — Казанской.

Протоиерей Михаил Иванович Горчаков был сыном дьячка Костромской епархии, окончил Петербургскую духовную академию и одновременно университет. В 1861—1864 гг., будучи в составе причта русской церкви в Штутгарте и Вюртемберге, посещал лекции в Тюбнгенском, Гейдельбергском, Мюнхенском, Фрейбургском и др. университетах. Заслуженный профессор Петербургского университета, доктор богословия и государственного права, член-корреспондент Российской академии наук, он был лауреатом трех Уваровских премий за свои сочинения и получил шесть Уваровских золотых медалей за критические отзывы о сочинениях других.

Двое из них были ярко правой политической ориентации, третий столь же ярко — октябристской. В Гос.совете пятеро примкнули к правой, один — к группе центра.

Шесть членов Гос.совета были избраны 10 апреля 1906 г. на собрании выборщиков от университетов и Академии наук. Однако на следующий день один из них отказался.²² Поэтому в первую сессию Гос.совета данную корпорацию в нем представляли два ординарных профессора, один заслуженный и два академика. Среди них были физик, геохимик, историк и два филолога.

По происхождению трое были из дворян, один из мещан; происхождение одного не выяснено.

Двое владели землей: родовое имение в 504 дес. и родовое же, величина которого не выяснена; третий — домом в Харькове; у четвертого была невыясненная недвижимость в Петербурге.

Трое были в возрасте от 40 до 44 лет, двум было 48 и 57 лет.

Четверо были православные, один из них — малоросс. Вероисповедание пятого не выяснено.

Трое были действительными статскими советниками, двое — статскими.

Двое были ректорами университетов. Один был гласным городской думы, другой — гласным губернского и уездного собраний, третий был в начале 90-х годов XIX в. земским начальником.

Четверо были членами кадетской партии, двое из них — членами ее ЦК. В Гос.совете все вошли в левую группу.

Шесть членов Гос.совета были избраны от промышленности. По происхождению трое из них были из дворян и по одному — из купцов, крестьян и мелких чиновников.

Четверо владели землей: один — родовой (450 дес.), другой — приобретенной им и его женой (8726 дес.); размеры владений двух не выяснены. У трех были дома. Двое были пайщиками торговых домов, а один из них — еще и фабрик.

Все они были держателями ценных бумаг и занимали по несколько высокооплачиваемых должностей в различного рода правлениях, советах и комитетах. Так, годовой доход одного из них (Н. С. Авдакова) составлял в окладах и процентах «около 400 тыс. рублей в год».²³

Трое были в возрасте от 55 до 59 лет, трем другим было 42, 48 и 53.

Трое из них русские, два армянина и поляк. Все были с высшим образованием, в т. ч. один — с юридическим.

Трое были с чинами (III, V и VII классов), два других — мануфактур- и коммерции-советники.

В Гос.совете все они вошли в группу центра.

Шесть членов Гос.совета были избраны от торговли: директор-распорядитель Волжско-Камского банка, совладелец банкирского дома «Г. А. Вавельберг», председатель Нижегородского купеческого банка, два промышленника и правитель дел Рижского биржевого комитета. Такие результаты выборов вызвали недовольство в торговых кругах («вся русская торговля, внутренняя и внешняя, остались без представительства в Гос.совете») и породили жалобы и ходатайства об отмене произведенных 16 марта 1906 г. выборов. В. И. Тимирязев, бывший председателем съезда выборщиков, признал в своем объяснении, что «членами Гос.совета избраны представители крупных русских банков», но утверждал, что «крупные банковские учреждения весьма хорошо осведомлены о положении и нуждах русской торговли и промышленности». Комиссия Гос.совета умыла руки, заявив, что указ 20 февраля не возлагает на Гос.совет проверки «правильности избрания выборщиков от торговли и промышленности в отношении соответствия избранных ...лиц представительству ими в Гос.совете интересов торговли и промышленности», закон предоставляет-де торговым и промышленным организациям полную свободу избрания выборщиков.²⁴

По происхождению двое были из дворян, двое из купцов, один из почетных граждан и один был «сыном лекаря».

Трое из них были землевладельцы, четверо — домовладельцы, один — владелец большого числа различного рода промышленных предприятий, двое — пайщики торговых и промышленных товариществ.

Все они были держателями акций и занимали высокооплачиваемые должности в правлениях и советах различных обществ.

Трое были в возрасте от 50 до 54 лет, двое — от 55 до 59 и одному было 66 лет.

Трое из них были православные (русские), по одному принадлежали к евангелическо-лютеранскому исповеданию, римско-католическому (поляк) и лютеранскому (еврей).

Трое были с высшим образованием, в т. ч. один с юридическим; один — с незаконченным высшим (3 курса университета); двое — со средним.

Четверо были в чинах: IV класса (один) и V (трое). Два других — мануфактур- и коммерции-советники.

Пятеро из них были члены «Союза 17 октября», в т. ч. один — член ЦК. В Гос.совете все они вошли в группу центра.

Итак, выборная часть Гос.совета насчитывала 97 членов.²⁵ В целом она оказалась менее дворянской: удельный вес потомственных дворян составил 80,41%, в назначаемой половине — 91,83%; почти вдвое меньше было здесь титулованных — 13 (16,16%). Правда, среди выборных почти в 4 раза больше было дворянских предводителей (38 и 10), при этом не только бывших, как среди назначенных.

Существенно больше среди выборных было землевладельцев: 83 (85,56%), при этом доля крупных (более 1 тыс. дес.) была здесь заметно выше, почти в 2 раза больше было среди них и владельцев промышленных предприятий (37 против 19). Почти в 6 раз меньше среди выборных было не имеющих недвижимого имущества — 6 (6,18%).

Выборная половина оказалась много моложе назначенной: доля членов до 60-ти лет здесь составила 77,33%, а среди назначенных — 37,75%; среди последних не было членов в возрасте от 40 до 44 лет, в то время как среди выборных таких было 18 (18,55%).

Выборная половина оказалась менее русской, нежели назначенная: удельный вес православных среди назначенных составил 85,71%, а среди выборных — 73,19%; доля русских — соответственно 70,40% и 62,88%.

Уступала выборная часть назначенной и по уровню образования: члены с высшим образованием среди назначенных составляли 82,65%, среди выборных 75,25%; не было среди последних выпускников Училища правове-

дения (среди назначенных — 17), окончивших Александровский лицей только 3 (среди назначенных — 10), академий — 8 (среди назначенных — 18); меньше было среди выборных и юристов — 31 (31,95%), тогда как среди назначенных — 56 (57,14%). Правда, выпускников университетов среди выборных было больше — 43 (58,90%), тогда как среди назначенных — 34 (41,97%). Среди выборных было 8 человек (10,95%), получивших высшее образование за границей; среди назначенных таких не было.

Выборная часть Гос.совета уступала назначенной и в чинах. Среди назначенных были преимущественно чины II и III классов, IV — только один, V класса вообще не было. Среди выборных имевшие чин составляли 74,22%, при этом чинов II класса не было, III — только 11, а IV — 25 и V — 19. Уступали выборные и по удельному весу военных в своей среде — 5,1%, тогда как среди назначенных он составлял 25,51%.

И уж совсем не шли ни в какое сравнение выборные по степени близости к верхам бюрократии и трону: среди них не было ни генерал-адъютантов, ни статс-секретарей, ни придворных первого чина, был один только сенатор (среди назначенных — 39); придворных второго чина было 5 (тогда как среди назначенных — 16).

Следует, однако, подчеркнуть, что все отмеченные тут различия суть различия в степени и мере того похожего, близкого и общего, что присуще и выборным, и назначенным. Страхи и опасения власть имущих не оправдались. Наблюдая избранных членов Гос.совета на рауте 25 апреля, Половцов с удовлетворением констатировал: большинство их «против неосновательных ожиданий правительства, оказываются не революционерами, а весьма благомыслящими людьми».²⁶

Формирование политических групп

Первое заседание реформированного Гос.совета состоялось 28 апреля в здании петербургского дворянского собрания (Мариинский дворец еще перестраивался). Назначенные были в мундирах, выборные — во фраках и белых галстуках. Митрополит Петербургский и Ладожский Антоний (он же и выборный член Гос.совета) отслужил молебен, государственный секретарь зачитал указ, председатель Д. М. Сольский сказал краткую приветственную речь, члены Гос.совета принесли и подписали присягу и на этом заседание закончилось, т. к. председатель, перепуганный намерением В. А. Кугушева предложить в ответный царю адрес требование политической амнистии, поспешил его закрыть.

После заседания Сольский и вице-председатель Э. В. Фриш пригласили

в помещение президиума некоторых членов Гос.совета из числа назначенных и выборных,²⁷ чтобы назначить день следующего заседания и определить предмет обсуждения. А. А. Половцов подает это как проявление растерянности Сольского («Прения самые бестолковые, самые путаные»), Д. Н. Шипов рассказывает об этом спокойно: собравшиеся признали необходимым поставить на первую очередь вопрос об адресе и решили, по его предложению, начать с частного заседания.²⁸ Последовала серия частных совещаний, первое из которых состоялось в этот же день вечером.

На первых порах преобладало деление членов Гос.совета на выборных и назначенных. Последних настораживал и даже пугал «радикализм» требований выборных, особенно кадетов; ревниво и в то же время с ощущением превосходства отмечали они промахи выборных, их неопытность и неловкости. В среде выборных назначенные воспринимались как чиновники, не способные понять задачи переживаемого времени, как ставленники правительства; ставилось под сомнение их право участвовать в выработке адреса: не к ним-де обращался царь. Выборных возмущала старческая немощь многих назначенных, их нерешительность, привычка оглядываться на Петергоф. Кто-то из выборных винил их, бюрократов, в революции: они ее допустили и даже чуть ли не участвовали в ней. Кого-то смущало засилие среди них реакционеров.

Однако по мере того, как члены Гос.совета вынуждены были определять свою политическую позицию, деление на выборных и назначенных утрачивало значение и стусевывалось, члены Гос.совета расходились и сплачивались по политическим группам.

Произошло это уже в первую сессию (27 апреля — 10 июля 1906 г.) в ходе прений по проекту адреса в ответ на речь царя 27 апреля 1906 г. в Зимнем дворце. 3 мая была избрана особая комиссия из 18 членов, которой решили не давать никаких предварительных указаний, а передать все проекты, подготовленные отдельными группами членов Гос.совета в ходе неофициальных заседаний и совещаний. На следующий день особая комиссия представила общему собранию три проекта: большинства комиссии (13 членов), ее меньшинства (4 члена) и ее члена Д. И. Багалея.

Последний предлагал выразить царю «глубочайшую признательность за осуществление народного представительства» и высказаться за «широкое просвещение народных масс на основе всеобщего обучения», за «коренное разрешение аграрного и рабочего вопросов». Россия, по его представлению, «переходит теперь на путь свободы и права». Поэтому, настаивал он, «первым шагом» в законодательной деятельности должно стать «осуществление коренных реформ, возвещенных манифестом 17 октября, равенства

всех граждан перед законом и равноправия всех народностей, населяющих Россию, в связи с полной реорганизацией местного самоуправления на началах самодеятельности». Для «скорейшего осуществления» этих задач Гос. совет должен «работать в дружном единении» с Думой, а правительство «должно пользоваться доверием ее большинства». В заключение Багалея предлагал просить царя «о помиловании всех, кои в стремлении к скорейшему достижению политической свободы, ныне уже осуществляемой, преступили пределы, законом поставленные».²⁹

Обосновывая свой проект адреса, Багалея и товарищи его по академической группе подчеркивали, что адрес должен удовлетворять общественное мнение, что нельзя дать поводы к конфликту с Думой, ибо она выражает общенародные требования, что в адресе следует изложить взгляд Гос.совета на положение страны. Требование амнистии, утверждали они, общенародное и справедливое. Последнее потому, что преступления совершены не из корыстных или личных видов, а с идейной целью, которая теперь достигнута; идея, во имя которой боролись, восторжествовала.

Ф. Д. Самарин, один из авторов проекта меньшинства особой комиссии, находил доводы кадетов «далеко не бесспорными». Ему представлялось, что коль общественное мнение «складывается из целой совокупности факторов», в т. ч. и голоса «представительных учреждений», то Гос.совету не «подобает ставить себе заранее целью говорить в тон с предполагаемым общественным мнением, но скорее следует даже воздействовать» на него.

Давать повод к конфликтам с Думой «не желательно», соглашался Самарин, однако и ставить согласие с Думой «заранее целью, к которой, во что бы то ни стало, должен стремиться» Гос.совет, представлялось ему неправильным: это низведет Гос.совет «до подчиненного Думе учреждения», тогда как «весь смысл» его существования состоит «именно в том, чтобы посмотреть на дело с другой точки зрения, чем Дума». Он не видел оснований ожидать, что Дума «всегда и во всем будет выражать общенародные интересы».

Не мог Гос.совет, с точки зрения Самарина, и выступать «с политической программой» из-за того, прежде всего, что в нем «преобладающее политическое направление еще не достаточно выяснилось», а во-вторых, потому, что «по самой идее своей Гос.совет едва ли призван к деятельности политического свойства».

Самарину представлялось бесспорным, что всеобщее народное образование и коренное разрешение аграрного и рабочего вопросов — «государственные задачи несомненно первостепенной важности», но столь же очевидным для него было и то, что их разрешение не продвинется сколько-

нибудь, если Гос.совет «лишний раз подтвердит их важное значение, никем не подвергаемое спору, и не укажет совсем путей к их разрешению».

Что касается политической амнистии, то Самарин усомнился в общенародном характере ее требования: «Есть полное основание утверждать, что требование это имеет характер партийный. Может быть, на нем сходятся несколько партий, но все же не весь русский народ».

Ссылаясь на историю (14 декабря 1825 г., 4 апреля 1866 г., 1 марта 1881 г.), Самарин поставил под сомнение утверждение о том, будто «деятельность так называемых борцов за свободу действительно способствовала введению в наш государственный строй либеральных учреждений». Он обратил внимание на то, что «убийцы и метатели бомб» не считают в настоящее время свою цель достигнутой, что «их цели идут гораздо дальше введения у нас конституционной монархии и что представительные учреждения для них являются лишь орудием, которым они надеются воспользоваться в своих видах». Не без язвительности напомнил он защитникам конституционных учреждений, как они «всегда доказывали, что эти учреждения именно для того и нужны, чтобы не дать восторжествовать идеям крайних партий». «Ясно, — заключал Самарин, — что лица, совершающие у нас политические преступления, ведут борьбу вовсе не за те начала, которые осуществлены в учреждениях, открытых 27 апреля, и потому нет никакого основания давать этим людям помилование по случаю открытия Государственной Думы».

Другие преступления (по религиозным мотивам и т. н. «аграрные») и вовсе не стоят, по мнению Самарина, «ни в какой решительно связи с принципами народного представительства» и переходом России «на путь права и свободы». К тому же, напоминал он, «амнистия по преступлениям против веры уже последовала по издании манифеста 17 октября 1905 г.».

Жалобы на незакономерность действий правительства Самарин парировал указанием на то, что закон об усиленной охране не отменялся, а военное положение предусматривается действующим законом. К тому же, имели место совершенно исключительные обстоятельства, когда «нельзя требовать, чтобы власть не уклонялась от закона». Вопрос только в «целесообразности и справедливости меры», — утверждал он.

Самарин полагал, что амнистия приведет не к умиротворению, а «к продолжению революции», ибо «оскорбит всех мирных жителей», у власти опустятся руки, и средства, употреблявшиеся для борьбы с самодержавием, будут направлены против Гос.совета, системы выборов, монархической власти — в итоге «будет подорвана прочность дарованных установлений».

«Не высказывая осуждения революционному движению и вместе с тем ходатайствуя о помиловании некоторых его участников, — предупреждал в

заклучение Самарин, — Гос.совет примкнет к той волне, которая несется теперь с целью опрокинуть весь существующий строй».³⁰

В проекте адреса четырех правых членов особой комиссии выражалась верноподданническая благодарность «за милостивое приветственное слово» царя, предуказавшего путь, которого «должны держаться» законодательные установления. Гос.совет, по их мысли, должен поставить себе «священным долгом всемерно охранять непоколебимость Верховной Самодержавной власти». Лишь при этом условии, подчеркивалось в проекте, деятельность Думы и Гос.совета может «заслужить доверие великого русского народа» и принесет «благие плоды».

Заверялось далее, что Гос.совет «сознает первостепенную важность» поставленных царем задач — «выяснить нужды крестьянства и двинуть вперед дело просвещения народа и развития его благосостояния»: «сильное духом и прочно обеспеченное в своем хозяйственном быту крестьянство явится твердою основою нашего государственного строя и общественного быта».

«Залог возрождения и действительной силы» общества правые усматривали «в духовном единении с народом, в усвоении его заветных чаяний и основных христианских начал».

Правые солидаризировались с мыслью царя «о значении порядка для духовного величия и благоденствия государства»: переживаемые события показали им «со всей очевидностью ...невозможность плодотворной созидательной работы при отсутствии строгого, на законе основанного и охраняемого твердою властью, порядка».

Осудив революцию как антинародную и антирусскую, правые заключали о необходимости «власти закономерной и твердой, власти, действующей без колебаний».³¹

Проект большинства особой комиссии отличался обилием верноподданнической лексики и высоким стилем по адресу «нового строя». То же лавирование характеризовало и содержательную часть адреса (правда, с некоторым уклоном к кадетам). С одной стороны, та же, что и у правых, «верноподданническая благодарность за милостивое приветственное слово» царя и готовность держаться пути, им указанного; «глубокое негодование к непрекращающимся злодеяниям, совершаемым в увлечении политической борьбою». С другой — «прямодушное стремление к взаимодействию» с Думой ради широкого, «на началах всеобщего обучения», просвещения народа, твердой охраны «его прав и дарованной свободы», всестороннего развития «производительных сил страны», подъема «благосостояния всех

слоев населения», распространения самоуправления «при справедливом уважении к особенностям племен и народностей».

«Во внимание к чрезвычайной важности переживаемого времени» большинство особой комиссии предлагало просить царя об амнистии тех, которые «в неудержимом стремлении к скорейшему достижению желанной свободы нарушили грани, законом поставленные, но не посягнули при этом на чужую жизнь и имущество, а также не вовлекли в эти преступления людей неразвитых и слабых». ³²

В ходе обсуждения проектов адреса прения развернулись, главным образом, по вопросу об амнистии. Багaley, В. И. Вернадский и А. А. Шахматов ратовали за полную амнистию. Принципиально против были правые: помилование составляет прерогативу монарха и Гос.совет не вправе касаться этого вопроса; к ним присоединился С. Ю. Витте. Сторонники проекта большинства особой комиссии, соглашаясь, что помилование прерогатива царя, полагали тем не менее, что это «не исключает» права Гос.совета «печаловаться и бить челом пред его величеством». Амнистия представлялась им желательной «для успокоения государства». Наконец, они ссылались на «пожелания» и даже «поручения» своих избирателей «ходатайствовать пред государем о помиловании».

5 мая состоялось голосование. Проект меньшинства комиссии, составленный Самариным и получивший одобрение в частных совещаниях правых членов Гос.совета, получил 47 голосов. Проект большинства собрал 92 голоса, 47 были против, 9 воздержались.

При постатейном его рассмотрении Самарин предложил поправку, смысл которой в том, чтобы распространить амнистию и на «монархистов, увлекшихся защитой своих убеждений до нарушения законного порядка». Баллотировка поправки проходила «в форме переключки всех присутствующих». За нее высказались 88, а 48 были против. ³³

Результаты этих первых баллотировок в реформированном Гос.совете интересны в двух отношениях. Во-первых, они дают представление о соотношении сил в Гос.совете: из 148 принявших участие в голосовании 92 — это будущая группа центра (62,16%), 47 — правые (31,75%), а 9 — академическая группа (6,08%). Во-вторых, они свидетельствуют о «качестве» групп: правая и академическая группы — это сплоченные объединения единомышленников, центр — аморфен, в нем много колеблющихся: 47 правых и 9 левых не видели причин скрывать свои взгляды и приняли участие в голосовании по поправке (первые — за, вторые — против); 12 из 92 не решились открыто выступить против поправки и зал покинули, 41 качнулись в сторо-

ну правых и проголосовали за поправку и только 39 из 92 голосовали против поправки.

Половцов объясняет требование «либералов» баллотировать «в форме переключки всех присутствующих» желанием «запугать баллотирующих».³⁴ Если это действительно так, то «либералы» просчитались: будь голосование тайное, результат был бы тот, что и по проекту Самарина; в этом же случае многие, особенно назначенные, спасовали открыто заявить себя «либералами».

Кристаллизующийся центр, в т. ч. и члены по назначению, был за амнистию. «Несомненно амнистия будет, — считал А. Н. Куломзин, — вопрос лишь о размере».³⁵ Однако сказывается привычка оглядываться на Петергоф: по слухам, царь ни на какую амнистию не соглашался, и многие члены по назначению «начинают раскаиваться в том, что не вотировали за проект Самарина и Нарышкина».³⁶

Шипов такой результат находил «совершенно неожиданным и трудно объяснимым». Он допускал, что «некоторые ...не считали удобным высказаться открыто отрицательно по вопросу об амнистии, но в то же время они не относились к нему с искренним сочувствием и вследствие этого вотировали за поправку». Допускал он и влияние на «недостаточно устойчивых в своих взглядах» членов Гос.совета «резких прений, происходивших в предшествующий день в Гос. думе»: они «были возмущены характером и тоном принятого Гос. думой текста адреса».³⁷

Наметившиеся группы закрепились в ходе дальнейшей деятельности Гос.совета. Кроме обсуждения проектов адреса, в первую сессию было сформировано пять комиссий, заслушан доклад одной из них (по проверке полномочий членов по выборам) и по ее заключениям отвергнуты все жалобы, постатейно рассмотрен проект Наказа, обсуждены два поступивших из Думы законопроекта. Первый из них — об отмене смертной казни — был передан в особую комиссию, которая так и не успела закончить работу. Второй — об ассигновании чрезвычайным сверхсметным кредитом 15 миллионов рублей на расходы в течение июля 1906 г. по удовлетворению семенной и продовольственной нужды населения пострадавших от неурожая губерний³⁸ — Гос.совет принял и тем самым нанес серьезный удар по престижу правительства Горемыкина.

Октябристскому настроению в обществе импонировало большинство Гос.совета. Так, А. П. Извольский, тогда министр иностранных дел, много позднее вспоминая время первой сессии, писал: Гос.совет «не только демонстрировал большую независимость и глубокое понимание вопросов, но ...горячо оппонировал проектам кабинета Горемыкина».³⁹

Кадеты были решительно настроены ликвидировать Гос.совет, добиваясь превращения его в административный совет при монархе из одних назначенных или в верхнюю палату, целиком состоящую из выборных. Несколькими смягчила их солидарность большинства Гос.совета с думской ассигновкой 15 миллионов рублей голодающим. Кадеты увидели в этом «активное участие в борьбе народного представительства против министерства» и, допуская, что Совет руководствовался «расчетом собственной безопасности», находили этот шаг его «политически правильным и умелым». ⁴⁰

С точки зрения правых, наоборот, это — «срам и прямая подлость». Они находили у Горемыкина немало достоинств: честен, знает крестьянское дело, «не эквилибрист, не строкулист, не «доверист» и не государственный саврас без узды». Поэтому была надежда, что «он с помощью Божьей внесет добросовестный труд и добро». Одно лишь вызывало досаду, что «он не подпишется, как писали встарь, «рука властная моя»». А надо бы, ибо «когда загорается здание от строительных ошибок, нечего рассуждать и разводить бобы, нужно умеючи пустить такой столб сногшибательной ледяной воды, которая бы охладила разгоряченное здание и разгоряченные головы подливающих масло в огонь!». ⁴¹

На распределении членов Гос.совета по группам сказались и вопросы, которые в повестке его заседаний не значились, но остро стояли в обществе. Правых и центр разделило отношение к «новому строю» и Думе. Центр и левую — взгляд на Гос.совет. И всех их — аграрный вопрос. ⁴²

Образовавшиеся в Гос.совете три политические группы отразили, как справедливо заметил А. Д. Степанский, кристаллизацию основных направлений в контрреволюционном лагере: правое, октябристское и кадетское. ⁴³

Академическая группа

Первыми заявили о себе кадеты: вечером 28 апреля в частном совещании выборных, по преимуществу, членов они предложили включить в адрес требование амнистии. Им не понадобилось время, чтобы сорганизоваться: 9 членов кадетской партии, в т. ч. член ЦК, с первого дня своего пребывания в Гос.совете стали работать в духе программы своей партии и под руководством ее ЦК. Уже 30 апреля в частном заседании всех членов Гос.совета в Мариинском дворце Д. И. Багaley формулирует (по словам Половцова, «бездарно и бестолково») основные положения кадетского проекта адреса. ⁴⁴ В письме от 1 мая констатировалось: «в Гос.совете составила небольшая по количеству, но внушительная по качеству группа, взявшая на себя поддер-

живать» план борьбы кадетов с правительством Горемыкина.⁴⁵ Решение выделиться в особую группу созревает у кадетов в результате частного совещания «прогрессивных» членов, выборных и назначенных, 2 мая.⁴⁶

6 мая В. И. Вернадский, докладывая в заседании ЦК о положении «фракции партии» в Гос.совете, сообщил ее состав («11 наших, из коих 1 сомнит[ельный] и 3 близких, + 2 из назнач[енных]») и охарактеризовал настроение («желание бежать»). Последнее было обусловлено ощущением бессилия перед большинством, которое не понимало, как представлялось кадетам, происходящего и не имело в своей среде сильных людей, но было сильно «своей косностью и непонятливостью»⁴⁷; с другой стороны, сами кадеты воспринимались этим большинством «просто какими-то анархистами». Однако ЦК находил, что бежать из Совета они «не смеют».⁴⁸ Было решено устроить 7 мая совместное с членами фракции заседание ЦК и, по предложению Вернадского, в состав ЦК кооптировали членов Гос.совета А. А. Шахматова и Г. В. Выковского.

В заседании ЦК 7 мая присутствовали «по особому приглашению» члены Гос.совета – кадеты Багaley, И. И. Боргман, Выковский, А. С. Лаппо-Данилевский, Шахматов и Л. В. Юмашев. В результате «обмена взглядов» их выход из Гос.совета был поставлен в зависимость от согласия ЦК, а также определена линия поведения фракции: «удерживаться от осуществления инициативы внесения законопроектов» в Гос.совет, «но в интерпеляциях, если они соответствуют принципам и целям партии», принимать участие; в частных собраниях членов Гос.совета «участвовать и против них протестовать, а затем содействовать опубликованию всего в них происходящего»; были признаны «допустимыми» междупартийные и межгрупповые совещания.⁴⁹

Такая установка была связана с расчетами партии добиться или ликвидации Гос.совета, или его реформы.⁵⁰

Из названных Вернадским в заседании ЦК «11 наших» пять членов Гос.совета от Академии наук и университетов⁵¹, пять — от земских собраний Вологодской, Вятской, Костромской, Самарской и Уфимской губерний и один — от съезда землевладельцев Могилевской губернии; «3 близких» — это И. Г. Чавчавадзе (от дворянских обществ), И. Г. Каменский (от Пермского земства) и А. В. Баулин (от торговли); два последних, однако, скоро перешли в группу центра⁵²; «2 назначенных» — это, надо полагать, Д. Ф. Кобеко и А. Н. Куломзин. Имени первого нет в списках членов группы центра вплоть до его исключения из числа присутствующих членов Гос.совета в декабре 1907 г., при этом молва связывала этот перевод в неприсутствующие как раз с тем, что он будто бы часто голосовал с левыми⁵³; известно также,

что Никодай II был против него сильно раздражен⁵⁴; наконец, характеризуемый как человек «большого лицемерия»⁵⁵, он вполне мог позволить себе позицию «тайнобрачного».⁵⁶ Что касается Куломзина, то он разделял, как это видно из его писем к сыну от 30 апреля и 7 мая 1906 г., некоторые взгляды кадетов⁵⁷ (однако с 12 мая он не бывал в Гос.совете, т. к. был уволен Николаем II на 4 месяца в отпуск).

Таким образом, к концу первой сессии в академической группе было 12 человек.

По происхождению 10 из них были потомственные дворяне (в т. ч. два князя) и один из мещан; происхождение одного не выяснено. Один был уездным предводителем дворянства и совмещал эту должность с обязанностями члена Гос.совета. Двое прежде работали земскими начальниками. Семь имели опыт работы в местном самоуправлении — городском или земском — в качестве гласных, городского головы, председателей уездных и губернских управ.

У одного не было недвижимого имущества, у двух были дома, девять человек были землевладельцами. По размерам владений (в дес.) они распределялись так:

от 101	до 500	— 1
« 501	« 1 тыс.	— 2
« 1001	« 5 тыс.	— 3

Не выяснен размер владения у трех.

По возрасту они распределялись следующим образом:

от 40	до 44 лет	— 7
« 45	« 49 «	— 2
« 50	« 54 «	— 1
« 55	« 59 «	— 1
« 65	« 69 «	— 1

Десять членов академической группы были православные, в т. ч. малоросс и грузин; один католик (поляк); вероисповедание одного не выяснено.

Девять человек имели высшее образование: историк, физик, геохимик, юрист, два филолога, медик, лесовод; среди них два академика, четыре ординарных и два заслуженных профессора. У трех было незаконченное высшее образование.

Трое имели чин IV класса, трое — V, двое — VII (один из них военный в отставке), двое — VIII и по одному — IX и XIV.

Многие из них стали кадетами, подобно Вернадскому, «незаметно жизненно через братство, Союз освобождения, земскую дружескую среду. ...незаметно бытовым путем».⁵⁸

У двух членов группы было революционное прошлое: Чавчавадзе, возглавлявший в годы учебы в столице революционный кружок своих земляков, был исключен из университета в 1861 г. за участие в студенческих волнениях; В. А. Кугушев студентом привлекался по делу Г. А. Лопатина, в 1887 г. арестовывался по делу группы «Освобождение труда», в 1902 г. был арестован по подозрению в участии в Уральском союзе, провел полтора года в предварительном заключении и был сослан в Олонецкую губернию, откуда бежал; легализовался лишь по манифесту 17 октября; был близок к РСДРП и оказывал ей денежную помощь.⁵⁹

Уволен был «за политическую неблагонадежность» с III курса Петербургского технологического института Юмашев, племянник Н. В. Чайковского. Левее кадетов был, надо полагать, и В. А. Кудрявый, еще в 1888 г. подвергавшийся аресту за антиправительственную деятельность и сосланный в Вологодскую губернию. В октябре 1905 г. имел непосредственное отношение к созданию в Вологде «Союза охраны» и его вооружению, за что был предан суду. Его сын, С. В. Кудрявый, член РСДРП с 1904 г., был в 1906 г. арестован и приговорен к двум годам заключения в крепости.

По тактическим соображениям группа не только не подчеркивала свой кадетский характер, но старалась его завуалировать, именуясь «академической».

В третьеиюньский период группа потускнела, потеряв ту ярко выраженную кадетскую окраску, что имела вначале; стала разномастной в политическом отношении, да и по личному составу оказалась менее яркой.

По своей малочисленности не играла самостоятельной роли (см. табл. 12). По справедливому замечанию корреспондента «Нового времени», ее участие в работе Гос.совета сводилось «к более или менее громким, более или менее поучительным речам».⁶⁰

С левыми часто голосовали представитель Орловского земства М. А. Стахович и т. н. «тайнобрачные», скрывавшие свою связь с группой из страха быть переведенными в неприсутствующие. Но и с примыкающими левые были «импотентны, так как для кворума подать проект, или что-либо» не хватало подписей. «И мы, — продолжал И. Х. Озеров в своих воспоминаниях (написанных, правда, в советское время), — так и болтались там: кто ради честолюбия, кто ради получения 25 рублей суточных во время сессии».⁶¹

В начале 1913 г. группа переименовалась в «прогрессивную». Объясня-

лось это тем, что группа более, чем наполовину, состояла из представителей земств. Настоящая причина заключалась, скорее, в желании привлечь новых членов. Однако надежды эти не оправдались. Лишь в условиях войны усиление буржуазной оппозиции привело к резкому увеличению удельного веса группы — до 10,82%: тогда, в августе-октябре 1915 г., выборы дали 9 «левых» членов Гос.совета.

Группа правых

Почти одновременно с академической формируется группа правых. 29 апреля граф К. И. Пален и А. А. Половцов собрали в Мариинском дворце «около 30» членов, в основном выборных. Здесь П. Н. Дурново «обстоятельной и длинной речью» о пагубных последствиях амнистии склонил большинство присутствующих на свою сторону.⁶²

Частное заседание всех членов Гос.совета в Мариинском дворце 30 апреля, где «большинство Фриша не захотели» председателем и выбрали князя П. Н. Трубецкого, где правым пришлось возражать и кадетам, и Н. С. Таганцеву, попытавшемуся сформулировать позицию большинства собравшихся, и Д. Н. Шипову, предложившему ходатайствовать об изменении основных законов и об избрании министров из среды господствующего в Гос. думе большинства, побудило правых активизироваться.⁶³

В таком же совещании членов Гос.совета на следующий день «блестящая, полная не только таланта, но [и] глубокого, горячего патриотического чувства речь Самарина, отвергающего мысль об амнистии», прерывается и заканчивается «аплодисментами и одобрительными возгласами слушателей».⁶⁴ Вечером 2 мая противники амнистии собрались на квартире С. С. Гончарова, засиделись «до второго часа ночи».⁶⁵ Днем, 4 мая, перед официальным заседанием Гос.совета, «члены-консерваторы» собрались у Половцова, обсуждали и одобрили проект адреса, составленный Ф. Д. Самаринным.

Баллотировка по проектам адреса показала их удельный вес: за проект Самарина было подано 47 голосов.⁶⁶

12 мая, вечером, на заседании правых у Гончарова было решено «избрать бюро, долженствующее на будущее время следить за тем, что говорят в Думе и сообразно с этим направлять занятия членов группы».⁶⁷

К концу первой сессии, на 10 июля 1906 г., в группе правых было 43 члена. Из них 28 назначенных и 15 по выбору⁶⁸ от дворянских обществ (8), белого духовенства (2) и земских собраний Калужской, Курской, Пензенской, Симбирской и Тульской губерний.

По социальному происхождению 40 из них были потомственные дворяне (93,02%), в т. ч. девять (22,5%) титулованные: два князя, шесть графов и барон. Среди них было десять бывших дворянских предводителей и пять совмещали обязанности предводителя с пребыванием в Гос.совете.

11 из правых не имели недвижимого имущества (25,58%), один имел дом и дачу, а 31 владели землей (72,09%). По размерам владений (в дес.) последние распределялись следующим образом:

от	101	до	500	—	1	(3,22%)
«	501	«	1 тыс.	—	3	(9,67%)
«	1001	«	5 тыс.	—	11	(35,48%)
«	5001	«	10 тыс.	—	8	(25,80%)
«	10001	«	25 тыс.	—	1	(3,22%)
Более			25 тыс.	—	5	(16,12%)

У двух размер владения не выяснен (6,45%).

Среди членов-землевладельцев 14 имели промышленные предприятия: заводы винокуренные (12), лесопильные (3), спиртоочистительные (2), масло-молочный, черепичный, кирпичный, чугунолитейный, сталеплавильный, мельницы паровые (4) и водяные (2), текстильные фабрики, добыча соли, меди, железа, золота; десять были домовладельцами Петербурга, Москвы, Тулы, Екатеринослава; двое держали крупную торговлю: один — хлебом, другой — винами; четверо сдавали значительную часть своей земли в аренду крестьянам; у двух были майораты.

Среди этой части правых Гос.совета были крупнейшие земле- и домовладельцы империи. Были и средней руки помещики, были и обремененные долгами и жившие исключительно на жалование.

По возрасту правые распределялись так:

от	40	до	44 лет	—	3	} 22 (51,16%)
«	45	«	49 «	—	2	
«	50	«	54 «	—	4	
«	55	«	59 «	—	13	
«	60	«	64 «	—	8	} 21 (48,83%)
«	65	«	69 «	—	5	
«	70	«	74 «	—	4	
«	75	«	79 «	—	4	

Православные среди правых составляли 88,37% (38 человек), из них двое — из обрусевших европейцев; трое были лютеранского вероисповедания, двое — евангелическо-лютеранского.

С высшим образованием среди правых было 30 человек (69,76%), в т. ч. 18 — с юридическим; среди них магистр, три профессора. Один имел незаконченное высшее, 11 — среднее и один — домашнее (он же почетный член Академии наук).

17 членов правой группы (5 гражданских, 10 военных и 2 придворных) имели чин II класса, 15 (7, 1 и 7) — III класса, трое — IV класса, трое — V, один — VII, один военный в отставке — VIII, один военный в запасе — XIII; двое были в придворном звании. Таким образом, чины II — IV классов составляли 85,36% (35 из 41 с чинами; двое от духовенства были протоиереями), из них 15 были гражданские, 11 — военные, 9 — придворные. Среди назначенных членов правой группы было восемь генерал-адъютантов, четыре статс-секретаря, девять сенаторов (один сенатор был среди выборных членов группы).

Все члены группы были, разумеется, правой ориентации. Более конкретно об их политических пристрастиях говорят следующие данные: 17 из них были членами Русского собрания, трое входили в Кружок дворян, верных присяге, а двое — в Кружок москвичей, один имел непосредственное отношение к деятельности Союза Русского Народа, двое были в числе организаторов Отечественного союза, 13 принимали деятельное участие в работе I съезда объединенного дворянства, из них двое были избраны товарищами председателя Постоянного совета и двое — членами последнего.

Программного документа у правой группы не было⁶⁹, ее членов спланивали ясное понимание своих интересов, трезвая оценка положения, вполне определенная позиция по всем вопросам общественной и государственной жизни и воля ее отстаивать.

Прежде всего, правых характеризовало неприятие революции, отрицание ее как абсолютного зла. Она была воспринята как непосредственная угроза. «Дело идет о нашем достоянии, без всякого сомнения, ...о наших головах, быть может; я бы и этому не удивился! — писал граф С. Д. Шереметев. — ...Все это, вся эта улица, вся эта гуца у власти! С правом располагать нашим достоянием, нашею историей, нашею кровью, всем, что нам дорого! Это ужасно и это при дверях, это завтра! Завтра мы услышим требования, касающиеся прав нашей собственности, завтра мы принуждены будем все продать под тяжестью прогрессирующих налогов, завтра мы потерять можем все, обреченные пожалуй на исход зарубежный».⁷⁰

С революцией правые связывали современные беды России. «Тяжелая смута, — писали они в проекте всеподданнейшего адреса, — расшатала умы, остановила правильное течение государственной и народной жизни, подо-

рвала народное благосостояние и явилась существенной помехой в недавно окончившейся борьбе с внешним врагом.⁷¹

Торжество революции, полагал Л. А. Тихомиров, означало гибель национальной России: с банкротством русской идеи, «устраивать государство на пространстве Русской империи» будет кто угодно — «поляки, немцы, татары, или даже евреи», — но «только не русские», которые должны будут «отказаться от господства» и перейти «на роль народности подчиненной».⁷²

Надежду на компромисс, которую до 17 октября 1905 г. питали даже в правительственных верхах,⁷³ правые в 1906 г. оставляют, все более отдавая предпочтение идее «беспощадного подавления».⁷⁴ Приходило понимание, и в этом отношении правые опережали представителей власти, что революция «не только в своих крайних проявлениях, но и в умеренных, так называемых либеральных, отрицала не частности строения, а самую *строящую силу*, требовала от нее не тех или иных мер, а того, чтобы она — устранила самую себя, отдала Россию им». «Но на такой почве, — следовал естественный вывод, — возможна только борьба, полное торжество победителя, полное уничтожение побежденного».⁷⁵ Осознавалось и то, что «революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти — состоит в ощущении властью своего собственного бессилия».⁷⁶

Опыт 1905 г. убеждал их, что «усмирить ярость бунта либеральнейшими реформами» нельзя: чем более старалось правительство «подладиться под требования так называемого общественного мнения, тем сильнее разгорались страсти, тем неистовее действовала крамола».⁷⁷ «Революционные вспышки, — заключали правые, — укротить нравственным воздействием нельзя, их можно подавить силой».⁷⁸ Отсюда проходящая через всю деятельность правой группы забота о сохранении и укреплении этой силы и борьба со всем, что так или иначе было способно хотя бы в малой мере ее ослабить. Главный предмет их забот — самодержавие; оно, в глазах правых, по-прежнему оставалось «палладиумом» России. Разумеется, далеко не каждый монархист, даже и среди правых Гос.совета, имел целостное мировоззрение и мог, подобно Тихомирову, развернуто обосновать подобную оценку самодержавия. Не приходится, однако, сомневаться, что авторитетный и весьма популярный в правых кругах, особенно с 1905 г., редактор «Московских Ведомостей» изложил их общий взгляд.

Согласно ему, монархия, вследствие «природных» своих преимуществ, «составляла до сих пор обычную норму государственной жизни человечества», и «величайшие эпохи национального творчества, в большинстве случаев, отмечаются именами монархов». В русской истории роль монархии

особенно велика: здесь народ создал «свою особую концепцию государственности, которая ставит выше всего ...начало этическое»; здесь монархия «родилась с нацией» как выразительница нравственного ее идеала, «много веков вела народ к развитию и преуспеянию, ко всемирной роли, и первой роли среди народов земных»; здесь монархия жила с народом, росла с ним, «возвеличивалась, падала, находила пути общего воскресения, и во всех исторических задачах стояла неизменно во главе национальной жизни».

Что касается событий в «современной России» (а писалось это в 1905 г.), то они «не только не упраздняют самодержавие, а напротив — требуют его. Чем сложнее внутренние отношения и споры в Империи, среди ее 70 племен, множества вер и неверия, борьбы экономических, классовых и всяких прочих интересов — тем необходимее выдвигается единоличная власть, которая подходит к решению этих споров с точки зрения этической. По самой природе социального мира, лишь этическое начало может быть признано одинаково всеми, как высшее. Люди не уступают своего интереса чужому, но принуждены умолкнуть перед требованиями этического начала».⁷⁹

Относительно манифеста 17 октября 1905 г. правые нисколько не заблуждались. «Манифест от 17-го окт[ября] об отречении от Самодержавия Николая II», — записал 18 октября в памятной книжке В. В. фон Валь.⁸⁰ «Итак, у нас Конституция!» — вторил А. А. Киреев.⁸¹ Многие из них воспринимали это как крушение России и личное горе. «Вот когда настала настоящая беда, — жаловалась вдова Д. С. Сипягина своему зятю. — Это теперь, с 17 окт[ября], с манифеста Государя. Теперь нет больше просвета, разве что народ сам не захочет не иметь более самодержавного царя. Я так страдаю теперь, что мочи моей нет. Потеря любимого человека ничтожна в сравнении этого ада, чувство, которым я полна. ...Я не могу более получать свою пенсию, которая мне дается в память человека, который жизнь свою положил за Самодержавное царствование и правление, и для этого мне приходится продавать Клусово».⁸² Шереметев, разделяя негодование и скорбь А. П. Сипягиной, писал: «Да, удар нанесен непоправимый русскому началу. Это полное торжество западных учений, навязываемое ныне России помимо и наперекор её многомиллионному населению, коренному Русскому, на которое, можно сказать, плюнули! ...Только нерусские могли на это решиться.»⁸³

Манифест был воспринят правыми как антинациональный акт. «Манифест 17 октября и последующие указы, — заключал один из видных правых публицистов, — широко раскрыли двери [Думы] всем слоям, наиболее враждебным русской исторической государственности».⁸⁴

Что касается причин, то уже в первые дни после издания манифеста

правые не сомневались, что он результат испуга и растерянности вел. князя Николая Николаевича и слабости царя. При этом их удивляло, до какой степени этот страх «был малооснователен»: у Дубасова в Москве было 9 тыс. войска, в то время как гарнизон в Петербурге имел 25 тыс. и «крепость, могущую обстреливать любую местность, и прямые широкие улицы».⁸⁵ Скоро правые приходят к окончательному выводу: «17 октября есть плод мощенничества (Витте и Ушаков), испуга (В. К. Никол[ай] Ник[олаевич]) и растерянности (царь)».⁸⁶

С точки зрения борьбы с революцией, манифест 17 октября представлялся правым «бессмысленным»⁸⁷: в их среде крепло убеждение, что октябрьская забастовка «закончилась *вне всякой зависимости* от манифеста».⁸⁸ Легкость роспуска первых Дум утвердила правых на мысли, что «17 октября оказалось пустым делом».⁸⁹ Более того: манифест, заключали они, усугубил ситуацию, ибо «смута не только не улеглась после него, но значительно усилилась и ясно доказала», что Витте «ошибся относительно причин этой смуты и искал поддержки там, где не мог её найти».⁹⁰ В октябре 1906 г. Самарин, будучи принят царём в связи с предложением ему поста обер-прокурора Синода, заявил, что «не считает возможным примирить укрощение революционного движения единовременно с применением основ 17 октября».⁹¹

Правые не считали дело окончательно проигранным. Ими была подчеркнута недоговорённость самого манифеста. «Всё же, — утешал Шереметев Сипягину, — в последнем акте нет полного признания нового принципа и оставлены лазейки (и это неблагородно)».⁹² Скоро стало ясно, что и «царю этот проклятый акт не люб» и он не прочь его аннулировать.⁹³ Естественно возникает мысль о противодействии манифесту: «Я постараюсь выяснить дело! — суетился Киреев. — Можно ли опереться на нетронутые еще силы народа, на так называемую «чёрную сотню», которая совсем не толпа русских *bravi*, а — русский народ».⁹⁴

4 ноября 1905 г. представители «разных патриотических, русских групп и союзов» собрались по приглашению Самарина на московской квартире В. Н. Ознобишина и относительно манифеста 17 октября пришли к выводу, что он «вынужденный, стало быть значения не имеет, как не имеет значения, например, вексель, подписанный под дулом пистолета».⁹⁵

17 января 1906 г. 24 члена Кружка москвичей, из которых семеро станут вскоре членами реформированного Гос.совета, подписали «Отзыв на обращение «Русского Собрания» к единомышленным партиям, союзам и русскому народу. По поводу манифеста 17 октября».⁹⁶ Манифест здесь трактовался как «свободный акт воли самодержца», пожелавшего «приобщить

Государственную думу к законодательной власти». При этом подчеркивалось: «Этим еще не введена у нас конституционная форма правления», ибо в России нет силы, которая «могла бы и желала бы ограничить царскую власть», а народ «по-прежнему верит только царю и вовсе не стремится умалять полноту Его власти». Чтобы манифест не превращался в обязательство царя, не следует, предупреждали «москвичи», ни в коем случае «закреплять этот акт каким бы то ни было торжественным обещанием или присягою»: народ это поймёт как «упразднение царской власти»; нельзя перерабатывать и основные законы.

Царь и на этот раз не оправдал надежд правых: была проведена реформа Гос.совета, издана новая редакция основных законов — «новый строй» стал фактом.

Реакция правых на эти события была негативной. По мнению К. Н. Пасхалова, учреждение Думы, с её «огромною законодательною компетенциею и совершенно безграничною свободою действий и выражений», с её «непрерывно настойчивой» борьбой за власть (третья Дума, в этом отношении, ничуть не лучше первой и второй), поколебало самодержавие и поставило «страну в положение, очень близкое к окончательной гибели».⁹⁷ «Дума как плюс», итожил «Гражданин» князя В. П. Мещерского, не дала «почти ничего», а «как минус» — «умаление православной церкви, умаление самодержавия, умаление достоинства русского народа, возбуждение против Царя и России всех инородцев, восхваление и ободрение всех врагов царя, власти, порядка».⁹⁸ Особенно удручало то, что Дума «мешает ходу законодательных дел и ограничивает законодательную Самодержавную власть», не пропуская нужных законов. Такое положение, предупреждал Мещерский, опасно: неизбежна «глубокая смута от сознания слабеющей в борьбе с чуждой народу Гос.думой Верховной власти».⁹⁹ В конце января 1908 г. московское дворянство в адресе, принятом по инициативе братьев Самариных 198 голосами против 122, «громко заявило, что оно держится старых понятий и вовсе не считает вопрос о политическом строе Русского Государства окончательно решенным».¹⁰⁰

Пугала перспектива неизбежного развития «нового строя» в настоящий парламентский режим. «Для меня, — записывал Киреев, — положение дел становится яснее дня. I. Парламент с решительным голосом (сначала из консервативных элементов). II акт. Избирательный ценз постоянно понижается. III. Ценз = 0 (всеобщая подача голосов); в парламенте царствует улица (и адвокаты). IV. При парламентском режиме голос большинства под конец становится не только юридически-суверенным, безусловно-обязательным, но (за неимением никакого установленного противовеса) распространяет свою

власть на всё и вся. Он становится обязательным нравственно. Этика заменяется правом. Вот, как только этот перелом совершится, так государство и идёт к уничтожению».¹⁰¹

«При нашем умственном уровне, при наших недисциплинированных нравах и нервах, — делился тревогой и Мещерский, — кто может поручиться за то, что выход из нынешнего нескладного положения, посредством перехода к конституции, не только не явится выходом, но приведёт к ещё более безвыходному».¹⁰² Правые «предрекали, — вспоминал позднее В. А. Маклаков, — что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей все позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма».¹⁰³ Не случайно, правая группа Гос.совета в заседании 17 июня 1906 г. единодушно высказалась против «дальнейшего развития конституционных учреждений».¹⁰⁴

Вместе с тем и возвращаться к «старому режиму» правые не собирались. «Ставить просто задачей её (конституции. — А.Б.) отмену, — полагал Самарин, — очевидно, немыслимо: это никого не удовлетворило бы да и ничего не разрешило бы».¹⁰⁵ Понимание невозможности и нецелесообразности возвращения к дореволюционному строю, как и неприятие парламентского, было, по-видимому, общим для правых. Проблема была в другом — «что предложить теперь взамен?». «Можно предложить решение частных задач, стоящих на очереди, — признавался Самарин, — но указать общее направление нашей политики, выяснить основные начала, на которых она теперь должна держаться, — это едва ли кто-либо сумеет сделать. Тут требуется некоторого рода творчество».¹⁰⁶

Правые с этим не справились. Было предложено несколько вариантов, но это лишь разъединяло их. Одни, как Тихомиров, своеобразно понимая самодержавие, противопоставляли его абсолютизму. «Чем бы ни кончилась современная эпоха смуты, измены, бессилия и позора, ясно одно, — писал Тихомиров, — что общее устройство, полученное Россией в «пореформенную эпоху» — в будущем *невозможно*. Оно привело к таким страшным последствиям потому, что противуестественно по существу». «Смута 1905 г.» представлялась не только следствием революционного движения — отчасти она имела, по Тихомирову, «вид какого-то разложения России». Последнее в немалой степени связано с абсолютизмом, который «повсюду скомпрометировал монархическую идею и испортил самые династии».¹⁰⁷

Думу по манифесту 6 августа 1905 г. он находил «чисто монархическим учреждением» и полагал, что она «пополняет важный пробел, доселе существовавший в наших учреждениях». Отвергалась им лишь система выборов, поскольку она давала «преобладание общегражданской идее» и тем самым

неизбежно вводила «в Думу зародыши парламентаризма». Имущественный ценз, «поставляемый единственным мерилем пригодности человека к Царскому законосовещанию, во многих местностях может получить значение прямо *антинациональное*». Между тем «монархическое представительство», по мысли Тихомирова, «по существу национально и создается представительством социальных слоёв». ¹⁰⁸

В 1909 г. Тихомиров утверждал, что «все учреждения государства Российского, народ России и Верховная Власть — единогласно признали акт 3 июня *законным*» и, на этом основании, полагал, «что и ныне ...Император может своей самоличной Волею, по внушению своего единоличного разума, отменять прежние законы и вводить новые законы вне всякого соображения с обозначенным в Основных законах 1906 года порядком законодательства». В основных законах 1906 г. этому «факту русского государственного права, считал он, соответствует только ст. 4. Что касается «способов законодательной работы», то они формулированы очень неудачно, отчего происходит «тяжелый вред»: «как в гражданах, так и в правительственных установлениях исчезает ясное сознание *прав Верховной власти*, а это равносильно недоумению относительно того, какое учреждение является носителем Верховной Власти». Отсюда — «враждующие партии, спорящие именно по вопросу о Верховной власти», «разногласия» в Думе и Гос.совете, «внутренняя борьба за власть», поглощающая силы и время Думы. «В таком смутном состоянии умов ...современная Россия не в состоянии успокоиться и приняться за мирную культурную работу». Надо, заключал Тихомиров, привести редакцию Основных законов в соответствие с фактическим положением. Для этого требовалась, по его мнению, «почти чисто кодификационная» работа. ¹⁰⁹

Правые славянофильского толка, подобно Кирееву, исходили из формулы «царю принадлежит воля и действие, народу — мнение» и считали необходимым дополнением государственного строя России Земский собор и местное самоуправление.

Третьи, не вдаваясь в теории, обсуждали и предлагали конкретные меры. Так, в окружении Шереметева обсуждалось «как существенная гарантия для самодержавной власти» перенесение законодательной инициативы «единственно, на ответственность» Гос.совета, как на «более надежный и опытный тип учреждения»; в Думу такой законопроект мог поступать только с согласия верховной власти, а по одобрении Думой он снова поступал бы в Гос.совет и, затем, на утверждение царя. ¹¹⁰

П. Х. Шванебах в начале 1906 г. полагал, что «надо будет отстаивать, как бы легко ни стала даваться реакция, новый дарованный России строй,

стараясь очистить его от злокачественных наростов» (имелся в виду избирательный закон 11 декабря 1905 г.)¹¹¹, а в январе 1907 г., по собственной инициативе испросив у Николая II доклад «по общеполитическому вопросу», предложил распустить Думу и изменить избирательный закон, новую Думу не собирать по крайней мере год, «дабы правительство имело возможность вести борьбу с террором, вне непосредственных забот о думских притязаниях»; Гос.совет должен был всё это время оставаться «в качестве законосовещательного учреждения».¹¹²

Князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, правый член Гос.совета, товарищ председателя Постоянного совета объединенного дворянства, один из лидеров СРН в Курской губернии, заявлял: «Я противник парламентарно-конституционных учреждений и сторонник совещательной Думы».¹¹³ И Мещерский советовал «исправить и устранить некоторые недостатки» существующего строя — дать монарху право выбирать из двух мнений, Думы и Гос.совета, одно.¹¹⁴ Известно, что и планы самого Николая II не простирались далее превращения Думы в законосовещательный орган.

Однако, когда перед Первой мировой войной царь вознамерился осуществить их, он не нашёл поддержки среди правых. Министр юстиции И. Г. Щегловитов отказался взять это на себя, а председатель Гос.совета М. Г. Акимов, узнав от Щегловитова о намерениях Николая II, «пришёл в полный ужас», считая, «что на этом вопросе даже останавливаться нельзя!». Позднее, на аудиенции он, по словам Щегловитова, заявил царю: «Худ или хорош этот порядок, — но на нем помирился весь мир, и поэтому мириться с ним нужно и вам».¹¹⁵

18 июня 1914 г. на заседании Совета министров в Петергофе Николай II поставил-таки вопрос о пересмотре положения. При этом, в подтверждение необходимости возвращения к Положению 6 августа 1905 г., он сослался, по словам Щегловитова, на отклонение правым большинством Гос.совета законопроекта о введении в Царстве Польском городского самоуправления, обещанного им полякам. Большинство министров высказалось против.¹¹⁶

Приходило понимание, что «самое лучшее средство служить делу истинно консервативных начал, — это пользоваться для их проведения в жизнь народа и государства всеми представляющимися политическими средствами, а не отвергать в принципе этих новых средств». Становилась ясной «всегдашняя ошибка консерваторов всех стран: сначала отвергают, как опасное новшество, участие народа (или интеллигентной части народа) в управлении страной; потом дуются на конституцию. А когда, в конце концов спохватившись, хотят пользоваться конституционными правами для защиты своего дела, — оказывается, что опоздали».¹¹⁷ «Новая эпоха после 17 октября

при всех ужасах имеет ту хорошую сторону, — говорил Д. А. Олсуфьев, — что пробудила общественное самосознание, вызвав на борьбу консервативные элементы, прежде мирно покоившиеся в люльке административной опеки».¹¹⁸

«Новый строй» открывал для правых и ряд новых возможностей. Прежде всего, возможность организации.¹¹⁹ Очень скоро правые поняли, что законодательные учреждения позволяют им корректировать политику правительства. Отсюда их возмущение частым обращением последнего к ст. 87 или инструкционному порядку.¹²⁰ От них стали зависеть в определенной мере и бюджетные ассигнования. Увидели правые и возможность существенно скорректировать законодательство 1904—1905 гг. В этом отношении встречаются поразительные по откровенности высказывания. Так, А. С. Стишинский, при обсуждении законопроекта «О преобразовании местного суда», доказывал, что указ 12 декабря 1904 г. не может связывать их волю: «Хотя такой указ издан, тем не менее он не стесняет (это было и до введения народного представительства, а тем более имеет значение теперь) свободного выражения законодательными установлениями мнения о том, что цель, указанная в таком предварительном Высочайшем акте, не может быть достигнута разрешением вопроса в том направлении, которое намечено этим актом».¹²¹

Принципиально обрисовал свою позицию представитель курского земства в Гос.совете М. Я. Говорухо-Отрок: «Вообще я против того, чтобы при рассмотрении данного вопроса ссылались на то, как делал граф С. Ю. Витте, что говорили и писали и что постановляли в 1904—1905 гг. Когда это писали и постановляли, то нас, с одной стороны, вовсе не спрашивали, а с другой стороны — тогда же постановили и написали, чтобы призвать нас по выбору и спросить нашего мнения. ...Если они теперь спрашивают нашего мнения, то с откровенностью мы можем сказать одно: напрасно Вы, Ваши Превосходительства, всё это написали!».¹²²

Это была хорошо продуманная линия поведения, своего рода политический курс, и правые Гос.совета ему следовали неуклонно. «Опыт наш постоянно свидетельствует о том, — говорил протоиерей Т. И. Буткевич, — что несовершенные законы прежнего времени, которые, быть может, даны были в виду каких-нибудь случайных обстоятельств, например, в виду недостатка средств, мы находим неудовлетворительными и заменяем их более совершенными и более твердыми».¹²³

Восприятие правыми «нового строя» во многом определялось взаимоотношениями их с Николаем II. Здесь следует отметить, прежде всего, широко распространенное среди них недовольство персоной императора. От

бессилия закрепить его на безоговорочно правой позиции у них опускались руки. «Вообще про царя нашего, — суммировала наблюдения гостей своего салона А. В. Богданович, — можно сказать, что он — загадка, сегодня он правый, а что завтра будет, покрыто мраком неизвестности». ¹²⁴ «Он не дается, несмотря на всю слабость характера», — утверждал Стишинский. ¹²⁵ Не устраивал и масштаб личности самодержца: «слабейший из царей» (выражение Тихомирова) осознавался как главная причина смуты. «Все мы уязвлены, и оскорблены, — возмущался Шереметев. — Всё кругом словно сбитое с толку — кто в лес, кто по дрова, и несется околесина по всей земле Русской, а всё от одной главнейшей причины — от сознания пустого места там, где должны быть творческие силы». ¹²⁶

Весной 1906 г. разоренные и деморализованные, едва представленные в законодательных учреждениях, напуганные планами правительства, дворяне бросились к трону. «Без поддержки царя, — заявил один из инициаторов дворянского объединения, самарский губернский предводитель и член Гос. совета от дворянства А. А. Чемодуров, — дело наше погибло, погибла Россия. Мы должны сказать царю, чем страдает Россия. Если наш голос будет услышан, мы в будущем будем на пути объединённого служения России.» ¹²⁷

Однако раздражение против дворянского либерализма и иллюзии относительно консерватизма крестьянства делали Николая II глухим к голосу дворянства. Любопытный эпизод из истории совещаний о Булыгинской думе приводит Витте: «Тупые носители дворянских идей, между прочим граф Бобринский, стремились к предоставлению при выборах особых привилегий дворянству. Это дало повод великому князю Владимиру Александровичу бросить им в глаза жестокий, но справедливый упрек, что дворянство всё на словах кричит о своей преданности самодержавному государю, а между тем, кто, если не дворяне систематически вели линию к его ограничению» ¹²⁸

Характерны впечатления Киреева: «Петергофские заседания кончились очень плохо. Программа нашего союза была отклонена, принята министерская... Государь, по-видимому, настроенный очень хорошо, был сбит с толка разными бюрократами... Государю было (в частном письме) объяснено нами консерваторами очень подробно и ясно положение дел, между прочим, была доказана необходимость присутствия в Г[осударственной] Думе дворян, крестьян и духовенства, как таковых. Сам царь спас крестьян, но духовенство и дворянство — провалились; ...Это после многократных заявлений царя о том, что он хочет, чтобы всё делалось как «встарь»... Дела стоят так: Принцип монархический — в теории — стоит твердо, т.е. Дума имеет характер совещательный: решает царь. Дворянство как фактор политический перестает существовать. Сословие двор[янское] осталось, оно будет представ-

лять адреса, давать обеды и балы (пока совершенно не разорится), но несомненно будет поглощено землевладением». ¹²⁹

В феврале 1908 г. царь долго не отвечал на адрес московского дворянства. Киреев с горечью отмечал: «Выбор, значительным большинством [А. Д.] Самарина славянофила (resp. черносотенца) и адрес царю, конечно, указывают на поворот обществ[енного] мнения к антиконституционному, к теории самодержавия. Эта демонстрация со стороны царя не только характерна, но и прискорбна; она очень тяжело отозвалась в сердцах верноподанных московских дворян древней Москвы. ...Правые все опечалены». Но если бы только это! Игнорируя дворянский адрес, царь милостиво принимает («более получаса!») «неотесанного» Дубровина. ¹³⁰ Полученный, наконец, ответ разочаровал и еще более усилил обиду. «Отметка холодна, — досадовал можайский предводитель, — и дышит «Союзом 17 октября». ...Не такого, конечно, отношения смело ожидать большинство Московского дворянства». ¹³¹

Дворяне продолжали раздражать Николая II. «На днях, — возмущался он в письме к матери 27 марта 1908 г., — идиот гр. Олсуфьев в Госуд. Совете сказал, что Госуд. дума оказалась патриотичной тем, что она хочет отказать в деньгах на флот. Я нахожу, что это гораздо хуже и опаснее, чем то, что говорят и пишут революционеры». ¹³²

В ходе тех же Петергофских совещаний 1905 г. сложилось, писал Витте, «как бы общее суждение, что единственное, на кого можно положиться при настоящем смутном и революционном состоянии России, есть крестьянство, что крестьяне представляют собою консервативный оплот государства». ¹³³ Об этом же свидетельствовал и П. Н. Милюков: «Мысль, что можно опираться на крестьян и что дворянство надо откинуть в сторону, как сословие политически ненадежное, — эта мысль существовала даже в это время (перед I Думой. — А.Б.)». ¹³⁴

Более других это подтверждают сами дворяне, выплескивавшие обиду, раздражение и озлобление по адресу правительства. «Привилегированным сословием являются крестьяне, потому что все кланяются, хотят им услужить, считают, что это сила. Но почему мы должны сойти со страниц истории?» ¹³⁵ — подобные сетования были распространенными и типичными. Отсюда и угрозы «и внешним врагам сословия, и правительству, и недоброжелателям внутренним». ¹³⁶ Отсюда и настойчивые советы Николаю II опираться только на правых. ¹³⁷

Недовольство некоторых правых личностью царя заходило далеко. Граф А. П. Игнатъев, по свидетельству его сына, «с болью в душе признавал ничтожество Николая II и мечтал о «сильном» царе, который-де сможет укрепить

пошатнувшийся монархический строй». Ради этого он «был готов даже на государственный переворот».¹³⁸ О том же тогда мечтал и митрополит Антоний (А. П. Храповицкий) в письмах к Б. В. Никольскому. При этом в этих мечтах о царе-хозяине ударение стояло, как справедливо заметил Б. И. Николаевский, на «хозяине», а не на «царе легитимном».¹³⁹

17 января 1913 г. Л. А. Еленева, урожденная княжна Абамалек, показала, в качестве свидетельницы, следователю Винницкого окружного суда: «В 1908 или 1909 году, точно не помню, В. М. Пуришкевич, придя однажды в квартиру, где я проживала с моей матерью, княгиней Анною Ивановною Абамалек, в моем присутствии дерзко отозвался о Государе Императоре и произнес фразу, дословно восстановить которую я теперь, за давностью времени, не могу, но смысл которой был тот, что он, Пуришкевич, не сочтет за грех, если убить ...Государя. ...Названное заявление Пуришкевича было следствием разговора о каких-то правительственных мероприятиях, не нравившихся Пуришкевичу».¹⁴⁰

У правых не было уверенности в Николае II как гаранте правого курса. Н. Е. Марков, выступая на V съезде объединенного дворянства и выразив радость по поводу того, что царь обнаружил «благосклонное отношение, по примеру своих предков, к русскому дворянству и обещал его не обижать», вместе с тем заявил: «Но все-таки нам необходимо и самим хлопотать, нам нужно помнить, что жизнь идет вперед, жизнь меняется, мы не должны забывать, что после манифеста 6 августа последовал манифест 17 октября, мы не должны забывать, что 6 августа, собственно говоря, была признана незыблемость основ, а 17 октября последовал другой манифест, смысл которого темен и до сих пор не получил утвердительного правильного толкования... Во всяком случае даже его императорское величество есть человек и может изменить свое мнение, поэтому нам необходимо не успокаиваться на тех обещаниях, на рискованных надеждах, которые мы имели».¹⁴¹ Вот почему на вопрос в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства — «входило ли изменение положения о Государственной думе» в планы правой группы Гос.совета? — Щегловитов ответил однозначно: «Нет».¹⁴²

В этом отсутствии уверенности в отношении царя и кроется, на наш взгляд, одна из причин того, что вынашиваемые Николаем II планы возвращения «к прежнему спокойному течению законодательной деятельности» так и не вышли за пределы обсуждения. Прав был Маклаков, когда писал, что правые «вернуться к эпохе настоящего Самодержавия, уничтожить представительство... не только были не в силах, но уже *не хотели*».¹⁴³ Говорухо-Отрок приходил к заключению, что «надо поставить крест над старой поли-

тической верой», что «после 17-го октября уже само самодержавие поставило крест». ¹⁴⁴

Конечно, расстаться с мечтой было нелегко. «Пока в Осн[овных] Зак [онах] существует слово «самодержавие», хотя и ошипанное, — писал один из фанатиков осенью 1915 года, — оно может возродиться во всей его исторической полноте и могучей силе». ¹⁴⁵

Неприятие столыпинского курса не только характеризовало, но и сплачивало правую группу Гос.совета. П. А. Столыпин разочаровал и насторожил правых уже в качестве министра внутренних дел, ¹⁴⁶ а некоторых, как, например, графа Шереметева, еще раньше — в бытность свою саратовским губернатором. Столыпина-преьера они «раскусили» сразу, до правительственной декларации, уже в июле 1906 г. Путь, на который становится Столыпин, — «это путь наружной твердости, в сущности же, в общем, путь уступок» с опорой на октябристское большинство Гос. думы, утверждал граф Н. Е. Комаровский. Неизбежными результатами представлялись «начало разложения России» и «мобилизация Русской земли в пользу евреев и подчинение им всех экономических сил страны». ¹⁴⁷ «Я лично по некоторым существенным вопросам безусловно не могу поддерживать нынешнее министерство, — писал 5 января 1907 г. Самарин, — да боюсь даже как бы не оказалось, что это не только по некоторым, а по всем, кроме разве внешней полицейской борьбы с революцией». ¹⁴⁸ В марте 1907 г. правая группа Гос.совета в совещаниях у Гончарова обсуждала и одобрила составленную по ее поручению Стишинским записку против «затеваемых» Столыпиным реформ. ¹⁴⁹

Различные аспекты политики Столыпина и его программа обсуждались как между отдельными членами правой группы, так и в общих ее собраниях. По дневнику информированного Шереметева видно, как раздражала их и «жалкая роль Васильчикова», и необходимость просить у Столыпина разрешения «земствам обсуждать готовящуюся земскую реформу» («Правительство!!!»), и «канитель с Думой», которая «из балагана превратилась в кабак», и желание правительства быть «конституционным» («Какая преступная комедия!»), и «стремления П. Столыпина влиять на выбор членов» Гос.совета («Вторжение в чужой приход»), и «ненормальность положения Синода» («жалкая и недостойная роль О[бер]-прокурора»). ¹⁵⁰

Группа центра

12 мая 1906 г. осведомленный журналист констатировал, что не примкнувшие к левым и правым члены Гос.совета «образуют особую группу, которая голосует единодушно за всякую формулу, содержащую в себе туман-

ные попытки посягательств на либерализм». ¹⁵¹ 18 мая совещание 60-ти таких членов решило создать «группу центра», было избрано бюро группы в составе А. С. Ермолова ¹⁵² (председатель), барона П. Л. Корфа и князя П. Н. Трубецкого (товарищи председателя), И. О. Корвин-Милевского, М. В. Красовского, Г. А. Крестовникова, С. С. Манухина, И. А. Островского, Н. С. Таганцева и Н. А. Хомякова (члены).

По началу какой-либо определенной политической программы не было. Кроме неприятия взглядов кадетов и правых, членов формирующегося центра сближала, как говорил один из них, потребность «в более близком личном ознакомлении... и в обмене мыслей по важнейшим политическим вопросам». ¹⁵³ Это неизбежно определяло размытость политической окраски группы и ее организационную рыхлость.

Вскоре были предприняты шаги по сплочению центра в более определенную политическую группу и с известной дисциплиной. 9 июня 1906 г. общее собрание группы утвердило разработанный бюро проект программы «Основные воззрения группы центра Государственного совета». В ней, в самых общих выражениях, были сформулированы следующие задачи:

- осуществление, охранение и закономерное развитие конституционно-монархических начал;
- целость и неделимость государства при условии признания равноправия и уважения культурных особенностей племен и народностей;
- развитие начал самоуправления и его распространение на все местности империи;
- широкое насаждение народного просвещения всех степеней на основах религии, нравственности и любви к отечеству;
- экономические реформы ради подъема благосостояния всех слоев общества;
- водворение в стране внутреннего мира и порядка, основанного на законе и уважении свободы личности и прав собственности каждого гражданина. ¹⁵⁴

Программа эта была разослана членам Гос.совета в сопровождении письма Ермолова, в котором они приглашались войти, в случае согласия с программой, в состав группы и пожаловать в общее ее собрание в помещении Клуба общественных деятелей вечером 12 июня: предполагалось обсудить предстоящую Гос.совету деятельность «при современном положении дела».

На этом, первом общем собрании произошло вполне определенное сплочение большинства группы на отрицательном отношении к правительству И. Л. Горемыкина. Признав последнее «не умелым и не способным умиротворить взволнованную и спасти погибающую ... родину», большинство цен-

тра солидаризировалось с Гос.думой. (Разница была в том, что в Думе министров ругали, а здесь имела место спокойная, но деловая и компетентная критика, что считалось «много сильнее и большее думской брани»). Была избрана комиссия, которой совместно с бюро группы поручалось «*как можно скорее* найти конституционный путь к тому, чтобы теперешнее министерство было заменено другим, пользующимся доверием избранных народа». Предлагалось «не останавливаться и перед другими путями» — вплоть до выбора депутации к царю «для ходатайства о перемене министерства».

Однако решимости хватило только до конца собрания. «Многие члены бюро и комиссии уехали из Петербурга», и следующее собрание, 16 июня, оказалось столь малолюдным, что доклад, составленный меньшинством комиссии и бюро, решили не рассматривать, а в ходе дискуссии «по поводу его» порицанию подверглось то отношение Думы к правительству, с которым в собрании 12 июня большинство группы солидаризировалось. Один охарактеризовал Думу «однобоким маятником с крайне левым направлением»; другой находил, что «управлять иначе, как на основании положения об охране, нельзя», а третий заявил, что «министерство ни в чем не виновно и требует не порицания, а поддержки со стороны Гос.совета». Многие члены группы были шокированы таким поворотом настроения и обескуражены. «Людям таких противоположных мнений можно вместе обедать, — писал в бюро И. Г. Каменский, — но нельзя вместе голосовать».¹⁵⁵

В сентябре 1906 г. бюро подготовило программу съезда группы. Предполагалось определить позицию группы по ряду важнейших вопросов внутренней жизни страны: о выборах в Думу, аграрному, о равноправии национальностей, о всеобщем начальном обучении. Накануне съезда, 6 октября, бюро уточнило повестку: по предложению Н. С. Авдакова, решили дать от имени группы центра Гос.совета «руководящие основания для предстоящих выборов в Думу» и, по предложению графа В. Г. Рейтерна-барона Нолькена, вынести на обсуждение группы отдельно еврейский вопрос.

Съезд проходил с 8 по 17 октября 1906 г. и носил неофициальный характер. Открывая дискуссию по вопросу о выборах в Думу, Ермолов охарактеризовал его «первостепенным» и предупредил от имени бюро, что группа не может возбуждать вопрос об изменении избирательного закона, ибо это было бы нарушением Основных законов.

Первая Дума была единодушно признана революционной и неработоспособной. Задача виделась в том, чтобы изыскать способы и средства обеспечить «благоприятный исход» выборов во вторую.

Многие, оценивая однозначно негативно избирательный закон 11 декабря 1905 г. («никуда не годится», «донельзя неудовлетворительный»), в нем «масса

несообразностей»), полагали, что группа «не должна придерживаться буквы закона» (П. П. Дурново), что «не должно жертвовать Россией для закона» (П. В. Дическул), и предлагали, вопреки предупреждению председателя бюро, поставить вопрос об изменении избирательного закона или признать закон неудовлетворительным, оговорившись, что если группа «его не трогает, то только потому, что не вправе этого делать по закону» (Н. П. Балашов). Последний при этом ссылаясь на Германию 1848 г., где «не постеснялись распустить парламент и издать новый избирательный закон», и на Японию, где избирательный закон изменялся 11 раз.

Другие им возражали: группа «не может предлагать такой неконституционной меры» (Таганцев), это было бы «для нас действием не конституционным, а революционным» (Ермолов), изменение закона может привести к смуте (С. И. Лопацинский).

Третьи возлагали надежды на «интерпретацию» закона 11 декабря 1905 г., «путем которой, — утверждал Корвин-Милевский, — возможно исправить те ошибки, которые были допущены ...весной». К мысли о возможности спасти положение с помощью сенатских разъяснений закона склонялись многие. При этом раздались призывы не смущаться: «Все вопросы о приличии и уместности отстраняются» (Красовский).

Многие полагали, что для успеха думских выборов правительству следует идти «в более либеральном направлении». В связи с этим предлагалось «немедленное устранение стеснений в земских и городских учреждениях и возможно большая их самостоятельность», устранение в широких масштабах «векового накопления полицейского режима» (Красовский).

Поляки (Э. А. Войнилович, Корвин-Милевский, А. Ю. Напиорковский, Лопацинский) откровенно пытались воспользоваться трудным положением правительства, настаивая предложить ему «дать задаток теперь же», «удовлетворить Царство Польское», «отменить ограничения, восстановить силу поруганных законов», отменить ограничительные законы 1883 г. об евреях, разрешить употребление местного языка, ввести в Царстве Польском городское и земское самоуправление.

Мнения, таким образом, разделились. При этом большинство группы склонялось к мысли о необходимости изменения избирательного закона. Ермолову стоило большого труда убедить часть его в недопустимости для центра Гос.совета требовать изменения избирательного закона в порядке ст. 87. Составилось незначительное большинство, позволившее председателю бюро формулировать позицию группы следующим образом: «Группа центра признает, что настоящий избирательный закон представляется неудовлетворительным и не обеспечивает правильного представительства интере-

сов страны, но раз он вошел в Основные законы империи, группа считает невозможным возбуждать этот вопрос не в установленном для этого порядке, возбуждая лишь вопрос о разъяснениях и толкованиях его, которые будут направлены к более правильному избранию». ¹⁵⁶

Обратившись далее к обсуждению «тактических мер», способных «внеести успокоение в население и повлиять на результаты выборов», и исходя при этом из того, что Дума должна быть «конституционно-монархической» и «работоспособной», члены съезда подвергли критике правительство. Оно «ничего не может сделать существенного для умиротворения России, — говорил Авдаков. — Военно-полевые суды — это меры, которые загоняют болезнь внутрь и не избавляют от бед и грабежей». ¹⁵⁷

Между тем правительство, по мнению съезда, могло бы содействовать успеху выборов «принятием некоторых мер к успокоению населения и поднятию его экономического благосостояния». Созданная на втором заседании комиссия под председательством князя П. П. Голицына ¹⁵⁸ обобщила сделанные в ходе прений предложения на этот счет следующим образом: 1. «уравнение гражданских прав и устранение ограничительных постановлений отдельных местностей и народностей, которые уже намечены в высочайше дарованных актах», и 2. «твердое и неослабное охранение правительством личности и собственности каждого гражданина.»

Кроме того, избранию «лиц, действительно представляющих интересы страны», могли бы содействовать, по мнению комиссии, «деятельное участие лиц, входящих в группу центра, в предстоящих выборах с целью выяснения и укрепления в среде населения основных воззрений группы центра» и поддержка ими «тех кандидатов в будущую Гос.думу», которые разделяют воззрения группы центра. ¹⁵⁹

Доклад комиссии вместе с «Перечнем заявлений, сделанных в группе центра Государственного совета некоторыми ее членами о недостатках применения на практике действующих законоположений о выборах в Государственную Думу», были 10 ноября 1906 г. направлены Ермоловым от имени группы центра министру внутренних дел. «Перечень» этот был составлен в связи с тем, что члены съезда, высказав в ходе обсуждения недостатков практического применения избирательного закона 11 декабря 1905 г. много замечаний и предложений, отказались поставить вопрос о его немедленном изменении и согласились с предложением Манухина направить сводку этих предложений П. А. Столыпину. В плане характеристики группы центра документ этот весьма любопытен: все предложения сводятся к одному — во второй Думе крестьян должно быть как можно меньше. ¹⁶⁰

Съезд высказался за немедленное (до выборов в Думу, не ожидая давно

назревшей реформы) введение земства везде, где оно окажется применимо или приспособляемо. Лишь некоторые члены (назначенные В. Ф. Дейтрих и Е. Ф. Турау) были против введения земства по Положению 1890 г. в Западном крае: поляки получили бы значительное «преобладание над русским населением».

Любопытны мотивы этого, внешне почти единодушного решения. У одних — антидумский: показать населению, что улучшения «можно ожидать не только от Думы, но и от правительства» (Войнилович); если дело проводить через Думу, то в ней непременно речь пойдет «о применении к земству четыреххвостных начал» (Корвин-Милевский). Другие видели в земстве политическую школу, где «население могло бы отличить людей, способных для государственной деятельности (Красовский). Третьи рассчитывали введением земства «оздоровить государственный организм», «внести успокоение в население». Прибалтийские бароны надеялись устранить раздражение латышей и эстонцев против немцев. Было тут и тайное желание поляков взять реванш. Наконец, это — «козырь в предвыборной борьбе» (В. В. Верховский).¹⁶¹

Бюро, готовя программу съезда группы, не предполагало ставить еврейский вопрос отдельно, полагая, что он «объемлется третьим пунктом программы». Однако члены бюро Рейтерн-Нолькен и Островский настояли обсудить его отдельно. Первый в заявлении в бюро от 22 июня 1906 г. высказался за «безусловное и немедленное уравнивание всех национальностей и вероисповеданий империи относительно их гражданских прав», подчеркивая при этом, что «провозглашение равноправности евреев» будет иметь «самое большое влияние на успокоение страны». Мотивировал он это следующим. Во-первых, писал он, положение евреев в империи, вообще не соответствуя «современному строю жизни и понятиям о человеческом достоинстве», теперь «является анахронизмом», ибо манифест 17 октября 1905 г.» открыл и этому племени доступ к государственной законодательной работе, т. е. к высшей степени проявления своих гражданских прав». Во-вторых, революционное движение в России, по его мнению, «не в малой части дело еврейских рук»; поэтому в результате предлагаемой меры «один из сильнейших стимулов революции исчез бы, или во всяком случае сильно ослабел». В-третьих, указывая на нелегкое финансовое положение государства, с одной стороны, и на «всемирное и решающее влияние евреев в сфере капитала», с другой, Рейтерн-Нолькен утверждал, что предлагаемая им мера «произведет, без сомнения, значительный наплыв капиталов к нам и предоставит правительству сравнительную легкость совершать необходимые кредитные операции». Мера эта, оговаривался он в заключение, «без сомнения,

имеет немало отрицательных сторон, но одна она почти наверное послужит к успокоению страны».¹⁶²

Поляки и русские представители западных губерний высказались в поддержку предложения Рейтерна-Нолькена, указывая, что вопрос «очень важный и жгучий», связан с государственными, финансовыми и экономическими интересами страны, что постановка его «справедлива и законна», что решение его послужит «к успокоению страны» в целом и будет «в интересах местного населения Юго-западного края», что решить вопрос надо «из боязни последствий»: в настоящем «большом состоянии России» еврейский вопрос гораздо важнее любого другого (польского, грузинского и т. п.), т. к. «в руках евреев есть капитал и пресса». Отказ от постановки вопроса группой центра, утверждали они, «сыграет в руку крайним партиям и кадетам»; отступить — «значит признать себя несостоятельным в решении серьезного вопроса».

Выступившие против постановки вопроса на обсуждение группы пугались «сложности» вопроса, риска «создать такие осложнения и затруднения, результаты которых могут оказаться более чем нежелательными», «огромного раздражения» русского населения («нельзя игнорировать народных чувств»); опасались произвести «громадный шум в России», взбудоражить ее, вызвать раздражение против Гос.совета, расколоть группу, повредить ее репутации («В России от евреев смута, они как бы сказали нам «руки вверх», и мы им дали все»); находили несправедливым проявлять заботу об евреях: «Все смуты большею частью от евреев и 90% убийств совершается евреями»; полагали, что «об интересах внутренней коренной России надобно теперь думать, а не об евреях»; допускали, что «некоторые льготы евреям будут выгодны для землевладельцев нескольких западных губерний», но не сомневались в неизбежном раздражении всех остальных; считали, что «нельзя в конституционном государстве разрешать национально-политические вопросы без участия народного представительства.»¹⁶³

После долгого обсуждения (выступили 14 человек) группа 28-ю голосами против 16-ти признала «несправедливым приступить ныне» к пересмотру законодательства об евреях и отказалась «подвергать еврейский вопрос отдельному обсуждению».¹⁶⁴

Для изучения аграрного вопроса группой центра была создана комиссия, однако к съезду работа ее не была завершена, и вопрос обсуждался в той его части, которая затрагивалась последними правительственными мероприятиями — реформой Крестьянского банка и передачей крестьянам казенных, кабинетских и удельных земель.

Обсуждение было нелегким и заняло четыре дня, с 14 по 17 октября.

Как и в других вопросах, группа центра была далека от единодушия как в понимании аграрного вопроса, так и в оценке аграрной политики правительства.

Часть членов центра, подобно П. П. Семенову, в целом одобрила мероприятия правительства.¹⁶⁵ У других они вызывали большие сомнения. Так, Дурново¹⁶⁶ усмотрел в указе о Крестьянском банке «опасный шаг со стороны правительства», «посягательства на священные права собственности», намерение передать «собственность помещиков ... в другие руки». Его настораживала передача крестьянам «чохом» земель казенных, кабинетских и удельных: «есть большое различие между этими категориями земель». «Наводит страх то, — говорил он, — что раз удельное имущество может быть продано крестьянам, то и частное имущество могут продать, издав соответствующий указ. Такое покушение идет вразрез с нашим понятием о собственности». Правительство подозревалось им в стремлении поставить Думу перед фактом: «уже к февралю земли будут розданы и деньги получены. А если будущая Гос. дума постановит не отдавать земли или не брать денег?». Попытался он увидеть несоответствие политики правительства заявлению Николая II о неприкосновенности священного права собственности.¹⁶⁷

Принятым 17 октября заключением группа попыталась сгладить эти противоречия. Так, сознавая необходимость широкой правительственной помощи малоземельным крестьянам в увеличении площади их землевладения, группа оговаривала, что «действительный подъем экономического благосостояния крестьян» она связывает с улучшением условий крестьянского землепользования и образованием «возможно большего числа мелких крестьянских хозяйств».

Признав «важное значение передачи крестьянам земель казенных, удельных и кабинетских, как равно и частновладельческих, приобретаемых Крестьянским банком», а роль землеустроительных комиссий «весьма полезною и целесообразною», группа подчеркивала, что распределяться эти земли должны среди малоземельных крестьян; при этом «необходимо стараться образовывать из них отрубные участки, пригодные для ведения на каждом из них самостоятельного хозяйства», допуская предоставление земель целым обществам лишь по отношению наиболее малоземельных крестьян, вышедших в свое время на даровой и низший наделы и т. п.

«Не предлагая насильственного разрушения» общины, группа высказалась за постепенный переход к личному владению через предоставление крестьянам права свободного выхода из общины, признание права собственности их на землю, облегчение выдела их земель обрубными участками, сопровождая это отменой всех законоположений, стесняющих личную сво-

боду крестьян и право распоряжения ими своими землями (последнее с оговоркой: неотчуждаемость крестьянских наделных земель в руки лиц других сословий должна быть сохранена «впредь до времени»).

Важное средство «разрежения населения в местах наибольшего его скопления и проистекающего отсюда малоземелья» группа центра увидела в переселении крестьян, рекомендуя принять меры к его облегчению и «правильной организации».

Группа сочла необходимым и справедливым, чтобы правительство ставило приобретающим землю крестьянам «такие условия порядка их распределения и землепользования, которые служили бы к подъему их экономического благосостояния». А поскольку условия эти не могли быть одинаковы из-за разнообразия климата, почв и бытовых особенностей, то при их обсуждении, по мнению группы, должны принимать участие и земские представители, и приобретающие землю крестьяне.

Ратуя, таким образом, за развитие мелкого крестьянского хозяйства, группа вместе с тем высказалась и за сохранение частновладельческого хозяйства, так как оно «обслуживает экономические интересы страны, является рассадником улучшенной культуры, обеспечивает наивысшую производительность земли и служит источником постоянных заработков для крестьянского населения».¹⁶⁸

Определила группа центра свою позицию и по вопросу о свободе совести и вероисповедания. Инициаторами обсуждения его были представители прибалтийских губерний. Там, по утверждению барона А. А. Иксуля, «напрасное религиозное стеснение было одною из причин волнений». Поэтому, полагал он, веротерпимость нужно «распространять на все части исповедания, и воспрещать только те веры, или правила ее, которые причиняют действительный непосредственный вред государству». Иксуль, а также барон О. Р. Будберг сделали ряд конкретных предложений (о праве достигших 14-летнего возраста менять веру, о праве родителей в смешанных браках определять вероисповедание детей и др.), по некоторым из них им возражали православные члены группы (С. Ф. Платонов, Манухин). Немцев поддержали поляки (Корвин-Милевский).

В заключение группа высказалась за полную свободу совести и вероисповедания и признала необходимым пересмотреть действующие законы.¹⁶⁹

В последний день съезда группа, обсудив сообщенный ей МНП проект основных положений о введении в империи всеобщего начального обучения, выразила сочувствие «делу всеобщего начального обучения, с предоставлением широкого простора в этом деле общественной и частной самостоятельности и с сохранением общего руководства за ходом народного

обучения и планомерным расширением сети начальных школ на всем пространстве империи», и сформулировала пожелания. Во-первых, чтобы общий надзор за всеми народными школами «был сосредоточен в руках одного МНП». Во-вторых, чтобы представители общества наблюдали за благоустройством и ходом обучения в народных училищах. В-третьих, чтобы государство «в мере возможности» оказывало материальную поддержку общественным учреждениям и частным лицам, взявшим на себя устройство и содержание народных училищ». ¹⁷⁰

Заключительное заседание съезда группы центра пришлось на 17 октября, и это дало повод Ермолову в специальной речи сформулировать отношение группы к манифесту 17 октября 1905 г. Это «великий в истории России день, — заявил он. — С него начинается новая эра, открывшая перед нами и новые пути для осуществления начал законности, свободы и порядка». Группу центра он провозгласил «истинною носителницею заветов манифеста» и призвал собравшихся доказать это «на деле». ¹⁷¹

Решения съезда группа в несколько сглаженном виде опубликовала брошюрой под названием «Заключения группы центра Государственного совета» (СПб., 1906) и широко распространяла.

Дискуссия на съезде и принятые там решения существенно прояснили взгляды и позиции группы и тем способствовали ее сплочению и росту ее рядов.

22 мая 1907 г. бюро группы разработало правила внутреннего распорядка. Работало на сплочение и то, что группа стала формировать свой бюджет: с каждого ее члена взималось 25 рублей в год; собранные средства шли на жалование письмоводителю и рассыльному, почтовые расходы, канцелярские принадлежности, венки умершим.

Однако и за этим центр Гос.совета не шел ни в какое сравнение с его левой и правой группами с их монолитностью и жесткой дисциплиной. Сам Ермолов, успокаивая А. Ф. Кони, пекущегося о свободе мнений, писал: «За исключением вопроса о выборах в комиссии, в отношении которых не допускается голосование по чужому списку, группа никаких стеснений для своих членов не вводит и отнюдь не обязывает меньшинство подчиняться большинству. Как только какой-либо вопрос рассматривается по существу, свобода мнений и голосования сохраняется за каждым и никакой партийной дисциплины у нас нет, — да ее и не может быть, так как мы не партия, а группа, и очень разнообразная притом составом членов. Этого начала группа держалась с самого ее образования и не имеет в виду отступить от него и впредь, — иначе она немедленно бы распалась». ¹⁷²

Причина такого положения заключалась в составе группы. Кроме т. н.

«основной группы», наиболее разношерстной и рыхлой, в центре сразу же стали формироваться куда более единодушные и сплоченные подгруппы — «правый центр», чаще именуемый по лидеру А. Б. Нейдгарту — «нейдгартцы», польское «коло» и немецкая «прибалтийская». «Восьмидесятиголовый центр», ..если взять его без правого подотдела — «нейдгартцев», — вспоминал в эмиграции А. Н. Наумов, — представлял собою чрезвычайно разнохарактерный состав. Это были лица, не объединенные общим национальным «русским» настроением, а скорее собрание разнородных «российских» национальностей, несомненно в глубине своей стремившихся к сепаратизму, несмотря на внешние выражения лояльности».¹⁷³

Назначенные члены центра оказались более однородными: за исключением трех «нейдгартцев», они вошли в основную группу. Среди них не мало было сановников, сформировавшихся в царствование Александра II. Это были такие же убежденные монархисты, как и правые; с той только разницей, что «они понимали, что не может быть учреждения, как бы разумно ни было его основание, которое могло бы претендовать на неизменность». Вместе с тем для них была характерна вера, что «все, что здорово и жизненно в политической и гражданской жизни каждой страны, должно быть тщательно оберегаемо и что никакая, вызванная требованием времени реформа не должна приводить к внезапному разрыву между прошлым и настоящим, а должна быть произведена постепенно, чтобы стать понятной народу и не носить характера опасного эксперимента».¹⁷⁴ Типичной для этой части членов центра была личность Манухина. Он родился в православной семье личного дворянина. Окончив юридический факультет Петербургского университета и, не имея недвижимого имущества, начал службу по министерству юстиции с января 1879 г. В декабре 1905 г. с должности министра юстиции был назначен членом Гос.совета. Умный и порядочный, превосходный юрист,¹⁷⁵ он «считался либералом, но с его либерализмом можно было легко мириться и не ставить ему этого в вину, — писал П. Г. Курлов. — Либерализм его, свойственный многим судьям, выражался в особом уважении к судебным уставам и ко всем реформам Александра II при строгом исполнении законов и искреннем стремлении к добру. Такие люди, как С. С. Манухин, оставались, при стойкости своих убеждений, чуждыми всякой оппозиции, направленной против правительства».¹⁷⁶

Выборная часть центра оказалась весьма разноликой. Поляки, избранные от землевладельцев Царства Польского (6), губерний литовских (3), западных (2) и юго-западных (3), а также промышленностью (1) и торговлей (2), объединились в «коло». Это были крупные землевладельцы, весьма кон-

сервативных взглядов, расходившиеся с правыми только в вопросах национальной и вероисповедной политики.

Немцы от землевладельцев прибалтийских губерний (3) и от дворянства (1), хотя их идеалы были, по словам барона А. О. Шиллинга, солидарны «с политическими идеалами октябристов»,¹⁷⁷ держались особой подгруппой.

Два «нейдгартца» (от земства и дворянства) блокировались с единомышленниками из числа назначенных.

Остальные (37), представляя промышленность (5), торговлю (4), землевладельцев Ставропольской губернии и области Войска Донского, духовенство (1), земства (20) и дворянство (5), составили большую часть основной группы центра. При этом 27 из них были октябристами, двое несколько позднее заявили себя прогрессистами, а восемь не имели определенной политической окраски.

К концу первой сессии группа центра стала наиболее многочисленной:¹⁷⁸ в нее входили 33 члена по назначению и 60 выборных — от земств (21), съездов землевладельцев (19), дворянских обществ (7), торговли (6), промышленности (6) и белого духовенства (1).

77 из них (82,79%) были потомственные дворяне, в т. ч. 18 (23,37%) — титулованные (8 князей, 4 графа и 6 баронов); пятеро (5,37%) происходили из купцов; двое (2,15%) — из почетных граждан; двое — из потомственных почетных граждан, двое — из чиновников и по одному — из духовенства, личных дворян, домашних учителей, врачей и «курляндских уроженцев».

76 членов группы (81,72%) владели землей; четверо (4,3%) земли не имели, но у них были дома и дачи; у двенадцати (12,9%) недвижимого имущества не было; имущественное положение одного не выяснено.

По размерам земельных владений (в дес.) члены центра распределялись следующим образом:

		до	100	—	2 (2,63%)
от	101	«	500	—	8 (10,52%)
	«	501	«	1 тыс.	— 6 (7,89%)
	«	1001	«	5 тыс.	— 28 (36,84%)
	«	5001	«	10 тыс.	— 11 (14,47%)
	«	10001	«	25 тыс.	— 9 (11,84%)
	Более		25 тыс.	—	6 (7,89%)

Размер владения не выяснен у шести (7,89%)

Среди членов центра-землевладельцев 26 (34,21%) были еще и домовладельцами, 33 (43,42%) владели различного рода промышленными пред-

приятными, семь (9,21%) держали крупную торговлю, у девяти (11,84%) были хорошо поставленные многоотраслевые хозяйства, пятеро (6,57%) сдавали часть своей земли в аренду крестьянам, у трех были майораты, имение одного было заложено.

27 членов центра, 23 выборных и 4 назначенных, (29,03%) были связаны с акционерным (17) и банковским (14) капиталом, были заняты общественно-представительской деятельностью в торгово-промышленной сфере (18).

О возрасте членов группы центра к концу первой сессии свидетельствует следующая таблица:

От 40	до 44 лет	— 6	} 64 (68,81%)
« 45	« 49 «	— 13	
« 50	« 54 «	— 18	
« 55	« 59 «	— 27	
« 60	« 64 «	— 10	} 29 (31,18%)
« 65	« 69 «	— 11	
« 70	« 74 «	— 6	
« 75	« 79 «	— 2	

Православные среди членов группы центра составляли 73,11% (68 человек), в т. ч. малоросс, армянин, молдаванин и в той или иной степени обрусевшие (6); русских, таким образом, было 59 (63,44%). Католиков (поляков) было 15 (16,12%); лютеран — трое, в т. ч. еврей; евангелическо-лютеранского исповедания — четверо; реформатского — один; евангелическо-реформатского — один и армяно-григорианского — один.

75 членов группы центра (80,64%) имели высшее образование. Среди них 44 — юридическое; девять человек, получив высшее образование в России, дополнили его учебой за границей; девять человек имели по два высших образования; один был почетным членом Академии наук; двое — членами-корреспондентами; четверо были профессорами.

75 членов группы (80,64%) были в чинах — гражданских (56), военных (8) и придворных (11). При этом, чинов

II класса было	14 (9, 4 и 1),
III «	24 (12, 2 и 10),
IV «	16 (все гражданские, из них пять — в придворном звании или должности),
V «	13 (все гражданские, из них двое — в придворном звании или должности),

VI	«	2 (оба гражданские),
VIII	«	3 (1 из них — военный в отставке),
IX	«	2 (оба гражданские),
X	«	1 военный в отставке и в придворном звании.

Среди назначенных членов группы 17 были сенаторами, четверо — статс-секретарями и один — генерал-адъютантом.

11 членов группы (11,82%) были без чина; трое были мануфактур- и трое — коммерции-советниками, один — протоиереем.

Людей более или менее определенной политической позиции в группе центра было немного. 28 были членами «Союза 17 октября», в их числе 7 членов ЦК (барон Корф, Красовский, Крестовников, С. М. Неклюдов, М. В. Родзянко, Хомяков и Д. Н. Шипов). Из 17 членов «коло» только двое были членами Партии реальной политики и один — Национально-демократической партии. Один из назначенных был членом Русского Собрания. 16 человек имели непосредственное отношение к работе I съезда объединенного дворянства: 11 были уполномоченными дворянских обществ, семь как члены Гос. совета от дворянских обществ и трое были избраны членами Постоянного совета (Нейдгарт, граф Д. А. Олсуфьев и О. Р. фон Экеспарре). Последний был и членом Балтийской конституционной партии.

Современники, близко наблюдавшие группу центра, следующим образом формулировали свои впечатления. Это были люди, вспоминал М. М. Ковалевский, «для которых правовой порядок, равенство граждан перед лицом закона, перед налогом и судом, и государственной службой являются неопровержимыми истинами, для которых религиозная свобода и обеспечение личности от произвола столь же необходимы, как пища и воздух. Гуманность некоторых из них доходит до отрицания смертной казни, ...до равноправия всех христианских культов., но за немногими исключениями ...такая простая мысль, как равноправие поляков, евреев, малороссов и великороссов еще является «великодушной утопией».»¹⁷⁹ По существу так же, но лаконичнее и определеннее высказался Наумов: «Общее политическое направление, преобладавшее в означенной группе, можно назвать «октябристским».»¹⁸⁰

Глава III СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В 1906—1917 гг.

Социальное происхождение членов Гос. совета

Классовая природа самодержавия и соотношение сил внутри третьей ионьского блока обусловили ярко выраженный дворянский характер реформированного Гос.совета.

С апреля 1906 г. по февраль 1917 г. в его составе было 427 членов (202 назначенных к присутствию и 229 выборных¹), из них 370 были потомственными дворянами, что составляет 86,65%; среди назначенных их было 183 (90,59%) и среди выборных — 191 (83,40%). Удельный вес потомственных дворян в составе Совета на протяжении сессий в разные годы составлял от 81,44 до 86,52% (см. табл. 1); некоторое его уменьшение ясно обнаружилось лишь в годы войны и было незначительным. Среди назначенных членов его снижение было более заметным: с 91,83% в 1906 г. до 83,67% в 1917 г., однако среди выборных доля потомственных сначала поднялась с 80,41% в 1906 г. до 85,26% в 1908 г., а затем опустилась ниже прежнего уровня — 79,16% в 1917 г. Среди потомственных дворян было много титулованных — от 18,56 до 24,05%, что еще более подчеркивало дворянский характер учреждения. Эта черта усугублялась еще и тем обстоятельством, что среди членов-дворян, выборных и назначенных, немало было дворянских предводителей, бывших и совмещавших обязанности предводителя с пребыванием в Гос.совете. По сделанным подсчетам, таковых было 47—57 (24,73—29,23% состава Совета).

Число членов Гос.совета недворянского происхождения было незначительно и росло медленно: с 26 (13,33%) в 1906 г. до 35 (18,04%) в 1917. Часть их, от 8 до 16, были членами по назначению. Выделяясь по уму, характеру и знаниям, достигнув высот бюрократической пирамиды, они приобрели и потомственное дворянство со всеми его привилегиями. Среди них были профессор Н. С. Таганцев, отец которого, крестьянин, записался в купцы 3-й гильдии, чтобы дать сыну образование; сын домашнего учителя П. М. Романов, ставший товарищем министра финансов; министр С. В. Рухлов, происходивший из небогатых крестьян Вологодской губернии, мещанский сын профессор Д. И. Пихно, купеческий сын министр А. А. Макаров и др.

Среди назначенных к присутствию в Гос.совете за 1906 — 1917 гг. членов недворянского происхождения было всего 20 (9,9%). Другую часть членов Гос.совета недворянского происхождения, числом от 14 до 19, составляли выборные. Всего за 1906 — 1917 гг. их было 36 (15,72% общего числа выборных членов за это время). Из них десять были от православной церкви, трое от Академии наук и университетов, семь от промышленности, девять от торговли, трое от земства, один от землевладельцев неземских губерний, один от промышленности и затем от торговли, один от съезда землевладельцев, а затем от земства, один от земства и затем от торговли. Некоторые из них к моменту избрания в Гос.совет уже приобрели — через службу или благотворительность — потомственное дворянство.

Имущественное положение членов Гос. совета

В табл. 2 отражено имущественное положение членов Гос.совета. Выделено три их категории: не имевшие недвижимого имущества, владельцы недвижимого имущества (без земли) и землевладельцы.

Группа не имевших недвижимого имущества включала как назначенных членов Совета (в разные годы от 72,34 до 85% ее численности), так и выборных (от 15,0 до 27,65%). Удельный вес ее в составе Совета за период с 1906 по 1917 г. возрос с 20,51% до 26,8%. При этом рост был характерен как для назначенной части (с 34,69 до 38,77%), так и для выборной (с 6,18 до 14,58%).

За весь период существования реформированного Совета не имевших недвижимого имущества в его составе было 92 (21,54%); из них 71 назначенный (35,14% общего числа назначенных) и 21 выборный (9,17% общего их числа). Среди последних одиннадцать были от православной церкви, шесть от Академии наук и университетов, трое от промышленности и один от торговли.

Следующую категорию в составе Гос.совета составляли члены, не имевшие земли, но владевшие домами, дачами, предприятиями. Небольшая, в 7—11 человек, она состояла почти поровну из назначенных и выборных; доля ее в составе Совета за 1906—1917 гг. почти не изменилась. Среди выборной части Совета владельцев недвижимого имущества (без земли) за 1906—1917 гг. было всего восемь (3,49% всего числа выборных)²: один от православной церкви, один от Академии наук и университетов и по три от промышленности и торговли. Среди назначенных таких было девять (4,45% всего их числа).³

Землевладельцы в Гос.совете были представлены больше других⁴: среди назначенных за 1906 — 1917 гг. их было 119 (58,91%) и среди вы-

борных — 195 (85,15%); всего, следовательно, 310 (72,59% всех назначенных и выборных за это время).⁵ Это подтверждают и данные табл. 2: численность и удельный вес членов Гос.совета землевладельцев, несмотря на некоторое понижение, и в 1917 г. оставались высокими: 134 из 194 (69,07%).

Владевшие землей преобладали на протяжении всех сессий как среди назначенных членов Совета, составляя 57,14 — 65,30% их числа, так и среди выборных — 81,25—86,31%. Среди них самих большинство, хотя и не очень значительное — 56,16—59,42%, составляли выборные члены.

В 1906—1917 гг. землевладельцев в Гос.совете было 134—146. Среди них 20—27 имели дома в Петербурге, 10—14 — в Москве, 13—20 — в уездных и губернских городах; 5—9 владели дачами; 47—61 — промышленными предприятиями и 7—12 — торговыми; у двух-шести были майораты; 6—11 сдавали часть земли в аренду окрестным крестьянам; имения одного-трех были обременены долгами (в части показателей это нередко одни и те же лица, так что речь идет о группе в 73—88 членов Гос. совета-землевладельцев).

По количеству принадлежавшей им земли члены Гос.совета сильно разнились (см. табл. 3). Владевших землей в пределах 100 десятин за все время реформированного Совета было трое назначенных — С. Ф. Платонов, А. Х. Стевен и И. П. Шипов. У первого была в Новгородской губернии приобретенная дача с 57 дес., стоимостью в 4,5 тыс. рублей; у второго — дом с садом (12 дес.) близ Симферополя и виноградник в 45 дес. в Феодосийском уезде; у последнего в совладении с сестрами и теткою было родовое имение в 300 дес.

Члены Совета, имевшие до 500 дес. земли, представляли уже заметную группу в 12—18 человек (от 8,69 до 13,43% от числа членов-землевладельцев); при этом ее численность и удельный вес за годы войны повысились. Были здесь как назначенные, так и выборные члены, почти в равных числах. Всего за 1906—1917 гг. членов Гос.совета с землей до 500 дес. было 34 (16 назначенных и 18 выборных). Следует оговориться: четверо из них (выборные М. А. Стахович и граф П. С. Шереметев, назначенные А. Д. Самарин и Н. В. Плеве) отнесены к этой категории членов Совета по формальному признаку — по известным нам документам, прежде всего формулярным спискам, за каждым из них значится земли значительно менее 500 дес. Между тем в конце 1907 г., когда Стахович, имея 290 дес. родовой земли в Орловской губернии, был избран в Гос.совет, у его родителей значилось в разных губерниях 18 тыс. дес. Только формулярный список 1915 г., по которому за Стаховичем, кроме отмеченного родового, записаны еще и лесная дача в Рязанской губернии (680 дес.) и приобретенные 27 дес. в Сочи и 4 дес. в

Гаграх, дал основание отнести его к другой категории. П. С. Шереметев был неженатым сыном одного из крупнейших в России земле- и домовладельцев, и родовые 200 дес. в Звенигородском уезде были ему выделены как ценз для службы по дворянским и земским выборам. С этой же целью, видимо, записал за собою 175 дес. приобретенной земли в Богородицком уезде и А. Д. Самарин, ибо известно, что большое наследство, полученное от отца и дяди, оставалось в общем владении братьев и сестер Самариных.⁶ Что касается Плеве, то кроме приобретенного имения в 300 дес. (по другим данным — 256 дес.) в Костромской губернии, числившегося за его матерью З. Н. фон Плеве, у него было два имения — «Ключевое» и «Торбино» — в Новгородской губернии, площадь которых не выяснена.

У восьми назначенных⁷ этой группы членов Гос.совета землевладение было родовым (у трех из них — братьев Крашенинниковых и Нольде — совместно с другими родственниками), у шести других⁸ земля была приобретенной. Источником средств существования у этой категории землевладельцев была служба, а землю дорожили как родовым достоянием,⁹ приобретали ее желая иметь постоянное место летнего отдыха или видя в этом возможность теснее сблизиться с дворянством, до которого дослужились.

Выборные члены Гос.совета в этой группе землевладельцев (десять от земств, трое от дворянских обществ, двое от Академии наук и один от промышленности) были потомственные дворяне; у восьми из них земля была родовая, у двух — родовая и отчасти приобретенная, у трех — приобретенная, у одного — пожалованная ему (вместе с сестрами); характер землевладения двух из этой группы не выяснен. Сведения о их хозяйственной деятельности отсутствуют, может быть, потому, что лишь у одного из них, члена Гос.совета от дворянства в 1913—1915 гг. Д. Д. Левшина, хозяйство было основным видом деятельности. У него был крахмальный завод с 12 рабочими и стоимостью в 10 тыс. рублей и завод орловских рысаков. Однако и он должен был служить: в 1893—1905 гг. был земским начальником. Суточные выборного члена Гос.совета были для него существенным подспорьем.¹⁰ В большей мере зависели от службы по дворянству, земству и местному управлению другие 10 выборных из этой группы. Один из них владел небольшим винокурным заводом (15 тыс. ведер), другой был пайщиком сахарного завода, двое имели дома в уездных городах (Покров, Торопец). Те из них, которые были в Гос.совете в первую половину 1915 г., просили и получили безвозмездное пособие в 3,5 тыс. рублей. Источником средств существования для трех владельцев небольших имений была государственная служба.¹¹

Состоятельными в этой группе членов Гос.совета были двое: М. М. Ковалевский от Академии наук и представитель промышленности С. П. Глез-

мер. Первый имел виллу в Болье (близ Ниццы) и располагал значительными денежными средствами, успев выгодно продать часть отцовского имения (лес) в Херсонской губернии; оставшиеся 212 дес. (пашня и луг) сдавались в аренду бывшим крепостным. Второй, владелец родового имения в 450 дес. в Варшавской губернии и совладелец дома в Петербурге, был видным деятелем промышленного и банковского мира.

Члены Гос.совета, владевшие землей от 501 до 1 тыс. дес.,¹² составляли группу в 13—20 человек (9,48—14,49% от числа имевших землю). Удельный вес ее колебался по годам, но в итоге почти не изменился. Соотношение выборных и назначенных было различно: в первую половину периода больше было первых; они же преобладали и в целом: в 1906—1917 гг. в группе было 38 (12,41% от общего числа землевладельцев в составе Гос.совета за эти годы), из них 23 выборных и 15 назначенных. Среди последних у десяти земля была родовая (из них у А. И. Косыча заложена в Дворянском банке), у князя А. А. Ширинского-Шихматова — родовая жены, у Н. П. Гарина — в пожизненном владении, у трех характер землевладения не выяснен. Кроме земли, у трех значились дома: у Гарина — деревянный в Павловске, у А. П. Роговича — в Москве, оцененный в 69 480 рублей (1912), у Э. В. Фриша — загородный близ Петербурга и деревянный в Царском Селе. Двое имели дачи: С. В. Рухлов — на Черноморском побережье, Б. В. Штюрмер — под Рыбинском. Сведения о хозяйственной их деятельности скудны: у В. А. Мясоедова-Иванова был винокуренный завод в Курской губернии (паровой двигатель, 14 рабочих, годовая производительность в 20 740 рублей); винокуренный завод Н. Н. Сухотина (паровой двигатель, 20 рабочих, годовая производительность в 47 597 руб.) сдавался в аренду.

Среди выборных 12 были от земств, 5 от землевладельцев Царства Польского, 3 от съездов землевладельцев, 1 от дворянства, 1 от Академии наук и 1 от Академии наук, а затем от земства; 22 были потомственными дворянами и 1 из иностранцев; у пяти была родовая земля; у шести — родовая и приобретенная, у одного — родовая, приобретенная и приобретенная жены, у двух — родовая и приобретенная жен, у одного — приобретенная и родовая жены, у четырех приобретенная, у двух приобретенная и приобретенная жен, у двух характер землевладения не выяснен; трое имели по дому в губернских городах, двое — в уездных. А. И. Напиорковский, от землевладельцев Царства Польского, в одном из имений («Керж», 535,25 дес.) сам вел хорошо поставленное хозяйство: полеводство, скотоводство, откорм скота, главным образом покупного; имел винокуренный завод (29 тыс. ведер). Был винокуренный завод у представителя Полтавского земства И. Н. Лентовича (18 рабочих, паровой двигатель, годовая производительность

в 24 930 рублей). В. Н. Томановский (от Воронежского земства) владел, вместе с женой, половиной винокуренного завода и водяной мельницы, оцененных в 26 375 рублей (завод с 50 рабочими, паровым двигателем и годовой производительностью в 68 798 рублей). Винокуренный завод П. Д. Шкларевича (Полтавское земство) был в аренде (10 рабочих, паровой двигатель, годовая производительность 20 323 руб.).

Самыми многочисленными были владевшие от 1001 до 5 тыс. дес.;¹³ их численность и доля, составляя в 1906 г. 53 члена (36,8%), возросли за вторую половину периода до 62 (46,26%) в 1917 г. Выборные члены среди них чуть уступая назначенным в первую половину периода стали заметно преобладать во вторую. Всего в Гос.совете за 1906—1917 гг. эта категория насчитывала 126 членов, составляя 41,17% всех землевладельцев в составе Совета; назначенных среди них было 50 и выборных 78 (А. Б. Нейдгарт и О. Р. фон Экеспарре учитываются среди тех и других).

Среди назначенных 49 были потомственные дворяне и один из мещан. У 20-ти из 50-ти земля была родовой собственностью — их (у двенадцати), их и их жен (у четырех) и их жен (у четырех); у десяти земля была приобретенной — их (у трех), их и их жен (у четырех) и их жен (у трех); у двенадцати — родовой и приобретенной, при этом их родовой и их приобретенной — у шести, их родовой и приобретенной и родовой жен — у двух, их родовой и приобретенной и приобретенной жен — у двух, их приобретенной и родовой жен — у одного, приобретенной их и жен и родовой жен — у одного; у восьми происхождение земельной собственности не выяснено. Очевидна большая роль жен в формировании земельной собственности у назначенных членов Гос.совета этой группы. 14 членов из назначенных владели домами: десять — в столице (среди них барон В. Б. Фредерикс — двенадцатью,¹⁴ С. М. Сомов — пятью и еще домом в Воронеже, И. Л. Горемыкин — тремя, князь А. Д. Оболенский-2 — двумя); А. Б. и Д. Б. Нейдгарты имели по дому в столице и по два дома в Москве, у А. Г. Булыгина — дом в Москве и у А. С. Ермолова — в Сочи; двое имели дачи. Сведения о хозяйственной их деятельности отрывочны и создают весьма пеструю картину: двое разорились и после себя оставили имения, заложенными в банке и обремененными долгами, так что вдовы их просили детям пенсии; четверо сдавали часть принадлежавшей им земли в аренду окрестным крестьянам; один имел винокуренный и кирпичный заводы, сыроварню, паровую и две водяные мельницы; двое — налаженное лесное хозяйство (один из них еще и сыроварню и водяную мельницу); двое — паровые мельницы; трое — водяные; трое — винокуренные заводы (один из них еще и водяную мельницу); один — пивоваренный завод, сданный в аренду, и у жены одного был медеплавильный завод на посессионном праве.

Среди выборных группы владельцев от 1001 до 5 тыс. дес. 44 были представителями земств, 17 — съездов землевладельцев, девять — дворянских обществ, трое — землевладельцев Царства Польского, двое — торговли, трое избирались дважды: двое — съездами землевладельцев, а затем земствами; один — земством и затем дворянством. 73 из них были потомственными дворянами, четверо — потомственными почетными гражданами и один из казаков. У 33-х земельная собственность была родовой — их у 27-ми, их и их жен у шести; у восьми земля была приобретенной; у 22-х — родовой и приобретенной (при этом их родовой и их приобретенной — у тринадцати; их родовой, их приобретенной и родовой жен — у трех; их родовой, их приобретенной и приобретенной жен — у трех; их родовой и приобретенной жен — у одного, их приобретенной и родовой жен — у двух); у 15-ти происхождение земельной собственности не выяснено.

15 выборных были и домовладельцами: трое — в Петербурге (у одного из них 2 дома, а у другого еще и 2 дома в Москве), один — в Москве, восемь — в губернских городах (у одного из них 2 дома, а у другого 2 дома, 2 каменные палатки и каменное здание театра), один — в Феодосии (и дача близ города); местонахождение домов двух членов не выяснено.

В хозяйственном положении выборных этой категории землевладельцев Гос.совета явственнее, чем в назначенной ее части, ощущается дифференциация. Так, П. В. Дическул, представитель Бессарабского земства в 1906—1908 гг., и А. К. Еремеев, бывший членом Совета от Вологодского земства в 1909—1916 гг., разорились, оставив семьи в весьма затруднительном положении.¹⁵ Часть земли П. П. Баранова была заложена в банке. Двое некоторую часть своей земли сдавали в аренду крестьянам. Вместе с тем некоторые с разною степенью успеха укрепляли свое экономическое положение на путях торгово-промышленной деятельности, пока, правда, в отраслях, тесно связанных с сельским хозяйством и, следовательно, наиболее им близких. Так, на долю 31-го (из рассматриваемой группы) члена Гос.совета приходилось 18 винокуренных заводов, 3 ректификатных, 3 лесопильных, 3 сахарных, крахмальный, маслобойный, 10 мельниц (водяных, паровых, на нефти), 2 сыроварни, просорушка, 2 крупянки, 3 конных завода, виноградник, 2 лесных хозяйства, 3 завода кирпичных, цементный, стекольный, железоделательный, электротехнический, шахта, рудник, доломитовые копи. У одного из них, харьковского и курского помещика Н. А. Ребиндера, члена Гос.совета от дворянских обществ в 1908—1917 гг., кроме хорошо поставленного многоотраслевого сельскохозяйственного производства (полеводство, скотоводство, пчеловодство, плодоводство, лесоводство; конный завод, откорм скота; 1000 пар рабочих волов, 350 рабочих лошадей), име-

лись еще в начале века свеклосахарный, винокуренный и маслобойный заводы, мельница; позднее было налажено производство сыра, заработали лесопильный и ректификатный заводы. В 1912 г. годовая производительность сахарного завода составила 1 564 083 рублей, на нем работало 469 рабочих, он был оснащен паровыми двигателями, мощностью в 500 л.с. На лесопильном заводе с локомотивом было занято 15 рабочих, его производительность выражалась 129 216 рублями в год (1912). Крупный помещик и уездный предводитель дворянства В. А. Бутлеров (сын ученого), бывший членом Гос. совета от Пензенского земства с 1906 по 1917 г., имел 2 лесопильных завода с общей годовой производительностью в 77 535 рублей (1912). О размахе и характере его предпринимательской деятельности дают некоторое представление следующие факты: в январе 1910 г. он получил концессию на строительство Томашевской железной дороги; в 1916 г. за ним на посессионном праве значилось 59 915 дес. в Вологодской губернии.

Численность и удельный вес лиц, владевших от 5001 до 10 тыс. дес.,¹⁶ за первую половину существования реформированного Гос. совета возросли с 21 (14,58%) в 1906 г. до 27 (19,01%) в 1911 г., а затем, неуклонно сокращаясь, упали до 12 (8,95%) в 1917 г. Всего за 1906—1917 гг. их в составе Совета было 48 (15,68% от общего числа членов-землевладельцев), из них 9 назначенных и 39 выборных. Последние преобладали на протяжении всех лет.

Все назначенные в этой группе были потомственные дворяне. Земельная собственность у трех из них была родовая, при этом у одного это — его и жены; у трех — родовая и приобретенная, причем у каждого — особый вариант их сочетания: родовая и приобретенная его, родовая и приобретенная его и родовая жены, родовая и приобретенная жены; у одного — приобретенная, его и жены, и у двух происхождение земельной собственности не выяснено. Двое имели дома в столице, один из них — 2 дома; другой — дачу в Петергофе. За М. Г. Акимовым до 1908 г. значился винокуренный завод, переписанный затем на сына. В 1909 г. на нем было занято 13 рабочих и годовая производительность составила 19 235 рублей. У Н. М. Чихачова¹⁷ был свеклосахарный завод с 477 рабочими и годовой производительностью в 515 166 рублей (1912). А. С. Брянчанинов владел масло-молочным заводом. Интересные штрихи для характеристики экономического положения этой группы чиновников-помещиков можно почерпнуть из записной книжки П. А. Столыпина,¹⁸ назначенного членом Гос. совета 1 января 1907 г. и владевшего в 1909 г. 9 038 дес. Как видно из «Баланса за 1909 г.», доходными были два имения, давшие вместе 18 292 рубля, в то время как служба давала 25 092 рубля. Преобладающее значение государственной службы как источника средств существования, по сравнению с земельной собственнос-

тью, было характерно для многих не только назначенных, но и выборных членов Гос.совета. И второе: важной статьей прихода были «%% от бумаг»; у Столыпина в 1909 г. они составили 7 786 рублей, а это 42,56% дохода от имений и 31,02% его высокого жалования.

39 выборных представляли земства (13), дворянские общества (11), съезды землевладельцев (7), землевладельцев Царства Польского (6), промышленность (1) и дворянство и земство (1). У девятнадцати из них земля была родовой собственностью (у шестнадцати — их, у двух — их и жен, у одного — жены); у четырнадцати — родовой и приобретенной (у восьми — их родовой и приобретенной, у одного — его родовой и приобретенной и родовой жены, у четырех — их родовой и приобретенной и приобретенной жен, у одного — его родовой и приобретенной жены); у трех — приобретенной (у двух — их, у одного — его и жены); у трех происхождение земельной собственности не выяснено. У десяти были дома: у трех — в Петербурге (у одного из них — 4, у другого — 2); у двух — в Москве; у пяти — в губернских городах, причем у одного из них, барона А. Ф. Розена в Витебске — 5 и на собственной земле, а у двух других — еще и дачи. Двое, лично занимаясь собственным хозяйством, сдавали землю в аренду крестьянам: один — более 1 тыс. дес., другой — 6 тыс. дес. Более половины данной группы выборных (61,53%) имели отношение к промышленности, главным образом местной. В руках 24-х было 5 лесопильных заводов, 21 винокуренный (причем у пяти — по 2), 3 кирпичных, 2 черепичных, ректификатный, дрожжевой, маслобойный, сахароваренный, сыроваренный, скипидарный, 8 мельниц, 2 сукновальни, углежжение, известниковые копи, чугуноплавильный завод, фабрика дубового паркета, картографическое заведение. Один из них, симбирский губернский предводитель и член Гос.совета от Симбирского земства в 1906—1915 гг. В. Н. Поливанов, владелец 9 640 дес., имел в имении «Акшуат» многоотраслевое хозяйство: полеводство, скотоводство, овцеводство, лесоводство; 2 винокуренных и лесопильный заводы с 90 рабочими и годовой производительностью в 108 950 рублей (1912); черепичный завод. Другой из этой группы, самарский губернский предводитель А. Н. Наумов, имевший, по свидетельству С. П. Белецкого, «по жене крупное миллионное состояние»,¹⁹ вел в родовом имении «Отрадное» высокорентабельное хозяйство (полеводство, луговое хозяйство, лесное дело, рыбные ловли, скотоводство, конноводство), организовал маслоделие и крупное мельнично-мукомольное производство с отпуском товара с собственной приволжской пристани на Рыбинскую и Петербургскую биржи.

Следующая группа землевладельцев в составе Гос.совета — имевшие от 10 тыс. дес. до 25 тыс. — насчитывала, в разные годы, от 8 до 15 членов.²⁰

С 1906 по 1915 г. численность и удельный вес их снижались; с 1916 г. намечалось заметное повышение. Выборные члены среди них на протяжении всех лет составляли большинство — 7—12 человек, а назначенные — 1—6. Это видно и из общего итога: всего за 1906—1917 гг. землевладельцев этой категории в составе Гос.совета было 23 (7,51%); из них выборных 17, а назначенных 6.

Все назначенные были потомственными дворянами. Земельная собственность у двух из них была родовой (у одного — его, у другого — его и жены); у двух — родовой и приобретенной (у одного — его родовая и приобретенная жены, у другого — его родовая и приобретенная и родовая жены); у одного — приобретенная и у одного происхождение земельной собственности не выяснено. Один из них, князь Л. Д. Вяземский, имел 2 дома в Петербурге, винокуренный и спиртоочистительный заводы с 156 рабочими и годовой производительностью в 390 307 рублей (1912), мельницу; в имении «Лотарево» Тамбовской губернии был завод рысистых и рабочих лошадей, были коровы и свиньи; здесь же сдавалось в аренду крестьянам 638 дес. Крупным домовладельцем был и князь А. Д. Оболенский-1: ему принадлежал дом в Москве (Рождественский бульвар, 10) и за его женою, дочерью А. А. Половцова, значилось 3 дома в Петербурге, а после смерти в 1909 г. отца к ней перешел и особняк на Морской. На двух лесопильных заводах Оболенского и винокуренном его жены было занято 134 рабочих и они производили в год на 295 819 рублей (1912). Промышленные предприятия значились в этой группе членов Гос.совета еще за бароном А. А. Будбергом: винокуренный и кирпичный заводы (вместе с братом), водяная и паровая мельницы.

Выборные в этой группе представляли земства (6), съезды землевладельцев (6), землевладельцев Царства Польского (1) и дворянские общества (5); один из них избирался дважды: от дворянства и затем от земства. Шестнадцать из них потомственные дворяне и один — купеческий сын. Земля у четырех из них была родовой; у семи — родовой и приобретенной (при этом у пяти из них — их родовой и приобретенной, у одного — его родовой и приобретенной и родовой и приобретенной жены, у одного — его родовой и родовой и приобретенной жены) и у шести происхождение земельной собственности не выяснено. Семь из них имели дома, из них пять — в Петербурге (при этом один — 4 дома, другой — 3, третий — 2, четвертый — 2 и 1 в Москве), один — дома в Херсоне и Каховке и один — дома в Бердянске (при этом за его женой значились дом в Москве и каменный дом в Терской области). Одиннадцать человек (кроме И. Г. Каменского, хотя и крупного землевладельца, но более заводчика, не занимавшегося, по-

видимому, сельским хозяйством в традиционном для помещика-дворянина смысле) занимались промышленной деятельностью. На их долю приходилось 13 винокуренных заводов, 6 лесопильных, фанерный, стекольный, смолокурный, дегтярный, ректификатный, маслобойный, 2 крахмальных, дрожжевой, 6 мельниц, просорушка, фабрика спичечной соломки.

Крупнейших землевладельцев (более 25 тыс. дес.) в Гос.совете в 1906 г. было 12 (8,33%), к 1917 г. число их и доля сократились до 8 (5,97%). Назначенных среди них было 5—7, выборных 1—5. Всего за 1906—1917 гг. их было среди членов Гос.совета-землевладельцев 17; из них 11 назначенных и 8 выборных (В. Н. Охотников и А. П. Струков учитываются дважды). Все назначенные были потомственные дворяне. У четырех из них земля была родовой (у одного — его, у трех — их и жен); у шести — родовая и приобретенная (при этом у трех — их родовая и приобретенная, у одного — его приобретенная и родовая жены, у одного — его родовая и приобретенная и родовая жены, у одного — его родовая и приобретенная и родовая и приобретенная жены) и у одного происхождение земельной собственности не выяснено. Среди них были крупнейшие землевладельцы империи, владения которых во много превышали 25 тыс. дес. Так, у Н. П. Балашова значилось, по формулярному списку, на декабрь 1904 г. 310 221 дес. родовой земли в Уфимской и Новгородской губерниях, 11 794 дес. благоприобретенной в Подольской и 81 614 дес. родовой жены, урожденной графини Шуваловой, в Киевской, Новгородской, Пензенской, Саратовской и Симбирской губерниях — всего, следовательно, 406 908 дес. Граф С. Д. Шереметев владел, согласно формулярному списку, на 18 марта 1909 г. 244 254 дес. 400 саж., из них родовой: 666 дес. под дачей «Кусково», 180 174 дес. 400 саж. во Владимирской, Курской, Лифляндской, Московской, Орловской, Петербургской, Рязанской, Саратовской, Тверской, Тульской и Ярославской губ.; 54 864 дес. под временнообязанными крестьянами во Владимирской, Курской, Московской, Орловской, Петербургской, Тульской и Ярославской губерниях; приобретенной было 8 550 дес. в Кахетии, в Московской, Саратовской и Тульской губерниях. Не мудрено, что значительная часть земли сдавалась в аренду крестьянам. Так, князь Б. А. Васильчиков в имении «Нижне-Кисляйское» сдавал 450 дес., С. Д. Шереметев сдавал 6 тыс. дес. пашни в имении «Прудская вотчина», 8 840 дес. в «Баланде», всю пашню в имении «Карданах».

Восемь из них были крупными домовладельцами Петербурга и Москвы (двое к тому же имели дома в губернских городах, трое — дачи, а один — усадьбу в Монте-Карло и дворец в Царском Селе). Крупнейшим из них был тот же граф Шереметев: в 1909 г. ему принадлежали в качестве родовой

собственности 2 каменных дома и деревянный в Петербурге и каменный дом в Москве, а также приобретенный дом в Москве. Дома в Москве оценивались в 3 306 100 рублей (1909), в Петербурге — в 909 611 рублей (1912). Перед мировой войной граф развернул на принадлежавших ему городских землях строительство доходных домов.

Среди этой группы назначенных членов Гос.совета-землевладельцев были и крупнейшие представители винокуренной и сахароваренной промышленности империи. Так, графу А. А. Бобринскому (вместе с Л. А., Г. А. и Ан. А. Бобринскими) принадлежало 5 сахарных и 2 винокуренных заводов с 2 798 рабочими и годовой производительностью в 8 218 226 рублей (1912). Годовая производительность 2-х сахарных заводов князя А. С. Долгорукого (1 из них значился за его женой, урожденной графиней О. П. Шуваловой) составляла 1 622 545 рублей, рабочих было занято 1 094 (1910). На предприятиях Н. П. Балашова (кирпичном и сахарном заводах его; лесопильном, принадлежавшем ему вместе с братом, и заводах Е. А. Балашовой, жены Н. П.: 2-х лесопильных, 3-х винокуренных, сахарном и керамическом) работало 1 925 рабочих и производилось продукта на 3 528 565 рублей в год (1912); кроме того, Е. А. Балашовой принадлежали пивоваренный завод и 2 водяные мельницы.

Среди выборных этой группы членов Гос.совета один был от земства, трое — от дворянских обществ, двое — от съездов землевладельцев, один — от торговли и один был сперва от земства, а затем от дворянства; все потомственные дворяне. У четырех из них земля была родовая (у двух — их, у двух — их и жен), у четырех — родовая и приобретенная (у двух — их родовая и их приобретенная; у одного — родовая матери и его приобретенная; у одного — его родовая и приобретенная и приобретенная жены). Это были весьма крупные землевладельцы. Так, В. А. Поклевскому-Козелл в 1906 г. принадлежали родовые земли в Витебской, Вятской, Оренбургской, Пермской, Тобольской и Уфимской губерниях в количестве 376 330 дес. и 800 дес. родовой жены в Минской губернии. У князя П. Н. Трубецкого значилось в 1906 г. 53 726 дес., из них 42 808 дес. родовые и 10 918 дес. — приобретенные.

Вместе с тем они были и крупными домовладельцами: пятеро имели дома в Петербурге (при этом у трех было по 3 дома, а у одного из них — еще и дом в Екатеринославе). Крупнейшим среди них был тот же Поклевский-Козелл, у которого было 15 каменных и 18 деревянных домов в разных городах империи в качестве родового имущества. Он же был крупнейшим в этой группе членов Гос.совета-землевладельцев промышленником. Не затраги-

вая всей его торгово-промышленной и финансовой деятельности, отметим его участие в тех отраслях, которые оказались наиболее близкими для помещика-дворянина и поэтому ранее других были им освоены. Он был основателем торгового дома «Поклевского-Козелл А. Ф. Н-ки», которому, по данным 1912 г., в Акмолинской, Пермской и Тобольской губерниях принадлежали 2 дрожжевых завода, спиртоочистительный, 4 винокуренных и пивоваренный с общей годовой производительностью в 1 919 287 рублей; на них было занято 703 рабочих. Кроме того, ему совместно с К. К. Незабытовским принадлежал в Минской губернии дрожжевинокуренный завод с 51 рабочим и годовой производительностью в 12 тыс. рублей. Другим крупным промышленником в этой группе членов Гос.совета был граф Анд. А. Бобринский, брат и совладелец вышеупомянутого А. А. Бобринского. Граф В. А. Мусин-Пушкин имел 2 винокуренных завода с 30 рабочими и годовой производительностью в 81 392 рубля (1912). Кроме того, он был крупным акционером Яготинского и Носовского свеклосахарных заводов.

У всех членов этой группы выборных, в некоторых их имениях, были крупные многоотраслевые и хорошо поставленные хозяйства. Вместе с тем много земли сдавалось в аренду. Так, в имении П. Н. Трубецкого «Казацкое» в Херсонской губернии (25 126 дес.) было налажено полеводство, скотоводство (1 тыс. рабочих волов), овцеводство (23 тыс. голов), фруктовый сад, виноградники; 5 тыс. дес. сдавалось в аренду. У А. П. Струкова в имении «Выше-Тарасовская» в Екатеринославской губернии (16 тыс. дес.) было поставлено полеводство, скотоводство (800 голов), овцеводство (21 тыс. голов мериносов), свиноводство (150 голов), пчеловодство, плодоводство, виноградарство, лесоразведение; 3 тыс. дес. сдавалось в аренду.

Последнюю группу среди землевладельцев Гос.совета (см. табл. 3) составляли те, размеры владений которых выяснить не удалось. Назначенных среди них за 1906—1917 гг. было девять. Все они были потомственные дворяне. У пяти из них значились родовые имения; в формулярных списках других помечено, что недвижимого имущества у них или «нет», или о нем «нет сведений». Выяснилось, однако, что у Ф. В. Дубасова было в Тверской губернии имение «Знаменское»; у А. А. Поливанова — имение в Костромской губернии; граф А. П. Игнатъев владел в Тверской губернии имением «Чертолино» и рядом, в с. Зайцево, винокуренным и ректификатным заводами с 21 рабочим и годовой производительностью в 51 968 рублей (1912); у Д. А. Философова было имение «Усадище» в Псковской губернии. Трое из них были крупными домовладельцами Петербурга. Так, за вдовой и сыном убитого в 1906 г. А. П. Игнатъева значилось в 1913 г. 8 домов, а за Б. М. Якунчиковым — 3 (1913).

Выборных среди них было 12: трое — от земств, двое — от дворянских обществ, двое — от промышленности, пять — от торговли и один — от Академии и университетов (один избирался дважды: от земства и затем от торговли). Шесть из них были потомственные дворяне, двое — из потомственных почетных граждан, двое — из купцов и два брата Ясюнинские — из крестьян (отец их, крепостной писателя М. Н. Загоскина, выкупился на волю в 1859 г.). У четырех земля была родовая (у двух — их, у одного — его и жены и у одного — жены), у двух — родовая и приобретенная (в одном случае — приобретенная его и родовая жены, в другом — его родовая и приобретенная и приобретенная жены), у одного — приобретенная жены; у пяти происхождение земельной собственности не выяснено. Шесть из них имели дома: в Москве, Таганроге, Кисловодске, Рязани; при этом один — еще и дачу.

Таким образом, представительство землевладельцев, прежде всего дворян-землевладельцев, в Гос.совете было весьма значительно, а среди них владельцы латифундий (свыше 1 тыс. дес.) составляли значительное большинство на протяжении всего периода.

* * *

Владельцев промышленных предприятий в составе Гос.совета за 1906—1917 гг. было 116 (27,16%), из них 87 выборных и 32 назначенных.²¹ Большая часть их — 90 из 116 (64 выборных и 28 назначенных)²² — это владельцы винокуренных, сахароваренных или лесопильных заводов, мельниц, сыроварен и т. п. И только предпринимательская деятельность 26 (6,08%) членов Гос.совета выходила за рамки традиционной помещичьей промышленности.

Трое из них — члены по назначению: Н. П. Балашов, вместе с братом владевший, кроме выше указанного, железоделательным, чугуно- и сталелитейным заводами на Урале с 1 706 рабочими и годовой производительностью в 1 529 711 рублей (1912), а его жене принадлежали соляные промыслы в Пермской губернии, на которых было занято 300 рабочих и добывалось продукции на 190 тыс. рублей в год (1910); А. Д. Оболенский-1, у которого кроме отмеченных уже двух лесопильных заводов была стекольно-хрустальная фабрика с 1 006 рабочими и годовой производительностью в 526 610 рублей и ремонтно-механические мастерские при ней с 42 рабочими (1912); и А. А. Половцов, наследовавший текстильные фабрики тестя барона Штиглица и затем организовавший акционерное общество Нарвской ниточной мануфактуры, в 1883 г. он купил у казны Богословский горнозаводской округ (около полумиллиона десятин), где имела место добыча меди, золота, железа, и построил Надежденский сталелитейный завод.

Другие 23 были членами Гос.совета по выборам: из них пять от промышленности, четыре от торговли, пять от земств, один от земства и затем назначенный, один от земства и затем от дворянства, один от земства и затем от торговли, трое от съездов землевладельцев и трое от дворянских обществ. Среди последних один из консервативнейших деятелей объединенного дворянства, член его Постоянного совета, владелец чугунолитейного завода с 333 рабочими и годовой производительностью в 288 037 рублей (1912).

15 членов Гос.совета (3,51% его состава в 1906—1917 гг.) были владельцами и совладельцами торговых заведений. Из них 13 выборных (двое от торговли, трое от промышленности, один от промышленности и затем от торговли, двое от земства, один от земства и затем от торговли, двое от съездов землевладельцев и двое от дворянства) и двое — члены по назначению: упоминавшийся уже А. Д. Оболенский-1 имел склады в Москве, Пензе и Самаре и вел с них торговлю продукцией своей хрустальной фабрики и С. Д. Шереметев держал торговлю винами собственного производства со складов в Петербурге и Москве.

46 членов Гос.совета (10,77% его состава 1906—1917 гг.) были тесно связаны с акционерным капиталом в промышленности, торговле и транспорте, являясь председателями и членами правлений, председателями и членами советов и т. п. Семь из них — члены по назначению; среди них граф А. А. Бобринский, председатель правления общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П. П. Шувалова»; князь Б. А. Васильчиков, член правления акционерного общества Нижне-Кисляйского сахарного завода; князь А. С. Долгорукий, член правления Русско-бельгийского общества по производству состава «Фавос» и химических продуктов, и др. Выборных среди них было 39: девять от промышленности, четверо от торговли, один от промышленности и затем от торговли, восемь от земств, семь от съездов землевладельцев, шесть от дворянских обществ, двое от земств и затем от дворянских обществ, один от земства и затем от торговли, один от Академии наук и университетов. Так, член Гос.совета от землевладельцев Царства Польского в 1909—1917 гг. граф С. И. Велепольский был председателем правления общества Островецких чугуноплавильных и железоделательных заводов, членом правления Акционерного общества свеклосахарного завода «Ченстоцице» (1913) и членом правления Ивангородско-Домбровской железной дороги; член Гос.совета от Харьковского земства в 1915—1917 гг. князь А. Д. Голицын был членом правления четырех акционерных обществ: лесопромышленного, для механической и химической обработки дерева и

производства бумаги, каменноугольного и Сысертского горного округа (1917); член Гос.совета от Петербургского земства в 1912—1917 гг. барон В. В. Меллер-Закомельский был председателем правления в двух обществах: Кыштымских горных заводов и Южно-Уральском горнопромышленном и в двух горнопромышленных, Киргизском и Риддерском, — членом правления (1917).

27 членов²³ Совета (6,32% его состава 1906—1917 гг.) представляли интересы банковского капитала, будучи председателями или членами советов и правлений различных банков. Из них 24 — выборные от промышленности (6), торговли (5), промышленности и затем торговли (1), земств (5), съездов землевладельцев (4), Академии наук и университетов (2) и дворянства (1). Трое были членами Гос.совета по назначению: граф А. А. Бобринский был председателем совета Русско-английского банка, а князь А. Д. Оболенский -1 — его членом; П. Л. Барк, хотя и оставил должность председателя Волжско-Камского банка за несколько лет до назначения членом Гос.совета (29 декабря 1915 г.), сохранял, надо полагать, с банковским капиталом тесные связи.

30 членов Гос.совета²⁴ (7,02% состава 1906—1917 гг.) активно занимались общественно-представительской деятельностью в торгово-промышленной сфере, возглавляя биржевые комитеты, советы съездов промышленников, общества винокурных заводчиков и т. п. Из них 27 выборные от промышленности (10), торговли (8), промышленности и затем торговли (1), земства и затем торговли (1), съездов землевладельцев (4), дворянства (2), дворянства и затем земства (1). Трое были назначенными: член правления Всероссийского общества сахарозаводчиков Н. П. Балашов, товарищ председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли граф А. А. Бобринский и председатель съезда стеклозаводчиков князь А. Д. Оболенский-1.

Возраст членов Гос. совета

Удручающее впечатление на современников производил весьма преклонный возраст значительной части членов реформированного Гос.совета. Последнее, конечно, не было случайным. Во-первых, тут как в части проявились черты целого — всей системы. «Основная язва нашего старого бюрократического строя, — свидетельствовал большой его знаток, — засилие на вершинах власти старцев».²⁵ Во-вторых, к этому сознательно стремились. Дело в том, что надежды, возлагаемые на Гос.совет, могли оправдаться при том неременном условии, что состав его будет максимально консервативным. Творцы реформы это хорошо понимали: главнейшая задача совещания

Д. М. Сольского как раз и состояла в том, чтобы обеспечить такой состав Совета. Одним из средств ее решения представлялся «повышенный, сравнительно с назначенным для выборов в Государственную думу, возрастной ценз».²⁶

На первых порах речь шла о 35-летнем цензе, но затем остановились на 40-летнем. В действительности же возраст членов Гос.совета оказался много выше (см. табл. 4): в соответствии с задачей назначались и избирались лица, значительно старше сорокалетних; основная часть назначенных не менялась и, оставаясь в Совете, старела; в некоторой степени это определено и 9-летним сроком пребывания в Совете выборных членов: в рамках срока возраст последних, естественно, повышался.²⁷ Поэтому доля членов 60-ти лет и старше на протяжении всего периода оставалась весьма высокой: в 1906 г. она составляла 42,05%, к 1909 г. поднялась до 47,93%; упав до 46,39% к 1910 г. (Гос.совет несколько помолодел в результате перевыборов летом и осенью 1909 г.), она снова повысилась до 52,57% к 1912 г.; перевыборы 1912 г. снизили ее до 47,69% к 1913 г.; к 1915 г. она снова поднялась до 51,81%; перевыборы 1915 г. опять несколько омолодили состав Гос.совета: доля 60-летних и старше уменьшилась до 46,90%, а «чистка» назначаемой части Гос.совета в декабре 1916 г. сократила ее далее — до 45,36%.

Назначенная половина Гос.совета выглядела заметно старше выборной, так что ее возрастные показатели существенно отклонялись от средних показателей табл. 4. Так, в первой возрастной группе (40—44 года) назначенные были представлены только 4 раза и лишь одним членом: в 1907 г. это был А. А. Ширинский-Шихматов, в 1910 г. — И. П. Шипов, в 1913 г. — А. Д. Самарин и в 1916 г. — Н. А. Маклаков. Доля членов 60-ти лет и старше среди них, составив в 1906 г. 62,24%, возросла к 1911 г. до 74,48%; снизившись до 71,42% к 1912 г., она еще более выросла к 1914 г. (до 75,51%); затем она падает: к 1915 г. до 73,46%, к 1916 — до 69,38%, к 1917 г. — до 63,26%.

Удельный вес этих возрастных групп среди выборных членов был значительно ниже: в 1906 г. — 21,64%; к 1909 г. повысился до 27,08%, однако выборы 1909 г. снизили его до 25%; к 1912 г. он снова возрос — до 33,33%, выборы 1912 г. снова его снизили до 21,64%; к выборам 1915 г. он опять поднялся — до 29,47%, а в результате выборов упал до 23,95%; к 1917 г. он составлял 27,08%.

Столь почтенный возраст членов реформированного Гос.совета не мог, естественно, не сказаться на их качествах как законодателей. Нередко не хватало для работы физических сил.²⁸ А главное, это были люди иной психологии и иного миропонимания — из прошлой эпохи. «Люди, выросшие и воспитанные в других убеждениях, как, например, я, — писал один из

них, — не могут понять, куда нас ведут люди, получившие власть. Их страшит кровопролитие, но оно во всяком случае неизбежно и чем позже оно начнется, тем будет ужаснее».²⁹

Национальный состав Гос. совета

В формулярных списках национальность не фиксировалась, поэтому при анализе национального состава Гос.совета не остается ничего иного, как исходить из данных о вероисповедании. П. А. Зайончковский справедливо полагал, что национальность «устанавливается с большой степенью точности на основе данных о вероисповедании», и находил возможным, при характеристике высших бюрократических учреждений дореволюционной России, отождествлять православных с русскими, лютеран с немцами, католиков с поляками.³⁰ Конечно, в нашем случае, более позднем по времени и более, из-за выборных, сложном, о полном тождестве и речи быть не может; поэтому следует, взяв за основу вероисповедание, принять во внимание все, что так или иначе указывает на национальную принадлежность.

Национальный состав Гос.совета был predetermined национальным составом высшего чиновничества и тех общественных групп и организаций, которые получили право избирать его членов. Хотя следует заметить, что при разработке реформы особые соображения на этот счет были.³¹ И в общем контексте политики самодержавия этих лет, конечно же, совсем не случайно православные составляли большинство (см. табл. 5): в 1906 г. их удельный вес составлял 79,48%, к 1917 г. он поднялся до 88,14%, а численность их за 1906—1917 гг. возросла на 9,61%; при этом рост доли православных происходил как среди назначенных (с 85,71% до 92,85%), так и среди выборных (с 73,19% до 83,33%); наиболее заметным он был в предвоенный и военные годы.

Русские составляли, по нашим подсчетам, в 1906 г. 66,66% общего состава Совета; к 1917 г. их доля возросла до 73,71%; при этом среди назначенных их было 70,40% в 1906 г. и 76,53% в 1917 г.; среди выборных соответственно 62,88% и 70,83%. Кроме русских среди православных были малороссы Д. И. Багaley (от Академии наук и университетов в 1906 г. и в 1911—1915 гг.) и Б. И. Ханенко (от промышленности в 1906—1912 гг.); грузины, избранные от дворянских обществ: И. Г. Чавчавадзе в 1906—1907 гг., А. М. Эристов в 1909—1917 гг. и К. Н. Абхази в 1916—1917 гг.; молдаване П. В. Дическул в 1906—1909 гг. и в разной степени обрусевшие, преимущественно немцы, составлявшие, по нашим подсчетам, в разные годы от 9,32 до 13,91% общего состава Гос.совета.

Среди выборных членов Гос.совета в 1906—1917 гг. было 34 католика: 14 от землевладельцев Царства Польского, 18 от съездов землевладельцев 9-ти западных губерний, один от торговли и один от промышленности; все они входили в «коло». Среди назначенных за все время был один католик — И. И. Новицкий, назначенный в Гос.совет 1 февраля 1914 г. после увольнения от должности товарища министра финансов. По данным Е. Э. Новиковой, он был землевладельцем Минской губернии. В Гос.совете вошел в кружок внепартийного объединения. Таким образом, поляки неплохо были представлены в Гос.совете — до 8,42% (1907 г.)³² общего состава и особенно среди выборных — до 17,02% (1907 г.). Введение земства в шести западных губерниях, подорвав на местах влияние польских землевладельцев, сократило и польское представительство в Гос.совете (см. табл. 5).

В 1906—1917 гг. в составе Совета было 14 лютеран (шесть среди назначенных и восемь среди выборных), 20 членов евангелическо-лютеранского исповедания (двенадцать среди назначенных и восемь среди выборных) и два члена евангелическо-реформатского исповедания (назначенный и выборный). Большинство — 30 из 36 — были немцы; двое происходили из «дворян Великого Княжества Финляндского»,³³ двое были шведского происхождения, один еврей³⁴ и В. И. Герье, уроженец Москвы, бывший «гражданин Гамбурга» и принявший российское подданство в 1862 г.

Среди членов Гос.совета был один армяно-григорианского исповедания (П. О. Гукасов, от торговли в 1906—1912 гг.) и два, кроме вышеупомянутого Ротванда, еврея — иудей Г. Э. Вейнштейн, избранный от промышленности в сентябре 1915 г., и караим С. С. Крым, избранный Таврическим земством в августе 1915 г.

Образование членов Гос. совета

По образованию члены Гос.совета распределялись следующим образом (см. табл. 6): высшее имели от 150 до 157 человек (76,53 — 80,92%) в сессию, незаконченное высшее — от 1 до 7 (0,51 — 3,58%), среднее — от 30 до 38 (15,46 — 19,38%) и домашнее — 3—4 лица (1,53 — 2,06%); при этом доля лиц с высшим образованием при некоторых колебаниях почти не меняется; доля лиц со средним образованием несколько увеличивается за счет почти полного исчезновения лиц с незаконченным высшим.

Различие между назначенными и выборными тут в следующем: доля членов с высшим образованием среди первых (82,65 — 85,71%) была заметно выше, чем у вторых (68,36 — 76,04%); во-вторых, удельный вес членов со средним образованием с течением времени меняется различно: у назначенных он сократился с 14,28% в 1906 г. до 11,22% в 1917 г., а у выборных

вырос с 17,52% до 25%; в-третьих, среди назначенных не было лиц с незаконченным высшим образованием, а среди выборных — лиц с домашним образованием.³⁵

Небезынтересны данные о соотношении выпускников различных высших учебных заведений (см. табл. 7). Окончившие привилегированные Училище правоведения и Александровский лицей составляли 19,48—24,84% от общего числа членов с высшим образованием — процент значительный, но не преобладающий. При этом тут было большое различие между назначенными и выборными: всего за 1906—1917 гг. среди членов Гос.совета выпускников Училища было 37, из них 33 — среди назначенных и четверо — среди выборных; окончивших Лицей — 31 (20 и 12 соответственно; один учитывается дважды).

Выпускники университетов были многочисленнее. В 1906—1917 гг. их было 165, из них 67 окончили Петербургский, 59 — Московский, 9 — Харьковский, 8 — Варшавский, по 6 — Юрьевский и Казанский, по 5 — Киевский и Новороссийский. Здесь, наоборот, большинство составляли выборные члены: доля окончивших университеты среди выборных с высшим образованием составляла 51,38—61,42%, а среди назначенных — 41,97—47,61%.

Выпускники академий составляли среди имеющих высшее образование 16,88% в 1906 г. и 10,32% в 1917 г. Среди назначенных членов Гос.совета выпускники Военно-юридической (3), Академии генерального штаба (19), Инженерной (4), Морской (2), Артиллерийской (1) и Медико-хирургической (1) — всего в 1906—1917 гг. 30 — составляли 17,85% от 168 назначенных членов с высшим образованием. Среди выборных это были окончившие духовные академии (10), Генерального штаба (2), Медико-хирургическую (2), Инженерную (1), Петровскую сельскохозяйственную (1) и Академию художеств (1) — всего 17 или 10,30% от 165 выборных членов с высшим образованием.³⁶

«Другие вузы» в табл. 7 — это Горный институт (в 1906—1917 гг. в Гос.совете было 5 его выпускников), Петербургский технологический (8), Институт инженеров путей сообщения (8), Петербургский лесной (2), Константиновский межевой (1), Рижский политехнический (4), Лазаревский институт восточных языков (3), Московское высшее техническое училище (3), Демидовский лицей (2), лицей цесаревича Николая (1), российские вузы, точно в делах не обозначенные (3), и заграничные (получивших высшее образование за границей в Гос.совете в 1906—1917 гг. было 11, из которых 10 — выборные и 1 — выборный, а потом — назначенный). Всего окончивших указанные вузы было 51. В разные годы их в Гос.совете было 16—22 человека (10,45 — 14,37% от числа членов с высшим образованием).

Как среди выборных, так и среди назначенных были люди высокой научной квалификации: академики, члены-корреспонденты, профессора — от 21 до 28 в сессию. Среди них были известные ученые: назначенные В. И. Герье, Н. П. Петров, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. И. Соболевский и др.; выборные В. И. Вернадский, М. М. Ковалевский, Е. Н. Трубецкой, А. А. Шахматов и др.

В составе Гос.совета в 1906—1917 гг. было 15 (7—11 в сессию) членов, имевших по два высших образования; 28 членов, получив высшее образование в России, продолжили его за границей (таковых в сессию бывало от 10 до 18).

Лиц с высшим юридическим образованием среди членов Гос.совета бывало в разные годы от 85 до 95 (44,04 — 49,22% от общего числа его членов). В этом отношении выборные (от 31 до 36) существенно уступали назначенным (от 53 до 61). Среди последних были громкие имена: А. Ф. Кони, В. И. Сергеевич, Н. С. Таганцев и др.³⁷

Чины в составе Гос. совета

Большую часть членов Гос.совета составляли чины первых пяти классов (см. табл. 8): в разные годы — от 150 до 161, а удельный вес их — от 77,43 до 82,98%. Это, прежде всего, все члены по назначению, среди которых чинов V класса не было. Выборные члены в этом отношении заметно уступали назначенным: хотя доля имеющих чин была высокой — 74,22—85,56% (71—83 члена), чины первых пяти классов составляли 54,63—65,62% (53—63); при этом чинов I класса и военных II класса среди них не было. Уступали выборные и по числу военных: среди них военные чины составляли 3,12—10,52% (3 — 10 членов), в то время как среди назначенных их было от 13,26 до 25,51% (13—25 членов); при этом военные чины среди выборных были в большинстве своем ниже V класса, а среди назначенных — это в основном II класса и лишь единицы III класса.

Эта большая «чиновность» назначенных, более высокое их положение по иерархической лестнице усиливалось еще и тем, что среди них в сессию было от 1 до 5 кавалеров ордена Андрея Первозванного, от 4 до 9 генерал-адъютантов, от 15 до 19 статс-секретарей, от 37 до 54 сенаторов, от 3 до 7 первых чинов двора, от 15 до 24 вторых чинов двора, от 1 до 4 в придворном звании; в то время как среди выборных было 4—12 вторых чинов двора и 11—21 в должности второго чина двора или в придворном звании.

Выборная часть Гос.совета характеризовалась еще и тем, что в ней были такие категории членов, каких среди назначенных не было. Кроме отмечен-

ных уже чинов V класса, это (см. табл. 9) чины VI—XIV классов, преимущественно гражданские; в отдельные годы их доля достигала четверти выборных. Были члены, награжденные почетными званиями коммерции- и мануфактур-советников; их было немного и число их сокращалось: если в 1906 г. три мануфактур- и четыре коммерции-советника, то в последние 4 года в составе Гос.совета был лишь один мануфактур-советник. Среди выборных были представители православной церкви; все они были высоких рангов: среди семи монахов, бывших в 1906—1917 гг. членами Гос.совета, были митрополит, пять архиепископов и епископ, ставший в 1913 г. архиепископом, пять представителей белого духовенства были протоиереи. От семи до двенадцати (7,21—12,76%) среди выборных были вовсе без чина; в основном это поляки, представлявшие землевладельцев Царства Польского и западных губерний империи, но были и немцы (от Лифляндской губернии), и русские (М. Н. Триполитов от торговли) и др.

Содержание членов Гос. совета

Выборные члены Гос.совета получали во время сессии суточное содержание³⁸ по 25 рублей, а также раз в год — путевые издержки (по 5 копеек за версту от места жительства до столицы и обратно). Таким образом, выборный член «второй палаты» в год обходился казне приблизительно в 6,5 тыс. рублей, а вся выборная половина Совета — около 650 тыс. рублей.³⁹

Значительно дороже стоили назначенные. Оклад их содержания не был указан в законе, а определялся решением царя всякий раз отдельно при назначении.⁴⁰ Как правило, оклады были высокими (см. табл. 10). При этом имели место большие различия. Из 202 присутствовавших в Гос.совете в 1906—1917 гг. 56-ти при их назначении было положено по 10 тыс. рублей в год,

6-ти	—	по 11 тыс. руб.
32-м	—	« 12 «
11-ти	—	« 13 «
29-ти	—	« 14 «
18-ти	—	« 15 «
10-ти	—	« 16 «
28-ти	—	« 18 «
4-м	—	« 20 «
и 1-му	—	22 тыс. рублей.

Оклад одного не выяснен; шесть членов, будучи министрами в момент назначения их в Гос.совет, сохраняли содержание по занимаемой должности.

Чем же руководствовался царь, определяя размер содержания члена Гос. совета? Усматривать здесь какой-либо произвол не приходится: среди 56-ти с 10-тысячным окладом были такие богачи, как граф С. Д. Шереметев, и не имевшие недвижимого имущества бюрократы вроде Н. Н. Шрейбера; среди них был либерал А. Ф. Кони и консерватор С. С. Бехтеев; лично неприятный царю Д. Ф. Кобеко, назначению которого в Гос.совет Николай II противился,⁴¹ и Д. И. Пихно, которому он симпатизировал. При всех различиях, однако, мы не найдем здесь ни одного товарища министра, так же как среди получивших при назначении в Гос.совет 18-тысячный оклад товарищ министра В. В. фон Валь будет исключением (за назначение ему такого оклада хлопотал в декабре 1903 г. В. К. Плеве), а среди получивших при назначении 13-тысячный оклад типичным будет товарищ министра. Очевидно, таким образом, что оклад определялся «калибром» назначаемого в субъективном, разумеется, восприятии царя. Так, назначенным в Гос.совет после увольнения с министерских должностей С. С. Манухину (в декабре 1905 г.), М. Г. Акимову, Д. А. Философову, князю А. Д. Оболенскому-2 (в апреле 1906 г.) и позднее — И. П. Шипову и К. С. Немешаеву был определен оклад в 15 тыс. рублей, в то время как А. С. Ермолову и В. Н. Коковцову, ставшими членами Гос.совета в мае и октябре 1905 г., было назначено по 18 тыс. рублей: первые не подходили, по мнению Николая II, под категорию «старых министров», и поэтому они оказались в этом отношении в одной компании с П. М. Романовым, который был товарищем министра, но долго — с 1897 по 1905 г.

Будучи определен при назначении, оклад многих членов Совета затем значительно и не раз повышался. Тут уж никакого руководящего принципа не было — сказывались самые различные обстоятельства. В отношении В. Ф. Трепова это было сделано по инициативе царя: через год после назначения в Гос.совет положенное ему содержание было увеличено с 10 до 12 тыс. рублей. Некоторые, как П. П. Семенов-Тян-Шанский, выпрашивали сами: при назначении в Гос.совет ему было назначено 10 тыс. рублей, в 1891 г. он выхлопотал прибавку в 2 тыс. рублей, с февраля 1901 г. содержание было увеличено до 15 тыс. рублей, кроме того 31 марта 1874 г. ему была пожалована на 12 лет аренда в 2 тыс. рублей, которая затем продлевалась в 1886, 1890 и 1894 гг., а в 1898 г. была увеличена до 3 тыс. рублей и затем снова продлевалась в 1902 и 1906 гг.; 22 декабря 1909 г. он письмом просит М. Г. Акимова исходатайствовать увеличение содержания в связи с тем, что с 1910 г. арендное производство не возобновлялось; содержание ему было увеличено до 18 тыс. рублей.

Иногда подобное не проходило: С. А. Воеводский, назначенный в Гос.

совет с должности морского министра, был уязвлен, что ему было положено 16 тыс. рублей, а не 18, как его предшественникам, и просил М. Г. Акимова о ходатайстве; Акимов отказался, мотивируя тем, что у других членов содержание и того менее. Дважды — через В. К. Саблера в 1908 г. и через С. Д. Шереметева в 1909 г. — пытался увеличить содержание бывший тульский губернатор В. К. Шлиппе, получавший 10 тыс. рублей. Однако Николай II, по словам М. Г. Акимова, сославшись на неудовлетворительное состояние средств государственного казначейства, отклонил домогательства.

Следует отметить, что в составе Гос.совета были и такие, что удовлетворялись назначенным им окладом и, не получая каких-либо прибавок, не возбуждали ходатайств об увеличении им содержания; некоторые из них не располагали и большим достатком.

Некоторым членам содержание было увеличено по ходатайству председателя Гос.совета. М. Г. Акимов, хлопотал о бароне Э. Ф. Гойнинген-Гюне и П. П. Кобылинском, указывая на несправедливость положения: «Принадлежа к числу наиболее деятельных членов Совета, оба они, однако, получают наименьший установленный для сих членов оклад».⁴² А. Н. Куломзин исходатайствовал прибавку содержания в 4 тыс. рублей А. Ф. Кони с 1 января 1916 г., мотивируя дороговизной.

Своего рода правилом стал следующий путь увеличения содержания: А. А. Бобринский как член Гос.совета получал 10 тыс. рублей; назначенный 25 марта 1916 г. товарищем министра, а с 21 июля — министром, он стал получать по занимаемой должности: 15, а затем 22 тыс. рублей; когда же он был уволен от должности министра, то содержание ему как члену Гос.совета было увеличено до 18 тыс. рублей. Таким путем возросло содержание многих членов Гос.совета. Однако и на нем бывали исключения. Князю Б. А. Васильчикову и А. Д. Самарину после увольнения их от занимаемых должностей главноуправляющего и обер-прокурора было назначено как членам Гос.совета прежнее содержание — по 10 тыс. рублей. Во многих случаях основание увеличения содержания членов Совета можно усмотреть в прекращении аренды. Все случаи назначений внутри Гос.совета также велик к увеличению оклада, часто весьма значительному. Так, назначение Н. П. Петрова председателем II департамента увеличило его содержание на 3 тыс. рублей, назначение председателем Гос.совета Э. В. Фриша — на 7 тыс. рублей, М. Г. Акимова — на 10, И. Г. Щегловитова — на 12; назначение В. Ф. Дейтриха вице-председателем — на 6 тыс. рублей.

Из табл. 10, отражающей численность и удельный вес групп членов Гос.совета по получаемому содержанию, видно, что для получавших по 10, 11, 12 и 13 тыс. рублей, а они в первые пять лет существования реформи-

ванного Совета составляли более половины всех получавших содержание членом; — для этих четырех групп существовала возможность увеличить получаемое содержание. Сокращение численности этих групп и падение их удельного веса в 1910-1917 гг. и соответствующий этому рост групп, получавших по 14 и 16 тыс. рублей вместе с появлением получавших по 17 тыс. рублей, свидетельствуют, что эта возможность не только была, но и достаточно интенсивно реализовывалась. Наиболее широкой эта возможность была у получавших по 10 тыс. рублей и суживалась с каждой группой с более высоким окладом; у получавших 18 тыс. рублей она практически была равна нулю, ибо на оклад, более 18 тыс. рублей, как на приз, могли рассчитывать немногие. Среди присутствовавших в Совете в 1906—1917 гг. таких было 16 (7,92%).⁴³

Нет оснований утверждать, что такая градация окладов назначенных членов Гос.совета была преднамеренно спланирована. Однако бесспорно, что эта система создавала определенную перспективу для назначенных и призванных к присутствию членов Гос.совета, рождая надежды. Тем более, что жизнь нередко оправдывала их. И бывало это так, например: Н. А. Мясоедов, сенатор и тайный советник, был назначен присутствующим членом 10 октября 1908 г. с окладом в 10 тыс. рублей; с 1 мая 1913 г. содержание было увеличено до 12 тыс. рублей, а с 16 июля 1916 г. — до 14 тыс. рублей. Такая практика прочно привязывала назначенных к присутствию членов Совета к монарху, побуждала их дорожить своим пребыванием среди присутствующих и бояться быть исключенным из их числа.⁴⁴

Кроме оклада многие из назначенных получали аренду⁴⁵ (до 1910 г.). Было принято «испрашивать» единовременные пособия⁴⁶ на «переезд и обзаведение» (если назначался в Гос.совет служивший далеко от столицы) и лечение. В случае смерти назначенного члена семье его выдавалось пособие «на погребение»,⁴⁷ а вдовам и незамужним дочерям назначались пенсии.⁴⁸ Представление об объеме этого рода «добавок» дает табл. 11.

38 из присутствовавших в 1906—1917 гг. (18,81%) получали различного рода пожизненные доплаты. Из них 22 — за ордена: от 5 рублей 71 копейки в год, как адмирал И. М. Диков, до 1,6 тыс. рублей в год, как генерал Х. Х. Рооп. Пятеро — «за раны»⁴⁹: от 245 рублей в год, как А. А. Поливанов, до 858 рублей в год, как А. Н. Селиванов. Трое — «за долговременное командование судами»: 450—540 рублей в год. Восемь получали «за ревностные труды» в прошлом: от 1,5 тыс. рублей в год, как И. Я. Голубев «за труды по ипотечной системе», до 5 тыс. рублей в год, как граф К. И. Пален «за ревностные труды в бытность министром юстиции». Десять человек получали учеб-

ные (профессорские) пенсии⁵⁰ от 1,5 тыс. рублей в год, как генерал А. Ф. Редигер, до 3,5 тыс. рублей в год, как упомянутый уже И. Я. Голубев.

Таким образом, назначаемая половина Гос.совета обходилась в сумму около 1,5 млн. рублей в год.⁵¹ Дело, однако, не в расходах казны, а в материальной зависимости членов по назначению от самодержавия. Разумеется, многие из них были монархистами по убеждению, и характер их деятельности в Гос.совете определялся не размерами годового оклада.⁵² Были, видимо, и такие, которые действовали по принципу «чего изволите?» из страха потерять источник существования.⁵³ Зависимость эта усугублялась еще и тем, что к присутствию в Гос.совете члены его назначались не более, чем на год;⁵⁴ легко было не угодить и оказаться в числе неприсутствующих. К тому же, как показывает практика, любой из присутствовавших в Гос.совете по назначению мог быть отправлен в принудительный отпуск до конца текущего года.⁵⁵

Гос. совет и объединенное дворянство

Как только выяснилось, что дворянство будет иметь своих представителей в Гос.совете, встал вопрос о взаимоотношениях с ними дворянства в целом.

14 февраля 1906 г. губернские предводители, съехавшись в Москву на заседание Главного распорядительного комитета Красного Креста, решили собраться «немедленно после опубликования закона, коим дворянству представляется избрание членов Гос.совета»: представлялось крайне важным «переговорить и о многом договориться».

На съезде предводителей 5—6 марта мнения их разделились: если одним представлялось, что между дворянством и его представителями в Гос.совете «должно происходить духовное общение» (Московский губернский предводитель князь П. Н. Трубецкой), что постановления дворянского съезда будут носить академический характер (Орловский губернский предводитель М. А. Стахович), то другие думали иначе: «Для того, чтобы постановления съезда не были академическими, необходимо, чтобы с ними считались члены Гос.совета, выбранные от дворянства» (Курский губернский предводитель граф В. Ф. Доррер). Первые поэтому не хотели проводить общедворянский съезд до созыва Думы, опасаясь, что «постановления съезда могут быть поняты как программа, обязательная для будущих представителей дворянства в Гос.совете», вторые же настаивали на немедленном созыве общедворянского съезда.⁵⁶

Объединившись, дворянство обратило на Гос.совет самое пристальное

внимание. Во-первых, положение его как верхней законодательной палаты позволяло рассчитывать с его помощью «обезвредить Думу» — скорректировать поправками принятый ею законопроект или вовсе его отклонить. Во-вторых, Гос.совет рассматривался как одно из важнейших средств проведения в жизнь принятых решений. Наконец, Гос.совет закреплял через основные государственные законы дворянскую организацию.⁵⁷ Значение корпоративных прав дворян возрастало, особенно после указа 5 октября 1906 г.,⁵⁸ который, как заметил А. М. Давидович, перечеркнул монопольное право дворян поступать на государственную службу и «фактически мало что оставил от их личных прав».⁵⁹

Естественно, что объединенное дворянство установило с Гос.советом весьма тесные отношения: члены последнего от дворянских обществ, согласно ст. 2 раздела I устава съездов уполномоченных включались с решающим голосом в состав съезда;⁶⁰ с правом совещательного голоса они участвовали в работе Постоянного совета;⁶¹ некоторые члены Гос.совета, особенно из числа назначенных, а также чины Государственной канцелярии привлекались Постоянным советом к работе съездов на основании прим. 1 и 3 к ст. 2 разд. I устава в качестве «известных своими заслугами дворянству» и «сведущих лиц»;⁶² многие члены Гос.совета участвовали в работе дворянских съездов как уполномоченные губернских дворянских собраний; те из выборных Гос.совета, которые являлись губернскими предводителями дворянства, включались на основании ст. 11 разд. II устава в состав Постоянного совета;⁶³ к делопроизводству своей организации объединенные дворяне привлекли чинов Государственной канцелярии.⁶⁴

На конец первой сессии реформированного Гос.совета (начало июля 1906 г.) из 195 его членов 33 (16,92%) были более или менее связаны с объединенным дворянством; из них уполномоченных — 24,⁶⁵ членов Гос.совета от дворянства — 9, привлеченных в качестве «сведущих» — 0. На конец второй сессии (начало июня 1907 г.)

таких было	— 34	из 190	(17,89%; 26, 7 и 1)
на 1.I.1908 г.	— 38	« 193	(19,68%; 30, 7 и 1)
« « « 1909 «	— 41	« 194	(21,13%; 33, 7 и 1)
« « « 1910 «	— 45	« 194	(23,19%; 36, 8 и 1)
« « « 1911 «	— 50	« 196	(25,51%; 40, 7 и 3)
« « « 1912 «	— 53	« 194	(27,31%; 42, 7 и 4)
« « « 1913 «	— 59	« 195	(30,25%; 46, 6 и 7)
« « « 1914 «	— 60	« 195	(30,76%; 46; 5 и 9)

« « « 1915 « — 63 « 193 (32,64%; 47, 5 и 11)

« « « 1916 « — 61 « 194 (31,44%; 46, 3 и 12)

« « « 1917 « — 62 « 194 (31,95%; 44, 3 и 15)

В составе уполномоченных дворянских съездов члены Гос.совета составляли 10—11%,⁶⁶ однако роль их в делах объединенного дворянства была весьма значительна: сказывались уровень образованности и осведомленности, связи в бюрократическом мире и придворных кругах, жизненный опыт и служебный багаж, относительная материальная независимость, иногда значительная. Создается впечатление, что они и составляли ядро дворянской организации, были ее штабом.

48 членов Гос.совета (11,21% его состава в 1906—1917 гг.) активно работали в комиссиях, образованных Постоянным советом для предварительного обсуждения вопросов и подготовки по ним докладов для съездов уполномоченных,⁶⁷ составляя от 18,18 до 100% их состава; при этом ими возглавлялось более половины (56,25%) этих комиссий;⁶⁸ многие одновременно были заняты в двух-трех комиссиях. 16 из них (33,33%) — назначенные члены Гос.совета, двое — сначала выборные, затем — назначенные, 30 (62,5%) — выборные от дворянства (13), земств (10), съездов землевладельцев (3), от дворянства, а затем от земства (3), от съезда землевладельцев, а затем от земства (1).

С другой стороны, значительная часть Постоянного совета оказалась в составе Гос.совета. На начало июля 1906 г. из 15 его членов, избираемых съездом, семь (46,66%), в т. ч. оба товарища председателя, были членами Гос.совета; кроме того, среди последних были четыре дворянских предводителя входивших в объединение губерний и, следовательно, являвшиеся членами Постоянного совета. Так было и на конец второй сессии Гос.совета⁶⁹ и на 1 января 1908 г. (в последнем случае увеличилось число губернских предводителей-членов Постоянного совета до шести).

На 1.I.1909 г. — 8 из 15 (53,33%), в т. ч. товарищ председателя; предводителей-членов Постоянного совета было 7.

На 1.I. 1910 г. — 7 из 14 (50%), в т.ч. оба товарища председателя; 13.

На 1.I. 1911 г. — 8 из 15 (53,33%), в т.ч. оба товарища председателя; 11.

На 1.I. 1912 г. — 8 из 14 (57,14%), в т.ч. председатель и оба его товарища; 9.

На 1.I. 1913 г. — 10 из 15 (66,66%), в т.ч. оба товарища председателя; 12.

На 1.I. 1914 г. — 10 из 15 (66,66%), в т.ч. председатель и оба его товарища; 13.

На 1.I. 1915 г. — Так же; 12.

На 1.I. 1916 г. — 9 из 14 (64,28%), в т.ч. председатель и оба его товарища; 9.

На 1.I. 1917 г. — 7 из 15 (46,66%), в т.ч. председатель и один из его товарищей; 12.

Тем не менее дворянство не было удовлетворено. Уже осенью 1906 г. в среде поместного дворянства раздались голоса за увеличение числа своих представителей в Гос.совете. 4 октября 1906 г. Харьковское губернское очередное дворянское собрание, по предложению Д. Н. Кованько, возбудило ходатайство «о предоставлении дворянскому собранию каждой губернии права избирать одного члена Гос.совета от дворянства непосредственным избранием». ⁷⁰ Подобные ходатайства возбудили Курское и Саратовское губернские дворянские собрания. Это было связано с претензиями объединенного дворянства на политическую роль, с его настороженным отношением к правительству Столыпина и сомнениями относительно Гос.совета. ⁷¹

В заседании Постоянного совета 12 января 1908 г. его член Х. Н. Сергеев предложил «поднять вопрос на первом же дворянском съезде о том, чтобы члены Гос.совета выбирались на губернских дворянских собраниях от каждой губернии отдельно, как это делается в земствах». ⁷²

Первым из числа поставленных IV съездом объединенного дворянства был вопрос об увеличении числа дворянских представителей в Гос.совете. Любопытны мотивы этого единодушно заявленного требования. Надо «улучшить состав» Гос.совета (Н. Е. Марков), ибо и теперь «недостаток консервативного элемента» в нем «препятствует правильному законодательству» (В. Н. Снежков). «Когда же произойдет земская реформа и когда губернские земские собрания могут принять совершенно иную физиономию», недостаток консервативных элементов в Гос.совете будет еще более острым (С. М. Прутченко): 18 человек, которыми дворянство сейчас представлено в Гос. совете «в случае проведения предположенной правительством местной реформы, окажутся каплей в море» и Гос.совет не сможет сдержать либеральную Думу (В. Л. Кушелев). Съезд единогласно признал существующую систему выборов от дворянства в Гос.совет «неудовлетворительной» и предоставил Постоянному совету «дать сему вопросу своевременно надлежащее направление». ⁷³ Связь поднятого объединенным дворянством вопроса с угрозой намеченных правительством Столыпина реформ представляется очевидной. ⁷⁴

В дальнейшем было несколько попыток возбудить вопрос об увеличении числа членов Гос.совета от дворянства под различными предлогами. В феврале 1910 г. в Постоянный совет была представлена «Записка о дворянских выборах и представительстве в Государственном совете Западно-русского

дворянства 9-ти губерний Западного края»,⁷⁵ автор которой, уполномоченный Псковского дворянства Я. Н. Офросимов, обращал внимание на то, что дворянство названных губерний, не имея дворянских выборов, лишено и представительства в Гос.совете. Находя это несправедливым, он предлагал увеличить число членов Гос.совета от дворянства до 22 с тем, чтобы предоставить русскому дворянству этих губерний на своих губернских съездах избирать выборщиков для выборов членов Гос.совета от дворянства. Постоянный совет представил записку VI съезду уполномоченных, который поддержал идею и поручил Постоянному совету подготовить доклад VII съезду.

В декабре 1910 г. уполномоченный Тамбовского дворянства В. Н. Снежков предложил Постоянному совету для VII съезда уполномоченных доклад «Об изменении порядка избрания членов Государственного совета от дворянских обществ», в котором предлагал ходатайствовать об изменении выборов членов Гос.совета от дворянства с тем, чтобы каждое губернское дворянское общество избирало по одному члену, «а в случае затруднительности такой меры, ходатайствовать об усилении числа членов Гос.совета двумя представителями Прибалтийского и Кавказского дворянства». Последнее мотивировалось тем, что «участие остзейских и кавказских выборщиков при выборах членов Гос.совета от русского дворянства является нецелесообразным», ставя исход выборов в зависимость «не от представителей коренных русских губерний, а от представителей окраин».⁷⁶

Однако Постоянный совет не видел возможностей осуществить эти предложения. Управляющий его делами С. А. Панчулидзеv заметил на сопроводительном письме Снежкова: «При теперешней Думе нет никаких шансов». В заседании 15 января 1911 г. Постоянный совет постановил «указать В. Н. Снежкову на несвоевременность возбуждения вопроса об увеличении числа членов Гос.совета от дворянства». Принималось во внимание, что прежним подобным ходатайствам «было категорически отказано» с указанием на то, что дворянство и без того достаточно представлено в Гос.совете как избранниками дворянских обществ, так и губернскими земствами. Опасались также, что предоставление права избирать членов Гос.совета дворянству Прибалтийского края и Кавказа «могло бы возбудить неудовольствие остальных дворянских обществ». В этом же заседании обсуждался доклад комиссии по предложению Я. Н. Офросимова. Решили дело положить под сукно: и без того были слишком остры противоречия между русскими и польскими дворянами.⁷⁷ В феврале 1913 г. Постоянный совет, обсуждая просьбу Подольского губернского предводителя поставить в повестку IX съезда уполномоченных вопрос о расширении прав общих собраний предводителей и депутатов в 9-ти западных губерниях и о представительстве от

дворянства этих губерний в Гос.совете, отказал, находя несвоевременным «по политическим и международным соображениям».⁷⁸

Сплачиваясь на защите своих сословных интересов, объединенное дворянство в политическом отношении было неоднородно. Даже члены его Постоянного совета принадлежали к разным политическим направлениям.⁷⁹ Поэтому и в Гос.совете его «представители» входили в разные группы. В конце первой сессии Гос.совета треть их (11 из 33) входила в правую, 18 (54,54%) — в группу центра, четверо (12,12%) не обнаружили свою групповую принадлежность. Затем последовало достаточно быстрое их перераспределение, отразившее общее поправление Гос.совета. На 1 января 1911 г. численность и удельный вес входивших в правую группу поднялись до 26 (52,0%), входившие в группу центра численно несколько увеличились, но удельный вес их понизился — 23 (46,0%).

В 1911 г. в результате столкновения Столыпина с правыми политическая группировка и членов Гос.совета, связанных с объединенным дворянством, становится более дробной, отражая сдвиг вправо и этой части Гос.совета. На 1 января 1912 г. из нее 24 (45,28%)⁸⁰ входили в правую группу, 10 (18,86%) — в правый центр, 14 (26,41%)⁸¹ — в группу центра, четверо (7,54%) — в кружок внепартийного объединения и один (1,88%) был внепартийным. Правые и умеренно-правые преобладали, составляя вместе 64,15% (34 из 53). Их преобладание сохранялось и далее: 69,49% на 1 января 1913 г., 70,0% — 1914 г., 66,66% — 1915 г., 62,29% — 1916 г. и 59,67% на 1 января 1917 г. Понижение их удельного веса в годы войны отразило известное колебание, в т. ч. и объединенного дворянства. Понижение это происходило за счет выборных членов Гос.совета: сокращалась как их общая численность в составе «представителей» объединенного дворянства в Гос.совете с 44 на 1 января 1915 г. до 35 на 1 января 1917 г. (-20,45%), так и среди правых и умеренно-правых — с 29 до 17, соответственно (-41,37%). Что касается назначенных членов Гос.совета среди «представителей» объединенного дворянства, то их общее число возросло с 19 на 1 января 1915 г. до 27 на 1 января 1917 г. (+42,10%), а среди правых и умеренно-правых — с 13 до 20, соответственно (+53,84%).

Несмотря на то, что ни съезд, ни Постоянный совет формально никакого отношения к Гос.совету и к выборам в него не имели, члены последнего, так или иначе связанные с объединенным дворянством и прежде всего входящие в правую группу, считали себя его представителями в Гос.совете. Нередко их выступления на съездах уполномоченных приобретали характер отчетов о деятельности в Гос.совете.⁸² Нередко члены Гос.совета из пра-

вой группы и правого центра (из числа активных деятелей объединенного дворянства) обращались к съезду или в Постоянный совет за «руководящими указаниями»: просили обсудить вопрос, поскольку предстояло его рассмотрение в Гос.совете; желали знать взгляд объединенного дворянства, чтобы определить свою позицию в особой комиссии или в общем собрании Гос.совета; запрашивали мнение объединенного дворянства, чтобы иметь в нем «опору»; выясняли, можно ли идти на дальнейшие уступки Думе или надо отклонять весь проект; настаивали на рассылке членам особых комиссий Гос.совета материалов дворянского съезда по вопросам, которые в данное время как раз и рассматриваются ими, и т. п.⁸³

Способы, какими объединенное дворянство оказывало влияние на членов Гос.совета, были разнообразны. Чаще это были просьбы, обращения, призывы — съезда к «своим представителям в Гос.совете», Постоянного совета, его членов и председателя, товарищей последнего, отдельных уполномоченных — следовать той или иной линии, поддерживать точку зрения объединенного дворянства, «похоронить данный проект», «не упразднять волостные суды», вернуть проект в министерство, «внести существенные поправки», «поддержать тот взгляд, который выражен дворянством» и т. п. Иногда Постоянный совет по поручению съезда входил «в известные сношения» с членами Гос.совета по назначению и выборными, «чтобы побудить их» действовать так или иначе. Постоянный совет рассылал членам Гос.совета материалы съездов, знакомил их с точкой зрения объединенного дворянства на обсуждаемые в Гос. совете законопроекты, следил за голосованием «своих представителей» в Гос.совете. Так, когда один из членов Гос.совета «баллотировал за решение, диаметрально противоположное тому, за которое он подавал голос на съезде уполномоченных», Постоянный совет в заседании 20 мая 1911 г., по предложению своего члена и назначенного члена Гос.совета С. С. Бехтеева, постановил «ознакомлять членов Гос.совета с решениями съездов объединенного дворянства по законопроектам, подлежащим рассмотрению Гос.совета».⁸⁴ С. А. Панчулидзе осенью 1911 г. в письме к председателю Постоянного совета А. А. Бобринскому, возвращаясь к этому вопросу, писал: «Опыт показывает, что С. С. Бехтеев был прав: мы должны воздействовать после рассмотрения проектов в Думе, т. е. перед их рассмотрением в Гос.совете».⁸⁵ Постоянному совету приходилось предпринимать и «экстренные меры убеждения» членов Гос.совета, как это было при обсуждении в Гос.совете законопроекта об изменении наследственных прав лиц мужского и женского пола — результат был положительный: «Взгляд постоянного дворянского совета был Гос.советом разделен».⁸⁶

Некоторые дополнительные штрихи к характеристике состава Гос. совета в 1906—1917 гг.

Значительная часть назначенных членов Гос.совета (до 25% от числа присутствовавших в 1906—1917 гг.) активно участвовала в общественно-политической жизни. Так, по нашим подсчетам, 34 из них были членами Русского Собрания, шестеро принимали участие в Кружке москвичей, четверо — в Кружке дворян, верных присяге, трое — в Обществе ревнителей русского исторического образования в память Александра III, двое посещали салон К. Ф. Головина, пятеро активно работали в Русском окраинном обществе, двое — во Всероссийском национальном клубе, трое — в Клубе общественных деятелей. Были среди них и члены политических партий. А. И. Лыкошин и А. И. Соболевский состояли в Союзе Русского Народа, почетным членом Русского монархического союза был А. Н. Волжин. А. А. Бобринский, Н. А. Маклаков, А. А. Римский-Корсаков и И. Г. Щегловитов принимали участие в совещании монархистов в ноябре 1915 г. Н. П. Балашов был председателем Главного Совета, а С. В. Рухлов одним из учредителей Всероссийского национального союза. Князь Б. А. Васильчиков и В. И. Герье были в партии октябристов.

Много ярче в этом отношении была выборная часть Гос.совета. Из бывших в Гос.совете в 1906—1917 гг. 17 (7,39%) были связаны с кадетской партией: 16 были ее членами, из них девять — членами ее ЦК; 54 (23,47%) — с партией октябристов: 30 из них были делегатами тех или иных ее съездов, 21 входили в состав ее ЦК; 11 числили себя прогрессистами, из них семь были членами ЦК; пять выборных членов были националистами, двое из них — членами Главного совета Всероссийского национального совета; имена 25-ти (10,86%) встречаются в списках Русского Собрания, в т. ч. в качестве председателя и двух членов Совета; двое были членами Союза Русского Народа; один участвовал в совещании монархистов в ноябре 1915 г.; 13 (5,65%) входили в Кружок дворян, трое из них — члены его Совета; двое посещали заседания Кружка москвичей; в «коло» были члены Партии реальной политики (4), Польской национал-демократической партии (1), Партии умеренных польских националистов (2), Польской группы центра (1); среди представителей прибалтийских губерний были члены Балтийской конституционно-монархической партии (3), весьма близкой «Союзу 17 октября». Имена выборных членов Гос.совета встречаются в списках учредителей, старшин и членов Клуба общественных деятелей, Всероссийского национального клуба, Английского клуба, Нового клуба.

* * *

Почти десятая часть Гос.совета (9,58% его состава 1906—1917 гг.) занималась публицистикой. 19 из них были члены по назначению (9,4% от числа назначенных в 1906—1917 гг.) Среди них были весьма популярные и авторитетные по различным вопросам современности — земельному, национальному, финансовым, военным, научным, педагогическим и т. п.: С. С. Бехтеев, М. М. Бородкин, А. С. Ермолов, Н. А. Зверев, Н. А. Зиновьев, Д. И. Пихно, А. И. Соболевский, Н. С. Таганцев и др. Чуть больше — 22 (9,56% от избранных в 1906—1917 гг.) — их было среди выборной половины Гос. совета. И тут были громкие имена: архиепископ Антоний (А. П. Храповицкий), В. И. Вернадский, князь Н. С. Волконский, В. И. Гурко, И. Х. Озеров, Ф. Д. Самарин и др.

* * *

Восемь из назначенных к присутствию в 1906—1917 гг. были связаны, большей частью в прошлом, с местным самоуправлением в качестве гласных земских собраний, городских дум или председателей управ. Связи выборной части членов Гос.совета были и более тесными, и более живыми: 24 из них были гласными, а 42 в разное время работали председателями уездных и губернских управ, городскими головами, членами земских и городских управ (28,61% состава избранных в 1906—1917 гг.).

* * *

В Гос.совете было 30 бывших земских начальников (7% состава 1906—1917 гг.) Служба эта не predetermined политическую позицию (земскими начальниками были в начале 90-х гг. XIX в. и правый М. Я. Говорухо-Отрок, и кадет А. А. Шахматов), а основательно знакомила с жизнью крестьянства, с аграрно-крестьянским вопросом в целом. 29 из них были членами Гос.совета по выборам (12,6% их состава 1906—1917 гг.) и один был членом по назначению.

* * *

Среди назначенных были особо доверенные сановники: Николай II знал их лично и весьма ценил. Это председатель Гос.совета в 1907—1914 гг. М. Г. Акимов, воспитатель великих князей Сергея и Павла Александровичей адмирал Д. С. Арсеньев, близкий Александру III барон А. А. Будберг, последний председатель Совета министров князь Н. Д. Голицын, бывший в 1896 г. верховным церемониймейстером князь А. С. Долгорукий, пользовавшийся особым доверием Александра III О. Б. Рихтер и др. Они, по нашим наблюдениям, составляли 10,39% состава присутствовавших в Гос.совете в

1906—1917 гг. — 21 сановник. Были среди назначенных к присутствию и такие, кто не пользовался доверием царя. Их, естественно, было немного. Можно назвать двух: Д. Ф. Кобеко (Николай II противился назначению его в Гос.совет и не хотел давать ему никакой награды в 1906 г.) и весьма близкий Александру III граф С. Д. Шереметев, который Николая II не любил и влиянием при нем не пользовался.

* * *

Назначенная половина Гос.совета оказалась устойчивее выборной. Из первоначального ее состава в списке назначенных к присутствию в 1907 г. не было 6 человек (6,12%), в списке на 1908 г. и последующие — 11, 10, 6, 2, 4, 5, 1, 6, 5, 9 и в списке на 1917 г. все еще оставалось 33 человека (33,67%). Выборная половина обновлялась быстрее: к началу второй сессии из первоначального ее состава выбыло 15 (15,3%), к 1 января 1908 г. и последующих лет выбыло 7, 5, 19, 4, 5, 16, 2, 1, 9, 2 и на 1 января 1917 г. оставалось 13 человек (13,26%)

* * *

Среди членов реформированного Гос.совета были масоны и близкие им, т. н. «арьергард». В 1906—1917 гг. среди выборных их было 19 и 2 (10,39% от общего числа выборных за эти годы) и 3 и 2 среди назначенных.

До осени 1912 г. среди членов Гос.совета было 6—8 масонов и 1—2 близких им; после выборов 1912 г. их стало 10 и 2; после выборов 1915 г. — 19 и 3.

Руководство левой группы было масонским на протяжении всего рассматриваемого периода (председатель группы Д. Д. Гримм, влиятельные члены группы В. И. Вернадский, М. М. Ковалевский, П. П. Рябушинский, Е. Н. Трубецкой). С осени 1913 г. стало в значительной мере масонским и руководство группы центра (председателем группы стал барон В. В. Меллер-Закомельский, а одним из его товарищей — граф Д. А. Олсуфьев). В 1915—1917 гг. масоны играли значительную роль и в кружке внепартийного объединения (В. И. Гурко, Н. Н. Покровский).

* * *

В ходе первых выборов в Гос.совет в некоторых губернских земских собраниях обнаружилось отрицательное отношение к новому учреждению, созданному-де в нарушение манифеста 17 октября; выражались опасения, что Совет будет «тормозом для Государственной думы» и сведет «все благие ее начинания к нулю»; имели место сомнения в целесообразности посылать представителей в него; некоторые из гласных отказывались баллотироваться.⁸⁷ Тем не менее везде положенное число членов было избрано. При этом

одним из мотивов за участие была надежда, что «выборные члены Государственного совета может быть составят кадры будущих министров».⁸⁸

Однако жизнь показала, как иллюзорна была эта надежда. За 1906—1917 гг. из числа назначенных к присутствию членов Гос.совета пять были назначены на должность председателя Совета министров, тринадцать — министрами, двое — главноуправляющими, двое — государственными контролерами, трое — обер-прокурорами, четверо — товарищами министров; всего, следовательно, 29 человек; из них пятеро назначались дважды и один — трижды. Кроме того, из числа присутствующих 36 членов за это время назначались на другие должности: генерал-губернатора (3), председателя Особого комитета для исследования железнодорожного дела в России (1), посла (2), председателя Верховного уголовного суда (3), управляющего Государственным банком (1) и др.; из них двое назначались трижды и трое — дважды. Все должности внутри Гос.совета — председателя, вице-председателя, председателей департаментов и пр. — замещались членами по назначению.

Первым выборным, заместившем правительственную должность, был В. И. Тимирязев, назначенный 14 января 1909 г. министром торговли и промышленности. Это не означало, однако, что самодержавие увидело в выборной части Гос.совета кадровый резерв. Выбор был определен личностью Тимирязева: начавший службу в 1875 г., уже занимавший должности товарища министра финансов и министра торговли и промышленности и получивший при увольнении пожизненную пенсию в 7 тыс. рублей, он был своим в бюрократическом мире, и теперь был назначен «как отставной тайный советник». В январе 1911 г. Тимирязев же, уже не министр и снова член Гос.совета от промышленности, был назначен генеральным комиссаром Русского отдела на международной выставке в Турине. Таким же бюрократическим было назначение А. А. Салтыкова Тамбовским губернатором, а князя Н. Б. Щербатова управляющим Государственным коннозаводством: оба сложили звание члена Гос.совета.

И только в условиях мировой войны Николай II решился воспользоваться выборными членами Гос.совета для замещения некоторых должностей. В августе 1914 г. член Гос.совета от торговли Ф. В. Стахеев был назначен уполномоченным Главного управления по закупке хлеба для армии по Северному району и блестяще справился с задачей. До конца года было назначено еще пять выборных членов: председателем Комитета великой княгини Татьяны Николаевны, членами этого комитета, уполномоченными общества Красного Креста. В 1915 г. было много назначений, однако в правительство были назначены только двое: А. П. Рачинский стал товарищем министра

народного просвещения и А. Н. Наумов — управляющим министерством земледелия. В 1916 г. он был утвержден в должности министра, а В. П. Энгельгардт был назначен состоять при МВД, а затем был назначен председателем Особого совещания по беженцам, с правами товарища министра. Таким образом, выборные члены Гос.совета так и не составили кадра будущих министров.

Более того, они даже внутри Совета играли второстепенную роль. «Мы знаем, — возмущался И. О. Корвин-Милевский, — что особенно по отношению к комиссиям, которых мы имели и постоянных, и специальных до 20, выборные члены не получали никогда ни одного места председателя или хотя бы докладчика по важнейшим делам. ...Только по указанию П. М. Романова (председатель финансовой комиссии. — А.Б.) появляется иногда выборный член докладчиком финансовой комиссии по таким делишкам, где докладчик заявляет, что заявить ничего не имеет».⁸⁹

Конечно, ближайшей причиной такого положения было то, что члены по выборам в большинстве своем значительно уступали назначенным в подготовке к практической законодательной работе. Несомненно, однако, что главная состояла в нежелании бюрократии поступаться своим руководящим и влиятельным положением.

* * *

Личный состав Гос.совета во многом определял как сильные и позитивные, так и слабые и негативные стороны его деятельности.

Блестящая профессиональная подготовка сановников, их огромный жизненный и служебный опыт, хорошее знание различных сторон местной жизни выборными членами усиливались ограниченным числом постоянных комиссий и практикой особых, для предварительного обсуждения наиболее сложных проектов, и предопределили глубокое и компетентное рассмотрение обсуждаемых вопросов.

Развитое чувство долга, привитая с молодых ногтей привычка к строгой дисциплине, точности и обязательности, сформировавшаяся с годами дошность определили внимательное, всестороннее и тщательное обсуждение, исключали случайные решения. Иногда, правда, это оборачивалось излишним затягиванием в прохождении дел через Гос.совет.

Воспитание, традиции многолетней службы, весь предшествующий образ жизни обусловили строго деловую атмосферу заседаний как в комиссиях, так и в общем собрании: здесь не допускались выражения одобрения или неодобрения, жестко пресекались попытки уклониться от сущности

рассматриваемого вопроса, соблюдались регламент, внешний порядок, тишина.

Вышколенная канцелярия, ее вековые традиции обеспечили высокий уровень технической стороны дела, точные формулировки принимаемых решений, тщательную отшлифовку каждой статьи.

Социальное происхождение, национальность, вероисповедание, имущественное положение членов Гос.совета, обусловив их шкалу ценностей и политическую ориентацию, неизбежно сказывались на их позиции при решении ими важных вопросов государственной и общественной жизни России начала XX века и тем во многом предопределили роль учреждения в ее судьбе.

Первые сессии (27. IV. — 10. VII.
1906 г., 20. II. — 5. VI. 1907 г.)

Распределение членов Гос.совета по группам (см. табл. 12) растянулось более чем на две сессии: членов, групповая принадлежность которых в источниках не обозначена или характеризуется неопределенно или противоречиво, было 29 (14,87%) к концу первой сессии и 10 (5,26%) к концу второй.¹

В конце первой сессии в левую группу входило 12 (6,15%), в центр 93 (47,69%), в правую 43 (22,05%). Среди пяти внепартийных трое были либералами, один имел репутацию правого; пятым был С. Ю. Витте, поведение которого в Гос.совете определялось скорее соображениями тактического свойства. Из министров, назначенных членами «второй палаты», семеро были правого направления и трое — либерального; министр двора в заседаниях Гос.совета не бывал.

Таким образом, соотношение сил в Гос.совете в первую его сессию свидетельствует о явном преобладании представителей либерально-монархического крыла: входившие в левую и центр, даже без близких им из числа министров, внепартийных и неопределивших свою групповую принадлежность, составляли 53,84%.² Выражаемая этим возможность эволюции политического строя империи сохранялась до 1910 г. и вызывала тревогу и негодование в стане правых.³ В 1910 г. она становится проблематичной: левая и центр получают преобладание лишь с присоединением к ним части внепартийных. Каждый голос приобретает значение, и в этих условиях правая группа с ее жесткой дисциплиной начинает все чаще определять решения «второй палаты».

Основная тенденция перемен в Гос.совете — поправение. Уже к концу второй сессии произошли характерные изменения и в численности групп, и в личном их составе, и в настроении Совета в целом.

Численность и удельный вес левой группы возросли до 13 (6,84%), однако существенно изменился личный состав. Восемь ее членов (все кадеты) сложили с себя звание членов Гос.совета в знак протеста против роспуска

I Думы. Из них переизбран был только В. И. Вернадский. Из семи избранных вместо выбывших только двое были кадетами, трое были мирнообновленческой и прогрессистской окраски. На вакантное после отказа В. О. Ключевского место был избран кадет, однако из центра перешел Д. Н. Шипов и определился с группой Е. В. Рыков. Кадет В. А. Кудрявый был отстранен от участия в заседаниях Гос.совета. В результате кадетский характер группы (из 12 — 9 (75%) кадеты, в т. ч. 4 члена ЦК) заметно потускнел: доля кадетов снизилась до 50%, число членов ЦК — до двух.

Возросли несколько численность и удельный вес и группы центра, однако в настроении большинства ее членов произошел заметный сдвиг вправо, побудивший Шипова перейти в левую группу. Это выразилось, по наблюдениям Шипова, в том, что если в первую сессию члены центра готовы были признать «если не необходимым, то, во всяком случае, неизбежным» осуществление начал манифеста 17 октября, то с роспуском I Думы, с приходом к власти П. А. Столыпина они увидели «возможность избежать широких политических и социальных реформ», сохранить «прежние основы государственного строя».⁴ Поправление центра выразилось и в формуле перехода по декларации Столыпина, принятой 6 марта 1907 г. против левой группы, и в отстранении Кудрявого, и в решении Гос.совета не рассматривать законопроект I Думы об отмене смертной казни, принятом против левой, и в отклонении 2 мая законопроекта II Думы об отмене положения о военно-полевых судах, и в исключении 19 апреля И. Г. Каменского из состава бюро группы центра за его речь, задевшую честь гвардии.

Правая группа заметно усилила свои позиции: выросли и численность (+10), и удельный вес, и влияние. Так, когда ведущие деятели центра (С. А. Ермолов, С. С. Манухин, А. А. Сабуров и др.) выступили с предложением реформировать Сенат, а левая и «коло» их поддержали, правая принимает единогласное решение возражать, депешами созывает всех отсутствовавших своих членов, спланирует всех других противников предлагаемой реформы, в т. ч. и многих членов центра, и 2 июня 1907 г. большинством в 4 голоса отклоняет предложение 39-ти.⁵

Рост численности всех групп к концу II сессии связан, главным образом, с тем, что определялись те, кто в первую сессию не мог этого сделать.

Выборы между сессиями (заполнялось 12 вакансий) принесли лишь одну новость: левая уступила два кресла — центру (съезд землевладельцев Могилевской губернии вместо кадета Г. В. Выковского избрал В. П. Войнич-Сяноженского, вступившего в «коло») и правой: Самарское земство вместо кадета Н. А. Шишкова избрало А. Н. Карамзина.

Перемены в назначаемой части Гос.совета были более существенны. К

концу года образовалось две вакансии и один член, будучи болен, просил освободить. 22 декабря 1906 г. Э. В. Фриш представил Николаю II списки членов Гос.совета — общий, призванных к присутствию на 1906 г. и отсутствующих. 29-го царь вернул их, приказав исключить из числа присутствующих В. В. фон Валя, П. П. Дурново и графа П. И. Кутайсова и назначить «на шесть оставшихся за сим вакансий» Столыпина, Ф. В. Дубасова, И. Г. Щегловитова, А. Ф. Кони, В. И. Сегеевича и В. И. Герье. В результате правая группа уступила одно кресло центру.

Факт исключения из списка присутствующих одинаково насторожил и либералов, заподозривших в этом месть за голосование с левой группой,⁶ и правых, усмотревших тут «произвол» Столыпина.⁷

Назначения 1 января 1907 г. не радовали правых.⁸ С тревогой ждали новой Думы: возможной представлялась отставка Столыпина и формирование «министерства из среды Думского большинства» — относительно царя не было «никакой уверенности». В этих условиях хотелось, чтобы Столыпин остался у власти: он хотя и «верит в необходимость неуклонно держаться манифеста 17 октября, но столь же решительно убежден в необходимости всеми мерами бороться с революционным движением».⁹

Однако опасения не оправдались, и уже 22 февраля С. Д. Шереметев с облегчением констатировал «заметную перемену вправо», энергичную деятельность С. С. Гончарова по сплочению правых в Гос.совете, и с этого времени дает волю своему раздражению против Столыпина.¹⁰ И теперь он констатирует «подавленное настроение» в среде своих единомышленников, и теперь прорываются сетования по адресу царя, однако он с надеждой и уверенностью начинает смотреть в будущее, связывая их с «признаками оздоровления», с зарождением течения, которое стремится «к возрождению тех родных начал, без которых Россия жить не может». «В Гос. Сов[ете], — общает он другу, — образовалась стойкая и не застенчивая группа, к которой уже прислушиваются со вниманием».¹¹

В конце марта группа подготовила записку против «затеваемых» Столыпиным реформ. О «правом» ветре в «сферах» говорили новые назначения в Гос.совет:¹² 9 марта назначен князь А. А. Ширинский-Шихматов, 4 апреля — издатель «Киевлянина» Д. И. Пихно, 16 апреля — фон Валь. 10 апреля вместо умершего Фриша председателем Гос.совета был назначен М. Г. Акимов. Хотя соотношение сил все еще было не в пользу правых,¹³ они не унывали. Бодрое настроение, констатация «несомненных признаков отрезвления», призывы «не убаюкивать себя розовыми мечтаниями», «не унывать», а бороться характеризуют настроения правых и осенью 1907 г.¹⁴

Третья сессия (1. XI. 1907 г. — 5. VII. 1908 г.)

К началу 1908 г. (по сравнению с концом второй сессии) Гос.совет в своем настроении еще более поправел: сказалось поражение революции.¹⁵ Численность и состав групп изменились следующим образом.

Левая по-прежнему насчитывала 13 членов, ее состав стал несколько умереннее: выбыл И. Г. Чавчавадзе (убит 30 августа 1907 г. грабителями), вступил М. А. Стахович, избранный Орловским земством.

Среди перемен в составе группы центра (смерти, отказы, вступление вновь назначенных и избранных) были и весьма симптоматичные: трое назначенных и выборный перешли в правую, а Екатеринославское земство вместо отказавшегося М. В. Родзянко избрало правого — в результате численность центра сократилась (-4), удельный вес его снизился до 47,15%.

Численность правой возросла (+16), удельный вес ее поднялся с 27,89% до 35,75%. Здесь сказались переходы из центра, «отрезвление» дворянских выборщиков (вместо Чавчавадзе и отказавшегося члена центра Н. А. Хомякова были избраны правые) и некоторых земств, правые преимущественно назначения (из назначенных к присутствию с 1 января 1908 г. четверо вступили в правую и двое в центр), вступление в группу большей части тех, кто в конце второй сессии не определил еще свою групповую принадлежность.

Сдвиг Гос.совета вправо происходил прежде всего в его назначенной части: из 16 новых членов правой группы 12 были назначенными и 4 выборными; центр утратил три кресла в назначенной половине и одно — в выборной (см. табл. 13 и 14)

В третью сессию настроение правых улучшается. Еще в преддверии ее Шереметев ободрял единомышленника, намекая, по-видимому, на непрочное положение Столыпина: «Враги наши главного своего пункта отстоять не могут и уже проговариваются с признаками бессилия».¹⁶ Воодушевляло и сплочение правых в Гос.совете: «Бываю еженедельно у С. С. Гончарова на совещаниях, весьма утешительных, служащих противовесом потугам нашего Петеньки (лидера группы центра князя П. Н. Трубецкого. — А.Б.), который мнит себя главнокомандующим центром».¹⁷ Появляется надежда «обезвредить» Думу, «признавая ее — но далеко не совершенной».¹⁸

В марте 1908 г. правым удалось повести за собой часть центра и отклонить 81 голосом против 78 одобренное Думой правительственное предложение ввести преподавание польского языка и практических уроков по арифметике на этом языке в Бельской и Холмской учительских семинариях.¹⁹

31 мая большинством из правых и «нейдгартцев» был принят за-

конопроект о строительстве Амурской железной дороги. Это особенно воодушевило правых.²⁰

14 июня 1908 г. им удалось сплотить большинство общего собрания против решения Думы не дать деньги на постройку четырех броненосцев. «Все против 35», — удовлетворенно отметил Шереметев.²¹

Очень помог правым поступивший на рассмотрение Гос.совета уже в самом конце третьей сессии законопроект «Об установлении штата Морского Генерального Штаба и об отпуске из государственного казначейства средств на его содержание». Он дал возможность правым выступить против Думы и Совета министров с позиций защитника Основных законов и прерогатив «Державного Вождя армии и флота», сплотить на этой основе членов Гос.совета.

Этот штаб был учрежден приказом царя в 1906 г. и содержался вне бюджета. В 1907 г. Морское министерство внесло в Думу законопроект об отпуске на содержание этого штаба 89 620 рублей, «согласно проектированному и приложенному к представлению штату». Дума, согласившись на ассигнование запрашиваемой суммы, утвердила вместе с тем и штаты. «По тактическим соображениям и с согласия Николая II, правительство не стало протестовать».²²

В первом же заседании финансовой комиссии Гос.совета представители правой группы заявили, что постановление Думы «незаконно, так как оно нарушает прерогативы Верховной Власти, присваивая Думе право», принадлежащее, согласно ст. 96 Основных законов, «исключительно Верховной Власти».²³ Хотя правые и в комиссии, и в общем собрании были в меньшинстве, им не составило труда при такой постановке вопроса получить поддержку части внепартийных и центра. 3 июля 1908 г. общее собрание отклонило законопроект, мотивируя тем, что «утверждение штата названного штаба не подлежит ведению Совета и Думы».²⁴

Решили правые и проблемы, связанные с руководством группы. Гончаров сыграл большую роль в организации правой группы и не только тем, что предоставил свою большую квартиру «в распоряжение» группы для ее секционных заседаний.²⁵ Однако вскоре в группе стали тяготиться «гончаровской тиранией», возникла угроза выхода некоторых из группы. Вечером 29 мая 1908 г. члены правой, собравшись в Мариинском дворце в бывшем зале департамента законов, постановили «не собираться на будущее время нигде, как в этой зале». Тут же избрали делегацию уведомить об этом Гончарова и просить его «продолжать свое председательствование».²⁶ Однако он «заупрямился». 5 июня 1908 г. группа сформировала новое бюро, избрав

председателем П. Н. Дурново, заместителем его П. П. Кобылинского и членами А. С. Стишинского, Ф. Д. Самарина и А. А. Нарышкина.

Однако в целом ситуация на конец третьей сессии правых не устраивала. В постоянных и особых комиссиях, формирование которых с начала третьей сессии происходило по принципу пропорциональности,²⁷ правые были, как и в общем собрании, в меньшинстве. Первые такие выборы состоялись 7 ноября 1907 г.: за список левой группы было подано 17 голосов (11,2%), за список центра 85 (55,9%), за список правой 50 (32,8%). Последние выборы в третью сессию 11 июня 1908 г. отразили лишь тенденцию: левая — 11 (7,9%), центр — 75 (53,9%), правая — 53 (38,1%). «Наша консервативная партия, — заключал А. А. Киреев после беседы с Нарышкиным, — ничего не может сделать ни в Госуд. Совете, ни в Думе.»²⁸

Четвертая сессия (15. X. 1908 г. — 12. VI. 1909 г.)

На протяжении 1908 г. изменения в численности групп были незначительны (см. табл. 12). В левой группе отказался Е. Н. Трубецкой, но перешли из центра П. О. Гукасов (от промышленности), Каменский и В. П. Энгельгардт (от Пермского и Смоленского земств) — численность группы возросла (+2), удельный вес повысился до 7,73%.

Численность центра сократилась (-2), снизился его удельный вес до 45,87%. За этим, однако, большие перемены в личном составе: четверо выборных вышли из группы, двое выборных отказались от звания члена Гос. совета, двое — выборный и назначенный — скончались, пятеро назначенных по разным причинам не включены в список присутствующих на 1909 г.; вошли в группу двое назначенных, один выборный из числа до того неопределившихся, семь новоизбранных и один земец перешел из правой.

Правая группа за это время потеряла²⁹ трех выборных членов (один умер, другой вышел из группы, а Самарин отказался) и двух назначенных (скончались). Потери были компенсированы новыми назначениями (5) и в группу вошел из числа внепартийных. Численность группы возросла (+1).

Реальное соотношение сил в ходе четвертой сессии мало изменилось: удельный вес голосовавших за список левой группы колебался в пределах 6,9% — 12,8%; удельный вес центра колебался около половины (46,9 — 52,7%); устойчивее был удельный вес правой с заметной тенденцией повышения от 38,0% 23 октября 1908 г. до 40,3% 26 мая 1909 г.

Четвертая сессия характеризуется обострением борьбы за преобладание в Гос. совете. Правые пытались ослабить противника, добиваясь исключения из списка присутствующих наиболее видных членов центра. Так, в конце декабря 1908 г. ожидали исключения Н. С. Таганцева.³⁰ Но тщетно.

Либерально-монархическое крыло не остается в долгу. В декабре же 1908 г. была попытка лидеров центра Трубецкого, А. Д. Оболенского, Ермолова и члена левой Стаховича «свалить Акимова».³¹

Столыпин не только сопротивлялся. Он настойчиво пытался провести в Гос.совет П. П. и А. П. Извольских.³² (Позднее это ему удалось: первый в феврале, второй в декабре 1909 г. стали членами Гос.совета и присоединились к центру). В конце апреля 1909 г. Столыпин добился права представлять царю «свое заключение по поводу могущих происходить изменений в составе присутствующих членов Гос.совета», о чем уведомляет председателя Гос.совета и просит «предварительно всеподданнейшего доклада о призвании или отозвании от присутствования кого-либо из членов Гос.совета благоволить вступать» с ним, Столыпиным, «в предварительное сношение» с тем, чтобы Акимов «при докладах по сему предмету Его Величеству» мог «наряду со своими соображениями, докладывать» царю и мнение председателя Совета министров.³³ Видимо, это существенно связало Акимова и вызвало сильное раздражение правых.³⁴

Полемика была назначаемая половина Гос.совета. С начала 1908 г. и по 1 января 1909 г. включительно среди назначенных выбыло (за смертью, болезнью, назначением на административные должности) 10 человек, из них двое правых, шесть членов центра и двое внепартийных. Из десяти назначенных за это время в правую вошли семь, двое объявили себя внепартийными, один не успел, из-за болезни и скорой смерти, определиться с группой. Натиск правых очевиден и был частью их общего наступления.³⁵

Однако среди правых это трактовалось не однозначно. Для Киреева за назначениями 1 января 1909 г. «несомненно политическое течение в смысле черносотенности»,³⁶ а Самарин видел «только по назначениям, что курс отличается прежнюю неопределенностью».³⁷

С целью изменить соотношение в пользу правых 33 из них предложили изменить закон о выборах членов Гос.совета от 9 западных губерний. Все члены Гос.совета, избранные съездами землевладельцев этих губерний, были поляки. Указывая на явное преобладание в них русского землевладения, правые находили это «ненормальным» и предложили пропорцию: 6 русских и 3 поляка. И. О. Корвин-Милевский, возражая, вскрыл смысл этого предложения правых. Напомнив более чем двукратное превосходство центра над правыми в начале второй сессии, он констатировал: «Этот центр в настоящее время, даже при поддержке левых, обладает верным большинством всего в 10—12 голосов». Следовательно, продолжал он, «достаточно: состав одной группы сократить на 6 поляков — одновременно усилить состав другой группы 6-ю» правыми, «да еще заменить при вакансиях на новый

год 2—3 сановников, и та часть палаты, которая так ясно обнаружила свои тенденции при вопросе о морских штатах, будет совершенно господствовать над положением».

Проект 33-х обсуждался 8 мая 1909 г. Защищал его Пихно. Неожиданно слово взял председатель Совета министров и, заявив о присоединении правительства к основной идеи проекта, предложил передать его в комиссию. Поскольку было очевидно, что до конца сессии проект не успеет пройти обе «палаты», Столыпин заверил, что правительство немедленно внесет в Думу проект о продлении полномочий членов Гос.совета от 9 западных губерний на одну сессию, за время которой будет принят новый закон о выборах членов Гос.совета от западных губерний.

Это вмешательство Столыпина существенно изменило настроение в пользу правых: если на предварительном обсуждении центр почти единогласно высказался против проекта, то теперь против передачи в комиссию голосовало только 64 («коло», немцы из прибалтийских губерний, часть основной группы центра, левые и некоторые внепартийные, в т. ч. Витте), а 94 — за передачу (правые, «нейдгартцы», часть основного центра, министры, внепартийные). Это было «полное торжество правых, — писала «Речь». — Им удалось привлечь на свою сторону такое большинство, которого они еще никогда не получали в Гос.совете». Газеты отмечали поправление правительства и связывали его с только что минувшим кризисом в связи с законопроектом о штатах Морского генштаба.³⁸

В декабре 1908 г. 32 члена центра предложили изменить порядок замещения членов Гос.совета по выборам. Причина была в том, что губернские земства и съезды землевладельцев избирали членов Гос.совета на трехлетний срок, треть избранных от духовенства, дворянства, торгово-промышленной и ученой курий выбывала с окончанием срока по жребию. Первоначальные выборы в Гос.совет проходили с 16 марта по 26 мая 1906 г. Таким образом, весной 1909 г. из Гос.совета должно было выбыть 70 человек. Между тем весной ожидалось рассмотрение в Гос.совете указа 9 ноября 1906 г. Учитывая поправление на местах, 32 члена центра предложили перенести эту перемену в составе на межсессионный период, а срок полномочий выбывающих продлить до избрания на их место новых. Правительство поддержало предложение. Однако правые и в комиссии законодательных предположений, и в общем собрании выступили против. Не отрицая важности соображений о неудобстве замены членов в течение сессии, они подчеркивали «большую важность» того, чтобы «каждая избирательная курия могла бы представить таких членов, которые в данное время более соответствова-

ли бы господствующему мнению и преобладающим стремлениям того общества, коего они являются избранниками».

Законопроект, разработанный на основе предложения 32-х членов центра, не удалось отклонить.³⁹ Зато правые смогли не допустить до конца четвертой сессии поставить на обсуждение указ 9 ноября.

Пятая сессия (10. X. 1909 г. — 17. VI. 1910 г.)

Летом и осенью 1909 г. прошли выборы 70-ти членов Гос.совета, из них 31 оказались новоизбранными, а 39 были переизбраны. В результате соотношение сил в выборной половине Гос.совета заметно изменилось (см. табл. 13). Левая группа потеряла 4 места: Вологодское земство на этот раз избрало правого, Вятское и Костромское — членов основного центра, Московское и Уфимское — «нейдгартцев»; несколько уменьшили потери выборщики от Академии наук и университетов, избрав вместо члена центра В. А. Афанасьева И. Х. Озерова, вошедшего в левую группу. Сократилось число выборных в группе центра — по одному в основной, среди «нейдгартцев» и в «коло». Количество выборных в правой группе возросло с 21 до 28 за счет основной группы центра (2), «нейдгартцев» (2), левой (1) и двух вакансий.

Выборы в комиссии в октябре 1909 г. отразили изменение в соотношении сил: за список правой голосовало больше, чем в предыдущую сессию (от 39,9% до 42,3%), за список центра — меньше (от 47,9% до 49,6%), за список левой — от 9,7% до 10,4%.

Осенью 1909 г. было реорганизовано руководство группы центра: 7 ноября было сформировано, кроме бюро группы, еще и президиум в составе председателя группы и двух его товарищей. Возглавил группу теперь князь Трубецкой, по характеристике А. Н. Наумова, «большой тактик в деле объединения и председательствования, мягкий, уступчивый и довольно беспринципный». Он сумел на некоторое время сгладить разногласия в группе и повести ее «по приблизительно одному руслу».⁴⁰ Его товарищами были избраны назначенные члены Манухин и Н. Э. Шмеман. Бюро группы было обновлено, и при его формировании четко был проведен принцип пропорционального представительства всех подгрупп, составляющих центр. От основной группы центра было избрано шесть членов бюро, от правого кружка — три и по одному от подгрупп торгово-промышленной, Царства Польского и 9-ти западных губерний. Председателем бюро остался Ермолов.

Правые решали свои проблемы. По подсчетам А. Г. Булыгина, 76-ти правым в начале осени противостояли 78 членов центра и 11 левых. «Отсутствуют 12 членов по назначению, из них 11 правых и 1 центр. Вот такая

убийственная комбинация, — писал он Шереметеву в связи с предстоявшим рассмотрением Правил о старообрядческих общинах. — Вся надежда, что некоторые из центра будут с нами. С восторгом встречаем каждого возвращающегося». ⁴¹ Досаду правых вызывало и то, что среди них было немало престарелых и больных, которые не посещали заседаний общего собрания.

В декабре 1909 г. борьба обострилась в связи с формированием списка назначаемых к присутствию в 1910 г. Шереметев из бесед с Булыгиным (который рассказывал «о смущениях Акимова, о стремлениях Столыпина иметь решающий голос в выборе членов Гос.совета») и с Акимовым (который, сообщая о разговоре с царем, был «мрачен») заключал: «Грустное общее впечатление.... Видимо, интригуют вовсю и подкапываются под Акимова». ⁴²

Однако царь, не поддаваясь Столыпину, ⁴³ не шел и на поводу у правых. ⁴⁴ 31 декабря Булыгин сообщал Шереметеву: «В общем из списка Акимова прошли 5, из Столыпинского 4 (Два кандидата были общие и один личный — Ливен». ⁴⁵ Новых в списке назначенных к присутствию на 1910 г. было 11 человек (кроме восьми назначенных 1 января 1910 г., в список были включены трое ставших членами Гос.совета в 1909 г. без назначения их к присутствию). Из них в правую вошло шесть, в центр — один, двое заявили себя внепартийными, двое были министрами и групповая принадлежность одного из-за болезни и скорой, после назначения, смерти его не выяснилась. В итоге количество назначенных среди членов центра сократилось (-3), а среди правой — возросло (+2).

Шестая сессия (15. X. 1910 г. — 28. V. 1911 г.)

В ходе шестой сессии в составе Гос.совета произошли существенные изменения. В декабре 1910 г. оформился как самостоятельная группа кружок внепартийного объединения. Было выработано нечто вроде устава «Об установлении делового общения внепартийных членов Государственного совета». ⁴⁶ Цель общения состояла в совместном обсуждении вносимых в Совет дел и избрании членов в постоянные и особые комиссии. Заявления о желании присоединиться рассматривались собранием членов кружка. Каждый член кружка был вправе указать на необходимость обсуждения того или иного вопроса. Заключение кружка принималось простым большинством присутствующих; для неразделяющих его оно было необязательно. Непременным условием обсуждения проектов в кружке было соблюдение Основных государственных законов.

Основу кружка составили назначенные члены (8), вышедшие из правой

(3) и центра (1), двое внепартийных, недавно уволенный из министров А. Н. Шварц и один из назначенных 1 января 1911 г.; это — 8,16% от числа назначенных. К ним присоединились двое выборных (из центра и внепартийный). На 1 января 1911 г. в кружке было 10 человек (5,1% состава Гос. совета).

Образование кружка внепартийного объединения сказалось на положении левой группы. Так, 8 декабря 1910 г. при выборе особой комиссии список кружка собрал 13 голосов и от него в комиссию прошел В. П. Череванский, а за список левой группы голосовало лишь семь, т. е. присутствовавшие члены группы, и в комиссию от левой не прошел ни один. На первых порах небольшая и разношерстная, группа не имела влияния, при баллотировках разбивалась, голосуя с разными крупными группами.⁴⁷ Затем состав кружка приобрел более или менее однородно либеральный характер, кружок вошел в Прогрессивный блок, заметно его усиливая.

Численность левой группы сократилась (-3): постановлениями общего собрания от 1 и 15 марта А. А. Мануйлов и Вернадский «признаны были выбывшими из состава Совета за утратою ими установленного законом выборного ценза»,⁴⁸ а Стахович вышел из группы, объявив себя внепартийным.

Сократилась к концу 1910 г. и численность центра (-3): Витебское земство в октябре избрало вместо выбывшего члена «коло» русского, вступившего в правую группу; один назначенный умер, а другой перешел в кружок внепартийного объединения.

Любопытные перемены произошли к концу 1910 г. в правой: с одной стороны, продолжалось усиление ее позиций в выборной части Гос. совета (два места — Витебского земства и православной церкви — уступил ей центр), с другой стороны, сократилось число назначенных: двое скончались, трое перешли в кружок внепартийного объединения, а вступили в группу лишь двое, из внепартийных и новоназначенный.

Выборы в комиссии 8 и 22 декабря 1910 г. показали новое соотношение сил: за список левой голосовало 5,8% — в первом случае и 6,5% — во втором, за список центра 36,6% и 40,2%, т. е. вместе они не составляли и половины; за список кружка внепартийного объединения — 10,8% и 8,4%, за список правой — 46,6% и 44,8%.

Сильного центра в Гос. совете не получалось. И дело было не только в неуклонном сокращении численности и падении удельного веса. Усиливались разногласия, подгруппы продолжали обособляться. В заседании группы 18 октября президиум вынужден был поставить вопрос о введении в группе фракционной дисциплины, обязательной для всех. Трубецкой мотивиро-

вал это тем, что группа, прежде руководящая в Гос.совете, «потеряла значительную долю своего значения из-за отсутствия спайки между членами, голосовавшими независимо от постановлений группы». Однако «нейдгартцы» и «коло» потребовали, чтобы за ними была сохранена «полная свобода выступлений и голосований». В результате обсуждения этого вопроса произошло оформление трех автономных подгрупп — основная, правый кружок и «коло»: в пределах каждой — партийная дисциплина; решения большинства в 2/3 обязательны для меньшинства, которое, в случае несогласия, обязывались воздерживаться от голосования; места в комиссиях распределяются по их численности; бюро центра состоит из представителей подгрупп.⁴⁹ В этих условиях возрастало значение общего президиума: единство группы теперь в еще большей степени стало зависеть от личных качеств руководителей. «Нынешний центр — констатировало несколько позднее «Новое Время», — представляет собою что-то вроде крошки, где внешним образом объединены весьма разнородные элементы, расползающиеся почти в каждом значительном деле».⁵⁰ Октябристы были встревожены. А. И. Гучков, по словам А. А. Бобринского, «жаловался государю на Гос.совет и просил пополнить Совет октябристами, по назначению».⁵¹

Столыпин, видимо, пытался обезглавить правую группу. Витте, со слов Стаховича, которому рассказывал Гучков, писал, будто «Столыпин еще 1 января просил государя не помещать в список присутствующих членов Гос.совета Дурново и Трепова».⁵²

У правых были свои проблемы. В группе было много безнадежно больных. В конце пятой сессии приходилось считать каждый голос.⁵³ Уверенности в царе не было, и успех попытки Столыпина-Гучкова усилить группу центра своими сторонниками представлялся вероятным.⁵⁴ Возможности правых у царя были весьма скромные. Убедительно это подтверждает дневник Шереметева. Так, Акимова «удивило», что П. Ф. Унтербергер, уволенный с должности Приамурского генерал-губернатора, «назначен пока неприсутствующим» членом Гос.совета.⁵⁵ 9 декабря на аудиенции Шереметев напоминает о своей давней просьбе назначить членом Гос.совета можайского предводителя А. К. Варженевского (своего личного друга), мотивируя достоинствами кандидата («постоянно живет в деревне и многие трехлетия предводительствует. Человек многосторонне образованный и стойкий») и ситуацией в Совете: по летам и нездоровью «многие не могут быть, а дела надвигаются серьезные». Царь обещает, записывает. Шереметев едет к Акимову, заручается его поддержкой и «обещанием доложить о Варженевском».⁵⁶ Однако назначение не состоялось.⁵⁷

Назначения 1 января 1911 г. не устроили никого. Акимов был расстро-

ен.⁵⁸ Не было причин торжествовать и октябристам. Из трех назначенных 1 января один вступил в правую, другой в кружок внепартийного объединения, а третий вскоре умер, так и не успев определиться.

Министерский кризис весной 1911 г. существенно изменил группировку «второй палаты». «Нейдгартцы», не считая возможным оставаться в центре «при наличии в нем поляков», вышли и образовали самостоятельный «правый центр» (десять выборных и четыре назначенных). К ним присоединились двое выборных из основной группы центра и трое из правой (назначенный и выборные). Из центра, кроме того, двое перешли в кружок внепартийного объединения, двое объявили себя внепартийными, один сложил звание члена Гос.совета; один к этому времени скончался. В итоге к концу апреля 1911 г. численность центра сократилась на 22 человека.

Обострились противоречия и в правой группе: часть голосовала за национальные курии (Стишинский, Я. Н. Офросимов, В. И. Карпов, П. П. Кобылинский, Пихно и др. — всего 32 человека), другая — против (Дурново, В. Ф. Трепов, А. П. Струков, Ширинский-Шихматов и др.) До раскола дело не дошло, однако 11 человек вышли из группы: двое назначенных перешли в кружок внепартийного объединения, назначенный и выборный — в центр, трое (назначенный и выборные) — в правый центр, двое объявили себя внепартийными и двое демонстративно вышли в отставку.

Это был существенный сдвиг Гос.совета вправо: по числу членов правая стала превышать центр, численность левой сократилась.

Обособление «нейдгартцев» в самостоятельную группу было новым их шагом в правом направлении. Это была немногочисленная группа (см. табл. 12). Председателем ее был избран 47-летний А. Б. Нейдгарт, представитель Нижегородского земства, бывший губернский предводитель, крупный земле- и домовладелец, шурин П. А. Столыпина; его заместителем стал 59-летний С. Е. Бразоль, член Гос.совета от дворянских обществ, богатый полтавский и харьковский помещик, бывший уездный и губернский предводитель, гофмейстер.

Умеренно-правые взгляды группы характеризовались двумя чертами: она «твердо держалась русских национальных начал» и была тесно связана с фракцией националистов Думы, и, во-вторых, разделяла идею конституционной монархии, отстаивая при этом необходимость «мирного и дружного сотрудничества в государственном строительстве общественных сил и правительственной власти».⁵⁹ Поэтому в вопросах национальных и вероисповедных правый центр шел с правой группой, а в вопросах местных, за исключением волостного земства, голосовал с группой центра.

Интересной чертой, в плане характеристики политической окраски груп-

пы, было то, что все ее члены по выборам — активные участники съездов объединенного дворянства в качестве уполномоченных и приглашенных; лидер группы входил в состав Постоянного совета объединенного дворянства на всем протяжении его существования; членами этого Совета были также В. Н. Поливанов и князь Н. Б. Щербатов.

Группа отличалась спаянностью и фракционной дисциплиной.

Два обстоятельства обусловили влиятельную и ответственную роль группы в Гос.совете, несмотря на ее малочисленность. Это только что отмеченные политические идеалы ее и то, что своими голосами она давала перевес тем, к кому присоединялась — центру или правой.

Седьмая сессия (15. X. 1911 г. — 25. VI. 1912 г.)

Осенью 1911 г. в левую вступили избранные вместо Мануйлова и Вернадского Д. И. Багалей и Н. П. Загоскин и численность группы составила 10 человек.

В группе центра к концу 1911 г. было 62 члена (21 назначенный и 41 выборный). Удельный вес ее за год снизился до 31,95%. Любопытно, что октябристы надежды на усиление своих позиций в Гос.совете продолжали связывать с Николаем II.⁶⁰

4 октября 1911 г. был убит Трубецкой.⁶¹ С утратой председателя, отмечало «Новое Время», группа «находится как бы в летаргии». ⁶² В конце месяца в группе «обменялись мнениями о кандидатуре председателя», однако решили вопрос не поднимать «до съезда всех членов группы». ⁶³ Среди выборных членов центра не оказалось достаточно авторитетного лица, чтобы сплотить группу и направить ее деятельность. Остановились на Ермолове. 18 января 1912 г. он был избран председателем бюро, в помощь ему избрали двух товарищей, Манухина и Шмемана. От выборов президиума группа отказалась. Ермолов, по характеристике Витте, «очень образованный, умный, но человек без характера», который «собственно ничего сотворить не может». ⁶⁴ Сплотить группу, укрепить дисциплину он не смог.

В правой группе на раскол смотрели, по утверждению одного из лидеров, Кобылинского, «как на временное недоразумение». ⁶⁵ С началом сессии группа спланируется и мобилизуется. Был возвращен из отпуска Дурново. Группа избрала его своим председателем. Было сформировано новое бюро, куда вошли как из тех, кто голосовал в марте 1911 г. за курии (Карпов, Стишинский и др.), так и из тех, кто был против (Струков и др.).

Первые выборы в комиссии 24 ноября 1911 г. показали небольшое преимущество правой группы (36,73% — 38,09%) над центром (36,0% — 36,3%).

Среди назначенных в начале сессии было восемь вакансий, двое были безнадежно больны и не посещали заседаний, один был скомпрометирован и подлежал исключению из числа присутствующих. В конце 1911 г. за эти места и разгорелась борьба.

Недавно назначенный председателем Совета министров, В. Н. Коковцов был обласкан. 4 октября царь принял его в Ливадии, «продержал на докладе более двух часов, одобрил и утвердил» все его предположения, «не исключая целой серии новых членов Гос.совета». ⁶⁶ 12 декабря царь приказал Акимову заготовить указы на назначение членами Гос.совета министра внутренних дел А. А. Макарова, помощника военного министра А. А. Поливанова, начальника Юго-западных железных дорог К. С. Немешаева, начальника Главного управления по делам местного хозяйства С. Н. Гербеля, товарища главноуправляющего земледелием и землеустройством Б. Е. Иваницкого и товарища главноуправляющего собственной е.и.в. канцелярией Н. А. Воеводского. ⁶⁷ По дневнику Шереметева видно, что это задело Акимова как по форме («впервые список с новыми назначениями членов получен им из Ливадии — готовый»), так и по существу: министры проводили в члены Гос.совета своих товарищей — «подобная система невозможна». ⁶⁸

Правых не устраивало пополнение Гос.совета «неудавшимися администраторами и департаментскими чиновниками». ⁶⁹ Шереметев усиленно проводил мысль об «обновлении [Гос.совета] путем подбора действительно полезных лиц бытовых земских, знающих местную жизнь». 22 декабря Акимов представил царю «Справку о назначении Членами Государственного совета лиц, занимавших подчиненные должности», ⁷⁰ в которой, цитируя графа А. В. Адлерберга, обратившего в свое время внимание Александра III на недопустимость подобных назначений, предупреждал, что «таким образом, мало-помалу, достоинство Государственного совета ...много пострадало бы, и Совет обратился бы в учреждение вовсе не соответствующее ни преданиям его, ни важности тех дел, обсуждение которых на него возложено законом». Акимов указал на «необходимость уравновесить новый состав лицами твердых убеждений, вполне самостоятельными, не могущими подпасть ни под чье влияние». ⁷¹

Это, однако, мало помогло. 28 декабря царь приказал «призвать к присутствованию: бар[она] Розена, Сухомлинова, Тимашева, Макарова, Поливанова, Гербеля, Иваницкого, Немешаева и Роговича», назначить и включить в число присутствующих А. А. Хвостова и Бобринского. Из акимовского списка ⁷² прошел, таким образом, один. Снова, в который раз, потерпел неудачу Шереметев в попытке провести в Гос.совет Варженевского.

Что касается Бобринского, то, кроме того, что ему самому, задетому «трав-

лей левых и столыпинских газет», «хотелось восторжествовать»,⁷³ за него хлопотал Дурново. Позднее, рассказывая об этом Шереметеву, Дурново признавался, «что с трудом это оказалось возможным».⁷⁴

«Глубоко огорчен назначениями новых членов Г[ос.] С[овета], — возмущался Шереметев. — Полное торжество старой рутины.... И это накануне важнейших законодательных опытов, когда речь идет быть или не быть. Жалкое ослепление, плачевное недомыслие, беспощадная безнадежность! Сердце болит, бежать отсюда да подальше!»⁷⁵

«Возмущен» был новыми назначениями и Витте. Правда, с другой стороны: Гос.совет «настолько сдвинулся в сторону крайней реакции, ...что ему, Витте, противно туда ходить».⁷⁶

Из 11-ти новых членов пять вступили в правую группу, трое объявили себя внепартийными, а трое были министрами.

Численность правого центра сократилась за смертью назначенного и двух выборных и на 1 января 1912 г. составила 16 человек (8,24%). Из них четверо назначенных и двенадцать выборных. Сессию группа начала энергично: было переизбрано руководство; при этом обнаружилась «полная солидарность и прежняя сплоченность группы».⁷⁷

Восьмая сессия (1. XI. 1912 г. — 4. VII. 1913 г.)

С окончанием седьмой сессии выбыло в связи с истечением срока и по жребии 58 членов; два места (Владимирского и Херсонского земств) оставались вакантными с осени 1911 г., оказались свободными и два места за смертью членов Гос.совета и одно в результате отказа. Летом и осенью 1912 г. проходили выборы, в результате которых было избрано 29 новых членов Гос.совета, 33 переизбрано, а место землевладельцев Ставропольской губернии оставалось вакантным. На численности групп выборы сказались незначительно: больше стало в левой (+2) и правой (+2), меньше — «нейдгартцев» (-1) и в центре (-2).

В начале сессии имели место переходы: из правой в правый центр (один выборный), из внепартийных в центр (один выборный и двое назначенных), в правую вошли уволенные из правительства Макаров и Поливанов.

В назначенной половине в течение 1912 г. шесть человек скончались: член центра, член кружка внепартийного объединения, двое правых, двое внепартийных; член кружка внепартийного объединения был назначен главным управляющим е.и.в. канцелярией по учреждениям императрицы Марии. Вместе с тем в течение года были назначены к присутствию пять членов Гос.совета, из них четверо вошли в правую и один в группу центра.

В результате всех этих перемен к концу 1912 г. левая насчитывала 12 членов, в центре было 63, в кружке внепартийного объединения 10, в правом центре 16, в правой 72, внепартийных 9 и 12 членов правительства.⁷⁸ Выборы в комиссии 7 ноября 1912 г. выявили действительное соотношение сил: за список левой было подано 15 голосов (9,2%), за список центра 51 (31,2%), за список кружка внепартийного объединения 10 (6,1%), за список правого центра 20 (12,3%) и за список правой группы 67 (41,1%). Правая группа вместе с правым центром явно преобладали (+11, +6,75%).

Это, однако, не было свидетельством особого влияния правых. Скорее, здесь проявилась личная линия царя. Так, на 28 декабря 1912 г. в назначаемой половине была одна вакансия. Акимов ездил в Царское Село, «чтобы узнать о заместителе», — «получился ответ, что перед самым новым годом будет ему дано знать, кто будет назначен (sic)». ⁷⁹ 30 декабря Шереметев узнал, что назначен министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Таким образом, в четвертый раз не выполнил Николай II данное Шереметеву еще в декабре 1909 г. обещание назначить в Гос.совет Варженевского. 20 марта 1913 г. членом Гос.совета был назначен граф О. Л. Медем (вместо умершего 2 марта А. А. Ливена). Прочитав об этом, Шереметев констатировал: «След[ователь-но], вакансия занята и не тем, кого желает Маклаков». ⁸⁰

У царя были основания игнорировать просьбы и требования правых. Были интересы ведомств, с которыми царь не мог не считаться. Так, например, О. Р. фон Экеспарре был в 1906—1912 гг. членом Гос.совета по выборам от дворянства; входил в группу центра и был товарищем председателя Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России. По окончании седьмой сессии он выбывал из Гос.совета по жребию. Председатель комиссии, член по назначению, известный ученый Н. П. Петров 26 мая, указывая на пользу пребывания Экеспарре в этой комиссии, поставил перед председателем Совета министров Коковцовым вопрос о назначении его членом Гос.совета. ⁸¹ Он и был назначен 23 октября 1912 г. Морской министр И. К. Григорович, сетуя на то, что Гос.совет «кишит генералами, а моряков очень мало», говорил с царем о необходимости назначить в Гос.совет моряков, и царь был с ним «согласен». ⁸²

В восьмую сессию у правой группы появились и внутренние проблемы. К началу сессии она значительно обновилась. ⁸³ Среди новых членов группы оказались выдающиеся по уму и характеру люди (А. Д. Самарин, В. И. Гурко и др. ⁸⁴). Возникли разногласия «как по вопросам тактики, так и по некоторым вопросам принципиального характера», что, в свою очередь, обострило вопросы групповой дисциплины; заметным стало «некоторое падение» авторитета Дурново, его позиция по многим вопросам все чаще стала встре-

чать возражения. Однако на удалении несогласных и непокорных руководство группы не пошло, опасаясь ослабить влияние группы.⁸⁵

На вторую половину восьмой сессии приходится попытка создать в Гос. совете земскую группу. Причина была в том, что усиление правых в Гос. совете делало земскую реформу все более проблематичной. Это вызывало тревогу среди земских представителей в законодательных учреждениях. Настроение земцев, входивших в состав левой, центра и правого центра, естественно выражалось в позициях, занимаемых их группами; в ином положении оказались земцы правой: всякий раз, когда тот или иной из них не соглашался с решением большинства, вставал вопрос о партийной дисциплине и его пребывании в составе группы. Так, в октябре 1911 г. активный деятель объединенного дворянства граф Д. А. Олсуфьев разошелся с правыми по вопросу о волостном земстве и, разумеется, натолкнулся на полную невозможность отстаивать свою позицию, оставаясь в составе группы: правые отказались избрать его в особую комиссию. Олсуфьев вынужден был перейти в группу центра, хотя программу последней в целом принять, естественно, не мог.

Весной 1913 г., при обсуждении законопроектов о волостном земстве и о расширении прав замужней женщины, обнаружились острые разногласия с большинством правых у Гурко. Последний, будучи по своим политическим убеждениям крайне правым⁸⁶ и не считая для себя возможным выходить из группы, начал агитацию за образование в составе Гос. совета особой земской группы. В Олсуфьеве он нашел единомышленника.⁸⁷ На его квартире 28 марта 1913 г. состоялось совещание, где присутствовали, кроме инициаторов, Энгельгардт из левой, князь А. Н. Лобанов-Ростовский, А. К. Рачинский, князь А. П. Урусов и князь П. П. Голицын из правой, В. М. Андреевский и Ф. А. Уваров из правого центра и барон В. В. Меллер-Закомельский из центра.

Желательность образования земской группы аргументировалась тем, что члены по назначению, будучи лучше подготовлены к законодательной работе, нежели члены по выборам, оказываются «руководителями и наиболее влиятельными участниками всех комиссий, что отзывается на ходе работ последних»; объединение «всех выборных членов» позволило бы «несколько парализовать это исключительное влияние на ход занятий Гос. совета членов по назначению, выдвигая на первое место интересы населения».⁸⁸ Идея встретила сочувствие, однако тут же, при обсуждении программы деятельности, сказалось различие в политических воззрениях собравшихся. Не сошлись даже при попытке избрать председателя.

Несмотря на краткость газетных отчетов об этом совещании, очевидно,

что смысл попытки заключался в том, чтобы противостоять стремлению превратить Гос.совет в кладбище либеральных, более или менее, законопроектов. Разумеется, подобные намерения не могли не встретить отпора. Правые члены по назначению отнеслись к идее Гурко резко отрицательно. В связи с этим некоторые участники совещания забили отбой, прося вычеркнуть их имена из списка учредителей новой группы. 31 марта в «Новом Времени» было опубликовано письмо Олсуфьева, Гурко, Меллер-Закомельского, Энгельгардта, Рачинского, Андреевского и Урусова, в котором заявлялось, что создавать новую группу в Гос.совете они и не думали, что в совещании речь шла лишь о том, чтобы законопроекты, «касающиеся земской и городской общественной жизни, при их поступлении в Государственный совет, а равно и вообще вопросы, касающиеся скорейшего удовлетворения местных нужд, обслуживаемых земскими и городскими общественными учреждениями, подвергались предварительному совместному обсуждению всех членов Государственного совета как по назначению, так и по выборам, состоящих одновременно членами земских собраний или городских дум, независимо от их принадлежности к той или иной политической группе Государственного совета и, само собою разумеется, без выхода из состава оной».

1 (14) апреля в Клубе общественных деятелей собрались земцы Гос.совета, члены земской группы Думы и земцы, участвующие в Совете по делам местного хозяйства при МВД. В выступлении С. Т. Варун-Секрета, председателя земской группы Думы, совершенно ясно прозвучало, что смысл всей затеи в том, чтобы облегчить прохождение через Гос.совет «земских» законопроектов. Оратор полагал, что причина отрицательного отношения большинства «верхней палаты» к одобренным Думою законопроектам заключается в партийно-политическом характере думских комиссий, и надеялся, что «беспартийная земская группа» в Думе сможет сделать их приемлемыми для «верхней палаты». Гурко в этом собрании, доказывая необходимость такой же группы в Гос.совете, указывал, что основой объединения может стать «общее стремление к внутреннему культурному благоустройству России». Из слов Олсуфьева следовало, что зародыш такой группы в Гос.совете есть в виде «кружка сочувствующих».⁸⁹

Предполагалось «устроить до летних вакаций несколько заседаний, посвященных разработке вопросов, связанных с организацией этой группы».⁹⁰

Однако дело затормозилось: среди членов Гос.совета, представлявших земские интересы, «нашлись люди, которые по особым политическим мотивам не пожелали нарушить характер сложившихся групп Гос.совета и подняли агитацию против земской группы».⁹¹

Формирующаяся группа заявила-таки себя в заседании общего собра-

ния Гос.совета 22 июня 1913 г.: организаторы группы выступили с мотивированной формулой перехода по окончании общих прений по бюджету, собрав необходимые 30 подписей среди представителей всех групп, главным образом земцев; Гурко в яркой речи обосновал предложенную формулу. Этим, однако, затея и кончилась, несмотря на красноречие и энергию инициаторов: слишком неодинаково понимали объединяемые «культурное благоустройство России», и вовсе не партийно-политическая окраска выходящих из Думы законопроектов была причиной неприятия их Гос.советом — они были неприемлемы по своему существу.

В конце восьмой сессии Гурко вышел из правой группы.⁹² В ноябре 1913 г. Олсуфьев признал попытку организовать земскую группу окончательно ликвидированной.⁹³ Правда, 1 декабря 1913 г. 25 членов Гос.совета по выборам от земства собрались в совещание, однако ни к какому определенному результату не пришли.⁹⁴

Девятая сессия (1. XI. 1913 г. — 30. VI. 1914 г.)

С окончанием восьмой сессии из состава Гос.совета выбывали члены от съездов землевладельцев 9-ти западных губерний (восемь членов «коло» и правый). В сентябре — начале октября 1913 г. были проведены выборы. Съезды землевладельцев в трех литовских губерниях перемен не внесли. Земства в шести западных губерниях, введенных по указу 14 марта 1911 г., дали пять правых и члена центра. В результате возросла численность правой группы (+1) и правого центра (+3), а группы центра уменьшилась (-4). Кроме того, в течение 1913 г. имели место и другие перемены в составе как назначенной, так и выборной части Гос.совета (переходы из группы в группу, смерти, отказы и т. п.). В итоге к концу 1913 г. численность групп оказалась следующей: в левой без перемен (12), в группе центра 60 (-3), в кружке внепартийного объединения 12 (+2), в правом центре 19 (+3) и в правой 68 (-4). Выборы комиссий 6 ноября 1913 г. показали, что удельный вес левой составлял 9,2%, центра — 31,4%, кружка внепартийного объединения — 6,8%, правого центра — 10,5% и правой — 41,9%.

В начале сессии обновилось руководство группы центра. Ермолов отказался. Трудности с выборами нового председателя вновь повторились: последовательно отказались баллотироваться Сабуров, князь Оболенский, Манухин. Наконец, 11 ноября 1913 г. председателем группы был избран представитель Петербургского земства, барон Меллер-Закомельский, а его товарищами Олсуфьев и Немешаев. Новое руководство своим стремлением к более энергичной борьбе с правым крылом Гос.совета⁹⁵ отразило известное

«полевение» либералов. Барон, уже в качестве председателя группы, напомнил, что в основу программы группы «было положено стремление к скорейшему осуществлению начал манифеста 17 октября», и заявил, что в условиях переживаемого политического времени он видит задачу не только в осуществлении, но и в «энергичной защите этих начал от всяких поползновений».⁹⁶

Для правого центра обнаружилась возможность играть влиятельную и ответственную роль, поскольку левая и правая части Гос.совета почти уравновесились, а группа по своему настроению и устремлениям имела немало точек соприкосновения с соседями как слева, так и справа.⁹⁷

У правых проблемы усложнялись. Прежде всего, царь, комплектуя назначаемую часть Гос.совета, все меньше принимал во внимание их нужды. С 1 января по 29 декабря 1913 г. скончались четверо назначенных членов, из них трое — из правой группы, четвертый — светлейший князь Ливен — хотя и числился в кружке внепартийного объединения, был правее многих правых. В течение года Николай II, игнорируя кандидатуры правых, назначил графа Медема и В. И. Мамантова. Оставалось две вакансии. 29 декабря были назначены морской министр Григорович и Н. П. Шатилов, помощник по военной части кавказского наместника. Первое назначение было личным решением царя. Если тут и предполагать интригу, то только самого Григоровича, подсказавшего царю мысль о необходимости в интересах флота пополнить Гос.совет моряками. Что касается генерала Шатилова, то он действительно, как выразился Шереметев (раздосадованный тем, что снова не удалось провести Варженевского, несмотря на ходатайства В. Ф. Джунковско-го и Акимова), «инвалид» и был «сплавлен» в Гос.совет И. И. Воронцовым-Дашковым.⁹⁸

«Это глубоко обидно мне, — записывал Шереметев, — что до такой степени не заслуживаю доверия». С горечью констатировал полную отчужденность царя «от движения в госуд[арственном] организме и от знания истинных нужд страны».⁹⁹ Дело было не только в личной обиде Шереметева, правым было трудно бороться с неприемлемыми для них реформами, приходилось считать каждый голос. Так, 19 мая 1914 г. Дурново уговорил Шереметева задержаться с отъездом в Москву на день, т. к. предстояло голосование по волостному земству. Проект удалось отклонить перевесом в пять голосов. «Мило, — заметил Шереметев. — Это доказ[ывает] как сильны сторонники увеличения смуты. Еще бы при выборе безличностей для членов по назначению».¹⁰⁰

Несомненно, определенную роль тут играло известное стремление царя не поддаваться давлению. Главное же было в другом. На первый план выс-

тупали внешнеполитические проблемы, а здесь расхождения правых с Николаем II усиливались, захватывая и вопросы внутренней политики. Так, 12 мая 1914 г. правые Гос.совета, отклонив предположение Думы о допущении словесных объяснений в заседаниях городских дум на польском языке, провалили законопроект о введении городского положения в Царстве Польском. Царь же хотел, «чтобы язык этот был допущен с целью улучшить положение поляков, сравнительно с положением в Австрии, и тем привлечь их симпатии на сторону России».¹⁰¹ На всеподданнейшем докладе Акимова Николай II положил 15 мая 1914 г.: «Весьма сожалею»,¹⁰² а рескриптом 5 июня повелел внести вторично проект в Думу. Правительство это сделало 9 июня. «Создалось положение, — резонно заметил К. А. Кривошеин, — во многом напоминавшее последствия отклонения проекта о земствах в Западном крае в марте 1911 г., только теперь давление моральное на правое большинство Государственного совета пожелала оказать сама Верховная власть, уже по собственной инициативе».¹⁰³

Вторая проблема правых связана с болезнью Акимова. Ее усугубление было предопределено раздражением царя против правых. 15 июня и. о. председателя Гос.совета был назначен И. Я. Голубев, а вице-председателем — Манухин. Либерально-монархическое крыло Гос.совета приветствовало перемену. «Это назначение (Манухина. — А.Б.) встречено общим сочувствием».¹⁰⁴ Правых, естественно, встревожило. «Неужели опасения мои оправдываются и Ак[имов] уходит? Иначе зачем понадобилось за неделю до окончания сессии перед летними каникулами особым указом назначать Гол[убева] исполняющим обязанности председателя Г[ос.] С[овета] (он и без того их исполнял за болезнью или отсутствием А[кимова]), а в особенности назначать на это время Манухина (!) — исполняющим обязанности вице-председателя! Это напоминает времена Столыпина и сильный поворот в сторону Поляков и левых».¹⁰⁵ «Это катастрофа и грозящая многими бедами, — писал Шереметев Булыгину 17 июня. — Говоря современным языком, этот сдвиг в Государственном совете приводит меня к самому горькому и зловещему сознанию. Больше писать не могу».¹⁰⁶

Десятая сессия (17 — 30 января 1915 г.).

Вопрос о председателе Гос. совета

В выборной части Гос.совета в 1914 г. изменения были незначительны: лишь в правом центре сократилось число членов (-2) да в правой группе были перемены без изменения ее численности.

Среди назначенных выбыло восемь, из них трое из правой, двое из кружка внепартийного объединения и по одному из центра, правого центра и внепартийных. Из восьми, назначенных в 1914 г. и 1 января 1915 г., двое вступили в группу центра и по три члена — в правую и кружок внепартийного объединения. В результате к началу десятой сессии соотношение сил в Гос. совете было следующее: в левой 12, центре 61 (+1), кружке внепартийного объединения 13 (+1), правом центре 16 (-3), правой 68 (-1). Выборы в комиссии 21 января уточнили соотношение сил: за список левой группы было подано 13—12 голосов (9,84% — 9,09%), список центра — 47—48 (35,6% — 36,36%), список кружка внепартийного объединения — 9 (6,81%), правого центра — 12—13 (9,09% — 6,84%) и список правой — 51—50 (38,63% — 37,87%). Правое крыло Гос.совета оказывалось в меньшинстве.

Во внутренней жизни Гос.совета с конца девятой сессии главным для правых был вопрос о его председателе. 9 августа 1914 г. Акимов скончался. Голубева утверждать в должности царь не захотел, опасаясь, по предположениям Поливанова, его «конституционализма».¹⁰⁷ Возник вопрос: кто?

В окружении Шереметева обсуждали кандидатуры Дурново, Щегловитова. Информация Булыгина, с ноября 1913 г. главноуправляющего собственной е.и.в. канцелярией по учреждениям императрицы Марии и, следовательно, осведомленного более других, настораживала: «Более всего говорят о Коковцове и гр. Алексее Бобринском, но разумеется, никто ничего не знает».¹⁰⁸ «Пока наиболее шансов имеет Коковцов, и мне кажется, что о Щегловитове нет даже и речи», — сообщает он через месяц.¹⁰⁹ Решение вопроса ожидалось к 1 января 1915 г. В ноябре Шереметев в Петербурге. Встречи с Дурново, Н. А. Маклаковым. Они единодушны: председатель должен быть «из правых». Шереметев уточняет: «Это мало, ...нужно, чтобы был с головой».¹¹⁰

Однако царь был недоступен, решал лично. 28 декабря 1914 г. И. Л. Горемыкин приехал к Булыгину и объявил о назначении его председателем Гос.совета. «Совершившийся факт без всякого предуведомления более чем меня поразил, — писал Булыгин. — Пришлось целый вечер провозиться с Голубевым со списками членов на 1915 г. и так далее». Императрица-мать, возмущенная, что это сделано без ее ведома, поехала в Царское и «отстояла» себе Булыгина. «Кто теперь будет, — недоумевал Булыгин, — не имею понятия».¹¹¹

Назначение председателя Гос.совета было отложено. Правые беспокоились, опасаясь «оскопления»¹¹² Гос.совета, «продолжительности Голубева, не безвредного». Б. В. Штюмерм посетил Шереметева. Последний пишет

Дурново и Булыгину. «Но машина наша, — констатировал граф, — движется тупо». ¹¹³

8 января 1915 г. Шереметев на аудиенции в Царском жаловался, что соотношение сил в Гос.совете изменяется в пользу «левых», что «неопределенность выбора [председателя Гос.совета] волнует многих членов, особенно ввиду того, что группа правых уже лишилась некоторых своих членов... и что умаление членов усиливает другие группы и теряется равновесие». Царь успокоил: «Найдем, и правого!». Шереметев продолжал о нехватке в Гос.совете «стойких в убеждениях, какие нам нужны», указывая на «перелеты» нестойких. Здесь царь вспомнил Дурново «как стойкого и определенного, обладающего многими качествами», и Шереметеву «вдруг показалось, не остановился ли он на Дурново?»

В этот же день граф поспешил к Дурново, который, оказалось, был в постели, так как «почувствовал ослабление, приняв сильную дозу лекарства, а главное ради волнений с назначением Булыгина, а еще более ради мероприятий Голубева, уже начавшем вводить перемены в духе, противоположном Акимову». Сообразив, что Дурново «сам непрочь быть председателем», Шереметев рассказал «о впечатлениях утренней беседы» с царем. Дурново «слушал внимательно и казался доволен, отчетливо запрашивая как все было». ¹¹⁴

9 января Шереметев делился надеждой с Варженевским: «Вынес впечатление, что вдовство скоро окончится, ибо получился на то ясный ответ. Из сего вывожу благоприятную перспективу, ибо при содействии Гор[емыкина] и Дур[ново] дело (т. е. назначение Варженевского в Гос.совет. — А.Б.) в шляпе». ¹¹⁵

Однако царь с назначением тянул. Десятая сессия Гос.совета прошла под председательством Голубева.

В начале июля Горемыкин сделал еще попытку настоять на назначении председателем Гос.совета Булыгина, но императрица Мария Федоровна не хотела отпускать его. ¹¹⁶

Бессилие правых в деле назначений в Гос.совет очевидно. Шереметев в дневнике и переписке фиксирует самые противоречивые слухи относительно назначения председателя Гос.совета. Сам он не может (с 1909 г.!) провести в Гос.совет своего личного друга; при этом рассчитывает на помощь Горемыкина, Дурново, Булыгина. Дурново, желая занять пост председателя Гос.совета, о намерениях царя спрашивает Шереметева. Недовольные Голубевым, они никак не могут добиться его смещения. Это бессилие и весьма малая осведомленность правых относительно намерений царя отчетливо проявилась в их реакции на назначение 27 января 1915 г. министра внутрен-

них дел Маклакова членом Гос.совета. «Одни говорят, что это признак его возвышения, а другие, что это признак его падения, — писал Шереметев. — И то, и другое одинаково правдоподобно, и в этом-то наше горе».¹¹⁷

Перемены в личном составе Совета министров, произведенные в первой половине июня 1915 г. под давлением неблагоприятных для самодержавия обстоятельств, преопределили кандидатуру А. Н. Куломзина. Как свидетельствует Поливанов, министры «пришли к убеждению, что, при новых политических веяниях, и на пост председателя Гос.совета может пройти кто-нибудь из «умеренных». Считалось, что Куломзин будет приемлем для правых; учли, что он «близко» известен царю по комитету Сибирской железной дороги и умеет «искусно примирить в себе готовность к прогрессу во внутренней политике с приемами придворной «куртуазии»».¹¹⁸ Царь согласился и 15 июля Куломзин был назначен.

Куломзин был высокообразованным сановником, имел репутацию умного, осторожного, подобострастного и лукавого; был весьма работоспособным, интересовался экономическими, финансовыми и социальными вопросами, считался знатоком Азиатской России; в обращении был сдержан и мягок; держался либерального направления.¹¹⁹ Хорошо знавший его П. П. Менделеев вспоминал: «Костромской дворянин и землевладелец, Куломзин держался правых убеждений с большим, однако, прогрессивным налетом. Административный произвол ему претил. Чувствовалось влияние передового Костромского земства, в работах которого он принимал участие».¹²⁰ Сам он себя, уже в условиях «нового строя», причислял к «умеренно-правым, не желавшим возвращения к старым традициям».¹²¹

В 1906 г. он имел неосторожность заявить о своем либерализме, до этого искусно скрываемом; причем сделал это на протяжении короткого времени — получилось достаточно выпукло. По-видимому, была претензия на активную роль в решении важнейших вопросов государственной и общественной жизни, которые предстояло теперь решать реформированному Гос.совету.¹²² 22 апреля в салоне Е. В. Богдановича сказал, что с 17 октября он стал «конституционалистом» и «возврата к прошлому не желает». В письме к Н. И. Вуичу выразил «принципиальное согласие с проектом» Н. Н. Кутлера. Отказался стать председателем II департамента Гос.совета и, мотивируя отказ, заявил государственному секретарю Ю. А. Иксулю, что находит «неконституционным» изъятие железнодорожных дел из ведения Думы. Председательствуя в заседании департамента государственной экономии, провел в интересах местных крестьян представление министра финансов о распространении деятельности Крестьянского банка на прибалтийские гу-

бернии, чем вызвал сильное раздражение влиятельных баронов. Разошелся с правыми Гос.совета при составлении адреса царю. Воспротивился предложению Ю. А. Икскуля, чтобы доклады комиссий Гос.совета общему собранию составлялись Государственной канцелярией, усмотрев в этом «средство для обуздания членов Совета». ¹²³ Наконец, были перлюстрированы письма его к сыну, где он делился впечатлениями о реформированном Гос.совете, резко отрицательно отзывался о Д. М. Сольском и Э. В. Фрише и солидаризировался с И. И. Петрункевичем в вопросе об амнистии. ¹²⁴ И царь стукнул по столу: сановник был сослан в свое имение на 4 месяца.

Думать, что к июлю 1915 г. Николай II забыл или простил либеральные прегрешения Куломзина, не приходится. Его назначение председателем Гос.совета продиктовано необходимостью отбить атаку либеральной оппозиции и стоит в одном ряду с назначениями Н. Б. Щербатова, Поливанова, Самарина и Хвостова взамен уволенных Маклакова, В. А. Сухомлинова, В. К. Саблера и Щегловитова.

Часть правых встретила это спокойно. «Думается мне, что назначение удачное, — писал Булыгин. — Он безусловно умный человек, знающий дело и ни под чье влияние не подпадет». ¹²⁵ Другие были возмущены. «Нарыв прорвался, — заключал Варженевский, — и прорвался в левую сторону». ¹²⁶ «Обухом хватило меня назначение К[уломзина], — признавался Шереметев. — ...цельности у него нет и все на личной почве. Неровности в отношениях поразительны. Заносчивость попеременно с внешним угодничеством и прежде всего значительная маститость, во всяком случае отсутствие всякой свежести и проницательности. Это либеральный бюрократ времен Александра II. Натура капризная. ... Мелочно обидчивый, недавний опальник, сосланный для житья в деревне!» ¹²⁷ «Мне тяжело на месте благородного Акимова видеть либерального чиновника Александровских времен», — жаловался он Булыгину. ¹²⁸

Не приняла этого назначения и Александра Федоровна. Уже 15 ноября 1915 г. она находила, что Николай II «должен его сменить». ¹²⁹

Гос. совет и Прогрессивный блок

Лидеры либерально-монархического крыла Гос.совета приняли активное участие в создании Прогрессивного блока. Уже на встрече за обедом у «Контана», организованной П. Н. Крупенским 6 августа 1915 г., были председатель группы центра Меллер-Закомельский, член левой М. М. Ковалевский и внепартийный Стахович. ¹³⁰ Затем, в совещаниях с руководителями думских фракций на квартирах Ковалевского (11 и 12 августа) и Меллер-

Закомельского (14, 15, 17, 19, 22 и 29 августа), в переговорах с министрами на квартире П. А. Харитонова (27 августа) участвовали, кроме уже названных, члены центра Ермолов, князь Оболенский-2 и граф Олсуфьев, члены левой группы А. В. Васильев и Д. Д. Гримм, члены «коло» А. Э. Мейштович и И. А. Шебеко и член кружка внепартийного объединений Гурко.¹³¹ Некоторые из названных членов Гос.совета принимали непосредственное участие в подготовке проекта программы блока, который затем обсуждался во фракциях и группах.

В Гос.совете программу блока одобрила без каких-либо оговорок лишь левая группа. Что касается двух других, то они выказали большую осторожность. Она проявилась прежде всего в том, что в соединенное заседание трех групп, общая численность которых на это время составляла 90 человек, пришли человек 35, а к концу заседания осталось и того меньше. Одоблив программу по существу,¹³² назначенные члены не сочли возможным ее подписывать, соглашаясь на безличную форму: «программа за подписями многих членов Гос.думы, рассмотренная в таких-то группах, принята». Отказались выступать вместе с Думой, находя это «антиконституционным»: единица «соединенных учреждений» не существует легально.

22 августа организаторы блока подводили итоги обсуждения проекта программы во фракциях и группах. Ковалевский, обобщая свои впечатления, так характеризовал думцам позицию членов Гос.совета: «Препятствий не встретите, но тоже и деятельной поддержки. Вместе с Вами к Горемыкину не пойдут. Неудобно сказать — уходите. Совместное действие — беззаконие. Но «высокое собрание» на вашей стороне». Олсуфьев, соглашаясь с Ковалевским, добавлял: «Все зависит от соглашения с правительством». Решили, что программу подпишут лидеры групп, по поручению последних.¹³³

24 августа вошедшие в блок члены Гос.совета приняли и опубликовали следующее постановление: «Рассмотрев программу ближайших мероприятий по порядку управления и законодательству, объединившую значительное большинство Государственной думы, и одобряя общие основания, намеченные в этой программе, группа центра Государственного совета и примыкающие к ней члены кружка внепартийного объединения и группа академическая с примыкающими к ней беспартийными в соединенном заседании 24 августа 1915 года постановила: присоединиться к программе, объединившей Государственную думу».¹³⁴

Вошедшие в блок фракции и группы избрали своих представителей в ЦК блока: левая группа Гос.совета — Гримма, центр — Меллер-Закомельского и «от условной внепартийной группы» был Гурко.¹³⁵ Каждая фракция и группа сохраняла, по утверждению С. И. Шидловского, «полную свою са-

мостоятельность и в пределах, установленных соглашением, должна была подчиняться указаниям своих лидеров, которые должны были сговариваться с другими входящими в блок партиями.¹³⁶

В Гос.совете вошедшие в блок составляли несколько меньше половины его состава. По данным на 5 августа 1915 г., в Гос.совете было 96 назначенных и 95 выборных членов. В левую входило 12 (6,28% всего состава), все избранные: земствами (5), Академией наук и университетами (6) и торговыми организациями (1). Группа центра насчитывала 63 (32,98%), из них 25 были назначенными и 38 — избранными земствами (12), дворянскими обществами (3), торговыми организациями (5), съездами землевладельцев неземских губерний, землевладельцами Царства Польского и промышленностью (по 6).

В правом центре было 15 (7,85%): назначенные (3), выборные от земств (8), съезда землевладельцев (1) и дворянства (3). Правых насчитывалось 67 (35,07%): 40 назначенных, 27 выборных от духовенства (6), земств (8), съездов землевладельцев (2) и дворянства (11).

В кружке внепартийного образования значилось 15 (7,85%): 11 назначенных и четверо от земств. Внепартийными числили себя семеро (3,66%): председатель, вице-председатель, трое назначенных и двое выборных от земств.

Группу в 12 человек (6,28%) составляли члены правительства.

Из кружка внепартийного объединения могли поддержать блок шесть человек, из внепартийных — двое, из министров — четверо.

Таким образом, Прогрессивный блок при своем образовании располагал в Гос.совете 87 голосами (45,54%).

Организаторы блока рассчитывали и здесь иметь большинство в ближайшем будущем, полагая, что по некоторым вопросам к блоку будут присоединяться отдельные члены из групп, не вошедших в блок; надеялись также, что перевыборы части членов Гос.совета в конце лета и осенью 1915 г. будут благоприятны для блока, а «министерство доверия» обеспечит замещение вакансий среди назначенной части Гос.совета либеральными сановниками.¹³⁷

Слабость позиций Прогрессивного блока в Гос.совете не исчерпывалась только численным преобладанием его противников. Центр «не решил определенно, должна или нет его деятельность направляться решениями блока». Также и либеральные сановники из кружка внепартийного объединения, «в основном бывшие министры», считали «невозможным открыто присоединиться к блоку» и не выбрали своего представителя в ЦК блока.¹³⁸

Образование блока и активная роль при этом Меллер-Закомельского,

подписавшего от имени центра программу блока, вызвали в группе центра острые разногласия. Назначенные члены группы считали невозможным присоединиться к программе блока, указывая, что требование ответственного министерства противоречит их долгу присяги. Встал вопрос о выходе из группы либо ее председателя, либо недовольных сановников. Последние начали переговоры о переходе в правый центр.¹³⁹ Меллер-Закомельский опроверг слухи о выходе назначенных членов.¹⁴⁰ Соратники по блоку помогали ему, подчеркивая, что в программе блока нет требования ответственного министерства.¹⁴¹

Мотивы недовольства сановников нельзя свести к страху перед проскрипциями. «Я вполне с Вами согласен, — писал Куломзин 24 августа 1915 г. Герье, — и с грустью вижу полевение центра, с тех пор как во главе его встал барон Меллер-Закомельский. Все эти блоки, тайные совещания совсем не к лицу Палате Лордов, и сами они не знают, куда идут. Как непатриотично, скажу, подло, по поводу несчастья родины, стараться урвать часть власти, причем эту самую родину и забывают. Ужасно все это и мне не нравится».¹⁴²

Смутило назначенных членов центра и то, что, согласно официально опубликованной программе блока, она выработана членами Думы и Гос.совета. Признавать себя авторами пункта о перемене правительства они не хотели и требовали исключить указание на активную роль членов Гос.совета: программа должна была начинаться словами о том, что она выработана членами Думы, в тексте ее никакого упоминания о Гос.совете не должно было быть и только в конце следовало заметить, что левая группа и группа центра Гос.совета присоединяются к пожеланиям большинства Думы.¹⁴³

Бюро группы вынуждено было специальным заявлением об отношении группы центра к «соглашению между фракциями и группами» Думы несколько дистанцироваться от блока. Уверяя, что образование думского блока «в значительной степени облегчает» совместную с Думой и правительством плодотворную законодательную работу, к которой группа центра «неизменно стремилась», и что «общие основания» программы блока «могут быть согласованы с теми положениями, которыми всегда руководствовалась группа центра Гос.совета», бюро вместе с тем оговаривало, что требование «правительства доверия», по его мнению, «отнюдь не может быть понимаемо как заявление, направленное к изменению установленного Основными законами порядка избрания и назначения высших чиновников империи», подчеркивая, в заключение, что группа «отвергает возможность какого-либо их изменения иначе, как по почину Верховной Власти».¹⁴⁴

С дальнейшим обострением политического кризиса позиции Прог-

рессивного блока в Государственном совете усиливаются, создавая реальную возможность одобрения Гос.советом принятых Думой законопроектов. Так, выборы четырех постоянных комиссий Гос.совета 12 февраля 1916 г. показали преобладание входивших в блок групп в 1—6 человек (0,67% — 3,95%), и только при формировании экономической комиссии правое крыло имело преимущество в 4 голоса (2,77%); к концу XII сессии, при выборах двух постоянных и трех особых комиссий 6 — 21 июня, преимущество Прогрессивного блока составляло от 4 до 18 человек (4,17% — 16,67%), а в начале XIII сессии, в начале ноября 1916 г., оно было стабильно: 11 — 15 человек (8,02% — 10,79%). В определенной степени это связано с активной ролью, наряду с Меллер-Закомельским, лидера кружка внепартийного объединения Коковцова.¹⁴⁵

Попытка правого единения

Активизация либеральной оппозиции настораживала правых. Насколько внимательно следили правые за ситуацией в Гос.совете, говорит следующий факт. Поместный дворянин, всего лишь уездный предводитель писал 5 августа 1915 г.: «А что творится в Петрограде — наши парламентарии не дремлют и, пользуясь временными успехами наших врагов, ведут свою линию: обратил ли ты внимание на состоявшийся блок в Госуд. Сов[ете] из центра, леваков и беспартийных в числе 90 человек!! А в Гос. Думе идет травля П. Н. Дурново и ломание шеи Джунковскому.. Блок же [в] Гос. Сов[ете] в 90 человек — явление с большими последствиями — это указывает на уклон влево самого центрального лица — теперь ему правые не нужны».¹⁴⁶

Ситуация для правых усугублялась тем, что для них была очевидна справедливость либеральной критики. «К сожалению ради ошибок Ц[арского] С[ела] они во многом правы, — признавался Булыгин. — Я, по крайней мере, не нахожу доводов к возражениям по многим вопросам».¹⁴⁷

В ответ на образование Прогрессивного блока была предпринята попытка Правого единения или, как окрестили его кадеты, «черного блока».¹⁴⁸ Его предшественником можно считать Осведомительное бюро (Бюро правых) 1907 — 1912 гг. из трех членов Думы и трех членов Гос.совета под председательством князя Ширинского-Шихматова. «Мы еще не успели закончить наших переговоров, — вспоминал П. Н. Милюков, — как стали говорить — в противоположность прогрессивному блоку — о «черном блоке», указывая на Гос.совет, как на седалище этого черного блока».¹⁴⁹

11 августа на квартире Дурново состоялось совещание представителей правой и правого центра Гос.совета с представителями правых и националистов Думы. Совещание пришло к выводу, что только правительство из

правых деятелей способно спасти страну; в качестве главы его рекомендовался Щегловитов. Однако ни правительство, ни царь не среагировали.

Утверждение, что «инициаторы создания «черного блока» действовали в соответствии с постановлениями Совета объединенного дворянства от 27 июля 1915 г.»,¹⁵⁰ не подтверждается: Постоянный совет в этот день не обсуждал проблему правого объединения, не выдвигал идею правого кабинета; речь шла о предложении обратиться к правительству с советом не уступать требованиям либеральной оппозиции, но решили воздержаться «от каких-либо выступлений», а пока «следить с особливим вниманием за событиями и, когда того потребуют обстоятельства, принять соответствующие мероприятия».¹⁵¹

Известно, что предпринял в дальнейшем Постоянный совет, — было письмо Струкова Горемыкину от 23 августа. Более того, 25 августа С. А. Панчулидзеv заявил в беседе с корреспондентами: «Дворянство считает, что сейчас не время для коренных преобразований. И с этой точки зрения оно относится отрицательно не только к крайним проектам, выдвигаемым слева, но и к «черному блоку». Достаточно указать, что 6 дворян пересели с правых скамей Гос.совета, не желая быть в одном стане с известными лидерами «черного блока»».¹⁵²

Новый председатель правой группы Гос.совета граф Бобринский опроверг слухи о существовании «черного блока»: «Существует только в воображении корреспондентов и некоторых членов Гос.думы».¹⁵³

Правое единение никак не было конституцировано. 30 августа член Совета правой группы и товарищ председателя Постоянного совета А. И. Мосолов утверждал, что «никакого «черного блока» пока не существует». «Я не отрицаю, — продолжал он, — что были отдельные переговоры между правыми членами Гос.совета и правыми членами Гос.думы, но никаких полномочий для своих переговоров они от группы правых не получали и их решения поэтому ни для кого не обязательны».¹⁵⁴

Правая группа Гос. совета в 1915 г.

Правая группа в 1915 г. оказалась в состоянии глубокого кризиса. Военные неудачи, усилив либеральную оппозицию и породив движение за мобилизацию сил и выяснение просчетов внутренней политики, привели к обновлению правительства: министры Щегловитов, Маклаков, Сухомлинов и Саблер были заменены Хвостовым, Щербатовым, Поливановым и Самаринным. В этих условиях и в правой группе начинается брожение за пересмотр тактики.

В начале XI сессии Бобринский поднял вопрос о необходимости более

сообразовываться с жизнью и предложил переизбрать бюро. Однако большинство не согласилось. Уступки оппозиции воспринимались как «отступление» и тревожили более, чем военные неудачи. Обновленному правительству инкриминировалось «явное и благосклонное попустительство» Думе в ее «вакханалии под флагом спасения России от внешнего врага» и введение в заблуждение царя «маниловскими перспективами единения страны и правительства». ¹⁵⁵ Не хотелось также и обижать Дурново, который, хотя и недомогал, отказываться от председательствования не хотел.

Приход в группу уволенных министров усилил позиции сторонников старой тактики. Возникло опасение, что все останется по-старому, и у критиков Дурново возникает мысль о выходе из группы. Опасения скоро подтвердились. 19 июля Дурново, отвечая на декларацию правительства, обратился с призывом к царю и правительству стать, наконец, властью, оставить разговоры и писания, начать приказывать; предупредил о переходе власти туда, «где ей совсем не место». Выступление совпало с речами прогрессистов и кадетов в Думе о желательности коалиционного кабинета и произвело громадное впечатление. Более того: образование Прогрессивного блока руководство правой группы встретило в штыки и попыталось возродить правый блок. Это усилило противоречия в группе. 12 выборных членов решили выйти. ¹⁵⁶ Часть их удалось руководству отговорить, обещая перемены, в т. ч. и соответствующее положение выборным членам. Шестеро перешли в правый центр: земцы С. И. Зубчанинов, Офросимов и Наумов, представители дворянства Карпов и князь А. М. Эристов и избранный землевладельцами Дона Н. И. Клунников. Булыгин перешел в правительственную группу членов-министров.

Это стало предметом бурного обсуждения в бюро группы. Констатировали, что «тактика руководителей не встречает одобрения и может повести к дальнейшему расколу». Отсюда следовал вывод: бюро, как не пользующееся доверием, должно уйти. Сначала А. А. Нарышкин, затем и другие члены бюро, а потом и Дурново заявили об отставке.

Был сформирован новый состав Совета группы во главе с Бобринским. Новое руководство начинает переговоры с правым центром о заключении блока в противовес Прогрессивному блоку, однако «нейдгартцы» не захотели терять свободу рук, хотя в принципе не отказывались от блокирования с правой группой.

2 сентября 1915 г. на общем собрании правой группы было решено «выступить с декларацией в противовес» программе Прогрессивного блока. В основу ее были положены слова царя, сказанные им в Зимнем дворце при открытии Особых совещаний, — о том, что «в настоящее время помыслы

всей России должны быть направлены исключительно на борьбу с внешним врагом» Отсюда делался вывод о несвоевременности реформ, намеченных Прогрессивным блоком.

Правый центр отказался присоединиться к декларации, мотивируя нежеланием создавать новый раскол.

Наумов, вспоминая обстановку в правой группе в 1915 г., писал: «Среди самих членов Гос.совета замечалась повышенная нервность, дававшая о себе знать даже в делах внутреннего распорядка. Правую группу Верхней Палаты стал возглавлять «обаятельный» по обращению, но в серьезных деловых кругах малоавторитетный — граф Алексей Александрович Бобринский, вскоре перешедший к Штюмеру, как его товарищ по МВД. В самой правой группе чувствовался заметный разлад, побуждавший некоторых из ее членов думать об образовании новой самостоятельной консервативной группы».¹⁵⁷

Можно подумать, что попытка создать вторую правую группу связана с оппозицией Бобринскому, т. е. была попыткой крайне правых, вроде князя Лобанова-Ростовского, заявлявшего даже о выходе из правой группы из-за расхождений с Бобринским. Видимо, память подвела Наумова. Скорее всего, это было раньше, до переизбрания президиума правой группы, т. е. до 17 августа 1915 г., и связано с настроениями умеренных, недовольных Дурново.

В бумагах Бобринского сохранились проекты «Временного Положения о второй правой группе членов Государственного совета» и «Временных правил об организации второй группы правых членов Государственного совета», написанных рукою Бобринского.¹⁵⁸ В первом, состоящем из 13 пунктов, говорится о согласии «некоторых членов» Гос.совета правого направления, «не вполне удовлетворенных ходом занятий ныне существующих правых групп», образовать новую группу под названием «вторая правая группа».

В качестве основных политических принципов группы указывалось: «1) Самодержавие, при дарованных самодержавной властью представительных учреждениях; 2) широкая веротерпимость, при первенстве православия, как вероисповедания государственного и 3) Россия — для русских, при открытом признании националистических прав инородцев, входящих в состав Российской империи».

Сплочение на указанных началах обеспечивалось специальным пунктом (5), согласно которому постановления, принятые простым большинством, если они касались этих начал, считались «обязательными для всех членов группы», и они обязаны были соответственно голосовать; несогласный с

такого рода постановлением выбывал из группы. По вопросам, которые не затрагивали основных принципов, предполагался иной порядок: постановления простым большинством не были обязательными; постановления квалифицированным большинством (2/3) обязывали несогласных с ними не высказываться в заседаниях Гос.совета и воздерживаться от голосования. Предусматривалось формирование бюро, членские взносы, общие собрания по распоряжению председателя, обсуждение списков кандидатов в комиссии, письменное оформление решений. Оговаривалось условие объявления о создании группы — «если число ее членов будет не менее сорока».

Согласно второму проекту, учреждалось «временное организационное бюро», избиравшее председателя, в обязанности которого входило составление списка членов группы, созыв собраний; определялся порядок принятия в группу; до официального объявления о создании группы все пожелавшие в нее вступить обязывались «хранить в тайне все предварительные действия организационного бюро, результаты совещаний и списки членов».

Кризис внутри правой группы разрешился в середине августа выходом из нее шести умеренных членов и формированием нового президиума — необходимость в новой группе отпала.

Выборы в Гос. совет летом и осенью 1915 г.

Выборы проходили в обстановке острой общественно-политической борьбы. Всего избиралось 55 членов Гос.совета, из них 54 на места выбывших в связи с окончанием срока и по жребию и один на вакантное место в связи с отказом члена от дворянства. 37 членов должны были избрать земства, семь — дворянство, четыре — торговля и промышленность, трех — съезды землевладельцев и по два — духовенство и Академия наук и университеты.

Результаты выборов от земств были следующие:

Распределялись по группам

	Выбывшие	Избранные
Левая группа	5	11
Группа центра	11	11
Кружок внепарт. объедин.	4	2
Правый центр	9	8
Правая группа	6	4
Внепартийные	2	1
Итого	37	37, в т. ч.:

Прогрессивный блок	22 (59,49%)	25 (67,56%)
Правое крыло	15 (40,54%)	12 (32,43%)

Выборы от дворянских обществ дали такие результаты:
Распределялись по группам

	Выбывшие	Избранные
Группа центра	1	—
Кружок внепарт. объедин.	—	2
Правый центр	2	3
Правая группа	4	1
Внепартийные	—	1
<hr/>		
Итого	7	7, в т. ч.:
Прогрессивный блок	1	2
Правое крыло	6	5

Прежде выборы членов Гос.совета от дворянских обществ были всецело в руках объединенного дворянства. На этот раз решили принять участие лидеры Прогрессивного блока: слухи о кризисе общедворянской организации, о росте недоверия к ней в среде поместного дворянства породили надежду на успех кандидатов, примыкающих к центру;¹⁵⁹ рассчитывали, что «прогрессивный блок явится безусловно победителем на выборах, и что правое крыло второй палаты будет окончательно сломлено».¹⁶⁰ Бюро блока поручило дело Меллер-Закомельскому, Гурко, П. М. фон Кауфману-Туркестанскому и Олсуфьеву.

Не опустил рук и Постоянный совет объединенного дворянства: руководство подготовкой выборов взяли на себя Струков, Бобринский, Нарышкин и Панчулидзе.¹⁶¹

Собравшиеся в Петрограде выборщики (72 из 83) оказались следующей окраски: 22 правых, 6 умеренно-правых, 6 «нейдгартцев», 28 сторонников Прогрессивного блока, 5 прибалтийских баронов, 3 грузина и 2 беспартийных.¹⁶² На первом их собрании стало ясно, как не дотягивает настроение дворянских выборщиков до расчетов Прогрессивного блока. На призыв Крупенского объединиться на политической программе выборщики ответили «общим молчанием». Единодушно был поддержан один из выборщиков, Менделеев, заявивший: «Все мы, несомненно, искренние монархисты; ни в какой общей подробной политической программе в настоящее время не нуждаемся. ...Нас должна объединять одна главная цель — борьба с Распутиным и с его губительным влиянием».¹⁶³

Попытка Прогрессивного блока провести на все вакансии своих сто-

ронников не удалась: откололись выборщики от прибалтийских губерний (они не могли простить М. В. Родзянко, избранного председателем данной группы выборщиков, его речи после объявления войны), и пришлось искать соглашения с правыми выборщиками. Последнее оказалось делом не простым. Крайние фланги примерно уравнились и в выгодном положении оказались «нейдгартцы».

Расчеты Прогрессивного блока, таким образом, не оправдались. Несомненно, однако, отход дворянства «от настроений, возобладавших под впечатлением революции 1905 г.»¹⁶⁴

Выборы от Академии наук и университетов (двух членов), духовенства (двух) и съездов землевладельцев Лифляндской и Курляндской губерний перемен не внесли. Съезд землевладельцев области Войска Донского вместо выбывшего правого избрал члена центра.

Съезд выборщиков для избрания членов Гос.совета от торговли и промышленности вместо выбывших четырех членов центра избрал трех левых и члена центра. Здесь примечательны имена избранных (А. И. Гучков, П. П. Рябушинский) и национальность (еврей Г. Э. Вейнштейн). Это вызвало раздражение императрицы Александры Федоровны¹⁶⁵ и задело некоторых правых.¹⁶⁶ Кроме этого, съезд присоединился к резолюции всероссийских съездов Союза городов и Земского союза, требовавшей созыва Думы и создания правительства доверия.

Общие итоги выборов были следующие:

Распределялись по группам

	выбывшие	избранные
Левая группа	7	16
Группа центра	18	15
Кружок внепарт. объедин.	4	4
Правый центр	11	11
Правая группа	13	7
Внепартийные	2	2
<hr/>		
Итого	55	55, в т. ч.:
Прогрессивный блок	31 (56,36%)	36 (65,45%)
Правое крыло	24 (43,63%)	19 (34,54%)

Таким образом, не подтверждаются прежние представления об итогах перевыборов членов Гос.совета осенью 1915 г.¹⁶⁷ Другое дело существенный сдвиг влево выборной половины Гос.совета в течение всего 1915 г. (см. табл. 13) в результате всех имевших в ней место перемен, в т. ч. и осенних перевыборов: возросла численность левой группы (+9) и ее удельный вес

возрос до 21,87%, сократилась численность (-3) и снизился удельный вес (-3,53%) центра, больше стало в кружке внепартийного объединения (+1, +1,01%), заметно выиграл правый центр (+7, +7,15%), почти вдвое сократилось число выборных в правой группе (-13, -13,85%), внепартийным среди выборных остался один. Сторонников Прогрессивного блока среди выборных стало больше — 60 человек (63,15%), в правом крыле Гос.совета лишь 35 (36,84%).

Сторонники Прогрессивного блока оценивали результаты выборов в свою пользу, оговаривая при этом их достаточно скромный характер. Отмечали прежде всего то, что в «цитадели всероссийской реакции» пробита настолько серьезная «брешь», что о былом значении Гос.совета, как «могилы всех прогрессивных стремлений общества» говорить уже больше не приходится. Хотя не забывали, что и теперь Гос.совет в своем «незначительном» большинстве все еще остается тем, чем он был — «законодательной пробкой или антидумой».

Подчеркивалось не только количественное усиление Прогрессивного блока в Гос.совете, но и качественное: избрано «несколько новых крупных фигур, с заслуженным политическим авторитетом». Утешались и тем, что «защита позиций блока перестала быть, при создавшейся цифровой неопределенности, а priori безнадежной».

Высказывались надежды на «новые нотки» в Гос.совете и на полевение, «под влиянием событий и энергичной работы блока», колеблющихся членов Гос.совета, что, свою очередь, еще более укрепит позиции блока.¹⁶⁸

Правые, анализируя итоги выборов, утверждались на мысли, что борьба с Прогрессивным блоком становится для них главной задачей внутри страны. Констатировалось, что Гос.совет «в своем составе полевел и значительно полевел». Высказывалось опасение, что Гос.совет может «лишиться возможности выполнять свое назначение». Делались подсказки власти: следует-де «произвести самую основательную чистку среди назначенных» членов Гос.совета.¹⁶⁹ Похожую мысль встречаем в письме Шереметева Булыгину от 28 октября 1915 г.: «Если правительство за блок, то и говорить нечего, но если нет, то усиление Гос.совета доброкачественными членами настоятельно нужно».¹⁷⁰

Была сделана попытка противопоставить Прогрессивному блоку объединение монархических партий: 21 ноября 1915 г. открылся съезд монархических партий в Петрограде, в работе которого приняли активное участие виднейшие члены правой группы Гос.совета; 26 ноября 1915 г. — совещание представителей монархических союзов и правых деятелей в Нижнем Новгороде.

В этих условиях власть прислушалась к правым. 24 ноября членами Гос. совета были назначены пять правых сановников, из них четверо — сразу к присутствию в нем. Сделано это было, по словам Поливанова, «как бы для уравнивания результатов новых выборов». ¹⁷¹

Назначения в Гос. совет в 1915 г.

К концу 1915 г. возросло число назначенных членов в кружке внепартийного объединения (+2) и правом центре (+2), меньше их стало среди внепартийных (-1), в правой и центре они оставались на уровне 1 января.

Между тем соотношение сил в Гос. совете в целом в конце декабря было следующим: в левой было 21 (10,82%), группе центра — 58 (29,89%), кружке внепартийного объединения — 16 (8,24%), правом центре — 25 (12,88%), правой группе — 56 (28,86%), внепартийных — 6 (3,09%) и министров — 12 (6,18%).

Правые, похоже, были бессильны изменить ситуацию. Не помогло и то, что Горемыкин в начале 1915 г. добился «права Столыпина» корректировать предложения кандидатов в Гос. совет (письмом от 1 февраля извещая Голубева об этом, он просил его входить «в предварительное соглашение» ¹⁷²)

Результаты осенних выборов встревожили правых. Можайский предводитель писал Шереметеву: «Силы «парламентского блока» растут, а силы правых уमाляются... Чтобы этому противодействовать, путь один: немедленно назначить на 4 ...вакансии правых, а несколько левых перевести в неприсутствующие. Другого выхода нет». ¹⁷³ К этому выводу приходил и Шереметев. «Вопрос о пополнении Госуд[арственного] Совета членами умеренными должен быть на очереди, если только хотят сохранить равновесие, иначе запоют «Пропади, моя телега, все четыре колеса!» — подсказывал он Булыгину. ¹⁷⁴

Назначения 24 ноября и было ответом на эту опасность. Но, по свидетельству С. П. Белецкого, решающую роль в этих назначениях сыграл министр внутренних дел А. Н. Хвостов. Проконсультировавшись «с некоторыми из членов Гос. совета», он с помощью Белецкого составил список кандидатов и, не посвящая в свои предположения ни Куломзина, ни Горемыкина, провел эти назначения «путем доклада» царю. Предварительно посетив вместе с Белецким А. А. Вырубову, он «в подробностях разъяснил ей значение укрепления правого крыла Гос. совета в предстоящую сессию, как необходимого, в интересах трона, противовеса Гос. думе, и указал ей на особенности выдвигаемой кандидатуры, о чем А. А. Вырубова и обещала доложить во дворце». ¹⁷⁵

Однако эти назначения лишь компенсировали потери правой группы, несколько не изменив соотношение сил в Гос.совете. Вакансий не было. Шереметев, будучи 13 декабря у Горемыкина, «пустил в ход слово «чистка» Гос.совета». Горемыкин, по словам Шереметева, «как будто был удивлен, что эта мысль пришла мне в голову», и, как показалось Шереметеву, допускал «возможность новых назначений».¹⁷⁶

Идея «чистки» Гос.совета, т. е. перевода в неприсутствующие стороны Прогрессивного блока и назначения на освободившиеся места правых, настойчиво подсказывалась правой печатью.

Тем не менее Николай II на это не пошел. В неприсутствующие были переведены двое из центра, но по их личным просьбам:¹⁷⁷ 80-летний М. Н. Галкин-Враской сослался на болезнь, а 85-летний Н. М. Чихачов — на старость. Из списка назначенных к присутствию на 1915 г. Николай II вычеркнул и Сухомлинова, еще 13 июня уволенного от должности министра. Из трех новых в списке назначенных к присутствию на 1916 г. только один вошел в правую группу. Более того, председателем и вице-председателем Гос.совета на 1916 г. были оставлены Куломзин и Голубев.

XII сессия Гос. совета (9. II. — 22. VI. 1916 г.).

Гос. совет и правительство Штюмерера

20 января 1916 г. Горемыкина сменил Штюмерер, гофмейстер, член правой группы Гос.совета; ему шел 68-й год.

Реакция групп Гос.совета была, по существу, однозначна — никто не ожидал серьезных перемен в правительственной политике. Различия были в оттенках. Возраст и личные качества нового «премьера» не могли привести в восторг и правых, но он был из их группы, и с этим были связаны определенные надежды. Члены левой группы смотрели в корень и были безапелляционны: смена лиц, а не направления. Представители центра уклонились от оценки личности главы правительства (мало-де проявил себя в Гос.совете, взгляды его не ясны), в самом же факте склонны были видеть стремление «сфер» «установить в течение предстоящей сессии законодательных палат более или менее определенный контакт с Государственной Думой».¹⁷⁸

Его выступление с правительственной декларацией в заседании общего собрания вечером 9 февраля ничего не изменило. Меллер-Закомельский и Grimm поддержали требования Прогрессивного блока.¹⁷⁹ Первый отметил, что заявления «о готовности работать в полном единении с общественными силами» и заверения «в доверии к этим силам» провозглашаются правительством с первых дней войны, однако «слова расходятся с делом». По мнению

лидера центра, «только действительно объединенное в своей деятельности и опирающееся на доверие и сочувствие населения правительство может сплотить все силы народные, общественные и государственные для окончательной победы». Правительство Горемыкина, считал барон, «этими свойствами не обладало»; более того: оно «порождало в стране раздражение», гасило «священный огонь в народных массах». Закljučая, он призвал новое правительство «поспешить превратить свои слова в живое дело путем действительного проявления своего единомыслия с заветными стремлениями народа».

Решительнее и воинственнее было выступление лидера левой группы.¹⁸⁰ Для решительной победы, подчеркивал Гримм, необходимо «реальное, действительное единение власти с народом, основанное на взаимном доверии, проявляющемся в определенных действиях, а не в одних только словах и обещаниях». Власть должна быть «в руках правительства, одинаково сильного доверием Монарха и страны», — заявил он и солидаризировался с декларацией Прогрессивного блока, потребовав «перемены системы». Гримм поставил в вину правительству несоблюдение законов, систематическое умаление прав законодательных учреждений, помехи общественным организациям в их деятельности в связи с войной, «прискорбные и опасные колебания» в национальном вопросе. Правительство, состоящее «из лиц, в большинстве отрицающих конституционный строй», — утверждал он, — одно «из самых серьезных препятствий на пути» к победе.

С критикой правительства выступил и представитель «коло»: «Заявления и действия правительства по польскому вопросу едва ли соответствуют широтой своего государственного размаха повелительным указаниям развертывающихся мировых событий».

А. Б. Нейдгарт призвал к единству и солидаризировался с программой правительства.

Лидер правых в краткой речи возразил Прогрессивному блоку: «Теперь не время нам пререкаться и вести междоусобную партийную борьбу, не время давать наставления правительству; не время укорять его за прошлые ошибки, не время домогаться новых прав или изменения существующего внутреннего положения. Бог даст — настанет пора, и тогда сосчитаемся, а сегодня — да будет у всех и слева, и справа, и в центре, и на скамьях правительства одно единодушное заявление: все для войны, все для конечного торжества нашего оружия».

Выступивший от кружка внепартийного объединения Коковцов присоединился «к общему голосу о необходимости борьбы до ее победного конца» и призвал прекратить споры и рознь «до времени» и «вместе с Государ-

ственной думой направить свои силы на спешное разрешение всех вопросов, непосредственно связанных с организацией и снабжением наших вооруженных сил, и в единении с правительством и между собой выделить и направить из общей совокупности бесчисленных запросов нашей внутренней жизни такие запросы, которые необходимы для ее упорядочения и для придания ей устойчивости и того спокойного развития, без которых невозможно сосредоточение необходимой мощи и на фронте».¹⁸¹

Таким образом, Штюмер мог рассчитывать в Гос.совете лишь на правую и правый центр, положение которых продолжало усугубляться. За время XII сессии сократилась численность и правой группы (-5), и правого центра (-2). Новые назначения (за это время их было три; двое вступили в правую, один — в правый центр) положения не выправляли. Не устраивало правых и «качество» назначаемых. Так, первым из назначенных к присутствию в эту сессию был товарищ министра путей сообщения П. Н. Думитрашко. В Гос.совете он примкнул к внепартийным. Маклаков передал в Царское Село возмущение правых такой практикой назначений, и Александра Федоровна просила (в письме от 17 марта 1916 г.) Николая II быть осторожным в деле пополнения Гос.совета новыми членами: «Государственный совет должен быть лояльно правым». Разделяла императрица и негодование правых членов Гос.совета по адресу Голубева и Коковцова.¹⁸²

Падало влияние правой группы. Все чаще правые оказывались в меньшинстве. Так, при формировании семи постоянных и трех особых комиссий в течение XII сессии правое крыло Гос.совета только раз имело преимущество, в девяти других случаях преобладали сторонники Прогрессивного блока.

Терпели правые поражения и при рассмотрении отдельных вопросов. Так, 18 февраля было отклонено 91 голосом против 53 их предложение передать законопроект о подоходном налоге в особую комиссию. 23 мая большинством 70 против 43 Гос.совет отклонил их предложение об единовременном «военном сборе». 1 апреля 51 голосом против 35 отклонена поправка Маклакова к предложению В. И. Черницкого.

7 июня 1916 г. Штюмер обращает внимание царя на то, что задача Прогрессивного блока состоит в проведении «теперь же, в летнюю сессию, главнейших законопроектов прогрессивной программы»; что начала, на которых построены эти законопроекты, «чужды истории, практике и духу русского законодательства», и что если бы эти проекты «каким-либо образом ...получили силу закона, страна очутилась бы в положении совершенно безысходном». Между тем, продолжал Штюмер, нельзя сказать, что Государственный совет «в его теперешнем составе является безусловно цельной

государственной единицей, вполне обеспечивающей государственные интересы», так как «стремления и задания» Прогрессивного блока «нашли себе весьма ощутительную поддержку среди многих достаточно влиятельных членов Гос.совета, в том числе и среди членов Совета по назначению»; в нем «имеется немалочисленная группа лиц из состава членов по назначению, которая общим направлением своей деятельности и особенно голосованием в делах политической важности решительно примыкает к «прогрессивному блоку»». ¹⁸³

Эта оценка соотношения сил в Гос.совете и осознание опасности одобрения им законопроектов из программы Прогрессивного блока стали основой решения прервать занятия Думы и Гос.совета до 1 ноября 1916 г.

В ходе XII сессии недовольство властью нарастало, и раздражение против правительства прорывалось по различным поводам и с разных кресел «верхней палаты». Причем чувства правых были и более глубокими, и более искренними, и проявлять их было не просто: власть была своя, монархическая. Левые, критикуя правительство, действовали без оглядки, лишь бы свалить и занять его место, тут все средства хороши. Критика правых была обоюдоострой, невозможно было предугадать, усилит она власть или еще более ослабит. И если она тем не менее раздавалась с правых кресел, то это говорит об особом напряжении чувства правых, близком к отчаянию.

Так, Гурко, участвуя в общих суждениях по государственной росписи в общем собрании 1 апреля, решился лишь на выражение, по существу, тоски по «талантливой и решительной власти», которая почерпала бы «свою силу не из объема своих юридических прав и не на этих правах» зиждилась, а обладала «обаянием в стране», «верно» отражала «народные мысли и вожеления и духовно органически» была объединена с обществом. ¹⁸⁴

Маклаков в заседании 6 июня, выступая против отмены административной гарантии в делах о преступных деяниях по службе, обвинил Думу в том, что она «всякую административную власть» рассматривает как «зло» и видит свою задачу в том, чтобы ее «обезвредить». С точки зрения Маклакова, «главное российское зло» заключается в том, что «властью перестали пользоваться». «Уже давно, — продолжал он, — силою вещей и новыми условиями русской жизни мы пережили сложный сдвиг власти. Власть у нас не управляет, она не регулирует жизнь, она является органом, управляемым жизнью и подчиненным ее течению. ...Посмотрите кругом и Вы увидите, что мы дошли уже до того, что мы ищем власть, но мы не видим ее, не слышим ее, не находим». Более того: «робкие и противоречивые выступления» власти «полны жалкого угодничества перед общественностью», которая «знает, чего хочет, и знает, куда идет». ¹⁸⁵

Выборы членов Гос. совета в сентябре-октябре 1916 г.

К сентябрю 1916 г. среди выборной части Гос.совета вследствие окончания сроков, смерти и отказа образовалось 13 вакансий (места шести западных земств, Вологодского и Самарского, дворянских обществ (3) и по одному — торговли и Академии наук и университетов), в результате сократилась численность левой группы (-1), центра (-2), правого центра (-7) и правой (-3).

К началу XIII сессии (1 ноября 1916 г.) семь были избраны, из них пять вошли в группу центра и по одному — в левую и правый центр; четверо — переизбраны (трое из правого центра и из центра), два места — Самарского земства и торговли — продолжали оставаться вакантными. В итоге число сторонников Прогрессивного блока возросло (+4), правого крыла Гос.совета — сократилось (-6). За этим стоит полевание Вологодского и Киевского земств (дали членов центра вместо выбывших правого и «нейдгартца») и дворянских обществ (вместо выбывших двух правых и «нейдгартца» были избраны члены центра). Академия наук с университетами и пять западных земств перемен не произвели (избраны левый и «нейдгартцы»¹⁸⁶).

МВД пыталось через губернаторов воздействовать на результаты земских выборов. Так, бывший Минский губернатор вспоминал: «Считая нежелательным избрание членом Государственного совета от Минской губернии именно поляка, А. А. Хвостов очень просил меня осмотреться и затем, по возможности, повлиять на избрание приемлемого и обязательно русского члена Государственного совета». Губернатор обеспечил переизбрание Г. А. Лашкарева, входившего в правый центр.¹⁸⁷

Подобных способов повлиять на дворянские выборы у правительства не было. Тем не менее, министр внутренних дел Штюмер, придавая большое значение соотношению сил в Гос.совете и выборам как показателю настроений в дворянстве, возбуждает вопрос о сроках выборов. Правая группа Гос.совета, заинтересованная непосредственно, ибо три вакансии образовались за смертью ее членов, устроила ряд совещаний в поисках способов обеспечить нужный результат. Причина озабоченности очевидна: в XII сессию вполне обрисовалось преобладание либерально-монархического крыла. Новые выборы могли усугубить ситуацию.

Скоро лидеры правых убедились, что настроение дворянских обществ не соответствует их видам, и Мосолов, товарищ председателя Постоянного совета съездов объединенного дворянства и член Совета правой группы Гос.совета, делал просто «хорошую мину», утверждая за два дня до выборов, что «никакого беспокойства среди правых верхней палаты» нет, что «Совет

объединенного дворянства в них активного участия не примет, и никакого давления с его стороны не будет».¹⁸⁸

25 октября 73 выборщика от 41 губернии под председательством П. А. Базилевского записками наметили 36 кандидатов; из них наибольшее число голосов получили князь К. Н. Абхази (43), граф И. А. Уваров (39) и граф В. А. Мусин-Пушкин (37); остальные, получив небольшое число записок, отказались баллотироваться. Видя, что большую часть записок получили «прогрессисты», правые не стали выставлять своих кандидатов.¹⁸⁹ Трое названных и были избраны, войдя затем в группу центра.

Либеральная пресса истолковала это как «новое свидетельство изменяющегося настроения страны», как «поражение правых», как пересмотр дворянством своей «политической идеологии и тактики», как «полный морально-политический крах» объединенного дворянства.¹⁹⁰

В начале октября 1916 г. Штюрмер снова обращает внимание царя на Гос.совет: «С назначением председателем Государственного совета Куломзина, внутренний строй Государственного совета преобразился. Первую роль в нем играет так называемый блок, руководимый В. Н. Коковцовым. При таких условиях и при существующем настроении в Государственной Думе, представляется несомненным, что правительству нельзя будет опираться на Государственный совет». Личный состав Гос.совета, подсказывал Штюрмер, «должен подвергнуться коренным изменениям. Прежде всего, А. Н. Куломзин должен быть заменен другим, более энергичным лицом». При этом называл С. В. Рухлова и Щегловитова. Царь, одоббив обе кандидатуры, поручил Штюрмеру переговорить с Куломзиным «на предмет сохранения им, в виду слабости здоровья, только звания председателя Романовского комитета, оставаясь членом Гос.совета». Предполагалось его заменить ранее нового года «путем высочайшего рескрипта».¹⁹¹

Начало XIII сессии.

«Исторические дни» в Гос. совете

Сессия началась, в унисон с Думой, с атаки на правительство Штюрмера. Начал Шебеко декларацией о праве поляков на объединение и свободу. Он критиковал политику в польском вопросе: правительство не исполняет торжественных обещаний, данных Польше в начале войны. Его поддержали Гурко от кружка внепартийного объединения, князь А. Д. Голицын от центра и Grimm от левой группы. Щегловитов от правой и Нейдгарт от правого центра, выразив сочувствие полякам, полагали необходимым дожидаться окончания войны.

Затем лидер центра Меллер-Закомельский выступил с внеочередным заявлением о необходимости объединенного в своей деятельности правительства, опирающегося на доверие и сочувствие народа. Требование обосновывалось резкой критикой правительства, в вину которому было поставлено все: оно не захотело или не сумело использовать «благородный, патриотический порыв» общества, оказалось разобщено «с народом»; «обостряющиеся недочеты в продовольствии, транспорте и использовании живых сил страны».

Его поддержал Grimm: «С правительством, которое так ведет государственное дело, невозможна никакая совместная работа. И пусть нам не говорят, что теперь не время возбуждать эти вопросы, что их следует отложить до окончания войны». Он уточнил требование: «Нам нужно правительство, сильное доверием Царя и народа, правительство честных и граждански мужественных людей, преданных существующему конституционному строю, людей определенной программы и опирающегося на большинство народного представительства».¹⁹²

Большинство Гос.совета составляли сторонники Прогрессивного блока. Выборы пяти постоянных комиссий 4 ноября прошли при их преобладании в 11—15 человек (8,02 — 10,79% от числа присутствовавших в заседании).

Дни с 22 по 26 ноября 1916 г. были «историческими»: в Гос.совете шли бурные прения по правительственной декларации, завершившиеся принятием подавляющим большинством формулы перехода к очередным делам, где были сформулированы требования решительно устранить влияние на государственные дела скрытых безответственных сил (принято 105 против 23) и образовать дееспособное правительство, действительно сплоченное и объединенное определенной программой, опирающееся на доверие страны и способное сотрудничать с законодательными палатами (принято 94 против 34).

Большинство составилось из левой, группы центра, кружка внепартийного объединения и части правого крыла Гос.совета (правого центра и отчасти правой группы): при выборах пяти постоянных комиссий 4 ноября сторонники Прогрессивного блока в Гос.совете составляли в среднем 54,84% от числа присутствовавших в заседании, с учетом абсолютной численности групп на 1 декабря 1916 г. они составляли 53,6%, а в данном случае за формулу перехода, предложенную центром, проголосовало 73,43% участвовавших в заседании.

Мотивы составивших это большинство были, разумеется, различны. Кроме входящих в Прогрессивный блок и разделявших его устремления,

были просто охваченные тревогой за судьбу страны (восклицание Н. С. Таганцева — «Отечество в опасности!» — ближе всего к их настроению), были сторонники А. Ф. Трепова, пытавшегося добиться устранения А. Д. Протопопова.

Трепову была эта критика на руку. Он проявил интерес и к прениям (покидая Мариинский дворец, просил государственного секретаря распорядиться прислать ему все стенограммы), и к результатам голосования (об этом ему сообщили по телефону). Писали,¹⁹³ что он склонялся поддержать вотум Гос.совета и распорядился спешно составить доклад царю.¹⁹⁴

Современники расценили это как событие первостепенного политического значения:¹⁹⁵ впервые Дума и Гос.совет в вопросе большой государственной важности выступили единодушно. Одни усмотрели в этом высокий градус общественного настроения, осознание неотложной необходимости перемен в системе управления, волну чувства государственного самосохранения. Другие — «полную и решительную победу» Прогрессивного блока, «категорическое осуждение» действующей системы управления. Третьи, даже из числа хорошо информированных, увидели в этом «знаменательное явление, при котором не может быть места в правящих кругах Штюмеру и тем, которые думают, как он».¹⁹⁶ На многих произвела впечатление резкая критика правительства из уст «типичных представителей крупного дворянского землевладения» Карпова и князя А. Д. Голицына.

Чем же руководствовалось правое меньшинство в своем отрицании предложенной формулы? Один из заметных его представителей, выступая на XII съезде объединенного дворянства всего лишь через день после этого голосования в Гос.совете, уверял, что они «ни одной минуты» не могли «сочувственно относиться к «темным силам»». «Мы, — продолжал А. А. Римский-Корсаков, — с глубоким пренебрежением, негодованием, с омерзением, сказал бы я, относимся к личностям, которым, к крайнему сожалению, приходится играть выдающуюся роль». Отрицание предложенной формулы, по его словам, продиктовано пониманием нецелесообразности обращать требование устранить влияние Распутина «к лицам, которые лишены возможности привести это в исполнение». Что касается второй ее части, то здесь, «если раскрыть скобки», выражено, по его мнению, требование ответственного министерства. «В переживаемый страшный момент», полагал Римский-Корсаков, следует обращаться «к одному только Хозяину земли Русской, который один только в этом случае может нам помочь».¹⁹⁷ Однако царь их не слышал. В этом состояла трагедия правого в России начала XX века.

Правая группа переживала трудные времена.¹⁹⁸ Бессилие правого крыла Гос.совета усугублялось усиливающейся оппозиционностью правого цент-

ра. Начинали терять терпение и некоторые правые. В общественном сознании, включая и правую его часть, Николай II уже настолько слился с «темными силами», был настолько дискредитирован, что попытки различать их, а тем более противопоставлять, и рассчитывать на него в борьбе с безответственными влияниями уже не всеми одобрялись в правой группе Гос.совета; не получили они поддержки большинства XII съезда объединенного дворянства. «В Петрограде настроение удручающее, — писал А. Д. Самарин. — Не верится, чтобы в стенах Г[ос.] Совета произносились те речи, которые там сказаны 22 ноября. Но я не осуждаю их, говоривших, так как сам думаю и чувствую так же, как и они, и в известные минуты трудно и даже нельзя молчать. В этом я расхожусь с тактикой правой группы».¹⁹⁹

Последняя же была продиктована опасением подлить масла в огонь. «Эта выходка и этот адрес, — заметил о письме княгини С. Н. Васильчиковой один из корреспондентов Шереметева, — никого не убедят, а будут только служить подтверждением создавшегося где-то на высоте ошибочного мнения, что за нас весь простой мужицкий люд, а против обжиревшие аристократы. ...Мы переживаем такое трудное время, когда самая пустая дура может вызвать крушение».²⁰⁰

Скоро, однако, надежды на то, что власть «образумится», сменились страхами: поползли слухи о досрочном роспуске палат и «без точного обозначения срока» возобновления их занятий; заговорили о «крайне непрочном» положении Трепова, скорой его отставке, о назначении Щегловитова председателем Гос.совета, о переводе в неприсутствующие тех членов «второй палаты» по назначению, которые 26 ноября голосовали за формулу Прогрессивного блока.²⁰¹

Переход большинства Гос.совета на сторону блока вызвал сильное раздражение в Царском Селе. Коковцов, со слов Н. Н. Покровского, рассказывал французскому послу: царь «с горечью говорит о членах Гос.совета, которые твердя о своей верности самодержавию, позволили себе обратиться к нему с заявлением. ...Раздражение императора против Гос.совета усердно раздувается императрицей, которую уверили, что некоторые члены правой Гос.совета говорили о расторжении ее брака с царем и о заточении ее в монастырь».²⁰² Александра Федоровна требовала, чтобы Николай II лишил князя А. Д. Голицына придворного звания.²⁰³

Недобрые чувства к Гос.совету усиливали действия и поступки отдельных его членов. Вызвал гнев царя вице-председатель Голубев: председательствуя 26 ноября, он допустил резкие антиправительственные высказывания Олсуфьева и Меллер-Закомельского — 1 декабря ему было объявлено «Высочайшее неудовольствие», а с 1 января 1917 г. он был переведен в разряд

неприсутствующих. Член центра Гос.совета, главноуполномоченный Красного Креста, обер-гофмейстер фон Кауфман-Туркестанский привез царю в Ставку стенограмму речи В. М. Пуришкевича в Думе 19 ноября 1916 г. и попытался убедить царя удалить Протопопова и поставить во главе правительства лицо, облеченное доверием страны. Князь Б. А. Васильчиков, жена которого была выслана в свое новгородское имение за дерзкое письмо императрице, демонстративно отправился вместе с нею.

«Чистка» Гос. совета

К концу 1916 г. необходимость укрепления правого крыла Гос.совета и назначения его председателем правого становится очевидной для Николая II в связи с опасным для трона усилением Прогрессивного блока. В этом направлении его подталкивали все настойчивее и лидеры правой группы Гос.совета, и вожди монархических организаций, и правые члены правительства, и активисты камарильи.

Трепов в записке от 26 ноября, еще не зная результатов баллотировки в общем собрании Гос.совета, обращал внимание царя на то, что «сочувственно отнеслась к правительственной декларации одна лишь правая группа», которая, однако, в результате назначений последних двух лет и «резкого уменьшения консервативно настроенных выборщиков ...не имеет уже большинства» даже в единении с группой правого центра. Последняя к тому же в своем отношении к правительству «не только не склонна всецело стать на точку зрения правой группы», но «подчеркнула определенно отрицательное свое отношение» к Протопопову и усомнилась в единомыслии и сплоченности правительства. «Надлежит признать, — заключал «премьер», — что взаимоотношения правительства с Гос.советом также не могут почитаться в данное время обеспечивающими взаимное доверие и должное единение».²⁰⁴ Следует заметить, что Трепов из этого делал вывод о необходимости не только усиления правой группы, но и замены Протопопова приемлемым для правого крыла сановником. Лично он имел в виду С. Е. Крыжановского.

П. А. Бадмаев, представляя 26 декабря царю таблицу с распределением членов Гос.совета по группам и разрядам, писал: «Из этой группировки Вы, Ваше Величество, картинно изволите убедиться, что великое множество из этих членов должны находиться за бортом, так как они позволяют себе враждебно относиться к трону». Соглашаясь далее, что «не легко будет подобрать членов Гос.совета, способных понимать твердость власти и твердое направление царя в духе самодержавия», он подсказывал: «Все они находятся под влиянием вожаков; вожаки немногочисленны и известны Вашему Величеству, этих-то вожаков нужно непременно изъять».²⁰⁵

План усиления позиций правых в Гос.совете был прост: предусматривалась «чистка» его состава, т. е. удаление противников, назначение сторонников, формирование президиума из правых сановников. В этом отношении ни в среде правых, весьма неоднородной и противоречивой, ни между правыми в целом и самодержавием разногласий не было. Однако они возникали уже с вопроса о времени: правые уже давно на этом настаивали, а царь, соглашаясь в принципе, тянул, вызывая, естественно, раздражение. Неодинаково понимался и смысл «чистки»: зачем, с какой целью ее проводить? Чтобы парализовать Прогрессивный блок, иметь возможность пропускать угодные и не пропускать негодные законопроекты — это с позиций всего правого крыла. У Николая II и, особенно Александры Федоровны, взгляд был уже, личный. Неизбежно возникают разногласия по конкретным вопросам: кого убирать? кого назначать? «Назначь его (Н. К. Шведова. — А.Б.) и славного Маклакова, — настаивает императрица, — они смело будут стоять за нас».²⁰⁶ Белецкий, со слов Протопопова, рассказывал, что было решено увеличить численность правой группы не только за счет вакансий, но и «взамен тех членов, которые в этот период времени позволили себе стать в открытую оппозицию государыне и двору»²⁰⁷

В правой группе задолго до 1 января 1917 г. было подготовлено три списка кандидатов для назначения в Гос.совет: Римского-Корсакова, «согласно предположениям крайней правой группы» (в числе других здесь были Н. Е. Марков, Г. Г. Замысловский); Маклакова, где значились Белецкий, С. А. Куколь-Яснопольский, К. Н. Пасхалов и др.,²⁰⁸ и список Щегловитова, переданный через Трепова.²⁰⁹ Все они оказались у императрицы. «Мы вместе изучим все эти списки и решим все эти вопросы», — писал из Ставки Николай II 17 декабря.²¹⁰

23 декабря Щегловитов был вызван в Царское Село. Царь объявил о намерении назначить его председателем Гос.совета и дал «совершенно определенные указания, кратко выраженные в словах: «Вы хорошо знали деятельность Акимова, — он вас очень ценил, — и мое желание в том, чтобы вы следовали тому направлению, которого тот держался.»» Щегловитов инициировал вопрос об усилении правой группы — царь одобрил. Тут же Щегловитов получил списки лиц, намеченных к устранению и к назначению. Они существенно отличались от составленных членами правой группы.²¹¹ Позднее Белецкий свидетельствовал: «Ни один из этих списков не прошел».²¹²

В следующий прием Щегловитова, 29 декабря, царь принял окончательные решения.²¹³ При этом он исходил из следующих данных, представленных ему Щегловитовым:

1. Списка членов Гос.совета, назначенных к присутствию в 1916 г.;

2. Справки о переменах в составе назначенной половины Совета с 1 января по 29 декабря 1916 г., где были отмечены умершие за это время (3), уволенные (1), призванные к присутствованию (3), назначенные без призыва к присутствованию (10);

3. Справки о соотношении сил в Гос.совете на 29 декабря 1916 г., где были указаны:

— численность и состав Прогрессивного блока: левая группа (20) + центр (59) + кружок внепартийного объединения (20) + часть внепартийных (двое: Голубев и Стахович) — «отсутствующие по болезни и иным причинам» (двое: Б. Е. Иваницкий и Ф. Ф. Трепов) = всего 99;

— численность и состав Правого объединения: правый центр (23) + правая (58) + часть внепартийных (4) + министры (8) — «отсутствующие по болезни и иным причинам» (6) = всего 87.

Царь вычеркнул 18 человек в Списке назначенных к присутствованию в 1916 г. Из них 11 были сторонники Прогрессивного блока (9 из 19 назначенных членов центра, член кружка внепартийного объединения и внепартийный) и 7 входили в Правое объединение (5 членов правой группы, внепартийный и Штюмер, которого после увольнения с должности председателя Совета министров правые отказались принять в свою группу).

Карательная тенденция проявилась (по отношению к Голубеву и Кауфману), но не так широко, как об этом шумели в либеральной среде, а потом повторяли историки. Не подтверждается и представление о всех вычеркнутых из списка присутствовавших в 1916 г. как жертвах наступавшей реакции.²¹⁴ Вычеркивая четырех правых как «отсутствующих по болезни и иным причинам», Николай II это же проделывает и с двумя сторонниками блока (Главноуполномоченным Красного Креста на Юго-западном фронте Иваницким и военным губернатором занятой части Австро-Венгрии Ф. Ф. Треповым); удаляя 80-летнего правого И. А. Зиновьева и 85-летнего внепартийного Х. Х. Роопа, он вычеркнул и престарелых членов центра (79-летнего Герье, 75-летних Н. П. Балашова, Н. А. Зиновьева и Э. Ф. Гойнинген-Гюне), оставив видных и более активных сторонников блока (Таганцева,²¹⁵ Манухина, Ермолова, братьев Оболенских, Кони). Думается, что за этим стоит не примитивное нежелание поддаваться давлению, а стремление не допустить подавляющего преобладания правых в Гос.совете.²¹⁶

Из 18-ти назначенных на освободившиеся места только один, А. Н. Волжин, был взят из числа неприсутствовавших членов Гос.совета (остались не востребованными Наумов, недавно уволенный с должности министра земледелия и бывший в 1909—1916 гг. выборным членом Гос.совета от Самарского земства, и Варженевский, в апреле 1916 г. назначенный членом

Гос.совета и др.), 17 других назначались с 1 января 1917 г. Среди них были В. Н. Охотников, представлявший в Гос.совете в 1913—1915 гг. Оренбургское земство; выдающийся ученый А. И. Соболевский; высокоодаренный Крыжановский (он сохранял занимаемую должность государственного секретаря); сын В. К. Плеве.

Суммарная характеристика 18-ти назначенных выглядит следующим образом. Все они были православными. 15 из них — потомственные дворяне; при этом двое — бывшие губернские предводители, а один был действующим. Десять из них были в возрасте от 45 до 57 лет, а восемь — от 60 до 69. Высшее образование имели 16, из них 12 — юридическое. Трое были профессорами (два доктора и академик). Девять человек не имели недвижимого имущества, у одного была дача, а восемь были землевладельцами: 125 дес., 1,5 тыс. дес., 2,5 тыс. дес., около 3 тыс. дес., 3 460 дес. и 127 787 дес. (владелец последних, В. Н. Охотников, был и крупным домовладельцем — 3 дома в Петрограде; имел прииск и заводы: конный, свеклосахарный, лесопильный, стекольный, медеплавильный); размеры земельных владений двух назначенных членов не выяснены. Все они служили; при этом один был военным II класса, 13 были гражданскими (12 — III класса и один — IV и в придворной должности), четверо были придворными II чина. Среди них было 13 сенаторов²¹⁷ и один статс-секретарь. Все они были консервативного направления; при этом четверо из них принимали участие в съездах и комиссиях объединенного дворянства, двое были членами Русского Собрания, один был видным деятелем Союза Русского Народа и руководителем Славянского общества, были член Русского Окраинного общества и почетный член Русского монархического союза. Вскоре после назначения в Гос.совет один из них, Н. А. Чебышев, был назначен товарищем министра юстиции.

В результате «чистки» удельный вес правых среди назначенных (см. табл. 14) поднялся до 57,14%, что не только компенсировало потери правой группы среди выборных членов Гос.совета, но и обеспечило ей в союзе с правым центром явное преобладание в общем собрании (см. табл. 12). Вице-председателем Гос.совета на 1917 г. был назначен член правого центра В. Ф. Дейрих.²¹⁸

В 1917 г. соотношение сил в Гос.совете продолжало меняться в пользу правого его крыла в результате перемен в назначенной его половине: на место трех умерших и уволенного, из которых двое входили в кружок внепартийного объединения и по одному — в группу центра и правую, были назначены правые.²¹⁹ Поэтому к середине февраля численность правой группы возросла (+3) за счет указанных двух групп. Среди выборных за это время была лишь одна перемена: на вакантное место Самарского земства был из-

бран губернский предводитель А. Н. Шелашников, групповая принадлежность которого не выяснена.

Вопрос о кандидате в председатели Гос.совета в правой группе решался не однозначно. Трепов, представляя царю список из пяти имен (Е. И. Алексеев, Булыгин, Макаров, А. С. Танеев и Щегловитов), пытался, видимо, отразить настроения в группе.

Положение председателя группы, конечно же, выделяло Щегловитова. Неоспоримы были и другие его преимущества. В конце 1916 г. ему было около 56 лет (он родился 13 (26) февраля 1861 г.). Это был умный, высокообразованный и многоопытный сановник: за спиной было 35 лет службы по министерству юстиции, в т. ч. 9 лет министром, 10 лет членом Гос.совета. И в правительстве, и в «верхней палате» он имел большое влияние на ход государственных дел. По свидетельству Сазонова, Щегловитов «говорил осторожно и мало, но, благодаря своему уму и научной подготовке,²²⁰ занимал, среди своих товарищей по партии, не обладавших этими преимуществами, положение настоящего вождя, которому подчинялись его единомышленники как в Совете министров, так и в Высшей Палате».²²¹ Другой политический оппонент Щегловитова в правительстве, П. Л. Барк, признавался: «Я всегда относился с большим уважением к глубоким знаниям Щегловитова, и его административной опытности и к полной искренности, с которой он высказывал свои убеждения».²²² Следует учесть еще одно свойство Щегловитова, отмеченное Белецким: он «мог, так сказать, в некоторые моменты жизни поступать иначе... Он мог совершенно меняться. Иван Григорьевич был партийным человеком постольку, поскольку это отвечало его желаниям».²²³ Сам Щегловитов пояснял: «Ни одна из существовавших партий не соответствовала моим взглядам. Я принадлежал... к консервативному течению».²²⁴

Решив стать во главе Гос.совета и получив соответствующую поддержку в руководимой им группе, Щегловитов вошел в контакт с Распутиным, по свидетельству И. Ф. Манасевича-Мануйлова, «очень незадолго до его убийства». Это обстоятельство породило версию о решающей роли Распутина в назначении Щегловитова, вплоть до утверждения, что он выдвинут «Распутиным в председатели Гос.совета».²²⁵

Распутин, если не боялся правых, то не доверял им. По словам Манасевича-Мануйлова, он сетовал, что «его толкают на то, чтобы провести нескольких правых», и досадовал: «Какого чорта от них толку?». Списки правых царице передал, но ходатайствовать («руку прикладывать») отказывался: «Правые тоже дураки. Все равно они ничего не сделают». Распутину Щегловитов не был нужен. Щегловитову Распутин — да. «Тут не в Распути-

не было дело, — обмолвился Манасевич-Мануйлов, — а нужно было наложить руку на Александру Федоровну через Распутина». ²²⁶

Щегловитов и Протопопов. Здесь инициатива сближения исходила от Протопопова: услышав от Распутина «около 10 декабря», что Щегловитов будет назначен вместо Трепова, он поехал к нему и, сообщив, что «он скоро получит предложение быть либо председателем Совета министров, либо председателем Гос.совета», спросил, «какое из двух назначений он бы предпочел?» При этом Протопопов преследовал цель «сблизиться с ним заранее, до его назначения».

Щегловитов близко сошелся с Протопоповым, который, как он сам рассказывал Белецкому, «постарался укрепить его во дворце как у императрицы, так и у государя, оказал внимание Щегловитову назначением» его сына «на административный пост в провинцию и, в свою очередь, заручился от Щегловитова обещанием всемерной поддержки его в Гос.совете в противовес Гос.думе». Через Протопопова Щегловитов обращает внимание царя на либеральное настроение, охватившее Гос.совет, на опасность образования через блок Думы и Гос.совета «однопалатной системы», на недееспособность Куломзина, на необходимость воссоздать правое большинство в Гос.совете, «для чего правым надо прибавить 15 голосов». Протопопов закрепляет императора и императрицу в мысли назначить Щегловитова председателем «верхней палаты».

В январе 1917 г. они еще более сблизились, так что Щегловитов стал «единственным человеком, к мнению которого в последнее время прислушивался Протопопов», бывавший у него «почти ежедневно». Царь, услышав от Протопопова, что он советуется о делах чаще всего со Щегловитовым, одобрил: «Это хорошо, он человек опытный и большой государственной мудрости». ²²⁷

Николай II, конечно же, не забыл ни прошлого либерализма Щегловитова, ²²⁸ ни некорректной позиции его в громком деле о завещании Б. И. Огинского, ²²⁹ противления в июне 1914 г. царскому намерению лишить Думу законодательных прав. ²³⁰ Настораживал, по-видимому, царя и сильный характер Щегловитова, его властность и способность доминировать. ²³¹ Какое-то время он, по-видимому, противился его назначению. ²³² Но уступил давлению императрицы. ²³³ И как бы оправдываясь перед собою, отмечал, что Щегловитов «стал в последнее время мягче», и переносил акцент на его опытность и большую государственную мудрость. ²³⁴

* * *

Трудно согласиться с широко распространенным утверждением, будто Николай II взял правый курс, и правые накануне Февраля торжествовали. ²³⁵

Стоявший близко к событиям современник воспринимал замену Куломзина Щегловитовым не как уступку, шаг навстречу правым, а как жест в сторону либеральной оппозиции: «Этим выбором Государь подчеркнул, что он не находит своевременным идти на какие-либо либеральные уступки».²³⁶

Восстановление правого большинства в Гос.совете — лишь малая часть требований правых. Как в 1915 г. уступки либеральной оппозиции не означали согласия Николая II на ее программу, так и теперь программа правых осталась на бумаге. В надежде на скорое победоносное окончание войны (27 декабря он утвердил план весеннего наступления) царь не хотел зависимости от правых не менее, чем от их либеральных оппонентов (отношение правых кругов к себе и к императрице он, конечно же, знал), рассчитывая, по-видимому, что все само собою образуется. Его позицию следует, на наш взгляд, характеризовать как политический квиетизм.

Центральным пунктом программы правых была власть, способная справиться с решением всех вопросов — военных, экономических, социальных. А это, прежде всего, люди — компетентные, энергичные, волевые и авторитетные (почему правые и разделяли негодование кадровой политикой Николая II, а некоторая их часть примкнула к Прогрессивному блоку в требованиях «правительства доверия»). Во-вторых, это комплекс мер по всему спектру проблем, т. е. программа действий. В этом отношении правые имели разработки как стратегического, так и оперативного характера (Записка Дурново Николаю II в феврале 1914 г.; Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным в ноябре 1916 г.; Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки; Записка члена Думы М. В. Митроцкого).

Нет смысла гадать, как пошло бы развитие России в случае, если бы правым удалось осуществить свою программу. Несомненно, однако, что своим видением способов решения ставших перед страной проблем они выразили объективную возможность правой альтернативы Февралю. Несомненно и другое: им, монархистам, побудить Николая II идти их курсом было неизмеримо труднее, нежели либералам. И попытки некоторых из них действовать решительно в этом отношении ставили их в трагическое положение.²³⁷

Из значительного количества законопроектов, бывших на рассмотрении Гос.совета, мы выделяем лишь те из имевших принципиальное значение, которые касались, главным образом, основной массы населения Российской империи — крестьянства. Крестьянский вопрос был главным среди тех, которые правительство пыталось решить после подавления революции 1905—1907 гг. Указ 9 ноября 1906 г. и законы, последовавшие в его развитие, решали этот вопрос лишь наполовину. Развитие буржуазных отношений в крестьянстве, значительно усилившееся в результате новой земельной политики, настоятельно требовало ликвидации сословной приниженности и неполноправности крестьянства. Введение волостного земства вместе с реформой и распространением земского самоуправления на неземские губернии, реформа местного суда и введение всеобщего начального образования, несомненно, представляли собою вполне определенный шаг в этом направлении. Названные проекты составляли ту часть провозглашенной П. А. Столыпиным программы, которую он действительно хотел и должен был осуществить, поскольку она была теснейшим образом связана с его аграрной реформой и в известной степени, по его расчетам, определяла успех последней. Поэтому анализ реакции Гос.совета и в первую очередь его правого крыла на указ 9 ноября и эти законопроекты представляется особенно важным, и прежде всего — для уяснения причин отказа дворянской правой от осуществления того минимума либеральных реформ, которым Столыпин надеялся снять с повестки дня в России проблему буржуазной революции.

Гос. совет и указ 9 ноября 1906 года

В Гос.совете указ 9 ноября рассматривался с 17 октября 1909 г. по 30 апреля 1910 г. К этому времени многое переменялось по сравнению с осенью 1906 г. Указ был одобрен и существенно дополнен Думой.¹ Изменилось его объективное значение²: из обещания он стал стержнем целой программы, «осью внутренней политики». Иной стала и ситуация вокруг указа. В 1906 г. препятствие реформе виделось слева, и правительство, проводя ее

по ст. 87, стремилось предрешить вопрос, не быть связанным Думой.³ Теперь главная опасность исходила справа. Дело в том, что и тогда для правой части складывающегося контрреволюционного блока идея свободного выхода из общины в целях насаждения личной собственности крестьян на землю сама по себе никакой ценности не представляла, за нее ухватились как единственную антитезу принудительному отчуждению частновладельческой земли, ошибочно полагая, что развитие мелкой крестьянской собственности на землю и формирование класса крестьян-собственников пойдет исключительно за счет общины и не затронет помещичье землевладение. Теперь, с наступлением «успокоения» переход самодержавия к новой аграрной политике терял для правой части блока всякий смысл. Более того: осознается ее буржуазная суть, ее органическая связь с «новым строем» и политическими реформами Столыпина, ее неизбежные социально-политические последствия — и указ 9 ноября воспринимается уже как «первый удар лома в фундамент народной жизни».⁴ Правая оппозиция Столыпину активизируется, заметно упрочивая позиции при дворе и в Гос.совете,⁵ что вызывает опасения у сторонников указа 9 ноября.⁶

Однако необратимость начатого указом процесса земельного переустройства становилась все более очевидной. «Когда такой закон продержится полгода, — писал С. Ю. Витте, — и в соответствии с ним начнется переделка землеустройства, то ясно, что после этого идти в обратном направлении почти невозможно. Во всяком случае это породит целый хаос».⁷ То, что осенью 1906 г. было предпринято для защиты от левых, теперь оказывалось непреодолимым препятствием для правых.⁸ Сдерживала их и позиция царя, заявившего на церемонии представления ему членов III Думы: «Из всех законопроектов, внесенных по моим указаниям в Думу, я считаю наиболее важным законопроект об улучшении земельного устройства крестьян».⁹

Все это обусловило особую напряженность прохождения законопроекта в Гос.совете. Сторонники его не упускали случая подчеркнуть фактическую невозможность не только отмены указа 9 ноября, но и хотя бы сколько-нибудь серьезной его корректировки. «Отклонение законопроекта, — заявил в особой комиссии Гос.совета член центра А. П. Никольский, — было бы равносильно смертному приговору России».¹⁰ Правые также хорошо сознавали это. «Закон 9 ноября, — говорил А. Н. Наумов, — действует и отменить его нельзя. В Самарской губернии уже имеются примеры разверстки целых обществ».¹¹ Авторитетнейший в их среде знаток крестьянского вопроса И. Л. Горемыкин писал князю П. Н. Трубецкому 28 декабря 1909 г.: «Этот закон действует в продолжение 3 лет и в силу этого закона успели устроить свое

землевладение сотни тысяч крестьян. Существенно изменять его уже поздно и это внесло бы опасную неустойчивость и путаницу во все дело крестьянского землеустройства... теперь нельзя не принять его в законодательном порядке: снявши голову, по волосам не плачут». В заключение он советовал попытаться «освободить его от прибавления» Думы, но вместе с тем предупреждал: «Если эта попытка не удастся, и Государственная дума останется при своем мнении, то делать нечего, надо принимать ее проект».¹² Одобрение указа Гос.советом оказывалось, таким образом, predetermined. Это-то и обусловило особое негодование и ожесточение правых его противников.¹³ Им оставалось, по словам Ф. Д. Самарина, «считаясь с ним, как уже с неизбежным злом, думать о том, нельзя ли каким-нибудь способом, если не совершенно предотвратить, то хотя бы до некоторой степени ослабить вредные последствия означенного закона».¹⁴

Из Думы в Гос.совет законопроект поступил 8 мая 1909 г., однако до конца сессии так и не был поставлен на обсуждение.¹⁵ В начале пятой сессии, 17 октября, общее собрание Гос.совета единогласно постановило передать его в особую комиссию из 30 членов. 20 октября эта комиссия была образована.¹⁶ Председателем ее был избран лидер центра князь Трубецкой, а его заместителем правый А. А. Нарышкин. В работе особой комиссией приняли участие представители ведомств и члены Гос.совета, выразившие желание участвовать в заседаниях. К обсуждению отдельных вопросов привлекались видные члены Гос.совета и Думы, ученые, специалисты. Работа особой комиссией была организована на основе программы занятий, составленной по предложению председателя М. В. Красовским, А. А. Мануйловым и А. С. Стишинским и единогласно принятой особой комиссией.¹⁷

Обсуждение первого отдела программы было долгим и напряженным.¹⁸ Хотя оно завершилось единогласным решением перейти к обсуждению законопроекта, в среде комиссии обнаружилось расхождение принципиального свойства. Противником не только думского законопроекта, но и указа 9 ноября заявил себя Я. А. Ушаков, который идеализировал общину, видя в ней основу порядка и справедливости. Принцип общины, утверждал он, «миром Господу помолимся». Он не только отказывался связывать с общиной упадок сельскохозяйственной культуры и обнищание крестьянства, как это делали защитники указа, но и утверждал, что «об обнищании России вообще говорить не приходится». Указ 9 ноября, по мнению Ушакова, разрушая общину, потрясает основы народного быта, разоряет народ, утверждает несправедливость, порождает обиду, вражду в семьях, увеличивает число преступлений, ибо идея хутора есть идея обособленности, здесь господствует

принцип «человек человеку волк». Считая крестьянское общество юридическим лицом, Ушаков подводил общинную собственность, подобно дворянской, под ст. 420 X тома Свода законов; поэтому укрепление общинной земли в личную собственность воспринималось им как экспроприация земли у одного собственника в пользу других. Наконец, Ушаков опасался, что возможность залога и отчуждения укрепленных в личную собственность наделных земель неминуемо поведет к уменьшению земельного фонда крестьянства и массовому накоплению «безземельного пролетариата».¹⁹

Другой правый член комиссии, В. А. Бутлеров, сформулировал прямо противоположный взгляд: «Если ставить вопрос об отклонении законопроекта, то лишь с точки зрения его недостаточности для уничтожения общинного строя». Он находил предпринятую реформу целесообразной, но недостаточно последовательной и решительной: переход к подворному владению «поставлен законопроектом в зависимость от совершенно произвольного условия — отсутствия в обществе переделов в течение 24 лет», там, где переделы производились в течение этих лет, «выход из общины предоставляется усмотрению каждого отдельного домохозяина. Между тем в основании законопроекта несомненно лежит мысль, что община — отжившая форма землевладения и влияние ее на экономическое состояние крестьянского населения вредно». Бутлеров выказал себя трезвым, лишенным иллюзий и сантиментов политиком: «При выделе земля от слабых перейдет к сильным, так как нужны деньги, чтобы купить ее. Для сельского хозяйства необходимы три элемента: труд, земля и капитал. После разрушения общины образуется частная собственность, будет мобилизация земли и, конечно, будет некоторый процент безземельных, но это не безработные, они будут работать на той же земле. У нас создался ошибочный взгляд на крестьян. Думают, что, как земледельцы, они хозяева. Но держать соху не значит быть хозяином. Ошибочно отождествлять пахаря с сельским хозяином, как писаря с писателем, а потому надлежит стремиться к более решительному разрушению общины». Не смутила его и ссылка на правовые принципы: мол, если кто-то пользуется правом, то безнаказанно отнять это право у него нельзя. «Но если бы в 1861 г. была такая точка зрения, — заметил он, — то реформа не была бы проведена вовсе. Жизнь должна создавать закон, а не закон гнуть и подчинять себе жизнь». Претворение указа 9 ноября в жизнь Бутлеров находил очень медленным: если за три первых года укрепился 1 миллион домохозяев из 9 200 тысяч, то «вся реформа осуществится через 27 лет. Где же тут быстрота?»²⁰

Основная часть правых членов особой комиссии,²¹ отвергая законопроект Думы, пыталась «обезвредить» собственно указ. О главном, что определило

непринятие ими указа и что достаточно ясно было сформулировано их идеологами и публицистами,²² правые умалчивали. Свою позицию они мотивировали интересами государства, большинства крестьянского населения и правительства. Думские дополнения к указу, по их словам, «совершенно недопустимы», так как содержат «элемент законодательной принудительности», предусматривают ломку общины и могут «вызвать пассивное сопротивление», и в то же время не будут «иметь никакого практического значения в смысле приближения к идеалу, к главной цели принимаемых мер — к хуторскому или отрубному владению». Собственно указ 9 ноября не только не отвергался, но было отмечено его «крупное государственное значение», он признавался «своевременной и необходимой» мерой, оправдывалось применение в этом случае ст. 87, и даже высказывалась надежда, что осуществленный в жизни, он создаст тот тип мелкого собственника, который, ведя собственное хозяйство за свой страх и риск и закаляя себя тем самым в борьбе за существование, естественно окажется полезным и дельным сотрудником в общем государственном строительстве».

Вместе с тем правые пытались сузить задачи указа соответственно своим интересам. Считая общину переходной стадией, имеющей «известные недостатки», и признавая, что общинное и подворное хозяйство — «плохая среда для развития сельского хозяйства», правые тем не менее настойчиво проводили мысль о необходимости «осторожного» отношения к общине, утверждая, что общинный строй соответствует правосознанию значительной части крестьянства²³ и обеспечивает «от образования пролетариата и развития нищеты». В связи с этим подчеркивались «достоинства» указа 9 ноября: он «не ставит вопрос ребром, не ломает общины, делая попытку согласовать различные формы землевладения, открывает простор личному почину». Было оспорено утверждение о связи общины как с «аграрными беспорядками», так и с общей отсталостью сельского хозяйства империи. Все конкретные поправки с целью «обезвреживания» указа 9 ноября шли в русле общей задачи затормозить процесс ликвидации общины.²⁴

Более решительную позицию — общину не трогать, а хутора и интенсивное хозяйство насаждать на землях, находящихся в распоряжении Крестьянского банка, — занял член правой группы граф Д. А. Олсуфьев, принимавший участие в работе комиссии в качестве приглашенного. Его пугал «быстрый темп, которым пошло земельное дело» в то время, «когда понятия крестьян спутаны» (среди них «господствует настроение, совершенно устранившее заботу о завтрашнем дне»). Законопроект, по мнению графа, вводил «земельный ажиотаж, земельную панаму».²⁵

На отношении к законопроекту левой группы Гос.совета не могло не

сказаться то, что позитивная работа над ним в духе партийной программы была невозможна из-за незначительного удельного ее веса. Несомненно и то, что приоритетной для левой была т. н. «реформа общегражданского характера»; аграрная же реформа Столыпина лишь отодвигала ее, делая все более проблематичной. Поэтому реакция левых членов особой комиссии²⁶ была негативной.

Думское дополнение они отвергали, не видя «органической связи» его с указом и не принимая «принудительного порядка перехода» к личному землевладению. Что касается собственно указа 9 ноября, то левые, не возражая против «желательности и даже необходимости урегулировать вопрос о выходе из общины отдельных ее членов группами или даже в одиночку», подвергли его резкой критике. Главный недостаток указа в том, что он не выдерживает начала беспристрастного отношения: перетягивая «весы в пользу подворного владения», он тем самым ведет к разложению общинного землевладения, между тем как «крестьянским обществам должен быть обеспечен свободный переход к тому или другому виду землевладения». Указ представлялся левым несправедливым: «интересы населения, владеющего землею на общинном праве, приносятся в жертву выгодам переходящих к личному владению». Отсюда опасения, что указ «грозит не только не устранить» неустойчивость земельных отношений, но «даже усилить ее ко вреду земледелия». Левые не разделяли надежд на указ, в его последствиях они усматривали немало сомнительного и опасного: выделившиеся далеко не всегда консерваторы и друзья собственности; слабые оказываются брошенными на произвол судьбы; растет пролетариат «при слабом у нас развитии промышленности».

Признавая, что община не представляет собою совершенную форму землевладения и, «несомненно, со временем уступит место другим формам», они категорически были против ее «ломки». «Нужно действовать осторожно, — говорил Мануйлов, — на почве реформ и не отрывать народ от исторических форм. Правительство имеет земельный фонд и может устроить внутреннюю колонизацию, не толкая общину в пропасть». Нельзя связывать, утверждал М. М. Ковалевский, с общиной «все неурядицы, происшедшие на русской земле», причины нашей отсталости «не в общине».

Успешное претворение указа 9 ноября, так подчеркиваемое его защитниками, левые ставили под сомнение: «настроение выделившихся крестьян далеко не всюду восторженное. К выделу обыкновенно побуждают не соображения неудобства общинного землевладения, а иные, как то: неприятности с миром, мысль заняться промышленностью, а главное, какая-то неразумная идея, что если не выделиться, то землю отнимут». Ссылаясь на «пе-

чальный опыт англичан в Индии», на законодательную практику и науку Запада, левые члены особой комиссии призывали «соблюдать в данном деле большую осторожность».

Таким образом, в стремлении не допустить ускоренного разрушения общины в особой комиссии сложилась внушительная коалиция из девяти правых ее членов, трех левых и одного из центра. Они сошлись на том, что содержание обсуждаемого законопроекта «надлежало бы ограничить лишь правилами, определяющими условия и порядок выхода отдельных крестьян из общины, по их о том заявлениям, и юридические последствия такого выхода».²⁷

Большинство особой комиссии (14 членов центра и правые В. И. Карпов и С. С. Стромиллов) признало «правильным допустить переход от общинного землевладения к личной собственности на тех главных основаниях, какие указаны в законопроекте, одобренном Государственной думой».²⁸

Важнейшую свою задачу сторонники реформы видели в обосновании собственно указа 9 ноября. Прежде всего, подчеркивалось его предопределенность реформой 1861 г.: хотя последняя сохраняла сложившиеся в дореформенный период порядки землепользования у крестьян, «однако уже и тогда предусматривалась возможность выхода отдельных крестьян из общины и выдела в частную собственность причитающихся им участков». Теперь, после отмены выкупных платежей «не может быть отказано в осуществлении того права, которое было предоставлено» крестьянам еще в 1861 г. Однако определить долю участия каждого в выкупе земли оказалось практически невозможно из-за несовершенного счетоводства по внешним выкупным платежам, неисправного содержания волостных архивов, частых переделов. Возникла необходимость определить законные способы осуществления этого права, что и было сделано указом 9 ноября 1906 г.

Им, далее, открывалась возможность «прогресса в жизни крестьян». Среди них, свидетельствовал А. С. Ермолов, «замечается несомненное стремление к индивидуализму²⁹ и притом оно присуще лучшим членам крестьянского сословия, способным поднять производительность земли, но при современных условиях жизни встречающих противодействие со стороны косной и упорной крестьянской массы. ...Правительство было не в праве безразлично относиться к этому делу, а должно было пойти навстречу укреплению подворного владения». Конечно, заметил он, подворное владение — не идеал, но это — «первый шаг в переходе к отрубному и хуторскому хозяйству».³⁰

«Самой ценной заслугой указа 9 ноября, — считал И. А. Шебеко, — является пробитие бреши в крепости общинного строя. ...Пример Царства

Польского показывает, что личная собственность способна менее, чем в полвека, повысить сельскохозяйственную культуру и сделать крестьян хорошими земледельцами и исправными плательщиками, которых не приходится продовольствовать в неурожайный год». Кроме того, указывал он, нужно «иметь в виду политическое значение закона для будущего наших представительных учреждений. Первое условие для их успешной деятельности — это устойчивость. Нельзя будет жить долго под охраной закона 3 июня. Придется распахнуть двери законодательных учреждений — а для этого нужно заранее создать на местах прочный, консервативный элемент. Грустный факт быстрой ликвидации помещичьей собственности указывает на необходимость подготовить другую силу — силу мелких землевладельцев-собственников».

Члены большинства особой комиссии в качестве доказательства жизнеспособности указа отмечали результаты трехлетнего претворения его в жизнь, впечатляющую картину которых им нарисовал товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, выступивший при обсуждении I отдела программы комиссии шесть раз: в Центральной России указ послужил «сильнейшим побуждением» к разверстанию чересполосицы,³¹ «дал превосходные результаты в отношении применения его к переселенцам», открыл возможность освободиться от земли тем, кто «на деле землей не пользовался»; скупка земли «ограничивается очень скромными размерами»,³² и вообще «теневые стороны применения указа 9 ноября значительно преувеличены». ³³ «Осмотр хуторов, — подтверждал Ермолов, — производит самое благоприятное впечатление».

Что касается думского дополнения к указу 9 ноября, то большинство комиссии нашло его вполне приемлемым. «Со стороны юридической» оно не усмотрело препятствий ни к сохранению общины, ни к постепенному переходу от нее к другим формам землевладения, ни к немедленному ее упразднению. Отсюда следовал вывод о возможности решить вопрос «в том направлении, какого требуют соображения о государственных пользах и нуждах». Желая быть осторожным, большинство комиссии приняло во внимание степень подготовленности крестьян и пришло к заключению, что в обществах, где общие переделы продолжают периодически совершаться, следует предоставить отдельным домохозяевам «право укреплять, по их желанию, в личную собственность, состоящие в их пользовании участки земли и выделять их к одним местам» (обязательный переход в таких обществах, противореча обычаям и понятиям крестьян, вызвал бы на практике «нежелательное замешательство и затруднения в хозяйственной жизни» селений); а там, где общих переделов не было ни разу, обязательный переход к

подворному владению отвечает правосознанию крестьян, и такую меру нельзя назвать насильственной, так как она «в существе ничего не меняет, а лишь узаконивает естественно сложившуюся и просуществовавшую почти 50 лет форму владения»; в обществах, где переделов не было последние 24 года, обязательный переход «имеет не менее твердое основание, так как вполне естественно заключить, что общины эти, выяснив на опыте вред и неудобство общих переделов, отказались от них».

С точки зрения экономической, дополнение Думы представлялось большинству комиссии в высшей степени необходимым, поскольку в России земледелие — главный источник материального благосостояния народа. Между тем сельское хозяйство «далеко отстало» от западноевропейского и не в состоянии удовлетворять потребностям страны «даже в той мере, как прежде, до 50-х годов XIX столетия». ³⁴ Налицо «хроническое недоедание», ³⁵ следствием чего является физическое вырождение населения, удостоверенное освидетельствованием новобранцев в последние десятилетия. Большинство комиссии приходило к выводу, что «одной из главнейших причин неудовлетворительности нашего сельского хозяйства несомненно служит общинное землевладение», ибо основные черты последнего — переделы, принудительный севооборот, общий выпас скота и др. — убивают «всякие побуждения к улучшению своего участка» и препятствуют введению «усовершенствованных способов хозяйства»; естественным следствием неудовлетворительных приемов обработки земли является ее иссушение, развитие сорных трав, размножение вредителей и т. п. В ходе прений члены большинства комиссии привели многочисленные доказательства «вредного влияния общинного землевладения на хозяйственное благосостояние крестьян». ³⁶ Вследствие этого, заключало большинство комиссии, «государство не может относиться безразлично к вопросу о форме крестьянского землевладения, несомненно связанной с успехами сельского хозяйства, но, наоборот, обязано принимать меры к установлению более совершенных видов этого землевладения, наблюдая лишь, чтобы ничьи частные права не были при этом нарушены и чтобы сознание среды, в которой меры эти должны проводиться в жизнь, было достаточно к тому подготовлено».

Думское дополнение к указу большинству комиссии представлялось приемлемым и с точки зрения социально-политической. Община, напоминали оппонентам, «долгое время считалась у нас оплотом против образования безземельного пролетариата и распространения среди низших слоев населения разрушительных политических учений». В настоящее время, говорилось далее, «не представляется возможным утверждать, что община боится нищеты и предупреждает от образования пролетариата», ибо

рост населения резко обострил малоземелье, в условиях которого «труд на наделной земле уже не в состоянии прокормить всех участников в пользовании ею». А право на землю «держит общинников в деревне». Достаток сельского населения в общем значительно понизился в последние десятилетия, а многие крестьяне, оставшиеся в общине, «терпят большую нужду и менее обеспечены, чем лица, обратившиеся к фабричному труду или городским промыслам». Так, члены большинства комиссии приходили к осознанию капитального факта усиления нужды крестьянской массы в результате обострения аграрного вопроса. Естественным поэтому выглядит их поворот от идеи сохранения общины к мысли о ее уничтожении, тем более что трехлетний опыт применения указа 9 ноября вполне отчетливо наметил облегчение ситуации: часть крестьян, отрываясь от земли, без ущерба для сельского хозяйства уходила в обрабатывающую промышленность; другая часть утративших землю, но еще «тяготеющих к земледельческому труду», служила материалом для правильно организованного переселения; третья часть потерявших землю искала заработок на месте в качестве сельскохозяйственных рабочих.

Выяснилось также, что община «не воспитывает ни чувства уважения к праву собственности, ни подчинения необходимому в государственной жизни порядку, а, напротив, представляет благодарную почву для распространения самых крайних социальных взглядов». Законопроект же создает возможность образования значительного класса мелких земельных собственников, крепких хозяев, «ведущих за свой страх собственное хозяйство и стремящихся ограждать плоды своих трудов», что обеспечит в будущем «устойчивость гражданской жизни и всего государственного порядка».

Таковы мотивы, по которым большинство особой комиссии считало необходимым сделать «все возможное, чтобы закон послужил к скорейшему уничтожению общины и проведению начал личного землевладения».³⁷

Четыре заседания особой комиссии (11, 12, 16 и 18 ноября 1909 г.) заняло обсуждение вопроса об обществах, где общих переделов не было в последние 24 года. Дума признала их «перешедшими к наследственно-участковому владению» (ст. 1 отд. I законопроекта Думы). Поименное голосование в комиссии показало: «за» — 16 (члены центра, кроме Д. К. Гевлича, и правые Бутлеров и Карпов), «против» — 12 (девять правых, двое левых и Гевлич), В. П. Энгельгардт воздержался, Стромиллов отсутствовал. Как и при обсуждении думского дополнения в целом, это был спор о темпах аграрной реформы. Противники ст. 1 законопроекта Думы были против ускорения: ход ее и без того, по их мнению, был очень быстрый. Выступали они с позиций защиты общины, общинников, естественного хода событий и самого

указа 9 ноября, ограничивая при этом его задачу предоставлением крестьянам возможности воспользоваться правом на выход и укрепление. Единственное, что было тут новым и что, по-видимому, лежало в основе их упорства, — это убеждение, что конфликта с Думой не будет: там ст. 1 прошла двумя гоясами. «Можно думать, — говорил Стишинский, — что в этом отношении в среде согласительной комиссии оказалось бы возможным убедить членов Государственной думы, что ст. 1 не соответствует основной задаче закона».³⁸ Сторонники ст. 1, не видя каких-либо препятствий юридического, психологического и этического свойства к ее принятию, настойчиво подчеркивали экономическую необходимость ускорения реформы. «Чрезвычайно малая производительность крестьянских хозяйств, по сравнению даже с губерниями прибалтийскими.., — доказывал Карпов, — указывает на крайнюю необходимость принять меры к поднятию производительности крестьянских хозяйств».³⁹ При этом он призывал не упускать из виду связь промышленности с сельским хозяйством и то значение, которое может иметь на развитие промышленности увеличение достатка крестьян, а также и значение, которое промышленность может иметь для заработка безземельным крестьянам. Выступавший опасался, что в случае отклонения ст. 1 экономические результаты от реформы «начнут сказывать очень не скоро».

Важным представлялось ее одобрение и с точки зрения политической: для «скорейшего укрепления в массе крестьянства понятия о личной собственности», для «скорейшего устранения существующей ныне подавленности личности отдельных крестьян «миром», для устранения тех принципов равенства в общинах, которые совпадают с принципами социалистических учений и дают благодарную почву для распространения этих учений», для «скорейшего устранения создаваемого общинными порядками такого хозяйства, в результате которого получается недоедание и недовольство, представляющие сами по себе хорошие условия для распространения всякой смуты». Сторонникам ускорения реформы ст. 1 представлялась «толчком», который правительство «в праве и обязано дать, чтобы навсегда расстаться с устарелой общиной».⁴⁰

Оживленные споры вызвал и вопрос о характере собственности на укрепленный надел. Единоличная собственность, устанавливаемая законопроектом Думы, встретила в особой комиссии многочисленных противников: она неизбежно, утверждали они, приведет к массовой продаже укрепленных участков и обезземеливанию, широкой мобилизации земельной собственности, ущемлению домохозяином прав и интересов членов своей семьи, «бесконечному ряду процессов» и в итоге к нарушению мира и спокойствия в крестьянстве, к смуте.⁴¹ Три члена комиссии⁴² выступили за семей-

ную собственность, предлагая в данном законопроекте вообще не касаться вопроса о характере собственности, оставляя дело обычаю. Однако согласиться с этим не решились даже правые противники законопроекта, и решающим тут были два соображения: неизбежное, по их мнению, умаление родительской власти и то, что «вопрос этот разрешен указом 9 ноября, и нельзя возвращаться назад».⁴³ Комиссия высказалась (при двух отсутствовавших и трех воздержавшихся) за личную собственность.

Однако в том виде, как эта собственность устанавливалась думским проектом, половину членов комиссии не устраивала.⁴⁴ Они были против «непосредственного» перехода от установившихся в крестьянской семье «сложных отношений к земле» к началу единоличной собственности, опасаясь нарушения интересов и прав отдельных членов семьи и усиления неустойчивости мелкой земельной собственности. Поэтому они настаивали на принятии правил по ограждению интересов семьи.⁴⁵ Большинство комиссии⁴⁶ согласилось с думской редакцией ст. 2, исходя из того, что, во-первых, без точного определения прав крестьянина на укрепляемую землю закон не достигает цели: крепостные акты по залогу и отчуждению будут невозможны; во-вторых, семейная собственность свяжет домохозяина не менее, чем община, и, не соответствуя крестьянским понятиям и обычаям, подорвет и без того сильно ослабленное семейное начало и родительскую власть; и, в-третьих, права и интересы членов семьи домохозяина достаточно ограждены как законопроектом Думы, так и возможностью опеки.

Дискуссию в особой комиссии вызвал и вопрос о мерах к предупреждению отчуждения участков, укрепленных из надельной земли. Дума распространила правила 1893 г. о надельных землях на эти участки: на них нельзя было обратить частные взыскания, купить их могли только лица, приписанные к сельским обществам, и заложить их можно было только в Крестьянском банке и лишь с целью покупки земли или хозяйственных улучшений.

Тем не менее многим в комиссии ограничения думского проекта казались недостаточными: они опасались распродажи крестьянами своих земель и перехода последних в руки представителей других сословий. Восемь членов комиссии (правые и Гевлич) настаивали на закреплении за крестьянскими обществами преимущественного права покупки в случае продажи таких участков и на отмене правила о разрешении лицам некрестьянского сословия приобретать на вторых торгах заложенные в Крестьянском банке земли. Левые члены комиссии предлагали поставить право отчуждения в зависимость от согласия жены и детей домохозяина. Стишинский настаивал на том, чтобы обусловить право отчуждения и залога письменным согласием

жены и родоначальника, если он не домохозяин. Б. И. Ханенко находил целесообразным признать надельную землю вообще неотчуждаемой личной собственностью. Отчасти тут сказался традиционный дворянский взгляд на крестьян. «Следует, — полагал Стишинский, — оберегать крестьян так же, как детей, от всего опасного». А. П. Струков уверял, что не посягает на права крестьян, а движем «лишь попечительной заботливостью о крестьянском землевладении». Кого-то пугали прецеденты: так, в Галиции в условиях полной свободы отчуждения крестьянских участков за короткий срок, с 1870 по 1880 г., 400 тыс. крестьянских участков были проданы лицам других сословий. Но главное, что стояло за этой заботой о крестьянах, было стремление «обезвредить» указ 9 ноября. «Все поправки, — справедливо заметил Н. П. Балашов, — в корне изменяют закон 9 ноября, клонятся к уменьшению личных прав, дарованных законом».⁴⁷

Большинство особой комиссии согласилось с думской редакцией ст. 35 и отклонило все поправки к ней, исходя при этом из того, что, во-первых, крестьяне «крепко сидят на земле»;⁴⁸ во-вторых, предоставление обществу права преимущественной покупки противоречит основной цели закона и неизбежно стеснит домохозяина при продаже; в-третьих, Крестьянский банк, куда возможен залог, всегда под контролем правительства.⁴⁹

С Думой комиссия разошлась лишь в вопросах о доплате за излишки укрепляемой земли, о правах на недра укрепляемых участков и о том, кто в спорных случаях определяет домохозяина.⁵⁰ По другим вопросам большинство комиссии, отклонив поправки противников законопроекта, согласилось с Думой.

Прорвалось в особой комиссии и неприятие правыми аграрной политики Столыпина в целом: она «до последнего времени направлялась преимущественными заботами о расширении мелкого крестьянского землевладения» (наделение земель переселенцев, отвод крестьянам казенных земель «и в особенности» операции Крестьянского банка), что нарушило «известное нормальное соотношение между мелким, средним и крупным землевладением». И большинство комиссии, основу которого на этот раз составили правые ее члены, выразило «уверенность, что правительство обратит должное внимание на этот вопрос и установит ...соответствующие действительным потребностям государства основания и способы своей земельной политики».⁵¹

Два докладчика (Красовский — по всему законопроекту, Стишинский — по отделам, не вызвавшим разногласия) должны были доложить общему собранию Гос.совета итоги работы особой комиссии: особое мнение Ушакова, отвергавшего «и самую необходимость, полезность и жела-

тельность дальнейшего действия указа 9 ноября»; особое мнение трех левых членов комиссии, предлагавших отклонить думское дополнение (ст.ст. 1—8 законопроекта) и рассчитывавших «улучшить поправками» ту часть законопроекта, что воспроизводила указ 9 ноября; мнение меньшинства комиссии (восемь правых и Гевлич высказались за исключение ст.ст. 1—8 и они же, без Наумова, полагали необходимым существенно ограничить право отчуждения) и мнение большинства комиссии, одобrivшего законопроект Думы «в главных его очертаниях».

Общее собрание рассматривало законопроект с 15 марта по 30 апреля 1910 г. К этому времени в Гос.совете сложилось примерное равенство сил его сторонников и противников.⁵² Обусловленная этим напряженность обсуждения⁵³ усиливалась, по-видимому, еще и правой интригой против Столыпина.⁵⁴

Два дня заняла общая дискуссия, в итоге которой было решено перейти к постатейному рассмотрению. Дискуссия эта интересна в двух отношениях: противостоянием по линии правительство — правая группа и блокированием левой группы с правыми.

В первый же день обсуждения, сразу за докладчиками комиссии, выступил глава правительства.⁵⁵ Заметив, что предыдущие ораторы освободили его от обязанности разъяснять существо и значение указа 9 ноября, а в Думе, особой комиссии Гос.совета, ученых обществах и прессе по поводу его «сказано уже все», Столыпин сосредоточился на принципиальной стороне вопроса. Он обратил внимание общего собрания прежде всего на успешное претворение указа в жизнь: «Закон этот не только проверен теоретически рассуждениями специалистов, он четвертый год проверяется самой жизнью, и правительству не приходится пробивать ему дорогу в законодательных учреждениях». Завершая речь, он снова напомнил это, воодушевляющее его обстоятельство, недостаточно, по его мнению, «учитываемое, а, может быть, и нарочито замалчиваемое: горячий отклик населения на закон 9 ноября, эта пробудившаяся энергия, сила, порыв, это то бурное чувство, с которым почти одна шестая часть ...домохозяев-общинников перешла уже к личному землевладению». «Господа, более 10 миллионов десятин общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тысяч заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1 400 тысяч десятин, уже отведенных к одним местам, — с воодушевлением говорил Столыпин. — Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, чтобы засвидетельствовать перед вами, что значит живая неугасимая сила, свободная воля русского крестьянства!»

Обратившись далее ко времени и обстоятельствам издания указа, Сто-

лыпин подчеркнул глубокую его обусловленность нуждами социально-экономического развития общества. «Ведь это было довольно смутное время, — напомнил он, — когда еще горели и догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель». Изданный в этих условиях, указ был, с точки зрения дворянской правой, актом «политической растерянности слабого правительства, которое зря разбросало весь свой балласт: земли удельные, земли государственные, общинный строй — все в жертву гидры революции».⁵⁶ С точки же зрения Столыпина, все обстояло иначе: указ явился результатом «продуманного, принципиального» отношения к тому, что происходило в то время в России; это было лечение, в основе которого — точный диагноз: «социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию»; лечение «коренной болезни», которую одними только политическими мероприятиями не вылечишь, — бедности и невежества крестьянства, его земельного нестроения;⁵⁷ указом закладывался «фундамент, основание нового социально-экономического крестьянского строя». Эта противоположность выводов из опыта 1905—1906 гг., различие позиций в аграрном вопросе и определили противостояние в Гос.совете: стремление правых «обезвредить» указ наталкивалось на «убеждение правительства, что ...поправки могут только придать ему вредное, неестественное направление».

Напомнив, что правительство «считает совершенно недопустимым» хотя бы в малейшей степени стеснить свободную волю «крестьянства в деле устройства его судьбы, распоряжения его надельной землей», и подчеркнув, что это — «главная коренная мысль» указа 9 ноября,⁵⁸ Столыпин решительно возразил сторонникам семейной собственности: «Как же воссоздать крепкую сильную Россию и одновременно гасить инициативу, энергию, убивать самодеятельность? ...Логика везде одинакова: особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым». Столь же принципиально неприемлемым для правительства было и предложение предоставить обществам преимущественное право покупки продаваемых домохозяевами надельных участков. «Глашатаи отвлеченных свобод, — не без сарказма заметил премьер, — не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина».

В думском дополнении к указу Столыпин не увидел ничего, кроме желания ускорить переход крестьян к личной собственности, и возразил лишь против признания участко-наследственными тех обществ, в которых не было общих переделов за последние 24 года, полагая, что из-за технической слож-

ности операции «дело не ускорилось бы, а, напротив, затормозилось бы». Что касается условий укрепления излишков, установленных Думой, то Столыпин, находя их несправедливыми (укрепление по действительной стоимости было бы «вторичным выкупом от сельского общества уже раз выкупленной земли») и опасаясь неизбежных, вследствие судебной волокиты, затруднений в процессе выхода домохозяев из общины, настаивал на редакции правительства, принятой и особой комиссией Гос.совета.

Правые приняли условия спора и изложили свое понимание принципиальной стороны проблемы. Олсуфьев, попытавшись связать «общей мыслью» поправки меньшинства особой комиссией, выразил неприятие новой аграрной политики в целом. Прежде всего, его приводили «в смущение» непоследовательность и противоречивость правительства в аграрном вопросе: «Теперь нам говорят, что через 7—8 трехлетий общины не будет, а тогда (в манифесте 26 февраля 1903 г. — А.Б.) говорили о ее незыблемости» — «так где же правда?»

Поворот аграрной политики представлялся ему необоснованным. Олсуфьев связывал его с «печальными событиями революционного времени, в которых крестьяне, находящиеся в общине, сыграли печальную роль», и, не сомневаясь, что община тут не причем, воспринимал как «пароксизм законодательства против общины и даже против всего крестьянского строя», как «белую горячку, под влиянием других причин, которые были приняты за выражение прогрессивного паралича, именно, общины». Необоснованность нового курса проявилась, по Олсуфьеву, и в его умозрительности: «в настоящее время, во время общей смуты и неустойчивости, проведение этого принципа свободной конкуренции в законодательстве есть, несомненно, своего рода доктринерство». Он сомневался, что «личная собственность все спасет», что удастся «создать в противовес нашему невежественному, темному, анархическому часто крестьянину, общиннику — сытого консервативного просвещенного буржуа».

Не мог он принять новую аграрную политику и по ее несомненной для него буржуазной сути. Четко выразил Олсуфьев свою антикапиталистическую позицию в заседании 22 марта: «Наш противник, правительство, признавая это начало (речь идет о личной собственности и свободе конкуренции. — А.Б.) «осью своей политики», не стоит одиноким в стороне, но отражает на своих взглядах сильное общественное течение, проявившееся у нас после революции. ...Направление нынешних руководящих слоев (правительственных и общественных)... проще ...называют буржуазным (ведь руководящая партия в Думе ныне буржуазная). А что же может быть противоположнее идеям буржуазного либерализма, как существова-

ние нашего обособленного крестьянства, связанного общиной? Таким образом, ...я спорю не с отдельными лицами из правительства, а с определенным общественным течением»

Под сомнение было поставлено и утверждение Столыпина, что указ подтверждается жизнью: выходы из общины и закрепление обусловлены вовсе не осознанным интересом, тут «влияет известная смута, господствующая у крестьян в настоящее время, и разные агитации, прямо иной раз предосудительные». В деревне, утверждал Олсуфьев, «по отношению к этому закону, энтузиазма ни у кого нет, а есть какое-то недоумение, что что-то новое творится», а характер собственности на закрепляемую землю «просто идет вразрез с общим крестьянским правосознанием». На местах, обобщал он, идет «не созидательный процесс хуторского хозяйства и личной собственности, а происходит успешный процесс разрушения общины». ⁵⁹ Поэтому «решать так быстро во имя только общей доктрины, подвести крестьян под общее состояние всех других людей в России, во имя общей уравнительной и какой-то ...псевдоосвободительной доктрины никоим образом нельзя».

Аргументируя свой совет «не спешить», Олсуфьев говорил в заседании 26 марта: «По последним известиям из деревни, теперь крестьянство во многих местах гораздо спокойнее, чем было, может быть, многие годы до революции. Что-то с них слетело, в чем-то они разочаровались и успокоились. Значит, обостренности положения нет. Так зачем же так торопиться подводить крестьянский быт под новые нормы?».

Вместе с тем оппонент Столыпина должен был признать, что все же «надо дать тот или иной выход из общины», поскольку указ «уже применяется», да и наблюдается «в некоторых местностях довольно сильное стремление к индивидуализации земельной собственности». «В силу этих соображений, — заключал Олсуфьев, — мы как представители правой группы, правого направления политики, убежденные в прочности всяких устоев народной жизни, полагаем, что нам, а в особенности Верхней Палате, следовало бы относиться осторожнее к этому закону, ...следовало бы по возможности мудро ввести те или иные коррективы, не радуясь всем этим сообщениям с мест, что вот столько-то тысяч лиц закрепилось». ⁶⁰ «Коррективы» правых выглядели так: думское дополнение к указу исключить, а оставленную часть исправить в духе манифеста 26 февраля 1903 г., т. е. обеспечить выход из общины отдельным домохозяевам, «но при непременном условии сохранения самой общины». ⁶¹

Позитивная часть выступлений членов левой группы Гос.совета в общем собрании была, как и в особой комиссии, лаконичной и неконкретной — они явно предпочитали критику. Обвиняя правительство в «разрухе»

общины, Ковалевский приводил пугающие цифры: 48% надельной земли «с сегодняшнего на завтрашний день» могут оказаться в частной собственности домохозяев. «Господа! — восклицал он. — Большой земельной революции мир еще не знал». И тут же утверждал, что закон «даже не создает того, что называют личной, свободной, никем не стесняемой, потому привлекающей, собственностью», чем вызвал язвительные замечания Красовского: «Где же грандиозность перемены? ...где беспримерная революция в аграрных отношениях, о которой профессор М. М. Ковалевский говорил в первой части своей речи?».

Сетуя по поводу «неизбежной экспроприации ...значительных народных масс»,⁶² Ковалевский вспомнил и о дворянах, обвинив правительство в по-такании «кулакам, мироедам», которые обогатятся не только за счет крестьян, но «помещиков ранней формации, у которых обезземеливание началось уже давно». Такая перспектива, возразил либеральному профессору Красовский, «менее всего должна была бы утратить тех лиц, от имени которых говорил» оратор. Не слишком убедительно в устах Ковалевского звучал и упрек правительству, что проект последнего не отражает манифест, которым «государь император заявил, что основой земельной реформы будет неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения и свобода выхода из общины».

Позже, в заседании 19 марта, Ковалевский так сформулировал «программу» группы: она «сводится к тому, чтобы провести в жизнь то правило, которое англичане выражают словами «прочь руки». Предоставьте самим заинтересованным, сообразно обстоятельствам, ...решать — выйти ли им в собственники, или, по крайней мере, в семейные совладельцы, или остаться им в составе мира».⁶³ Такая позиция левой группы заслужила высокую оценку правых.⁶⁴

Аргументация сторонников указа в ходе дискуссии в общем собрании была существенно усилена. Член центра Г. В. Калачов в подтверждение жизненности указа привел справку: в губерниях северного промышленного района «большинство земств уже ассигновали средства на содействие правильной постановке отрубных крестьянских хозяйств, тем самым признав целесообразность закона».

Красовский обратил внимание на важное явление, обусловленное сокращением дворянского землевладения: появились уезды, где «чувствуется острый недостаток в руководительных силах для выполнения задач местного управления и для общественной деятельности». Решить ее можно созданием обеспеченных земельных собственников, «хотя бы и не дворянского происхождения». Это — предпочтительнее, иначе проблема, обострившись,

станет неразрешимой: будет «серая бесформенная масса рядового крестьянства, руководимая пришлою и нечем не связанною с местными интересами интеллигенциею».

Бутлеров, находя довод о безземельном пролетариате у своих оппонентов наиболее сильным, в противовес им доказывал, что это «не есть безусловное зло»: земля перейдет в руки тех, кто сможет вложить в свои хозяйства капитал; последние станут более интенсивными и привлекут больше, чем прежде, число рабочих рук; рост спроса на рабочие руки повысит заработную плату. Одновременно — другой ряд перемен: земля будет лучше обрабатываться и, следовательно, увеличатся урожаи, что, в свою очередь, приведет к падению цен на хлеб. Общий результат — рост жизненного уровня народа, «если угодно, пролетариев».⁶⁵

Острая дискуссия в общем собрании развернулась вокруг думского дополнения к указу 9 ноября и прежде всего ст. 1 законопроекта. Противники, как и в особой комиссии, находили думское дополнение «бесполезным» в смысле практических результатов и «вредным» с точки зрения «правильно понимаемых целей землеустройства». Юридическая конструкция его представлялась им несостоятельной. Признавая бедственное положение крестьянства, они не считали общину его причиной, и вообще полагали, что «центр тяжести аграрной политики лежит не в вопросе о формах землевладения, а в вопросе о способах содействия агрикультурному прогрессу». Правительству советовали не спешить, ибо и так-де процесс выдела в хутора и отруба сильно отстает от процесса укрепления. Было и более откровенное заявление о желании «сохранить то, что вы намереваетесь упразднить». При этом пугали пролетаризацией и неизбежной, в связи с ней, классовой борьбой, «которая может повести, в конечном исходе, к диктатуре большинства крестьян-рабочих».⁶⁶

Сторонники сделали акцент на несомненные, на их взгляд, выгоды. Этой мерой, говорил Красовский,⁶⁷ внедряется в огромную массу крестьянства⁶⁸ «спасительное понятие о собственности». Спасительное в психологическом отношении: крестьянин, становясь собственником, приобретает «твердое сознание незыблемости права на свою землю», сознание своей прочности на земле, сознание своего дела, у него формируется «уважение к чужой собственности» — этим закладывается возможность перехода крестьянства «из прежнего архаического порядка коллективизма и бесправия» к свободной гражданской жизни. Спасительное — в экономическом: у крестьянина устанавливается «любовная связь» с землей, последняя становится благом, достоянием, которым следует дорожить для себя и потомков, а сам крестьянин — хозяином, а не временным пользователем-хищником; будет сокра-

щаться чересполосица, т. к. у подворников сильнее стремление к разверстанию и они лучше и быстрее с этим справляются; личный интерес станет «движущей силой» народного прогресса. Тут шла ссылка на «те чудеса экономического расцвета, которые произвела Европа с тех пор, как она отрешилась от тех порядков, за которые так цепко держатся некоторые из нас», и выражалась уверенность, что «только личный интерес, только этот всемогущий стимул, может и должен сдвинуть Россию с той мели, на которой она застряла в области своего экономического развития».

Новым было и другое: в особой комиссии сторонники думского дополнения пытались отрицать принудительный характер планируемого перевода крестьян на подворное владение, теперь же некоторые из них не только признавали, но уверенно и убедительно обосновывали необходимость этого насилия и право государственной власти произвести его.⁶⁹ «Мы, — заявил Красовский, — прежде всего, государственники. Раз мы говорим, что известный порядок отжил свой век, что он вреден для государства, что он угрожает его будущности, то, по нашему убеждению, нельзя предоставить его сохранение или отмену — личной инициативе. ...Большинство моих коллег думает, что всегда предпочтительнее, когда повелительные требования раздаются сверху, а не вынуждаются снизу». Следовательно, спор шел не о том, есть в этих статьях признаки насилия или нет, а о том, следует или не следует его применять, настало или не настало время обсуждаемой реформы. И с точки зрения сторонников ст. 1, «этот момент не только настал, но он перейден, и нужно с этим делом спешить».

Принципиально был поставлен и вопрос об общине: дело не в том, чего от нее больше — пользы или вреда, и не в том, насколько она жива и насколько отжила. «Перед Россией, перед русским народом, — напоминал Красовский, — стоят такие задачи, что ему нужно напряжение всех сил для того, чтобы побороть свои невзгоды внутренние и своих внешних соперников», поэтому с общиной следует «считаться не как с жизненным учреждением, а как с терпимым и только дотоле — доколе у народа и у правительства не будет достаточно сил, чтобы сдать ее в архив».

Веское соображение в пользу ст. 1 привел Шебеко: «Если противникам этого законопроекта не к спеху, и они находят возможным оставить 48% общинников ...в том виде, в каком они прозябают ныне.., то я, думаю, России-то ждать недосуг»: если производительность почвы не будет быстро увеличена, то через 10 лет бюджет не сможет рассчитывать на экспорт зерна. Подсчет Шебеко был прост и убедителен: прирост населения — свыше 2,5 млн. в год, за 10 лет это даст около 30 млн.. «Считая голодную норму 15 пудов на душу», заключал: «вот вам 450 млн., а в среднем экспорт Россией

зерна не превышает 500—550 млн.». Для решения чисто экономических проблем, полагал Шебеко, одного указа 9 ноября мало. Отклонение же ст. «продлит агонию вымирающего уклада». ⁷⁰

Настаивая на ускорении реформы, Ермолов указывал на факт недоедания крестьянства, на возрастающий импорт хлеба «в течение последних лет» (в 1902 г. — 1 218 тыс. пудов, в 1908 г. — 13 733 тыс.), на колоссальную задолженность губерний с преобладанием общинного землевладения, хронически страдающих от неурожая и получающих казенную помощь. ⁷¹

Таким образом, по мнению сторонников думского дополнения, ускоренное и насильственное уничтожение общины было необходимо с точки зрения современного положения России и еще более — с точки зрения нужд ее будущего развития: «Россия вовлечена в мировой товарооборот и лишь при подъеме платежных сил крестьянской массы можно будет достигнуть широкого удовлетворения тех культурных потребностей, которые с настоятельной нуждой требуют скорого разрешения». ⁷²

Дискуссия длилась четыре дня, но исход ее оставался неясен. Определенно повлияло на решение общего собрания настроение в Думе. ⁷³ 22 марта 103 голосами против 75 оно исключило из действия ст. 1 те общества, в которых не было переделов в течение 24 лет. Та же часть ст. 1, где речь шла об обществах, в которых не было общих переделов со времени наделения их землей, была принята 90 голосами против 88. ⁷⁴

Настойчивую попытку «обезвредить» указ 9 ноября предприняли его противники при обсуждении ст. 9 думского законопроекта, которая содержала одно из главных оснований реформы — личную собственность домохозяйина на укрепляемую за ним землю. Десять ораторов (шестеро правых, в т. ч. редко выступавший лидер группы П. Н. Дурново, трое из центра и левый) выразили свое неприятие данного начала; четверо из них выступили по два раза, а один — шесть. Однако, как и в особой комиссии, из них никто не решился настаивать на его отмене: к этому времени уже 1 700 тыс. домохозяев заявили о желании стать личными собственниками своих наделов, и возвращаться назад и восстанавливать семейную собственность «представлялось невозможным», тем более что юридическое содержание института семейной собственности оставалось «крайне неопределенным, неразработанным» и противоречивым, а разработка его представлялась «крайне трудной и почти невыполнимой». ⁷⁵ Тем изобретательнее были они в сочинении многочисленных поправок и настойчивее в стремлении их провести. Правда, убедительнее не стали. ⁷⁶

Члены центра, выступившие в защиту семейной собственности, не разделяли, конечно, устремлений ни левых, ни правых; их позиция определя-

лась их индивидуальным видением и оценкой перспективы. Так, И. О. Корвин-Милевский ополчился против единоличной собственности домохозяина, усмотрев тут нарушение индивидуальных прав, несправедливость и даже «месть» молодым за их участие в аграрных беспорядках. Князь А. Д. Оболенский-2 сожалел, что в России, утратив понимание своеобразия семейного крестьянского быта и сознание его значения, разрушают семейное право, в то время как Запад, устав «в борьбе личного эгоизма» и изверившись в благо «отдельной индивидуальной собственности», приходит к заключению «о совершенной необходимости образования семейных участков».⁷⁷

Левые, как и в особой комиссии, предложили предоставить решение вопроса о характере собственности обычая, мотивируя тем, что семейная собственность — «несомненный факт». Правые свои поправки мотивировали желанием предотвратить злоупотребления правом единоличного распоряжения укрепленным участком и тем оградить семью от увлечений домохозяина; пугали они и свободной, ничем не ограниченной мобилизацией крестьянской надельной земли, предопределяющей к тому же и мобилизацию людей, крайне бедных и плохо дисциплинированных. Это, однако, никого не вводило в заблуждение. Цель и левых, и правых, не сомневался Красовский, «свести на нет, превратить в ничто те начала, которые положены в основу указа 9 ноября».⁷⁸

Важность вопроса и близкое к равновесию соотношение сил сторонников и противников новой аграрной политики в общем собрании побудили главу правительства снова принять участие в прениях. И в этот раз Столыпин, демонстрируя озабоченность и впечатляющую осведомленность относительно положения дел и процессов на местах, предпочел разговор с принципиальных позиций: правительство уяснило, что «пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей». Поэтому в основу аграрной политики оно положило расчет: «способности и воля разумнейших и сильнейших свободно проявят себя, проявят во всю ширину народной самодеятельности русского народного духа», если не будут ничем стеснены; отсюда и задача указа 9 ноября — «снять путы, связывавшие до настоящего времени свободную волю крестьян». Семейная собственность, как и общинная, противоречит основной мысли, «самому принципу закона 9 ноября». Поэтому правительство «решительно высказывается против установления каких-либо новых писанных норм в определении понятия крестьянской семейной собственности».

Вместе с тем, Столыпин подчеркнул, что правительство отдает отчет в новизне и сложности предпринятого и сопутствующих ему опасностям и

поэтому действует «с величайшей осторожностью»: оно сохранило правила, ограждающие сохранность наделной земли в руках крестьянства; указ 9 ноября сохраняет обычай «в порядке завещательном и в порядке наследственном» и этим гарантирует права сыновей; указ признает боковых родственников совладельцами наделной земли, а это ограждает их от произвола домохозяина; ст. 51 законопроекта Думы воспрещает скупку в одни руки в одном уезде более шести указанных наделов; указ 5 октября 1906 г. делает возможным семейные разделы по приговорам сельских сходов без согласия домохозяев-отцов; МВД разработало закон об упрощенных опеках над расточителями, что ограждает семейство от обезземеливания вследствие пьянства или распутства домохозяина. Но все это, «не нарушая самой природы наделной земли» как фонда, обеспечивающего крестьянство, дает возможность «использовать землю приложением к ней свободного труда лучших крестьянских сил».

По этим же «принципиальным соображениям» правительство, говорил Столыпин, «не может присоединиться» к поправкам: «при продаже, при залоге или отчуждении участка» должна свободно проявляться единоличная воля домохозяина.⁷⁹

Видимо, доводы Столыпина убедили оппонентов: все поправки были отклонены и ст. 9 принята в редакции особой комиссии Гос.совета. Этим исчерпывалась принципиальная сторона законопроекта. Оставались детали. Отклонена была (92 голосами против 72) совместная попытка левых и правых дополнением ст. 46 узаконить право домохозяина зачислять, если он того пожелает, наделные земли «не в личную себе собственность, а в общую, семейную собственность». Не прошло и давнее (еще с особой комиссией) предложение правых ограничить домохозяев в их праве не только отчуждать, но и закладывать укрепленную за ними землю согласием жены. Не согласилось общее собрание и с другим предложением восьми правых — предоставить сельским обществам преимущественное право приобретения продаваемых участков, входящих в состав наделной общественной земли.

30 апреля 1910 г. общее собрание одобрило законопроект в целом.

Гос. совет и попытка П. А. Столыпина реформировать местный суд

Необходимость преобразования местного суда предопределялась стремлением опереться на буржуазные верхи деревни. Насаждаемая личная собственность на землю не могла окрепнуть и развиваться в условиях обычного права: при обостряющемся антагонизме между общинниками и выходя-

щими из общины собственниками местный суд оказывался орудием большинства. Для успеха нового земельного устройства было чрезвычайно важно, чтобы крестьяне-собственники могли находить в суде и законах опору и поддержку и не только в деле защиты своей собственности, но и в процессе своей хозяйственной деятельности.⁸⁰

Согласно правительственному проекту, вместо волостного суда, суда земского начальника, городского суда и уездного члена окружного суда учреждался как первая судебная инстанция бессловный единоличный (мировой) суд, избираемый уездными земскими собраниями на 6 лет и до истечения срока несменяемый. Условиями для замещения должности мирового судьи устанавливалось: высшее юридическое образование и или владение землей в размере, определенном для избрания гласных в уездное земское собрание, или владение недвижимым имуществом в 7 500 рублей, или уплата квартирного налога, начиная с 10 разряда. При нехватке кандидатов допускались отступления, особо оговоренные. В качестве апелляционной инстанции создавались особые уездные и городские отделения окружных судов во главе с уездным или городским членом окружного суда, постоянно проживающим в данной местности; членами их являлись все участковые, добавочные и почетные мировые судьи; присутствие же составляли председатель и два мировых судьи. Рассмотрение всех кассационных жалоб на решения городских и уездных отделений окружных судов предоставлялось кассационным департаментам сената. Расширялась компетенция местного суда и предусматривался ряд технических улучшений судопроизводства.⁸¹

Однако задуманная реформа вызвала опасения в среде объединенного дворянства, четвертый съезд которого в марте 1908 г. специально обсудил вопрос о судебной реформе. Докладчик, правый член Государственной думы Г. Г. Замысловский, считая вполне реальной опасность перехода местного суда из рук дворянства к «третьему элементу», особо подчеркивал неприемлемость «широкого выборного начала» в условиях острой борьбы «в земстве между правым и левым элементом». Соглашаясь, что правительство не в состоянии найти 4500 кандидатов для назначения их мировыми судьями, он видел выход в том, чтобы оставить волостные суды: тогда тысячу кандидатов правительство всегда найдет, и — таким образом — будет возможность отказаться от выборного начала.⁸²

В связи с этим уполномоченные много говорили о «достоинствах» волостного суда: он и доступен для населения, и прост своим производством, и знаток сельского быта, и дешев. Но главное, разумеется, заключалось не в этом. «При введении проектируемой реформы, — говорил один из уполномоченных, выборный член Гос.совета Я. А. Ушаков, — несомненно будет

одно, что жить нашему сословию в деревне уже будет невозможно. Бегут оттуда и теперь, а если устроится такое «равноправие», то и отдохнуть порядочному человеку там не доведется». ⁸³

Однако и сохранение волостного суда таило опасность для дворянства: при бессловном составе сельского населения (дворяне имели в виду законопроект о бессловной волости) волостной суд стал бы рассматривать дела всех жителей, в т. ч. и местных дворян. Я, тревожился уполномоченный Д. Н. Кованько, обращаюсь в волостной суд, но это обращение сейчас факультативно, «а тогда меня волостные судьи притянут по повестке и начнут уже судить судом своим, для меня несовершеннолетним. В таком положении жизнь каждого дворянина в деревне окажется невозможной». Поэтому, полагал Кованько, «нам нужно приложить все усилия к тому, чтобы эти суды были сохранены исключительно на пользу крестьян и потому к проекту следовало бы добавить, что эти волостные суды должны сохраняться исключительно с той компетенцией, которой они теперь пользуются». ⁸⁴

В заключение съезд высказался за сохранение волостного суда, недостатки которого, по мнению объединенных дворян, легко устранялись путем «некоторых изменений в его устройстве и компетенции, а также в организации второй инстанции». Непременным условием окончательного решения вопроса о волостном суде съезд считал «местное обследование деятельности сих судов» по распоряжению правительства. ⁸⁵ Последнее, категорическое, кстати сказать, требование преследовало единственное: отложить, затянуть окончательное решение с тем, чтобы иметь время для подготовки условий похоронить законопроект, ибо в 1908 г. правые еще не имели большинства в Гос.совете.

Правые, однако, не могли удовлетвориться сохранением волостного суда: важно не просто сохранить особый крестьянский суд — необходимо обеспечить контроль за его деятельностью, а тут правительство и Дума вознамерились лишить земских начальников судебной власти. Резолюция IV съезда объединенного дворянства по вопросу о земских начальниках, принятая 18-ю губерниями против 4-х, находила соединение в лице земского начальника судебных функций с обязанностями по надзору за деятельностью крестьянского общественного управления, «хотя и неправильным теоретически, но практически неизбежным» ввиду недостатка людей и невозможности обременения казны или местных учреждений новыми расходами, ввиду необходимости упростить систему местных учреждений и приблизить власть к населению. ⁸⁶ Разумеется, вся эта «аргументация» — вуаль; суть дела — в словах П. В. Новицкого, встреченных аплодисментами съезда: «По моему глубокому убеждению, единственная возможность упрочить теперь наше положение — это сохранение этого института». ⁸⁷

Третья Дума, одобрив в целом правительственный проект, внесла в него некоторые изменения. Полагая, что местный суд должен составить «особое, самостоятельное от общих судебных установлений учреждение», она отклонила министерское предположение об отделениях окружных судов как апелляционной инстанции, учредив съезды мировых судей с председателем, избираемым съездом. Устанавливая затем обязательным условием замещения должности мирового судьи владение недвижимым имуществом на местах, Дума вдвое уменьшила земельный ценз и отклонила налоговый, отвергла допускаемые министерским проектом отступления от требуемых законом условий замещения, сделав исключение только для лиц с высшим юридическим образованием: они освобождались от требований имущественного ценза, если были местного происхождения и жили в данной местности не менее пяти лет. Все расходы по содержанию мирового суда Дума отнесла на средства казны. Таким образом, Государственная дума усилила независимость местного суда и предусмотрела меры к улучшению его личного состава.⁸⁸

В Гос.совет законопроект поступил в конце мая 1910 г., в начале следующей, шестой сессии, 20 октября, была избрана особая комиссия из 30 членов для его предварительного рассмотрения. Большинство в комиссии принадлежало группе центра (15 членов), правых было 13, левых — двое; председателем был избран лидер центра князь П. Н. Трубецкой, его заместителем А. Б. Нейдгарт, также член центра.

30 ноября комиссия начала обсуждение законопроекта по специально разработанной программе общих вопросов, из которых принципиальными было четыре: о волостном суде, о судебной власти земского начальника, о способе замещения должности мировых судей и о надзоре за деятельностью мировых судов. Подавляющим большинством (23 против 4) решено было сохранить волостной суд в преобразованном виде. Бывшие в заседании комиссии П. А. Столыпин и министр юстиции И. Г. Щегловитов не возражали фактически против такого решения. Первый, выступая, более говорил о недостатках существовавшего суда и о необходимости судебной реформы вообще. Второй же высказал мысль о возможности введения института мировых судей и при сохранении волостных судов.⁸⁹ В этом же заседании была образована подкомиссия для выработки проекта преобразования волостного суда.

Два заседания (15 и 20 января 1911 г.) особая комиссия посвятила следующему вопросу. Формально-юридической аргументации сторонников ликвидации судебной власти земских начальников правые противопоставили ясное сознание своих классово-сословных интересов и настойчивое, нис-

олько не скрываемое стремление сохранить власть в своих руках. Когда член центра С. С. Манухин, выступая за уничтожение судебной функции земских начальников, сослался на указ 12 декабря 1904 г., член правой граф Д. А. Олсуфьев заявил: «Вопрос этот требует очень тщательного обсуждения по существу на основании опыта, а не предуказаний цитируемого указа».⁹⁰

Точка зрения правых, членов особой комиссии и приглашенных членов Гос.совета, — это точка зрения объединенного дворянства (да и лица-то одни и те же: Ушаков, А. С. Стишинский, С. С. Бехтеев, князь А. Н. Лобанов-Ростовский, А. А. Нарышкин): во времена «аграрных беспорядков» только земские начальники проявили твердую власть, а теперь деревня не нуждается разве в крепкой власти? и если земские начальники переобременены работой, если замечается ослабление авторитета их власти, то надо не упразднить их, а увеличивать их число, изъять из их ведения все городское население, освободить от обязанностей по податному делу, поднять положение земского начальника; лишить их судебной власти — значит вынести этому институту смертный приговор: землеустройство, что останется на руках у земского начальника, — дело временное, да и параллельное существование мировых судей и земских начальников будет обременительно для казны и придется сокращать число последних; затем: лучшие люди уйдут из земских начальников в мировые судьи — «во что обратится тогда местная административная власть? останется не власть, а призрак власти!»

При этом существо задачи заключалось не в простом сохранении института земских начальников — важно было не выпустить его из рук сословия. Стишинский говорил: «Если замещение должности земского начальника помещным дворянством стало затруднительным, то надо думать, что станет невозможным с восстановлением института мировых судей». Однако, вторил ему Бехтеев, «как ни тягостны обязанности земского начальника, но несение их должно лежать на дворянстве».⁹¹

Правые решали не академический вопрос — разделять ли судебную и административную власти на местах? — речь шла о сословных привилегиях дворянства. Сохранить судебную власть земского начальника — значило сохранить в своих, дворянских руках контроль за крестьянскими общественными учреждениями, продолжать пользоваться местным судом как своим орудием; согласиться на выборный суд означало выпустить суд из своих рук, ибо в условиях открытой партийно-политической борьбы дворяне не могли рассчитывать сохранить свое руководящее положение.

Однако правительство в этом вопросе не хотело идти на уступки. «С сохранением судебных полномочий земских начальников, — заявил в ко-

миссии министр юстиции, — невозможно ни ввести в действие новое уголовное уложение, а также проектируемое гражданское уложение, ни расширить их судебную компетенцию за счет общих судебных установлений, ни устранить прогрессирующую медленность в общих судебных местах».⁹² Местный суд, оставаясь в руках дворян, не мог совершенствоваться даже технически. Особая комиссия 17 голосами против 5 признала невозможным сохранение судебной компетенции земских начальников.

В вопросе о способе замещения должности мировых судей большинство комиссии (11 человек) присоединилось к решению Думы восстановить институт выборных мировых судей в земских губерниях. Правые (5 членов) высказались за смешанную систему: правительство назначает мирового судью из числа кандидатов, рекомендованных земскими собраниями. Двое (правый и из центра) были за назначение мировых судей правительством.⁹³

Серьезно разошлась особая комиссия с Думой по вопросу о надзоре за деятельностью мировых судей. Непосредственный надзор за мировыми судами поручался судебным палатам, а председатель съезда мировых судей должен был назначаться правительством из кандидатов, представленных мировым съездом.⁹⁴ После вопроса о волостном суде это было следующее, по значению, разногласие.

И хотя особая комиссия, в конечном итоге, не только отвергла думскую редакцию законопроекта, но и серьезно переработала правительственную, правые не оставили мысль похоронить реформу. 25 апреля 1911 г. особая комиссия приступила к обсуждению разработанного подкомиссией проекта преобразования волостного суда. Прежде перехода к постатейному рассмотрению был поставлен принципиальный вопрос о надзоре за волостным судом: существующие судебно-административные органы или проектируемые судебно-мировые? По существу, это была попытка правых перерешить вопрос о судебной власти земских начальников. Комиссия 17 голосами против 5 признала необходимым приурочить волостной суд в порядке надзора к судебно-мировым учреждениям.⁹⁵

При постатейном чтении проекта правые настойчиво добивались проведения принципов преобладания русской народности и первенства господствующей православной церкви при замещении должностей председателей и членов волостных судов; ими же были подняты вопросы о запрещении евреям быть волостными судьями и о праве земского начальника утверждать избираемых крестьянскими выборщиками председателя и членов волостного суда.⁹⁶

1 ноября 1911 г. Стишинский внес в особую комиссию разработанный им лично проект положения о волостных судах и о верхних сельских судах,

который сохранял судебные обязанности земских начальников, а обновленный волостной суд приурочивал к системе административно-судебных учреждений, образованных по закону 12 июля 1889 г.⁹⁷ Не приводя каких-либо новых аргументов, Стишинский четче на этот раз проводил мысль о недопустимости оставлять крестьянское общественное управление «без бдительного за ним надзора близкой к населению власти».⁹⁸ Таким образом, правое меньшинство особой комиссии признавало возможным сохранение волостного суда только на существующих основаниях в системе общей постановки и с условием разработки подробного кодекса. Фактически это означало отклонение законопроекта о реформе местного суда.

Большинство комиссии, соглашаясь с критикой недостатков волостного суда, тем не менее отвергло предложение упразднить волостной суд как меру чересчур крутую. Однако место и роль волостного суда большинство комиссии представляло иначе, чем правые. Прежде всего, волостной суд должен был войти в общую цепь судебных учреждений: мировой судья наблюдает за выборами новых волостных судей, на него возлагается ревизия волостных судов и надзор за ними, избранный волостной судья утверждается мировым съездом, апелляция и кассация решений волостного суда идут судебным порядком в мировые учреждения. Часть расходов по содержанию волостных судов относилась на государственное казначейство. Сокращалась компетенция волостных судов с 300 рублей до 100.

В конце января 1912 г. особая комиссия закончила свою работу, 4 февраля ее доклад был препровожден председателю Гос.совета и 17-го поставлен на обсуждение общего собрания. К этому времени соотношение сил в Гос. совете значительно изменилось (см. табл. 12). Открывая прения по общим основаниям проекта, председатель Гос.совета предложил сосредоточиться на трех вопросах: следует ли сохранять судебную власть за земскими начальниками? желательно ли сохранение волостного суда? следует ли волостной суд, буде решено его сохранить, поставить в связь с проектируемым институтом мировых судей?

Позиция различных групп Гос.совета по названным вопросам выглядит, по прениям, следующим образом. Левая была принципиально против сохранения и судебной власти земских начальников, и волостного суда, как сословного; однако, находя, что проект большинства особой комиссии «вносит значительные улучшения в постановку дела правосудия на местах», группа высказалась за переход к постатейному обсуждению проекта.⁹⁹

Группа центра одобрила проект большинства комиссии, хотя различия в оттенках оценки были значительны: если П. П. Семенов-Тянь-Шанский был «полностью согласен с большинством» комиссии, то И. Э. Олизар находил

проект «менее реформой, чем известным коррективом существующего порядка», а Н. А. Зиновьев, приветствуя возвращение к суду, от администрации независимому (ибо, по его мнению, «дело пойдет лучше, все-таки, по крайней мере, уважение к закону, к суду возникнет»), к волостному суду выразил недоверие и соглашался с его сохранением как мерой временной.¹⁰⁰

В правом центре не было единого взгляда на реформу. Если лидер группы А. Б. Нейдгарт стал на точку зрения большинства комиссии (он и был в составе этого большинства), уверяя общее собрание, что волостной суд, «народом изведанный, в крестьянском укладе понятливый — и крестьянству понятный, суд бытовой, внедрившийся в душу и разум крестьянина, не сказал еще своего последнего слова на Руси и умер бы он теперь не своею, а насильственной смертью», то граф Ф. А. Уваров, также член особой комиссии, писал в особом мнении к докладу комиссии, что «волостной суд, как суд сословный, как отжившее учреждение, притом совершенно несостоятельное, как пародия на суд, должен быть уничтожен, ибо его исправить нельзя». В общем собрании он, выступив столь же резко против волостного суда, высказался за переход к постатейному рассмотрению, ибо отклонение законопроекта означало бы сохранение нынешнего волостного суда. Совершенно особую позицию среди членов правого центра занял А. П. Никольский, высказавшись за проект Думы. Подходя к вопросу с позиций сторонника аграрной реформы Столыпина и считая единство правосознания (подобно религии, языку и единству крови) «одной из самых деятельных и самых важных сил», он полагал, что думский проект вооружит крестьян-собственников в их борьбе с общинниками новым правом и судом, поможет им укрепиться и в то же время объединит одним правосознанием с крупным землевладением, притупляя таким образом противоречия с ним.¹⁰¹

Не было единодушия и среди правой группы.¹⁰² Часть ее (П. Н. Дурново, Стишинский и др., всего 25 человек) высказались за отклонение законопроекта «во всех его частях, кроме той, которая касается преобразования волостного суда» (имея при этом в виду не предложения большинства комиссии, а проект Стишинского). «Что же мы получим в результате?» — задавался вопросом Дурново и отвечал: «Не менее 25—30 млн. нового расхода, полное безначалие в деревне, но зато торжество теории о раздельности судебной и административной власти. Не знаю, как Вы полагаете, я же полагаю, что в общем последует только ущерб. ...При существующих в деревне беспорядках осторожнее, благоразумнее и дешевле внести в Положение о земских начальниках существенные, самые широкие изменения, усилить личный состав и на этом пока успокоиться. Лучше терпеливо выждать, как об-

рисуеться окончательно картина нашей деревни, нежели опять лет через 20 все переделывать снова».¹⁰³

Другая часть правых (20 человек), считая нужным сохранить судебную власть земских начальников, в отношении волостного суда разделяла взгляд большинства комиссии, и небольшая группа правых (12 членов) полностью присоединялась к мнению большинства особой комиссии.¹⁰⁴

Большинство кружка внепартийного объединения разделяло позицию А. Ф. Кони, выступившего против сохранения волостного суда, но за переход к постатейному чтению.

Среди внепартийных придерживались различных взглядов: так, если М. А. Стахович высказался за отклонение проекта большинства комиссии как совершенно извратившего существо думских предположений, то Л. Д. Лесевецкий считал нужным сохранить волостной суд.¹⁰⁵

Дважды выступавший министр юстиции выразил солидарность с предложениями большинства особой комиссии.¹⁰⁶

В итоге общее собрание отвергло предложение крайне правых отклонить законопроект, высказалось за ликвидацию судебной власти земских начальников, решило сохранить волостной суд, вводя его в общую систему судебно-мировых учреждений.¹⁰⁷

Гос.совет за принятие законопроекта был подвергнут резкой критике князем В. П. Мещерским: членам его инкриминировался страх перед Думой, из-за которого они изменили-де своим убеждениям.¹⁰⁸ Остро реагировал на решение общего собрания Гос.совета и восьмой съезд объединенных дворян. Оно оказалось для них совершенно неожиданным: «случайно получилось не то предположение, на которое прежде рассчитывали». Среди части съезда возникла мысль «повергнуть к стопам государя императора всеподданнейшее ходатайство о сохранении за земскими начальниками их судебных полномочий», не поддержанное, впрочем, большинством, которое разделяло надежды члена Гос.совета Нарышкина, что «с Божьей помощью, этот самый вновь учреждаемый мировой судья ...обратится опять-таки в тип власти, которая приблизится к земскому начальнику».¹⁰⁹

Гос. совет и попытки реформировать земство

Территориальное расширение местного самоуправления являлось частью столыпинской программы преобразований¹¹⁰ и нашло в лице правых, как и вся программа, принципиальных противников. Дело в том, что отсутствие в неземских губерниях помещичьего землевладения, а подчас и вооб-

ще крупного, делало неизбежным понижение земельного ценза, что грозило передачей местного самоуправления в руки крестьян. Опасность для дворянских губерний состояла в том, что это приспособление земского самоуправления к неземским губерниям во многом предопределяло будущий пересмотр Положения 1890 г. Хотя намечаемые изменения имели достаточно умеренный характер: и правительство, и Дума стремились обеспечить в местном самоуправлении руководящее положение крупных землевладельцев, — несомненно, что для дворянства это означало уступку определенной доли позиций и влияния в земстве зажиточной части крестьянства. Жизнь, с ее острым антагонизмом между помещиками и крестьянами и прогрессирующим оскудением дворянства, несомненно, пошла бы гораздо далее правительственных и думских предположений, и намечаемая мера вместе с введением волостного земства и реформой местного суда представляла — в перспективе — серьезную угрозу для поместного дворянства. Последнее, с 1906 г. значительно укрепившееся в земстве, рассматривало его как важнейшую позицию в борьбе за сохранение своих экономических и политических привилегий и уступать, уходить из земства отнюдь не собиралось.¹¹¹

В условиях ожесточенного сопротивления правых, получавших поддержку двора, Столыпин попытался ввести земское самоуправление в шести западных губерниях под флагом борьбы с польским засильем.¹¹² Такая тактика имела основания: большинство правых Гос.совета 4 марта голосовало за курии. У Столыпина были основания рассчитывать, что русские помещики пойдут на союз с крестьянами-собственниками и потеснятся в их пользу. Как известно, инициатива принадлежала 33 членам Гос.совета, предложивших изменить систему выборов в Гос.совет от девяти губерний Западного края. В основе этого предложения лежало недовольство объединенных дворян засильем поляков в крае и их надежды, что введение земства «даст большой простор деятельности ...прежде всего дворянству».¹¹³ Правительство разработало законопроект, Дума постановила одновременно разрешить вопрос о земском хозяйстве края и в результате в Гос.совет законопроект поступил преследующим три задачи: дать русское представительство края в Гос.совете, организовать земское хозяйство и обеспечить преобладание русских в западных губерниях.

Судьба законопроекта была решена в заседании Гос.совета 4 марта 1911 г., когда 92 голосами против 68 общее собрание отклонило ст. 6 о делении избирателей на национальные курии. За курии голосовало около 40 правых, весь правый центр и 5 членов из группы центра. Против были поляки, группа центра, левая группа и 28 правых. Последние и решили исход балло-

тировки: голосуй они «за», курии были бы приняты большинством 96 против 64. Что же определило позицию 28-ми правых?

Утверждение, что законопроект о западном земстве был выбран в качестве повода, чтобы свалить Столыпина, а «сам по себе он был *вполне приемлем* для большинства» Гос.совета,¹¹⁴ не представляется убедительным. Скорее, наоборот: Столыпин потому и был убран, что отказался отступить перед правыми далее и счел возможным поставить вопрос о составе «верхней палаты».

Проектируемое земство оказалось неприемлемым по своему существу: бессловным характером и пониженным цензом.¹¹⁵ Уже особая комиссия Гос.совета «отнеслась к вопросу о понижении ценза в высшей степени осторожно; она не могла не иметь в виду, что избирательная система должна быть так построена, чтобы она давала возможность притягивать к земскому делу наиболее культурные слои местного населения», и, несмотря на заявление правительства, что никакой опасности в этом отношении нет, потребовала собрать дополнительные сведения. Последние, будучи представлены, не разубедили комиссию, большинство которой продолжало считать, что «развитие мелкой земельной собственности в западных губерниях дает основания опасаться, что при таком понижении ценза мелкие владельцы, в огромном числе явившись на земские выборы, изберут такое число уполномоченных, что эти последние получат преобладание в избирательных собраниях, выбирающих гласных, и, таким образом, мелкие землевладельцы, так сказать, задавят крупных и средних».¹¹⁶

В общем собрании главным вопросом, вокруг которого развернулись прения, был тот же вопрос об участии крестьянства в земском самоуправлении.¹¹⁷ Для группы центра национальные курии были неприемлемы не только потому, что грозили обострением национальных противоречий в крае, но и потому, что, выделяя поляков в особую курию, ослабляли позиции крупных землевладельцев перед лицом крестьянской массы.¹¹⁸

Члены «верхней палаты»-поляки были прежде всего представителями польских землевладельцев и, в принципе, они были не против того, чтобы обеспечить преобладание русских в западном земстве, указывая на фиксацию. Курии для них были неприемлемыми как антидворянская мера.¹¹⁹ «Правительство, — напоминал И. А. Островский, — ошиблось в 1905 году, полагаясь на государственные чувства крестьянских масс. Но ничто не ручается за то, что мы не ошибемся и ныне, полагаясь на государственные чувства мелких частных собственников, до сих пор нам с политической точки зрения неизвестных. Между тем земство в нашем крае всецело отдается в их руки. Победа облегчается невозможностью крупным и средним

землевладельцам сплотиться для защиты своих интересов, а, может быть, и для защиты интересов и основ государства». ¹²⁰ Стремление части русских землевладельцев найти спасение в разжигании национализма, по мнению поляков, весьма опасно: «Узкие националисты с узкими националистами никогда не сойдутся, революционеры с революционерами сойдутся всегда, а разъединенными останутся лишь спокойные консервативные элементы». ¹²¹ Показательно, что и после отклонения национальных курий законопроект остался неприемлемым для поляков. ¹²²

Сторонники курий исходили из убеждения, что невозможно прельщаться «мечтами о совместной с поляками работе на благо края и верить, чтобы они могли поставить чисто культурные цели», ¹²³ однако относительно намерения понизить ценз и они были весьма осторожны: понизить можно, говорил Я. Н. Офросимов, с тем однако, чтобы «полноценное землевладение, как элемент более культурный, не подавлялось более многочисленным землевладением мелким». ¹²⁴

Позиция правых, голосовавших против курий, определялась ясным сознанием антагонизма между крестьянством и помещиками; одобрить законопроект значило для них отдать местное самоуправление в руки враждебно настроенного крестьянства. Так, Н. А. Зиновьев высказался за отклонение законопроекта, указывая прежде всего на то, что «мелкое землевладение, несомненно, имея за собой большинство, подавит крупное землевладение при выборах», что «некультурная масса, которую легко увлечь всякому любому вожаку», превратит самоуправление в «самоуправство», увлечет страну на «путь вредных социальных учений». Он же, выступая во второй раз, в заседании 4 февраля, подчеркивал: «Понижение имущественного ценза — это путь скользкий. Раз мы уничтожили в себе понятие, что имущественный ценз должен служить гарантией самостоятельности независимого человека, и если мы сведем имущественный ценз до минимума, мы по этому пути должны идти неудержимо вниз, не только на западной окраине, но и на других окраинах и внутри России. Мы должны будем идти к демократизации земства». ¹²⁵ «Сегодня, — заявил один из лидеров правых, В. Ф. Трепов, — на карту ставится консервативное монархическое начало земства, — правда, в 6 западных губерниях, но не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что в эту игру будет вовлечено все всероссийское земство и что в этой игре карта так же будет бита», как и попытка опереться на крестьян в I Думе. ¹²⁶

Еще задолго до обсуждения в общем собрании П. Н. Дурново в записке царю указывал, что намечаемая мера крайне опасна в политическом отношении: она оттолкнет от правительства польских землевладельцев и усилит

среди них антирусские стремления; весь культурный землевладельческий класс совершенно отойдет от местной работы, которую немислимо строить на одном крестьянстве. Трепов на аудиенции у царя перед самим голосованием в Гос.совете развивал эти же мысли, характеризуя проект как «чисто революционную выдумку, отбрасывающую от земской работы все, что есть культурного, образованного и консервативного в крае». ¹²⁷ Подобные же взгляды высказывал на страницах своего журнала В. П. Мещерский. ¹²⁸

Осенью 1911 г. вполне выяснилось, что надежды Д. И. Пихно найти в лице мелких землевладельцев «надлежащего союзника и опору» ¹²⁹ были наивными. Правда, Офросимов в письме к А. И. Савенко от 21 августа 1911 г. хвалился итогами выборов в Витебской губернии, ¹³⁰ однако в ней дело правых неплохо обстояло и до введения земства: единственным русским представителем в Гос.совете от западных губерний и был сам Офросимов. Что касается других губерний, то положение оказалось куда сложнее. Советник Киевского губернского правления Н. Тальберг писал в Иркутск Л. М. Князеву 12 августа 1911 г.: «Кончились земские выборы: со стороны администрации, сбросившей, наконец, тогу беспартийности, вложено было много труда на проведение выборов, приходилось устраивать хитроумные комбинации, вроде перенесения избирательных собраний из уездных городов в глухие местечки, и, с внешней стороны, выборы в Киевской и Подольской губерниях прошли удачно. Но вместе с тем, практика доказала, как правы были консерваторы в Государственном совете, проваливая закон вследствие его демократичности. Выяснилось, что крестьяне всюду могут задавить помещиков своею численностью и не пропустить из них ни одного. Пока еще они мало организованы, но и то в некоторых уездах, где их явилось несколько больше, открыто говорили, что не нужно выбирать «панов». Даже сторонники земства высказываются за повышение ценза и возлагают теперь свои надежды на оплеванный ими раньше Государственный совет, который внесет поправки к закону. В Волынской губернии дело совсем безнадежно и только несколько поправили его крайние правые во главе с «вредной» Почаевской лаврой, но и то губернское земство оппозиционно Столыпину и националистам». ¹³¹

Просчеты националистов констатировали представители и других политических направлений. Так, А. С. Изгоев, рассматривая ход и итоги выборов в шести западных губерниях, заключал: «Несмотря на все эти ухищрения, уполномоченные от неполноцензовиков даже теперь представили очень серьезную силу, а при неизбежном развитии в крае культуры роль их на выборах значительно усилится и приведет к провалу крупных помещиков». ¹³² К аналогичным выводам приходил и А. Б. Петрищев: «Крестьянская курия,

несмотря на все принятые относительно нее меры, кажется подтвердила мнение, что из всех внутренних врагов мужик есть враг наиболее скверный». ¹³³

Таким образом, законопроект о западном земстве оказался неприемлемым для правых Гос.совета своим содержанием. В этом еще более убеждает история прохождения через Гос.совет законопроектов о распространении земского положения 1890 г. на другие неземские губернии: ведь Столыпина уже не было.

Поступившие на обсуждение общего собрания в апреле 1912 г. законопроекты о распространении земства на Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую губернии были приняты в редакции комиссии законодательных предположений, на предварительном рассмотрении которой они находились. Последняя отвергла попытку Думы понизить земельный ценз для участия в избрании гласных; изменила расписание гласных так, чтобы обеспечить I курии (частные землевладельцы) не менее половины гласных уездного земского собрания; в думском предположении дать собраниям право выбирать на должности по земскому управлению лиц, не владеющих имущественным цензом, но получивших образование не ниже среднего и проживающих не менее года в данной местности, комиссия усмотрела лазейку для «третьего элемента» и отвергла его; восстановила правительственное предположение о выделении в указанных губерниях пяти городов в самостоятельные земские единицы (Дума сократила до двух), опасаясь, что «городские избиратели своею численностью могут совершенно подавить местных землевладельцев». ¹³⁴ Так, правое большинство Гос.совета в своем стремлении сохранить status quo в местном самоуправлении игнорировало местные особенности названных губерний, вполне оправдывавшие думские предположения. В согласительной комиссии к общему решению не пришли, и Дума вынуждена была принять редакцию Гос.совета.

В мае 1912 г. Гос.совет, разделяя вывод о неудовлетворительном положении земского хозяйства в Сибири, отклонил тем не менее разработанные Думой законопроекты о введении земства в Тобольской, Томской и Енисейской губерниях и Забайкальской, Амурской и Приморской областях, ссылаясь на специфику края: прежде всего, почти полное отсутствие частной земельной собственности и постоянный прилив переселенцев. ¹³⁵

Если особенности Сибири позволили правым «верхней палаты» несколько завуалировать подлинные мотивы отклонения названных законопроектов, то при обсуждении в конце 1912 — начале 1913 гг. проекта введения земства в Архангельской губернии они высказались совершенно ясно.

Комиссия законодательных предположений, признавая действующий в

Архангельской губернии порядок административного заведования и управления земским хозяйством «неудовлетворительным», нашла, однако, думский проект практически неосуществимым и нецелесообразным. Последнее мотивировалось почти полным отсутствием дворянского землевладения и вообще крайне незначительным частным землевладением, а главное тем, что «в случае распространение на Архангельскую губернию Положения о земских учреждениях, даже с намеченными Государственной думой весьма существенными от него отклонениями, крестьянство получило бы преобладающее значение в составе земских гласных». «По основной же мысли, на которой построено Положение о земских учреждениях 12 июня 1890 г., — откровенно заключала комиссия, — руководящее значение в земстве должно принадлежать наиболее развитой части общества — дворянству или в губерниях недворянских — представителям средней собственности, по преимуществу землевладельцам». ¹³⁶

Прения в общем собрании вышли за рамки обсуждения данного законопроекта, вопрос был поставлен шире — о земском самоуправлении в целом. Докладчик комиссии, А. С. Стишинский, обрушился на третью Думу, в деятельности которой, по его словам, «красной нитью проходит стремление к расширению территориальных пределов действия Положения о земских учреждениях». ¹³⁷ Логика правых была проста: земство должно оставаться дворянским, поэтому основные начала Положения 1890 г. необходимо сохранить, а все, что подрывает эти начала, — беспощадно отбрасывать. Член левой группы Д. Д. Grimm совершенно верно отмечал, что в основе позиции правых лежит «страх перед мыслью о демократизации существующего земского избирательного права и готовность скорее мириться с сохранением существующего порядка, или вернее существующего беспорядка, только бы не было уступки в указанном отношении». С точки зрения самого Grimma, демократизация земства — «неизбежный процесс, к которому и во внутренних губерниях необходимо заблаговременно идти навстречу». ¹³⁸

Попытка левой группы и центра спасти законопроект возвращением его в комиссию была парализована правым большинством, и законопроект был отклонен 63 голосами против 41. ¹³⁹

Особенно примечательно — в плане выяснения мотивов правых: не могли или не хотели? — обсуждение в их среде законопроекта о введении земства в области Войска Донского.

Еще в начале 1912 г., когда законопроект обсуждался в Думе, М. О. Меньшиков, анализируя опыт «четырёх успешных революций последнего трехлетия» (в Турции, Персии, Португалии и Китае), писал: «Если бы свергнутые монархи оценивали действительность как она есть, то нечего было

бы султану, шаху и богдыхану беречь отнятые теперь у них сокровища, нечего было тратить внимание на гражданские реформы, всевозможные парады, приемы, торжественные празднества и т. п. Следовало, отложив все, с возможной поспешностью организовать верную престолу армию, которая могла бы отбить как внешние, так и внутренние атаки». Обращаясь к событиям 1905 г., он напоминал: «Одним из главных, — если не единственным, — устоем власти явилась та часть нашей армии, которая называется казачеством», и выносил в заголовок статьи клич «Берегите казачество!». ¹⁴⁰

Ни в комиссии Гос.совета, ни в его общем собрании никто не возражал против того, что реформа — «давно назревший, наболевший вопрос», все соглашались с тем, что «Донская область, преобразованная в обыкновенную губернию, с одним лишь гражданским населением, будет вносить большую, чем ныне, лепту в сокровищницу народного богатства и будет приносить больше, чем ныне, доходов государственному казначейству в порядке обложения ее населения». ¹⁴¹ Однако, говорил Стишинский, «тысячелетняя русская история выдвинула другие государственные потребности, для обеспечения которых необходимы не одни миллиарды рублей, а необходима в большей еще мере живая сила русского воинства, надлежащим образом организованного и снаряженного». Напомнив собранию, что такое донское казачество, ¹⁴² он спрашивал: «Кто, господа, решится утверждать, что при нынешних политических конъюнктурах ...Россия может обойтись без этой казачьей боевой силы?».

При этом речь шла не только о донском казачестве, ибо оно — «типичное казачье войско», другие казачьи войска по нем равняются, и правые понимали, что принятием законопроекта они предрешают вопрос о введении земства и в остальных казачьих войсках. В недалеком будущем это означало ликвидацию казачьей обособленности, растворение казаков в общей массе сельского населения. Правых такая перспектива, разумеется, не устраивала. С 14 декабря 1825 года уже никогда не забывавшее «о необходимости обеспечить за собой достодолжную силу на всякий случай», ¹⁴³ самодержавие обнаруживает в рассматриваемое время особенное расположение к казакам, стремится установить с ними особо близкие отношения. ¹⁴⁴

Предложение группы центра вернуть законопроект в комиссию было отвергнуто большинством собрания, затем он был отклонен 87 голосами против 51. Гос.совет при этом выразил пожелание, чтобы правительство «озаботилось скорейшим выяснением тех оснований, на которых должно быть преобразовано в соответствии с особенностями казачьего быта управление земским хозяйством области». ¹⁴⁵ Правые, таким образом, признавали необходимость реформ и ничего не имели бы против, если при этом не затрагивались бы их интересы и позиции.

Гос. совет и волостная реформа

Законопроект о реформе волости до того, как стать предметом обсуждения в Гос.совете, прошел долгий путь и претерпел значительные изменения.¹⁴⁶

Правительственное намерение превратить существующую волость в бессословную по своим задачам и сословную по личному составу и обложению с возложением на нее, при сохранении административных, еще и земско-хозяйственных функций¹⁴⁷ было встречено объединенным дворянством в штыки. Подавляющее большинство его IV съезда (март 1908 г.), обсудив доклад Ф. Д. Самарина «О местной земской реформе» и заключения по нему Постоянного совета, высказалось против правительственного проекта. Князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, правый член Гос.совета и товарищ председателя Постоянного совета, критикуя законопроект, указывал на неминуемые, по его мнению, последствия: намечаемое преобразование «повлечет только увеличение расходов»; подорвет существующее земство, у «которого и на уезд не хватает ни средств, ни людей»; произвольное обложение — ибо власть окажется в руках крестьян — «сделает существование всякого торгово-промышленного предприятия, или крупной земельной собственности невозможным, потому что фактически не дается гарантии, что тот, которого будут облагать, будет иметь какой-либо голос в этой волости»; «естественным течением вещей дело перейдет в руки третьего элемента, который ничем с данной местностью не связан». «Я думаю, — заключал князь, — никто еще не может опровергнуть, что в действительной жизни в этой единице потребности нет, и что та мелкая земская единица, которую нам предлагают, может только разрушить существующее, ничего не создав». Князь Д. Н. Цертелев утверждал, что проект введения мелкой земской единицы разрушает «идею дворянства». Ему вторил В. Н. Шеншин: в бессословной волости «мы можем оказаться в критическом положении». Самарин, возражая Н. Ф. Сухомлинову, поддержавшему идею бессословной волости, говорил: «Чтобы избежать розни между землевладельческим или дворянским классом и крестьянами, нужно именно теперь не включать дворянство в волость, потому что включить представителей частного землевладения в один и тот же общественный организм в пределах волости с крестьянством, — значит поставить наряду два непримиримых интереса. Представьте себе в пределах волости одного, двух землевладельцев и массу крестьян, как вы устроите, чтоб эти два элемента сочетались, чтобы не дать перевеса тому или другому?»¹⁴⁸

Таким образом, ясное сознание непримиримости противоречий с крес-

тьянством и невозможности сохранить руководящее положение в бессословной волости, страх быть подавленными крестьянской массой побудили объединенных дворян цепко держаться за существующее.

В Совете по делам местного хозяйства при МВД принципиальные противники реформы оказались в меньшинстве, и проект, по одобрении его Советом, поступил в III Думу. Большинство последней, полагая, что только укреплением и развитием общественного самоуправления можно укрепить представительный строй и что «спокойное и устойчивое существование государства достигнуто не будет до тех пор, пока не выльется в правильные формы быт сельской Руси», разработало фактически новый законопроект о волостном земстве — мелкой самоуправляющейся ячейке, тесно связанной с уездным земством и в некоторых случаях им руководимой, обязанной выполнять точно в законе определенные функции административного свойства, свободной в распоряжениях своих от административной опеки, но строго подчиненной контролю правительства в отношении законности своих действий.¹⁴⁹

Восьмой съезд объединенного дворянства в марте 1912 г., имея перед собой уже думский проект, признал его неприемлемым во всем его целом, поскольку он, по словам одного из уполномоченных, «замешивает нас в общую массу, ... уничтожает наше отдельное самостоятельное положение, которое только и дает нам влияние на местах».¹⁵⁰ Правый член Гос.совета и товарищ председателя Постоянного совета А. А. Нарышкин под аплодисменты заверил съезд: «Все высказанные суждения и речи дадут нам, членам Государственного совета, состоящим и членами особой комиссии, богатый материал для того заключения, которое, в сущности, разделяется единогласно, именно, что проект этот невозможен, а когда будет сочинено что-нибудь не лучшее, то мы постараемся и его опрокинуть».¹⁵¹

Законопроект был атакован и со стороны камарильи. Князь В. П. Мещерский подошел к предполагаемой реформе с точки зрения борьбы с революцией: то, что бессословная волость уничтожит влияние дворянства, — одна сторона дела; посредством земской волости «внесословный и беспочвенный третий элемент получит возможность того, что ему не удалось достигнуть в 1905 году, — близкого и постоянного с крестьянским миром общения». По мнению князя, следует не вводить земскую волость, а — оставив существующую крестьянскую волость, — мелкую единицу устроить около церковного прихода.¹⁵²

В Гос.совет законопроект поступил в конце мая 1911 г.; к этому времени правые вполне уяснили существо как правительственных, так и думских предположений: полная неприемлемость проекта была для них очевидной.

Однако провалить его не было никакой возможности: после «министерского кризиса» в марте 1911 г. группа была обезглавлена и ослаблялась внутренними противоречиями,¹⁵³ а намеченная Столыпиным перетасовка назначаемой половины Гос.совета и вовсе расчищала, казалось, путь столыпинским реформам. Не случайным в этой обстановке представляется решение общего собрания «верхней палаты»: в заседании 27 мая постановили передать дело в особую комиссию, однако формирование ее отложили до осени — центр шел на это, можно предполагать, в ожидании своего усиления.

Сформированная 24 октября 1911 г. особая комиссия¹⁵⁴ нашла, что законопроект в редакции Думы видоизменяет общее земское устройство, установленное Положением 1890 г., и что «тем самым вопрос о преобразовании существующего волостного управления поставлен Думою на иную почву». Не сочтя поэтому возможным рассматривать проект по существу, поставила вопрос: «Не следует ли означенный проект подвергнуть переработке, чтобы приблизить его к той основной цели, которую преследовало представление министерства?»¹⁵⁵ 13 членов комиссии (все правые, лидер правого центра А. Б. Нейдгарт и князь Б. А. Васильчиков из кружка внепартийного объединения) высказались за отклонение без замены другим законопроектом, мотивируя следующими соображениями: намеченное правительством преобразование волостного управления, во-первых, несвоевременно, ибо при «современных исторических условиях», «нынешнем культурном состоянии населения» и «общем сословном строе государства» может оказаться в государственном отношении «вредным»; во-вторых, в административном отношении предлагаемая мера «ничего существенного внести не может»; в-третьих, главный недостаток существующего волостного устройства «легко устраним путем принятия этих расходов на государственное казначейство». Три члена комиссии воздержались (левый и двое из центра). 14 членов (девять из центра, двое из правого центра, двое левых и один из кружка внепартийного объединения) голосовали за переработку думского, полагая упразднение крестьянской сословной волости назревшим, а правительственное направление целесообразным, и особо подчеркивая необходимость реформы для успеха «того громадного движения в крестьянском землепользовании, которому дан толчок изданием закона 14 июня 1910 г.»¹⁵⁶

Решив большинством в один голос переработать законопроект, комиссия приступила к выработке общих положений, руководствуясь при этом стремлением «устранить все опасения, возникающие на почве неподготовленности еще большинства населения волостей к широкой общественной деятельности путем соответствующего устройства представительства новой всесословной волости, строгою и осторожною постановкою права волости

по обложению входящего в ее состав населения, а также учреждения над нею сильного правительственного надзора». ¹⁵⁷ Положения эти таковы: 1) волость должна быть преобразована в административно-хозяйственную единицу; 2) в ней должны быть объединены задачи административно-полицейские и земско-хозяйственные; 3) территория волости должна обнимать все находящиеся в ее пределах земельные владения; 4) право представительства в волости должно быть предоставлено всем владеющим находящимися в пределах волости недвижимыми имуществами, независимо от сословной принадлежности; 5) намеченные Думой круг ведомства волостных учреждений, пределы их власти, правила о правительственном надзоре — должны быть изменены. ¹⁵⁸

Положения легли в основу работ избранной 15 февраля 1912 г. подкомиссии, ¹⁵⁹ разработавшей проект закона «О волостном управлении», который затем обсуждался в 29 заседаниях комиссии с 31 января 1913 г. по 19 апреля 1914 г. Большинством 15 против 10 комиссия решила перейти к постатейному рассмотрению проекта подкомиссии. Первым обсуждался вопрос об устройстве представительства волости. Находя крестьянство «далеко еще не подготовленным для широкого участия в местном самоуправлении» и опасаясь его преобладания в местном волостном управлении, комиссия признала «наиболее правильным прибегнуть к установлению ...отдельных избирательных курий, с правом избрания соответствующей части от общего их числа, положенного на всю волость».

В комиссии обсуждались две избирательные системы. По первой, все избиратели разбивались на 3 курии: лица, владеющие недвижимым имуществом не менее полного земского ценза; лица с цензом менее полного, но не менее $1/10$ его; крестьяне; каждая курия избирала $1/3$ общего числа гласных волостного собрания. Согласно второй, избиратели делились на 4 курии: владельцы с полным земским цензом и выше; владельцы с цензом ниже полного, но не менее $1/5$ его; владельцы с цензом менее $1/5$, но не менее $1/25$; уполномоченные от сельских и селенных обществ и поземельных товариществ, избираемые сельскими и селенными сходами. Распределение гласных должно производиться уездным советом соразмерно сумме земских сборов за предшествующий год, которыми обложено недвижимое имущество в волости. Комиссия предпочла вторую систему, полагая, что она не дает перевеса «пока еще мало развитому как в умственном, так и в хозяйственном отношении большинству населения волости», ибо, во-первых, дает большую возможность влиять на желательный состав волостного собрания и лучше обеспечивает представительство крупных землевладельцев; во-вторых, выделяя владельцев с цензом менее полного, но не менее $1/5$ его в осо-

бую курию, ограждает от подавления их мелкими; в-третьих, третья курия обеспечивает самостоятельное представительство крестьян, купивших землю при посредстве Крестьянского поземельного банка; в-четвертых, ограждает хуторян от подавления односельчанами-общинниками.

Однако этого показалось мало, и комиссия, чтобы «еще более усилить представительство в волостном собрании наиболее культурной части населения» сочла справедливым допустить к участию в волостном собрании «без выборов, со всеми правами гласных и сверх положенного по волости общего их числа, всех избирателей, владеющих полным земским цензом, не лишая при этом их права участия в первом избирательном собрании для выбора приходящегося на долю этого собрания числа гласных».

Учла комиссия и следующее обстоятельство: поскольку крупные владельцы земель и фабрик «не всегда будут в состоянии лично осуществлять свои права», то «для устранения этого неудобства» комиссия признала нужным предоставить право передачи голоса на самых широких основаниях (родственникам, управляющим, арендаторам).

Отказавшись выделить в особую курию владельцев до 1/10 полного ценза, комиссия оградила волостное собрание от лиц, «недостаточно связанных с волостью хозяйственными интересами, или даже вовсе им чуждых».

Следующим был вопрос о средствах волости и праве обложения. Здесь комиссия нашла, прежде всего, необходимым отнести часть расходов по содержанию волостного управления на средства казны на том основании, что волостные расходы настолько значительны, что раскладка их на все недвижимое имущество, если и приведет к уменьшению сборов с крестьян, то — с другой стороны — «отразится повышением обложения недвижимых имуществ тех сословий, на которые волостное обложение до настоящего времени не распространялось»; перенесение части волостных расходов на средства уездных земств вызовет повышение земского сбора и, значит, опять же обременит владельцев крупных недвижимых имуществ. Это — во-первых, а во-вторых, у волостных управлений преобладают, по мысли комиссии, обязанности не местного, а общегосударственного значения.

Как покрыть другую часть расходов по волостному управлению? Правое меньшинство комиссии, опасаясь, что самообложение при численном преобладании в волости крестьянских и вообще мелких хозяйств, легко превратится в «обложение малокультурным и некультурным большинством состоятельных людей», и считая это, пятое по счету, обложение весьма обременительным для среднего и крупного землевладения, высказалось за ограничение волостного собрания в праве самообложения кругом волостных расходов по содержанию волостного управления или на хозяйственные по-

требности, точно указанные в законе; все, что потребуется сверх этого, меньшинство ставило в зависимость от уездного земства.

Большинство особой комиссии, принимая во внимание выше охарактеризованное устройство представительства волости, а также правительственный надзор за действиями волости, не нашло нужным лишать бессловную волость права самообложения. Но поскольку облик будущего волостного собрания был не ясен и для большинства, последнее решило не предоставлять волостному управлению права оценки облагаемых недвижимостей и, в особенности, привлечения к обложению тех видов имущества, которые не облагаются земством.

В итоге волостной сбор был установлен в виде дополнительного к земскому (20% оклада земских — губернских и уездных — сборов). При этом комиссия особо подчеркнула «крайнюю важность» закрепить в законе принцип предельности волостного обложения «как требование, твердо установленное и недопускающее исключений».

Что касается исполнительных органов бессловной волости, то комиссия восстановила редакцию министерства, исправив ее в следующем: 1) чтобы сделать должность волостного старшины вполне приемлемой для «лучших людей из крестьян», а также для лиц «из других слоев населения, по имущественной обеспеченности, так и по своему общему развитию возвышающихся над крестьянской средой», комиссия уничтожила подчинение волостного старшины полицейской власти и освободила, придав ему в распоряжение сотских, от обязанности лично исполнять мелкие исполнительные действия; 2) волостному старшине, со стороны административных обязанностей, придавалось значение правительственного должностного лица, подчиняющегося всецело поставленной над ним административной власти, что предопределяло его место председателя волостного собрания и высшее заведование делами волости как единицы местного управления; 3) волостные управы, по мнению большинства, следовало образовывать только там, где хозяйство по своей сложности и обширности приближалось к земскому (меньшинство вообще отрицало целесообразность коллегиального органа).

Последним, из крупных, был вопрос о надзоре за деятельностью волостных установлений. Необходимость наблюдения местной административной власти за деятельностью волостных управлений вытекала, по мнению комиссии, из основной задачи волостного управления — «исполнение обязанностей, относящихся до государственного управления». Непосредственное наблюдение поручалось земскому начальнику и уездному съезду, в административном его присутствии. Высший надзор возлагался на губернское присутствие. При этом надзор должен был осуществляться в двух направлени-

ях: как за законностью постановлений, так и за их целесообразностью. Для этого земский начальник получал право останавливать все постановления волостного собрания в двухнедельный срок, а уездный съезд — право обязывать волостное собрание к действиям; кроме этого, важнейшие постановления волостного собрания должны были утверждаться уездным съездом, а земский начальник и предводитель дворянства, как председатель уездного съезда, получали право ревизии всех волостных установлений.¹⁶⁰

Итак, либеральное большинство особой комиссии сделало, казалось бы, все возможное, чтобы законопроект стал приемлем для правых. Тем не менее в заседании комиссии 21 апреля 1914 г. он был принят 14 голосами против 13 при 3 воздержавшихся. За проект голосовали девять членов центра, двое из правого центра, один из кружка внепартийного объединения и двое левых; последние особо мотивировали свое голосование: в принципе, они были за проект Думы. Воздержались два члена центра и внепартийный. Против были одиннадцать правых, один из кружка внепартийного объединения и лидер правого центра, мотивировавший свою позицию тем, что предоставляемое проектом право самообложения окажется «совершенно непосильным для переобремененной уже налогами земли, особенно ввиду несомненного значительного их повышения в случае выделения городов в самостоятельные единицы».¹⁶¹

Правое меньшинство в «Особом мнении»¹⁶² к докладу комиссии подвергло проект большинства комиссии резкой критике. Во-первых, крестьянство, по их мнению, «далеко еще не достигло нужной степени гражданской зрелости» и продолжает оставаться, в значительном своем большинстве, без того имущественного достатка, который «служит вообще залогом устойчивости гражданского и хозяйственного быта». Во-вторых, указывая на сокращение крупного и среднего землевладения, на упадок влияния на ход местной жизни «наиболее просвещенного и состоятельного класса», на ухудшение отношения крестьян к оставшимся на местах землевладельцам, меньшинство опасалось, что участие последних в делах волости будет встречено крестьянством враждебно, чем не замедлят воспользоваться представители «третьего элемента». Последствием аграрной реформы стало «разделение крестьянства на два противоположных лагеря, ... вследствие чего трудно ожидать согласованной работы в волостном управлении и представителей старых и новых форм крестьянского хозяйства». При современных условиях, заключало меньшинство, «личный состав проектированных большинством членов комиссии волостных собраний не обещает плодотворной деятельности преобразованного волостного управления», последнее в руках «непросвещенного и граждански незрелого большинства может превра-

тяться в орудие несправедливой эксплуатации более просвещенного и имущественно обеспеченного меньшинства». В-третьих, предполагаемая волость в административном отношении не будет, полагало меньшинство, лучше существующей; что касается земско-хозяйственной деятельности, то некоторые хозяйственные функции осуществляются и крестьянской волостью. Для широкой земско-хозяйственной деятельности нужны деньги, а «уделяя ничтожные суммы на земско-хозяйственную деятельность преобразуемого волостного управления, вводить в закон широковещательную программу этой деятельности и создавать для ее осуществления крайне сложную и громоздкую организацию волостного управления — значило бы впасть в непримиримое логическое противоречие и законодательствовать в области мечтаний».

Такова была точка зрения правого меньшинства комиссии и она не была случайной. В начале марта 1913 г., когда проект подкомиссии только еще начинал обсуждаться, собрался очередной, девятый съезд объединенного дворянства, который признал проект подкомиссии, поскольку он предусматривал бессловную волость, неприемлемым.¹⁶³ Правый член Гос.совета С. И. Зубчанинов под аплодисменты съезда сделал вывод для правых «верхней палаты»: «Нам следует ...устроить денежный вопрос, устранить недовольство массы населения. Это устроить, а весь проект зачеркнуть».¹⁶⁴

В начале 1913 г. возобновил свои атаки и Мещерский: проектируемая реформа даст «12 тысяч маленьких штатов, где будут главными деятелями самые бойкие представители третьего элемента, вроде тех молодцов, из-за которых пришлось разогнать первую Государственную думу»; законопроект отдает крестьянство «в безответственное и безграничное подчинение третьего элемента».¹⁶⁵

В то время, пока правые члены особой комиссии всячески затягивали дело, вне стен ее шла полным ходом подготовка необходимых условий для отклонения законопроекта в общем собрании «верхней палаты». Правительство приступило к пересмотру всего строя местного управления, что позволило правым Гос.совета выдвинуть еще один довод против реформы: намечаемое преобразование волостного строя «преждевременно и бесцельно», надо-де выждать завершения начатой правительством работы.

Один из важных аргументов сторонников реформы заключался в том, что волость, выполняя преимущественно общегосударственные обязанности, содержится на средства одного крестьянства. Но вот 11 марта 1914 г. царь рескриптом на имя председателя Совета министров возлагает на правительство составление законопроекта о принятии большей части расходов по содержанию волостного управления на средства казны.¹⁶⁶ Это не только

лишило сторонников всесословной волости одного из доводов, но и свидетельствовало о позиции верховной власти в этом споре.

Велось что-то вроде специальной обработки членов Гос.совета. 11 мая 1913 г. в Русском Собрании один из активнейших деятелей дворянских съездов, К. Ф. Головин, прочел доклад по вопросу о волостной реформе. 13 ноября отделение общего собрания Государственной канцелярии получило 113 экземпляров этого доклада для распределения среди членов «верхней палаты». «Бессознательное стремление к демократизму», утверждалось в докладе, это «игра с огнем»: ни крестьяне, в силу своей «некультурности», ни помещики, в силу своей малочисленности, руководителями в волости не станут; волость окажется в руках «третьего элемента», и «так наивно ласкавших до сих пор наемников земства гласных из помещиков постигнет заслуженная участь: они будут со срамом изгнаны из того самого земства, где были до этого времени господами». Этим не исчерпывалась перспектива, рисуемая Головиным: «Завладев волостью, а затем уездом, новые хозяева русского самоуправления не замедлят, конечно, попытаться оказать свое воздействие и на государственные выборы. Волость, сделавшись вотчиной третьего элемента, не преминет, конечно, стать готовой избирательной ячейкой и для членов Государственной думы. Правительство создает, таким образом, по всему лицу земли русской целую сеть революционных очагов, имеющих дать нам левую Думу».¹⁶⁷

В преддверии рассмотрения законопроекта в общем собрании Совет правой группы специальным письмом под грифом «секретно» просил каждого своего сочлена «не отлучаться из С.-Петербурга после 5 мая впредь до разрешения дела о всесословной волости.»¹⁶⁸

Наконец, 12 мая 1914 г. законопроект был поставлен на рассмотрение общего собрания. Группа центра сделала попытку спасти реформу, предложив отложить рассмотрение проекта до осени; это, по ее мнению, позволит членам Гос.совета «вполне ознакомиться и изучить законопроект» и они будут в состоянии внести поправки, «которые, может быть, сделают его приемлемым для большинства собрания». Дело-де в том, что «мелкому хуторскому землевладению и крестьянству он может принести большую пользу, но возрастут повинности, и он может лечь тяжелым бременем на более крупное землевладение. Является необходимость разрешить задачу так, чтобы обе стороны были удовлетворены».¹⁶⁹ Группа центра, таким образом, готова была идти на дальнейшие уступки правым. П. Н. Дурново выступил против откладывания, общее собрание поддержало его 83 голосами против 62.

Начались прения по основам законопроекта. Левая группа выступила за переход к постатейному рассмотрению проекта в надежде устранить его

недостатки путем поправок. Признавая необходимость преобразования волости как административной единицы, так и земско-хозяйственной, левые не видели финансовой возможности решить эти задачи параллельно. Выход они усматривали в создании одной организации, объединяющей обе функции, и из трех проектов наиболее подходящим им представлялся проект Думы. Принять последний значило, с точки зрения левых, «уступить вовремя неизбежному социальному прогрессу». Мелкая земская единица через совместную работу землевладельцев и крестьян умиротворит последних, уничтожит вражду и введет в состав волости недостающий ей «культурный элемент». М. М. Ковалевский подверг резкой критике позицию объединенного дворянства: в то время как пример Франции показывает, что свое значение можно сохранить не в качестве дворянского сословия, а в качестве богатых людей, «русское дворянство думает в узкой сословности найти основание для усиления своего влияния». Это — ошибка, ибо через 20 лет, кроме третьего элемента, будет и четвертый — «тот сельский пролетариат, который вами самими отчасти создан, благодаря закону 9 ноября. Этот пролетариат все более будет проникаться сознанием своего классового характера» и через 20 лет он будет столь же хорошо понимать свое положение и свои задачи, как современный городской рабочий. Перед такой перспективой, разумеется, надо объединяться на широкой основе частной собственности, а не замыкаться в узкой сословной скорлупе, чтобы иметь возможность противостоять этому пролетариату. Но вопрос о судьбе дворянства не был для левых Гос.совета важным; для них было совершенно ясно, что дворянство как особое сословие далее существовать не может, не поднимая на воздух вместе с собой и других. Главным было крестьянство, и принятием думского законопроекта они надеялись оградить деревню от «развала», создать «новое русло», по которому и пустить крестьянскую жизнь в надежде, что она «войдет в берега и пойдет правильным ходом».¹⁷⁰

За постатейное рассмотрение законопроекта выступила и группа центра. В отличие от левой, она была принципиально против думского проекта. Главным для центра были поиски путей сохранения господствующего положения дворянства. Отличие тут от правых в том, что группе центра спасение виделось не в обособлении, а в контакте с крестьянской массой; правда, она более боялась, нежели верила, но все же хотела верить в возможность занять место крестьянских руководителей. «Неблагоустроенное положение нашей низшей административно-хозяйственной единицы, — утверждал А. Д. Зиновьев, — совершенно невозможно»: кооперативные организации помогают «третьему элементу» стать «темною силою», в кооперативах «может начаться именно та подпольная разрушительная работа, которая пред-

ставляет такую опасность для государства. Новая организованная волость поэтому необходима не только по административно-хозяйственным соображениям, но и по мотивам государственной осторожности». Меньшинство особой комиссии, по мнению Зиновьева, неверно оценивает крестьянство (оно за последние 30 лет изменилось к лучшему: стало богаче, развитее) и преувеличивает вражду к помещикам и хуторянам.¹⁷¹

Д. А. Олсуфьев, как раз по этому вопросу разошедшийся с правыми, убеждал, полагая патриархальный строй деревни ушедшим в вечность, что для предотвращения «хаоса и анархии толпы» необходимы новые формы жизни. Не либеральные затеи, а политический интерес дворянства требует контакта с крестьянством, ибо только «в условиях дружной соседской работы дворянство возвратит утраченное им влияние в деревне».¹⁷²

Торгово-промышленная подгруппа центра, в лице Н. Ф. фон Дитмара, выступила с критикой законопроекта большинства особой комиссии: не предоставляя промышленности места в управлении новой волостью, законопроект использует (и очень!) ее в качестве источника местных средств. Тем не менее, несмотря на эту «жесточайшую несправедливость в отношении промышленности», подгруппа — за переход к постатейному чтению, поскольку законопроект «нужен России».¹⁷³

Своеобразным, совершенно особо стоящим защитником мелкой земской единицы был вышедший из группы правых В. И. Гурко. Считая одной из причин погромов 1905 г. сословную замкнутость и обособленность, отчужденность друг от друга отдельных слоев сельского населения, он видел во всесословной волости «последний буюк спасения», средство слияния, способ установления «тесных отношений среднего поместного дворянства с крестьянством». Без всесословной волости среднее землевладение, эта наиболее, по мнению Гурко, «культурная и наиболее дорогая для местных наших польз и нужд часть поместного дворянства», неминуемо погибнет, ибо оно «слишком отчуждено, слишком лишено какой бы то ни было помощи в своих ежедневных хозяйственных потребностях». Возражая Дурново, он говорил: «Господа, мы (т. е. правые. — А.Б.) многих до сих пор подозревали, чуть ли не все нами взяты под подозрение. Взят нами под подозрение третий элемент, взята интеллигенция под подозрение, взяты и земства под подозрение. Но еще народа русского мы до сих пор под подозрение не брали. Сейчас мы и этот элемент притянули в качестве подозреваемого. Куда же идти дальше? И зачем мы существуем, если все подозреваются, и нельзя ли в таком случае обернуться и сказать: «Да не мы ли подозрительны?»»¹⁷⁴

Большая часть правого центра не принимала ни проект особой комиссии, ни думский; первый как совершенно искажающий идею мелкой земс-

кой единицы, второй как переобременяющий землю. Нейдгарт боялся, что мелкая земская единица принесет «земской идее — урон, а земскому плательщику — разор». Волостное земство принималось только с одновременной ликвидацией губернского. Сейчас же, высказываясь за отклонение законопроекта, предлагал подождать «того времени, когда нам представят законопроект о реформе всего земского управления».¹⁷⁵

Меньшинство правого центра придерживалось точки зрения центра. Ф. А. Уварову мелкая всеобщая единица представлялась «совершенно необходимой как единственное средство приближения земства к населению и как подсобный земский орган»; необходима она, по мнению Уварова, и «с общеполитической точки зрения, дабы взять в свои руки под определенным и в проекте указанным контролем те, хотя и мелкие, но весьма серьезные и разнообразные функции, шаг за шагом ... в нежелательном направлении переходящие от уездных земств, не могущих за всеми своими организациями уследить, к самым разнообразным, хотя и полезным, но не всегда с земством органически связанным и мало подлежащим какому-либо учету кооперативным учреждениям». Откладывать решение вопроса далее, по мнению Уварова, невозможно. «Когда еще сильнее поредеет помещичье дворянство или когда совершенно растает крупное землевладение, — говорил он, — тогда ведь мы это дело совершенно выпустим из рук, тогда как теперь это станет нашим делом, каким является ныне и земское дело».¹⁷⁶

Правые на этот раз выставили всю свою «тяжелую артиллерию»: А. С. Стишинского, А. П. Струкова, Дурново, В. И. Карпова, Нарышкина, графа А. А. Бобринского и др. Первый охарактеризовал проект большинства особой комиссии как «отвлеченную, кабинетную работу, задуманную для какого-то неизвестного государства». Указав далее на незавершенность аграрной реформы и отсутствие, вследствие этого, в волости «прочно осевших на земле, самостоятельных и достаточно умственно развитых людей» и на более быстрый, чем развитие благосостояния, рост земского обложения, заключил: «Законопроект большинства особой комиссии составлен без достаточного соображения с современными условиями России». Дурново, как всегда, обнажил суть проблемы: «Новый закон передает все дело местного управления и хозяйства в руки крестьян, — тех самых крестьян, которые только 8 лет тому назад грабили и жгли землевладельцев и которые до настоящего времени хранят в себе земельные владения за счет помещиков. Подавляющее большинство неразвитых и несостоятельных людей в новых волостных учреждениях будет стремиться перенести бремя расходов на более состоятельное меньшинство. Отсюда, прежде всего, последует потрясение едва-едва приходящих в порядок расшатанных грабежами и поджогами

1905—1906 гг. экономических отношений. Поэтому я нахожу, что рискованно создавать самоуправляющиеся единицы, смешивая в них большое число людей неимущих с весьма малым числом имущих, совершенно различных по воспитанию, образу жизни и обычаям и, наконец, самое главное, когда все помыслы неимущих направлены к отобранию земли у имущих». Граф Бобринский говорил от имени объединенного дворянства, доказывая, что оно — «крупнейшая интеллигентная экономическая сила», не считаться с которой невозможно, и, коль сила эта выступает против законопроекта, то, очевидно, так и должно быть.¹⁷⁷

20 мая 1914 г. общее собрание 77 голосами против 72 отклонило законопроект.¹⁷⁸ Положение можно было спасти голосами членов правительства (в мае 1914 г. министров-членов «верхней палаты» было 13), однако министерская ложа пустовала.

Гос. совет и попытки реформировать народное образование

Интересы развития капиталистического хозяйства и военного дела, а также активное участие учащейся молодежи в революционных событиях 1905—1906 гг. побудили Столыпина наметить ряд мер в области народного образования.¹⁷⁹ Однако и здесь он встретил в лице правых принципиальных противников.

Школьная политика правительства затрагивалась в той или иной степени уже на первых съездах объединенного дворянства; на VI съезде в марте 1910 г. вопрос обсуждался специально. Подвергнув резкой критике как учебные программы, так и преподавательский состав начальной школы, съезд признал: «Размножать такие школы, как то предполагается в правительственном законопроекте, без коренного исправления их, было бы для государства не пользою, а прямою опасностью».¹⁸⁰ «Школа, — заявил А. А. Римский-Корсаков, — должна быть руководима в интересах государства дворянством и только одно дворянство, в лице лучших его представителей, и обеспечивает нам то, что школа получает правильное направление. Это не есть привилегия, а есть государственная необходимость и всеми мерами нужно стараться, чтобы этот порядок был оставлен».¹⁸¹ Съезд сформировал специальную комиссию по народному образованию с задачей изучить намечаемые правительством преобразования и подготовить доклады для следующего, седьмого, съезда.

Последний, обсудив доклады комиссии и заключения по ним Постоянного совета, высказал, в частности, относительно низшей школы, сле-

дующее: 1) основной задачей народной школы должно быть «религиозно-нравственное, патриотическое и национальное воспитание детей», 2) в составе училищных советов назначаемые члены численно должны преобладать над выборными; 3) право надзора над народной школой следует сохранить за дворянством; 4) «светская школа не имеет никакого права посягать на существование школы церковной»; 5) «школа должна быть прежде всего русской и обучение должно вестись на русском языке»; 6) в учебной программе прикладные предметы должны преобладать над общеобразовательными; 7) подготовка учителей должна быть основана на тех же «религиозно-нравственных и патриотических началах».¹⁸² Эти положения и определили позицию правого крыла Гос.совета при обсуждении законопроектов по начальному образованию.

Законопроект о введении всеобщего начального образования¹⁸³ был представлен в Думу 1 ноября 1907 г., которая передала его 8 января 1908 г. в комиссию по народному образованию, а эта — в свою очередь — особому совещанию по вопросам введения всеобщего обучения. Последнее, не считая возможным обсуждать введение всеобщего начального образования прежде решения вопросов по устройству и управлению начальной школы, приступило к разработке вопроса о всеобщем обучении во всем объеме. В итоге думских работ законопроект о введении всеобщего начального образования превратился в законопроект об отпуске необходимых на это средств. Исходя из принципа единства школьного управления, проведенного ею в ранее этого одобренном проекте «Положения о начальных училищах», Дума предусмотрела фиксацию кредитов на 10 лет на все начальные школы империи министерству народного просвещения.

На повестку общего собрания Гос.совета законопроект был поставлен в мае 1911 г., но тут же его возвратили в особую комиссию: характер финансирования (фиксация крупных ассигнований для целого ряда лет) и взаимоотношения министерских и синодских школ как в проекте Думы, так и в проекте особой комиссии Гос.совета возбудили сомнения «второй палаты». Однако и к январю 1912 г. комиссия не смогла ликвидировать разногласия. Вниманию общего собрания были предложены мнения большинства и меньшинства и особое мнение И. П. Шипова с согласованной с ним поправкой крайне правых.

Намерение Думы ликвидировать церковно-приходские школы через подчинение их МНП было неприемлемым для подавляющего большинства «второй палаты». Однако большинство особой комиссии, считая всеобщее начальное обучение чрезвычайно важным и крайне необходимым и опасаясь, что в корне переделанный проект не получит одобрения Думы, находило

возможным, оставляя вопрос о церковно-приходских школах открытым, зафиксировать кредиты министерским школам на 10 лет в сумме 550 млн. рублей (начиная с 10 млн. рублей и доводя, в 1922 г., до 100 млн. рублей в год). Церковно-приходские школы предполагалось обеспечить или обычным порядком, на основании представления Синода, или разработкой специального законопроекта о фиксации кредитов для синодских школ.

Проект меньшинства комиссии закреплял кредиты в равной мере и на одинаковых началах как за министерскими школами, так и за церковно-приходскими.

Особое мнение Шипова сводилось к отклонению законопроекта по финансовым соображениям: следует-де вернуться к общему порядку испрашивания кредитов по сметам каждого отдельного года, ибо фиксация угрожает бюджетному равновесию. С мнением Шипова согласовали свою поправку П. Н. Дурново, В. И. Карпов и А. С. Стишинский: кредиты на всеобщее обучение не фиксировать, отпустить испрашиваемые суммы в сметном порядке.

Таким образом, думский проект поднимал в Гос.совете два принципиальных вопроса — о фиксации кредитов и о церковно-приходских школах. В данном случае вопрос о фиксации кредитов был тесно связан с вопросом вторым, и Стишинский от имени правых заявил, что если их поправка не пройдет, то они, правые, будут голосовать за редакцию меньшинства комиссии. Однако вопрос этот имел и вполне самостоятельное значение: если фиксация кредитов ставила на прочную финансовую основу то или иное начинание (на этот раз начальное образование), то — с другой стороны — связывала руки правительству, уменьшая возможности маневрирования, ибо закреплялись как суммы, так и объект расхода. Как раз последнего-то и хотели избежать правые. Весьма трезво оценивая и внутреннее, и международное положение империи, они не рисовали себе иллюзий: грядущее представлялось им грозным, необходимо было иметь определенный запас силы и средств, крайне важно было обеспечить за собой и свободу маневрирования в области финансов. Обычно редко и мало говоривший Дурново на этот раз поднимался на трибуну дважды, доказывая обременительность новых расходов для земства и необходимость иных расходов на случай внешних и внутренних осложнений.¹⁸⁴ Неудобной, опасной и ненужной представлялась фиксация кредитов и другим правым.¹⁸⁵

Однако в этом вопросе правые оставались в меньшинстве (56 против 101). Некоторые, как С. Ю. Витте, полагали, что данная фиксация — «фиксация грошей» — вещь не опасная, а увеличение земских расходов, в условиях роста цен на землю и арендных цен, не страшно.¹⁸⁶ Другие считали

возможным поступиться некоторыми чисто бюджетными соображениями ради успеха предпринимаемой меры. Председатель Совета министров и министр финансов В. Н. Коковцов, характеризуя точку зрения Шипова как чисто бюджетную, уверял собрание, что *эта* фиксация бюджетного равновесия не подорвет: «Нет другого вопроса в государственной жизни, — говорил он, — в котором бюджетные интересы должны быть ...подчинены интересам самой природы дела, как именно в вопросе о начальном образовании», и полагал, что ежегодные ассигнования в сметном порядке «не дадут школе той твердости, без которой это дело не может быть ведено».¹⁸⁷

Точку зрения центра выразил П. М. фон Кауфман, бывший министр народного просвещения, для которого необходимость данной фиксации была совершенно бесспорной вследствие важности и значимости предполагаемой меры. Да, говорил он, Дурново прав, полагая, что первым условием для развития народа и страны является уверенность в своей безопасности, но — спрашивал он правых — «исчерпываются ли средства обороны народа от внешнего, да и от внутреннего врага и насильника войском, флотом и крепостями? Полагаю, что нет. Обороню служит и культурность народа». Законопроект не плод кабинетных размышлений: правительство его разработало, когда «стало очевидно, что в массу населения проникло и в нем укрепилось сознание жизненной необходимости школы». С этим стихийным стремлением народа к образованию не считаться нельзя. «Правительство не успевает теперь удовлетворять требований населения на школы. Рядом с развитием школьных сетей развивается так называемое тайное обучение. Явление это не только нежелательное, но как не поддающееся надзору, опасное». «Существует огромная разница, — цитировал оратор иностранного авторитета, — между поспешными уступками, сделанными под влиянием опасной агитации, и теми предусмотрительными мерами, которые имеют в виду регулировать народное движение». Такой предусмотрительной мерой и представлялась группе центра открытая для всех начальная школа — средство борьбы с подпольным и бесконтрольным обучением и «первая ступень для профессионального», без которого немислим экономический подъем населения.¹⁸⁸ Поэтому фиксация кредитов, гарантируя с финансовой стороны успех дела, была, с точки зрения центра, не просто приемлемой, но и весьма желательной.

Что касается вопроса о церковно-приходских школах, то, несомненно, он был главным и не только в этом законопроекте, ибо касался существа всей политики в области начального образования. «Ведь, в сущности, идет вопрос не о школах, не об организации их, — справедливо указывал епископ Никон, — идет вопрос о несравненно более важном, о том, в каком ми-

ропонимании и мирозерцании воспитывать будущие поколения масс народных и, следовательно, в каком направлении желательно будущее течение всей жизни русского народа, всей будущей русской истории».¹⁸⁹

Для правых та часть законопроекта, которая касалась церковно-приходской школы, имела, по словам Стишинского, «первостепенное значение». Цель их заключалась в том, чтобы сохранить церковно-приходскую школу как совершенно самостоятельную, независимую от министерства народного просвещения, как орудие господствующей православной церкви. В церковной школе они видели средство против «озверения народа» и забвения им самых «элементарных правил христианской нравственности». Епископ Никон анализировал опыт революции 1905 г. (из 50 000 учащихся в церковно-приходских школах в революции участвовало 100—150 человек, в министерской же более 22 тыс. административно сосланных) и выводил: нельзя допускать «этой экспроприации школы у церкви». В решении Думы правые и видели стремление подорвать авторитет православной церкви, уменьшить ее права, усматривали тут и посягательства на русскую государственность, ибо православная церковь «в течение тысячелетия ...была в духовном единении с русской государственной властью». И не только проект Думы, но и предложения большинства особой комиссии Гос.совета были неприемлемы для правых уже тем, что, ставя министерскую школу на твердое финансовое основание, предоставляли церковно-приходскую школу собственной ее судьбе. В соревновании с лучше обеспеченной школой министерства (более высокое жалование, периодические прибавки и т. п.) последняя постепенно захирела бы. Поэтому-то обер-прокурор Синода и говорил, что «без фиксации школа церковная была бы поставлена в положение весьма непрочное, весьма шаткое».¹⁹⁰ Надеяться на особый законопроект о закреплении средств на церковно-приходские школы также не приходилось.¹⁹¹

Проект меньшинства особой комиссии вполне удовлетворительно решал эту задачу, связывая закрепление кредитов на министерскую школу с обязательной фиксацией средств Синоду на церковно-приходские школы. В любом случае правые выигрывали: если Дума не согласится на последнее, то падет законопроект в целом; если же Дума захочет обеспечить развитие школ министерства, то заодно она должна будет обеспечить и будущее школ синодских.

За проект меньшинства комиссии высказался и правый центр, и большинство центра. Для последнего, кроме того, что решение Думы представлялось чересчур радикальным, имело значение еще и то обстоятельство, что думский принцип единства школьного управления был выражен не в действующем законе, а в проекте Думы о начальных училищах, который еще

не рассматривался Гос.советом; предрешать же столь кардинальный вопрос в ином законопроекте, мимоходом было вовсе не в правилах щепетильных юристов центра.

Ярым сторонником школ Синода заявил себя Витте, по мнению которого «было бы величайшей неблагодарностью и громадной политической ошибкой устранять православную церковь от самостоятельной роли в народном обучении». А при вторичном рассмотрении законопроекта, в июне 1912 г., он не считал возможным подать голос за всеобщее обучение, коли законопроект «отрицает или ставит в полную неопределенность церковно-приходские школы». ¹⁹²

Настойчивую попытку провести законопроект через Гос.совет сделал председатель Совета министров Коковцов: 20 ноября 1911 г. он организовал у себя совещание (присутствовало около 20 человек, однако членов Гос.совета не было) и просил присутствующих найти какие-либо пункты соглашения с членами Гос.совета, чтобы обеспечить прохождение законопроекта в «верхней палате»; 30 ноября он приехал в заседание особой комиссии Гос.совета и произнес большую речь, предложив вопрос о церковно-приходских поставить особо, выделив их в особый законопроект. Его речь в общем собрании вызвала громкое «браво» значительного числа членов Совета.

Тем не менее за редакцию большинства особой комиссии высказались левые да некоторые из кружка внепартийного объединения. В итоге законопроект был принят в редакции меньшинства комиссии 136 голосами против 19. «Новое Время» связывало это с «общим отрицательным отношением» правых Гос.совета к Думе и «кабинету В. Н. Коковцова, являющемуся продолжателем прежней политики покойного П. А. Столыпина». ¹⁹³ В борьбе с правыми Коковцов был бессилён, даже члены его «кабинета» позволяли себе публичную оппозицию «премьеру». ¹⁹⁴

В согласительной комиссии к общему решению не пришли, Дума не согласилась с сохранением самостоятельных синодских школ, и судьба законопроекта решалась в общем собрании Гос.совета 5 июня 1912 г. Правые мобилизовали все свои силы. Совет группы предупредил, чтобы никто из членов группы не уезжал из Петербурга ранее рассмотрения этого дела, а отсутствовавших просил «непременно» приехать, «дабы принять участие в окончательном голосовании, от результатов которого зависит судьба церковно-приходских школ». 29 мая всем отсутствовавшим были посланы от имени Дурново телеграммы с просьбой «прибыть Петербург четвертого утром. Каждый голос имеет решающее значение». ¹⁹⁵

Напряжённую атмосферу заседания передаёт дневник графа С. Д. Шереметева: «Полно и нервно. Настроение тревожное у правых. У многих на-

дежды, что отстоим церк[овную] школу. Речи Витте, Саблера и особенно Пр. Никона скорее способствовали усилению раздражительности. Особенно опасаясь всегда Никона, всегда бестактного и истеричного. Возражали помело Стахович и с аффектацией М. Ковалевский. Но к удивлению, голосование дало нам полную победу. ...Законопроект думский пал! Приятное чувство, что приехал не даром».¹⁹⁶

Вторично одобренный Думой законопроект был отклонен большинством 91 против 51.

* * *

Поступивший 27 апреля 1911 г. из Думы законопроект о начальном образовании имел в виду уже существо дела: здесь речь шла о том, какой быть школе, чему она должна учить.

Особая комиссия по делу о введении всеобщего обучения, куда был передан и этот законопроект, рассматривала его с 26 октября 1911 г. по 22 февраля 1912 г. Думский проект был переработан коренным образом: из 127 его статей не были затронуты только 8. Прежде всего, особая комиссия решила не распространять действия разрабатываемого закона на церковно-приходские школы, дабы сохранить их «самостоятельность и самобытность». Одно из основных начал думского проекта — единство школьного законодательства и управления — было отвергнуто.

Другим, достаточно последовательно проведенным в думском проекте началом, была мысль о широком участии в школьном деле земств и городов. Однако изменения в соответствующих статьях, произведенные комиссией, скорее свидетельствуют о противоположном — о недоверии как к органам самоуправления, так и к частным учреждениям и лицам. Так, статью о праве учреждения и содержания училищ комиссия нашла «более целесообразным» изложить «в общих выражениях, объемлющих все разряды учреждений, установлений, обществ, товариществ и лиц, которым предполагается предоставить право открывать и содержать училища». «В случае каких-либо недоразумений на практике» сенат должен был разъяснять, кто может пользоваться этим правом.

Изменила комиссия и правило о порядке открытия училищ лицами и обществами. Дума предполагала ввести смешанный, разрешительно-явочный порядок: если частное лицо (или общество) не получало в двухмесячный срок от училищного совета ответа, оно могло открывать без разрешения. Особая комиссия нашла необходимым сохранить «действующий ныне разрешительный порядок».

Незначительной, но характерной правке подверглись и статьи о препо-

давателях: исключалось указание на то, что законоучители и преподаватели закона божьего допускаются к исполнению своих обязанностей до их утверждения в должности училищным советом; вводилось в виде общего правила требование о принадлежности учителей к православному исповеданию; тем учредителям и содержателям, которым предоставлено право открывать училища явочным порядком и которым может быть оказано доверие и в вопросе о признании преподавателей негодными к исполнению их обязанностей, — таким учредителям и содержателям присваивалось право временно устранять преподавателей от исполнения обязанностей с немедленным доведением об этом до сведения училищного совета.

Находя полномочия директоров и инспекторов начальных училищ по проекту Думы «чрезвычайно ограниченными», комиссия сочла необходимым поручить им не только надзор за ходом обучения, но и руководство последним.

Большое внимание уделила комиссия статьям, касающимся училищных советов. Руководство учебно-воспитательной частью комиссия решила возложить не на них, а на директоров и инспекторов. Годовые отчеты и вообще все делопроизводство в этих советах поручалось инспекторам. Затем в проекте был восстановлен существующий порядок: председательство в училищных советах должно было оставаться за предводителем дворянства и городским головой; выборы председателей допускались лишь там, где не было дворянского представительства или где предводитель (или городской голова) не мог председательствовать по своему вероисповеданию. Комиссия высказалась против включения в состав совета врача и представителя преподавателей. Представитель православной церкви должен был назначаться, а не избираться епархиальным съездом духовенства, как то наметила Дума. Обязательно включались в состав училищных советов (уездных и городских) представители МВД и казачьего войска. Члены губернского, уездного и городского училищных советов должны были утверждаться начальником губернии. Сохранялись действующие правила, согласно которым предводитель дворянства имел «право удостоверяться в нравственных качествах преподавателей начальных училищ и в полезном влиянии их на учащих», а губернатору принадлежало «общее наблюдение за ходом и направлением начального обучения в губернии». И, наконец, обжалование постановлений училищных советов должно было следовать не сенату, а МНП.

Не согласилась комиссия с Думой и в вопросе о попечительстве. Институт попечителей и попечительниц народных училищ должен был сохраниться «на существующих ныне основаниях», т. е. они должны были избираться

содержателями с последующим утверждением училищным советом. Комиссия наша лишним требовать обязательного учреждения попечительств, отдав решение вопроса на усмотрение содержателей. Намеченный Думой их состав также не удовлетворил особую комиссию: она высказалась против избрания членов попечительств от родителей; председатель же должен избираться из единоличных попечителей.

Пересмотрела особая комиссия и думский перечень предметов преподавания. Она вычеркнула из него «обществоведение», находя само понятие неопределенным и неустановленным. Зато пение как средство «пробуждения и развития религиозного чувства» было отнесено к числу обязательных предметов. Преподавание местного языка ставилось в зависимость от училищного совета. Право последнего разрешать преподавание закона божьего инославного исповедания обуславливалось предварительным соглашением с губернатором (дабы «решить вопрос с точки зрения государственных интересов»). Наконец, комиссия не признала за содержателями училищ и училищными советами права разрабатывать программы основных предметов учебного курса, сохраняя его за министерством просвещения.

Разошлась комиссия с Думой и в вопросе о языке преподавания, исключив правила об училищах с родным языком преподавания и сократив с 2 лет до 1 года срок преподавания на родном языке там, где дети, поступая в училище, не знают русского языка. Не нашла комиссия возможным сохранить существующие правила о пользовании немецким, польским, литовским, латышским и эстонским языками в Варшавском и Рижском учебных округах, а также в губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской.¹⁹⁷

Таким образом, особая комиссия Гос.совета сделала все, чтобы вооружить правительственную власть всеми необходимыми средствами не только для надзора за школами, но и для руководства делом начального обучения. Идея широкой самостоятельности органов общественного самоуправления в школьном деле оказалась совершенно неприемлемой.

В общем собрании (март — апрель 1912 г.) проект комиссии встретил критику лишь со стороны левой группы. В. П. Энгельгардт, указывая на недоверие к местному самоуправлению и нетерпимость к местным языкам, красной нитью, по его словам, проходящие через доклад комиссии, заявил о неприемлемости для группы проекта комиссии в целом. В конце прений, когда все поправки левых были отклонены, А. В. Васильев от имени группы высказался за отклонение законопроекта, находя его кодификационным по характеру и почти не содержащим «новых благотворных для дела народного образования постановлений, а потому излишним».¹⁹⁸

В группе центра проект комиссии также многих не удовлетворял, однако они надеялись выправить дело поправками. Активно и горячо выступили против предложений комиссии по вопросам о преподавании местных языков и о языке преподавания представители польских и прибалтийских губерний. Поддержанные некоторыми русскими членами центра, они требовали включить местные языки в число обязательных предметов. Правый центр и часть правых возражали, отстаивая редакцию комиссии. Компромиссное решение предложил Стишинский: действующие постановления о преподавании местных языков в некоторых местностях империи остаются в силе, но не распространяются на другие нерусские языки. Оно и было принято общим собранием.¹⁹⁹

По вопросу о языке преподавания в особой комиссии было, кроме мнения большинства, еще и мнение ее меньшинства, предлагавшего разрешить пользоваться родным языком в течение всего курса одноклассной начальной школы. Группа центра и выступила в поддержку этого, указывая на то, что «без правильно поставленного народного образования не может быть и речи об экономическом развитии страны и культурном совершенствовании народонаселения», что «истинный консерватизм не может силою закона лишать кого бы то ни было религии, национальной культуры, родного языка».²⁰⁰

Однако правые думали иначе. «Дело не в языке преподавания, а в том, кто будет преподавать в школе, — разъяснял протоиерей Т. И. Буткевич. — Предоставляя право обучения на местном наречии всем предметам школьного образования в окраинных школах, мы этим ее уже зафиксировали навсегда, она уже к русской государственности не будет иметь никакого отношения. Учитель-поляк, инспектор-поляк, и тот, и другой знают, чему научить; он не будет учить своих школьников только склонению и спряжению слов, а научит их держать голову прямо, посматривая «от моря — до моря».» Стишинский призвал Гос.совет «вернуть утраченные позиции и водрузить на вновь создаваемом здании государственной начальной школы русское государственное знамя — признанием языком преподавания в этой школе повсеместно, во всей России, русского государственного языка».²⁰¹

Общее собрание и по этому вопросу одобрило компромиссное решение: преподавание должно было вестись на русском языке, родной же язык признавался как подсобный. Все остальные статьи законопроекта прошли в редакции особой комиссии Гос.совета.

Была еще одна точка зрения на задачи начальной школы — светлейшего князя А. А. Ливена, члена кружка внепартийного объединения, поддержать

которого в общем собрании Гос.совета решились немногие. Князь предлагал «приостановиться рассмотрением» законопроекта, возвратив его в комиссию. Полагая, что «главное значение школы для государства лежит в ее задачах воспитания характеров и привычек нравственного поведения», он находил, что школа, построенная на началах проекта особой комиссией, не решает воспитательной задачи, что эта школа лишь обучит грамоте, но не научит пользоваться ею «по правилам нравственных законов» и, следовательно, отдаст воспитанников «в руки дешевой ежедневной политической прессы, а эта пресса выражает вожелания людей, алчущих давать пищу читателям, которые фатально настроены видеть зло в бедных, неудовлетворительных условиях «низов» жизни. Эта пресса вызывает ежедневно к порывам критики и к взрывам негодования и ненависти к верхам жизни». Он не разделял уверенности правых,²⁰² что предполагаемую начальную школу удастся удержать в своих руках, ибо «невежественная до дикости» среда деревенской жизни, «бытовые условия» задушат школу: «несчастные преподаватели будут бессильны направить умы учеников к достижению нравственных целей и образованию их характеров». С другой стороны, и учителя вызывали у Ливена тревогу: «Одного происхождения, в большинстве случаев, с жителями деревень, в серых условиях деревенской жизни, недовольные бедностью своей жизни и находя выход из нее только в чтении газет и журналов, приобщающих их к общественной жизни государства, они более чем часто примыкают к кругам ропщущих на несовершенство общественного строя, допускающего неравенства материальные и психические». В этих условиях, утверждал Ливен, школа неминуемо станет «угрозой грядущим дням государственной жизни». Поэтому следует, полагал князь, во-первых, «не спешить искусственно и насильно повсеместным открытием возможно большего количества школ, ожидая постепенного отрезвления народа от привившихся к нему привычек разгула и разврата» (тут он возлагал большие надежды на судебную реформу, ибо суд «в условиях неупорядоченной жизни» — лучшее воспитательное средство, чем школа: «понятие о добре и зле, о том, что допустимо в жизни и что в ней допустимо быть не может, — ежедневным опытом будет внедряться в сознание населения»). А во-вторых, не вводить ныне обязательное обучение, а подчинить школу «более тесному и более постоянному надзору попечительства и приходских священников, возложить на них обязанность не только наблюдать за воспитанием детей в школе, но и иметь надзор за поведением детей и родителей, в отношениях к детям, вне школы, в домашнем их быту».²⁰³

Общее собрание отклонило предложение Ливена, выразив, однако, в

мотивированной формуле перехода к постатейному чтению пожелание, чтобы «министерство народного просвещения приняло меры к повышению и усовершенствованию воспитательной стороны в начальных школах в точном соответствии с указаниями ст. 1 Положения о начальных училищах, изложенного в настоящем законопроекте».²⁰⁴

* * *

Законопроектом о высших начальных училищах МНП предполагало преобразовать городские училища по Положению 1872 г. (превратившиеся к 1912 г. из шестиклассных в четырехклассные) в высшие начальные училища. Цель заключалась в том, чтобы создать возможность закончить начальное образование: окончившие их должны были усвоить «основы умственного и религиозно-нравственного воспитания» и получить известное количество практических сведений. Основные изменения сводились к следующему: вводился целый ряд дополнительных курсов; наряду с мужскими создавались и женские (последние должны были, по мысли инициаторов, стать желаемой альтернативой высшему женскому образованию); учреждались попечительные советы для привлечения к начальному образованию общественных сил.

Дума, задаваясь целью установить преемственность между начальным и средним образованием, предоставила учащимся высших начальных училищ право переходить в соответствующие классы общеобразовательных средних учебных заведений (ст. 47 проекта); окончившим училища — в пятый класс без общего приемного экзамена, со сдачей лишь дополнительного испытания по тем иностранным и древним языкам, которые изучаются в данном среднем учебном заведении. Затем Дума произвела в проекте ряд изменений в развитие указа 17 апреля 1905 г., повысила оклады, ослабила несколько правительственный надзор за деятельностью училищ и усилила роль общественных сил.

Особая комиссия Гос.совета, одобряя в целом намечаемое преобразование, произвела в думском проекте ряд существенных исправлений. Прежде всего, комиссия «нашла нужным с особым вниманием остановиться» на намерении Думы ввести в устройство народного образования начало единства школы. Не признав целесообразной «такую постановку народного образования», комиссия сочла необходимым «сохранить и в будущем обособленное положение начального образования, не исключая и высших его ступеней, и не связывать его в одно целое с среднюю школою».

Далее, исключив указание на обязательность преподавания иноверных учений (если даже учащихся этого исповедания более половины), комиссия

высказалась и против установления штатных должностей для законоучителей иноверных исповеданий. Допуская преподавание закона божьего инославного исповедания на родном языке учащихся, комиссия потребовала преподавания всех остальных предметов на русском языке.

Затем комиссия восстановила правительственное предположение о предоставлении попечителю учебного округа права утверждать членов попечительного совета. Предусмотренное Думой право родителей избирать четырех членов попечительного совета комиссия отвергла: «Нельзя не иметь в виду, что в названных училищах будут обучаться, по преимуществу, дети лиц, принадлежащих к весьма еще некультурной среде, и что едва ли целесообразно и даже осторожно предоставлять сим лицам участие в разрешении всех вопросов, относящихся к ведению попечительных советов».

При училищах, содержимых за казенный счет, комиссия не нашла возможным обязательное учреждение попечительных советов, а «полагала более целесообразным предоставить разрешение этого вопроса в каждом отдельном случае министру народного просвещения на основании представления надлежащего попечителя округа».

Примечанием к ст. 3 Дума обязала попечителя учебного округа мотивировать отказ ходатайствующему в открытии высшего начального училища. Комиссия исключила это примечание: есть-де право обжалования. Право попечителей и директоров надзирать за высшими начальными училищами распространялось комиссией и на инспекторов народных училищ.²⁰⁵

Общее собрание (28 и 30 апреля 1912 г.) одобрило проект особой комиссии. Попытка левой группы отстоять установленную Думой преемственность между начальным и средним образованием оказалась неудачной: большинство «второй палаты» боялось, что курс высших начальных училищ будет приспособляться к требованиям средней школы, училища превратятся в прогимназии и начальное образование потеряет свой законченный характер; нежелательным представлялось и неизбежное понижение уровня знаний выпускников гимназий. Товарищ министра народного просвещения барон М. А. Таубе полностью солидаризировался с точкой зрения особой комиссии, находя вопрос преемственности недостаточно еще назревшим.²⁰⁶

Только в вопросе о языке преподавания большинство Гос.совета не поддержало особую комиссию, которая исключила предложение Думы о сохранении в силе действующих постановлений о преподавании местных языков. Общее собрание приняло поправку П. П. Извольского, предложившего дополнить ст. 11 проекта примечанием Стишинского к ст. 9 Положения о начальных училищах: «Действовавшие до обнародования настоящего закона

постановления о преподавании местных языков в начальных училищах сохраняются в силе».²⁰⁷

Таким образом, попытка реформировать начальное образование в соответствии с нуждами буржуазного развития страны разбились о всесилие правых, стремящихся сохранить во что бы то ни стало свои позиции и не желающих поэтому тесниться здесь, как и в земстве, в пользу мужика.

* * *

Оставляя прежней систему среднего и высшего образования, Дума вознамерилась упорядочить существующие правила, определявшие состав высшей школы, и с этой целью разработала законопроект о предоставлении лицам, окончившим курс некоторых средних учебных заведений, права поступать в высшие учебные заведения.

Особая комиссия Гос.совета, рассматривая законопроект в заседаниях 11, 14 и 18 марта 1913 г., не пришла к единому мнению. Меньшинство ее²⁰⁸ высказалось за отклонение законопроекта, следующим образом мотивируя свою позицию: 1) назначение университета состоит в предоставлении поступающим в него «гуманитарного, на основе классицизма, образования, направленного преимущественно к выработке научного мировоззрения и, как таковое, не преследующего каких-либо утилитарных целей»; Действующий закон, открывая доступ в университет только лицам, прошедшим курс классической гимназии, вполне соответствует задаче университета; 2) думский законопроект закрепляет в законе фактически создавшееся положение, в силу которого уже допущены в университет лица, окончившие негимназии; однако фактически существующий порядок комплектования университетов нельзя признать нормальным: он «создавался под известного рода давлением во время сначала школьного, а затем и общего нестроения, имевшего место в первую половину прошлого десятилетия. Надо было достигнуть общественного успокоения, — и министерство народного просвещения проявило в этом отношении некоторую уступчивость. Поэтому на меры эти должно смотреть как на меры временные»; 3) Программы учебных заведений, которых касается законопроект, составлены из предметов общеобразовательных и специальных, не объединенных общою мыслью давать подготовку к научному образованию в университете; 4) если думские предположения и соответствуют пожеланиям общества, то следует же учитывать, что в основе последних лежит желание возможно шире использовать права, предоставляемые окончанием университета — обстоятельство, ничего общего с наукой не имеющее; 5) слишком широко открытый доступ в университет не может соответствовать ни культурным, ни практическим нуждам государ-

ства: «как следствие допущения в университет лиц, окончивших эти учебные заведения, явится дальнейшее понижение общего уровня умственного развития наличного состава его слушателей, — к науке эти лица приобщены не будут, а университетскому образованию будет грозить дальнейшее падение»; б) следует подождать реформы средней школы, чтобы знать, достаточна ли будет в ней подготовка для поступления в университет.²⁰⁹

Большинство комиссии,²¹⁰ считая неправильным, чтобы вопрос — какой школе быть подготовительной к высшей? — разрешался единоличной властью министра, и, признавая известную последовательность «в мерах, принятых в ведомстве народного просвещения в прошлое десятилетие», сочло возможным переработать проект Думы. Среди членов большинства были и принципиальные противники классического образования как единственной подготовки к университету. Опыт Европы вообще и законодательство Германии в частности, приводил их к выводу о равноценности, по крайней мере, классического и реального образования как подготовительной ступени к университету.

Пересматривая думский проект, большинство комиссии не нашло нужным дать право на поступление в университет: лицам, имеющим только свидетельство о знании курса реальных училищ («ибо и действующим ныне порядком они лишены этого права»); лицам, окончившим средние технические училища и учительские институты (ввиду практического, специального, не общеобразовательного их характера). Зато сочла возможным предоставить это право окончившим курс кадетских корпусов и общие классы Александровского лицея и Училища правоведения. Затем большинство комиссии решило подвергать экзамену по математике, физике и новым языкам окончивших курс четырех классов духовной семинарии, а окончивших шесть классов — не подвергать. В отношении коммерческих училищ: право поступать в университет получали лишь окончившие восьмилетний курс, а не семилетний, как это полагала Дума, и только окончившим общественные коммерческие училища, а не частные.²¹¹ Таким образом, согласно проекту большинства особой комиссии, право поступать в университет получали окончившие гимназии, реальные училища, кадетские корпуса, духовные училища, некоторые коммерческие училища, общие классы Александровского лицея и Училища правоведения.

В общем собрании (8 и 10 мая 1913 г.) за проект большинства комиссии высказались левые, большинство группы центра, отдельные члены кружка внепартийного объединения, некоторые правые. Последние, как, например, граф А. А. Бобринский, видели в проекте большинства комиссии временную меру. «Дайте нам новую гимназию, — говорил Бобринский, — и я

первый выйду на эту кафедру просить о закрытии дверей в университет для всех остальных заведений». ²¹² Иначе, шире смотрели на проект большинства комиссии другие, либеральные его защитники. Так, А. Ф. Кони принятие законопроекта связывал с необходимостью общей эволюции: осуществить намечаемую меру значит удовлетворить потребность, не обращая ее «в вопиющую нужду, удовлетворить которую приходится скороспелыми мерами в состоянии растерянности». ²¹³

Мотивы противников законопроекта были также различны: если В. И. Герье более всего исходил из особо понимаемого назначения университета, интересов «чистой науки», то бывший министр просвещения А. Н. Шварц подходил к делу с позиций административной власти. «Увеличивать толпу именно таких мало и плохо подготовленных слушателей не может быть в интересах государства, — утверждал он. — Это не требует ни существо дела, ни обстоятельства времени, и это, по-нашему мнению, может сделаться опасным по своим практическим последствиям». ²¹⁴

Министр народного просвещения, выступая в общем собрании, поддержал меньшинство комиссии. Ему так же, как и бывшему министру, представлялось опасным переполнение университетов. ²¹⁵

С позиций принципиального противника реформ вообще выступил правый князь Д. П. Голицын-Муравлин: «Высказываясь против законопроекта..., я высказываюсь против узаконения действующего порядка, пока наша средняя школа вообще не будет приведена в порядок». ²¹⁶

«По чисто практическим соображениям» за отклонение законопроекта выступил Витте: университетов мало, мест нет; надо начинать с увеличения мест в университетах; состав профессоров понижается.

В заседании 8 мая общее собрание большинством в два голоса (71 против 69) перешло к постатейному чтению. Но в следующее заседание (10 мая) противники законопроекта мобилизовались и 78 голосами против 68 отклонили его. ²¹⁷

Итак, если Дума стремилась к законодательному закреплению некоторых перемен, обусловленных революцией 1905—1907 гг., то правое большинство Гос.совета закреплять эти изменения, признать их нормальным порядком вещей — не хотело.

Заключение

Реформа 20 февраля 1906 г. predetermined консервативный состав Гос.совета. Тем не менее на первых порах он мог выполнять роль «легкого тормоза» по отношению к Государственной думе: его октябристское большинство могло корректировать и кадетско-октябристское большинство Думы, и право-октябристское. Такое соотношение сил в Гос.совете позволяло правительству Столыпина решать задачи как по окончательному подавлению только что побежденной революции, так и по предотвращению революции в будущем.

В большей мере эта возможность создавалась выборной половиной Гос.совета: удельный вес группы центра среди выборных превышал 60% (см. табл. 13), назначенные члены оказались много консервативнее (см. табл. 14). С 1907 г. происходит достаточно быстрое поправление Гос.совета (см. табл. 12). Особенно это характерно для назначенной его части: удельный вес входящих в группу центра снижается, численность правых растет и уже к 1910 г. они составляют более половины назначенных. Это было прямым следствием политики самодержца, взявшего курс на отказ от провозглашенной его правительством программы либеральных преобразований.

Вместе с этим правее и выборная половина Гос.совета, отражая «отрезвление» помещного дворянства: вместе с успехами политики «успокоения» проходил страх, а вместе с ним и желание чем-либо поступаться в пользу «мужика». Образовавшееся правое большинство парализует реформаторскую деятельность и Думы, и правительства, превращая Гос.совет в «гибельную запруду».

В условиях войны в составе выборной части Гос.совета произошел значительный сдвиг влево: сторонники Прогрессивного блока среди выборных составляли на 1 января 1916 г. 62,5%, на 1 января 1917 г. — 67,7%. Блоку среди выборных противостояли 17 членов правого центра (пять от дворянских обществ, одиннадцать от земств и один от духовенства), 13 правых (трое от земств и по пять от дворянских обществ и духовенства) и один внепартийный от дворянских обществ. Таким образом, самодержавие не могло найти среди выборных членов Гос.совета достаточно сторонников, чтобы парализовать Прогрессивный блок. Оставалось опираться на бюрократию. Возможность формирования назначенной половины Гос.совета позволила самодержавию путем «перетасовки» ее состава ликвидировать опасность. Гос.совет остался противовесом Думы, способным вполне парализовать любые либеральные поползновения с ее стороны.

Приложение 1. Таблицы 1 – 14

Таблица 1

Социальное происхождение членов Государственного совета в 1906 – 1917 гг.

	Потомственные дворяне							Недворяне		Не выяснено		Всего
	всего		в т. ч. титулованные									
	абс	%	светл. князья	князья	графы	бароны	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	168	86,15	—	14	13	10	22,02	26	13,33	1 ²	0,51	195
1907 ¹	163	85,78	—	14	10	9	20,24	27	14,21	—	—	190
1908	167	86,52	—	13	9	11	19,76	26	13,47	—	—	193
1909	164	84,53	—	12	9	11	19,51	28	14,43	2 ³	1,03	194
1910	165	85,05	1	12	10	10	20,00	29	14,94	—	—	194
1911	167	85,20	1	11	10	9	18,56	29	14,79	—	—	196
1912	163	84,02	1	10	12	9	19,63	31	15,97	—	—	194
1913	163	83,58	2	12	11	10	21,47	31	15,89	1 ⁴	0,51	195
1914	164	84,10	1	13	13	9	21,95	30	15,38	1	0,51	195
1915	161	83,41	1	11	13	9	21,11	31	16,06	1	0,51	193
1916	161	82,98	1	14	12	9	22,36	32	16,49	1	0,51	194
1917	158	81,44	1	15	13	9	24,05	35	18,04	1	0,51	194

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

2. И. И. Боргман от Академии наук и университетов.

3. В. А. Афанасьев от Академии наук и университетов и назначенный С. В. Олив.

4. В этом и последующие годы – протоиерей А. П. Надежин.

**Имущественное положение членов Государственного совета
в 1906 – 1917 гг.**

	Земле- владельцы		Владельцы домов и др. недвиж. имущества (без земли)		Не имевшие недвижим. имущества		Не выяснено		Всего
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	144	73,84	7	3,58	40	20,51	4 ²	2,05	195
1907 ¹	143	75,26	7	3,68	38	20,00	2 ³	1,05	190
1908	146	75,64	9	4,66	36	18,65	2 ³	1,03	193
1909	142	73,19	9	4,63	39	20,10	4 ⁴	2,06	194
1910	141	72,68	9	4,63	43	22,16	1 ⁵	0,51	194
1911	142	72,44	9	4,59	44	22,44	1	0,51	196
1912	138	71,13	11	5,67	44	22,68	1	0,51	194
1913	137	70,25	10	5,12	47	24,10	1	0,51	195
1914	136	69,74	10	5,12	48	24,61	1	0,51	195
1915	134	69,43	9	4,66	49	25,38	1	0,51	193
1916	138	71,13	9	4,63	46	23,71	1	0,51	194
1917	134	69,07	7	3,60	52	26,80	1	0,51	194

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

2. Назначенный А. В. Кривошеин и выборные И. И. Боргман, А. С. Лаппо-Данилевский и А. Ф. Мухин.

3. А. В. Кривошеин и А. Ф. Мухин.

4. Назначенные А. В. Кривошеин и С. В. Олив и выборные В. А. Афанасьев и А. Ф. Мухин.

5. Здесь и далее – А. В. Кривошеин.

Группы землевладельцев в составе Государственного совета в 1906 — 1917 гг.

	Площадь владений (в десятинах)														Всего землевладельцев		
	до 100		101 — 500		501 — 1 тыс.		1001 — 5 тыс.		5001 — 10 тыс.		10 001 — 25 тыс.		более 25 тыс.			не выяснено	
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		абс	%
1906 ¹	2	1,38	13	9,02	16	11,11	53	36,80	21	14,58	15	10,41	12	8,33	12	8,33	144
1907 ¹	2	1,39	14	9,79	17	11,88	53	37,06	23	16,08	15	10,49	11	7,69	8	5,59	143
1908	2	1,36	16	10,95	15	10,27	60	41,09	22	15,06	15	10,27	10	6,84	6	4,10	146
1909	1	0,70	15	10,56	15	10,56	58	40,84	22	15,49	14	9,85	11	7,74	6	4,22	142
1910	2	1,41	13	9,21	15	10,63	58	41,13	24	17,02	14	9,92	10	7,09	5	3,54	141
1911	2	1,40	13	9,15	14	9,85	58	40,84	27	19,01	14	9,85	9	6,33	5	3,52	142
1912	2	1,44	12	8,69	14	10,14	54	39,13	25	18,11	14	10,14	10	7,24	7	5,07	138
1913	2	1,45	15	10,94	13	9,48	59	43,06	22	16,05	11	8,02	9	6,56	6	4,37	137
1914	2	1,47	16	11,76	13	9,55	59	43,38	21	15,44	10	7,35	9	6,61	6	4,41	136
1915	1	0,74	18	13,43	14	10,44	58	43,28	20	14,92	8	5,97	9	6,71	6	4,47	134
1916	2	1,44	18	13,04	20	14,49	63	45,65	14	10,14	9	6,52	7	5,07	5	3,62	138
1917	1	0,74	18	13,43	17	12,68	62	46,26	12	8,95	10	7,46	8	5,97	6	4,47	134

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет — на 1 января.

Возрастной состав Государственного совета в 1906 – 1917 гг.

	Возрастные группы																		Всего Членов
	40 – 44		45 – 49		50 – 54		55 – 59		60 – 64		65 – 69		70 – 74		75 – 79		80 – 84		
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	18	9,23	19	9,74	29	14,87	46	23,58	24	12,30	30	15,38	17	8,71	11	5,64	—	—	195 ²
1907 ¹	14	7,36	21	11,05	28	14,73	46	24,21	23	12,10	26	13,68	18	9,47	11	5,78	3	1,57	190
1908	13	6,73	18	9,32	27	13,98	49	25,38	34	17,61	23	11,91	17	8,80	9	4,66	3	1,55	193
1909	6	3,09	26	13,40	24	12,37	45	23,19	37	19,07	24	12,37	20	10,30	9	4,63	3	1,54	194
1910	10	5,15	25	12,88	26	13,40	43	22,16	30	15,46	25	12,88	23	11,85	9	4,63	3	1,54	194
1911	9	4,59	26	13,26	25	12,75	37	18,87	36	18,36	25	12,75	24	12,24	9	4,59	5	2,55	196
1912	7	3,60	26	13,40	24	12,37	35	18,04	40	20,61	21	10,82	25	12,88	11	5,67	5	2,57	194
1913	12	6,15	28	14,35	24	12,30	38	19,48	35	17,94	24	12,30	18	9,23	11	5,64	4	2,05	195 ³
1914	7	3,58	22	11,28	30	15,38	37	18,97	37	18,97	28	14,35	16	8,20	14	7,17	3	1,53	195 ³
1915	5	2,59	18	9,32	35	18,13	35	18,13	38	19,68	28	14,50	15	7,77	14	7,25	5	2,59	193
1916	8	4,12	16	8,24	43	22,16	36	18,55	35	18,04	27	13,91	11	5,67	15	7,73	3	1,54	194
1917	3	1,54	25	12,88	43	22,16	35	18,04	34	17,52	33	17,01	11	5,67	7	3,60	3	1,54	194

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

2. В том числе С. С. Климов (от Рязанского земства), возраст которого не выяснен.

3. В том числе П. П. Семенов-Тянь-Шанский, которому в 1913 г. было 85 лет, а в 1914 – 86.

Вероисповедный состав Государственного совета в 1906 — 1917 гг.

	Вероисповедания														Всего Членов					
	православное		римско-католическое		лютеранское		евангелическо-лютеранское		евангелическо-реформатское		армяно-григорианское		иудейское			караимское		не выяснено		
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%		абс	%	абс	%	
1906 ¹	155	79,48	16	8,20	8	4,10	11	5,64	2	1,02	1	0,51	—	—	—	—	—	2 ²	1,02	195
1907 ¹	151	79,47	16	8,42	9	4,73	10	5,26	2	1,05	1	0,52	—	—	—	—	—	1 ³	0,52	190
1908	153	79,27	15	7,77	10	5,18	12	6,21	2	1,03	1	0,51	—	—	—	—	—	—	—	193
1909	155	79,89	16	8,24	9	4,63	10	5,15	2	1,03	1	0,51	—	—	—	—	—	1 ⁴	0,51	194
1910	158	81,44	15	7,73	8	4,12	10	5,14	2	1,03	1	0,51	—	—	—	—	—	—	—	194
1911	160	81,63	16	8,16	8	4,08	10	5,10	1	0,51	1	0,51	—	—	—	—	—	—	—	196
1912	158	81,44	16	8,24	8	4,12	10	5,15	1	0,51	1	0,51	—	—	—	—	—	—	—	194
1913	161	82,56	15	7,69	7	3,58	11	5,64	1	0,51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	195
1914	164	84,10	10	5,12	8	4,10	12	6,15	1	0,51	—	—	—	—	—	—	—	—	—	195
1915	165	85,49	11	5,69	6	3,10	11	5,69	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	193
1916	168	86,59	10	5,15	5	2,57	9	4,63	—	—	—	—	1	0,51	1	0,51	—	—	—	194
1917	171	88,14	10	5,15	4	2,06	7	3,60	—	—	—	—	1	0,51	1	0,51	—	—	—	194

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет — на 1 января.

2. И. И. Боргман от Академии наук и университетов и Л. И. Шотт от съезда землевладельцев Оренбургской губ.

3. Л. И. Шотт.

4. Назначенный С. В. Олив.

Образование членов Гос. совета в 1906 – 1917 гг.

	Высшее		Незаконч. высшее		Среднее		Домашнее		Всего членов
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	154	78,97	7	3,58	31	15,89	3	1,53	195
1907 ¹	151	79,47	6	3,15	30	15,78	3	1,57	190
1908	154	79,79	5	2,59	31	16,06	3	1,55	193
1909	155	79,89	5	2,57	30	15,46	4	2,06	194
1910	153	78,86	3	1,54	34	17,52	4	2,06	194
1911	150	76,53	4	2,04	38	19,38	4	2,04	196
1912	152	78,35	3	1,54	35	18,04	4	2,06	194
1913	156	80,00	1	0,51	35	17,94	3	1,53	195
1914	155	79,48	—	—	37	18,97	3	1,53	195
1915	153	79,27	—	—	37	19,17	3	1,55	193
1916	157	80,92	1	0,51	33	17,01	3	1,54	194
1917	155	79,89	1	0,51	35	18,04	3	1,54	194

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

**Выпускники высших учебных заведений в составе Гос. совета
в 1906 – 1917 гг.**

	Учебные заведения										Всего
	Училище правовед.		Александр. лицей		универси- теты		академии		другие вузы		
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	17	11,03	13	8,44	77	50,00	26	16,88	21	13,63	154
1907 ¹	18	11,92	13	8,60	79	52,31	22	14,56	19	12,58	151
1908	22	14,28	14	9,09	81	52,59	20	12,98	17	11,03	154
1909	20	12,90	13	8,38	79	50,96	23	14,83	20	12,90	155
1910	16	10,45	16	10,45	82	53,59	23	15,03	16	10,45	153
1911	17	11,33	16	10,66	78	52,00	23	15,33	16	10,66	150
1912	17	11,18	17	11,18	74	48,68	26	17,10	18	11,84	152
1913	17	10,89	20	12,82	77	49,35	22	14,10	20	12,82	156
1914	16	10,32	21	13,54	75	48,38	22	14,19	21	13,54	155
1915	17	11,11	19	12,41	73	47,71	22	14,37	22	14,37	153
1916	21	13,37	18	11,46	78	49,68	18	11,46	22	14,01	157
1917	20	12,90	16	10,32	81	52,25	16	10,32	22	14,19	155

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

Чины I – V классов в составе Государственного совета в 1906 – 1917 гг.

	К л а с с ы														Всего чинов I – V классов				
	I	II			III		IV		V		I – V вместе			абс			%		
		Г ¹	В	Г	П	В	Г	П	В	Г	П	абс	%		абс	%			
																		военные	граждан- ские
1906 ²	1	19	32	3	6	26	21	—	26	19	—	25	16,33	104	67,97	24	15,88	153	78,06
1907 ²	1	20	31	5	1	25	22	—	24	21	—	21	14,00	102	68,00	27	18,00	150	78,94
1908	1	18	29	7	1	29	24	—	26	24	—	19	11,94	109	68,55	31	19,49	159	82,38
1909	—	19	29	6	1	30	26	—	26	21	—	20	12,65	106	67,08	32	20,25	158	81,44
1910	—	21	28	6	1	29	25	—	32	14	—	22	14,10	103	66,02	31	19,87	156	80,41
1911	—	23	30	6	1	27	25	—	34	10	—	24	15,38	101	64,74	31	19,87	156	79,59
1912	—	23	30	6	1	26	28	—	32	8	1	24	15,48	96	61,93	35	22,58	155	79,89
1913	—	20	31	4	1	22	33	2	25	12	1	23	15,23	90	59,60	38	25,16	151	77,43
1914	—	21	34	5	1	18	34	2	29	14	1	24	15,09	95	59,74	40	25,15	159	81,53
1915	—	21	33	5	1	19	32	2	33	13	1	24	15,00	98	61,25	38	23,75	160	82,90
1916	—	16	31	5	—	24	28	2	37	14	1	18	11,39	106	67,08	34	21,51	158	81,44
1917	1	12	26	5	1	31	26	2	42	15	—	15	9,31	115	71,42	31	19,25	161	82,98

1. Г – гражданские чины, В – военные, П – придворные.

2. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

3. От общего числа членов Гос. совета.

Выборная часть Государственного совета без чинов I – V классов

	Чины VI – XIV классов						Члены с почетными званиями				Духовенство		Без чина		Всего	
	военные		гражданские		всего		мануфактур-советники		коммерции-советники		абс	%	абс	%	абс	%
	абс	% ¹	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%						
1906 ²	5	5,15	12	12,37	17	17,52	3	3,09	4	4,12	6	6,18	11	11,34	42 ³	43,29
1907 ²	4	4,25	13	13,82	17	18,08	2	2,12	3	3,19	6	6,38	12	12,76	40	42,55
1908	4	4,21	9	9,47	13	13,68	2	2,10	2	2,10	6	6,31	11	11,57	34	35,78
1909	3	3,12	10	10,41	13	13,54	3	3,12	3	3,12	6	6,25	11	11,45	36	37,50
1910	4	4,16	15	15,62	19	19,79	2	2,08	2	2,08	6	6,25	9	9,37	38	39,58
1911	4	4,08	16	16,32	20	20,40	2	2,04	2	2,04	6	6,12	10	10,20	40	40,81
1912	5	5,20	14	14,58	19	19,79	2	2,08	2	2,08	6	6,25	10	10,41	39	40,62
1913	7	7,21	19	19,58	26	26,80	2	2,06	—	—	6	6,18	10	10,30	44	45,36
1914	7	7,21	15	15,46	22	22,68	1	1,03	—	—	6	6,18	7	7,21	36	37,11
1915	7	7,36	12	12,63	19	20,00	1	1,05	—	—	6	6,31	7	7,36	33	34,73
1916	5	5,20	14	14,58	19	19,79	1	1,04	—	—	5	5,20	11	11,45	36	37,50
1917	5	5,20	10	10,41	15	15,62	1	1,04	—	—	6	6,25	11	11,45	33	34,37

1. Здесь и далее %% – от общего числа выборных.

2. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

3. В т. ч. 1, отношение которого к чину не выяснено.

Содержание назначенных к присутствию членов Государственного совета в 1906 – 1917 гг.

	Группы членов Государственного совета, получавших в год (в тыс. рублей) по:																								Всего ¹
	10		12		13		14		15		16		17		18		20		24		25				
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%			
1906 ²	21	23,59	19	21,34	9	10,11	8	8,98	12	13,48	5	5,61	—	—	10	11,23	4	4,49	—	—	1	1,12	89		
1907 ²	24	28,57	17	20,23	8	9,52	7	8,33	9	10,71	5	5,95	—	—	10	11,90	3	3,57	—	—	1	1,19	84		
1908	28	32,18	15	17,24	8	9,19	6	6,89	10	11,49	5	5,74	—	—	11	12,64	3	3,44	—	—	1	1,14	87		
1909	32	36,78	14	16,09	6	6,89	5	5,74	9	10,34	6	6,89	—	—	11	12,64	2	2,29	—	—	1	1,14	87 ³		
1910	25	29,06	13	15,11	7	8,13	7	8,13	11	12,79	5	5,81	—	—	14	16,27	3	3,48	—	—	1	1,16	86		
1911	24	27,27	13	14,77	6	6,81	7	7,95	11	12,50	8	9,09	1	1,13	14	15,90	3	3,40	—	—	1	1,13	88		
1912	17	20,00	17	20,00	5	5,88	8	9,41	9	10,58	8	9,41	2	2,35	15	17,64	3	3,52	—	—	1	1,17	85		
1913	18	21,17	14	16,47	5	5,88	9	10,58	9	10,58	8	9,41	2	2,35	16	18,82	3	3,52	—	—	1	1,17	85		
1914	17	20,23	12	14,28	4	4,76	11	13,09	8	9,52	10	11,90	2	2,38	15	17,85	4	4,76	—	—	1	1,19	84		
1915	15	18,07	14	16,86	3	3,61	15	18,07	8	9,63	9	10,84	2	2,40	14	16,86	2	2,40	—	—	1	1,20	83		
1916	14	16,47	12	14,11	3	3,52	19	22,35	9	10,58	8	9,41	2	2,35	15	17,64	1	1,17	1	1,17	1	1,17	85		
1917	9	10,22	7	7,95	1	1,13	22	25,00	12	13,63	8	9,09	1	1,13	15	17,04	3	3,40	3	3,40	—	—	88 ⁴		

1. За исключением членов Гос. совета, содержание которых определялось занимаемой должностью.

2. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

3. Среди них у одного содержание не выяснено.

4. В т. ч. 5 членов Гос. совета с содержанием по 11 тыс. руб., 1 с окладом в 22 тыс руб. и 1 – в 30 тыс. руб.

**Различные формы пособий назначенным к присутствию членам
Государственного совета в 1906 – 1917 гг. (в тыс. руб.)**

	Аренда		Единовременные пособия		Пенсии вдовам и детям		Всего	
	Число членов	Сумма	Число членов	Сумма	Число членов	Сумма	Число членов	Сумма
1906 ¹	53	145,5	3	10	1	11	55	166,5
1907 ¹	49	117	4	15	2	20	54	152
1908	47	110,5	4	16,5	5	40	49	167
1909	38	89,5	7	25	5	21,15	40	135,65
1910	14	33,5	3	18	7	39	23	90,5
1911	4	9	4	12	9 ²	57	14	78
1912	2	5,5	4	14	5	31	9	50,5
1913	1	3	1	4	—	—	2	7
1914	1	3	5 ³	13	6	46	8	62
1915	1	3	4	14	5	46	11	65,5
1916	—	—	2	8	2	13	2	21
1917	—	—	3	9	3	31	3	40

1. Подсчитано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

2. В т. ч. «усиленные» пенсии (по 7 тыс. руб.), назначенные уволенным В. Ф. Трепову и С. С. Гончарову.

3. Один из них, М. Н. Галкин-Враской, получил «пособие на лечение», величина которого не выяснена.

Группы в составе Государственного совета в 1906 – 1917 гг.

	Левая		Центр		Кружок внепар- тийного объеди- нения		Правый центр		Правая		Внепар- тийные		Министры		Групповая принадле- жность не выяснена		Не бывали в заседа- ниях		Всего
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	12	6,15	93	47,69	—	—	—	—	43	22,05	5	2,56	11	5,64	29	14,87	2	1,02	195
1907 ¹	13	6,84	95	50,00	—	—	—	—	53	27,89	5	2,63	13	6,84	10	5,26	1	0,52	190
1908	13	6,73	91	47,15	—	—	—	—	69	35,75	6	3,10	11	5,69	2	1,03	1	0,51	193
1909	15	7,73	89	45,87	—	—	—	—	70	36,08	8	4,12	11	5,67	1	0,51	—	—	194
1910	11	5,67	83	42,78	—	—	—	—	79	40,72	8	4,12	12	6,18	1	0,51	—	—	194
1911	11	5,61	80	40,81	10	5,10	—	—	79	40,30	4	2,04	10	5,10	2	1,02	—	—	196
1912	10	5,15	62	31,95	12	6,18	16	8,24	67	34,53	14	7,21	13	6,70	—	—	—	—	194
1913	12	6,15	63	32,30	10	5,12	16	8,20	72	36,92	9	4,61	13	6,66	—	—	—	—	195
1914	12	6,15	60	30,76	12	6,15	19	9,74	69	35,38	9	4,61	14	7,17	—	—	—	—	195
1915	12	6,21	61	31,60	13	6,73	16	8,29	69	35,75	8	4,14	14	7,25	—	—	—	—	193
1916	21	10,82	56	28,86	17	8,76	25	12,88	57	29,38	5	2,57	13	6,70	—	—	—	—	194
1917	19	9,79	51	26,28	18	9,27	23	11,85	69	35,56	5	2,57	9	4,63	—	—	—	—	194

1. Показано на конец сессии; для следующих лет – на 1 января.

Группы выборных членов Государственного совета в 1906 – 1917 гг.

	Левая		Центр		Кружок внепар- тийного объеди- нения		Правый центр		Правая		Внепар- тийные		Министры		Групповая принадлеж- ность не выяснена		Всего
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	12	12,37	60	61,85	—	—	—	—	15	15,46	—	—	—	—	10	10,30	97
1907 ¹	13	13,82	58	61,70	—	—	—	—	20	21,27	—	—	—	—	3	3,19	94
1908	13	13,68	57	60,00	—	—	—	—	24	25,26	—	—	—	—	1	1,05	95
1909	15	15,62	59	61,45	—	—	—	—	21	21,87	1	1,04	—	—	—	—	96
1910	11	11,45	56	58,33	—	—	—	—	28	29,16	1	1,04	—	—	—	—	96
1911	11	11,22	55	56,12	2	2,04	—	—	30	30,61	—	—	—	—	—	—	98
1912	10	10,41	41	42,70	2	2,08	12	12,50	27	28,12	4	4,16	—	—	—	—	96
1913	12	12,37	40	41,23	2	2,06	12	12,37	28	28,86	3	3,09	—	—	—	—	97
1914	12	12,37	37	38,14	3	3,09	15	15,46	28	28,86	2	2,06	—	—	—	—	97
1915	12	12,63	37	38,94	3	3,15	13	13,68	28	29,47	2	2,10	—	—	—	—	95
1916	21	21,87	34	35,41	4	4,16	20	20,83	15	15,62	1	1,04	1	1,04	—	—	96
1917	19	19,79	41	42,70	4	4,16	17	17,70	13	13,54	2	2,08	—	—	—	—	96

1. Показано на конец сессии; для следующих лет — на 1 января.

Группы назначенных к присутствию членов Государственного совета в 1906 — 1917 гг.

	Центр		Кружок внепар- тийного объеди- нения		Правый центр		Правая		Внепар- тийные		Министры		Групповая принадлеж- ность не выяснена		Не бывали в заседа- ниях		Всего
	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	абс	%	
1906 ¹	33	33,67	—	—	—	—	28	28,57	5	5,10	11	11,22	19	19,38	2	2,04	98
1907 ¹	37	38,54	—	—	—	—	33	34,37	5	5,20	13	13,54	7	7,29	1	1,04	96
1908	34	34,69	—	—	—	—	45	45,91	6	6,12	11	11,22	1	1,02	1	1,02	98
1909	30	30,61	—	—	—	—	49	50,00	7	7,14	11	11,22	1	1,02	—	—	98
1910	27	27,55	—	—	—	—	51	52,04	7	7,14	12	12,24	1	1,02	—	—	98
1911	25	25,51	8	8,16	—	—	49	50,00	4	4,08	10	10,20	2	2,04	—	—	98
1912	21	21,42	10	10,20	4	4,08	40	40,81	10	10,20	13	13,26	—	—	—	—	98
1913	23	23,46	8	8,16	4	4,08	44	44,89	6	6,12	13	13,26	—	—	—	—	98
1914	23	23,46	9	9,18	4	4,08	41	41,83	7	7,14	14	14,28	—	—	—	—	98
1915	24	24,48	10	10,20	3	3,06	41	41,83	6	6,12	14	14,28	—	—	—	—	98
1916	22	22,44	13	13,26	5	5,10	42	42,85	4	4,08	12	12,24	—	—	—	—	98
1917	10	10,20	14	14,28	6	6,12	56	57,14	3	3,06	9	9,18	—	—	—	—	98

1. Показано на конец сессии; для следующих лет — на 1 января.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

ЧЛЕНЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА (1906 — 1917)

Члены Гос. совета, назначенные к присутствию

1. **Акимов**, Михаил Григорьевич (8.XI.1847 — 9.VIII.1914); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сенатор, дтс (1907), ст.-секр. (1908); чл. Г.с. с 23.IV.1906 с долж. м-ра юстиц.; 15 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; 12.IV.1907 — 28.VI.1914 — пред. Г.с., 25 тыс. руб. + квартира; 6530 дес. род. и приобр. в Саратовск., Пензенск. и Тверск., винокур. з-д (до 1909); вдове — пенс. 12 тыс. руб. в год (после её кончины двум дочерям — по 4 тыс. руб. до замужества). Свояк А. Г. Булыгина, шурина П. Н. Дурново, двоюрод. бр. В. Н. Ознобишина, зять Н. Д. Делянова.

2. **Алексеев**, Евгений Иванович (11.V.1843 — 1918); внебр. сын Александра II; правосл.; Мор. кадет. корп. (1863); ген.-адъютант (1901); адмирал (1903); чл. Г.с. с 8.VI.1905 с должн. нам-ка на Д. Востоке; 20 тыс.руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; без недв. им.; в IV.1917 отказано в жаловании, с 1.V. — за штатом, 25.X. уволен.

3. **Аничков**, Николай Милиевич (14.II.1844 — 10.VI.1916); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; сенатор, дтс (1906); чл. Г.с. с 29.IV.1905; 12 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; 300 дес. род. в Костромск., приобр. деревян. дом в Гатчине; с 1.I.1909 освоб. от присутс. по личн. просьбе: болезнь глаз; жалование сохранялось; вдове — пенс. 7 тыс. руб.

4. **Арсеньев-2**, Алексей Александрович (1850 — 15.XII.1914); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); уезд. предв. (1880 — 1885), Тульск. губ. предв. (1885 — 1904); 1092 дес. род. в Тульск. и Тамбовск.; чл. Русск. Собр.; чл. Г.с. с 17.IV.1905; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; вдове — пенс. 5 тыс. руб.

5. **Арсеньев-1**, Дмитрий Сергеевич (14.IX.1832 — 14.IX.1915); из дв.; правосл.; Мор. кадет. корп.; с 1864 назнач. воспит. вел. князей Сергея и Павла Александровичей; ген.-адъютант (1894), адмирал (1900); чл. Г.с. с 1.IV.1901 с должн. чл. Адмиралтейств-Совета; 10 тыс. руб., 1,5 тыс. руб. «аренды», 4194 руб. 35 к. пожизн. пенсии; к присутств. с 5.III.1909 (до этого был болен); правая; 4871 дес. род. жены в Курск. и Орловск., винокур. и кирпич. з-ды, паровая и 2 вод. мельницы, сыроварня, камен. дом в Петерб. (Литейная, 10); дочери — пенс. 2 тыс. руб.

6. **Балашев**, Николай Петрович (1840 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; обер-егермейстер (1904); губ. предв. (1874 — 1879); чл. Г.с. с 1.I.1905 с должн. чл. совета м-ра вн. дел; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; пред. Главн. Совета Всеросс. национ. союза; 406908 дес. род. и приобр. и род. жены (урожд. гр. Е.А. Шуваловой) в Киевск., Новгородск., Пензенск., Подольск., Саратовск., Симбирск. и Уфимск. (1904; 1917); поле- и скотоводство, коннозаводство; з-ды: лесопильн. (3), кирпичн. (3), са-

хароварен. (3), винокурен. (3), ректификатн. (2), пивоварен.(3), керамический, чугунолитейн., железоделательн., сталеплавильн., механический; мельницы (3), соляные промыслы, экипажно-автомобильная ф-ка; чл. правл. Всеросс. о-ва сахарозаводчиков; в конце декабря 1916 был переведен в неприсутствующие, отказался от содержания, а 30.I.1917 уволен от должн. «согласно прошению» (ссылался на возраст).

7. **Барк**, Петр Львович (6.IV.1869 — 16.I.1937); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); тс (1915); чл. Г.с. с 29.XII.1915 с оставл. в долж. м-ра фин.; содерж. по должн.; к присут. с 1.I.1916; без недвиж. им.; в 1915 — 1916 — масон (по Н. Н. Берберовой); в марте 1917 арестован, освобожден; с 1918 в эмиграции (Лондон).

8. **Барсов**, Леонид Васильевич (23.IV.1850 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, тс (1909); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 14 тыс. руб.; правая; 1 500 дес. приобр. жены в Петербургск. губ. и дача «на чужой земле».

9. **Бехтеев**, Сергей Сергеевич (4.V.1844 — 8.VII.1911); из дв.; правосл.; Мор. кадет. корп.; бывш. уезд. предв.; тс; чл. Г.с. с 1. I 1909 с должн. чл. от ГУЗиЗ в Советах: по ж. д. делам МПС и по тарифным делам МФ; 10 тыс. руб.; правая; чл. Пост. совета объедин. дв-ва (1906 — 1911), чл. Русск. Собр., чл. Кружка дворян, верных присяге; публицист (экономика и финансы); 3649 в 1909 (2689 в 1911) дес. род. и приобр. в Орловск., Воронежск. и Тамбовск.; после себя оставил 2 имения, заложенные в Гос. банке и обремененные долгами; вдове — пенс. 5 тыс. руб.

10. **Бирилев**, Алексей Алексеевич (16.III.1844 — 6.II.1915); из дв.; правосл.; Морск. уч-ще; вице-адм.; чл. Г.с. с 3.XII.1905 с оставл. в должн. морск. м-ра; к присут. 25.IV.1906; 11.I.1907 уволен от долж. м-ра с производством в адмиралы; содер. по зв. чл. Г.с. — 18 тыс. руб. + 480 руб. 60 к. за долговрем. команд. судами + 2 тыс. руб. «аренды»; правая; без недвиж. им.; близок к П. Н. Дурново: были вместе в начале морск. карьеры.

11. **Бобринский**, граф Алексей Александрович (19.V.1852 — 2.IX.1927, Ницца); из дв.; правосл.; 2-я Петерб. гимн. и 1,5 курса Петерб. ун. (ю); уч. археолог, пред. Археологич. комиссии (1886 — 1917); сенатор (1896); гофмейстер (1890), обергофмейстер (1916); петерб. уезд. и губ. предв. (1875-1898); пред. Петерб. гор. думы; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912; 10 тыс.руб.; правая, ее пред. (17.VIII.1915 — 25.III.1916); чл. Совета Отечеств. союза; чл. Русск. Собр.; пред. Пост. сов. Объедин. дв-ва (1906 — 1912), его чл. (1912 — 1916); чл. совета Совещания монархистов 21-23.XI. 1915 в Пг.; с 25.III по 14.XI.1916 — тов. м-ра вн. дел, затем мин-р земледелия с остав. чл. Г.с., содерж. по занимаем. должн. (15 и 22 тыс. руб.); с 14.XI.1916 содерж. по зв. чл. Г.с. — 18 тыс.руб.; 52002 дес. род. (нераздельно с братьями) в Киевской, Курской, Орловской, Симбирской, Таврической и Тульской + 4300 дес. род. матери в Петербургской; дома в Петерб. (Галерная, 58-60/6-33), Москве и Харькове; 5 сахарных з-в (неразд. с бр.), 2 винокур., 2 мельницы; пред. правл. о-ва «Лысьвенский горный округ наследников гр. П. П. Шувалова»; пред. Совета Русско-англ. банка; тов. пред. Совета съездов представителей пром. и торг.; после X.1917 входил в Совет гос. объединения России; в 1919 эмигрировал; зять А. А. Половцова.

12. **Бородкин**, Михаил Михайлович (1.IX.1852 — ?); сын штабс-капитана; пра-

восл.; Военно-юр. акад.; ген.- лейтенант (1907); сенатор (1911); чл. Г.с. и к присут. с 24.IV.1916 с долж. сенатора; 14 тыс. руб.; правая; чл. Совета Русского Собрания, один из основат. Русского окраинного о-ва; публицист (финляндск. вопр.), псевдоним: «Г. А. Абов», С. К. Михайлов»; авт. «Истории Финляндии» (Т.1-6); без недв. им.

13. **Брянчанинов**, Александр Семенович (28.X.1843 — 26.XII.1910); из дв.; правосл.; 2 курса Петерб. у-та, Никол. кав. уч-ще; уезд. предв. (1880 — 1888); гофмейстер (1893); чл. Г.с. с 6.XII.1904 с дол. самарск. губ-ра; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; 1160 дес. род. в Вологодск. и 5074 род. жены в Самарской, масло-молочный з-д; вдове — пенс. 5 тыс. руб.

14. **Будберг**, барон Александр Андреевич (1854 — 11.IV.1914); из дв.; евангелическо-лютер.; Петерб. ун. (ю); шталмейстер; ст.-секр. (1907); обер-егермейстер (1914); чл. Г.с. с 11.VIII.1904 с оставл. в долж. Главноуправл. канц. е.и.в. по принятию прошений; к присут. 25.IV.1906; 7.VI. 1913 уволен от должн. главноупр. с оставл. чл. Г.с.; 20 тыс. руб.; кружок внепарт. объедин.; 11873 дес. в Ковенск. и Витебск. (1909); кирпичный и винокуренн. з-ды (неразд. с братом); пар. и вод. мельницы; двоюрод. племянник О. Б. Рихтера, зять гр. Э. И. Тотлебена; был близок к Александру III; вдове и 2 дочерям — 10 тыс. руб. пенс. нераздельно.

15. **Булыгин**, Александр Григорьевич (1851 — 5.IX.1919); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; уезд. предв. (1881 — 1887); гофм. (1896); ст.-секр. (1913); обер-шенк (1916); чл. Г.с. с 1.I.1905 с дол. помощника Моск. ген.-губернатора; 15 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; 14.XI.1913 назн. Главноупр. соб. е.и.в. канцелярией по учрежд. им-цы Марии с оставл. чл. Г.с.; содерж. по долж. Главноупр.; 3075 дес. род. и приобр. в Рязанск. и Саратовск. и 265 дес. приобр. жены в Рязанск., камен. дом в Москве (род. жены); свояк М. Г. Акимова; дальн. родственник гр. С. Д. Шереметева; один из старшин петерб. Англ. клуба. 13.III.1917 с ним случился удар. В 1919 арестован ГубЧК и расстрелян.

16. **Бутовский**, Петр Михайлович (31.V.1842 — 5.I.1912); из дв.; правосл.; Уч. правовед., 2 года за границей изучал юр. науки; тс, сенатор (1895), дтс (1907); чл. Г.с. с 1.I. 1901 с должн. тов. м-ра юст.; к присут. 25.IV.1906; 13 тыс. руб. + 2,5 тыс. «аренды»; центр; 1155 дес. род. в Полтавск.; исключен из числа присутствующих с 1.I.1909; вдове пенсия 5 тыс. руб., сыну — 1 тыс. до оконч. образования.

17. **фон Валь**, Виктор Вильгельмович (1840 — 7.II.1915); из дв.; евангелическо-лютер.; Николаевск. инж. уч-ще; ген.-лейтенант; чл. Г.с. с 31.XII.1903 с должн. тов. м-ра вн. дел; 18 тыс. руб. + 2 тыс. руб. «аренды»; правая; без недв. им.; вдове пенсия 8 тыс. руб.

18. **Васильчиков**, князь Борис Александрович (19.V.1860 — 13.V.1931, Ментон); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; уезд. предв. (1884-1890), губ. предв. (1890-1896); шталмейстер (1899); чл. Г.с. с 2.IV.1906 с долж. пред. Глав. упр. Российск. о-ва Кр. Креста; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; подгруппа правого центра, в марте 1911 перешел в кружок внепарт. объедин.; один из организаторов Всероссийск. нац. клуба в Петерб. и 1-й пред. его Совета; с 27.VII.1906 по 21.V.1908 — Главноуправл. ЗиЗ, содерж. по долж. Главноупр.; 30074 дес. род. в Новгородск., Псковск., Ковенск. и Воронежск., 2 винокур. и свеклосахарный з-ды, пар. мельница и просорушка; чл.

прав. о-ва Нижне-Кисляйского сахарного завода (1915); 10.II.1917 уволен «по домашним обстоятельствам»; в 1918 арестован ЧК, освобожден; эмигрировал. Его жена, София Николаевна, урожденная кн. Мещерская (сестра флигель-адъютанта кн. П. Н. Мещерского и жены гр. П. Н. Игнатьева, племянница кн. В. П. Мещерского), автор дерзкого письма Александре Федоровне, была выслана в имение Новгородской губ. в декабре 1916; муж отправился с женой; с этим и связано его увольнение.

19. **Вебер, Сергей Федорович** (1857 — ?); из дв.; правосл.; Харьковск. ун. (ю); тс (1906); чл. Г.с. с 1.II. 1914 с должн. тов. м-ра фин.; 14 тыс. руб.; к присут. с 1.I.1915; центр; без недв. им; после Окт. р. — чл. комиссии для подготовки проекта договора с Финляндией; осенью 1919 арестован, освобожден; в 20-е — глава бюджетн. комиссии Ин-та эконом. исследований при Наркомфине.

20. **Веревкин, Александр Николаевич** (20.VIII.1864 — 1922); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор; тс (1908); гофм. (1912); чл. Г.с. с 1.I.1917 с должн. тов. м-ра юст.; 16 тыс. руб.; 2500 дес. в Орловск. и Уфимск.; зять ген.-адъютанта А. И. Пантелеева.

21. **Верховский, Владимир Владимирович** (1.IV.1849 — 18.II.1910); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); дтс (1905); чл. Г.с. с 14.II.1896 с долж. тов. главноупр. соб. е.и.в. канц. по учр. им-цы Марии; 12 тыс. руб., с 21.II.1900 — 14 тыс. руб. + 3 тыс. «аренды»; с 1.I.1909 — 16 тыс.; центр; без недв. им.; вдове пенсия 5 тыс. руб., с февр. 1911 — 6 тыс.

22. **Витте, Сергей Юльевич** (17.VI.1849 — 28.II.1915); граф (с 18.IX.1905); из дв.; правосл.; Новоросс. ун., почетн. чл. Петерб. АН (1893); ст.-секр. (1896); дтс (1899); чл. Г.с. с 17.VIII.1903 с оставл. пред. Ком. мин-в; содерж. по заним. должн. — 26 тыс. руб.; к присут. с 27.IV.1906; содерж. с 4.V. 1906 — 20 тыс. руб.; внепарт.; 2 дома в Петерб., дача под Сочи; вдове пенсия — 15 тыс. руб..

23. **Воеводский, Степан Аркадьевич** (22.III.1859 — ?); из дв.; правосл.; Морск. уч-ще; вице-адм.; адмирал (6.XII.1913); чл. Г.с. с 18.III.1911 с должн. морск. м-ра; 16 тыс. руб.; к присут. с 22.III. 1911; правая; 1692 дес. в 1910 (1 300 дес. в 1913) в Подольск., род. имение в Смоленск. (пл. не выяснена); исключен из списка присутствующих на 1917; с 1.V.1917 за штатом; 25.X. уволен.

24. **Волжин, Александр Николаевич** (8.V.1862 — ?); из дв.; правосл.; лицей цар. Николая, Моск. ун.; бывш. уезд. предв. (назн.); дсс (1910); в д. гофмейстера (1914); чл. Г.с. с 7.VIII.1916 с должн. обер-прокурора Синода; 18 тыс. руб.; к присут. с 1.I.1917; правая; почет. чл. Русск. монарх. союза; 1160 дес. род. в Курск. и 2300 дес. и вод. мельница род. жены в Подольск.; чл. по назнач. Особ. правл. о-ва электрич. освещения 1886 г.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

25. **Вяземский, князь Леонид Дмитриевич** (19.VIII.1848 — 24.XI.1909); из дв.; правосл.; Александр. лицей; ген.-лейтенант; генерал от кавалерии (XII.1906); чл. Г.с. с 6.XII.1899 с долж. нач. Глав. управления уделов; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; 16200 дес. род. в Саратовск. и Тамбовск. (1899); многоотраслевое хоз-во: скотоводство, свиноводство, з-д рысистых и раб. лошадей; винокур. и спиртоочист. з-ды, мельница; 2 дома в Петерб.

26. **Галкин-Враской, Михаил Николаевич** (1834 — 8.IV.1916); из дв.; правосл.;

Казанск. ун. (ю); дтс; ст.-секр. (1904); чл. Г.с. с 28.II.1896 с долж. нач. Гл. тюрем. упр.; 10 тыс. руб. + 3 тыс. «аренды»; с XII.1899 — 13 тыс. руб. + 3 тыс. «аренды», с VII.1909 — 15 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; чл. Русского собрания; 3343 дес. род. в Казанск. и Уфимск.

27. **Гарин, Николай Павлович** (12.II.1861 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор, тс (1905); чл. Г.с. и к присут. с 24.X.1915; 14 тыс. руб.; правая; 30.XII.1915 назн. пред. Особ. по делам г. Петрограда присутствия с оставл. чл. Г.с., в связи с этим + 6 тыс. руб.; 5.IV.1916 назн. пом. воен. м-ра, содерж. по заним. долж.; 754 дес. в пожизн. влад. в Казанск., приобр. деревян. дом в Павловске; уволен Вр. пр. 26.V.1917 «с мундиром и пенсией».

28. **Георгиевский, Лев Александрович** (28.VIII.1860 — ?); из дв.; правосл.; семинария; сенатор, тс (1911); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 15 тыс. руб.; правая; чл. Русск. Собр.; активно работал в комиссиях объед. дв-ва, в качест. приглашенного участвовал в работе VIII-XI съездов; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

29. **Гербель, Сергей Николаевич** (1860 — ?); из дв.; правосл.; реальное уч., старший класс кав. уч-ща; гофмейстер (1909); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912 с долж. нач. Глав. упр. по делам местн. хоз-ва МВД; 14 тыс. руб.; правая; 924 дес. род. в Херсонск.; исключен из списка присутствующих на 1917; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; в 1918 мин-р продовольствия и премьер Совета мин. Украины (при П. П. Скоропадском)

30. **Герье, Владимир Иванович** (17.V.1837 — 4.VIII.1919); из иностранцев (подданство в 1862); евангелич.-лютер.; Моск. ун., 3 года учебы за границей; засл. орд. проф. Моск. у-та; гласный Моск. гор. думы и губ. зем. собр.; тс (1910); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1907; 10 тыс. руб. + 3 тыс. пенсии; центр; чл. ЦК «Союза 17 окт.»; публицист; приобр. дом в Москве; исключен из списка присутствующих на 1917.

31. **Голицын, князь Григорий Сергеевич** (20.X.1838 — 28.III.1907); из дв.; правосл.; акад. Ген. штаба; сенатор; ген. от инфантерии (1896); ген.-адъютант (1897); чл. Г.с. с 1.I.1893; 10 тыс.руб. + 3 тыс. «аренды»; с 1.I.1905 — 20 тыс.руб. + 3 тыс. «аренды»; к присут. 25.IV.1906; правая; без недв. им.; вдове пенсия 8 тыс. руб.

32. **Голицын, князь Дмитрий Петрович** (6.XII.1860 — 6.XII.1928); с сентября 1912 Голицын-Муравлин (последнее — его писательский псевдоним); из дв.; правосл.; Александр. лицей; тс (1909); чл. Г.с. с 6.IV.1912 с долж. Главноупр. соб. е.и.в. канцелярии по учр. им. Марии; 16 тыс. руб.; к присут. с 13.IV.1912; правая; инициатор Русск. Собр., первый пред. его Совета (1901 — 1906), затем — почет. чл.; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен. В эмиграции (с 1920) — уполномоченный Высшего монарх. совета в Венгрии.

33. **Голицын-1, Николай Дмитриевич** (31.II.1850 — 2.VII.1925, Ленинград); из рос. князей; правосл.; Александровск. лицей; сенатор (1903); дтс (1914); чл. Г.с. с 24.XI.1915; 14 тыс. руб.; к присут. с 1.I.1916; правая; чл. Кружка дворян; пользовался доверием царск. семьи; в 1915 назн. пред. К-та по оказанию помощи русским военнопленным во вражеских странах; с 27.XII.1916 — пред. Сов. мин. с оставл. чл. Г.с.; 1221 дес. в Тульск.; 27.II.1917 отставка; арестован Вр. пр. и заключен в Петро-

павл. кр.; дал показания ЧСК (4 -13.III); в апр. 1917 освоб. с разрешением выезда по распоряж. Керенского; остался в Петрограде; занимался сапожным ремеслом; в 1920 — 1924 дважды арестовывался; в февр. 1925 арестован и расстрелян.

34. **Голубев, Иван Яковлевич** (28.II.1841 — похоронен 2.V.1918); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор; дтс (1901); статс-секр. (1910); чл. Г.с. с 1.I.1895; 10 тыс. руб. + 1,5 тыс. пожизнен. пенсии за разработку Положения о введении ипотечной системы; к присут. 25.IV.1906; 16 тыс. руб.; вице-пред. Г.с. (20.V.1906 — 31.II.1916); без недв. им.; 1.II.1916 ему объявлено Высочайшее неудовольствие за допущение в заседании Г.с. 26.XI. резкой критики в адрес прав-ва и Распутина; в список присутствующих на 1917 его не включили, он подал прошение и 4.I. 1917 был уволен; назначена пенсия в 10 тыс. руб.; в конце 1917- начале 1918 тяжело болел (водянка) и был в большой нужде: национализация банков лишила его средств; положение усугубляли частые обыски.

35. **Гончаров, Сергей Сергеевич** (1843 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сенатор (1891); гофмейстер; дтс (1904); чл. Г.с. с 1. I.1900; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; чл. Совета о-ва ревнителей русск. ист. просвещ. в память Александра III; родовое жены: 6200 дес. в Симбирск. и Тамбовск. (совместно с сестрой) и майорат в 1200 дес. в единолич. влад. в Сувалкск.; дом в Петерб. (приобр.); 16.III.1911, возмущенный расправой Столыпина с правой группой Г.с., подал прошение об отставке; 4.IV. уволен; была назн. пенсия в 7 тыс. руб.

36. **Горемыкин, Иван Логгинович** (22.X.1839 — 11.II.1917); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор (1894), дтс (1896), ст.-секр. (1910); кавалер орд. св. ап. Андрея Первозванного (1915); чл. Г.с. с 20.X.1899 с дол. м-ра вн. дел, 18 тыс. руб.+ 4 тыс. руб. «аренды»; в XI.1899 уволен, с сохр. содер., на 6 мес. для леч. дочери, в связи с этим получил пособие в 50 тыс. руб. из 12-милл. фонда; к присут. 25.IV.1906, содер. по заним. дол. пред. совета мин. (22.IV-8.VII.1906), с 8.VII. 1906 — 18 тыс. руб.+ 4 тыс. «аренды» (с IX .1907 — 2 тыс.), в связи с прекращением аренды в 1909 содерж. увеличено до 20 тыс.; правая; 30.I.1914 назначен пред. Сов. мин., 20.I.1916 уволен с оставл. чл. Г.с., производством в дтс I кл. и назначением содерж. в 24 тыс. руб.; 4 700 дес. род. в Новгородск., 3 дома в Петерб., дача близ Сочи; арестован Вр. пр. и заключен в Петропавл. кр., освобожден по распоряж. Керенского; убит солдатами близ Сочи.

37. **Григорович, Иван Константинович** (26.I.1853 — 3.III.1930, Франция); из дв.; правосл.; Мор. уч-ще; адмирал (1911), ген.-адъютант (1912); чл. Г.с. с 29.II.1913 с оставл. в должн. морск. м-ра, содерж. по заним. долж.; к присут. с 1.I.1914; без недв. им.; сотрудничал с Вр. пр.; 31.III. уволен; после Окт. р. служил в Морск. историч. комиссии; в 1923 с разрешения правительства выехал во Францию.

38. **Гродеков, Николай Иванович** (22.IX 1843 — 12.II.1913); из дв.; правосл.; Никол. акад. Ген. штаба, автор трудов по географии и этнографии; ген. от инфантерии; чл. Г.с. с 5.VIII.1902 с долж. Приамурск. ген.-губернатора; 18 тыс. руб.; с 15.II.1906 по 9. III.1908 — Туркестанск. ген.-губернатор; к присут. с 10.X.1908; правая; без недв. им.; в VI.1913 заболел: паралич.

39. **Гудим-Левкович, Павел Константинович** (29.VI.1842 — 24.X.1907); из дв.;

правосл.; Михайловск. артил. акад. и Акад. ген. штаба, заслуж. проф.; ген.-лейтенант; ген. от инфантерии (1906); чл. Г.с. с 29.XII 1899 с должн. Управл. кабинетом е.и.в.; 14 тыс. руб. + 2,5 тыс. «аренды» (с I. 1905 — 3 тыс.) + 1,5 тыс. профессор. пенсия; к присут. 25.IV.1906; центр; в IX. 1906 просил из-за болезни перевести его в неприсутствующие; без недв. им.

40. **Гойнинген-Гюне фон**, барон Эмилий Федорович (10.I.1841 — 13.V.1917); из дв.; евангелич.-лютеран.; Уч. правовед. + 2 года за границей; сенатор (1889), дтс (1908); чл. Г.с. и к присут. с 1.I. 1908; 10 тыс. руб., с V 1912 — 12 тыс.; центр; приобр. дача на о. Эзель; исключен из списка присутствующих на 1917; Вр. пр.: 3 тыс. руб. на похороны, пенсии вдове (4 тыс.) и дочери (2 тыс.).

41. **Дейтрих**, Владимир Федорович (29.VII.1850 — 1920); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); тс (1902); дтс (1914); чл. Г.с. с 2I. IX.1905 с долж. пом. Финлянд. ген.-губернатора (6.VII.1905 на него сделано покушение); 10 тыс. руб. + 1,5 тыс. «аренды» (до 1909 вкл.), с 1.I.1913 — 14 тыс.; правый центр; «бобриковец», один из основат. газеты «Окраины России»; сотрудничал с Пост. советом объедин. дв.; с 1.I.1917 — вице-пред. Г.с.; содерж.- 20 тыс.; без недв. им.; в II.1917 был арестован и заключен в Петропавл. кр.

42. **фон Дервиз**, Дмитрий Григорьевич (1830 — 28.III.1916); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор (1881), дтс (1902); чл. Г.с. с 1.I.1884; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; в XII.1907 просил не включать в число присутствующих: стар и болен; без недв. им.

43. **Деревицкий**, Алексей Николаевич (10.III.1859 — ?); из дв.; правосл.; Харьковск. ун., докт. греческ. словесности, экстра-орд. проф.; тс; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917 с должн. попечителя Оренбургск. учеб. округа; 11 тыс. руб.; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

44. **Диков**, Иван Михайлович (7.VII.1835 — 30.IX.1914); из дв.; правосл.; Черноморск. юнкер. школа; адмирал, ген.-адъютант; чл. Г.с. и к присут. с 9.I.1909 с долж. морск. м-ра; 18 тыс. руб.; правая; чл. Русск. Собр.; дом в Петерб. (вместе с бр.); вдове — пенсия в 6 тыс. руб.

45. **Дистерло**, барон Роман Александрович (20.IX.1859 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, тс (1912); чл. Г.с. и к присут. с 1.V.1914; 12 тыс.руб., с 18.VII.1916 — 14 тыс.; правая; чл. Русск. Собр.; активно участвовал в работе съездов и комиссий объедин. дв.; без недв. им.; с 1.V. 1917 за штатом, 25.X. — уволен.

46. **Дмитриев**, Михаил Дмитриевич (1846 — 11.III.1917); сын канцелярского служителя; правосл.; Константиновский межевой ин-т; дтс (1912); чл. Г.с. с 6.XI.1905 с оставл. тов. м-ра фин.; 23.XII. 1905 уволен, по прошению, от должн. тов. м-ра; 13 тыс. руб. + 2,5 тыс. «аренды» (до 1909), с 1.I. 1915 — 15 тыс. руб.; центр; без недв. им.; 17.XII.1910 назн. чл. К-та финансов; умер без средств: чтобы похоронить, вдова прибегла к займу; Вр. пр. назначило вдове пенсию — 6 тыс. руб.

47. **Долгорукий**, князь Александр Сергеевич (29.X.1841 — 7.VI.1912); из князей Росс. империи; правосл.; дом. восп. + неполный курс Пажеского корп.; обергофмаршал (1899); чл. Г.с. с 6.V. 1905 с оставл. гоф-маршалом; 10.VI.1905 назначено 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; внепарт.; близок Николаю II, в 1896 был верховным

церемониймейстером; 63,4 тыс. дес., 2 свекло-сахарных з-да (его и жены); чл. правл. Русско-бельгийского о-ва производства «Фавас» и химических продуктов.

48. **Дубасов, Федор Васильевич** (21.VI.1845 — 19.VI.1912); из дв.; правосл.; Морск. акад.; ген.-адъютант (1905), адмирал (1906); чл. Г.с. с 15.I.1906 с оставл. в должн. ген.-губернатора Москвы; уволен 5.VII.1906; по зв. чл. Г.с. 16 тыс. руб. + 1 тыс. «аренды» (до 1911 вкл.); к присут. с 1.I. 1907; правая; женат на сестре Д. С. Сипягина; имение «Знаменское» в Тверск. (пл. не выяснена); вдове — пенсия в 8 тыс. руб.

49. **Думитрашко, Петр Николаевич** (19.I.1857 — ?); сын протоиерея; правосл.; Ин-т инж. путей сообщ.; тс (1910), сенатор (1916); чл. Г.с. и к присут. с 16.III.1916 с должн. тов. м-ра ПС; 15 тыс. руб.; правый центр; с 1.V. за штатом, 25.X. уволен.

50. **Дурново, Петр Николаевич** (24.III.1843 — 11.IX.1915); из дв.; правосл.; Военно-юрид. акад.; сенатор (1893), дтс (1906), ст.-секр. (1906); чл. Г.с. с 30.X.1905 с одновременным назначением управляющим МВД; 22.IV.1906 уволен от долж. м-ра с оставл. чл. Г.с.; 18 тыс. руб. + 3 тыс. «аренды» (с 1909 выдавались из 10-милл. фонда); к присут. 25.IV.1906; лидер правой гр.; чл. Русского Собр.; женат на сестре М. Г. Акимова; 1400 дес. приобр. жены в Саратовск.; вдове — пенсия в 10 тыс., дочери (до замужества) — 2 тыс. руб.

51. **Дурново, Петр Павлович** (1835 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп., воен. акад.; ген. от инфантерии (1890), ген.-адъютант (1905); чл. Г.с. с 11.VIII.1904; 10 тыс. руб.; в качестве Моск. ген.-губернатора (15.VII — 20.XI.1905) вызвал раздражение Николая II; к присут. 25.IV.1906; 12 тыс. руб.; центр; исключен из списка присутствующих 29.XII.1906; 123600 дес. род. его и жены в 8-ми губ., 5 домов в Петерб., дача под Петерб.; 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

52. **Ермолов, Алексей Сергеевич** (12.XI.1847 — 4.I.1917); из дв.; правосл.; Александр. лицей, Петерб. земледельческ. ин-т (здесь он — ученик А. Н. Энгельгардта); дтс, ст.-секр. (1903); чл. Г.с. с 6.V. 1905 с должн. м-ра ЗиГИ; 18 тыс. + 4 тыс. «аренды» (с XI.1906 — 2 тыс. и до 1909); пред. бюро группы центра; публицист (земельн. вопр.); 2573 дес. род. и приобр. в Воронежск. и Рязанск., дом в Сочи, винокур. з-д; пенсии: вдове — 10 тыс., дочери — 2.

53. **Еропкин, Рафаил Дмитриевич** (1868 — ?); из дв.; правосл.; лицей в память цесар. Николая, Моск. ун. (ю), Демидовск. лицей; уезд. предв. (2 срока), губ. предв. (с 1910); тс (1916); шталмейстер (1917); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 11 тыс. руб.; правая; участвовал в VIII-XI съездах объедин. дв.; 2096 дес. род. в Тамбовск. и Тульск.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

54. **Зверев, Николай Андреевич** (1.IX.1850 — 8.III.1917); из мещан; правосл.; Моск. ун. (ю); бывш. проф. и ректор Моск. у-та; сенатор, тс (1901); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1909 с должн. нач. Глав. упр. по делам печати; 10 тыс.руб.; с 17.I.1909 по ходатайству М. Г. Акимова — 13 тыс.; правая; один из основат. газеты «Окраины России», чл. Совета Русск. Окраинного о-ва, сотрудник «Моск. Ведомостей», чл. совета О-ва ревнителей русс. ист. просвещения в память Александра III, принимал участие в работе комиссий и съездов объедин. дв.; 250 дес. приобр. жены в Нижегородск.; Вр. пр. назначило вдове пенсию в 5 тыс. руб.

55. **Зиновьев, Александр Дмитриевич** (16.V.1854 — 20.II.1931, Рим); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; бывш. уезд. и губ. пред.; шталмейстер (1906); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1911 с должн. Петерб. губ-ра; 10 тыс. руб., с 13.I.1911 — 12, а с 1.I.1913 — 14; по инициативе П. А. Столыпина выдано пособие на устройство и обзаведение; центр; чл. комиссии Пост. совета; 7927 дес. род. в Петерб. губ., имение в Витебск. (пл. не выяснена), дача в Петергофе; исключен из списка присутствующих на 1917; в эмиграции (до 1930 — в Англии).

56. **Зиновьев, Иван Алексеевич** (1835 — 4.II.1917); из дв.; правосл.; Лазаревск. ин-т вост. языков; дтс; чл. Г.с. с 25.V.1909 с дол. посла в Турции; 18 тыс. (6 тыс.руб. — на переезд); к присут. с 1.I. 1910; правая; чл. Русск. Собр.; без недв. им.; исключен из списка присутствующих на 1917; вдове пенсия в 10 тыс.

57. **Зиновьев, Николай Алексеевич** (1840 — 28.III.1917); из дв.; правосл.; Лазаревск. ин-т вост. языков, Константиновский межевой ин-т, загр. командировка (2 года); сенатор (1903), дтс (1906); чл. Г.с. с 14.IX.1904 с долж. тов. м-ра вн. дел; 14 тыс. руб.+ 2 тыс. «аренды» (до 1909) + 1 тыс. из средств МВД; к присут. 25.IV.1906; чл. бюро центра; без недв. им.; исключен из списка присутствующих на 1917; вдове — пенсия в 6 тыс. руб.

58. **Иваницкий, Борис Евгеньевич** (5.IX.1857 — ?); из дв.; правосл.; Новороссийск. ун. (физ.-мат. и юр. ф-ты); сенатор, тс (1907); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912 с должн. тов. Главноупр. ЗиЗ; 12 тыс. руб.; внепарт., затем — центр; в 1914 назн. главноуполномоч. о-ва Красн. Кр. на Юго-западном фронте; исключен из списка присутствующих на 1917; «усадьба в неск. верстах от Лубен» (пл. ее не выяснена); с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

59. **Иванов, Аполлон Викторович** (1844 — 18.II.1909); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор, тс; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1908; 10 тыс. руб.; внепарт.; род. жены «пустопорожнее дворовое место в Петерб.» и ее же приобр. камен. дом в Петерб. и в Царск. Селе деревян. дача; вдова от пенсии отказалась: бездетна и достаточно обеспечена.

60. **Игнатъев, граф Алексей Павлович** (22.V.1842 — 9.XII.1906); из дв.; правосл.; Паж. кор., Никол. акад. ген. штаба; ген. от кавалерии (1898); ген.-адъютант (1905); чл. Г.с. с 29.VIII.1896 с оставл. в долж. Киевск. ген.-губернатора; 7.XII.1897 уволен от долж. ген.-губ-ра; 16 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; чл. Русск. Собр.; имения в Тверск., пл. около 900 дес., в 1913 вдове его, гр. С. С. Игнатъевой, принадлежало 7 домов в Петербурге, в имении «Чертолино» были винокуренный и ректификатный з-ды; убит в Твери эсером С. Н. Ильинским; пенсии вдове (8 тыс.) и дочери (3 тыс.).

61. **Игнатъев, граф Николай Павлович** (17.I.1832 — 20.VI.1908); из дв.; правосл.; Паж. корп., акад. ген. штаба; ген. от инфантерии, ген.-адъютант; чл. Г.с. с 3.XII.1877; 12 тыс. руб.; к присут. 25.IV. 1906; правая; 26400 дес. род. и приобр. его и род. и приобр. жены; 2 дома в СПб. и дача в Петергофе; 2 винокурен. и кирпичн. з-ды, вод. мельница; пенсии вдове (10 тыс. руб.) и двум дочерям (по 2 тыс.).

62. **Игнатъев, Петр Александрович** (9.IX.1848 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (не окончил); сенатор (1901); дтс (1911); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1915 с должн.

первоприсут. в судеб. департаменте Сената; 12 тыс. руб.; кружок внепарт. объедин.; 550 дес. род. в Тверск.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

63. **Извольский**, Александр Петрович (6.III.1856 — 16.VIII.1919); из дв.; правосл.; Александр. лицей; гофмейстер (1906); чл. Г.с. с 6.XII.1909 с оставл. в заним. долж. м-ра ин. дел; к присут. с 1.I. 1910; 1400 дес. в Саратовск. (нераздельно с братом) и его 1007 дес. в Тульск.; 14.IX.1910 назн. послом в Париж; в мае 1917 вышел в отставку; остался в эмиграции.

64. **Извольский**, Петр Петрович (14.II.1863 — 9.XII.1928, Брюссель); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; дсс (1905), в д. гофмейстера; гофмейстер (1912); чл. Г.с. и к присут. с 5.II.1909 с долж. обер-прокурора; 14 тыс. руб.; центр; чл. Русск. Собр.; 1400 дес. в Саратовск. (нераздельно с братом) и его в Тульской (пл. не выяснена), дача в Ялте (с февр. 1917), винокурен. з-д; исключен из списка присутствующих на 1917; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; в эмиграции (Париж) испытывал большую нужду, принял священство, был настоятелем церкви в Брюсселе.

65. **Иксуль-фон-Гильденбандт**, барон Александр Александрович (20.II.1840 — 11.VII.1912); из дв.; евангелич.-лютеран.; Уч. правовед., загранич. командировка; сенатор (1888), дтс; чл. Г.с. с 12.XI.1899 с долж. тов. м-ра вн. дел; 13 тыс. руб. + 3 тыс. «аренды» (с III.1907 — по 1,5 тыс.); к присут. 25.IV.1906; центр; в XII.1908 переведен в неприсутствующие из-за болезни; без недв. им.

66. **Иксуль-фон-Гильденбандт**, барон Юлий Александрович (1852 — 1918); из дв.; евангелич.-лютер.; Петерб. ун. (ю); тс (1896), сенатор (1902), ст.-секр. (1905), дтс (1912); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1909 с долж. Гос. секр.; 18 тыс. руб. + 2 тыс. «аренды» + 2 тыс. «арендного пособия»; без недв. им.; внепарт.; в кач. приглашенного принимал участие в раб. VII-XI съездов объедин. дв., был членом комиссий судебной и по делам дв-ва; президент Евангелическо-Лютеранской генеральной консистории; 16.VI.1917 назн. первоприсутствующим чл. Особ. присутствия при Сенате по отчуждению недвиж. им-ва для гос. и общ. пользы.

67. **Калачов**, Виктор Васильевич (1835 — 4.II.1910); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сенатор (1894), дтс (1906); бывш. губ. предв.; чл. Г.с. с 13.III.1902; 10 тыс. руб. + 2 тыс. «аренды»; к присут. 25.IV.1906; центр; без недв. им.; исключен из списка присутствующих в конце декабря 1907 по личной просьбе: болен; вдове — пенсия в 5 тыс. руб.

68. **Кауфман фон** (с 10.X.1914 — Кауфман-Туркестанский), Петр Михайлович (7.VI.1857 -6.III.1928, Париж); из дв.; правосл.; Александровский лицей; гофмейстер (1898), сенатор (1900), обер-гофмейстер (1908); чл. Г.с. с 2.IV.1906; 12 тыс. руб. + 2,5 тыс. руб. «вместо аренды»; 24.IV.1906 — назн. м-ром Н П, с оставл. чл. Г. с.; к присут. 25.IV.1906; 1.I.1908 — уволен от долж. м-ра; 15 тыс. руб.; с 11.I.1911 — 17 тыс.; центр; 4132 дес. род. в Уфимской (неразд. с братом), дом в Петерб.; исключен из списка присут-х на 1917 за попытку выступить в ноябре 1916 против «безответственных влияний»; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; эмигрировал.

69. **Кобеко**, Дмитрий Фомич (4.III.1837 — ?); из дв.; правосл.; Александр. лицей; автор работ по истории; дтс (1902); чл. Г.с. с 19.I.1901 с долж. чл. Совета м-ра фин.; 10 тыс. руб. + 5 тыс. «добавочного содержания» + 2 тыс. «аренды» (с 1907 —

только 10 тыс.); 30.IV.1902 назн. директором Публичн. б-ки (прибавка содерж. в виде квартирных — 2400 руб.); к присут. 25.IV. 1906; до декабря 1907, когда он был исключен из списка присут-х, не вошел ни в одну из групп, голосовал же, по слухам, с левыми; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

70. **Кобылинский**, Петр Петрович (3.III.1847 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор, тс (1899), дтс (1914); чл. Г.с. с 6.V.1906, к присут. с 24.VI.1906; 10 тыс. руб. (с 1.VI.1911 — 12, а с 26.III.1916 — 14 тыс); правая; чл. Русск. Собр.; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

71. **Коковцов** (с 30.I.1914 — граф), Владимир Николаевич (6.IV.1853 – 1943); из дв.; правосл.; Александр. лицей; сенатор (1900), дтс (1905), ст.-секр. (1905); чл. Г.с. с 24.X.1905 с должн. м-ра фин.; 18 тыс. руб. + 4 тыс. «вместо аренды»; 31.XII.1906 царь повелел «в ознаменование многополезной службы» К. «аренду» в 4 тыс. руб. в год «продолжить пожизненно», однако К. отказался и царь заменил ему выдачей с 1.I.1907 в теч. 2-х лет по 2 тыс. руб. в год; к присут. 25.IV.1906; с 26.IV.1906 министр фин., с 9.IX.1911 ещё и пред Сов. мин.; содерж. по заним. долж.; 30.I.1914 уволен от долж. пред. Сов. мин. и м-ра фин. с оставл. чл. Г.с.; как чл. Г.с. — 24 тыс. руб.; кружок внепарт. объедин.; 212 дес. приобр. в Новгородск.; 11.IV.1917 подал просьбу уволить от гос. службы; чл. Совета Русского для внешн. торговли банка (1917); в 1918 эмигрировал во Францию.

72. **Кони**, Анатолий Федорович (28.I.1844 — 17.IX.1927); «сын коллеж. советника»; правосл.; Моск. ун. (ю); почет. академик (1900); сенатор, тс (1891), дтс (1910); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1907; 10 тыс. руб. (с 1.I.1916 — 14); внепарт.; без недв. им.; с 1.IX.1915 — чл. Особ. совещ. по устр-ву беженцев; 5.V.1917 назн. Вр. пр. первоприсутствующим в угол. кассац. деп. Сената, 30.V.1917 — первоприсут. в общ. собр. кассац. деп-в Сената; в начале 1918 арестован ЧК, освобожден; в 1918-1922 — проф. уголовн. судопроизводства в Петроградск. у-те.

73. **Корф**, барон Анатолий Федорович (10.XI.1842 — 28.I.1917); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор; дтс (1910); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1910; 12 тыс. руб.; правая; без недв. им.; вдове с дочерью пенсия — 9 тыс. руб.

74. **Косыч**, Андрей Иванович (1.X.1833 — 16.III.1917); из дв.; правосл.; акад. Ген. штаба; автор трудов по военн. делу; ген. от инфантерии (1897); чл. Г.с. с 21.X. 1905 с должн. командующего войсками Казанск. в.о.; 14 тыс.руб.+ 2,5 тыс. «аренды» + 3 тыс. единовр. пособ. «на переезд»; центр (либерал: в качестве Саратовск. губ-ра в 1887-1891 благоволил местному самоуправлению); 590 дес. род. в Киевск. (заложены в Двор. банке); исключен из списка присутствующих в конце 1907; Вр. пр. назн. вдове пенсию 5 тыс. руб.

75. **Крашенинников**, Илья Сергеевич (21.XII.1847 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; тс (1906), сенатор (1907); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 14 тыс.руб.; правая; 600 дес. род. в Воронежск. (нераздельно с братом и сестрами и в пожизненном владении матери); с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

76. **Крашенинников**, Николай Сергеевич (28.XI.1857 – X.1918); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор, тс (1908); чл. Г.с. и к присут. с 24.XI.1915 с долж. старш. пред. Петроград. суд. палаты; 14 тыс. руб.; правая; 600 дес. род. в Воронежск.

(неразд. с братом и сестрами и в пожизн. влад. матери) и дача в Тверск.; 1.I.1917 назн. пред. Верх. угол. суда с оставл. чл. Г.с.; в IV.1917 лишен жалования и как пред. Верх. уг. суда был арестован и помещен в Трубецкой баст. Петропавл. кр.; освобожден; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; расстрелян в Пятигорске.

77. **Кривошеин, Александр Васильевич** (19.VII.1857 — 28.X.1921, Берлин); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); в должн. гофмейстера, дсс (1904); гофмейстер (1909), ст.-секр. (1910); чл. Г.с. с 6.V. 1906 с оставл. в заним. долж. тов. главноупр. ЗиЗ; к присут. с 24.VI.1906; 6.X.1906 назн. тов. м-ра фин (для непосред. заведывания Гос. Дворянск. и Крестьянск. банками); 21.VI.1908 — Главноупр. ЗиЗ; 21.X.1915 уволен от долж. Главноупр. с оставл. чл. Г.с.; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; прав. центр; чл. Русск. Собр.; имущест. полож. не выяснено; 30.IV.1917 уволен согласно прошению; пенсия 7 тыс. руб.; в 1918 — глава правл. московской фирмы «Т-во Морозов и К^о»; активный участник гражданск. войны; эмигрант.

78. **Кршивицкий, Константин Фаддеевич** (26.IX.1840 — 21.II.1910); из дв.; правосл.; акад. ген. штаба; ген. от инфантерии; чл. Г.с. с 11.III.1909 с должн. Виленск., Ковенск. и Гродненск. ген.-губ-ра; 18 тыс. руб. + 3 тыс. «на подъем»; к присут. с 19.III.1909; групповая принадл. не выяснена; без недв. им.; вдове — пенсия 5 тыс. руб.

79. **Крыжановский, Сергей Ефимович** (29.VIII.1862 — не позднее 17.I.1935, Париж); «сын бакалавра»; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, тс (1907); ст.-секр. (1916); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917 с оставл. в заним. долж. гос. секр.; 18 тыс. руб.; правая (в студ. годы принадлежал к радикальному кружку В. И. Вернадского, И. М. Гревса и др.); без недв. им.; в III.1917 арестован, в IV. отказано в жаловании, в XII. обыски; чл. Совещ. членов законодат. палат; в эмиграции редактировал «Русскую Летопись».

80. **Куколь-Яснопольский, Степан Александрович** (1863 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун.; тс (1907); чл. Г.с. и к присут. с 31.I.1917 с оставл. в должн. тов. м-ра вн. дел.; правая; участвовал в работе комиссий и съездов объедин. дв-ва; без недв. им.; 4-13. III.1917 — узник Трубецк. б., освобожд. Керенским; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

81. **Куломзин, Анатолий Николаевич** (3.I.1838 — 1921, Франция); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю), двухгодичн. стажировка в Лейпциге, Гейдельберге и Лондоне; статс-секр. (1883), дтс (1892); кавалер ордена св. ап. Андрея Первозванного; чл. Г.с. с 28.XII.1902 с долж. управляющего делами Ком-та мин., с оставл. членом Ком-та Сибирской ж. д. и управляющего его делами (до XII.1905); 14 тыс. руб. (с XII.1905 — 16) + 3,6 тыс. — по Ком. Сиб. ж.д + 4 тыс. «аренды» (в 1907 — 1909 по 2 тыс.); к присут. 25.IV.1906; центр; 4000 дес. род. и 8000 приобр. в Костромск, 5 приобр. в Тавричesk., 1200 дес. род. жены (неразд. с сестрами) в Новгородск. (1902); 2293 дес. род. и 264 дес. приобр. (1909, после отвода сыновьям и продажи части земли Крест. банку); 15.VI.1915 назн. пред. Г.с.; 25 тыс. руб.; 1.I.1917 уволен от должн. пред. Г.с.; как чл. Г.с. — 24 тыс. руб.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; эмигрант.

82. **Куракин, князь Анатолий Александрович** (22.I.1845 — ?); из дв.; правосл.; дом. воспит.; бывш. уезд. предв. и пред. уезд. зем. управы; шталмейстер (1896); чл.

Г.с. и к присут. с 1.I.1909 с долж. чл. совета Главноупр. ЗиЗ; 10 тыс. руб.; правая; чл. Совета Русск. Собр.; 39775 дес. род. и род. жены в Орловск., Пензенск., Симбирск. и Ярославск. (1909), по дому в Петерб. и Орле, странноприимный дом в Москве, винокур. з-д; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; в VII.1917 «сидел» в ЧК.

83. **Кутайсов**, граф Павел Ипполитович (1838 — 5.VI.1911); из дв.; правосл.; Инж. акад., Акад. ген. штаба; сенатор, ген. от инфантерии; чл. Г.с. с 4.VIII.1904 с оставл. в должн. Иркутск. воен. ген.-губ.; 15.XI.1905 уволен от долж. ген.-губ.; 15 тыс. руб.+ 2 тыс. «аренды»; к присут. 25.IV.1906; центр; 336 дес. приобр. жены, дом в Петерб.; в 1906 переведен в неприсутствующие: болезнь глаз; вдове — пенсия 6 тыс. руб.

84. **Лазарев**, Петр Михайлович (7.VII.1850 — ?); из дв. (сын адмирала М. П. Лазарева); правосл.; Александр. лицей; сенатор (1901), шталмейстер; чл. Г.с. с 17.IV.1905; 10 тыс. руб. (с 3.VI.1906 — 12) + 3 тыс. «аренды» (с I.1907 по 1 тыс. в теч. 2-х лет); к присут. 25.IV.1906; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

85. **Ламздорф**, граф Владимир Николаевич (25.XII.1844 — 6.III.1907); из дв.; правосл.; Паж. корп.; ст.-секр., дтс; чл. Г.с. с 28.IV.1906 с должн. м-ра ин. дел; 18 тыс. руб. + 4 тыс. «аренды»; к присут. с 30.IV.1906; в засед. не бывал «по старости»; без недвиж. им.

86. **Ливен**, светл. кн. Андрей Александрович (9.VI.1839 — 2.III.1913); правосл.; Моск. ун.; сенатор (1876), ст.-секр., дтс (1913); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1910 из оставн. тс; 12 тыс. руб.; правая, в 1910 перешел в кружок внепарт. объедин. (противник финляндск. политики Столыпина); 2519 дес. приобр. в Крыму и Московск. (неразд. с родст.) и 3600 дес. род. жены в Черниговс.; в 1912 назн. Главноупр. е.и.в. канцелярией по учрежд. им. Марии.

87. **Линдер**, Константин Карлович (7.IX.1836 — 7.IX.1908); из дв. Вел. княж. Финлянд.; евангелич.-лютеранск.; «частное учебное заведение»; егермейстер, обер-егермейстер (1907); чл. Г.с. с 15.XI.1905 с должн. м-ра ст.-секретаря В. К. Финлянд.; 15 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; 16000 дес. приобр. в Финляндии; пенсии: вдове — 4 тыс. руб., дочери — 1 тыс.

88. **Лукьянов**, Сергей Михайлович (23.VIII.1855 — ?); из дв.; правосл.; Медико-хирург. акад.+ 2 года стажировки за гран.; читал судебн. мед. в Уч. правовед.; сенатор, тс (1905); чл. Г.с. и к присут. с 23.IV.1906; 12 тыс. руб.; правая; без недв. им.; 5.II.1909 — назн. обер-прокурором Синода; 2.V. 1911 уволен; 18 тыс. руб.; перешел в кружок внепарт. объедин.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

89. **Лыкошин**, Александр Иванович (17.IX.1861 — 1918); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; тс (1908), сенатор (1911); чл. Г.с. и к присут. с 27.II.1914 с должн. тов. м-ра вн. дел; 14 тыс. руб.; правая; чл. Отечеств. союза, один из организат. СРН, чл. Русск. Собр.; 3000 дес. род. и род. жены в Нижегородск., Симбирск., Смоленск., Тверск. и Бессарабск. (1914); с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

90. **Макаров**, Александр Александрович (7.VII.1857 — 1919); из купцов; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, тс (1907); дтс (1917); гласный Петерб. гор. думы; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912 с оставл. в долж. м-ра вн. дел; 16.XII.1912 уволен от долж.

м-ра с оставл. чл. Г.с.; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; правая; 2 камен. дома в Петерб. и лавка в Гостин. дворе (вместе с др. сонаслед.); 7.VII. — 20.XII.1916 — м-р юстиции; 1.III.1917 арестован, узник Трубецк. б., 31.VII. переведен в лечебницу; после 2 лет и 6 мес. тюрьмы расстрелян.

91. **Маклаков, Николай Алексеевич** (9.IX.1871 — 23.VIII (5.IX).1918); из дв.; правосл.; Моск. ун.; гофмейстер (1913); чл. Г.с. и к присут. с 21.I.1915 с оставл. в должн. м-ра вн. дел; 5.VI.1915 уволен от должн. м-ра; 18 тыс. руб.; правая; чл. совета Сопровождения монархистов 21-23.XI.1915; 228 дес. род. в Московск.; 1. III.1917 арестован и помещен в Трубецк. б.; 11.X.1917 переведен в лечебницу; расстрелян на Братск. кладб. во Всехсвятском.

92. **Мамантов, Василий Ильич** (8.IX.1863 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); егермейстер (1904); чл. Г.с. с 14.IV.1913 с должн. тов. Главноупр. е.и.в. канц. по принятию прошений; 12 тыс. руб.; 7.VI.1913 назн. Главноупр. канц. е.и.в. по принят. прошений, с оставл. чл. Г.с.; содерж. по заним. должн.; к присут. с 1.X.1913; правый, хорошо был известен Николаю II; без недв. им.; 10.III.1917 уволен по прошению, назн. пенсия в 7 тыс. руб.

93. **Мансуров, Николай Павлович** (24.VI.1830 — 29.V.1911); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; ст.-секр., дтс (1886); чл. Г.с. с 1.I 1883 с должн. управл. делами Комитета мин-в; 12 тыс. руб. (с X.1900 — 15) + 3 тыс. «аренды» (до 1909); к присут. 25.IV.1906; правая; 2282 дес. род. жены в Симбирск.; пенсия вдове 8 тыс. руб.

94. **Манухин, Сергей Сергеевич** (27.IX.1856 — 1922); сын личного дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); тс (1899), сенатор (1902), дтс (1915); чл. Г.с. с 16.XII.1905 с должн. м-ра юстиции; 15 тыс. руб.; к присут. с 27.IV.1906; центр; без недв. им.; в 1912 расследовал события на Лене; 15.VI.1914 — 14.VII.1915 и.о. вице-пред. Г.с.; с 1.V.1917 назн. сенатором I деп. Сената; после Окт. р. — чл. комиссии по выработке проекта договора с Финляндией, юрисконсульт Наркомата финансов, сотрудник Сапропелевого ком-та АН; 21.VI.1921 арестован по делу В. Н. Таганцева, 3.X.1921 приговорен к 2 годам принудит. работ; 22.X. 1921 освобожден по болезни; вскоре умер.

95. **Маслов, Николай Николаевич** (1.VIII.1846 — 10.X.1912); из дв.; правосл.; Военно-юр. акад.; ген.-лейтенант, ген. от инфантерии (1906); чл. Г.с. с 11.VIII.1905 с должн. Глав. воен. прокурора и Нач. Глав. военно-судного управл.; 14 тыс. руб. + 4 тыс. «на переезд и обзаведение»; к присут. 25.IV.1906; центр; дом в Петерб.; пенсия вдове 5 тыс. руб.

96. **Медем, граф Оттон Людвигович** (1846 — ?); из дв.; евангелич.-лютеранск.; Петерб. ун. (ю); бывш.: уезд. предв., пред. уезд. зем. управы; сенатор (1907), гофмейстер (1906); чл. Г.с. и к присут. с 20.III.1913; 10 тыс. руб.; правая; чл. Кружка дворян; 5758 дес. приобр. его и жены в Саратовск., дом в Петерб. род. жены; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

97. **Меллер-Закомельский, барон Александр Николаевич** (1.XI.1844 — ?); из дв.; правосл.; Никол. уч. гвар. юнкеров; ген. от инфантерии (1906); чл. Г.с. с 8.VII.1909 с должн. Времен. прибалт. ген.-губ-ра; 16 тыс. руб.; к присут. с 10.III.1910; правая; майораты в Витебск. и Волыnsk., общей пл. 3950 дес.; с 1.I.1912 в список присут-

ствующим не включался: скомпрометировал себя махинациями с продажей имения и сожигательством с молодой особой, с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; им занималась ЧСК Вр. пр.; эмигрировал.

98. Менгден, барон Владимир Михайлович (28.VII.1826 — 17.XI.1910); из дв.; правосл., Уч. правовед.; дтс (1896); чл. Г.с. с 1.I.1889 с долж. чл. Совета м-ра фин-в; 10 тыс. руб., 3 тыс. «аренды» (с VI.1895 до VII.1909); к присут. 25.IV.1906; правая; 1780 дес. род. и род. жены в Рязанск. и Тульск., майорат в Царстве Польском, пл. которого не выяснена.

99. Муратов, Николай Павлович (25.I.1867 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; дсс (1908), в зв. камергера (1912); чл. Г.с. и к присут. с 24.XI.1915 с должн. чл. Совета м-ра вн. дел; 14 тыс. руб.; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен

100. Мясоедов-Иванов, Виктор Андреевич (23.I.1841 — 23.X.1911); из дв.; правосл.; ин-т корп. инж. путей сообщения; орд. проф. ин-та; сенатор, тс; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1910 с должн. тов. м-ра путей сообщ.; 13 тыс. руб. (продолжая оставаться проф. и-та, получал жалование и столовые — 2700 руб); центр; 800 дес. род. в Курск., винокур. з-д; пенс. вдове 5 тыс. руб.

101. Мясоедов, Николай Александрович (1850 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сенатор, тс (1905); чл. Г.с. и к присут. с 10.X.1908; 10 тыс. руб. (с 1.V.1913 — 12, с 16.VII.1916 — 14) и 2 тыс. руб. пожизненно «за выдающуюся деятельность в должн. Выборгск. губ-ра» из финляндских казенных сумм; правая; чл. Совета Русск. Собр.; 1460 дес. род. в Саратовск. его и 227 дес. род (в совм. влад. с братом и сестрами) в Тульск.; пароводян. мельница; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

102. Нейдгарт, Алексей Борисович (1.IX.1863 — 7.XI.1918), из дв.; правосл.; 3-я Моск. воен. гимн.; бывш. зем. нач.; губ. предв. (1896-1903); дсс (1905); камергер (1905), в д. гофмейстера (1908), гофмейстер (1917); Екатеринославск. губ-р (VI.1905 — 1.1906); 12.IV.1906 — избр. чл. Г.с. от Нижегородск. зем-ва (переизбр. 6.VII.1909, 7.VIII.1912); 1.VIII.1915 назн. чл. Г.с. с присутствием на 1915; 10 тыс. руб. (с 9.VI.1916 — 14); лидер правого центра; чл. Пост. совета объедин. дв. (1906 — 1917); 3401 дес. род. и приобр. его и приобр. жены в Нижегородск.; лесное хоз-во, сыроварня, вод. мельница; 2 дома (род. его и приобр. жены) в Москве и дом в Петерб.; с IX.1914 — пред. ком. в.к. Татьяны Николаевны; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; в 1918 арестован с женой, сыном и дочерью; расстрелян в Нижнем. Шурин П. А. Столыпина.

103. Нейдгарт, Дмитрий Борисович (1862 — ?); из дв.; правосл.; Паж. кор., Акад. ген. штаба; сенатор, тс, гофмейстер (1907), бывш. губернатор и градоначальник; чл. Г.с. с присутв. на 1916 с 11.V.1916; 14 тыс. руб.; правая; 2000 дес. род. в Нижегородской и имение в Калужск., пл. которого не выяснена; 2 дома в Москве его и дом в Петерб. жены; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

104. Немешаев, Клавдий Семенович (3.X.1849 — ?); сын колл. секр.; правосл.; Ин-т инж. путей сообщ.; м-р ПС в кабинете Витте; тс (1905); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912 с должн. нач. Юго-западн. ж.д.; 15 тыс.руб.; центр; без недв. им.; 2.X.1914 назн. нач. Галицийских ж.д.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

105. **Никольский**, Александр Петрович (15.XI.1851 — ?); сын священника, правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, тс (1906), статс-секр. (1916); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1908; 10 тыс. руб. (с 30.V.1916 — 16); правый центр; чл. Русск. Собр.; публицист (аграр. вопрос), сотруд. «Нового Времени»; 277 дес. приобр. в Тульск; с 18.I.1910 по 30.V.1916 заменял Кавказского наместника в законодат. установлениях, получая за то 4,5 тыс. руб., а с VII.1911 — 8; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

106. **Новицкий**, Иосиф Иосифович (1849 — 4.II.1917); из дв.; католик; Петерб. практ. технолог. и-т; сенатор, тс (1906); чл. Г.с. с 1.II.1914 с должн. тов. м-ра фин.; 15 тыс. руб.; к присут. с 1.I.1915; центр; в качестве пригл. участвовал в работе XI съезда объедин. дв-ва и был чл. одной из его комиссий; 3266 дес. в Минск.; пенсия вдове 10 тыс. руб.

107. **Нольде**, барон Эммануил Юльевич (27.VI.1854 — 14.XII.1909); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; ст.-секр., дтс (1908); чл. Г.с. с 2.IV.1906; 12 тыс. руб. + 2,5 тыс. «аренды» + 4,5 тыс. — как представ. Кавказского нам-ка; к присут. 25.X.1906; центр; 475 дес. в Тверск. и Рязанск. (совм. с теткою и сестрами); пенсии: вдове — 2,5 тыс., 1-й жене — 1,25 тыс. руб.

108. **Оболенский**, князь Александр Дмитриевич (24.VIII.1847 — 26.XI.1917, Ессентуки); из кн. Росс. имп.; правосл.; Моск. ун. (ю); губ. предв. (1881 — 1886); шталмейстер (1893); сенатор (1899); дтс (1916); чл. Г.с. с 13.III.1902; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; в 1914 — пред. Главн. правл. Росс. Красн. Кр.; 23000 дес. род. его и приобр. жены в Пензенск. и Тамбовск.; дома: 1 в Москве — его (Рождеств. б., 10), 3 и особняк на Морской в Петерб. (с 1909) — жены, дочери А. А. Половцова; винокур. з-д (жены), 2 лесопильных, стекольно-хрустальная ф-ка с ремонтно-мех. мастерской; склады и торговля с них продукцией стек.-хруст. ф-ки в Москве, Пензе и Самаре; чл. совета Русско-англ. банка; пред. съезда стекольных заводчиков; чл. совета съезда представителей пром. и торг.; тов. пред. Русско-франц. торг. палаты; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

109. **Оболенский**, князь Алексей Дмитриевич (24.XI.1855 — 1930, Дрезден); из кн. Росс. имп.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор, шталмейстер (1901); чл. Г.с. с 17.IV.1905 с должн. тов. м-ра фин.; 14 тыс. руб. (с 24.IV.1906 — 15); 20.X.1905 — 24.IV.1906 — обер-прокурор Синода; к присут. 25.IV.1906; центр; 4951 дес. род. и приобр. в Калужск. и Саратовск.; 2 дома в Петерб. (жены); вод. мельница (жены) и винокур. з-д; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; до 1920 жил в Москве; легко выехать за границу помогла племянница (дочь сестры, в замужестве кн. Гагариной), служившая в иностран. отделе ВЦИКа, через Енукидзе.

110. **Оболенский-Нелединский-Мелецкий**, князь Валериан Сергеевич (1.IX.1848 — 29.III.1907); из дв.; правосл., Моск. ун. (ю); шталмейстер; чл. Г.с. с 23.IV.1906 с должн. тов. м-ра ин. дел; 12 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; без недв. им..

111. **Олив**, Сергей Вильгельмович (1844 — 28.I.1909); Никол. кав. уч.; ген. от кавалерии; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1909 с должн. Главноупр. соб. е.и.в. канц. по учрежд. им. Марии.

112. **Охотников**, Владимир Николаевич (1848 — ?); из дв.; правосл.; Александр.

лицей; тс, шталмейстер (1899), сенатор (1902), дтс (1916); бывш. уезд. и губ. предв.; 11.IX.1912 избр. чл. Г.с. от Оренбург. зем-ва; правая; в 1915 выбыл за оконч. срока; 1.I.1917 назн. чл. Г.с. с присутств. на 1917; 12 тыс. руб.; 127787 дес. род. в Волынск., Воронежск., Оренбургск., Орловской и Пензенск.; пл. владений в Московск. не выяснена; 3-ды: конный, свеклосахар., лесопильн., медеплавильн.; прииск; 3 дома в Петерб.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

113. **Пален**, граф Константин Иванович (1833 — 2.V.1912); из дв.; лютеран.; Петерб. ун. (ю); ст.-секр.; обер-камергер, дтс; чл. Г.с. с 1878; 12 тыс. руб. + 5 тыс. пожизненно «за ревностные труды в бытность министром юстиции»; к присут. 25.IV.1906; правая; близкий Николаю II, весьма им ценимый; 9296 дес. род. в Курляндск.; лесоводство, скотоводство, коневодство, молочное хоз-во; пенсия незамуж. дочери — 5 тыс. руб.

114. **Палицын**, Федор Федорович (28.X.1851 — 1923); из дв.; правосл.; Акад. ген. штаба; ген. от инфантерии (1907); чл. Г.с. с 12.XI.1908 с должн. нач. Ген. штаба; 14 тыс. руб.; к присут. с 1.II.1909; правая; без недв. им.; 24.IV.1915 командирован в распоряжение Главнокоманд. Северо-западн. фронта; 11.XII.1915 командирован в распоряжение Кавказск. наместника; исключен из списка присут-х на 1917; 1.V.1917 за штатом, 5.IX. прошение об увольн., 25.X. уволен.

115. **Пантелеев**, Александр Ильич (26.VI.1838 — ?); из дв.; правосл.; школа гвард. подпрапорщиков и кав. юнкеров; ген. от инфантерии (1904); ген.-адъютант (1905); чл. Г.с. с 6.V.1903 с долж. Иркутск. воен. ген.-губ.; 15 тыс. руб. + 2 тыс. «аренды» (по 1 тыс. в 1907-1909); к присут. 25.IV.1906; правая; пользовался особым доверием Николая II; без недв. им.; 2.IX.1914 поручено расследовать трагедию в Вост. Пруссии; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

116. **Петров**, Николай Палович (1.V.1836 — 1920); из дв.; правосл.; Инж. акад.; почет. чл. Петерб. АН (1894); проф. Технолог. инта; инж.-генерал-лейтенант; кавалер ор. св. ап. Андрея Первозванного (1915); чл. Г.с. с 9.IV.1900 с должн. тов. м-ра ПС (1893-1900); 13 тыс. руб. + 3 тыс. «аренды» + 3 тыс. учеб. пенсия; к присут. 25.IV.1906; центр; 1230 дес. приобр. в Черноморск.; 9.III.1907 назнач. пред. II деп. Г.с. (16 тыс. руб.); 23.IX.1908 — пред. Особ. ком. для иссл. ж. д. дела в России; в V.1910 назн. первым представит. пр-ва на VIII сессии Международн. ж. д. конгресса в Берне; 1.VIII.1915 — пред. Верх. комис. для расслед. несвоевременного и недостаточ. пополнения запасов воинского снабжен. армии; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

117. **Пихно**, Дмитрий Иванович (1.I.1853 — 29.VII.1913); из мещан; правосл.; Киевск. ун. (ю); док. полиц. права; бывш. орд. проф. у-та (до 22.XII.1901, пенс. за 25-летн. сл. 2400 руб.); дсс; тс (1913); ред. «Киевлянина»; чл. Г.с. с 25.III.1907; 10 тыс. руб.; к присут. с 4.IV.; правая; чл. Русск. Собр.; 4085 дес. в Подольск. и Волынск.; пар. мельница. Отчим В. В. Шульгина.

118. **Платонов**, Степан Федорович (24.XII.1845 — 7.V.1916); сын почет. гражданина; правосл.; Харьковск. ун. (ю); сенатор (1893); дтс (1907); чл. Г.с. с 6.V.1902; 10 тыс. руб. (с V.1903 — 12), 3 тыс. «аренды» (с II.1905 на 6 лет); к присут. 25.IV.1906; центр; дача приобр. (57 дес.); с 10.VII. 1903 — пред. Особого по делам г. С.-Петербур.

присут-я, за что дополн. 6 тыс. руб.; 17.XII.1915 уволен от долж. пред. Особ. присут.; как чл. Г.с. 15 тыс. руб.; пенс. вдове 5 тыс. руб.

119. **Плеве**, Николай Вячеславович (1871 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; сенатор, тс, гофмейстер (1916); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917 с должн. пом. Глав. нач. петроградск. в.о. по гражд. части; 15 тыс. руб.; правая; чл. Русск. Собр.; 300 дес. приобр. в Костромск. (за матерью), 2 имения в Новгородск., пл. которых не выяснена; в конце III — нач. IV.1917 «сидел» в министерск. павильоне Думы, отпущен; 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен. Сын В. К. Плеве.

120. **Покровский**, Николай Николаевич (27.I.1865 — 1930); сын дсс; правосл.; Петерб. ун.; тс (1913); чл. Г.с. с 1.II.1914 с долж. тэв. м-ра фин.; 14 тыс. руб.; к присут. с 1.I.1915; кружок внепарт. объедин.; в качестве приглашен. участвовал в работе X и XI съездов объедин. дв., чл. его экон. комис.; 300 дес. приобр. в Ковенск. и 130 дес. пастбища, общего с крестьянами; 25.I.1916 назн. гос. контролером; 30.XI.1916 — мин. ин. дел; 3.III.1917 передал дела П. Н. Милюкову; 11.IV. — прошение об увольн.; пенсия — 7 тыс. руб.; после Окт. р. — чл. комис. по выработке проекта договора с Финляндией.

121. **Поливанов**, Алексей Андреевич (4.III.1855 — 25.IX.1920); из дв.; правосл.; Инж. акад., Акад. ген. штаба; ген. от инфантерии (1911); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912 с остав. в долж. пом. воен. м-ра (до 24.IV.1912); 14 тыс. руб.; правая; глав. ред. «Русского инвалида» и «Военного сборника» (1894-1904), затем их сотрудник; имение в Костромск., пл. которого не выяснена; 14.XI.1914 назн. состоять при пр. А. П. Ольденбургском; с 13.VI.1915 назн. управл. воен. мин., с 10.IX.1915 — воен. м-р (до 15.III.1916); как чл. Г.с.- 18 тыс. руб.; при м-ре А. И. Гучкове — пред. Особ. комис. по построению армии на новых началах; при сов. вл. — воен. эксперт при заключении советско-польского мирного договора; чл. Законодательного совета и Особ. совещания при главкоме Кр. армии.

122. **Половцов**, Александр Александрович (31.V.1832 — 24.IX.1909); из дв. (дед — бедный священник Новгородск. губ.; отец — «чиновник средней руки»); правосл.; Уч. правовед.; сенатор (1874); ст.-секр. (1883); дтс; чл. Г.с. с 1.VII.1892; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; 49907 дес. в Петербургск., Богословский горнозаводск. округ (около 0,5 млн. дес.); дом в Петерб., дворец в Царск. Селе, усадьба в Монте-Карло; Надеждинский сталеплавильный з-д; добыча меди, золота, железа; текстильные фабрики под Нарвой. Женат был на приемной дочери барона Штиглица.

123. **Полторацкий**, Петр Алексеевич (1841 — 2.VII.1909); из дв.; правосл.; Пажеск. кор.; тс; чл. Г.с. с 6.XII.1904 с долж. Казанского губ-ра; 10 тыс. руб. + 2 тыс. «аренды»; к присут. с 1.I.1908; правая; 1700 дес. в Тверской.

124. **Разумовский**, Аполлон Николаевич (23.VII.1853 — ?); из мещан; правосл.; Демидовск. лицей; сенатор, тс (1912); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 14 тыс. руб.; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

125. **Редигер**, Александр Федорович (31.XII.1853 — 1918); из дв. ВКФ; лютеранин (в XII.1914 перешел в правосл.); Акад. ген. штаба; проф. акад.; ген.-лейтенант (1900), ген.от инфантерии (1907); чл. Г.с. с 3.XI.1905 с оставл. в заним. должн. воен.

м-ра; к присут. 25.IV.1906; 11.III.1909 уволен от долж. м-ра; 18 тыс. руб.; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

126. **Рерберг, Петр Федорович** (6.X.1835 — 22.V.1912); из дв.; лютер.; Главн. инж. училище; инж.-генерал; чл. Г.с. с 11.VIII.1904 с должн. пред. Главн. военно-санитар. ком-та; 12 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; без недв. им.

127. **Римский-Корсаков, Александр Александрович** (3.V.1850 — 1922, Берлин); из дв.; правосл.; Моск. ун.(ю); Витебск. губ. предв. (1903 — 1905); Ярославск. губ-р (1905 -1909); сенатор (1909); шталмейстер (1909); чл. Г.с. и к присут. с 24.XI.1915; 14 тыс. руб.; правая; чл. Совета Русск. Собр.; чл. Кружка дворян; чл. Глав. совета СРН (1908), тов. его пред.(1909 — 1910); акт. деятель объедин. дв-ва; чл. Совета Сопещения монархистов 21 — 23.XI.1915 в Петрогр.; 1850 дес. приобр. его и жены в Витебск.; в III.1917 арестован, освобожден; в IV. отказано в жаловании; в связи с Корнилов. мятежом арестован, заключен в Быховск. тюрьму; 27.IX. освобожден, эмигрант.

128. **Рихтер, Оттон Бурхардович** (1.VIII.1830 — 2.III.1908); из дв.; лютер.; Паж. кор.; ген. от инфантерии; ген.-адъютант (1871); кавал. орд. св. ап. Андрея Первозванного; чл. Г.с. с 1.I. 1887 с долж. Командующ. гл. квартирой. е.и.в.; 18 тыс. руб.+ 4 тыс. «аренды» + 3 тыс. пожизн. пенсия; к присут. 25.IV.1906; правая; «11 гапенов» род. в Лифляндск.; 10 тыс. руб. пенсии вдове. Пользовался особым доверием и любовью Александра III и Николая II.

129. **Рогович, Алексей Петрович** (27.VII.1858 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун.; сенатор, тс, гофмейстер (1906); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912 с долж. тов. обер-прокурора Синода; 12 тыс. руб.; правая; чл. Совета Русск. Собр.; 752 дес. род. в Московск.; дом в Москве; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

130. **Розен, барон Роман Романович** (12.II.1847 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; гофмейстер (1903); чл. Г.с. с 26.VIII.1911 с долж. чрез. и полномоч. посла в АСШ; 18 тыс. руб.; к присут. с 1.I.1912; внепарт., в 1915 вошел в центр; без недв. им.; исключен из списка присут-х на 1917; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

131. **Романов, Петр Михайлович** (21.VI.1851 — 31.VII.1911); сын домаш. учителя; правосл.; Петерб. ун.; тс; чл. Г.с. с 1.I.1905 с должн. тов. м-ра фин.; 15 тыс. руб. + 2,5 тыс. «аренды»; к присут. 25.IV.1906; центр; без недв. им.; пенсия вдове с двумя малолетними детьми — 6 тыс. руб. — с усл. (приписка Николая II): «в случае замужества или смерти вдовы — сыну и дочери по 2 000 руб. каждому».

132. **Рооп, Христофор Христофорович** (1.V.1831- ?); из дв.; правосл.; Акад. ген. штаба; ген. от инфантерии (1885); кавалер орд. св. ап. Андрея Первозванного; чл. Г.с. с 9.X.1890 с должн. командующ. Одесск. в.о.; 10 тыс. руб. + 2,5 тыс. «аренды» (с VIII.1893 по его просьбе — 18 тыс. руб. и 3 тыс. «аренды»); к присут. 25.IV.1906; правая (в 1914 перешел к внепарт.); без недв. им.; исключен из списка присут-х на 1917; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

133. **Рухлов, Сергей Васильевич** (24.VI.1852 — X.1918); сын губ. секр; правосл.; Петерб. ун. (ю); тс (1901); ст.-секр. (1912); дтс (1913); чл. Г.с. с 6.XI.1905 с должн. тов. Главноупр. торг. мореплаванием и портами; 12 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; один из учредит. и 1-й пред. Всеросс. нац. союза; 636 дес. род. в Вологодск.,

дача на Черноморск. побереж. Кавказа; 29.XI.1909 назн. м-ром ПС; содерж. по заним. долж.; 27.X.1915 уволен от долж. м-ра; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; правый центр; с Г.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; убит в Пятигорске.

134. **Саблер** (с 20.XI.1915 — Десятовский) Владимир Карлович (1846 — 1929, Тверь); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); магистр угол. права; доцент; сенатор (1896); дтс (1905); ст.-секр. (1913); чл. Г.с. с 6.V.1905 с долж. тов. обер-прокур. Синода; 12 тыс. руб. (с 5.VII.1915 — 18) + 2,5 тыс. «аренды» (до 1911); к присут. 25.IV.1906; правая; чл. Русск. Собр.; 2740 дес. приобр. его и жены; 4.V.1911 — 5.VII.1915 — обер-прокурор Синода; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

135. **Сабуров**, Андрей Александрович (1837 — 10.III.1916); из дв.; правосл.; Александр. лицей; сенатор, дтс, ст.-секр.; чл. Г.с. с 1.VII.1899; 12 тыс. руб. (с XII.1904 — 14, с VI.1906 — 16), 2 тыс. «аренды» (с 14.V.1903 на 6 лет); к присут. 25.IV.1906; центр; 2000 дес. род. его и жены в Тамбовск.; сын декабриста А. И. Сабурова (1799 -1880).

136. **Сабуров**, Петр Александрович (1836 — 28.III.1918); из дв.; правосл.; Александр. лицей; сенатор (1884), дтс (1901); чл. Г.с. с 1.I.1900; 10 тыс. руб. (с 18.VI.1901 — 12, с 1.I.1914 — 14, в XII. 1904 — 15 тыс. руб. единоврем.); к присут. 25.IV.1906; центр (в 1911 — в кружок внепарт. объедин.); 470 дес. род. в Тамбовск.; 23.VI.1917 назн. чл. Особ. присутст. по отчужд. недвиж. им-в. Брат А. А. Сабурова.

137. **Сазонов**, Сергей Дмитриевич (29.VI.1860 — 25.XII.1927, Ницца); из дв.; правосл.; Александров. лицей; гофмейстер (1910); чл. Г.с. с 1.I.1913 с оставл. в заним. долж. м-ра ин. дел; 701,3 дес. В Казанск., имение в Московск. и имение под Белостоком, пл. которых не выяснена; 9.VII.1916 уволен от долж. м-ра; как чл. Г.с. — 22 тыс. руб.; кружок внепарт. объедин.; 12.I.1917 назн. послом в Англию; в 1918 — 1919 — глава внешнеполитич. ведомства у А. И. Деникина; осенью 1919 — дипл. представит. А. В. Колчака. Свояк П. А. Столыпина.

138. **Салов**, Василий Васильевич (1839 — 25.VIII.1909); из дв.; правосл.; Ин-т Корпуса инж. путей сообщ.; дтс; чл. Г.с. и к присут. с 28.IX.1908 с долж. пред. Инженер. совета МПС; 12 тыс. руб., 2,5 тыс. «аренды», 1,5 тыс. пенсия; внепарт., разделявший позиции центра; без недв. им.; пенсия вдове 6 тыс. руб.

139. **Самарин**, Александр Дмитриевич (30.I.1868 — 1932); из дв.; правосл.; Моск. ун.; зем. нач. (1893-1899), уезд. предв. (1899 — 1908), губ. предв. (1908 — 1915); дсс, в д. егермейстера (1910); чл. Г.с. с 3.IX.1912 с остав. в долж. губ. предв.; 10 тыс. руб.; к присут. с 23.X.; правая; чл. Кружка москвичей; пред. Пост. совета объедин. дв. (1916 — 1917); 175 дес. приобр. в Московск.; дом в Москве, вод. мельница, картофельно-крахмальный з-д (семейн. собст.); 5.VII — 26.IX. 1915 — и. д. обер-прокурора Синода; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; в 1917-1918 — участник Собора Российск. правосл. церкви; в 1918-1922 много раз арестовывался и подолгу сидел в тюрьме; в 1925 арестован и сослан в Сибирь; в 1929 поселился в Костроме (без права выезда), где и умер.

140. **Селиванов**, Андрей Николаевич (5.VIII.1847—6.VII.1917); из дв.; правосл.; Акад. ген. штаба; ген. от инфантерии (1907); чл. Г.с. с 13.VII.1910 с должн. Иркутск. ген.-губ-ра; 15 тыс. руб., 6 тыс. «на подъем и обзаведение»; к присут. на 1910, с

28.VII.; правая; без недв. им.; 18.IX.1914 назн. команд. Блокадной армией, затем — 11-й (взял Перемышль); уволен от должн. команд. по болезни 6.IV.1915; исключен из списка присутст-х на 1917; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

141. **Семенов, Владимир Николаевич** (1852 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сенатор, тс (1902); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 14 тыс. руб.; правая; дача в Новгородск.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

142. **Семенов** (с 23.XI.1906 — Семенов-Тян-Шанский), **Петр Петрович** (2.I.1827 — 26.II.1914); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; почетн. чл. АН (1873); сенатор, дтс; кавал. орд. св. ап. Андрея Первозванного; чл. Г.с. с 8.VI.1897 с должн. пред. Статистическ. совета МВД; 10 тыс. руб. (с 1901 — 15), с 31.III.1874 — 2 тыс. «аренды» (с 1898 увеличена до 3); с 10.III.1910, поскольку «аренда» не возобновлялась, содержание было увеличено, по его просьбе, до 18 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; 4100 дес. род. и приобр. его и род. жены в Рязанск., Самарск. и Тамбовск.; дом в Петерб.; пенсия вдове 7 тыс. руб.

143. **Сергеевич, Василий Иванович** (19.III.1832 — 26.XI.1910); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю), лекции в Гейдельберге, Берлине, Вене; засл. орд. проф.; ректор Петерб. у-та (1897 — 99); тс; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1907; 10 тыс. руб., 3 тыс. проф. пенсия; центр; 622 дес. род. в Орловск. и Харьковск.; пенсии: вдове — 3 тыс. руб. (с IV.1916 — 4), 2 дочерям — по 1,5 тыс. (до замужества).

144. **Сергеевский, Николай Дмитриевич** (7.X.1849 — 25.IX.1908); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); засл. проф. Петерб. у-та, Военно-юрид. академии, Лесного и-та; сенатор, тс; чл. Г.с. с 6.V. 1906; 10 тыс. руб., 2 тыс. «аренда», 2352 руб. учеб. пенсия; к присут. с 29.V.1906; правая; 330 дес. род. в Псковск.; пенсия вдове — 5 тыс. руб.

145. **Соболевский, Алексей Иванович** (26.XII.1856 — 1929), сын чиновника; правосл.; Моск. ун.; засл. проф.; орд. академик (1900); тс (1909); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 11 тыс. руб.; правая; чл. Главн. совета СРН (1910), тов. его пред. (1911); без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

146. **Сольский, граф** (с 1.I.1902) **Дмитрий Мартынович** (1833 — 29.XI.1910); из дв.; правосл.; Александр. лицей; ст.-секр.; дтс I класса (1906); кавал. орд. св. ап. Андрея Первозванного; чл. Г.с. с 11.VII.1889 с должн. Гос. контролера; 18 тыс. руб., 4 тыс. «аренды» (с III.1897 — 5); 24.VIII.1905 назн. пред Г.с.; 25 тыс. руб., 5 тыс. «аренда», 1,4 тыс. за ордена; 25.IV.1906 назн. пред. реформированного Г.с., 9.V. уволен от должн. пред. Г.с.; как члену Г.с. — 20 тыс. руб.; внепарт.; 1700 дес. в Псковск., дом в Петерб.; пенсия вдове — 10 тыс. руб.

147. **Сомов, Сергей Михайлович** (23.VI.1854 — ?); из дв.; правосл., Уч. правовед.; бывш. уезд. и губ. предв.; гофмейстер (1.I.1917); чл. Г.с. и к присут. с 11.II.1917; 11 тыс. руб.; правая; акт. деятель объедин. дв.; 1716 дес. род. и приобр. в Воронежск.; 1 дом в Воронеже, 5 — в Петерб., из них 3 — в общей собств. с братьями; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

148. **Стевен, Александр Христианович** (15.III.1844 — 6.V.1910); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; бывш. уезд. и губ. предв., пред. губ. зем. управы; гофмейстер (1892); чл. Г.с. с 6.XII.1904 с долж. тов. м-ра З и ГИ; 12 тыс. руб., 2,5 тыс. «аренды»; к присут.

25.IV.1906; центр; сад (12 дес) и виноградник (45 дес) в Феодосийск. уезде, дом близ Симферополя; пенсия дочери — 2 тыс.

149. **Стишинский, Александр Семенович** (18.VI.1852 — 11.I.1922, Константинополь); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); дтс (1913); сенатор (1916); чл. Г.с. с 14.IX.1904 с должн. тов. м-ра вн. дел; 14 тыс. руб., 3 тыс. «аренды» (с прекращением «аренды» содержание было увеличено до 16 тыс.); 24.IV — 8.VII.1906 — Главноупр. 3 и 3; к присут. 25.IV.1906; правая; чл. Русск. Собрания; пред. Русск. Окраинного о-ва; чл. Совета о-ва ревнителее рус. ист. просвещ. в память Александра III; в качестве приглашенного активно участвовал в работе съездов и комиссий объед. дв.; без недв. им.; 15.V.1914 назн. пред. Алексеевского к-та; 3.VII.1916 назн. пред. Особ. к-та по борьбе с немецким засильем; 3.III — 11.VI.1917 — в камере N 57 Трубецкого б.; освобожден 23.VI.1917; уехал в Полтаву; в конце 1918 — к Деникину на должн. по гос. контролю; в XI.1920 эмигрировал.

150. **Струков, Ананий Петрович** (16.III.1857 — V.1922, София); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); губ. предв. (1886 — 1892); гофмейстер (1904); с 8.IV.1906 по VI.1912 — выбор. чл. Г.с. от дворянства; 1.VII.1912 назнач. чл. Г.с.; 10 тыс. руб.; к присут. с 23.X.1912; правая; чл. Русск. Собр.; чл. О-ва ревнит. русского ист. просвещ. в память Александра III; чл. Совета Отечественного союза; акт. деят. объед. дв., чл. Пост. совета (1908 — 1909), тов. его пред. (1909 — 1913), пред. (1913 — 1916); 41640 дес. (1912) род. и приобр. в Екатеринославск., Полтавск. и Минск.; полеводство, скотоводство, овцеводство, свиноводство, пчеловодство, плодоводство, виноградарство, лесоразведение; пар. мельница; дом в Екатеринославе и 3 дома в Петерб.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; эмигрировал.

151. **Столыпин, Петр Аркадьевич** (2.IV.1862 — 5.IX.1911); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; уезд. предв. (1889 — 1899); губ. предв. (1899 — 1902); гофмейстер (1906); ст.-секр. (1908); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1907 с оставл. в должностях пред. Сов. мин. и м-ра вн. дел; 9038 дес. род. и приобр. его и род. жены в Казанск., Ковенск., Нижегородск. и Пензенской.

152. **Сухомлинов, Владимир Александрович** (4.III.1848 — 1926, Берлин); из дв.; правосл.; Акад. ген. штаба; автор статей и брошюр; ген. от кавалерии (1906); ген.-адъютант (1912); чл. Г.с. с 6.XII. 1911 с оставл. в заним. должн. воен. м-ра; 21.VI.1915 — уволен от должн. м-ра; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; 8.III.1916 уволен от службы, согласно прошению, «с мундиром и пенсией» (из эмеритальной кассы — 2145 руб. в год); 10.III.1916 I департамент Г.с. постановил произвести следствие, а его — содержать под стражей; в IV-X.1916 был под домашн. арестом; 1.III.1917 арестован снова; обвинения в измене и злоупотреблениях не подтвердились; признан виновным в недостаточной подготовке к войне и приговорен к бессроч. каторге, замененной заключением; 1.V.1918 амнистирован как достигший 70 лет; эмигрировал.

153. **Сухотин, Николай Николаевич** (28.I.1847 — VIII.1918); из дв.; правосл.; Акад. ген. штаба; засл. проф. акад.; автор воен. и военно-ист. трудов; ген. от кавалерии (1906); чл. Г.с. с 21.IV.1906 с должн. Степного ген.-губ.; 14 тыс. руб., 1,5 тыс. — пенсия за учебную службу, 5 тыс. «на подъем и обзаведение»; к присут. 25.IV.1906;

правая (в 1911 перешел к внепарт.); 549 дес. в Тульск., винокур. з-д (в аренде); с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

154. **Таганцев, Николай Степанович** (19.II.1843 — 22.III.1923, Петроград); из купцов; правосл.; Петерб. ун. (ю), командировка в Германию; докт. угол. права; проф. Петерб. у-та и Уч. правовед.; изв. ученый-криминалист (прем. Сперанского за курс общ. части рус. угол. права); сенатор (1887); дтс (1903); чл. Г.с. с 17.IV.1905 с должн. первоприсут. в угол. кассац. деп. Сената; 12 тыс. руб., 2 тыс. «аренды», 3 тыс. за преподав. в Уч. правовед.; к присут. 25.IV.1906; центр; 403 дес. приобр. в Тверск.; 1.V.1917 назн. присут. сенатором I деп. Сената; 5.V. — пред. в судебных засед. угол. кассац. деп. Сената; как чл. Г.с. с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

155. **Танеев, Александр Сергеевич** (5.I.1850 — 25.I.1918); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); гофм. (1895); статс-секр. (1904); обер-гофмейстер (1906); чл. Г.с. с 2.IV.1906 с оставл. в заним. должностях Главноупр. соб. е.и.в. канц. и др.; к присут. 25.IV.1906; правая; 1500 дес. в Орловск.; 1.III.1917 арестован; выдача жалов. приостановлена; 22.III. уволен, по прош., с назн. пенс. — 7 тыс. руб.. Отец А. А. Вырубовой.

156. **Таубе, барон Максим Антонович** (25.XII.1826 — 12.VI.1910); из дв.; лютер.; Артил. акад.; ген. от артиллерии; чл. Г.с. с 5.VII.1900 с должн. Степного ген.-губ.; 18 тыс. руб., 2,5 тыс. «аренды», 5 тыс. «на подъем и обзаведение»; к присут. 25.IV.1906; правая; без недв. им.

157. **Таубе, барон Михаил Александрович** (15.V.1869 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); орд. проф. Уч. правовед.; докт. международ. права; сенатор, тс (1915); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; правая; в качестве приглашен. принимал участ. в работе комиссий и XI съезда объедин. дв.; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; эмигрировал в Германию.

158. **Татищев, граф Иван Дмитриевич** (23.V.1830 — 24.IX.1913); из дв.; правосл.; школа гвард. подпрапорщиков и кав. юнкеров; ген. от инфантерии; ген.-адъютант (1907); чл. Г.с. с 11.VIII.1904 с должн. чл. Военн. совета; 12 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; без недв. им..

159. **Тернер, Федор Густавович** (1832 — 7.VIII.1906) из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, дтс (1898); чл. Г.с. с 1.I.1896; 13 тыс. руб. (с XII.1904 — 15, с VI.1906 — 16), 3 тыс. «аренды»; к присут. 25.IV.1906; с группой не определился; 1600 дес. род. в Петербургск. (совместно с сестрами).

160. **Тимашев, Сергей Иванович** (1858 — 1920); из дв.; правосл.; Александровск. лицей и стажировка в ун-х Берлина, Вены и Гейдельберга по финансово-эконом. вопросам; ст.-секр. (1915), дтс (1917); чл. Г.с. с 6.XII.1911 с оставл. в заним. долж. м-ра Т и П; к присут. с 1.I.1912; 17.II.1915 уволен от должн. м-ра; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; кружок внепарт. объедин.; 24.VII.1915 назн. чл. Особ. совещ. для объедин. мероприятий по обеспечению Действующей армии предметами боевого и матер. снабжения (вместо заболевш. Крестовникова); дома в Петерб.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; после Окт. р. работал в наркомате финансов.

161. **Толь, граф Сергей Александрович** (30.VI.1848 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; обер-егермейстер (1914); чл. Г.с. с 6.V.1903 с должн. Петерб. губ-ра; 13

тыс. руб. (с IV.1910 — 15), 2 «аренды», 3 тыс. — «на подъем и обзаведение»; к присут. 25. IV.1906; правая; чл. Русск. Собр.; 2423 дес. приобр. его и род. и приобр. жены в Рязанск.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен. Зять графа Д. А. Толстого.

162. **Трепов, Александр Федорович** (18.IX.1862 — 1928, Ницца); из дв.; правосл.; Паж. корп.; бывш. уезд. предв.; сенатор (1906); егермейстер (1905); ст.-секр. (1916); чл. Г.с. и к присут. с 1.V. 1914; 12 тыс. руб.; правая; чл. Русск. Собр.; 3124 дес. приобр. его и жены в Киевск., пивоварен. з-д (в аренде); в авг. 1915 назн. чл. Особ. совещ. по обороне; 30.X.1915 назн. управл. МПС, с 1.I.1916 — министром; 10.XI.1916 — пред. Сов. мин. с оставл. м-ром ПС и чл. Г.с.; 27.XII.1916 уволен от долж. пред. Сов. мин. и м-ра; как чл. Г.с. — 20 тыс. руб.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; в эмиграции возглавил Русск. ком-т (Хельсинки, XI .1918), с 1921 — чл. Высшего монархическ. совета, принимал акт. участие в работе Всемирного русского съезда (1926).

163. **Трепов, Владимир Федорович** (6.I.1860 — 1918, Кронштадт); из дв.; правосл.; Александр. лицей; сенатор (1905), шталмейстер; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1908; правая; чл. Русского Собр.; 1160 дес. в Люблинск.; чл. правл. Акц. о-ва Кузнецких каменноуг. копей (1913); 29.IV. 1911 уволен по соб. просьбе; назн. пенсия — 7 тыс. руб.; в VIII.1918 арестован, отвезен в Кронштадт и убит. 2 его сына — участники мировой войны; оба нагр. Георгиевскими кр. IV ст.; Федор убит, Борис в эмиграции.

164. **Трепов, Федор Федорович** (13.V.1854 — 1938); из дв.; правосл.; Паж. корп.; сенатор (1903), ген. от кавалерии (1909), ген.- адъютант (1909); чл. Г.с. с 15.XI.1905; 12 тыс. руб.; к присут. 25.IV. 1906; центр; 1524 дес. приобр. в Киевск. и Подольск., вод. мельница; 18.XII.1908 назн. Киевск. ген.-губ. с освоб. от присут. в Г.с.; 30.IX.1914 ген.-губернаторство упразднено; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; с 1.I.1915 — к присут. в Г.с.; центр, с VII.1915 — кружок внепарт. объедин.; в X.1916 назн. воен. ген.-губ. областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны, с освоб. от присут. в Г.с.; 5.IV.1917 уволен от долж. ген.-губ.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; в эмиграции.

165. **Трубников, Александр Николаевич** (23.IV.1853 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп.; бывш. уезд. предв.; шталмейстер (1902); чл. Г.с. с 20.XI.1912 с долж. управл. двором герцога Лейхтенбергского и попечителя кн. С. Г. Романовского; к присут. с 22.XI.; 12 тыс. руб.; правая; род. имения в Тверск. и Новгородск., пл. которых не выяснена, 3 дома в Петерб.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

166. **Трусевич, Максимилиан Иванович** (3.VII.1863 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор, тс (1909); 16.IX.1911 получил приказание произвести расследование действий Киевск. охр. отделения; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 15 тыс. руб.; правая; без недв. им.; 1.III.1917 арестован; приостановлена выдача жалования; до 10.VIII — в Трубецк. б.; освобожден комиссией по внесудеб. расследованиям; 25.X 1917 уволен.

167. **Турау, Евгений Федорович** (20.II.1847 — 16.IV.1914); из дв.; реформатск.; Новороссийск. ун. (ю); сенатор, гофмейстер, дтс (1912); чл. Г.с. с 6.V.1906; 10 тыс. руб.; с 29.V. к присут.; правый центр; 4050 дес. приобр. жены в Волынск. и Херсонск.; пенсия вдове 6 тыс. руб..

168. **Тютчев, Иван Федорович** (1847 — 13.V.1909); из дв.; правосл.; Уч. право-

вед.; гофмейстер; чл. Г.с. с 6.XII.1907; 10 тыс. руб., 1,5 тыс. «аренды»; к присут. с 1.I.1908; правая, чл. Кружка москвичей, чл. совета О-ва ревнит. русск. ист. просвещения в память Александра III; 15475 дес. род. и приобр. его и род. жены в Орловск., Московск., Тульск. и Казанск.; пенсии жене — 2 тыс. руб. (с 1.I.1911 — 3), 2-м дочерям — по 2. Второй сын поэта.

169. **Унтербергер**, Павел-Симон Фридрихович (9.VIII.1842 — 13.II.1921, Мекленбург); из дв.; лютер.; Никол. инж. акад.; сенатор, инж.-генерал (1906); чл. Г.с. с 6.XII.1910 с должн. Приамурск. ген.-губ.; 16 тыс. руб.; 8 тыс. «на переезд»; к присут. с 1.I.1911; правая; без недв. им.; с 1.V. 1917 за штатом, 25.X. уволен; в эмиграции.

170. **Философов**, Дмитрий Александрович (30.I.1861 — 6.XII.1907); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (физ.-мат. и юрид. ф-ты); шталмейстер; чл. Г.с. с 23.IV.1906 с должн. гос. контролера; 15 тыс. руб.; 2,5 тыс. «аренды»; 25.IV.1906 к присут.; центр; имение в Псковск., пл. которого не выяснена; 27.VII.1906 назн. м-ром Т и П.

171. **Фрезе**, Александр Александрович (17.VI.1840 — ?); из дв.; правосл.; ин-т корп. горн. инженеров, Акад. ген. штаба; ген. от инфантерии; чл. Г.с. с 16.XII.1905 с должн. Виленск., Ковенск. и Гродненск. ген.-губ.; 15 тыс. руб., 2 тыс. «аренды» (с прекращением «аренды», с 1910 содерж. увел. до 17 тыс.), 3 тыс. «на переезд»; к присут. 25.IV. 1906; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 24.X. уволен.

172. **Фредерикс**, барон (с 21.II.1913 — граф) Владимир Борисович (16.XI.1838 — 8.VII.1927, Финляндия); из дв.; евангелическо-лютер.; восп. и образ. — «у родителей»; ген. от кавалерии; ген. -адъютант (1896); кавалер орд. св. ап. Андрея Первозванного (1908); чл. Г.с. с 4.XI.1905 с оставл. в заним. долж. м-ра двора и уделов; 25.IV.1906 — к присут., однако в засед. никогда не бывал; 1415 дес. в Петербургск., имения в Финляндии, пл. которых не выяснена; вод. мельница; 12 домов в Петерб.; в III.1917 был арестован, приостановл. выдача жалования; 28. III.1917 уволен «согласно прошению, от службы, с мундиром и пенсией»; в эмиграции.

173. **Фриш**, Эдуард Васильевич (26.I.1833 — 31.III.1907); из дв.; евангелическо-лютер.; Уч. правовед.; сенатор, дтс (1883), ст. -секр. (1887); чл. Г.с. с 1.I.1883 с должн. м-ра юстиции; 13 тыс. руб. и казен. кв. по званию Главноупр. кодификационным отд. при Г.с. (до 1893; с X. 1893 — 16 тыс., с XII.1898 — 18) и 3,5 тыс. «аренды» (с I.1892 — 4); 25.IV.1906 назн. к присут. и вице-пред. Г.с.; 20.V.1906 — пред. Г.с.; 25 тыс. руб.; 694 дес. в Волынск., приобр. загород. дом близ Петерб. и деревян. дом в Царск. Селе; в 1903 — награда в 50 тыс. руб. за труды по составл. проекта угол. уложения; пенсии вдове и дочерям — 12 тыс. руб.

174. **Харитонов**, Петр Алексеевич (18.XI.1852 — 21.IV.1916); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор (1906), ст.-секр.(1911), дтс (1913); чл. Г.с. с 23.IV.1906 с долж. тов. Гос. секретаря; 12 тыс. руб., 2,5 тыс. «аренды»; к присут. 25.IV.1906; центр; 6756 дес. род. и приобр. жены (дочери К. П. фон Кауфмана) в Самарск. и Уфимск. и её же майораты в Варшавск. и Калишск., пл., которых не выяснена; 12.IX.1907 назн. гос. контролером; 25.I.1916 уволен от долж. гос. контр.; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; пенсия вдове — 8 тыс. руб.

175. **Хвостов**, Александр Алексеевич (8.I.1857 — 1922); из дв.; правосл.; Александровск. лицей; сенатор, тс (1905); дтс (1917); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1912; 12

тыс. руб. (с 1.I.1914 — 14); правая; 757 дес. род. в Орловск.; 6.VII.1915 назн. управляющ., а 30.IX. — м-ром юстиции; 7.VII. 1916 назн. м-ром вн. дел с освоб. от должн. м-ра юст.; 16.IX.1916 освоб. от должн. м-ра вн. дел; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

176. **Хвостов**, Николай Алексеевич (22.XII.1844 — 27.XII.1913); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сенатор (1904), тс; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1908; 10 тыс.; правая; чл. Русск. Собр.; 1836 дес род. и приобр. его и род. жены в Орловск. и Новгородск.; пенсия дочери — 2 тыс. руб. (до замужества).

177. **Хилков**, князь Михаил Иванович (1834 — 8.III.1909); из дв.; правосл.; Паж. корп.; дтс, ст.-секр. (1904); чл. Г.с. с 25.X.1905 с должн. м-ра ПС; 18 тыс. руб., 4 тыс. «аренды»; к присут. 25.IV. 1906; центр; 225 дес. род. в Тверск.; пенсии: дочери — 3 тыс. руб. (до замужества), овдовевшей дочери — 2,4; сестре князя — единовр. пособие в 1 тыс. руб.

178. **Чаплинский**, Георгий Гавриилович (29.X.1865 — ?); из дв.; правосл.; Киевск. ун. (ю); сенатор, тс (1914); чл. Г.с. и к присут. с 13.I.1917; 14 тыс. руб.; правая; род. усадьба в Полтавск., пл. которой не выяснена; 3.III.1917 арестован и заключен в Трубец. б. Петропавл. кр.; 1.IV. освобожден. В 1911 — 1914 — прокурор Киевск. судебн. палаты.

179. **Чебышев**, Николай Алексеевич (7.IX.1852 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, тс (1911); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 14 тыс. руб.; правая; без недв. им.; 19.I.1917 назн. тов. м-ра юстиц; 13.III. уволен от должн. м-ра ; с 1.V. за штатом, 25.X. уволен.

180. **Череванский**, Владимир Павлович (31.X.1836 — 22.VI.1914); из дв.; правосл.; Херсонск. гимназия; сенатор (1894), дтс (1904); чл. Г.с. с 1.I.1898 с должн. тов. гос. контролера; 13 тыс. руб., 3 тыс. «аренды»; внепартийн.; без недв. им.; сотрудник М. Д. Скобелева в Туркестане, изв. востоковед.

181. **Чихачов**, Николай Матвеевич (17.IV.1830 — ?); из дв.; правосл.; Морск. кад. корп.; адмирал (1892), ген.-адъютант (1893); чл. Г.с. с 14.V.1896; 18 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; центр; 5437 дес. в Подольск. и Псковск.; 2 конных з-да, сахароваренный, разработка фосфорита, 2 дома в Петерб.; исключен из списка присутствующих на 1916 по личной просьбе: возраст.

182. **Шамшин**, Иван Иванович (1835 — 4.I.1912); из дв.; правосл.; Александровск. лицей; сенатор, дтс (1898), ст.-секр. (1907); чл. Г.с. с 1.I.1896; 10 тыс. руб. (с IV.1896 — 12, с I.1905 — 14) и 2 тыс. «аренды» (с XII.1897 — 3); к присут. 25.IV.1906; правая; род. жены: 3400 дес. в Вятск. и медеплавильн. з-д на посессионном праве (вместе с сестрами); 22.V.1906 назн. пред. Верх. угол. суда; пенсия вдове — 7 тыс. руб.

183. **Шатилов**, Николай Павлович (31.I.1849 — ?); из дв.; правосл.; Акад. ген. штаба; ген. от инфантерии; чл. Г.с. с 20.XII.1913 с должн. пом. по воен. части Наместника на Кавказе; 16 тыс.; к присут. с 1.I.1914; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

184. **Шаффаузен-Шенберг-Эк-Шауфус**, Николай Константинович (7.XII.1846 — 29.XI.1911); из дв.; правосл.; Инж. акад.; ген.-лейтенант; чл. Г.с. с

1.1.1908 с оставл. в заним. должн. м-ра ПС; к присут. с 8.III.1908; содерж. по заним. должн.; 29.1.1909 уволен; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; правая; без недв. им.; пенсия вдове — 6 тыс. руб. + 1091 руб. 07 коп. из эмиритальн. кассы.

185. **Шванебах**, Петр Христианович (1848-15.IX.1908); из дв.; евангелическо-лютер.; Уч. правовед.; публицист (фин. вопросы); тс; чл. Г.с. с 26.X.1905 с долж. и. д. главноупр. 3 и 3; 12 тыс. (с 7.II.1906 — 15 тыс.) и 2 тыс. «аренды»; 24.IV.1906 назн. гос. контролером; 13.VI.1907 уволен от долж. гос. контр.; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб. и 2 тыс. «аренды»; правая; без недв. им.; пенсия вдове — 6 тыс. руб.

186. **Шварц**, Александр Николаевич (4.I.1848 — 5.I.1915); из дв.; правосл.; Моск. ун.; докт. греч. словесн.; засл. проф.; сенатор, дтс (1910); чл. Г.с. с 6.XII.1907; 10 тыс. руб. и 3 тыс. руб. учеб. пенсии; 1.1.1908 назн. к присут. и м-ром НП; содерж. по заним. должн.; 25.IX.1910 уволен от должн. м-ра; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб. (с сохр. уч. пенсии); кружок внепарт. объедин.; без недв. им.; пенсия вдове с дочерью — 9 тыс. руб., а после смерти вдовы дочери — 3 (до замужества).

187. **Шведов**, Николай Константинович (26.II.1849 — ?); из дв.; правосл.; Михайловск. артил. уч-ще; ген. от артиллерии (1915); чл. Г.с. и к присут. с 1.1.1917; 11 тыс. руб.; правая; без недв. им.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

188. **Шевич**, Иван Егорович (1838 — 22.II.1912); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор, дтс (1905); чл. Г.с. с 6.V.1903; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; 24000 дес. род. его и жены в Воронежск. и Минск. (1903).

189. **Шереметев**, граф Сергей Дмитриевич (14.XI.1844 — 17.II.1918); из графов Росс. имп.; правосл.; дом. воспит. (выдержал в Пажеск. корп. экз. «на офицера гвардии»); почет. чл. АН, почет. чл. О-ва истории и древностей Российских, пред. Археогр. комис. МНП, пред. О-ва ревнителей рус. ист. просвещ. в память Александра III, пред. Ком-та о русской иконописи; бывш. Моск. губ. предв.; обер-егермейстер (1904); чл. Г.с. с 6.V.1900; 10 тыс. руб.; к присут. 25.IV.1906; правая; чл. Русск. Собр. и Кружка москвичей; 244254 дес. 400 сажен род. и приобр. в 13 губ. (на 18.III.1909), род. и приобр. дома в Петерб. (2 камен. и деревян.) и Москве (каменный), дача (Кусково); виноградарство и виноделие; сад плодовой маслины; 3 винокуренных з-да и 2 пар. мельницы; склады вин и торговля с них в Петерб. и Москве; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен. Близкий к Александру III и влиятельн. при нем; Николая II не любил и влиянием не пользовался.

190. **Шидловский**, Николай Владимирович (14.XI.1843 — 1.III.1907); из дв.; правосл.; Тамбов. гимназия, вольнослушателем — курс юридическ. ф-та у-та; сенатор (1892), дтс (1902); чл. Г.с. с 9.III.1895; 10 тыс. руб. (с VII.1901 — 12, с IX.1906 — 16) и 2 тыс. «аренды» (с 1.I.1899 — 3); к присут. 25.IV.1906; центр; без недв. им.; 19.IX.1906 назн. пред. II департ. Г.с.

191. **Шипов**, Иван Павлович (23.VI.1865 — ?); из дв.; правосл.; Александровск. лицей, Петерб. ун. (вольнослушателем); тс (1904); чл. Г.с. с 13.I.1909 с должн. м-ра Т и П; 15 тыс. руб. (с 1.I.1914 — 16); к присут. с 1.I.1910; кружок внепарт. объедин.; 300 дес. род. в совладении с сестрами и теткою; 14.IV.1914 назн. управляющ. Гос. банком; к присут. на 1915 не назначался; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен; последовал за Белой армией, заболел тифом и умер в Екатеринодаре.

192. **Шипов**, Николай Николаевич (17.III.1846 — 15.III.1911); из дв.; правосл.; Александровск. лицей; ген. от кавалерии, ген.-адъютант; чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1911 с должн. чл. Воен. совета; 12 тыс. руб.; с группой не успел определиться; без недв. им.; пенсия вдове 7 тыс. руб.

193. **Ширинский-Шихматов**, князь Алексей Александрович (6.XI.1862 — 9.XII.1930, Франция); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор, гофмейстер (1904); чл. Г.с. с 9.VII.1906 с должн. обер-прокурора Синода; 12 тыс. руб. (с 1.VI.1910 — 14), 2 тыс. «аренды» (до 1910); к присут. с 9.III.1907; правая; чл. Русск. Собр.; чл. совета О-ва ревнит. рус. ист. просвещ. в память Александра III; чл. Кружка дворян, верных присяге; чл. Совета Русск. окраинного о-ва; один из основат. газеты «Окраины России»; в качестве приглашенного принимал участ. в работе VIII, IX и XI съездов объедин. двор-ва; 700 дес. род. жены в Смоленск.; пред. Особ. Петроград. к-та вел. кн. Ольги Николаевны по оказ. помощи семьям лиц, призванных на войну; в эмиграции — чл. Высшего монарх. совета.

194. **Шлиппе**, Владимир Карлович (1834 — XII.1923); из дв.; лютер.; мед. ф-т Моск. у-та (не закончил); уезд. предв. (1881 — 1889); дтс (1911); чл. Г.с. с 6.V.1905 с должн. Тульск. губ-ра; 10 тыс. руб., 2 тыс. «аренды» (до 1909); к присут. 25.IV.1906; правая; чл. Русск. Собр.; один из уполномоч. московск. дв-ва (1908 — 1917); 4160 дес. приобр. его и жены в Московск.; с 1.V. 1917 за штатом, 25.X. уволен; в эмиграции.

195. **Шмеман**, Николай Эдуардович (1850 — ?); «сын курляндск. уроженца»; правосл.; Петерб. ун. (ю); сенатор (1900); дтс (1910); чл. Г.с. с 17.IV.1905 с должн. управл. Межевою частью на правах тов. м-ра юстиц.; 13 тыс. руб. (с III.1916 — 14) и 2 тыс. «аренды» (до 1910); к присут. 25.IV. 1906; центр; без недв. им.; 1.I.1913 назн. пред. Особ. присут. по делам о принудит. отчуждении недвиж. им.; 1.V.1917 за штатом; 3.V. назн. присутствующим в I департ. Сената; в 1920 служил в конторе коммунальн. хоз-ва, бедствовал, продавал вещи.

196. **Шрейбер**, Николай Николаевич (2.VIII.1838 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; сенатор (1886); дтс (1899); чл. Г.с. и присут. с 1.I.1909 с должн. первоприсутствующего в Сенате; 10 тыс. руб. (с 1.V.1909 — 12, с 1.IV.1914 — 14) и 2 тыс. «аренды» (до IV.1909); правая; без недв. им.; назн. пред. Верховн. угол. суда на 1912 (до 1916); с 1.V.1917 за штатом; 3.V. просил уволить с пенсией в 10 тыс. руб. (реакция Вр. пр. не выяснена); 25.X. уволен.

197. **Штюрмер**, Борис Владимирович (15.VII.1848 — 20.VIII.1917, Петроград); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); гофмейстер (1896), обер-камергер (1916); чл. Г.с. с 3.IX.1904 с должн. дир. деп. общих дел МВД; 13 тыс. руб. и 2 тыс. «аренды» (с 1.IV.1907 -1); к присут. 25.IV.1906; правая; чл. Русск. Собр.; в качестве уполномочен. принимал участие в деят. объедин. двор. (1906 — 1916); 602 дес. род. в Тверск. и приобр. дача (5 дес) под Рыбинском; 20.I.1916 назн. пред. Сов. мин.; 5.III. — еще и м-ром вн. дел; 7.VII. назн. м-ром ин. дел с освоб. от долж. м-ра вн. дел; 9.XI.1916 уволен от должн. пред. Сов. мин. и м-ра; как чл. Г.с. — 24 тыс. руб.; по требованию прав. группы Г.с. исключен из списка присут-х на 1917; арестован Вр. прав-м и за-

ключен в Трубец. б. Петропавл. кр.; 21.VII. переведен в хирургич. отд. Петрогр. одиночной тюрьмы, где и скончался.

198. **Щегловитов, Иван Григорьевич** (13.II.1861 — 23.VIII.1918); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; проф. лицея; ст.-секр., сенатор (1911), дтс (1914); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1907 с оставл. в заним. должн. м-ра юстиц.; 2600 дес. род. в Черниговск.; в Петерб.- дом (Таврическая, 11); 6.VII.1915 уволен от должн. м-ра; как чл. Г.с. — 18 тыс. руб.; правая; член её совета, пред. совета; чл. Русск. Собр.; председ. Совещ. монархистов в Петрогр. 21-23.XI.1916; 1.I.1917 назн. пред. Г.с.; 30 тыс. руб.; 27.II.1917 арестован, помещен в Трубец. б. (1.III.1917 — 26.II.1918); расстрелян на Братском кладбище во Всехсвятском.

199. **Щербачев, Александр Николаевич** (25.III.1845 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сенатор, тс (1899); чл. Г.с. с 6.V.1906; 10 тыс. руб.; к присут. с 24.VI.1906; правая, с 1911 — кружок внепарт. объедин.; без недв. им.; 19.IV.1911 назн. пред. Особ. присутствия при Г.с. для предварит. рассмотрения жалоб на определения деп-в Сената; содержание — 12 тыс.; 29.I.1916 назн. пред. I деп. Г.с., с освоб. от долж. пред. Особ. присутствия; содерж. — 16 тыс.; с 1.V.1917 за штатом, 25.X. уволен.

200. **Эберггард, Андрей Августович** (1856 — 1919); адмирал (1913); чл. Г.с. с 28.VI.1916; 16 тыс. руб.; к присут. с 10.II.1917.

201. **Экеспарре, фон Оскар Рейнгольдovich** (21.VII.1839 — ?); из дв.; евангелическо-лютер.; политехнич. ин-т в Карлсруэ; Эзельский предв. (1876 — 1906); дсс (1890); с 11.IV.1906 — чл. Г.с. по выборам от дворянства (до VI.1912); гофмейстер (1912); 1.VII.1912 назн. чл. Г.с.; 10 тыс. руб.; к присут. с 23.X.; центр; чл. Прибалтийск. конституц. партии; чл. Постоянн. совета объедин. дв. (1906 — 1912); 3200 дес. приобр. в Лифляндск.; 14.IV.1917 просил уволить с пенсией (реакция Вр. пр. не выяснена); с 1.V. за штатом, 25.X. уволен.

202. **Якунчиков, Борис Михайлович** (23.VII.1859 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); гофмейстер (1910); сенатор (1914); чл. Г.с. и к присут. с 1.I.1917; 11 тыс. руб.; правая; чл. Русск. окраинного о-ва; 3 дома в Петрогр.; с 1.V.1917 за штатом, 25. X. уволен.

Выборные члены Гос. совета

1. **Абхазы, князь Константин Николаевич** (25.IX.1867 — ?); «из грузинских князей Тифлисской губ.»; правосл.; Павловское воен. уч-ще; полковник; губ. предв. (в 1916 переизбран); пл. землевладения — род. его и жены — не выяснена; чл. Г.с. от дв-ва с 25.X.1916; групповая принадл. не выяснена.

2. **Авдаков, Николай Степанович** (31.III.1847 — 11.IX.1915); «сын коллежск. асессора»; правосл. (армянин); Горный ин-т; с 1873 — на службе Рутченковского каменноуг. о-ва, с 1880 — уполномоченный съезда горнопромышленников Юга России; в начале XX в.- это видный представ. торгово-пром. мира; автор работ по вопросам торг. и горной пром-ти; дсс (1910); его оклады и доходы по акциям составляли «около 400 тыс. руб. в год», имел особняк в Харькове; 16.III.1906 избран чл. Г.с. от пром. по Харьковск. каменноуг. бирже; центр, глава его торгово-пром. подгруппы; чл. ЦК «Союза 17 октября»; в 1915 назн. от Г.с. чл. «майского» Особ. совещ.

3. **Андреевский**, Владимир Михайлович (30.X.1858 — ?); из дв.; правосл.; Моск. у. (ю); уезд. и губ. предв.; дсс (1911); 7248 дес. род. в Тамбовск.; чл. Русск. Собр.; деятель объедин. дв.: уполномоченный, чл. комиссии, чл. Постоян. совета (с 1916); чл. Г.с. от дв-ва (IV.1906 — V.1909 и X. 1915 — II.1917) и от Тамбовск. губ. зем. собр.(VI.1909 — VIII.1915); правый центр.

4. **Антоний**, митрополит С.-Петербургский и Ладожский (Александр Васильевич Вадковский) (2.VIII.1846 — 1912); сын священника; правосл.; Казанск. дух. акад.; магистр богословия, докт. церк. истории, докт. дипломы от Кембриджского и Оксфордского у-тов; 24. IV.1906 избр. чл. Г.с. от монашест. дух-ва; 24.VI.1906 сложил с себя звание чл. Г.с., мотивируя недостатком времени.

5. **Антоний**, архиепископ Волынский и Житомирский (Алексей Павлович Храповицкий) (17.III. 1863 — 10.VIII.1936, Югославия); «сын дсс, помещика Новгородской епархии»; правосл.; Петерб. дух. акад.; магистр богословия; один из организаторов СРН в 1905; 22.IV.1906 избр. чл. Г.с. от монашест. дух-ва; 13.I.1907 сложил с себя зв. чл. Г.с.

6. **Арсений**, архиепископ Новгородский и Старорусский (Авксентий Георгиевич Стадницкий) (22.I.1862 — 23.II.1936, Ташкент); из дух. зв.; правосл.; Киевск. дух. акад.; докт. церк. ист.; профессор; ученый археолог; 9.II.1907 избр. чл. Г.с. от монашест. дух-ва; 30.IX.1909 переизбр.; кроме 25 руб. суточных получал 2 тыс. от Псковского печерского монастыря; правая.

7. **Афанасьев**, Вячеслав Алексеевич (16.I.1859 — ?); правосл.; Медико-хирургическ. акад.; орд. проф. Юрьевского у-та; дсс; в мае 1908 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в вместо отказавшегося кн. Е. Н. Трубецкого; центр; 24.V.1909 выбыл из состава Г.с. по жребию.

8. **Багалея**, Дмитрий Иванович (26.X.1857 — 9.II.1932, Харьков); из мещан; правосл. (малоросс); Киевск. у.; докт. русск. ист.; заслуж. орд. проф.; дсс; ректор Харьковск. у-та (1906-1911); гор. голова в Харькове (1914 — 1917); приобр. дом в Харькове; кадет с 1905; чл. Г.с. от АН и ун-в с 10.IV по 9.VII.1906 (сложил зв. чл. Г.с. в связи с роспуском I Думы) и с 4.X.1911 по 4.X.1915 (оконч. срока); левая.

9. **Баранов**, Петр Петрович (9.V.1843 — ?); из дв.; лютеран.; Пажеск. корп.; гофмейстер, ген.-лейтенант (1900); генерал (1910); «18 гаконов» род. в Эстляндск. (заложены в банке) и 3900 дес. в Астраханск.; дом в Петерб.; октябрист; 2.XI.1907 избр. чл. Г.с. от Астраханск. съезда землевладельцев; центр; 12.VI.1909 выбыл из состава Г.с. по жребию.

10. **Баулин**, Александр Васильевич (24.IX.1848 — 9.V.1911); из купцов; правосл.; Петерб. у.; гласный гор. и земск. самоуправ.; пред. правл. Нижегородск. купеческ. банка; 13.IV.1908 произв. в дсс и «возведен в потомств. дворянство»; 2 дома в Нижнем: каменный (род. его) и полукамен. (приобр. жены); октябрист; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от торг. по Нижегородск. биржевому к-ту; центр.

11. **Безак**, Федор Николаевич (21.IX.1865 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп.; отст. гвардии полковник (с 1902); губ. предв. по назначению; депутат Гос. думы (III и IV созыва); отказался от зв. депутата в VI.1913, в связи с назначением Киевск. губ. предв.; в д. шталмейстера; чл. Главн. Совета Всеросс. национальн. союза; 3818 дес.

род. в Киевск. и Полтавск.; 2 дома в Петерб.; чл. правл. Т-ва Юзефовско-Николаевского свекло-сахарного и рафинадного з-да; 3.IX.1913 избр. чл. Г.с. от Киевск. губ. зем. собр.; правый центр; 7.IX.1916 выбыл из состава Г.с. по истеч. срока.

12. **Беликов**, Димитрий Никанорович, протоиерей (19.X.1852 — ?); сын сельск. свящ.; правосл.; Казанск. дух. акад.; докт. церк. ист.; засл. проф. Томск. у-та; 19.V.1906 избр. чл. Г.с. от бел. дух. и в VI.1912 выбыл по жребию; правая.

13. **Беляев**, Анатолий Григорьевич (3.I.1871 — ?); из дв.; правосл.; Киевск. у. (ю); уезд. предв. по назнач. (1910 — 1917); пред. уезд. зем. управы (1910 — 1915); сс; 1680 дес. приобр. его и отца в Волынск.; за отцом также: «дома» в Киеве, крахмальн. и винокур. з-ды; 5.II.1915 избр. чл. Г.с. Волынск. губ. зем. собр. на остающийся срок вместо умерш. гр. М. Е. Нирода; 8.X.1916 переизбран; правый центр.

14. **Беляков**, Николай Федорович (1861 — ?); из дв.; правосл.; Павловское воен. уч-ще; гвардии поручик запаса; дсс (1911); камергер (1912); пред. губ. зем. управы (с 1906); октябрист; 3200 дес. род. в Симбирск. (нераздельно с братом); 29.X.1915 избр. чл. Г.с. на трехлетие Симбирск. губ. зем. собр.; центр, но уже в I.1916 перешел в правый центр.

15. **Бобринский**, граф Андрей Александрович (30.IV.1859 — 8.X.1930, Париж); из дв.; правосл.; Петерб. у. (ю); бывш. уезд. предв. по назнач.; бывш. чл. совета м-ра НП; в зв. камергера; дсс; у него 27 дес. приобр. в Черноморск.; род. жены 800 дес. в Киевск; род. у родителей 25000 тыс. дес. в Киевск. и дом в Петерб.; 5 сахароварен. и 2 винокур. з-в (вместе с братьями); пред. Всеросс. о-ва сахарозаводчиков (с 1898); тов. пред. Совета съездов представит. пром. и торг. (с 1908); пред. с.х. ком-та Англо-Русской палаты (с 1909); октябрист; 18.IX.1909 избр. чл. Г.с. от съезда землевладельцев Киевск. губ.; центр; 20.IX.1910 выбыл по жребию; с 1918 в эмиграции.

16. **Боргман**, Иван Иванович (12.II.1849 — 4.V.1914); Петерб. у., лекции и работа в Гейдельберге; читал лекции по физике наследнику (1883 — 1886), позднее — др. вел. кн.; засл. проф. (1902); 1-й выборный ректор Петерб. у-та (1905 — 1910); гласный Петерб. гор. думы (1912 — 1914); чл. ЦК к.-д. (Петерб. отд); 10.IV.1906 избр. чл. Г.с. от АН и у-в; левая; 11.I.1907 сложил зв. чл. Г.с.

17. **Бразоль**, Сергей Евгеньевич (27.IX.1851 — ?); из дв.; правосл.; Харьковск. у. (ю); пред. уезд. зем. упр., уезд. предв. (1880 — 1892); губ. предв. (1892 — 1907); дсс; гофмейстер (1906); участник всех съездов объедин. дв., член 4-х его комиссий; 2914 дес. род. и приобр. в Полтавск. и Харьковск., винокур. з.; чл. Г.с. от дв-ва с 7.IV.1906; в X.1915 переизбран; правый центр.

18. **Брин фон**, Михаил Сергеевич (25.II.1857 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп.; бывш. уезд. предв. и пред. уезд. зем. упр.; губ. предв. (1909 — 1917); дсс; в зв. камергера (1913); чл. Кружка дворян, верных присяге; участник съездов объедин. дв-ва, чл. его Пост. совета; 910,5 дес. род. в Нижегородск., дом в Нижнем; 30.VIII.1915 избр. чл. Г.с. от Нижегородск. губ. зем. собр.; правый центр.

19. **Будберг**, барон Оттон Романович (18.II.1850 — 17.II.1907); из дв.; евангелическо-лютер.; Дерптск. у. (ю); губ. предв. (1893 — 1901); дсс; камергер; 3431 дес. род. в Эстляндск.; 14.IV.1906 избр. чл. Г.с. съездом землевладельцев Эстляндск. губ.; центр; убит и ограблен эсерами при выезде из имения.

20. **Булычов, Николай Иванович** (1853 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. у. (ю); уезд. предв.; дсс (1902); губ. предв. (1905 — 1917); в зв. камергера (1907); гофмейстер (1916); участвовал в работе съездов и комиссий объедин. дв.; 3345 дес. приобр. в Калужск.; 4.VIII.1912 избр. чл. Г.с. от Калужск. зем-ва; кружок внепарт. объедин.; в IX.1915 выбыл за окончанием срока.

21. **Буткевич, Михаил Николаевич** (29.XII.1855 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. у. (ю); уезд. предв.; сс (1900); 14000 дес. род. и приобр. в Новгородск., 2 дома в Петерб.; 10.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Новгородск. зем-ва; центр; в VI.1909 выбыл за окончанием срока.

22. **Буткевич, Тимофей Иванович**, протоиерей (21.II.1856 — ?); сын свящ.; правосл.; Моск. дух. акад.; докт. богословия; проф. Харьковск. у. (1894 — 1906); чл. Совета Русск. Собр.; дом в Харькове и дача в Харьковск. уезде; 20.V.1906 избр. чл. Г.с. от бел. дух-ва; правая; 30.IX.1909 переизбран.

23. **Бутлеров, Владимир Александрович** (3.IV.1864 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. у.; земск. нач.; уезд. предв. (1900 — 1911); прапорщик запаса; сс (1908); дсс (1914); 4369 дес. приобр. в Вологодск., Пензенск. и Симбирск. и 59915 дес. в Вологодск. на посессион. праве (1916); 2 лесопильн. з-да; чл. Кружка дворян; 12.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Пензенск. зем-ва; был переизбран в 1909, 1912 и 1915; правая, в 1911 перешел в прав. центр. Сын ученого.

24. **Васильев, Александр Васильевич** (24.VII.1853 — 16.X.1929); из дв.; правосл.; Петерб. у., лекции за границей; докт. чистой математики; засл. орд. проф. Казанск. у.; декан его физико-математическ. ф-та; гласный уезд. и губ. зем. собр., Казанск. гор. думы; депутат I Думы (фракция к.-д.) дсс; 389 дес. приобр. в Казанск.; чл. ЦК к.-д.; 8.II.1907 избр. чл. Г.с. от АН и у-в; левая; в IX.1915 переизбран.

25. **Вейнштейн, Григорий Эммануилович** (1860 — 1929, Париж); из потом. граждан; иудей; Петерб. практич. технологический ин-т; гласный Херсонск. губ. зем. собр. и Одесск. гор. думы; мануфактур-советник; купец I гильдии; лесопил. з-д и мельница в Херсоне, 2 дома и мельница в Одессе; чл. Одесск. бирж. о-ва; пред. Совета Одесск. мельнично-техн. уч-ща; 16.IX.1915 избр. чл. Г.с. от пром; левая; масон (Берберова); в эмиграции.

26. **Велепольский, граф Сигизмунд Иосифович** (20.IV.1863 — ?); из дв.; римско-католич.; гимназия и лекции в Краковском у.; колл. регистратор; в д. шталмейстера; 6284 дес. род. жены в Радомской и Келецкой, вод. мельница; пред. правл. Ивангородско-Домбровской ж.д., чл. правл. Островецких чугунолитейн. з-в, чл. правл. о-ва свекло-сахарного з-да «Ченстоцице»; чл. Реальной партии; 23.IX.1909 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; глава польской националистической подгруппы («коло»), входившей в группу центра; в X.1912 переизбран; с IX.1914 — чл. Ком-та в к. Татьяны Николаевны; в VII.1915 «на путях монаршей милости» исходатайствовал пособие (6 тыс. руб) «в связи с продолжительным перерывом занятий Г.с.» и тем, что имения оказались «под неприятелем».

27. **Велиовейский, Степан Адамович** (1865 — ?); из дв.; римско-католич.; Петерб. у. (ю); без чина; 19106 дес. род. и приобр. в Радомск. и Келецк.; 2 лесопильн.

з-да; 23.IX.1909 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло»; в X.1912 переизбран.

28. **Вернадский**, Владимир Иванович (28.II.1863 — 6.I.1945); из дв.; правосл.; Петерб. у.; орд. проф. Моск. у.; академик (1908); дсс (1911); 504 дес. род. в Тамбовск. и приобр. в 1913 хутор в Полтавск. (12 дес); гласный уезд. и губ. зем. собр.; публицист («Русские Ведомости», «Русская мысль» и др); чл. ЦК к.-д.; масон (Берберова); 10.IV.1906 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в; от суточного довольствия отказался, получая содерж. орд. проф.; левая; 9.VII.1906 сложил зв. чл. Г.с. в связи с роспуском I Думы; 8.II.1907 избр. вновь; 15.III.1911 выбыл, утратив ценз (вышел в отставку); 25.IX.1915 избран снова.

29. **Войнилович**, Эдуард Адамович (12.X.1847 — ?); из дв.; римско-католич.; Петерб. технологич. ин-т, изучен. дела на заводах Ганновера и Льежа; сс; 1684 дес. род. в Минск.; пред. Минск. с.х. о-ва; 12.IV.1906 избр. чл. Г.с. съездом землевладельцев Минск. губ.; «коло»; в 1909 выбыл по жребью.

30. **Войнич-Сяноженский**, Владислав Платонович (16.X.1850 — ?); из дв.; римско-католич.; Медико-хирургич. акад.; докт. медицины; без чинов и званий; 3694 дес. в Могилевск., 2 винокур. и кирпичный з-да, пар. мельница, сыроварня; 11.I.1907 избр. чл. Г.с. съездом землевлад. Могилевск. губ.; «коло»; переизбран в 1909 и в 1910; выбыл в 1913 в связи с предстоящими выборами членов Г.с. введенными в 1911 земствами в 6 западных губ.

31. **Волконский**, князь Николай Сергеевич (1849 — 22.II.1910); из дв.; правосл.; Моск. у.; гласн. губ. зем. собр.; пред. губ. зем. управы; уездн. предв.; дсс; 1382 дес. в Рязанск.; публицист («Вестник Европы» и др, вопросы помещ. землевлад. и финансов); чл. Кружка дворян; чл. ЦК «Союза 17 октября»; депутат I Думы; в III.1907 избр. чл. Г.с. Рязанск. губ. зем. собр. вм. умерш. С. С. Климова; центр; 17.X. отказался от зв. чл. Г.с.: был избр. в Думу.

32. **Выковский**, Густав Викентьевич (1861 — 1906); из дв.; римско-католич.; Берлинск. у.; докт. медицины; сс; 1423 дес. в Могилевской; кадет; в IV.1906 избр. чл. Г.с. съездом землевлад. Могилевск. губ.; левая; 6.V. кооптирован в состав ЦК к.-д.; 9.VII. сложил зв. чл. Г.с. в связи с роспуском I Думы.

33. **Гавронский**, Станислав Викторович (1861 — ?); из дв.; римско-католич.; ун-т в Провансе (ю), Агрономич. акад. в Галле; без чина; 4002 дес. в Сувалкск., винокур. з-д; чл. главн. дирекции зем. кредитного о-ва в Царстве Польск.; чл. прав. Сувалкск. сельск. о-ва; чл. Польск. национал-демократич. партии; 4.V.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло»; 4.X.1907 отказался «по независящим обстоятельствам».

34. **Гевлич**, Дмитрий Ксенофонтович (1.X.1837 — 17.I.1913); из дв.; правосл.; Моск. у.; уезд. предв. (1886 — 1888); Пензенск. губ. предв. (1891 — 1913); тс; гофмейстер (1912); 9404 дес. род. в Ярославск. и Пензенск., дом в Москве; 7.IV.1906 избр. чл. Г.с. от двор-ва; центр, но нередко голосовал с правыми.

35. **Глебов**, Владимир Петрович (1850 — 1926); из дв.; правосл.; Петровск. земледельч. и лесн. акад.; уезд. предв.; дсс; 25000 дес. род. и приобр. его и жены (урожд. кн. С. Н. Трубецкой) в Ставропольск., Терск. и Тульск.; дом в Москве, дома и сад в

Бердянске (род. и приобр. жены); большое степное овцеводство, коневодство; садоводство; полеводство; виноделие; опт. и рознич. торговля винами (склады и магазин в Москве); мельница, просорушка, крахмальн. з-д; пред. правл. Челекено-Дагестанск. нефтяного о-ва; чл. правл. углепром. акц. о-ва Подмосков. района; основат. с.х. комм. банка в Ростове-на-Дону; чл. Московского о-ва с.х.; чл. учетно-ссудного ком-та Московск. конторы Гос. банка; чл. ЦК «Союза 17 октября» (1907 -1914); 14.IV.1906 избр. чл. Г.с. съездом землевлад. Ставропольск. губ.; центр; 16.VIII.1909 переизбран; в 1912 выбыл по жребью.

36. **Глебов, Николай Николаевич** (20.V.1864 — ?); из дв.; правосл.; ин-т инж. путей сообщ.; бывш. земск. нач-к; колл. ассесор; 1019 дес. приобр. в Ярославск., доломитовые копи, электротехническ. з-д; чл. ЦК к.-д.; 15.VIII.1915 избр. чл. Г.с. от Ярославск. зем-ва; левая; 7.IV.1917 назн. комиссаром Вр. пр. над бывш. соб. е.и.в. канцелярией и канц. по принятию прошений.

37. **Глезмер, Станислав Петрович** (4.I.1853 — ?); из дв.; римско-католич.; Петерб. технологич. ин-т; мануфактур-советник; гласный Петерб. гор. думы; 450 дес. род. в Варшавск., дом в Петерб. (в совлад. с Вержбицким); дир-р правл. акц. о-ва мануфактур И. А. Воронина, Лютчи и Четтер; дир-р правл. Русск. о-ва электрич. дорог и электрич. освещения; чл. учетн. ком-та Петерб. отделения Варшавск. комм. банка; чл. Совета торг. и мануфактур; пред. Петерб. о-ва для содействия улучшению и развитию фабрично-заводск. деят-ти; пред. правл. О-ва петерб. фабрикантов для взаимн. страхования рабочих и служащих; и мн. др.; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от пром.; «коло»; осенью 1915 получил единовр. пособие в 3,5 тыс. руб. в возмещение ему «в путях монаршей милости, убытков, понесенных в связи с преждеврем. прекращением сессии Г.с.»; в 1915 выбыл за истечен. срока.

38. **Говорухо-Отрок, Михаил Яковлевич** (1868 — ?); из дв.; правосл.; Никол. кав. уч-ще; отставн. гвард. поручик; зем. нач-к (1890 — 1891); пред. уезд. зем. управы (1891 -1896); пред. Курск. губ. зем. управы (с 1908); пост. чл. Совета по делам местн. хоз-ва МВД (с 1908); 750 дес. род. его и приобр. жены в Курск.; чл. Русск. Собр., чл. Кружка дворян, акт. деят. объед. дв., чл. его Пост. совета (1910 — 1916); чл. Главн. совета СРН (с 1908); 29.VIII.1909 избр. чл. Г.с. от Курск. зем-ва; правая; был переизбр. в 1912 и 1915.

39. **Годлевский, Степан Корнелиевич** (1853 — ?); из дв.; римско-католич.; Варшавск. у. (ю), Саксонский у-т в Лейпциге (с. х); колл. секр.; 1550 дес. род. в Келецк.; 23.IX.1909 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло»; в 1912 переизбран.

40. **Голицын, князь Александр Дмитриевич** (12.II.1874 — 1926); из дв.; правосл.; Харьковск. у. (ю); бывш. пред. уезд. и губ. зем. управ; уезд. предв. (1906 — 1917); церемониймейстер; дсс (1916); 2 400 дес. род. в Харьковск., винокур. з-д; пред. правл. Росс. о-ва винокур. з-дов, чл. правл. Лологского лесопром. акц. о-ва, чл. правл. Петерб. акц. о-ва для мех. и хим. обработки дерева и производства бумаги, чл. правл. каменноуг. о-ва «Александрова гора», чл. правл. акц. о-ва Сысертск. горн. округа; чл. совета Русско-англ. банка; октябрист; 24.IX.1915 избр. чл. Г.с. от Харьковск. зем-ва; центр; расстрелян в Ленинграде.

41. **Голицын, князь Павел Павлович** (18.V.1856 — 13.IV.1914); из дв.; правосл.;

Паж. корп.; чл. уезд. зем. управы (1883 — 1889), уезд. предв. (1886 — 1897), Новгородск. губ. предв. (1897 — 1914); дсс; в д. егермейстера; егермейстер (1912); 9602 дес. род. и приобр. в Московск., Новгородск. и Рязанск. и имения в Петербургской, Тамбовск. и Харьковск., пл. которых не выяснена; винокур. з-ды (не менее 2-х); пред. правл. О-ва винокуренных заводчиков; в качестве уполном., члена Г.с. от дворянства и губ. предводителя принимал участие в деятельности объедин. дв.; пред. Новгородск. отд. и чл. ЦК «Союза 17 октября»; 8.IV.1906 избр. чл. Г.с. от двор-ва; правый центр; 26.V.1909 выбыл по жребию; 8.IX.1909 избр. чл. Г.с. от Новгородск. зем-ва.

42. **Горват**, Станислав Александрович (1866 — ?); из дв.; римско-католический; Ученый правовед; титул. советник; 19 890 дес. в Киевск. и Минской, 4 винокур. з-да, мельница; 20.IX.1910 избр. чл. Г.с. съездом землевладельцев Киевск. губ.; «коло»; в 1913 выбыл за оконч. срока.

43. **Горчаков**, Михаил Иванович, протоиерей (20.V.1838 — 5.VIII.1910); сын дьячка Костромск. епархии; православный; Петерб. дух. акад., Петерб. ун. (ю), слушал лекции в Тюбингенском, Гейдельбергском, Мюнхенском, Фрейбургском и др. европейских ун-х; докт. богословия, докт. гос. права, чл.-корр. АН, засл. проф. Петерб. у-та; без недвиж. им.; чл. ЦК «Союза 17 октября»; 17.IV.1906 избр. чл. Г.с. от бел. духовенства; центр.

44. **Гримм**, Давид Давидович (11.I.1864 — 1941); из дв.; лютеранин; Петерб. ун. (ю); орд. проф. и декан юридич. ф-та Петерб. у-та; ректор Петерб. у-та (1910 — 1911); дсс (1910); без недвиж. им.; чл. ЦК к.-д.; масон (Берберова); 8.II.1907 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в; от суточн. довольствия отказался, получая содерж. орд. проф.; левая; в 1912 переизбран; по поручению Вр. пр. замещал гос. секретаря; 16.III.1917 назн. комиссаром Вр. пр. над Гос. канцелярией; 18.III. назн. тов. м-ра НП; 1.V. — сенатором I деп. Сената; 8.VII. — чл. Юридическ. совещания при Вр. пр. (с освоб. от должн. тов. м-ра); с 27.VII. по 1.X. — чл. ЧСК; 1917 — 1920 — проф. Петерб. у-та; с 1920 в эмиграции.

45. **Гукасов**, Павел Осипович (9.I.1858 — ?); из купцов; армяно-григорианин; гимназ. классы Моск. практич. акад. комм. наук и Дрезденский политехникум (хим. отд.); изучал нефт. дело в Америке (1879); коммерции-советник; имение в Бакинск., пл. которого не выяснена; торг. дом «П. О. Гукасов»; дир. правл. торгово-пром. и пароход. о-ва «Волга»; дир. правл. нефт. и торг. о-ва «Колхида»; пред. правл. Каспийск. нефт. т-ва; чл. правл. Московско-Кавказск. т-ва; чл. правл. т-ва «Пелла»; пред. совета Русск. торгово-пром. банка (с 1916); пред. съездов бакинск. нефтепромышленников (1890 - 1906, 1915 — 1917); чл. ЦК прогрессистов (1912 — 1914); 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от пром.; центр; в 1912 выбыл по жребию; после 1917 в эмиграции.

46. **Гурко**, Владимир Иосифович (30.XI.1862 — 18.II.1927); из дв.; православный; Моск. у.; дсс (1903); 23.III.1906 назн. тов. м-ра вн. дел; пред. межведомст. комиссий по выработке проектов указов 5.X. и 9.XI.1906; 17.XII.1907 отставлен от службы по приговору судеб. присутствия угол. кассац. деп. Сената; 27.III.1908 «всемилоштивейше помилован» и 8.IV.1909 освобожден от всех законных последствий осуждения; в зв. камергера (1910); гласный губ. зем. собр. (с 1909); уезд. предв. (с 1913); чл. Русск.

Собр.; публицист (экономич., финанс., крестьянск. и др. вопросы); 3 227 дес. род. его и жены в Тверск. и Воронежск.; зав. делами Пост. совета объедин. дв. (1908 — 1909), его чл. (с 1909); 9.VIII.1912 избр. чл. Г.с. от Тверск. зем-ва; правая, затем — кружок внепарт. объедин.; с 1915 масон; в 1918 — глава подпольного «Правого центра» в Москве, участник совещания в Яссах (14 — 23.XI) и в делегации этого совещ. в страны Антанты; в 1919 у Деникина; в эмиграции.

47. **Гучков, Александр Иванович** (14.X.1862 — 14.II.1936); из купцов; правосл.; Моск. ун.; гласный Моск. гор. думы и Моск. губ. зем. собр.; чл. Моск. гор. управы; сс (1907); дсс (1915); дома в Москве; совладелец торг. дома «Гучков Ефим с сыновьями»; дир. правл. страх. о-ва «Россия»; управл. Моск. учет. банком (1902 — 1908); чл. правл. т-ва на паях «Новое время — т-во А. С. Суворина»; чл. правл. т-ва Петроградск. механич. производства обуви «Скороход»; пред. ЦК «Союза 17 октября»; пред. Центр. военнопром. к-та (1915 — 1917); масон; 28.V.1907 избран членом Г.с. от пром. вместо умерш. К. А. Ясюнинского, но 31.X. отказался в связи с избранием его чл. Думы; чл. III Думы, ее пред.; 16.IX.1915 избр. чл. Г.с. от торг.; центр; 1.III. 1917 — чл. Вр. пр., воен. и морск. м-р; 5.V. освобожден, согласно прошению, от долж. чл. прав-ва и м-ра; в эмиграции.

48. **Деллингсгаузен, барон Эдуард Николаевич** (19.III.1863 — ?); из дв.; евангелическо-лютер.; Дерптск. ун. (не окончил); Эстлянд. губ. предв. (с 1902); в д. гофмейстера; дсс (1911); 3209 дес. род. в Эстляндск., винокур. з-д; октябрист; 22.VI.1907 избран чл. Г.с. от съезда землевлад. Эстляндской губ. вместо убитого барона О. Р. Будберга; центр; 30.IV.1911 сложил зв. чл. Г.с. «ввиду состоявшегося» избр. его на должн. губ. предв. на 4-е трехлетие; 6.IX.1911 вновь избр. чл. Г.с. от съезда землевладельцев; в 1912 выбыл по жребию.

49. **Денисов, Василий Ильич** (24.II.1863 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп.; шталмейстер (1906); обл. Войска Донск. предв.; 8810 дес. род. и приобр. его и приобр. жены; 4 дома в Петерб.; пред. Донск. о-ва с.х.; пред. к-та по холодильному делу; пред. к-та по овцеводству; пред. Российск. экспорт. палаты; чл. к-та Русско-итальянск. торг. палаты; экономист (труды по холодильному делу, вагонам-рефрижераторам, льняному делу, колонизации Сибири); октябрист; 8.IV.1906 избран чл. Г.с. от дв-ва; правый центр; в X.1915 выбыл за оконч. срока.

50. **Димитрий, архиепископ Херсонский и Одесский** (Михаил Георгиевич Ковальницкий) (26.X. 1839 — 1913); сын свящ.; правосл.; Киевск. дух. акад.; проф., инспектор и ректор Киевск. дух. акад.(1898); 27.IV.1906 избр. чл. Г.с. от монаш. дух-ва; групповая принадлежность не определилась; в XII.1906 отказался.

51. **фон-Дитмар, Николай Федорович** (10.V.1865 — 5.VII.1919, Харьков); из дв.; правосл.; Горный ин-т; горный инженер; сс; владелец чугуно-литейного и механич. з-дов в Харькове, Нестеровского рудника в Екатеринославск. губ.; чл. правл.: Алексеевск. горно-пром. о-ва, Донецко-Грушевского акц. о-ва каменноугольн. и антрацит. копей, Новосильцевского каменноуг. акц. о-ва; пред. Харьковск. отд. имп. русск. техн. о-ва; пред. съезда горнопромышленников Юга России; 12.X.1912 избран членом Г.с. от пром.; центр; умер от тифа.

52. **Дическул, Павел Викторович** (20.I.1839 — 12.III.1909); из дв.; правосл.; Моск.

ун. (не закончил), Берлинск. и Гейдельбергск. у-ты, где «выдержал экзамен по философск. ф-ту»; Кишиневск. уезд. предв.; колл. ассессор; 1524 дес. род. в Бессарабск., черепично-кирпичн. з-д; уполномочен. бессарабск. дворянства на I-V съездах объединенных дв-ва; в IV.1906 избр. чл. Г.с. от Бессарабск. зем-ва; центр, затем — правая.

53. **Дмитриев, Василий Семенович** (1840 — ?); из дв.; правосл.; Морск. кадет. корп.; дсс; нач. управл. земледелия и гос. имуществ Костромск. и Ярославск. губ. (до X.1909); 550 дес. род. его и приобр. жены в Костромск.; 13.VIII.1909 избр. чл. Г.с. от Костромск. зем-ва; центр, затем — кружок внепарт. объединенных дв-ва; в 1909 выбыл за оконч. срока.

54. **Добецкий, Евстафий Евстафьевич** (8.VI.1856 — ?); из дв.; римско-католический; Варшавск. ун. (ю), Агрономическ. акад. в Галле; гминный судья; сс; 3620 дес. род. и приобр. в Келецк. и Радомск.; чл. «Реальной партии»; 4.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевладельцев Царства Польск.; «коло»; в 1909 выбыл за оконч. срока.

55. **Донецкий, Алексей Алексеевич** (24.IX.1845 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); сс; 622,5 дес. в Обл. Войска Донск., дом в Новочеркасске; октябрист; 12.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевладельцев Обл. Войска Донск.; центр; 21.IX.1909 переизбран; выбыл за оконч. срока в 1912.

56. **Драшусов, Владимир Александрович** (5.VI.1850 — 2.IV.1912); из дв.; правосл.; Моск. ун.; уезд. (1887 — 1900) и губ. предв. (1900 — 1912); гофмейстер (1905); 1339,5 дес. род. в Рязанск. и Владимирск.; чл. Кружка дворян; уполномоч. рязанск. дв-ва на съездах объединенных дв-ва; 19.XII.1907 избр. чл. Г.с. от Рязанск. зем-ва вместо кн. Н.С.Волконского; правая; 26.VIII.1909 переизбран.

57. **Друцкой-Любецкий, князь Иероним Эдвинович** (2.VIII.1861 — ?); из рода Росс. князей; римско-католический; Петерб. ун. (ю); колл. ассессор; 2000 дес. род. в Минск.; чл. I Думы; в IX.1909 избр. чл. Г.с. съездом землевлад. Минск. губ.; «коло»; в IX.1910 выбыл за оконч. срока.

58. **Друцкой-Соколинской, князь Николай Николаевич** (19.III.1856 — ?); из дв.; правосл.; Морск. акад. (1884); ин-т инж. путей сообщ. (1887); инженер путей сообщ.; сс; бывш. земск. нач-к и уездн. предв. дв-ва; 8417 дес. род. его и жены и приобр. совместно с женой в Смоленск., Могилевск. и Новгородск.; винокуренный и дрожжевинокуренный з-ды; один из организаторов «Треста дрожжевинокуренных заводчиков»; организатор «Винокуренно-дрожжевого и сельскохозяйственного пром. западного о-ва»; левый октябрист; 3.IX.1913 избр. чл. Г.с. от Могилевск. губ. зем. собр.; центр; в 1916 переизбран.

59. **Дьяконов, Михаил Александрович** (31.XII.1855 — 1919); сын колл. ассессора; правосл.; Петерб. ун. (ю); докт. гос. права; засл. проф. Петрогр. политехн. ин-та; орд. академик (1912); дсс; без недв. им.; 3.X.1916 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в вместо умерш. М.М.Ковалевского; левая; с 1917 — дир. Второго (иностр.) отдела библиотеки АН.

60. **Еловицкий, Венцеслав Адольфович** (13.VIII.1851 — ?); из дв.; римско-католический; Варшавск. ун., Парижская акад.; без чинов; 1670 дес. род. в Подольск.; 8.IV.1906 избр. чл. Г.с. съездом землевлад. Подольск. губ.; «коло»; 1.IV.1908 отказался от зв. члена Г.с. (по болезни).

61. **Еремеев**, Александр Ксенофонович (1846 — 23.IV.1916); из дв.; правосл.; Морск. кадет. корп., Петерб. практ. технолог. ин-т; колл. секр.; бывш. уезд. предв., пред. уезд. и губ. зем. управ; 1422 дес. род. и приобр. его и род жены в Вологодск. (1909; по данным 1916 — 583 дес.); 2.XII.1909 избр. чл. Г.с. от Вологодского зем-ва; правая; переизбран в 1912 и 1915; умер разоренным, не оставив после себя средств.

62. **Ершов**, Михаил Дмитриевич (17.II.1862 — 1918); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; сс; уезд. и губ. гласный; уполномоч. тульск. дворянства на I-V съездах объедин. дв-ва; 4005 дес. род. его и жены (с сестрами) в Калужск. и Тульск.; винокур. з-д; октябрист; 22.III.1906 избр. чл. Г.с. от Тульск. зем-ва; правая, затем — прав. центр; 7.III.1909 отказался; в 1916 — воронежск. губ-р; умер от сыпного тифа.

63. **Загоскин**, Николай Павлович (20.VII.1851 — 6.II.1912); из дв.; правосл.; Казанск. ун. (ю); докт. гос. права; засл. орд. проф. Казанск. ун-та; дсс; публицист, ред. и изд. газ. «Волжский вестник» (1883 — 1890); ректор Казанск. ун-та (1906 — 1909); дир-р Казанск. высш. женск. курсов (с 1911); без недв. им.; 4.X.1911 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в; левая.

64. **Зеленцов**, Анатолий Александрович (22.I.1854 — ?); из дв.; правосл.; Горный ин-т; горный инж.; дсс; тс (1910); горный нач-к Златоустовск. округа; уезд. предв. (1892 -1905); чл. Русск. Собрания; уполномоч. уфимск. дв-ва на съездах объедин. дв. в 1910 — 1913; 8094 дес. род. и приобр. и приобр. жены в Уфимск.; дом в Уфе и дача (жены) в Мензелинск. у.; 20.VIII.1909 избран чл. Г.с. от Уфимск. зем-ва; правый центр; 1.II.1910 назн. чл. Горного совета; 20.VIII.1912 выбыл за оконч. срока; 25.VI.1912 уволен от службы, согласно прошению (болезнь).

65. **Зубашев**, Ефим Лукьянович (19.I.1860 — 1928, Прага); сын купца; правосл.; Харьковск. ун., Петерб. практ. технолог. ин-т, практика за границей; инженер-технолог; проф.; дир-р Томск. технологич. ин-та; сс (1890); в 1906 выслан из Томска за революц. деятельность; 6.VII.1909 уволен от службы по болезни (пенсия в размере полного оклада — 4,5 тыс. руб.); гласный Томск. гор. думы; избран Томск. гор. головой (1910), но не утвержден м-ром вн. дел; без недв. им.; 24.X.1912 избр. чл. Г.с. от торг.; левая; 16.VIII.1922 арестован и в ноябре выслан за границу.

66. **Зубов**, Николай Павлович (13.II.1858 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун.; дсс; 2290 дес. род. его и жены в Вологодск. и Тверск.; в IX.1916 избр. чл. Г.с. от Вологодск. губ. зем. собр. вместо умерш. А. К. Еремеева; центр.

67. **Зубчанинов**, Сергей Иванович (1864 — ?); из дв.; правосл.; Никол. инж. уч-ще; отставн. гвард. поручик; колл. ассессор (1912); надворный сов., колл. сов., сс, дсс (1914); бывш. зем. нач. и уезд. предв.; пред. губ. зем. управы (1905 — 1912); чл. Совета по делам мест. хоз-ва МВД (с 1911); Псковск. губ. предв. (1913 — 1917); 2174 дес. род. и приобр. в Псковск.; акт. деятель объедин. дв-ва; 4.IX.1912 избр. чл. Г.с. от Псковск. губ. зем. собрания; правая, в 1915 — в правый центр; в 1915 переизбран.

68. **Иванов (Стихарев)**, Филипп Антонович (11.X.1871 — ?); сын крестьянина; правосл.; Горный ин-т, стажировка в Германии; горный инж.; титул. сов. (1912); колл. ассессор (1914); сс (1916); без недв. им.; дир.-распорядитель О-ва Кыштымских горн. з-дов; чл. правл.: Киргизского горнопром. акц. О-ва, О-ва Комаровских железорудных месторожд. и южноуральских горн. з-дов, Риддерского горнопром. о-ва, Южноураль-

ского горнопром. о-ва; чл. Совета съездов горнопромышленников Урала (1915 — 1917); 25.X.1912 избр. чл. Г.с. от пром.; центр; масон; близок к барону В. В. Меллер-Закомельскому, одному из главн. акционеров Кыштымских з-дов; в 1915 назн. от Г.с. чл. «майского» Особ. совещ.; в 1917 купил крымск. имение в. к. Николая Николаевича («Чеир»); в Лондоне, куда эмигрировал, купил особняк.

69. **Ильин, Алексей Алексеевич** (7.VIII.1857 — ?); из дв.; правосл.; Александровск. лицей; дсс; гофмейстер (1911); уезд. и губ. гласный; чл. Совета Гос. банка от дв-ва; в совлад. с братом: 6000 дес. род. в Петербургск. и Новгородск. и 2 камен. дома в Петерб.; чл. правл. акц. о-ва «Ильина А. картографическое заведение»; торговля картами, атласами и т.п.; чл. Петерб. к-та и ЦК «Союза 17 октября»; 8.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; центр; пред. Главн. управл. Российск. о-ва Красного Креста (с 1909); выбыл в 1915 за оконч. срока.

70. **Иорданов, Павел Федорович** (17.XI.1858 — ?); из купцов; правосл.; Харьковск. ун.; дсс (1907); сенатор и тс (1917); гласный гор. думы; чл. гор. управы; бывш. гор. голова Таганрога; представитель Таганрогск. биржевого о-ва во всех правит. и общ-х учреждениях (с 1904); землевладение (род., приобр. и приобр. жены) в таганрогск. уезде (размер не выяснен), 2 дома в Таганроге, 1 в Кисловодске и дача в Одессе; 24.XI.1912 избр. чл. Г.с. от торг.; центр; 5.XII.1915 назн. пом. Верховн. нач-ка санитарной и эвакуационной части.

71. **Калачов, Геннадий Викторович** (1865 — ?); из дв.; правосл.; Никол. кав. учще; дсс (1908); чл. Совета Крестьянск. поземельн. банка; гласный уезд. и губ. зем. собр.; бывш. уезд. предв.; чл. эконо. комиссии (1910) и чл. Пост. совета (1916 — 1918) объедин. дв-ва; 1337 дес. род. в Ярославск.; 5.II.1910 избр. чл. Г.с. от Ярославск. зем-ва вместо умерш. А. И. Яковлева; центр, затем — кружок внепарт. объедин.; в 1912 переизбран, в 1915 выбыл за оконч. срока.

72. **Калачов, Дмитрий Викторович** (4.IX.1861 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (не окончил); колл. ассессор; уезд. предвод.; в зв. камергера (1908); 688 дес. род. и приобр. в Ярославск.; уполномоч. ярославского дв-ва (1906 — 1909); 23.III.1906 избр. чл. Г.с. от Ярославск. зем-ва; центр (подгруппа Нейдгарта); в 1909 выбыл за оконч. срока.

73. **Каменский, Иван Григорьевич** (26.IX.1857 — ?); из купцов; правосл.; Моск. практ. акад. комм. наук, Боннский ун.; титул. сов (1893); кол. ассессор (1907); надвор. сов. (1911); уезд. и губ. гласный; 23000 дес. в Пермск.; совлад. Суксунских гор. з-дов, пайщик пароходн. предприятия; владелец лесопильн., механич., чугуно-литейн., котельн., сухой перегонки дерева и канатовитейного з-дов и вальцовой мельницы; чл. правл. Т-ва пароходства и транспортных грузов «Каменские Ф. и Г. братья»; 11.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Пермского зем-ва; центр, затем — левая; переизбирался в 1909, 1912 и 1915.

74. **Каменский, Петр Валериевич** (1860 — ?); из дв.; правосл.; Харьковск. ун. (ю); уезд. пред.(с 1889); 3177 дес. род. в Екатеринославск.; пред. Мариупольск. отд. и чл. ЦК (1907 — 1914) «Союза 17 октября»; публицист; масон (Берберова); чл. III Думы (фракция октябристов); 15.IX.1915 избр. чл. Г.с. от Екатеринославск. зем-ва; центр; автор трудов по философии и социологии.

75. **Карамзин, Александр Николаевич** (18.VIII.1850 — ?); из дв.; правосл.; Горный ин-т; колл. ассессор; сс (1907); уезд. предв.; 5229 дес. род. в Самарск.; 9.III.1907 избр. чл. Г.с. от Самарск. зем-ва вместо отказавш. А. Н. Шишкова; правая; в 1909 выбыл по оконч. срока.

76. **Карпачев, Владимир Иванович** (28.XII.1853 - ?); из дв.; правосл.; 3-е воен. Александровск. уч-ще; дсс (1906); уезд. предв. (с 1894); 500 дес. род. в Тульск.; чл. Круга дворян; уполномоч. тульск. дв-ва на VIII-XII съездах объедин. дв-ва, чл. Пост. совета (1916 — 1918); 21.I.1914 избр. чл. Г.с. от Тульск. зем-ва вместо отказавшегося А. А. Салтыкова; правая.

77. **Карпинский, Чеслав Александрович** (11.XI.1863 — ?); из дв.; римско-католич.; Политехнич. ин-т в Риге, лекции в Гейдельберге и Берлине; без чина; 800 дес. род. и приобр. в Холмск. и Седлецкой; пред. Влодавского с.х. о-ва (1903 — 1910); чл. правл. Центральн. с.х. о-ва губ-й Царства Польск. (1903 — 1913); 13.X.1912 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло».

78. **Карпов, Виктор Иванович** (20.VI.1859 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; дсс (1896); тс (1914); 2841 дес. в Екатеринославской, каменноуг. шахта; чл. администрации торгово-пром. т-ва «Пташниковы В.Г. наследники»; чл. правл. Одесск. купеч. банка и чл. Совета Союзного банка; уполномоч. екатеринославск. дв-ва на съездах объедин. дв-ва (1908-1918), чл. 4-х его комиссий, чл. Пост. совета (с 1909), тов. его пред. (с 1916); 26.X.1907 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая, в 1915 перешел в прав. центр; переизбран в 1912.

79. **Касаткин-Ростовский, князь Николай Федорович** (6.X.1848 — 26.X.1908); из дв.; правосл.; Петерб. гимназия, Морск. уч-ще; дсс; в зв. камергера; уезд. предв. (с 1881, а в 1890-1894 — губ.); 3121 дес. род. и приобр. и приобр. жены в Курск. и Самарск.; чл. Круга дворян, чл. Отечественного союза, один из лидеров СРН в Курск. губ.; уполномоч. курск. дв. на съездах объедин. дв. и тов. пред. Пост. совета (1906 — 1908); 24.III.1906 избр. чл. Г.с. от Курск. зем-ва; правая.

80. **Квашнин-Самарин, Степан Дмитриевич** (13.X.1838 — 11..1908); из дв.; правосл.; Моск. ун.; дсс (1898); бывш. пред. уезд. и губ. зем. управ, бывш. уезд. предв.; «более» 2000 дес. род. в Смоленск. и Тверск.; 6.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Тверск. зем-ва; центр.

81. **Климов, Сергей Семенович** (? — 10.III.1907); из дв.; правосл.; ун-т (ю); присяжн. поверенный; землевлад. в Рязанск., размер которого не выяснен; дом в Рязани; пред. Рязанск. отд. «Союза 17 октября»; в апреле 1906 избр. чл. Г.с. от Рязанск. зем-ва; центр.

82. **Клунников, Николай Иосифович** (2.X.1858 — ?); из дв.; правосл.; Новочеркасское казачье юнкерск. уч-ще; ген.-майор (1909); ген.-лейтенант (1913); нач-к Таганрогского округа Обл. Войска Донского; 1650 дес. приобр. его и род. жены в Таганрогск. окр., дом в Новочеркасске; чл. Русск. Собр.; уполномоч. дв-ва ОВД на съездах объедин. дв. (1913 — 1916); 30.IX.1912 избр. чл. Г.с. съездом землевлад. ОВД (комиссия личн. состава и вн. распорядка Г. с. заключила отменить выборы Клунникова, однако общее собр. Г. с. в засед. 4.XII.1912 оставило выборы в силе 80 голосами против 69); правая; в 1915 выбыл за оконч. срока.

83. **Ковалевский**, Максим Максимович (27.VIII.1851 — 23.III.1916); из дв.; правосл.; Харьковск. ун. (ю); докт. гос. права (1880); сверхшт. орд. проф. Петерб. ун-та; чл.-корр. АН (1899); академик (1914); сс; 212 дес. род. в Харьковск.; вилла «Батава» в Болье; публицист, изд. журналов «Вестник Европы», «Запросы жизни», газ. «Страна»; пред. правл. о-ва им. Шевченко; президент ВЭО (1910 — 1914); масон; кадет, эволюционировавший в прогрессиста; 8.II.1907 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в вместо отказавшегося И. И. Боргмана; левая; в 1909 переизбран.

84. **Комсин**, Сергей Иванович (27.VI.1849 — ?); из дв.; правосл.; Московск. ун. (ю); дсс (1905); бывш. тов. пред. окруж. суда; член III Гос. думы; 1450 дес. род. в Тамбовск., дом в Тамбове; октябрист, эволюционировавший в прогрессиста; в X.1915 избр. чл. Г.с. от Тамбовск. зем-ва; левая.

85. **Корвин-Милевский**, Ипполит Оскарович (25.VII.1848 — ?); из дв.; римско-католический; Дерптск. ун. (ю), продолжил образование в Париже; без чина; 4600 дес. в Виленской, винокур. з-д; публицист; с 1905 издавал в Вильне польск. газ. «Курьер Литовский»; 11.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Виленск. губ.; «коло»; 9.V.1909 сложил зв. чл. Г.с.; в IX избран вновь; в VI.1910 выбыл за оконч. срока.

86. **Корф**, барон Павел Леопольдович (2.II.1837 — 16.II.1913); из дв.; правосл.; Паж. корп.; тс (1911); быв. уезд. предв.; быв. пред. Петерб. губ. зем. управы; гласный Петерб. гор. думы; Петерб. гор. голова (1878 — 1881); президент ВЭО (1885 — 1894); 15000 дес. род., род. и приобр. жены в Петербургск. и Херсонск., дом в Петерб. (приобр. жены); дир-р О-ва освещения газом Петербурга; публицист (вопросы мест. управ-я и экономики); чл. и тов. пред. ЦК «Союза 17 октября»; 22.III.1906 избр. чл. Г.с. от Петерб. зем-ва; центр; в 1909 переизбран; в 1912 выбыл за оконч. срока.

87. **Корыбут-Дашкевич**, Дмитрий Ричардович (28.III.1856 — ?); из дв.; римско-католический; Рижский политехн. ин-т; без чина; 1480 дес. род. в Гродненск., конный и винокуренный з-ды; 25.III.1906 избр. чл. Г.с.; «коло»; в 1909 выбыл по жребью.

88. **Красовский**, Михаил Васильевич (25.VII.1851 — 27.IV.1911); из дв.; правосл.; Киевск. ун. (ю); тс; бывш. обер-прокурор общ. собрания и соединенных деп-в Сената; бывш. пред. Петерб. гор. думы; земск. деятель Черниговск. губ.; 465 дес. приобр. в Черниговской; пайщик сахарн. з-да; чл. совета Волжско-Камского банка; тов. пред. ЦК «Союза 17 октября»; один из учредит. и бессменный пред. совета старейшин Петерб. клуба общ. деятелей; 22.III.1906 избр. чл. Г.с. от Черниговск. зем-ва; центр; в 1909 переизбран.

89. **Крамер**, Николай Эрнестович (18.II.1855 — ?); из дв.; евангелическо-лютеранский; Варшавск. пехот. юнкерск. уч.; сс; правитель дел в Рижском бирж. ком-те; ред. «Рижского торгового архива»; представитель интересов рижск. торг. и пром. в разных правительст. комитетах и комиссиях; род. имение жены в Тульск., пл. которого не выяснена; октябрист; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от торг.; центр; в 1915 выбыл за оконч. срока.

90. **Крестовников**, Григорий Александрович (10.I.1855 — 1918); из почет. граждан (1.I.1910 возведен в потомст. дворянск. достоинство); правосл.; Моск. ун.; мануфактур-сов.; дсс (1913); приобр. имение жены в Московск., пл. которого не выяснена; дом в Москве; совладелец фабрично-торг. т-ва «Бр. Крестовниковы» (бумагопря-

дильн. ф-ка под Москвой, мыловаренные и свечные з-ды в Москве и Казани, торговля в Евр. России, Сибири, Туркестане и Персии); чл. правления т-ва «Бр. Крестовниковы», Московского т-ва механич. изделий, Кавказского нефт. о-ва; пред. совета Моск. купеч. банка; пред. Моск. бирж. к-та (1905 — 1915); инициатор и пред. созданной в 1905 Московск. торгово-пром. партии; чл. ЦК «Союза 17 октября»; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от торг; центр; в 1909 переизбран; 22.VI.1915 назн. от Г.с. чл. «майского» Особ. совещ.; в 1915 выбыл за оконч. срока (баллотироваться не стал из-за болезни); в эмиграции.

91. **Кроненберг**, барон Леопольд (Юлиан) Леопольдович (15.VIII.1849 — ?); из дв.; евангелическо-реформатск.; Боннск. ун.; сс (1903); дсс (1907); 5900 дес. род. и приобр. в Варшавск. и Петроковской, камен. дом в Варшаве, ф-ка дубового паркета, винокур. з., мельница; пред. правл. Варшавск. страхового от огня о-ва, Варшавского т-ва сахарных з-дов; чл. правл. Варшавск. о-ва каменноуг. и горнозаводск. пром.; чл. совета Комм. банка в Варшаве; 4.V.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло»; 17.VI.1910 отказался из-за невозможности жить постоянно в Петерб.

92. **Крым (Нейман)**, Соломон Самойлович (25.VI.1867 — 9.IX.1936); из потом. почет. граждан; караим; Петровская с.х. акад.; колл. ассессор (1897); надворн. сов. (1915); колл. сов. (1916); сс (1916); чл. учетно-ссудн. ком-та Феодосийск. отделения Гос. банка; гласный уезд. и губ. зем. собр.; 4528 дес. в Таврической, виноградный сад в Отузах, дом в Феодосии, дача с виноградником близ Феодосии, 13/48 соляных промыслов; пайщик Акц. о-ва табачных фаб-к; кадет; масон; 21.VIII.1915 избр. чл. Г.с. от Таврическ. зем-ва; левая; 14.V.1917 назначен комиссаром Вр. пр. по заведыванию отд. по управл. национальными с.х. предприятиями бывш. удельн. ведомства; с 15.XI.1918 до IV.1919 — премьер-министр и мин-р земледелия и гос. имуществ Крымск. краевого прав-ва; в эмиграции — пред. караимск. о-ва.

93. **Кугушев**, князь Вячеслав Александрович (22.I.1863 — 1944); из дв; правосл.; Лесной ин-т; титул. сов. (1899); чл. губ. зем. управы; 2000 дес. в Уфимск., дом в Уфе, спирто-водоч. з-д; кадет; масон; 24.III.1906 избр. чл. Г.с. от Уфимск. зем-ва; левая; в 1909 выбыл за оконч. срока.

94. **Кудрявый**, Виктор Андреевич (1861 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); надворный сов.; бывш. пред. уезд. и губ. зем. управ; 730 дес. приобр. в Вологодск.; дом в Вологде (вместе с братом); кадет; 25.III.1906 избр. чл. Г.с. от Вологодск. зем-ва; левая; 21.III.1907 отстранен от участия в собраниях Г.с. как привлеченный к суду (превышение власти в расходовании городских средств осенью 1905); 27.IV.1909 Г.с. признал свое решение потерявшим силу: Кудрявый был по суду оправдан; вскоре выбыл в связи с оконч. срока.

95. **Кудрявцев** Николай Дмитриевич (30.IX.1860 — ?); из дв.; правосл.; 1-е военн. Павловск. уч-ще; надворный сов. (1904); колл. сов. (1908); бывш. зем. нач.; непрременный чл. Оренбургск. отделения банка; 1749 дес. род. и приобр. в Оренбургск.; уполномоченный оренбургск. дв-ва на съездах объедин. дв-ва (1910 — 1914), чл. 3-х комиссий Пост. совета (1913); 7.VI.1908 избр. чл. Г.с. от землевлад. Оренбургск. губ. вместо оказавшегося Л. И. Шотта; центр; 12.IX.1910 выбыл (оконч. срока); 8.III.1910 снова избр. землевлад. Оренбургск. губ. чл. Г.с.; в 1912 выбыл (оконч. срока).

96. **Кучеров, Яков Владимирович** (27.XI.1834 — 11.XI.1909); из дв.; правосл.; акад. ген. штаба; отставн. капитан ген. штаба; пред. уезд. зем. управы (с 1895); 2248 дес. род. и приобр. в Харьковск., винокур. з-д; уполномоч. харьковск. дв-ва на съездах объед. дв-ва; 18.III.1906 избр. чл. Г.с. от Харьковск. зем-ва; центр, подгруппа Нейдгарта; в VI.1909 переизбран.

97. **Кушелев, Андрей Андреевич** (1854 — ?); из дв.; правосл.; Пажеский корп.; дсс (1901); зем. нач. (1891-1896); уезд. предв. (1896 — 1908); Тверск. губ. предв. (с 1908 — 1911); 7000 дес. род. в Тверск.; 3. VII.1909 избр. чл. Г.с. от Тверск. земства вместо умерш. С. Д. Квашнина-Самарина; правая; в 1912 выбыл за оконч. срока.

98. **Лаппо-Данилевский, Александр Сергеевич** (15.I.1863 — 7.II.1919); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; проф. Петерб. ун-та; академик; сс; 10.IV.1906 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в; левая; близок к кадетам; 12.VII.1906 отказался.

99. **Лаптев, Иннокентий Павлович** (16.XI.1872 — ?); из казачьего сословия; правосл.; спец. классы Лазаревск. ин-та вост. яз.; автор науч. трудов; надворный сов.(1906); чл. I Думы; гласн. Омской гор. думы (1910 — 1914); старшина Омск. бирж. ком-та (1910 — 1919), чл. Совета съездов представителей торг. и сельск. хоз. Сибири, Степ. края и Зауралья; с 8.XI.1912 — тов. тов. пред. названного съезда; 1390 дес. в Павлодарск. станице Семипалатинск. обл.; 16. IX.1915 избр. чл. Г.с. от торг.; левая.

100. **Лашкарев, Григорий Александрович** (18.II.1862-?); из дв.; правосл.; акад. ген. штаба; отстав. гвард. полковник; 8794 дес. род. в Минской; 25.IX.1913 избр. чл. Г.с. от Минск. земства; прав. центр; в 1916 переизбран.

101. **Левшин, Дмитрий Дмитриевич** (7.VI.1854 — ?); из дв.; правосл.; 2-е воен. Константиновск. уч-ще и 1 год в Акад. ген. штаба; сс (1903); дсс (1916); земск. нач. (1893 — 1905); 400 дес. род. и приобр. и род. жены в Московск. и Тульск., орловск. рысист. конный и крахмальн. з-ды; чл. Кружка дворян; уполномоч. тульского дв-ва на съездах объед. дв-ва и чл. комиссии Пост. совета; 17.I.1913 избр. чл. Г.с. от дв-ва вместо умер. Д. К. Гевлича; правая; в 1915 выбыл за оконч. срока.

102. **Леонтович, Иван Николаевич** (1.X.1860 — ?); из дв.; правосл.; 3-я Киевск. гимн., 1 курс Киевск. и 1/2 курса Моск. ун-в; титул. сов.; бывш. пред. уезд. зем. управы; уезд. предв.; 910 дес. род. и приобр. в Полтавск., дом в Лубнах, винокур. з-д; уполномоч. полтавск. дв-ва на съездах объед. дв-ва; 27.III.1906 избр. чл. Г.с. от Полтавск. зем-ва; центр; 26.V.1911 отказался (мотивы не выяснены).

103. **Лесевицкий, Леонид Дмитриевич** (25.V.1865 — ?); из дв.; правосл.; Ин-т с.х. и лесоводства в Новой Александрии; колл. ассессор; бывш. земск. нач.; бывш. уезд. предв.; пред. губ. зем. управы (с 1908); 350 дес. род. в Харьковск.; 15.XII.1909 избран чл. Г.с. от Харьковск. зем-ва; внепартийный; в 1912 переизбран; в 1915 выбыл за оконч. срока.

104. **Лещинский, Сигизмунд Владиславович** (19.IX.1866 — ?); из дв.; римско-католич.; Рижск. политех. ин-т; без чина; 754 дес. приобр. и род. имение «Голембов», пл. кот. не выяснена, в Радомской; чл. Польск. партии реалн. политики; чл. совета Центр. с. х. о-ва губерний Царства Польск. (с 1907) и чл. совета Радомск. губ. с. х. о-ва (1910); 13.X.1912 избран чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло».

105. **Лисаневич**, Иван Алексеевич (8.V.1840 — 13.VIII.1915); из дв.; правосл.; Моск. ун.; дсс (1886); бывш.: пред. уезд. и губ. зем. управ, управл. Воронежск. отд. Дворянск. банка, вице-губер. Уральск. обл.; 3760 дес. род. и род. жены в Воронежск.; октябрист; 12.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Воронежск. зем-ва; центр; в 1909 переизбран.

106. **Лобанов-Ростовский**, князь Алексей Николаевич (1.VIII.1862 — ?); из кн. Рос. имп.; правосл.; Моск. ун.; сс (1908), дсс (1910), тс (1916); в зв. (1907) и в долж. (1910) шталмейстера, шталмейстер (1917); сенатор (1916); бывш.: земск. нач., гласный губ. зем. собр., вице-губернатор; 19616 дес. род. и приобр. в Кубанск., Смоленск. и Тульск., 4 дома в Петерб., 2 винокур. и крахмальный з-ды; чл. Русск. Собр.; уполномоч. тульск. дв-ва на съездах объедин. дв-ва, чл. комиссий Пост. совета; 7.X.1909 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая.

107. **Лопацинский**, Станислав Игнатьевич (11.III.1851 — ?); из дв.; римско-католич.; Варшавск. ун. (ю); без чина; 13842 дес. род. в Витебск. и Виленск.; пред. губ. О-ва витебских с. х. хозяев (1901 — 1915); 7.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад-в Витебск. губ.; «коло»; в 1909 переизбран; в 1910 выбыл за оконч. срока; 5.IX.1913 избр. чл. Г.с. от землевлад-в Виленск. губ..

108. **Лосев**, Михаил Лукич (1851 — 1912); из потом. почет. граждан; правосл.; Петерб. практ. технолог. ин-т; инж.-технолог; мануфактур-сов. (1900); землевладение приобр. его и род. жены в Моск. губ., дом приобр. его и 1/80 дома род. жены в Москве; член правл. т-ва Русск. бензол и анилинового з-да; чл. Моск. отд. Совета торг. и мануфактур; 24.V.1908 избр. чл. Г.с. от торг. вместо отказавшегося А. И. Гучкова; центр; в 1909 выбыл по жребию.

109. **Мануилов**, Александр Аполлонович (22.III.1861 — 20.VII.1929); из дв.; правосл.; Новороссийск. ун., лекции в Московск., Берлинском и Гейдельбергск. у-тах; доктор политэкономии; орд. проф. (1901 — 1911) и ректор (1905 — 1911) Моск. у-та; сс (1903); без недв. им.; чл. ЦК к.-д. (1907-1914); масон; 8.II.1907 избр. чл. Г.с. от АН и у-тов; от суточн. довольствия отказался, получая содерж. ректора и проф.; левая; 1.III.1911 выбыл из состава чл. Г.с. как утративший ценз; 2.II.1911 был уволен от должн. ректора и проф. и был причислен к МНП.

110. **Марин**, Николай Викторович (29.IX.1865 — ?); из дв.; правосл.; Лесной ин-т; колл. сов. (1903), сс (1907); податный инспектор Солигачского у.; 1538 дес. в Костромск. (1915); кадет (1905 — 1906), эволюционировавший в умерен. прогрессиста; 7.XII.1906 избр. чл. Г.с. от Костромск. зем-ва; левая; 1.XI.1908 временно отстранен от участия в собраниях Г.с.: был привлечен к судеб. ответственности за антиправит. агитацию осенью 1905; 8.XII.1908 оправдан по суду; в 1909 выбыл за оконч. срока; 18.X.1912 снова избр. чл. Г.с. от Костромск. зем-ва.

111. **Мейштович**, Александр Эдуардович (8.XII.1864 — ?); из дв.; римско-католич.; Виленск. реальное и Тверск. кав. уч-ще; отставной поручик; в зв. камер-юнкера; 2222 дес. род. в Ковенской, дом (род. жены, в общем влад. с др. наследниками), паровод. мельница; чл. правл. Виленск. земельн. банка; 25.IX.1909 избран чл. Г.с. от землевлад. Ковенск. губ.; «коло»; переизбран в 1910 и 1913; с 19.VIII.1915 — чл. Особ. совещ. по продовольствию.

112. **Меллер-Закомельский**, барон Владимир Владимирович (31.III.1863 — ?);

из дв.; правосл.; Пажеск. корп.; сс (1909); бывш. уезд. предв.; пред. Петерб. губ. зем. упр. (с 1905); пост. чл. Совета по делам мест. хоз-ва МВД; 3400 дес. приобр. в Петерб. губ. (по данным Анфимова и Минарик, у него с бр. — 214 тыс. дес), домовладелец; пред. правл. О-ва Кыштымских горных з-в и Южно-Уральского горнопром. о-ва; чл. правл. Киргизск. горнопром. о-ва и Риддерского горнопром. акц. о-ва; чл. ЦК «Союза 17 октября»; масон; 1.VIII.1912 избр. чл. Г.с. от Петербург. зем-ва; центр; с 2.III.1914 — чл. Романовск. к-та по призрению сирот сельск. населения; с 19.VIII.1915 чл. Особ. совещ. по топливу; в 1915 переизбран; в 1918 — чл. Совещания членов законодательных палат, пред. совета Государственного объединения России; в эмиграции.

113. **Менделеев, Павел Павлович** (31.XII.1863 — ?); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; тс (1909); Тверской губ. предв. (1913 — 1917); 686 дес. род. и приобр. и приобр. жены в Тверской и Тульской; пред. правл. акц. о-ва «Елецкий портланд-цемент» и осн. владелец его акций; чл. Кружка дворян; уполномоч. тверск. дв. на съездах объедин. дв.; чл. комиссии Пост. совета; 23.X.1915 избр. чл. Г.с. от дв-ва; кружок внепарт. объедин.; с 26.II.1916 — чл. Особ. совещ. по продовольствию; в 1918 — чл. бюро совета Государственного объединения России; в эмиграции.

114. **Мещеринов, Владимир Петрович** (1851 — ?); из дв.; правосл.; Казанск. ун. (ю); дсс (1897); в зв. камергера (1905), гофмейстер (1910); земс. нач. (1890 — 1891); уезд. предв. (1891 — 1909); 1200 дес. род. в Симбирск.; чл. Русск. Собр.; участник съездов объедин. дв.; 26.X.1907 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая; в 1915 выбыл за оконч. срока.

115. **Миклашевский, Михаил Ильич** (1854 — 28.III.1916); из дв.; правосл.; Александровск. лицей; дсс (1902); гофмейстер (1907); бывш. уезд. предв.; губ. предв. (1902 -1908); 3888 дес. род. в Екатеринославск.; цементный, сахарный и винокурный з-ды, полуантрацитовый рудник; чл. правл. т-ва Березинского свеклосахарного и рафинадного з-да; чл. Русск. Собр.; старшина Петерб. Английского клуба; директор Нового клуба; чл. Пост. совета и ряда его комиссий; 20.XII.1907 избр. чл. Г.с. от Екатеринославск. зем-ва; правая; в 1909 переизбран; в 1912 выбыл за оконч. срока и был снова избран от дв-ва.

116. **Мосолов, Алексей Иванович** (15.III.1863 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп.; отставн. гвардии штабс-ротмистр; дсс (1917); гор. голова (1898 — 1901); 7000 дес. род. в Тульск.; камен. дом в Туле; чугуноплавильный з-д; чл. совета съезда горнопромышленников Замосковск. района; чл. Русск. Собр.; чл. Пост. совета (1906 -1917), многих его комиссий, тов. его пред. (1913 — 1917); чл. совета Совещ. монархистов 21-23.XI.1915 в Петрогр.; 8.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая; в 1912 переизбран; с X.1914 по IX.1915 — уполномоч. Глав. управ. Росс. о-ва Красного Кр. при Тульск. окруж. эвакуац. пункте; с 19.VIII.1915 — чл. Особ. совещ. по обороне.

117. **Мусин-Пушкин, граф Владимир Алексеевич** (7.XI.1868 — ?); из дв.; правосл.; Александр. лицей; колл. сов. (1905); дсс (1914); церемониймейстер (1909); бывш. уезд. предв.; губ. предв. (1914 — 1917); 105 050 1/2 дес. род. матери и приобр. его в Полтавск., Терск., Херсонск., Черниговск. и Ярославск.; 3 камен. дома (матери) в Петерб., 2 винокур. з-да; пред. правл. Носовского и чл. правл. Яготинского

свекло-сахарных з-дов; уполномочен. черниговск. дв. на съездах объедин. дв.; октябрист; чл.-учредитель Петерб. клуба общ. деятелей; чл. Гл. к-та Всерос. земск. союза помощи больным и раненым воинам; 6.IX.1911 избр. чл. Г. с. от Черниговск. зем-ва; центр; в 1912 переизбран; с 19.VIII.1915 — чл.-заместитель Особ. совещ. по продовольствию; 1.IX.1915 выбыл (оконч. срока); 25.X.1916 избр. чл. Г.с. от дв-ва.

118. **Мухин, Александр Флегонтович** (2.III.1848 — ?); из купцов; правосл.; Петерб. комм. уч-ще, 5 лет лекций в Лондоне и практика в его комм. и банковск. предпр-х; комм.-советник; сс (1906); пред. правл. Волжско-Камск. банка; пред. к-та съезда представит. акц. банков комм. кредита; чл. Петерб. ЦК «Союза 17 октября» (до 16.IV.1906); 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от торг.; центр; в 1909 выбыл по жребью.

119. **Надежин, протоиерей Александр Петрович** (16.XI.1857 — ?); правосл.; Петерб. дух. акад.; ректор Тверск. дух. семинарии; без недв. им.; 18.X.1912 избр. чл. Г.с. от бел. дух-ва; правая, с 28.IX.1915 — прав. центр.

120. **Напиорковский, Абдон Юлианович** (30.VI.1851 — ?); из дв.; римско-католический; Варшавск. ун. (ю); без чина; 940 дес. в Люблинск.; поле- и скотоводство, откорм скота (г.о., покупного); винокур. з-д; 4.V.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польского; «коло»; в 1909 выбыл за оконч. срока.

121. **Нарышкин, Александр Алексеевич** (15.X.1839 — 22.II.1916); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); тс (1898); дтс (1915); бывш.: мировой посредник, участ. мировой судья, чл. и пред. уезд. зем. управы, пред. губ. зем. управы, губернатор, тов. м-ра гос. имуществ; сенатор (с 1898), присутствующий в I деп.; 346 дес. в Орловск.; чл. Русск. Собр.; тов. пред. Пост. совета (1906 — 1916); 7.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; отказался от суточ. довольствия, получая как сенатор в год 10 тыс. руб + 2,5 тыс. «аренды» до 1909, а затем — 2 тыс. из 10-милл. фонда; правая.

122. **Наумов, Александр Николаевич** (21.IX.1868 — 1950); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); дсс (1911); в д. егермейстера (1908); бывш. земск. нач. и уезд. предв.; Самарск. губ. предв. (1905 — 1915); 5207 дес. род. в Самарск.; хорошо поставленное многоотраслевое хоз-во: поле- и луговое хозяйство, лесная эксплуатация, рыбн. ловли, скотоводство, коннозаводство, крупное мельничнопромышленное производство с отпуском товара со своей приволжской пристани на Рыбинскую и Петербургскую биржи, маслоделие; камен. дом в Самаре, дача около Гурзуфа; управлял владениями и торгово-пром. предприятиями своего тестя, купца-миллионера К. Ушкова, владельца Фороса; в 1905 основал в губернии Партию правового порядка (на основах манифеста 17 октября) и газету «Голос Самары»; в 1909 один из учредителей Всерос. нац. клуба; делегат I и III съездов «Союза 17 октября»; уполномоч. самарск. дв. на съездах объедин. дв., член нескольких комиссий Пост. совета; масон (Берберова); 20.VI.1909 избр. чл. Г.с. от Самарск. зем-ва; правая, с VIII.1915 — прав. центр; в 1912 переизбр.; 14.XI.1915 назн. управляющим министерством Земледелия, 1.I.1916 — министром; 21.VI.1916 отказался от зв. чл. Г.с.; 21.VII.1916 уволен от долж. м-ра и назн. чл. Г.с.; 12. IV.1917 просил уволить «от службы» в Г.с.; в эмиграции.

123. **Незабытовский, Карл Константинович** (1866 — ?); из дв.; римско-католический; высшее образ.; без чина; 13227 дес. в Минской; лесопильн. и винокур. з-ды, ф-ка спичечн. соломки, пар. мельница; дрожжевинокур. и маслобойн. з-ды (в совмест.

влад. с Поклевским-Козелл); в II.1911 избр. чл. Г.с. от землевлад. Минской губ.; «коло»; в 1913 выбыл за оконч. срока.

124. **Нейдгарт**, Алексей Борисович. См. среди назначенных — № 102.

125. **Неклюдов**, Сергей Михайлович (9.VII.1846 — 6.VII.1912); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ест. и юр. ф-ты); без чина; 9668 дес. род. и приобр. в Псковск., «дома» в Петерб.; чл. ЦК «Союза 17 октября»; 25.III.1906 избр. чл. Г.с. от Псковск. зем-ва; в 1909 переизбран; центр; в 1912 выбыл за оконч. срока.

126. **Ненароков**, Александр Васильевич (1870 — ?); из дв.; правосл.; Демидовск. лицей; надворн. сов. (1908), сс (1913); бывш. зем.нач.; пред. уезд. зем. управы (с 1900); 226 дес. род. в Владимирск., дом в Покрове приобр.; 21.VIII.1912 избр. чл. Г.с. от Владимирск. зем-ва; правый центр, в 1915 — в центр; в 1915 переизбран.

127. **Николай** (Зиоров, Михаил Захарович), архиепископ (1850 — 20.XII.1915); сын протоиерея; правосл.; Моск. дух. акад.; бывш. ректор Тифлисс. дух. акад.; епископ Алеутский; с 1908 — архиеп. Варшавский и Привислинский; чл. Синода (1908 — 1915); с 4.VII.1906 — чл. Г.с. от монаш. дух-ва: правая; в 1912 переизбран.

28. **Никон** (Рождественский, Николай Иванович), архиепископ (4.IV.1851- 1918); сын причетника; правосл.; Моск. дух. сем.; епископ (1906), архиепископ (1913); чл. Синода (1912 — 1917); чл. Русск. Собр.; сотрудник газет; 20.II.1907 избр. чл. Г.с. от монаш. дух-ва; правая; в 1915 переизбран; после Февр. р. — на покой в Троице-Сергиеву лавру.

129. **Нирод**, граф Максимилиан Евстафьевич (1848 — 24.V.1914); из дв.; лютеранск.; Александровск. лицей; тс; егермейстер (1898); чл. Совета м-ра вн. дел (с 1895); 4226 дес. в Волынск.; мельница; чл. Русск. Собр.; 8.X.1913 избр. чл. Г.с. от Волынск. зем -ва; правая.

130. **Нолькен**, барон Эдуард Акселевич (8.VII.1875 — ?); из дв.; лютеранск.; Юрьевск. гимназия; без чина; 5599 дес. род. в Лифляндск.; 12.X.1915 избр. чл. Г.с. от землевлад-в Лифляндской губ.; центр.

131. **Нырко**, Николай Иванович (4.XII.1865 — ?); из дв.; правосл.; Ин-т инж. путей сообщ., курс лекций на физ.-мат. ф-те Петерб. у-та; сс (1912); пом. нач. движ. Полесских ж. д.; 1523 дес. в Ставропольск. губ., пожалованных ему в вечное и потом. владение (вместе с сестрами); прогрессист; 10.II.1913 избр. чл. Г.с. от землевлад. Ставропольск. губ.; центр; 3.IV.1913 отказался в связи с введ. в губ. зем-ва; 19.XII.1913 избр. от Ставропольск. зем-ва; в 1915 переизбран.

132. **Озеров**, Иван Христофорович (28.IV.1869 — 1942); из мещан; правосл.; Моск. ун.; докт. фин. права; орд. проф. Петерб. у-та; сс (1903), дсс (1914); публицист; без недв. им.; чл. правл. ряда различ. акц. обществ и товариществ; пред. правл. Российского акц. о-ва объявлений; чл. совета Русско-Азиатск. банка; чл. правл. Петроградско-Тульск. поземельн. банка; пред. правления Центральн. банка обществ взаимного кредита; 8.X.1909 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в; левая. Сотрудник наркомфина.

133. **Ознобишин**, Владимир Нилович (2.XI.1855 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); колл. секр.; в зв. камергера; Саратовск. губ. предв.; чл. Русск. Собр.; чл. Кружка москвичей; уполномоченный саратовск. дв. на съездах объедин. дв., чл. комиссий Пост. совета; субсидировал газ. «Волга»; 1500 дес. приобр. в Симбирск., 6666

дес. род. (вместе с сестрами) в Саратовск. и Владимирск.; 26.XI.1911 — чл. Г.с. от дв-ва в связи со смертью П. Н. Трубецкого как подбалльный (на съезде выборщиков в 1907); правая; 13.I.1912 отказался, т. к. комиссия личного состава Г.с. 12.I.1912 признала его «не имеющим полномочий члена» Г.с.

134. **Олизар, Иван Эмильевич** (13.IV.1855 — ?); из дв.; католик; Дерптский ун. (ю); без чина; 3097 дес. в Волынск., винокур. з-д; 10.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Волынск. губ.; переизбирался в 1909 и 1910; «коло»; в 1913 выбыл: оконч. срок.

135. **Олсуфьев, граф Дмитрий Адамович** (2.X.1862 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун.; сс (1902); дсс (1911); в зв. камер-юнкера; камергер (1907); бывш.: зем. нач-к, уезд. предв., пред. уезд. и губ. зем. управ; 11600 дес. род. в неразд. влад. с братом в Московск., Саратовск. и Смоленск.; 2 дома в Петерб. и 1 в Москве; чл. совета Петроградск. част. комм. банка; чл. Пост. совета (1906 — 1917); чл. ЦК «Союза 17 октября» и пред. Саратовск. его отдела; один из основат. газ. «Волга»; публицист; масон; уполномоч. Гл. к-та Всероссийск. зем. союза помощи больным и раненым воинам; 12.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Саратовского зем-ва; правая, в 1912 — в центр; переизбирался в 1909, 1912 и 1915; участник гражд. войны; в эмиграции.

136. **Ольденбург, Сергей Федорович** (15.IX.1863 — 28.II.1934); из дв.; правосл.; Петерб. ун., заграничн. командировка (2 года); орд. академик; дсс (1906); без недв. им.; чл. ЦК к.-д.; масон; 23.XI.1912 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в; левая; 26.IV.1917 назн. чл. ЧСК (до 27.VII); с 25.VII. — м-р НП (до 31.VIII); затем — чл. Совета Республики и тов. пред. его комиссии по нац. делам; в 1919 аресовывался по делу «Национального центра». Отец С. С. Ольденбурга.

137. **Орловский, Ксаверий Александрович** (1.XII.1862 — ?); из дв.; католик; Дерптск. ун.; колл. ассессор; 5784 дес. род. в Подольской, винокур. и сахарный (в совлад.) з-ды; чл. правл. Т-ва Росвенского свекло-сахарного з-да; 3.IV.1908 избр. чл. Г.с. от землевлад. Подольск. губ.; «коло»; переизбран в 1909 и 1910; выбыл в 1913 за оконч. срока.

138. **Островский, Иосиф Александрович** (21.I.1850 — ?); из дв.; католик; Варшавск. ун., лекции в германск. ун-х (3 года); без чина; 7068 дес. род. в Петроковск. и Радомск.; кирпич. и 2 винокур. (один из них — в совлад.); чл. партии реальн. политики; 4.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло»; 16.IV.1908 отказался; в IX.1909 избр. снова; 4.X.1910 снова отказался: болен.

139. **Офросимов, Яков Никандрович** (2.VIII.1862 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); дсс (1910); бывш. зем. нач. и уезд. предв.; 1820 дес. приобр. его и жены в Псковск. и Витебск.; вод. мельница; уполномоч. и чл. комиссий объед. дв-ва; чл. Гл. совета Всероссийск. нац. союза; 8.X.1910 избр. чл. Г.с. от землевлад. Витебск. губ.; правая, 30.XI.1915 — в правый центр; в 1913 выбыл за оконч. срока и избр. чл. Г.с. от Витебск. земства; 24.III.1916 отказался.

140. **Охотников, Владимир Николаевич**. См. среди назначенных — № 112.

141. **фон-дер-Пален, Павел Петрович** (7.IV.1862 — ?); из дв.; лютер.; Варшавск. ун.; колл. секр.; сс (1914); уезд. предв.; 1700 дес. род. и приобр. в Курляндск.; чл.

Конституционно-монархическ. партии; 15.IX.1915 избр. чл. Г.с. от землевлад. Курляндской губ.; центр; в 1915 выбыл.

142. **Перелешин**, Андрей Васильевич (1866 — ?); из дв.; правосл.; вуз; отставн. кап. 2 ранга; бывш. зем. нач. и пред. уезд. зем. управы; уезд. предв.; 2180 дес. в Костромск.; кадет; 27.III.1906 избр. чл. Г.с. от Костромск. зем-ва; левая; 12.VII.1906 отказался в связи с роспуском I Думы.

143. **Пилар-фон-Пильхау**, барон Адольф Адольфович (11.V.1851 —); из дв.; лютер.; Вышгородск. дворянск. уч-ще, «посещение» Дерптского ун-та; без чина; губ. предв. (1908 — 1917); в д. гофмейстера (1910); 7103 дес. род. в Лифляндск.; винокур. з-д; чл. правл. Даго-Кертельск. ф-ки т-ва «К. и Э. Унгерн-Штернберг»; уполномоч. объед. двор-ва, чл. Пост. совета и его комиссий; участ-к совещ. «Союза 17 октября» 7.XI.1913 в Петерб.; 12.X.1912 избр. чл. Г.с. от двор-ва; центр.

144. **Плотников**, Иван Николаевич (1857 — ?); из потом. почет. гражд.; правосл.; Петерб. технолог. ин-т; инж.-технолог; титул. сов. (1909); колл. ассессор (1911); Астраханск. гор. голова (до 1912); 1818 дес. приобр. в Астраханск.; 2 камен. дома, 2 камен. палатки его и камен. зд. театра (в совлад. с братьями) в Астрахани; кирпич. з-д; 8.IX.1909 избр. чл. Г.с. от землевладельцев Астраханск. губ.; правый центр; в 1912 переизбр.; в 1915 выбыл за оконч. срока и избр. от Астраханск. зем-ва.

145. **Поклевский-Козелл**, Викентий Альфонсович (14.I.1853 — 26.III.1929); из дв.; католик; Казанск. клас. гимн., 3 курса Петерб. у-та; дсс (1904); 377130 дес. род. его и жены в Витебск., Вятск., Минск., Оренбургск., Пермск., Тобольск. и Уфимской; дома камен. (16) и деревян. (18) в Петерб., Екатеринб. и др. городах империи; заводы винокур. (4), дрожжевинокур. (3), маслобойный, спиртоочист., ректификатн., пивоварен., стекольные (2), Холуницкие и Залазнинские чугуноплавильные и железоделательные; прииски (3); рудники медные и свинцовые; копи (асбест); мельница; ремонт. мастерские; чл. правл. Майкоп-Энемского нефтепром. т-ва; чл. правл. Верхнеуральского акц. о-ва; один из учредит. Сибирск. торг. банка; чл. совета Волжско-Камского банка; чл. Нижегородск. ярмарочн. и бирж. к-тов; чл. Съезда уральских горнопромышленников; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от торг.; «коло»; в 1912 выбыл по жребию. В 1920 — пред. «Антибольшевистской лиги»; поселился в Варшаве; чл. правл. польско-англ. Банка.

146. **Поливанов**, Владимир Николаевич (24.VI.1848 — 24.IV.1915); из дв.; правосл.; Казанск. ун. (ю); дсс, гофмейстер (1906); губ. предв. (1897 — 1915); 9640 дес. род. и приобр. в Казанской и Симбирск.; многоотраслевое хоз-во: полеводство, скотоводство, лесоводство, 2 винокур., лесопильн. и черепичн. з-ды; уполномоч. объед. д-ва, чл. Пост. совета и его комиссий; чл. Русск. Собр.; 23.III.1906 избр. чл. Г.с. от Симбирск. зем-ва; правая, в 1911 — правый центр; переизбирался в 1909 и 1912. Его сын Николай — зять А. Н. Наумова.

147. **Потоцкий**, граф Генрих Родригович (1868 — ?); из дв.; католик; Вроцлавск. и Галльский у-ты; без чина; в зв. камер-юнкера; 5903 дес. род. и приобр., лесопильн. з-д; депутат II Думы; 9.X.1908 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск. вместо отказавш. И. А. Островского; «коло»; в 1909 выбыл: окон. срок; 13.X.1910 избр. снова; в 1912 выбыл за оконч. срока.

148. **Пржевлоткий**, Константин Иосифович (6.IX.1857 — ?); из дв.; католик; Рижск. политех. уч-ще, Политехн. школа; без чина; пред. Люблинск. губ. дирекции Земск. кредит. о-ва; 6800 дес. приобр. в Волынск. и Люблинск.; лесопильн. и винокур. з-ды; 4.V.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Ц. Польск.; «коло»; в 1909 выбыл за оконч. срока.

149. **Ракович**, Иван Егорович (1.I.1863 — ?); из дв.; правосл.; Никол. кав. уч-ще; дсс; в зв. камергера; назн. уезд. пред. (1897 — 1910); назн. губ. предв. (1910 — 1917); 725 дес. род. в Полтавской (в совлад. с братом), 3183 дес. приобр. его и род. жены в Подольск. и Тульск.; вод. мельница; чл. Всеросс. нац. союза; 15.IX.1913 избр. чл. Г.с. от Подольск. зем-ва; пр. центр; в 1916 переизбран.

150. **Рачинский**, Александр Константинович (30.VII.1867 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); колл. сов.; в зв. камергера (1911); дсс (1915); бывш. уезд. предв.; губ. предв.; 7400 дес. род. в Смоленск., Тамбовск. и Черниговск.; винокур. з-д; 12.X.1912 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая; уполномоч. Гл. к-та Всеросс. зем. союза помощи больным и раненым воинам; 3.IV.1915 назн. тов. м-ра НП; 23.VI.1915 отказался от зв. чл. Г.с.

151. **Рибиндер**, Николай Александрович (5.VII.1863 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; дсс (1908); в д. шталмейстера (1906); бывш. зем. нач-к и уезд. предв.; Харьковск. губ. предв. (1906 — 1917); 4323 дес. род. и приобр. в Курск. и Харьковск.; многоотраслевое хоз-во: полеводство, лесоводство, пчеловодство, плодоводство, скотоводство, конный завод, откорм скота; з-ды: маслособойный, винокур., лесопильн., сахарн., ректификатн.; водяная мельница; чл. правл. Шебенинского т-ва на паях сахарных и рафинадных з-в; уполномоч. объед. дв-ва; 26.XI.1908 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правый центр; в 1909 переизбран; расстрелян вместе с братом и зятем.

152. **Ревуцкий**, Петр Дмитриевич (1847 — 7.XI.1911); из дв.; правосл.; гимназия, Новороссийск. ун. (не окончил); дсс (1898); уезд. предв. (с 1883); 2236 дес. род. и род. жены в Херсонск.; 19.XII.1907 избр. чл. Г.с. от Херсонск. зем-ва; центр, подгруппа Нейдгарта; в 1909 переизбран.

153. **граф Рейтерн барон Нолькен**, Вольдемар Густавович (9.IX.1851 — ?); из дв.; лютер.; Александровск. лицей; сс; дсс (1909); в зв. камергера; в д. гофмейстера (1908); егермейстер (1909); уезд. предв.; губ. предв. (1909 — 1917); 2 майората в Курляндской (13800 дес), винокур. и лесопильн. з-ды; уполномоченный объед. дв-ва, чл. комиссий Пост. совета; 29.VI.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Курляндск. губ.; центр; в 1909 переизбран; в 1912 выбыл за оконч. срока. Племянник быв. м-ра фин. М. Х. Рейтерна.

154. **Родзянко**, Михаил Владимирович (9.II.1859 — 19.I.1924); из дв.; правосл.; Паж. корп.; дсс; в звании камергера; уезд. предв. (1886 — 1896); пред. губ. зем. управы (1900 -1906); 9294 дес. род. и приобр. в Новгородск. и Екатеринославск.; лесопильный з-д, мельница; 21.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Екатеринославск. зем-ва; центр; чл. ЦК «Союза 17 октября»; 31.XI.1907 отказался: избран в Думу.

155. **Розен**, барон Александр Федорович (1871 — ?); из дв.; правосл.; Никол. кав. уч-ще; сс (1913); в зв. камергера (1911); Харьковский вице-губер. (1911 — 1916);

9147 дес. род. и приобр. в Витебск.; 5 домов в Витебске на собств. земле; винокур. з-д, мельница; 29.IX.1916 избр. чл. Г.с. от Витебск. зем-ва; прав. центр.

156. **Розен**, барон Ганс Фридрихович (30.IX.1870 — ?); из дв.; лютер.; Галльский ун.; докт. философии; без чина; уезд. депутат дв-ва (1899 — 1909); депутат III Думы; ландрат лифляндск. дв-ва (1911 — 1917); 7000 дес. род. в Лифляндск.; уполномоч. объедин. дв-ва, чл. Пост. совета (1912 — 1915) и его комиссий; чл. Балтийской конст.-монарх. партии; 10.X.1912 избр. чл. Г.с. от землевлад. Лифляндск. губ.; центр; в 1915 выбыл за оконч. срока.

157. **Ромер**, Владимир Эмильевич (11.IV.1840 — 31.X.1907); из иностр., принявших поддан. России, личный дв-н; правосл.; гимназия; комм.-сов. (1898); гласн. гор. думы; основат. и дир. Орловск. комм. банка; 745 дес. в Орловск.; 15.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Орловск. зем-ва; был близок к правой.

158. **Ротванд**, Станислав Матвеевич (1839 — 10.II.1916); сын лекаря, бывш. ординатора Варшавск. еврейск. больницы; лютер.; Петерб. ун. (ю); сс (1904); дсс (1909); 4 камен. дома в Варшаве, 2 в Петерб.; сахарный з-д; крупный пайщик банкирск. дома Вавельберг; пред. и чл. правл. ряда акц. об-в; пред. Варшавск. бирж. к-та; чл. совета съездов представит. пром. и торг.; чл. совета Русско-Англ., Русско-Франц. и Русско-Итал. палат; чл. прав. Всеросс. о-ва сахарозаводчиков; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от торг.; центр; в 1912 переизбран.

159. **Рыков**, Евгений Владимирович (5.III.1838 — ?); из дв.; правосл.; акад. художеств; дсс (1901); бывш. пред. уезд. зем. управы; уезд. предв. (1876 — 1909); 590 дес. род. в Тавричesk.; 11.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Тавричesk. зем-ва; левая; переизбран в 1909 и 1912; в 1915 выбыл за окон. срока.

160. **Рябушинский**, Павел Павлович (17.VI.1871 — 19.VII.1924, Франция) из потом. почет. гражд.; старовер; Моск. практ. акад. комм. наук; 2 дома в Москве; склады в Петерб., Москве, Харькове, Одессе, Ростове, Омске; пайщик «Рябушинского П. М. с сыновьями т-ва мануфактур» (осн. кап. в 1910 = 4 млн. руб.; лесопильный и кирпичный з-ды, бумагопрядильн., ткацкая, красильная, отбелочная и аппретурная ф-ки); влад. типографии; директор-распорядитель торгово-пром. о-ва «Рябушинский П. М. с сыновьями»; директор т-ва Окуловских писчебумажн. фабрик; чл. совета Российск. взаимного страх. союза, учрежденного росс. фабрикантами и заводчиками; совлад. «Банкирского дома бр. Рябушинских»; пред. правл. Харьковск. земельного банка; пред. совета Моск. банка; пред. Моск. бирж. к-та; пред. Моск. военнопром. к-та; чл. к-та съездов представит. пром. и торг.; гласный Моск. гор. думы; прогрессист; масон; 16.IX.1915 избр. чл. Г.с. от пром.; левая.

161. **Савельев**, Василий Владимирович (4.X.1847- ?); из дв.; правосл.; Моск. воен. юнкерск. уч-ще; дсс (1896); пред. губ. зем. управы (1879 — 1905); 1829 дес. род. и приобр. во Владимирской и Олонецкой; чл. ЦК «Союза 17 октября»; 21.III.1906 избр. чл. Г.с. от Олонецкого зем-ва; центр; переизбирался в 1909, 1912, 1915.

162. **Савицкий**, Николай Петрович (1.VI.1867 — ?); из дв.; правосл.; Петровско-Полтавск. кадет. корп., 3-е воен. Александр. уч-ще; дсс (1911); бывш.: зем. нач., уезд. предв., пред. губ. земск. управы; чин-к особ. поруч. Переселенчesk. управл. (с VIII по XII.1915); уполномоч. МЗ по закупке продовольствия для нужд армии; упол-

номоч. пред. Особ. совещ. по продовольств. в Черниговск. губ.; 620 1/8 дес. род. (в совл. с бр) в Черниговск.; 1.IX.1915 избр. чл. Г.с. от Черниговск. зем-ва; центр; 24.III.1917 назн. Главнoначальствующим г. Архангельска и Беломорским водным районом.

163. **Салтыков, Александр Александрович** (1865 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп.; сс (1908); дсс (1909); бывш.: зем. нач., уезд. предв.; Тульск. губ. предв. (1906 — 1910); 330 дес. приобр. в Тульск.; винокур. з-д; чл. Русск. Собр.; чл. совета Кружка дворян; уполномоч. тульск. дв-ва на съездах объед. дв-ва, чл. комиссии Пост. совета; 17.VIII.1909 избр. чл. Г.с. от Тульск. зем-ва; правая; в 1912 переизбран; 14.X.1913 назн. Тамбовским губернатором и, в связи с этим, сложил зв. чл. Г.с.

164. **Салтыков, светл. князь Иван Николаевич** (15.V.1870 — ?); из дв.; правосл.; Паж. корп.; полковник; флигель-адъютант (1908); уезд. предв. (1908 — 1909); Петерб. губ. предв. (1909 — 1914); ген.-майор свиты (1913); 11458 дес. в Петерб. губ., 3 дома в Петерб.; пред. правл. горнопром. акц. о-ва «Медиатор»; 12.X.1912 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая.

165. **Самарин, Федор Дмитриевич** (4.II.1858 — 1916); из дв.; правосл.; Моск. ун.; надворн. сов.; уезд. предв. (1884-1891); 9023 дес. род. в Московск. и Самарск.; дом в Москве; акт. деятель объед. дв-ва; чл. Кружка москвичей; один из основат. газ. «Окраины России»; публицист; 7.IV.1906 избр. чл. Г.с. от двор-ва; правая; 26.VII.1908 отказался.

166. **Семигравов, Дмитрий Николаевич** (1869 — ?); из дв.; правосл.; Кишиневск. гимназия, лекции в Новоросс. у-те; титул. сов.; колл. ассессор (1912); надвор. сов. (1912); колл. сов. (1913); в зв. камергера (1912); бывш. зем. нач. и пред. уезд. управы; пред. Бессарабск. губ. зем. управы (с 1906); 10000 дес. род. у родителей и 2800 дес. приобр. его в Бессараб.; дом камен. в Кишиневе; чл. Русск. Собр.; 20.IX.1909 избр. чл. Г.с. от Бессараб. зем-ва; правая; переизбран в 1912 и 1915.

167. **Серафим** (Леонид Михайлович Чичагов), архиепископ Тверской и Кашинский (9.VI.1856 — 11.XII.1937); из дв.; правосл.; Пажеский корп.; до 1890 — воен. служба, уволен в ч. полковника; 1893 — рукоположен в священники; без недв. им.; чл. Русск. Собрания; публицист (военные, затем богословск. вопросы); с 29.II.1916 чл. Г.с. от монаш. дух-ва; правая; был близок к Николаю II на почве канонизации Серафима Саровского; Вр. пр. отравило его на покой; 1917 — 1918 — чл. Поместного собора; в 1921 — возв. в митрополиты, назначен в Варшаву, однако выехать не смог; расстрелян в п. Бутово Моск. обл.

168. **Скадовский, Сергей Балтазарович** (1863 — ?); из дв.; правосл.; политехникум и с. х. акад. в Боннгейме и Берлине; дсс (1904); в зв. камергера (1902); бывш. уезд. предв.; Тавричesk. губ. предв. (1897 — 1906); 18702 дес. род. и приобр. в Тавричesk.; дома в Херсоне и Каховке; пар. мельница; уполном. тавричesk. дв-ва на I—XII съездах объед. дв-ва; 8.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; центр, правый центр, кружок внепарт. объед.; в 1912 выбыл по жребью; в 1915 избран снова. В 1893 основал порт на Черном море — Скадовск.

169. **Скаржинский, Мечислав-Тадеуш Эдмундович** (8.X.1865 — ?); из дв.; католик; Варшавск. ун.; без чина; 720 дес. приобр.; депутат II Думы; 1.II.1908 избр. чл.

Г.с. от землевлад. Ц. Польского вместо отказавш. С. В. Гавронского; «коло»; в 1909 выбыл: окон. срок.

170. **Скворцов**, Михаил Николаевич (1.X.1845 — ?); из дв.; правосл.; Морск. кадет. корп.; ген.-майор в отставке; в зв. камергера (1912); Псков. губ. предв. (1907 — 1910); уезд. пред. (с 1911); участник съездов объедин. дв-ва; чл. Клуба дворян; 340 дес. род. и приобр. жены в Псковск.; дом в Торопце; 30.X.1912 избр. чл. Г.с. от дв-ва вместо отказавш. В. Н. Ознобишина; правая; в 1915 выбыл за оконч. срока.

171. **Скирмунт**, Константин-Стефан-Феликс Генрихович (28.VIII.1866 — ?); из дв.; католик; Петерб. ун.(ю); титул. сов.(1907); колл. ассессор (1910); дсс (1917); в зв. камер-юнкера; в зв. камергера (1911); 6866 дес. род. у него и отца в Гродненск.; член партии умеренных польских националистов; с 6.IX.1909 — чл. Г. с. от землевлад. Гродненск. губ.; «коло»; переизбран в 1910 и 1913.

172. **Скирмунт**, Роман Александрович (25.IV.1868 — ?); из дв.; католик; безчина; 6064 дес. в Минск.; суконная ф-ка, винокур. з-д; в IX.1910 избр. чл. Г.с. от землевлад. Минск. губ.; «коло»; 3.I.1911 отказался: не имел возможности проживать постоянно в Петерб.

173. **Соковнин**, Алексей Николаевич (1851 — 9.XII.1907); из дв.; правосл.; Новороссийск. ун. (отчислен с 3 к. за невзнос платы); колл. сов.; бывш.: гласный уезд. и губ. зем. собр., гор. голова; 1609 дес. род. в Херсонск.; 2 дома в Николаеве; 12.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Херсонск. зем-ва; центр.

174. **Стахеев**, Федор Васильевич (1870 — ?); из потом. почет. граждан; Моск. тех. уч-ще; инж.-механик; отстав. поручик корпуса инж.-механиков флота; 3409 дес. в Уфимск.; влад. торг. дома «В. Г. Стахеева наследники»; винокур. и ректификац. з-ды, 2 мельницы, просорушка, крупянка; 11.X.1911 избр. чл. Г.с. от торг.; центр; в 1914 — уполномоч. Гл. упр. по закупке хлеба для армии по Северному району; в 1915 выбыл по жребию; в 1916 избр. снова.

175. **Стахович**, Михаил Александрович (8.I.1861 — 1923); из дв.; правосл.; Уч. правовед.; дсс (1905); камергер. бывш. зем. нач. и уезд. предв.; Орловск. губ. предв. (1895 - 1907); член I и II Дум; 290 дес. род. у него в Орловск. и 18000 дес. род. у родит. в разн. губ.; чл. правл. т-ва воздухоплавания «Кеннеди» (1911); чл. правл. О-ва южно-русских механич. з-дов (1916); чл. совета Русско-Азиатск. банка; чл. совета О-ва взаим. кредита печатного дела; октябрист, эволюционировавший в прогрессиста, чл. ЦК прогрессистов (1912 — 1914); масон; публицист; 4. XII.1907 избр. чл. Г.с. от Орловск. зем-ва; левая, с 1912 — внепарт.; переизбран в 1909, 1912 и 1915; в III.1917 назначен финляндским ген.-губер.; в VIII. — посланником в Испании.

176. **Стенбок-Фермор**, граф Иван Васильевич (13.I.1859 — 9.VII.1916); из дв.; правосл.; Александр. лицей; дсс (1901); в д. егермейстера (1914); 2523 дес. род. в Херсонск.; среди уполномоченных объедин. дв-ва; депутат III Думы; 25.X.1915 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правый центр.

177. **Стромилов**, Сергей Семенович (5.X.1856 — 10.X.1911); из дв.; правосл.; Тверск. кав. уч-ще; дсс; в зв. камергера (1910); бывш. чл. уезд. зем. упр., зем. нач-к; уезд. предв. (с 1896); 664 3/4 дес. род. в Владимирск.; среди уполномоч. объедин. дв.; чл. Русск. Собр.; с 18.VI.1909 — чл. Г.с. от Владимирск. зем-ва; правая.

178. Струков, Ананий Петрович. См. среди назначенных — № 150.

179. Сувчинский, Корнелий Ефтихиевич (1856 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); дсс; 1315 дес. в Киевск. губ.; чл. III Думы; с 7.IX.1916 — чл. Г.с. от Киевск. зем-ва; центр.

180. Сухомлинов, Николай Федорович (9.III.1852 — ?); из дв.; правосл.; Новоросс. ун. (ю); дсс (1899); в зв. камергера (1901); гофмейстер (1908); уезд. предв. (1884 — 1896); Херсонск. губ. предв. (1896 — 1917); 46888 дес. род., приобр. и приобр. жены в Бессарабск. и Херсонск.; многоотрасл. хоз-во: виноградарство, полеводство, лесоразведение, скотоводство; соляной промысел; 3 хлебных магазина в Одессе; акт. деятель объедин. дв-ва; 6.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; центр; в 1909 переизбран.

181. Сырнев, Александр Петрович (5.III.1855 — ?); из дв.; правосл.; Вятская клас. гимн.; полковник в отставке; 2139 дес. в Вятской; стекольный з-д (в совлад); октябрист; 28.VI.1909 избр. чл. Г.с. от Вятск. зем-ва; центр; в 1912 переизбран; в 1915 выбыл: окон. срок.

182. Сырочинский, Станислав-Карл Северинович (4.XI.1847 — ?); из дв.; католик; Петровско-Разумовск. земледельч. и лесная акад.; сс; 809 дес. род. в Киевск.; чл. правл. т-ва Спичинецкого свеклосахарного з-да; с 17.IV.1906 — чл. Г.с. от землевлад. Киевск. губ.; «коло»; в 1909 выбыл за оконч. срока.

183. Тизенгаузен, барон Генрих Юльевич (14.V.1843 — ?); из дв.; лютер.; Юрьевский ун. (ю); без чина; в зв. камергера (1902); уезд. предв. (1877 — 1884); ландрат лифляндск. дв-ва (с 1884); среди уполномоч. на съездах объедин. дв-ва; 4 204 дес. род. и приобр. в Лифляндск.; 18.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Лифляндск. губ.; центр; в 1909 переизбран; в 1912 выбыл.

184. Тимирязев, Василий Иванович (19.III.1849 — 1919); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; тс (1901); дтс (1909); 28.X.1905 назначен м-ром торг. и пром.; 18.II.1906 уволен от долж. м-ра, с назн. пожизнен. пенсии в 7 тыс. руб.; пред. и чл. правл. ряда акц. обществ и товариществ; чл. совета Русск. для внеш. торг. банка; тов. пред. (с 1906) и пред. (с 1914) Совета съездов представит. биржевой торг. и сельск. хоз-ва; с 16.III.1906 — чл. Г.с. от пром.; центр; 14.I.1909 назн. м-ром торг. и пром.; 5.XI. уволен; в 1909 переизбран как чл. Г.с.; в 1911 назн. генеральн. комиссаром Русск. отд. на международ. выставке в Турине; 22.VI.1915 назн. от Г.с. чл. «майского» Особ. совещ.; в 1917 — 1918 — чл. комиссии по выработке проекта договора с Финляндией, входил в спец. комиссию по пересмотру русско-германского торг. договора.

185. Толстой, граф Александр Петрович (25.III.1863 — ?); из дв.; правосл.; Казанск. ун.; отст. колл. сов.; бывш. земский нач.; гласный уезд. зем. собр.; депутат III Думы; 3762 дес. род., приобр. и приобр. жены в Уфимск. и близ Сухума; чл. ЦК прогрессистов (1912 -1914); 20.VIII.1912 избр. чл. Г.с. от Уфимск. зем-ва; левая; в 1915 переизбран; уполном. Гл. к-та Всеросс. союза помощи больным и раненым воинам.

186. Томановский, Владимир Николаевич (1862 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); дсс (1909); бывш. пред. уезд. зем. управы и уезд. предв.; пред. губ. зем.

управы (с 1907); 692 дес. приобр. его и род. жены в Воронежск.; 1/2 винокур. з-да и 1/2 мельницы; октябрист; 19.IX.1915 избр. чл. Г.с. от Воронежск. зем-ва; центр.

187. **Трегубов**, протоиерей Симеон Иванович (1856 — ?); сын причетника; правосл.; Киевск. дух. акад.; магистр богосл.; чл. Русск. Собр.; без недв. им.; 11.VIII.1910 избр. чл. Г.с. от белого дух-ва; правая; в 1915 переизбран.

188. **Триполитов**, Михаил Николаевич (29.X.1854 — ?); сын чиновника; правосл.; Московск. тех. уч-ще; инж.-технолог; без чина; без недв. им.; пред. совета Петроград. част. комм. банка (1917); чл. Совета торг. и мануфактур (1907 — 1918); вице-пред. О-ва заводчиков и фабрикантов; директор о-ва Петерб. фабрикантов для страхования рабочих; 2.VII.1909 избр. чл. Г.с. от пром.; центр.

189. **Трубецкой**, князь Евгений Николаевич (23.IX.1863 — 23.I.1920); из кн. рода; правосл.; Моск. ун. (ю); докт. гос. права; орд. проф. Моск. у-та; сс; 917 дес. приобр. в Калужской; в 1905-1906 — чл. ЦК к.-д.; в 1912-1914 — чл. ЦК прогрессистов; масон (Берберова); в II.1907 избр. чл. Г.с. от АН и ун-в; левая; 18.V.1908 отказался: болен, не мог совмещать службу в у-те с занятиями в Г.с.; 21.III.1911 уволен от службы, за выслугою лет, пенсия в 2400 руб.; 13.IX.1915 избр. чл. Г.с. от Калужск. зем-ва; в 1917 избр. тов. пред. Всеросс. поместного церковного собора от мирян, чл. патриаршего совета; в 1918 — чл. Совета гос. объединения России; весной 1919 — в Екатеринодаре у Деникина; умер от сыпного тифа в Новороссийске.

190. **Трубецкой**, князь Петр Николаевич (5.X.1858 — 4.X.1911); из кн. рода; правосл.; Моск. ун. (ю); егермейстер; быв. уезд. предв.; Моск. губ. предв. (с 1893); уполномоч. моск. дв-ва на I — IV съездах объедин. дв-ва; 53726 дес. род. и приобр. в Московск., обл. Войска Донского, Тавричesk., Ставропольск., Херсонск. и близ Сочи; многоотрасл. хоз-во: полеводство, скотоводство, овцеводство, конный з-д, фрукт. сад, виноградник, цветоводство; 2 дома в Москве; 7.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; лидер центра; убит племянником на почве ревности.

191. **Трубников**, Юрий (Георгий) Владимирович (25.XI.1857 — ?); из дв.; правосл.; Александр. лицей; сс (1901); дсс (1914); бывш. зем. нач., уезд. предв. и пред. уезд. зем. управы; 4193 дес. род. в Казанск. и приобр. майорат в Петроковск. и Калишск., площ. которого не выяснена; уполномоч. казанск. дв-ва на всех съездах объедин. дв-ва; чл. ЦК «Союза 17 октября»; 11.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Казанск. зем-ва; центр; переизбран в 1909, 1912 и 1915.

192. **Тышкевич**, граф Александр Иосифович (6.IV.1864 — ?); из дв.; католик; Никол. инж. уч-ще; подпоручик гвард. в отставке; камер-юнкер; 31831 дес. род. в Виленск., Ковенск. и Минск.; 24.III.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Ковенск. губ.; «коло»; в 1909 выбыл за оконч. срока.

193. **Тютрюмов**, Игорь Матвеевич (27.V.1855 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); тс (1914); сенатор (1916); и.о. обер-прокурора II деп. Сената; 970 дес. род. и приобр. в Новгородск. и 300 дес. род. жены (в совлад. с родств.); 16.I.1915 избр. чл. Г.с. от Новгородск. зем-ва на оставшийся срок полном. умерш. кн. Голицына, сохраняя обязанности и содерж. по должн. Обер-прокурора; кружок внепарт. объедин.; осенью 1915 переизбран.

194. **Уваров**, граф Игорь Алексеевич (31.V.1869 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун.;

- в зв. камергера (1910); дсс (1915); уезд. предв; 11556 дес. род. в Смоленск., лесопильн. и фанерный з-ды; октябрист; 25.X.1916 избр. чл. Г.с. от дв-ва; центр.
195. **Уваров**, граф Федор Алексеевич (4.V.1866 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун., Казачье уч-ще; хорунжий Терского казачьего войска; колл. сов.; сс (1911); дсс (1914); в д. шталмейстера; пред. уезд. зем. управы (1902-1912); 22000 дес. род. в Московск., Пензенск. и Терск.; многоотрасл. хоз-во: садоводство, огородничество, цветоводство, семенные плантации; продажа семян за границу, винокур., лесопильн. и дегтярн. з-ды, мельница, смолокурение; 23.IX.1909 избр. чл. Г.с. от Московск. зем-ва; пр. центр; переизбран в 1912 и 1915; 12.VIII.1914 добровольцем, в чине хорунжего, на войну в составе своего полка млад. офицером сотни и командиром сотни.
196. **Урусов**, князь Владимир Михайлович (28.V.1857 — ?); из дв.; правосл.; Александр. лицей; дсс (1905); в зв. камергера; гофмейстер (1912); уезд. предв. (1890 — 1900); Смоленск. губ. предв. (1902 — 1917); 2540 дес. род. в Нижегородск., Орловск., Тульской и Смоленск.; уполномоч. смоленск. дв-ва, чл. Пост. совета и его комиссий; чл. Русск. Собр.; 7.X.1909 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая; 19.VIII.1915 — чл.-заместитель Особ. совещ. по топливу.
197. **Урусов**, князь Николай Петрович (1864 — 1918); из дв.; правосл.; Александр. лицей; шталмейстер (1906); сенатор (1907); бывш. губер-р; Екатеринославск. губ. предв. (1908 — 1917); 5443 дес. приобр. в Екатеринославской и 4896 дес. род. у матери в Симбирской; пар. мельница; чл. совета Русско-Англ. банка; уполномоч. объедин. дв-ва, чл. Пост. совета и его комиссий; 5.IX.1912 избр. чл. Г.с. от Екатеринославск. зем-ва; правая; 7.X.1914 — особо уполн. о-ва Красн. Кр. в районе армий Юго-Запад. фронта; в 1915 выбыл за оконч. срока. Убит в Пятигорске.
198. **Ушаков**, Яков Афанасьевич (1841 — ?); из дв.; правосл.; 1-й кадет. корп., Михайл. арт. акад. (не окон.); сс (1905); дсс (1911); бывш. зем. нач.; уезд. предв. (с 1910); чл. Русского Собр.; уполном. ярославск. дв-ва на съездах объедин. дв-ва, чл. комиссии Пост. совета; 1030 дес. приобр. его и род. жены в Тверской и Ярославск.; 8.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая; в 1912 выбыл по жребию.
199. **Ханенико**, Богдан Иванович (11.I.1849 — 26.V.1917); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); надворн. сов.; колл. сов. (1906); сс (1910); 8726 дес. приобр. его и жены в Киевск. и Подольской; виноградник (3 дес); копи (известняк); дир.-распорядитель, а позднее — пред. правл. Южнорусского земледельческ. синдиката; вел дела Т-ва свеклосахарных и рафинадн. з-дов бр. Терещенко; чл. совета Киевск. к-та торг. и мануфакт.; чл. правл. Всероссийск. о-ва сахарозаводчиков; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от пром.; центр; в 1912 выбыл по жребию.
200. **Хлебников**, Харлампий Николаевич (1834 — ?); из потом. почет. гражд.; Казанск. ун. (ю); тс (1904); губ. предв. (с 1884); дом камен. в Астрахани, кирпич. з-д, 3849 дес. в Астраханск.; 9.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Астрахан. губ.; правая; в мае 1907 отказался: болен.
201. **Хоминский**, Александр Станиславович (10.VIII.1859 — ?); из дв.; католик; 3 курса Варшавск. у-та; без чина; 5492 дес. в Виленской; винокур., лесопильн., кирпичн., черепичн. и скипидарный з-ды; мельница, сукновальня; углежжение; польск.

партия реальной политики; литератор; 25.IX.1910 избр. чл. Г.с. от землевлад. Виленск. губ.; «коло»; в 1913 выбыл: окон. срока.

202. **Хомяков**, Николай Алексеевич (19.I.1850 — 1925); из дв.; правосл.; Моск. ун. (ю); дсс; бывш. дир. деп. МЗиГИ, уезд. и губ. предв.; 7000 дес. род. и род жены в Пензенск., Рязанск., Саратовск., и Смоленск.; винокур. з-д; чл. ЦК «Союза 17 октября»; депутат II, III и IV Дум; публицист; 8.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; центр; 16.II.1907 отказался в связи с избранием в Думу. В 1918 — 1920 возглавлял о-во Красн. Кр. в Добровольческой армии и в ВСЮР. Сын поэта и крестник Н. В. Гоголя.

203. **Хржановский**, Эдуард Викентьевич (1843 — ?); из дв.; католик; гимназия; без чина; 6882 дес. род. в Люблинск. и Сувалкской; винокур. з-д; 13.X.1910 избр. чл. Г.с. от землевлад. Ц. Польского вместо отказавш. И. А. Островского; «коло»; в 1912 выбыл за оконч. срока.

204. **Чавчавадзе**, князь Илья Григорьевич (24.X.1838 — 30.VIII.1907); из кн.; правосл.; Петерб. ун. (не окон.); колл. регистр.; управл. Тифлисским дворянск. земельн. банком (1874 -1905); землевладелец; писатель и публицист; 7.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; левая; убит грабителями.

205. **Чеботарев**, Степан Степанович (9.XI.1851 — ?)8 из дв.; правосл.; Варшавск. пех. юнкерск. уч-ще; ген.-майор; предв. дв-ва Таганрогского окр. (с 1910); 1030 дес. род. в обл. Войска Донск.; уполномоч. на XI и XII съездах объедин. дв-ва; 25.X.1915 избран чл. Г.с. от дв-ва; правая.

206. **Чемодуров**, Александр Александрович (19.II.1850 — ?); из дв.; правосл.; гимназия, 2 курса Лесн. ин-та; дсс; уезд. предв. (1890 — 1896); Самарск. губ. предв. (с 1896); 5915 дес. род. его и приобр. жены; чл. Русск. Собр.; чл. совета Кружка дворян, чл. Пост. совета; 7.IV.1906 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая; в 1909 выбыл по жребию.

207. **Черницкий**, Василий Иванович (20.III.1851 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); без чина; присяжн. поверенный; 680 дес. приобр. и приобр. жены в обл. Войска Донск.; член III Думы; октябрист; 13.X.1915 избр. чл. Г.с. от землевлад. ОВД; центр.

208. **Чолокаев**, князь Николай Николаевич (13.I.1830 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун.; гофмейстер; губ. предв. (с 1891); 1200 дес. в Тамбовск.; конный з-д; участник съездов объедин. дв-ва; 25.III.1906 избр. чл. Г.с. от Тамбовск. зем-ва; центр; в 1909 выбыл за оконч. срока.

209. **Шахматов**, Алексей Александрович (5.VI.1864 — 16.VII.1920); из дв.; правосл.; Моск. ун.; бывш. зем. нач.; орд. проф.; академик; дсс; недвижимость (3 дома, школа, хоз. постройки) в Саратовск., оцененная в 1906 в 17260 руб.; чл. ЦК к.-д.; 27.IV.1906 избр. чл. Г.с. от АН и у-тов; левая; 9.VII.1906 отказался в связи с роспуском I Думы.

210. **Шебеко**, Игнатий-Людовик Альбертович (21.X.1857 — ?); из дв.; католик; Александр. лицей; колл. ассессор; дсс (1917); бывш. тов. прокурора; присяж. поверенный (с 1886); 600 дес. приобр. в Варшавск.; дом в Варшаве (приобр. жены); совладелец и представитель торг. дома Вавельберг; вице-пред. правл. Варшавско-Вен-

ской ж.д.; 22.IX.1909 избр. чл. Г.с. от землевлад. Царства Польск.; «коло»; в 1912 переизбран; в 1914 — чл. к-та вел. кн. Татьяны Николаевны.

211. **Шелашников**, Александр Николаевич (10.IV.1870 — ?); из дв.; правосл.; лицей цесаревича Николая; дсс (1916); в зв. камергера; бывш. уезд. предв; Самарск. губ. предв. (с 1916); 8863 дес. род. и приобр. и приобр. жены в Самарск.; уполномоч. на IX съезде; 18.II.1917 избр. чл. Г.с. от Самарск. зем-ва; групповая принадлежность не выяснилась.

212. **Шереметев**, граф Павел Сергеевич (19.III.1871 — ?); из графов Росс. империи; Петерб. ун.; сс; в зв. камергера (1910); уезд. предв. (1899 — 1911); гласный уезд. и губ. зем. собр.; 200 дес. род. в Московск.; дома в Москве; уполномочен. московск. дв-ва на съездах объедин. дв-ва; уполном. Гл. Всеросс. земского союза помощи больным и раненым воинам; 25.X.1915 избр. чл. Г.с. от дв-ва; внепарт.; в 1917 заболел: шизофрения; в 1918 спасал архивы отца (см. среди назначенных — № 189); в 1919 гл. хранитель Музея усадебного быта в Остафьеве; в 1930 поселился в Новодевичьем м. и жил случайной работой; в начале войны умер от истощения.

213. **Шиллинг**, барон Альфред Оттонович (24.IX.1861 — ?); из дв.; лютер.; Дерптск. ун. (ю); в зв. камергера (1908); сс (1909); чл. III Думы; Эстляндск. ландрат (с 1912); 6235 дес. приобр. в Эстляндск. губ.; винокур. з-д; чл. Балтийской конституционномонарх. партии; уполномоч. на съездах объедин. дв-ва; 1.XI.1912 избр. чл. Г.с. от землевлад. Эстляндск. губ.; центр; в 1915 переизбран.

214. **Шипов**, Дмитрий Николаевич (14.V.1851 — 1.I.1920); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); дсс; в зв. камергера; пред. Волоколамской уезд. (1891 — 1893) и Моск. губ. зем. управы (1893 — 1904); 1333 дес. в Московск. ко времени избр. чл. Г.с., но вскоре продал 1125 дес. Крест. банку, на 30.V.1906 было 208 дес.; один из организаторов «Союза 17 октября», затем один из лидеров партии мирного обновления; публицист; с 10.IV.1906 — чл. Г.с. от Московск. зем-ва; центр, в 1907 — левая; в 1909 выбыл за оконч. срока; в 1911 отошел от политич. деятельности; после Окт. р. — пред. Национального центра; в нач. 1919 арестован; умер в Бутырской тюрьме.

215. **Шишков**, Николай Александрович (1856 — ?); из дв.; правосл.; 3 курса Петерб. у-та; колл. ассессор; гласный губ. земск. собр.; кадет; публицист; пл. землевлад. не выяснена; в IV.1906 избр. чл. Г.с. от Самарск. зем-ва; левая; 12.VII.1906 отказался в связи с роспуском I Думы.

216. **Шкларевич**, Петр Данилович (1841 — ?); из дв.; правосл.; Никол. инж. акад.; дсс (1896); бывш. пред. губ. зем. управы; уезд. предв. (1908 — 1913); чл. I Думы; 502 дес. род. в Полтавской; винокур. з-д; октябрист; 24.VIII.1911 избр. чл. Г.с. от Полтавск. зем-ва вместо отказавш. И. Н. Леонтовича; центр; в 1912 выбыл: оконч. срока; 2.III.1915 избр. снова вместо отказавш. кн. Н. Б. Щербатова и в этом же году выбыл за оконч. срока.

217. **Шмурло**, Геннадий Францевич (1869 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); без чина; гласный уезд. и губ. земск. собр.; 1116 дес. род. в Оренбургск.; винокур. ренный, ректификатный и железоделательные з-ды; мельница; 23.IX.1915 избр. чл. Г.с. от Оренбургск. зем-ва; центр; в эмиграции.

218. **Шотт**, Лев Ипполитович (1856 — ?), из дв.; Ин-т инж. путей сообщ.; дсс;

Оренбургск. губ. предв. (с 1893); 18861 дес. в Оренбургск.; стекольн. и винокур. з-ды; вод. мельница; 18.IV.1906 избр. чл. Г.с. от землевлад. Оренбургск. губ.; центр; 28.XI.1907 отказался: болен.

219. **Шумахер**, Александр Данилович (9.XI.1855 — ?); из дв.; лютер.; Моск. ун.; сс; бывш. зем. нач.; у родителей в Рязанской 2395 дес. и в Москве — деревян. дом; уполномоч. рязанск. дв-ва на общедворянск. съездах, чл. комиссии Пост. совета; октябрист; 9.IX.1912 избр. чл. Г.с. от Рязанск. зем-ва; центр; в 1915 переизбран.

220. **Щербатов**, князь Николай Борисович (22.I.1868 — 1943); из дв.; правосл.; Паж. корп.; титул. сов.; дсс (1913); в зв. камергера; Полтавск. губ. предв. (с 1907); 2157 дес. род. его и приобр. жены, 9700 род. у отца; з-ды: винокур. его и свекло-сахарн.- отца; чл. Пост. совета (1906 — 1909); чл. Кружка москвичей; 6.IX.1912 избр. чл. Г.с. от Полтавск. зем-ва; правый центр; 14.III.1914 отказался в связи с назн. его управл. гос. коннозаводством; с 5.VI по 26.IX.1915 — управл. МВД; 30.IX.1915 снова избр. чл. Г.с. от Полтавск. зем-ва; 26.X.1915 назначен чл. Совета Гл. управл. гос. коннозаводства; в эмиграции.

221. **Экеспарре фон**, Оскар Рейнгольдович. См. среди назначенных — № 201.

222. **Энгельгардт**, Вадим Платонович (8.IX.1852 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. ун. (ю); дсс (1901); уезд. предв. (переизбирался в 1906, 1909, 1912, 1915); 6900 дес. род и приобр. и приобр. жены; 2 винокур. и ректификатный з-ды; мирнообновленец, в 1912 -1914 чл. ЦК прогрессистов; 10.V.1906 избр. чл. Г.с. от Смоленск. зем-ва; левая; переизбран в 1909, 1912 и 1915; 1.IX.1915 — чл. Особ. совещ. по беженцам; 27.VI.1916 назн. состоящим при м-ре вн. дел; с 15.VII.1916 — пред. Особ. совещ. по беженцам с правами тов. м-ра вн. дел; 13.III.1917 Вр. пр. повторило предшествующее назначение.

223. **Эрдели**, Яков Егорович (23.X.1856 — ?); из дв.; правосл.; Александр. лицей; дсс (1903); бывш. уезд. предв.; Минск. губер-р (1906 — 26.XI.1912); 2148 дес. род. его и род. жены; винокур. з-д, мельница; уполном. херсонск. дв-ва на съездах объединен. дв-ва; 12.IX.1912 избр. чл. Г.с. от Херсонск. зем-ва; центр; в 1915 переизбран.

224. **Эристов**, князь Андрей Михайлович (1856 — ?); из дв.; правосл.; Петерб. гимназия Бычкова (частная); колл. секр.; колл. сов. (1914); чл. Русск. Собр.; 7000 дес. род. и род. жены в Кутаисской; 7.X.1909 избр. чл. Г.с. от дв-ва; правая, в 1915 перешел в правый центр; в 1917 — 1918 — чл. Поместного Собора.

225. **Юмашев**, Леонид Викторович (27.VIII.1863 — 6.VI.1920); из дв.; правосл.; исключен с 4 курса Петерб. технолог. ин-та; колл. ассессор; пред. уезд. зем. управы (1894 — 1900); пред. Вятской губ. управы (1901 — 1907); 438 дес. в Вятской; кадет; 18.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Вятск. зем-ва; левая; в 1909 выбыл за оконч. срока; 15.IX.1915 избр. снова. Племянник Н. В. Чайковского.

226. **Яковлев**, Александр Иванович (22.II.1863 — 27.XII.1909); из дв.; правосл.; Петерб. ун.; колл. сов. (1906); бывш. земск. нач-к; чл. губ. зем. управы, уезд. предв.; 432 дес. род. в Ярославской; 4.VIII.1909 избр. чл. Г.с. от Ярославск. зем-ва; центр.

227. **Яновский**, Николай Семенович (29.X.1829 — ?); из дв.; правосл.; Моск. ун. (не окончил); тс (1883); бывш. уезд. и губ. предв.; 1000 дес. приобр. и приобр.

жены в Калужск.; уполномоч. калужск. дв-ва на съездах объед. дв-ва; 13.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Калужск. зем-ва; правая; в 1909 переизбран.

228: **Ясюнинский**, Константин Арсеньевич (3.IX.1863 — 17.I.1907); из крестьян; правосл.; Моск. тех. уч-ще; мануфактур-сов.(1900); инж.-механик; пайщик Т-ва мануфактур В. Е. и А. Ясюнинских (бумагопрядильная, ситценабивная и белильная ф-ки) и фабрично -торгового т-ва химической и мыловаренной ф-ки В. А. Ясюнинского и К°; домовладелец; торговля в Москве, Омске, Одессе, Ташкенте, Самарканде, Коканде и Бухаре; дир-р т-ва мануфактур Ясюнинских; пред. Нижегородск. бирж. к-та; пред. Московского отдел. Совета торговли и мануфактур; гласный Моск. гор. думы; чл. Политехнич. музея; 16.III.1906 избр. чл. Г.с. от пром.; центр.

229. **Ясюнинский**, Николай Арсеньевич (27.XI.1856 — 20.IX.1912); из крестьян; правосл.; Моск. практ. акад. комм. наук, Петерб. технолог. ин-т; инж.-технолог; коммерции-сов. (1900); пайщик Т-ва мануфактур В. Е. и А. Ясюнинских (бумагопрядильная, ситценабивная и белильная ф-ки) и фабрично-торгового т-ва химической и мыловаренной ф-ки В. А. Ясюнинского и К°; домовладелец; торговля в Москве, Омске, Одессе, Ташкенте, Самарканде, Коканде и Бухаре; пред. К-та торг. и мануфактур в Иванове-Вознесенске; 10.IV.1906 избр. чл. Г.с. от Владимирского зем-ва; центр; 18.VI.1909 выбыл: окон. срока; 2.VII.1909 избр. чл. Г. с. от торг.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. *Степанский А. Д.* Государственный совет в период революции 1905 — 1907 гг. (Из истории «второго шага по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию»). М., 1965; *Бородин А. П.* Государственный совет и столыпинская программа преобразований в области местного управления, суда и начального образования. М., 1977; *Новикова Е. Э.* Государственный совет в годы первой мировой войны 1914—1917 гг. (Из истории кризиса «верхов» накануне Февральской буржуазно-демократической революции). М., 1985.

2. *Степанский А. Д.* Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 20. М., 1965. С. 179 — 211; *Он же.* Политические группировки в Государственном совете в 1906—1907 гг. // История СССР. 1965. № 4. С. 49—64; *Бородин А. П.* Усиление позиций объединенного дворянства в Государственном совете в 1907—1914 годах // Вопросы истории. 1977. № 2. С. 56—66; *Захарская Е. Э.* Стенографические отчеты Государственного совета (июль 1914 — февраль 1917 гг.) как исторический источник // Историография и источники истории государственных учреждений и общественных организаций СССР. М., 1983.

ГЛАВА I

1. В отечественной историографии сложилось два взгляда на дату учреждения Гос.совета. До конца XIX в. однозначно считалось, что Александр I учредил его 1 января 1810 г. (См., напр.: *Бильбасов В.* Учреждение Государственного совета. Историческая справка. [СПб., 1901]). С этим актом связывала образование Гос.совета и советская историография, трактуя его как частичное осуществление плана государственных преобразований М. М. Сперанского (См., напр.: *Зайончковский П. А.* Государственный совет // СИЭ. Т. 4. Стб. 646; *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 139, 144). Вместе с этим на рубеже XIX и XX вв., в связи с приближающимся столетием, вопрос о времени учреждения Гос.совета — 1801 или 1810? — оживленно обсуждался в бюрократической среде и был решен в пользу первой даты особым совещанием в составе председателя Гос.совета вел. князя Михаила Николаевича и председателей департаментов Гос.совета Д. М. Сольского, Э. В. Фриша, Н. М. Чихачова и Н. Н. Герарда, при участии государственного секретаря В. К. Плеве. Акт 1 января 1810 г. трактовался как реформа созданного в 1801. Это получило обоснование в ряде работ (См., напр.: *Государственный совет. 1801—1901.* Составлено в Государственной Канцелярии. СПб., 1901; *Государственный совет в России в первый век его образования и дея-*

тельности (30 марта 1801 — 1901 годов). Историко-юридический очерк ординарного профессора Демидовского Юридического Лицея В. Г. Щеглова. Ярославль, 1903). Ныне этого взгляда придерживается, видимо, Л. Е. Шепелев (Родина. 1997. № 5. Вкладка между с. 96 и 97). Последние исследования, с одной стороны, похоже, подкрепили эту точку зрения (см.: Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 78 — 87), с другой — существенно уточнили: в силу документов, оглашенных 1 января 1810 г., Гос.совет занял место, отводившееся в плане Сперанского Государственной думе, не получив при этом предназначавшихся ей прав — «от Государственного совета в том виде, как он был задуман в проекте Сперанского, осталось только название» (Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 34). А. Н. Цамутали, по-видимому, попытался объединить оба взгляда: «1 января 1810 г. ...был учрежден Государственный совет (путем преобразования Непременного совета)» (Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 220). Остается, однако, неясным, что же было 1 января 1810 г.: учреждение Совета или его реформа?

2. Степанский А. Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 20. М., 1965. С. 184.

3. По наблюдениям М. М. Сафонова, «с первых же дней своего существования Государственный совет приобрел такое значение, что его позиция в значительной степени предопределяла окончательное решение Александра в наиболее важных вопросах внутренней и внешней политики» (Сафонов М. М. Указ. соч. С. 82).

4. Подобное, как и случаи утверждения царем мнения меньшинства, были, по словам И. И. Толстого, «крайне редки и за 100 лет существования Государственного совета могут быть легко сосчитаны в виде совершенно исключительных случаев». На основании этого Толстой заключал, что «в действительности Государственный совет, по справедливости, мог быть почитаем настоящим и единственным в России законодательным учреждением. Его совещательное значение обнаруживалось только, в сущности, в формуле наименования его решений, которые назывались «мнениями»» (Толстой, гр. И. И. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 781. Д. 568. Л. 219). Такого же взгляда придерживались и другие сведущие современники. См., напр.: Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. Париж, 1965. Тетрадь 168. С. 87—88.

5. «Государственный совет — высшее законосовещательное учреждение в империи, — утверждал П. А. Зайончковский, — не играло, да и не могло играть существенной роли в условиях николаевской (имеется в виду Николай I.— А. Б.) государственной системы» (Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 129). «Недолюбливал» Гос.совет и Александр III (см.: Он же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 100—103). Характерные, в этом отношении, сведения относительно царствования Николая II содержатся в дневнике Половцова (Красный архив. 1923. Т. 3. С. 91, 100, 131), в воспоминаниях В. И. Гурко (Features and Figures of the Past: Government and Opinion in the Reign of Nicholas II. Stanford University Press, 1939. P. 29, 33—34).

6. «Последнее заседание общего собрания Государственного совета в дорефор-

менном составе» состоялось 17 апреля 1906 г. (Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 102).

7. Что и было бы, по мнению как крайне левых, так и крайне правых, «первым шагом к конституции».

8. *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 184.

9. «Учреждение Государственной думы является лишь заключением эволюции той квази-конституционной идеи, начало коей относится к эпохе Александра II», — заключал К. Берманьский (Вестник Права. 1905. № 9. С. 223) Такого же мнения придерживался и П. Н. Милюков (Государственный акт 6 августа 1905 г. // Право. 1905. № 31. С. 55—56).

10. *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 211. В один ряд с реформами-уступками восходящей стадии революции 1905—1907 гг. ставят акты 20 февраля 1906 г. С. В. Тютюкин (Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 17—18), А. Н. Медушевский (Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 36; Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 21) и другие. Между тем еще современнику представлялось, что «закон 11 декабря был последним, запоздалым политическим завоеванием общественного движения, и дальнейшая законодательная деятельность в политической области сводится к медленному и осторожному вначале, быстрому и решительному впоследствии, пересмотру политического законодательства «дней свободы» в реакционном духе» (Общественное движение в России в начале XX века. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1910. С. 374).

11. Это хорошо понимали творцы реформы. В Царскосельских совещаниях были сделаны красноречивые на этот счет признания. «Совершенно ясно, — говорил А. Д. Оболенский-2, — что обсуждаемое преобразование Гос.совета явится сюрпризом. Ждали только Думу». По представлениям В. Н. Коковцова, уничтожения Гос.совета и перехода к одной палате «добиваются все крайние партии». Э. В. Фриш опасался, что «первый вопрос, который возбудят в Думе, будет об учреждении Совета, чтобы сделать Думу одной палатой» (Протоколы секретного совещания в феврале 1906 года под председательством бывшего императора по выработке Учреждений Государственной Думы и Государственного Совета // Былое. 1917. № 5—6. С. 301, 306—307; Протоколы секретного совещания в апреле 1906 года под председательством бывшего императора по пересмотру Основных законов // Там же. № 4. С. 203).

12. См., напр.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 303; *Ленин В. И.* ПСС. Т. 12. С. 205, 236; *Милюков П. Н.* Демократизм и вторая палата. М., 1905. С. 22; *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 423.

13. *Былое.* 1917. № 5—6. С. 293; *Таганцев Н. С.* Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905 — 1906 гг. Пг., 1919. С. 145—146.

14. *Власть и реформы.* СПб., 1996. С. 519.

15. Это было очевидно уже на этапе разработки проекта в МВД. Как только совещание под председательством Булыгина отвергло мысль о включении выборных в состав Гос.совета и остановилось на совещательной выборной Гос.думе, стало «ясно, — писал впоследствии Крыжановский, — что этой постановкой предре-

шался и вопрос о значении учреждения. Собравшись в этом виде и в огромном количестве «выборные от населения» неизбежно должны были опознать себя как народное представительство и не могли примириться с подготовительным значением. Это был, конечно, будущий парламент...» (Очерк о событиях в русской государственной жизни от начала XX века до 1912 г. // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 795. Л. 12).

16. Д. М. Сольский (1833 — 1910), граф (1902), статс-секретарь, член Гос.совета (1889), председатель департамента экономии, председатель Гос.совета (1905), ДТС I класса, кавалер ордена Андрея Первозванного. Друг и сотрудник М. Т. Лорис-Меликова. В декабре 1904 г. оказал «определенную и сильную поддержку» П. Д. Святополк-Мирскому, признавая «необходимым идти по пути сближения государственной власти с обществом» и не видя «в этом опасности для принципа самодержавия». При этом Сольский находил «более целесообразным не вводить в состав Гос.совета представителей общественных учреждений, а составить особый совет» из лиц, избранных населением, в качестве первой инстанции (См.: *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 289). Консервативная часть бюрократов была недовольна Сольским, обвиняя его в том, что он идет «в хвосте у Витте» (Из письма Щеголькова, Либава, от 14 февраля 1906 г., к В. П. Череванскому // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 265. Д. 54. Л. 28).

17. РГИА. Ф. 694. Оп. 2. Д. 112. Л. 1—8.

18. *Таганцев Н. С.* Указ. соч. С. 15.

19. Согласно ст. 1 Учреждения Государственной Думы, последняя учреждалась «для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих, по силе Основных законов, через Государственный совет, к Верховной Самодержавной власти». Ст. 48 конкретизировала: «законодательные предположения, рассмотренные Государственной думой, вносятся с ее заключением в Государственный совет. По обсуждении дела в Совете, положение его ...представляется на высочайшее благоволение в порядке, установленном учреждением Государственного совета, вместе с заключением Думы» (Государственная дума в России. М., 1957. С. 32, 37).

20. В условиях обостряющегося кризиса власти заметно активизировалась бюрократическая самодеятельность. Современник свидетельствовал: в МВД, при Булыгине, развал «чувствовался полный», настроение чиновников было «крайне нервное, всюду слышалось: так далее дело идти не может»; это настроение породило добровольческие кружки для поддержки правительства. Один из таких полуконспиративных кружков в составе В. Ф. Трепова, Н. В. Плеве, А. В. Кривошеина и Д. Н. Любимова работал по заданиям Д. Ф. Трепова и подготовил ряд записок, в т. ч. о преобразовании Гос.совета (*Любимов Д. Н.* События и люди // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 385 — 387). Собирались сановники «поговорить» о проектах и на квартире А. А. Половцова (Красный архив. 1923. № 4. С. 64).

21. Р. Ш. Ганелин называет его «проектом переустройства Государственного совета» (Кризис самодержавия в России. 1895 — 1917. Л., 1984. С. 219; Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 196; Власть и реформы. СПб., 1996. С. 497). Документ под таким названием был составлен на основании суждений, бывших в совещании 11 октября 1905 г., где наряду с участниками

совещания 16 сентября (кроме Голубева) были Витте, Чихачов, Герард, Пален, Половцов и Рихтер и где обсуждались «Проект главных оснований переустройства Государственного совета (или, как назван он в представлении государственного секретаря, «проект Государственной канцелярии») и записка Крыжановского от 9 октября 1905 г. «К преобразованию Государственного совета» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 2—4, 83, 100—104; *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 195).

22.РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 3—4.

23.Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 67.

24.РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 64—79 об.

Вряд ли можно согласиться с утверждениями Р. Ш. Ганелина, будто «записка Крыжановского должна была приучить... царя к мысли о неизбежности исторического прогресса» (Кризис самодержавия в России. С. 227; Российское самодержавие в 1905 году. С. 205), а Крыжановский в ней «выступил в традиционном для двухпалатной парламентской системы духе» (Власть и реформы. С. 519): не согласуется с ними, на наш взгляд, ни содержание записки, ни ее антидумский дух, ни политический облик ее автора.

25.Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 75.

Витте легко нейтрализовал Чихачова, написав царю о его позиции и предложив его в первые министры. Царь, хотя и вызвал Чихачова в Петергоф, на военную диктатуру не решился. Чихачову он сказал, «между прочим, что готов дать конституцию». 13 октября, вечером, царь поручил Витте «собрать под своим председательством министров с тем, чтобы объединить их энергически действовать против крамолы» (Там же. С. 76; Кризис самодержавия в России. С. 229, 231).

26.РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 100—104; *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 195.

27.«Сохранить Государственный совет без изменения его учреждения, — пояснял Таганцев, — это значило неминуемо обречь его на уничтожение и, следовательно, сопоставить непосредственно царскую власть с представителями народа; и превратить Россию в конституционное государство с однопалатною системою, со всеми дальнейшими возможностями, — чего не хотел и так искренне боялся граф С. Ю. Витте. Сохранение же Государственного совета необходимо требовало его пересоздания» (*Таганцев Н. С.* Указ. соч. С. 142).

28.К истории манифеста 17 октября 1905 года. Секретная переписка // Былое. 1919. № 14. С. 111. См. также письмо Сольского царю от 28 октября 1905 г. (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 113—114 об.).

29.Выражение Н. С. Таганцева (Указ. соч. С. 107). И. И. Толстой связывал образование особого совещания под председательством Сольского с Витте: отлично зная цену Гос.совета «в полном составе» и желая «уменьшить зло неизбежной и, в данном случае, страшно опасной волокиты», с одной стороны, а с другой, не имея ни законной, ни фактической возможности» совершенно игнорировать Гос.совет при издании важнейших правительственных актов, «он выхлопотал» у царя учреждение этой комиссии (*Толстой, гр. И. И.* Указ. соч. Л. 221).

30.См.: Мемория совещания для разработки необходимых в действующем учреждении Государственного совета изменений // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 17.

Л. 374—382 об.; *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 200 — 205; Кризис самодержавия в России. С. 275—279.

31. *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 201.

32. Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 84 — 85.

33. *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 202.

34. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 346 — 348.

35. Там же. Д. 17. Л. 379 об.

36. Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 84.

37. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 204 — 205.

38. Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 85.

39. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 217 — 227.

40. См.: Журнал заседания бюро съезда губернских и уездных предводителей дворянства 5 января 1906 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 2. Л. 11 об.

41. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 282 — 282 об.

42. Там же. Д. 17. Л. 376 — 376 об.

43. См., напр.: Всеподданнейшее прошение Псковского губернского предводителя дворянства от 25 марта 1908 г. Копия // РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 3. Л. 118 — 118 об.; *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 67.

44. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 116 — 116 об.

45. Там же. Л. 190 — 192, 388 — 397 об., 402 — 403 об.; Д. 17. Л. 71 — 347 об.; Д. 18. Л. 3 — 5; Ф. 1276. Оп. 2. Д. 1. Л. 3 — 6 об., 24 — 26; Д. 3. Л. 39 — 63, 71 — 72, 84 — 118; Ф. 1327. Оп. 1. Д. 1. Л. 213, 218 — 226 об.

46. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 1. Л. 27 — 30.

47. Там же. Л. 6 — 6 об.; Д. 3. Л. 59 — 60 об., 111 — 111 об.; Ф. 1544. Оп. 1. Д. 17. Л. 46, 132 — 133, 320.

48. Там же. Л. 376 об. — 377.

49. Там же. Д. 19. Л. 355 об. Попытка действительно была робкой. Напомнив о наличии «целого ряда ходатайств об увеличении числа членов от промышленности и торговли», он, как бы приглашая к разговору других, заметил: «Но если увеличить это число, оставив число остальных членов без изменения, то дворянство, например, будет обижено». Его никто не услышал.

50. См.: Протоколы секретного совещания в феврале 1906 года под председательством бывшего императора по выработке Учреждений Государственной Думы и Государственного совета // *Былое*. 1917. № 5 — 6. С. 289 — 318.

51. *Игнатьев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 15 — 16.

52. В этом случае, не сомневался Половцов, «думе будет угрожать полное ничтожество» (Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 90).

53. Там же. С. 91.

54. Там же.

55. «Снова», ибо Витте, по мнению Иксуля, это уже делал: «В манифесте 17 октября о Государственном совете вовсе не говорится, во всеподданнейшем же докладе графа Витте о нем упомянуто только мимоходом. Эта недомолвка ныне устранена» (*Былое*. 1917. № 5—6. С. 308).

56. Красный архив. 1923. № 4. С. 92.

57. Манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» и указ «О переустройстве Учреждения Государственного совета» (См.: Государственная дума в России. С. 102 — 114. О содержании реформы см. также: *Степанский А. Д.* Указ. соч. С. 205 — 210).

58. «Законодательные предположения, — говорилось в манифесте 20 февраля, — рассматриваются в Государственной думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный совет». Обратный порядок предусматривался лишь для законопроектов, возникших по инициативе Гос. совета и им разработанных. Такие случаи были единичны.

59. Согласно ст. 171 Учреждения Гос. совета (по прод. 1912 г.), двух членов его мог избирать финляндский сейм, однако последний своим правом воспользоваться не пожелал.

60. В 1906 г. была уверенность, что в скором времени земства будут реформированы. Сыграло роль и то соображение, что земства, сами избираемые на 3 года, не могут избирать на срок больше своего. Скоро обнаружились существенные неудобства такого порядка. Срок полномочий прекращался раньше окончания сессии, что не могло не сказаться отрицательно на деятельности Гос. совета. Это побудило в 1909 г. продлить срок полномочий до новых выборов (ст. ст. 181 и 182 Учрежд. Гос. совета по прод. 1912 г.). Одновременно выбывало 56 человек, что ставило под угрозу преемственность в работе учреждения, создавало возможность резких колебаний в настроении этой части его членов. Столь короткий срок усиливал зависимость данной группы членов Гос. совета от настроений и политических пристрастий избирателей, увеличивал их отзывчивость на политические настроения момента, чем в итоге подрывалась независимость членов Гос. совета от избирателей. Наконец, краткость срока сужала круг кандидатов в члены Гос. совета: далеко не все землевладельцы могли себе позволить изменять условия своей жизни на три года.

Все это нервировало особенно консервативную часть общественности. В 1910 г. член Гос. совета от Тамбовского земства В. М. Андреевский, входящий в группу правого центра, возбудил вопрос о распространении 9-тилетнего срока и на членов Гос. совета от земств и съездов землевладельцев. Однако его же единомышленники сочли предложение несвоевременным и нецелесообразным: боялись дать Думе повод возбудить вопрос о пересмотре Основных законов.

Успех либералов на перевыборах членов Гос. совета летом и осенью 1915 г. вынудили его снова поставить этот вопрос. «Злобы переживаемого политического дня, — писал он председателю Гос. совета, — не оказали влияния на состав Государственной думы, тогда как выборы значительной части членов Государственного совета проходили в условиях той общественной борьбы, которая наблюдалась истекшей осенью. Не представляется нужным объяснять, что подобная зависимость членов Государственного совета от настроений избирателей коренным образом противоречит самой идее верхней палаты, призванной ограждать страну от политических увлечений, и может в известных случаях нарушить объективность и устойчивость работ высокого собрания» (В. М. Андреевский — А. Н. Куломзину, 14 декабря 1915 г. Копия // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 75. Л. 1 — 1 об.).

61. Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской и Эстляндской.

62. Астраханской, Курляндской, Лифляндской, Оренбургской, Ставропольской и Эстляндской.

63. Правила выборов членов Гос.совета от духовенства были разработаны Синодом и утверждены царем 7 марта 1906 г.

64. Это: подвергшиеся суду за преступления, отрешенные по суду от должности, состоящие под следствием или судом, подвергавшиеся несостоятельности и несостоятельные, лишенные духовного сана или звания, исключенные из среды общества, осужденные за уклонение от воинской повинности, лица женского пола, а также губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники и их помощники — в пределах подведомственных им местностей; занимающие полицейские должности — там, где проводятся выборы.

65. Окончательно вопрос был решен новым Учреждением Гос.совета, утвержденном 23 апреля 1906 г. Сохранялось два департамента: Первый — для дел о титулах, дворянских имуществах, должностных преступлениях высших чинов; Второй — рассматривал кассовый отчет министерства финансов, годовые отчеты банков и т. п.; два Особых присутствия: по делам о принудительном отчуждении недвижимых имуществ и вознаграждении их владельцев и для предварительного рассмотрения жалоб на определения департаментов Сената.

66. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 20. Л. 168.

67. Красный архив. 1923. № 4. С. 100.

68. Степанский А. Д. Указ. соч. С. 210.

ГЛАВА II

1. Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 94, 97 — 98. Среди возможных кандидатов назывались профессора В. О. Ключевский, В. И. Сергеевич, Д. И. Пихно, сенатор С. М. Лукьянов, А. И. Гучков и др.

2. Из письма А. Н. Шварца, СПб., от 29 апреля 1906 г., Е. А. Булыгиной, в с. Языково Казанской губ. // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 265. Д. 74. Л. 66. Гофмейстеру П. М. фон Кауфману было 48 лет, а тайному советнику С. М. Лукьянову — 50.

3. За пределами списка назначенных к присутствию осталось 28 членов: 4 великих князя, в т. ч. и почетный председатель Гос.совета вел. князь Михаил Николаевич; принц А. П. Ольденбургский, престарелые и больные (граф Д. А. Милютин, К. П. Победоносцев и др.), занимавшие должности вне Гос.совета (наместник на Кавказе граф И. И. Воронцов-Дашков, туркестанский генерал-губернатор Н. И. Гродеков и др.) и, видимо, обойденные по личным мотивам С. Ю. Витте и С. С. Манухин.

4. Это С. Ю. Витте и С. С. Манухин и шесть назначенных впервые.

5. Выписка из письма А. Куломзина, СПб., от 30 апреля 1906 г., к Я. А. Куломзину, в Кинешму // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 3. «Очень много стариков-рамоликов», — жаловался и Д. Н. Шипов в письме к дочери от 3 мая 1906 г. (Там же. Л. 28).

6. Из письма Д. Н. Шипова, СПб., от 29 апреля 1906 г. к Н. А. Шиповой, в Москву // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 265. Д. 74. Л. 68.

7. Дневник А. А. Половцова. С. 106.

8. ОР РГБ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 11. Л. 62.

9. «Он, наконец, понял, что эта должность ему не по силам», — прокомментировал этот указ Половцов (Дневник А. А. Половцова. С. 111).

10. Там же. С. 108.

11. Воспоминания М. М. Ковалевского // История СССР. 1969. № 5. С. 91. Это впечатление Ковалевского относится не к первой сессии, а является результатом его наблюдений на протяжении всего его пребывания в Гос. совете с февраля 1907 г. по март 1916 г.

12. Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Т. 3. Париж, 1936. С. 571.

13. А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 15 мая 1906 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5073. Л. 54 об. Эту же оценку он повторяет в письме от 25 мая 1906 г.: «Большинство «назначенных» сановников не далеко ушло от компании Набокова и Родичева с товарищи» (Там же. Л. 102 — 102 об.).

14. Из письма Д. Н. Шипова, СПб., от 29 апреля 1906 г. к Н. А. Шиповой, в Москву // ГА РФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 265. Д. 74. Л. 68.

15. Красный архив. 1923. № 4. С. 112.

16. Былое. 1917. № 5—6. С. 225 — 226.

17. В литературе имели место попытки более определенно охарактеризовать партийно-политическую позицию членов Гос. совета от земств. Так, по Е. Д. Черменскому, среди них 5 были кадетами, 8 — октябристами, 2 — прогрессистами и 19 правыми (Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905 — 1907 гг. М.—Л., 1939. С. 175). По мнению американской исследовательницы, кадетов было 6, октябристов — 12 и 1 выступавший заодно с ними, правых 12, прогрессист, умеренно-прогрессивный и просто промышленник (Manning, Roberta Thompson. The crisis of the old order in Russia. Gentry and Government. Princeton University Press, 1982. P. 387—388). Н. Г. Королева утверждает, что «правых было 19, октябристов — 8, кадетов — 4, прогрессистов — 3» (Королева Н. Г. Земство на переломе (1905 — 1907 гг. М., 1995. С. 197). На наш взгляд, это невозможно по той простой причине, что в жизни этой определенности не было: на протяжении первой сессии и отчасти второй некоторые члены Гос. совета, выборные и назначенные, не могли определиться не то что с партиями, а даже с группами Гос. совета; политические взгляды их были весьма смутны и неконкретны. «Это был простецкий добродушный старик с кристально чистой душой, — писал о Е. В. Рыкове В. А. Оболенский. — В вопросах политики плохо разбирался, но всей душой сочувствовал освободительному движению» (Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 292). На указанных страницах книги Manning вкрались и некоторые неточности: первым избранником Херсонского земства в Гос. совет был не П. Д. Ревуцкий, избранный лишь 19 декабря 1907 г., а А. Н. Соковнин, избранный 12 апреля 1906 г. и умерший 9 декабря 1907 г.; левый октябрист, член ЦК «Союза 17 октября» С. М. Неклюдов отнесен к правым.

18. *Степанский А. Д.* Польская группа Государственного совета в 1906—1907 гг. // Исследования по истории польского общественного движения XIX в. — начала XX в. М., 1971. С. 363.

19. Несколько иначе характеризует политические позиции членов Гос.совета от дворянства *R. T. Manning* (Указ. соч. С. 389). Трудно, однако, согласиться с ее характеристикой как правых новгородского губернского предводителя и председателя новгородского отдела «Союза 17 октября» князя П. П. Голицына, а также губернских предводителей пензенского Д. К. Гевлича и таврического С. Б. Скадовского, никогда не входивших в правую группу Гос.совета.

20. Митрополит Антоний (А. В. Вадковский) сложил звание члена Гос.совета 24 июня, ссылаясь на «недостаток времени». Вместо него 4 июля был избран архиепископ Николай (М. З. Зиоров).

21. *Кожин Вадим.* Загадочные страницы истории XX века // Наш современник. 1993. № 10. С. 136.

22. См.: письмо В. О. Ключевского в редакцию «Русских Ведомостей» от 13 июня 1906 г. // *Ключевский В. О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 203 — 204; *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 477.

23. *Ивановский А. В.* Воспоминания // ОР РГБ. Ф. 414.2.2. Л. 181.

24. Русское Государство, 23 марта 1906 г.; РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1906. Д. 10. Л. 19 — 20 об., 27 — 36 об.; Д. 16. Л. 206 — 207 об., 192 об.

25. См.: Всеподданнейший отчет по Государственному совету за первую его сессию в 1906 году по Высочайше утвержденному 24 апреля 1906 года учреждению его. СПб., 1907.

26. Дневник А. А. Половцова. С. 104. Это же позднее отмечал и Д. Н. Любимов: «Выборы в Гос.совет дали, напротив, благоприятные для правительства результаты. Был избран целый ряд почтенных и известных лиц» (*Любимов Д. Н.* События и люди // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. С. 575 — 576).

27. А. А. Половцов называет графа К. И. Палена, О. Б. Рихтера, П. П. Дурново, князя П. Н. Трубецкого, Д. Н. Шипова, барона П. Л. Корфа и себя (Дневник А. А. Половцова. С. 106).

28. *Шипов Д. Н.* Воспоминания и мысли о пережитом. М., 1918. С. 433.

29. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. С. 29.

30. Конспект речи, произнесенной в частном совещании членов Гос.совета по вопросу об амнистии и об адресе Ф. Д. Самариным (апрель — май 1906 г.) // ОР РГБ. Ф. 265.116.7.

31. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия первая. С. 2 — 3.

32. Там же. С. 3 — 4.

33. См.: Там же. С. 7; Дневник А. А. Половцова. С. 108 — 109; *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 433—442.

34. Дневник А. А. Половцова. С. 109.

35. Из письма ст.-с. А. Куломзина, СПб., 7 мая 1906 г., к Я. А. Куломзину, в Ки-нешму // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 77.

36. Из письма сенатора Н. А. Хвостова, СПб., 8 мая 1906 г., к А. Н. Хвостову, в Мариенбад // Там же. Л. 90.

37. *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 443.

38. Пострадало 27 губерний, в 127 уездах которых был неурожай озимых и в 117 — еще и яровых. Правительство предполагало открыть кредит в 50 млн. рублей. Дума сократила его до 15-ти и предоставила лишь на месяц.

39. *Извольский А. П.* Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 79.

40. Речь. 1906. 2 мая.

41. С. Д. Шереметев — Н. В. Султанову, 29 апреля 1906 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5072. Л. 236.

42. «Пресловутая Дума перешла, кажется, все границы невежества, самообольщения и дерзости, — писал 11 мая 1906 г. Чемодуров. — Я, впрочем, желаю от души ей позорного конца и чем скорее, тем лучше» (ОР РГБ. Ф. 130.10.17/1—2. Л. 21 об.). В центре, по свидетельству Шипова, «сочувствовали государственному обновлению или признавали его необходимым» (*Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 439). «Желательно идти рука об руку с Думой», — делился с сыном 30 апреля 1906 г. А. Н. Куломзин (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 3). «Я вступил в группу умеренных прогрессистов, которая будет всемерно вести борьбу против всякого насилия над землевладельцами, — сообщал 30 мая 1906 г. не имевший сам никакой недвижимости В. П. Череванский. — По-видимому, можно ручаться, что стремление крайних социалистов уничтожить частную собственность разобьется под нашим натиском» (Там же. Д. 1981. Л. 159).

43. *Степанский А. Д.* Политические группировки в Государственном совете в 1906—1907 гг. // История СССР. 1965. № 4. С. 64.

44. Д. Н. Шипов ошибочно датирует данное совещание 29 апреля. Ср.: *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 433 и Дневник А. А. Половцова. С. 107.

45. Из письма члена Гос. Думы Як. Вас. Борисова, СПб., от 1 мая 1906 г., к Его Превосходительству М. П. Бабичу, в Екатеринодар // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 9 — 10.

46. «Впечатление очень тяжелое и безнадежное, — писал В. И. Вернадский жене 3 мая 1906 г. — И безнадежное с двух сторон: во-первых, в смысле необычайно малой умственной силы, а во-вторых, потому, что, ведь, это «цвет» Гос. совета. Мы почти наверняка отделимся от них и это вырешится сегодня, т. к. мы будем проводить наши взгляды до конца» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 33).

47. Из письма члена Гос. совета Вернадского, СПб., 6 мая 1906 г., к Н. Е. Вернадской, в Москву // Там же. Л. 71.

48. Из письма Ф. Головина, СПб., 7 мая 1906 г., к А. В. Скуридиной, в Москву // Там же. Л. 86.

49. Протоколы ЦК кадетской партии периода первой российской революции // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 137, 138, 148.

50. См.: *Милюков П. Н.* Нежизнеспособность государственного совета и способности его реформы // Речь. 1906. 7 мая.

51. А. S. Corros утверждает, что от Академии наук было 6, считая, видимо, и В. О. Ключевского (The politics of Rural Russia. 1905 — 1914. Bloomington and London, 1979. P. 127).

52. См.: Протоколы ЦК кадетской партии... // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 143.

53. Воспоминания М. М. Ковалевского // История СССР. 1969. № 5. С. 86. У Ковалевского ошибка памяти: В. В. фон Валь и граф П. И. Кутайсов не могли голосовать вместе с академической группой «в первый год» его пребывания в Гос. совете, ибо были переведены в неприсутствующие 29 декабря 1906 г., а он был избран в Гос. совет 8 февраля 1907 г. Во вторую сессию Гос. совета с левыми мог голосовать из упомянутых Ковалевским только «библиотекарь Публичной библиотеки» Д. Ф. Кобеко.

54. 14 мая 1906 г. на всеподданнейшем докладе Э. В. Фриша, где говорилось о предстоящем (4 июня 1906 г.) 50-летию службы Д. Ф. Кобеко, царь положил: «Не считаю нужным отметить день 50-летнего юбилея ДТС Кобеко какою-либо наградой». И лишь 6 октября 1906 г. велел выдать Кобеко 6 тысяч рублей «по случаю исполнившегося 50-летия его службы» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 237. Л. 133а, 133 б).

55. А. С. Суворин — С. Ю. Витте, 11 января 1906 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 185. Л. 48.

56. И. Х. Озеров, бывший членом академической группы Гос. совета с октября 1909 г., вспоминал: «Были и т. н. «тайнобрачные», как А. Ф. Кони, который голосовал с нами, но сидел не с нами, и свою связь с нами скрывал, боясь, как бы его не сделали неприсутствующим членом Гос. совета» (ОР РНБ. Ф. 541. Д. 4. Л. 8).

57. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 3, 77.

58. Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 206.

59. Писаренко Э. Е. Кадет князь В. А. Кугушев // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 150 — 156; Топорков И. В. Самарские масоны: Елшин и другие // Там же. 1996. № 7. С. 174 — 175.

60. Новое Время. 1912. 19 октября (1 ноября).

61. ОР РНБ. Ф. 541. Д. 4. Л. 8.

62. Дневник А. А. Половцова. С. 107.

63. См.: Там же; Шипов Д. Н. Указ. соч. С. 433 — 438; Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 207.

64. Дневник А. А. Половцова. С. 108. «Влияние Самарина в Гос. совете растет, — радовался Киреев. — Вот это «настоящий»!!!» (Из письма А. Киреева, Павловск, 10 мая 1906 г., к К. П. Степанову, в Москву // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 124).

65. А. А. Половцов называет из назначенных братьев Н. П. и А. П. Игнатьевых, К. И. Палена, А. И. Пантелеева, И. И. Шамшина, из выборных князя Н. Ф. Касаткина-Ростовского, А. А. Нарышкина, В. Э. Ромера, О. Р. фон Экеспарре, А. П. Струкова. Было также «несколько выборных членов, фамилии коих» не были ему известны.

66. «Всех нас «правых» было тогда около 50-ти человек», — подтверждает член Гос. совета по выборам от духовенства Т. И. Буткевич (Мемуары протоиерея Буткеви-

ча Тимофея // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 382. С. 3885). «Консервативных до — 50», — сообщал 11 мая 1906 г. правый член Гос.совета Чемодуров Л. Л. Кисловскому (ОР РГБ. Ф. 130.10.17/1—2. Л. 21 об.).

67. Дневник А. А. Половцова. С. 111. А. Д. Степанский считает эту дату «днем возникновения правой группы Гос.совета» (История СССР. 1965. № 4. С. 53).

68. «Очень значительную группу, — писал Шипов, — представляли правые, реакционные элементы, в среде которых было немало членов по выбору, но преобладали члены по назначению» (Шипов Д. Н. Указ. соч. С. 439).

69. С точки зрения монархиста, ее и не могло быть. «Когда монарх вызывает новых лиц к управлению, — объяснял Б. В. Штюмер в ЧСК Временного правительства, — то, конечно, программы нет. ...Я принадлежу к известной группе Гос.совета. В данное время данный вопрос обсуждается в группе, так или иначе говорят, переговариваются друг с другом, соглашаются или нет, но сказать, что по всем вопросам эта группа имеет определенный взгляд, определенную программу, этого сказать нельзя. Я был в составе группы, но никогда не слышал, чтобы была общая программа по всем вопросам, которые ставились. ...Я никогда не видел у группы какой-нибудь определенной программы» (Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 236).

70. С. Д. Шереметев «к NN (П. П. Ю)», 27 марта 1906 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5072. Л. 175 — 175 об. «Мне очень досадно и обидно, — жаловался сыну другой член правой группы, — что наше имение приходится продавать так дешево, теперь очевидно, что его нужно было продавать раньше, когда давали до миллиона рублей. Смута жидовская, заразившая всю Россию, нас ограбила, а всю Россию разорила» (Из письма гр. Н. П. Игнатьева, СПб., 22 мая 1906 г., к гр. Л. Н. Игнатьеву, в Москву // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1981. Л. 86).

71. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия первая. С. 3. Оскорбленное национальное чувство тут, конечно, имело место. «Ненависть к революции, — утверждал и В. В. Шульгин, — мы всосали, если не с молоком матери, то с Японской войны» (Шульгин В. В. Дни. Белград, 1925. С. 227).

72. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 388 — 389.

73. Даже В. К. Плеве, по свидетельству влиятельной и осведомленной А. Н. Нарышкиной, «перед смертью ...говорил: так сильна революция, что силою долго ее не удержишь» (А. Н. Нарышкина — С. Д. Шереметеву, 5 июля 1907 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5080. Л. 52).

74. Записка Шванебаха. Июнь 1906 г. // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 41.

75. Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 383.

76. Шульгин В. В. Указ. соч. С. 193. Этот взгляд Шульгина сформировался под влиянием его отчима Д. И. Пихно, редактора «Киевлянина» и члена Гос.совета с марта 1907 г., убежденного, что «революции делаются от того, что в Петербурге трясутся. ...там настоящая причина революции, — боязнь, слабость» (Там же. С. 6—7). К такому же пониманию первопричин революции приходил и С. Е. Крыжановский (Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 117).

77. Пасхалов К. Погрешности обновленного 17 октября 1905 года Государственного строя и попытка их устранения. М., 1910. С. 5.

78. Утверждая так, А. С. Стишинский ссылался на пример Донской области: там и во время русско-японской войны «вооруженная сила была под рукой начальства», поэтому «никаких революционных вспышек не было среди гражданского населения», составлявшего «почти половину» населения области (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911 — 1912 годы. Сессия седьмая. СПб., 1912. Стб. 1779), а С. Д. Шереметев — на «перелом», совершенный Ф. В. Дубасовым в Москве: «Вот что значит, когда истинно Русский человек заговорил истинно Русским твердым, правительственным языком, требующим себе прежде всего уважения и доверия. И оно уже им достигнуто, а высшее правительство не заслуживает ни того, ни другого, а потому и столь слабосильно; но как бы то ни было, поворот сделан, волею-неволею и возвращаться к уступкам, к отречению от самого себя правительству уже невозможно!» (С. Д. Шереметев — Е. В. Голицыной, 5 января 1906 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5071. Л. 39 об. — 40).

79. Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 667 — 668, 371 — 372, 388, 390.

80. ОР РНБ. Ф. 127. Д. 17.

81. А. А. Киреев — Ф. Д. Самарину, 20 октября 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 265.190.32. Л. 88. Граф К. И. Пален в Царскосельском совещании 16 февраля 1906 г. в присутствии царя возразил С. Ю. Витте: «Не подлежит, однако, никакому сомнению, что Россия будет управляться по конституционному образцу» (Былое. 1917. № 5—6. С. 307).

82. А. П. Сипягина — С. Д. Шереметеву, 19 октября 1905 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5069. Л. 154 — 154 об.

83. С. Д. Шереметев — А. П. Сипягиной, 23 октября 1905 г. (Копия) // Там же. Л. 177 — 177 об. Сходный комплекс чувств испытывал 72-летний генерал Киреев: «Мы стоим перед конституцией, перед тем, чего более всего боюсь, что более всего ненавижу, в чем вижу гибель и моей Родины, и моей церкви ...» (А. А. Киреев — Ф. Д. Самарину, 20 октября 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 265.190.32. Л. 98).

84. Пасхалов К. Указ. соч. С. 15 — 16.

85. Дневник А. А. Киреева. Запись 31 декабря 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 126.14. Л. 119. Об этом же в письме к Ф. Д. Самарину от 31 декабря (Там же. Ф. 265.190.32. Л. 28). Еще раньше Киреев возмущался: «Если бы Вы знали, как глупо-постыдно была дана конституция!» (Там же. Л. 34).

86. А. А. Киреев — Ф. Д. Самарину, 23 января 1906 г. // Там же. Л. 45.

87. Слова С. Д. Шереметева.

88. Олсуфьев, гр. Д. В Зимнем дворце. 27 апреля (10 мая) 1906 года (К 25-летию открытия нашего народного представительства) // Возрождение. 1931. 10 мая.

89. Суворин А. А. Дневник. М., 1992. С. 426.

90. Цертелев, кн. Д. Н. Доклад Тамбовскому очередному дворянскому собранию // ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 124.

91. Дневник С. Д. Шереметева // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5051. Л. 114 об.

92. Там же. Д. 5069. Л. 178.

93. А. А. Киреев — Ф. Д. Самарину, 23 января 1906 г. // ОР РГБ. Ф. 265.190.32. Л. 45.

94. Дневник А. А. Киреева. Запись за 29 октября 1905 г. // Там же. Ф. 126.14. Л. 103 об.
95. Там же. Л. 104 — 104 об. (Запись 4 ноября 1905 г.).
96. Брошюра (М., 1906) с пометкой статс-секретаря Ю. А. Иксуля «Получено от Его Величества 16 марта 1906 года» // РГИА. Ф. 1162. Оп. доп. к XVI т. Д. 4. Л. 98 — 106 об.
97. Пасхалов К. Указ. соч. С. 7 — 10.
98. Гражданин. 1911. № 2. С. 5.
99. Там же. 1913. № 9. С. 18; № 47. С. 14. По существу, на это же сетовал назначенный член Гос. совета В. Ф. Дейтрих: нельзя передавать дела о должностных преступлениях в руки суда присяжных и «возвращаться к тому, что было до 1889 г., уже потому, что, могу Вас уверить, это будет не опыт, это будет бесповоротное, раз и навсегда, решение дела, так как для того, чтобы ныне проектируемый закон отменить, придется получить согласие 600 человек двух палат, а этого Вы никогда не дождетесь» (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912 — 1913 годы. Сессия восьмая. СПб., 1913. Стб. 1318).
100. Ф. Д. Самарин — С. Д. Шереметеву, 10 февраля 1908 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5083. Л. 198 — 198 об.
101. Дневник А. А. Киреева. Запись за 2 июня 1908 г. // ОР РГБ. Ф. 126.14. Л. 294.
102. Гражданин. 1911. № 45. С. 16.
103. Маклаков В. Из прошлого // Современные записки. Т. 38. Париж, 1929. С. 280.
104. Дневник А. А. Половцова. Запись за 17 июня 1906 г. // Красный архив. 1923. № 4. С. 116.
105. Ф. Д. Самарин — С. Д. Шереметеву, 18 января 1909 г. // РГАДА Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5089. Л. 57.
106. Там же.
107. Тихомиров Л. А. Указ. соч. С. 401, 402, 668.
108. Он же. Государственная Дума 1905 года // Там же. С. 669—674. «Монархическое представительство», у Тихомирова, есть «представительство народного духа, интересов, мнений» и противопоставляется «представительству народной власти и воли» (Там же. С. 575).
109. Эта работа — «Верховная Власть и Основные законы 1906 года» — была опубликована в «Московских Ведомостях» (№№ 231, 233 и 239 за 1909 г.), а в виде брошюры находится среди бумаг государственного секретаря Ю. А. Иксуля // РГИА. Ф. 1162. Оп. доп. к XVI т. Д. 4. Л. 60 — 66.
110. Выписка из письма графа Н. Е. Комаровского от 17 июля 1906 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5074. Л. 379—379 об.
111. Записка Шванебаха. Июнь 1906 г. С. 42.
112. Шванебах П. Х. Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1—3. С. 120.
113. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907—1908 годы. Сессия третья. СПб., 1908. Стб. 2292.

114. Гражданин. 1911. № 45. С. 16.
115. Падение царского режима. Т. 2. Л.; М., 1925. С. 436. На допросе И. Г. Щегловитов не помнил время инцидента, относя его приблизительно к 1909 г. или 1910 г. Однако в дореволюционном еще разговоре с И. Х. Озеровым он был более точен: «за месяц или полтора до войны с Германией» (*Озеров И. Х. Воспоминания // ОР РНБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4. Л. 37*).
116. Падение царского режима. Т. 2. С. 437 — 438.
117. А. Неклюдов — П. Б. Мансурову, 23 февраля 1906 г. // ГА РФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 548. Л. 2 — 2 об.
118. Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. СПб., 1907. С. 32.
119. П. Н. Трубецкой рассказывал I съезду уполномоченных, «какие препятствия ставились правительством для объединения дворянства, даже для простой беседы губернских предводителей, вследствие чего ранее съездов дворянства и нельзя было собрать, и лишь манифест 17-го октября открыл эту возможность» (Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ. 29 губерний 21 — 28 мая 1906 г. СПб., 1906. С. 5.).
120. См., напр., речь архиепископа Николая при обсуждении законопроекта «О переходе из одного исповедания веры в другое» // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 93 — 94.
121. Там же. Стб. 1786. «Подобные Высочайшие предуказания, не содержащие положительных законодательных норм, — вторил князь А. Н. Лобанов-Ростовский, — не стесняют законодательные учреждения в осуществлении их законодательной власти» (Там же. Стб. 1853).
122. Там же. Стб. 2393.
123. Там же. Сессия восьмая. Стб. 1897.
124. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 429 (Запись 3 октября 1907 г.). «Никогда нельзя положиться и верить и это сознание очень больно, — отмечал и С. Д. Шереметев. — Так во всем» (Дневник С. Д. Шереметева. Запись 12 января 1911 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 1).
125. Три последних самодержца. С. 447 (Запись 8 июня 1908 г.).
126. С. Д. Шереметев — Ф. Д. Самарину, 3 сентября 1905 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 2999. Л. 54. «Тебе очень хорошо известен характер или вернее отсутствие характера там, где единственное спасение», — сетовал и А. Г. Булыгин в письме к С. Д. Шереметеву 1 октября 1905 г. (Там же. Д. 5069. Л. 104 — 104 об.). В дальнейшем Шереметев утверждает в этой оценке: «Сознание главного горя — безнадёжность центрального лица — приводит в ужас» (Запись в дневнике 20 июля 1906 г. // Там же. Д. 5051. Л. 77 об.). «Несчастное свойство характера, безвольного, безличного, безжизненного. «Нерва нет!» — как говорил Победоносцев», — повторяется он 2 ноября 1907 г. (Там же. Д. 5052. Л. 146 об.). Взгляд на Николая II как на «коренную причину скорби» разделяли И. Л. Горемыкин, П. Н. Дурново и другие видные представители правой группы Гос. совета (См.: Там же. Л. 49; Д. 5056. Л. 36; Д. 5057. Л. 34).
127. Труды первого съезда уполномоченных дворянских обществ. С. 3. «Наша

защита, — вторил ему Д. Н. Кованько, — единственно царская власть, которая будет оборонять нас и не утвердит закона, который идет вразрез с интересами дворянства» (Там же. С. 74).

128. *Vitte С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 486.

129. А. А. Киреев — Ф. Д. Самарину, 28 июля 1905 г. // ОР РГБ. Ф. 265.190.32. Л. 22 — 23 об.

130. Там же. Ф. 126.14. Л. 270 — 270 об., 271.

131. А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 27 февраля 1908 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5083. Л. 241 — 242.

132. Красный архив. 1932. Т. 1—2 (50—51). С. 184. По свидетельству А. С. Суворина, И. Л. Горемыкин говорил ему в 1906 г.: «Это недурно, что усадьбы жгут. Надо потрепать дворянство. Пусть оно подумает и перестанет работать в пользу революции. Есть ужасная дрянь в дворянстве» (*Суворин А.* Дневник. М., 1992. С. 419).

133. *Vitte С. Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 482.

134. Падение царского режима. Т. 6. Л., 1926. С. 297.

135. Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 298.

136. Там же. С. 67.

137. См., напр.: Записка ген. А. Киреева Николаю II от 4 июля 1907 г. // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2374. Л. 1 — 2 об.

138. *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 16. 9 декабря 1906 г. А. П. Игнатъев был убит. Автор воспоминаний пишет, что «еще тогда пришел к твердому убеждению», разделяемому и его матерью, графиней С. С. Игнатъевой, позднее хозяйкой известного салона, что «убийство если не было организовано охранкой, то, во всяком случае, произошло с ее ведома».

139. Новый журнал. Нью-Йорк, 1943. Кн. 5. С. 367.

140. Дым отечества. 1914. 29 мая (№ 22. С. 2).

141. Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 115 — 116.

142. Падение царского режима. Т. 2. Л.; М., 1925. С. 435.

143. *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Т. 1. Париж, 1936. С. 19.

144. Падение царского режима. Т. 5. Л., 1926. С. 287. «Мы можем повторить вслед за нынешним Председателем Совета министров, что у нас, слава Богу, нет парламента, — писал В. Н. Снежков, — но, господа, с Думою и выборным Государственным советом в русскую государственность несомненно проникли начала парламентаризма и, к счастью или несчастью, надо полагать бесповоротно» (*Снежков В.* Бехтеев. Шарапов. Цертелев. Козлов, 1911. С. 15).

145. К. Пасхалов — Н. А. Маклакову, 4 октября 1915 г. // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 101.

146. См.: *Бородин А. П.* Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 35 — 36.

147. Выписка из письма графа Н. Е. Комаровского от 17 июля 1906 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5074. Л. 379 об. — 380.

148. Ф. Д. Самарин — С. Д. Шереметеву, [5 января 1907 г.] // Там же. Д. 5077. Л. 47 — 47 об.
149. Дневник С. Д. Шереметева // Там же. Д. 5052. Л. 42. Записку эту обнаружил и ввел в научный оборот В. С. Дякин (См.: Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 233 — 234, 246).
150. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5052. Л. 42, 46, 47, 48, 49; Д. 5054. Л. 158; Д. 5055. Л. 204 — 205; Д. 5056. Л. 37.
151. См.: *Степанский А. Д.* Политические группировки в Государственном совете в 1906 — 1907 гг. // История СССР. 1965. № 4. С. 54.
152. А. С. Ермолов сыграл в организации группы центра главную роль (См., напр.: *Шинов Д. Н.* Указ. соч. С. 459). Связано это было с его планами возглавить Совет министров (См.: *Степанский А. Д.* Указ. соч. // История СССР. 1965. № 4. С. 56—57).
153. Это говорил 31 мая 1907 г. П. В. Дическул, перешедший вскоре в группу правых // ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.
154. Машинопись «Основных воззрений...» встретила нам во многих личных фондах как членов группы центра (См., напр.: РГИА. Ф. 1668 (Е. Ф. Турау). Оп. 1. Д. 11. Л. 1), так и членов других групп Гос. совета (См., напр.: РГАВ—МФ. Ф. 9 (Ф. В. Дубасов). Оп. 1. Д. 560. Л. 2).
155. ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 40. Л. 19 — 20.
156. Там же. Д. 10. Л. 2 — 5; Д. 5. Л. 2 об. — 23, 32; РГИА. Ф. 990. Оп. 1. Д. 259. Л. 1—1 об.
157. ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 5. Л. 34.
158. В комиссию вошли Н. С. Авдаков, Н. П. Балашов, А. В. Баулин, Э. А. Войнич, С. В. Гавронский, протоиерей М. Н. Горчаков и Б. И. Ханенко.
159. Там же. Д. 42. Л. 3 об. — 4.
160. Там же. Д. 10. Л. 20 об. — 22 об.
161. Там же. Д. 6. Л. 3 — 12; Д. 10. Л. 31 об. — 32.
162. Там же. Д. 7. Л. 8 — 8 об.
163. Там же. Д. 10. Л. 33 — 38.
164. Там же. Д. 7. Л. 25.
165. Там же. Д. 10. Л. 60 — 61 об.
166. Бывший в июле—ноябре 1905 г. Московским генерал-губернатором; владелец 123 тыс. дес. земли в 8 губерниях, пяти домов в Петербурге и дачи.
167. Там же. Л. 61 — 62 об.
168. Там же. Л. 73 об. — 73а об.
169. Там же. Л. 91 — 96 об.
170. Там же. Л. 115.
171. Там же. Д. 9. Л. 3 — 3 об.
172. А. С. Ермолов — А. Ф. Кони, 10 ноября 1907 г. // ГА РФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1839. Л. 11 — 11 об. Это подтверждается Правилами внутреннего распорядка группы, разработанными бюро (См.: Там же. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 2. Л. 19).
173. *Наумов А. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 148.
174. *Сазонов С. Д.* Воспоминания. Берлин, 1927. С. 346 — 347.

175.Современники единодушны в оценке его интеллекта, профессиональных и моральных качеств (*Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 123; *Крыжановский С. Е.* Указ. соч. С. 29; Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 121; и др.).

176.*Курлов П. Г.* Конец русского царизма. Пг.; М., 1923. С. 39 — 40.

177.ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 242. 1912. Д. 307 А. Л. 68 об.

178.См. об этом: Из письма А. Ермолова, СПб., 25 мая 1906 г., к проф. А. А. Погодину, в Варшаву // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1981. Л.111; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия первая. С. 4; *Шипов Д. Н.* Указ.соч. С. 439.

179.Воспоминания М. М. Ковалевского. С. 92.

180.*Наумов А. Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 148.

ГЛАВА III

1.При подсчете учтено, что 4 выборных члена (потомственные дворяне А. Б. Нейдгарт, В. Н. Охотников, А. П. Струков и О. Р. фон Экеспарре) по окончании срока избрания были назначены членами Гос.совета.

2.В их числе профессор Д. И. Багaley, владевший домом в Харькове; протоиерей Т. И. Буткевич, имевший дом в Харькове и дачу в Харьковском уезде; член от промышленности Г. Э. Вейнштейн, владелец двух домов и мельницы в Одессе, лесопильного завода и мельницы в Херсоне; и др.

3.Среди них С. Ю. Витте, владелец особняка на Каменноостровском проспекте столицы и дачи в Сочи, а также записанного на имя жены дома № 3 по ул. Посадской мал. Петербурга; В. И. Герье, имевший дом в Москве; А. А. Макаров, совладелец двух каменных домов и лавки в Гостином дворе в Петербурге; и др.

4.Это бросалось в глаза и производило тяжелое впечатление. Академик А. А. Шахматов делился в письме к Ф. Е. Коршу 15 мая 1906 г.: «По-моему, лучше, что университеты представлены нами, а не реакционерами, на которых так охотно опирались бы прочие члены Государственного совета в своих реакционных стремлениях. Впечатление от Государственного совета я вынес удручающее. Пожалуй, назначенные члены лучше выборных, состоящих в значительной части из «аграриев»» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 177).

5.Упомянутые выше четыре члена, бывшие выборными и затем назначенными, были землевладельцами.

6.У отца их, Д. Ф. Самарина, было 70 233 десятины (*Минарик Л. П.* Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М.,1971. С. 17).

7.Н. М. Аничков, И. С. и Н. С. Крашенинниковы, Н. А. Маклаков, барон Э. Ю. Нольде, П. А. Сабуров, Н. Д. Сергеевский и князь М. И. Хилков.

8.Потомственные дворяне В. Н. Коковцов и граф П. И. Кутайсов и недворяне по происхождению Н. А. Зверев, А. П. Никольский, Н. Н. Покровский и Н. С. Таганцев.

9.Характерны в этом отношении соображения А. В. Еропкина. Как член Гос. Думы он получал 10 рублей суточных. До 300 рублей в месяц он зарабатывал пост-рочно в «Новом Времени» и «Голосе Москвы». Имение же — «Кораблино» в Рязанской губернии — было малоодоходно: «Дай Бог если от Кораблина ожидалось 2 тыся-

чи рублей в год. Кораблино представляло для нас другое удобство, это летнее в нем пребывание моей семьи со всеми удобствами деревенской жизни, с просторным домом, садом на 8 десятинах, экипажами, лошадьми и пр. Иначе не стоило бы и держаться этого имения из каких-нибудь 2% годовых. Здесь важна была привычка к родовому гнезду, известные общественные права, соединенные с землей, престиж ценза и положения» (Записки Аполлона Еропкина, члена Гос. Думы // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 335. Л. 73)

10. В мае 1915 г. он обратился к председательствующему в Гос. совете И. Я. Голубеву с ходатайством о безвозмездном пособии: «Прекращение занятий Государственного совета много раньше обычного времени и уменьшение, вследствие сего, получаемого выборными членами Государственного совета довольствия, при необходимости все же жить в Петрограде, поставили меня, совершенно неожиданно, в весьма затруднительное положение» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 735. Л. 19).

11. Один из них, А. А. Нарышкин, владелец имения в 346 десятинах в Орловской губернии, избранный весной 1906 г. в Гос. совет от дворянских обществ, предпочел отказаться от суточных, сохраняя содержание по должности сенатора в 10 тыс. рублей в год, с добавкой 2,5 тыс. рублей аренды. На имение, обремененное долгами, рассчитывать не приходилось.

12. В их число включен назначенный С. Д. Сазонов, у которого кроме имения в Казанской губернии (701,3 дес.) было еще два, площадь которых не известна: «Бромица» в Московской губернии и под Белостоком, и выборный от землевладельцев Царства Польского С. В. Лещинский, за которым кроме приобретенных 754 дес. в Радомской губернии значилось и родовое имение «Голембов», величина которого не выяснена.

13. Следует оговорить некоторую условность включения в эту группу значительного числа членов Гос. совета. Из назначенных сюда включены: С. А. Восводский, у которого, кроме 1692 дес. в Подольской губернии, была родовая земля в Смоленской, количество которой не выяснено; барон В. М. Менгден, имевший, помимо 1780 дес. в Тульской и Рязанской губерниях, майорат в Царстве Польском; барон В. Б. Фредерикс, которому, вместе с имением «Сиверское» (1415 дес.) в Петербургской губернии, принадлежали «имения в Финляндии, площадью чуть ли не в целый уезд» (Мосолов А. При дворе императора. Рига, [1933]. С. 80 — 81). Из выборных: П. П. Баранов, за которым значилось 3900 дес. в Астраханской губернии и «18 гапенгов» в Эстляндской; Ф. Н. Безак, владелец 3818 дес. в Киевской и Полтавской губерниях, мать которого, вдова, имела 24894 дес. в Костромской губернии; владевший 2878 дес. в Бессарабской губернии Д. Н. Семиградов, у которого родители имели 10000 дес.; имевший 1466 дес. в Гродненской губернии К. Г. Скирмунт, отец которого владел 5400 дес., и Ю. В. Трубников, у которого, наряду с 4193 дес. в Казанской губернии, был майорат «Щавны» в Царстве Польском. Включен в эту группу и барон В. В. Меллер-Закомельский на том основании, что в его формулярном списке за 1912 г. и официальной справке 1916 г. за ним значатся 3400 дес. в Петербургской губернии, хотя в литературе имеются указания, что ему вместе с тремя братьями принадлежало 200050 дес.; наряду с этим есть утверждение, что ему с братом Григорием Вла-

димировичем принадлежало 214000 дес. Последнее — в работе Л. П. Минарик (Указ. соч. С. 15).

14. По воспоминаниям А. А. Мосолова, Фредериксу принадлежали «большие дома близ Николаевского вокзала с тысячами мелких квартир» и особняк на Почтамтской, занимаемый самим бароном; располагал он и «значительными капиталами» (Указ. соч. С. 80 — 81).

15. Председатель Гос.совета М. Г. Акимов, ходатайствуя о пособии семье, писал во всеподданнейшем докладе: «Скончавшийся ... Дическул, будучи обременен многочисленным семейством, еще при жизни находился в стесненном материальном положении... . Ныне, за смертью его..., семья покойного оказывается в весьма тяжелых условиях (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 686. Л. 12). С подобным же ходатайством обратился к царю А. Н. Куломзин в связи со смертью А. К. Еремеева, указывая, что покойный не оставил «после себя средств, за исключением небольшого имения, обремененного долгами» (Там же. Д. 695. Л. 23).

16. Сюда включен и назначенный П. А. Харитонов, которому жена (дочь генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана) принесла в качестве приданного не только 6756 дес. в Уфимской и Самарской губерниях, но и майораты в Варшавской и Калишской, величина которых не выяснена. Условно включен сюда и выборный князь Н. П. Урусов: «у него самого» в Екатеринославской губернии было 5443 дес. приобретенной земли, и за его мать в Симбирской губернии числилось 4896 дес. родовой. В этой группе и Ф. Д. Самарин, за которым значилось 510 дес. родовой в Московской и 9023 дес. в Самарской (см. прим. 6).

17. По словам Н. Н. Покровского, Н. М. Чихачов «отличался большой практической сметкой и энергией. Они, во всяком случае, помогли ему составить очень крупное состояние» (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 38. Л. 2 об.).

18. РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 273.

19. Падение царского режима. Т. IV. Л., 1925. С. 202. А. Н. Наумов был женат на А. К. Ушковой, единственной дочери купца-миллионера, владельца Фороса.

20. Сюда включены князь Л. Д. Вяземский, бывший членом Гос.совета в 1906 — 1909 гг. и владевший, судя по формулярному списку, 16200 дес. родовой земли в Саратовской губернии, и член Гос.совета в 1906 — 1911 гг. И. Е. Шевич, за которым значилось 21000 дес. родовой земли в Минской и 3000 дес. родовой жены в Воронежской, хотя А. М. Анфимов приводил другие данные: у первого — 44 тыс. дес., у второго — 40,9 тыс. дес.

21. Трое из них учитываются дважды: как выборные, а затем — как назначенные.

22. Двое из них учитываются дважды: как выборные, а затем — как назначенные.

23. Из них 16 (15 выборных и назначенный) уже учитывались в числе вышеупомянутых 46 членов Гос.совета, связанных с акционерным капиталом в промышленности.

24. Половина их уже учитывалась выше среди членов Гос.совета, связанных с акционерным промышленным и банковским капиталом.

25. «Усталые и телесно, и душевно, — продолжал С. Е. Крыжановский, — люди эти жили далеким прошлым, неспособны были ни к творчеству, ни к порыву, и едва ли ни ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя; клейкой замазкой закупоривали они продушины государственной машины, свинцовой тяжестью висели на рычагах и колесах, вся и все мертвили, а между тем слова их почитались за откровение» (*Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин, б. г. С. 47).

26. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 17. Л. 374 об.

27. Предпочесть 9-летний срок 6-летнему побудило то же стремление обеспечить максимально консервативный состав Гос.совета: в Царскосельском совещании 14 февраля 1906 г., когда Н. С. Таганцев предложил 6-летний срок, С. Ю. Витте возразил: «Нет, уменьшать 9-летний срок не надо, т. к. чем продолжительнее срок, тем консервативнее состав избранных» (Там же. Д. 19. Л. 356).

28. «Большим тормозом служат у нас старики, — жаловался в начале сессии А. Н. Куломзин. — Они отказались сегодня сидеть во второй раз вечером и мы подвигаемся крайне медленно» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 3).

29. Из письма В. фон Валя, СПб., 7 июня 1906 г., к генеральному консулу Рене, в Штеттин // Там же. Д. 1982. Л. 55. Другой член правой группы Гос.совета так аттестовал себя: «Я, действительно, был сотрудником покойного А. Д. Пазухина при разработке Положения о земских начальниках и Положения о земских учреждениях 1890 г., и это, может быть, одна из самых светлых страниц моей жизни. Работали мы по убеждениям, отстаивали те начала, в правильность коих верили» (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910 — 1911 годы. Сессия шестая. СПб., 1911. Стб. 978).

30. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 9 (примечание), 130.

31. РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 76.

32. Удельный вес поляков в общем собрании Гос.совета был выше, т. к. в «коло» входили принадлежавший к евангелическо-реформатскому исповеданию барон Л. Л. Кроненберг, представлявший в Совете в 1906 — 1910 гг. землевладельцев Царства Польского, и лютеранин С. М. Ротванд, член Совета от торговли в 1906 — 1918 гг.

33. Один из них, А. Ф. Редигер, перешел в декабре 1914 г. в православие.

34. С. М. Ротванд, «сын лекаря, бывшего ординатора Варшавской еврейской больницы». Окончив юридический факультет Петербургского университета, он начал службу адвоката, но благодаря родству через женитьбу с банкирским домом Вавельбергов занялся торгово-промышленной и финансовой деятельностью и преуспел: стал крупным пайщиком банка Д. Г. Вавельберг, владельцем четырех каменных домов в Варшаве; перед войной был председателем правления одного и членом правления пяти акционерных обществ.

35. Не имевшие среднего образования не могли быть избранными в Гос.совет. Интересно, что для части российской буржуазии это оказалось неприемлемым. Так, председатель комитета Саратовского купеческого общества в прошении на имя председателя Совета министров, между прочим, предлагал «для центра России требова-

ние образовательного ценза на первое десятилетие исключить», мотивируя тем, что «громадное большинство самых видных провинциальных деятелей на коммерческом поприще, достигшие 40-летнего возраста, не имеют среднего образования» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 1. Л. 24 — 26).

36. В реформированном Гос. совете в 1906 — 1917 гг. среди 229 членов по выборам 165 были с высшим образованием, среди 202 назначенных членов — 168; при этом трое из них — В. Н. Охотников, А. П. Струков и О. Р. фон Экеспарре — учитываются дважды: среди назначенных и среди выборных.

37. Даже такой язвительный критик Гос. совета, как М. М. Ковалевский, должен был признать, что «в Государственном совете имеется достаточная осведомленность по поднимаемым в нем вопросам», и указал при этом на присутствие в нем целого ряда крупных знатоков жизни и специалистов по различным отраслям знания (История СССР. 1969. № 5. С. 89 — 90).

38. Если выборный член состоял на государственной службе и занимал должность, сопряженную с получением содержания от казны, то в этом случае он суточных не получал.

39. Так, по смете расходов Гос. совета на 1913 г. кредит на суточные и путевое довольствие определялся в 643 100 рублей: 25 руб. x 258 дней (с 1 января по 15 июня и с 10 октября по 31 декабря) x 98 человек = 632 100 рублей + 11 000 рублей на путевые издержки («по примеру прошлых лет»).

40. Порядок этот был утвержден Николаем II по докладу председателя Совета министров И. Л. Горемыкина 1 мая 1906 г. (РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 11. Л. 2 — 3).

41. *Vitte С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 346 — 347.

42. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 162. Л. 84.

43. 20-тысячный оклад получали семь членов Гос. совета: Е. И. Алексеев, барон А. А. Будберг, С. Ю. Витте, князь Г. С. Голицын, И. Л. Горемыкин с мая 1910 г. по январь 1914 г., В. Ф. Дейтрих с назначением его вице-председателем Совета и А. Ф. Трепов после увольнения от должности председателя Совета министров. 21 тысячу рублей получал П. Н. Дурново, т. к. к 18-тысячному окладу приплачивалось с 1909 г. 3 тысячи рублей из 10-миллионного фонда вместо прежней аренды. 22 тысячи рублей получал С. Д. Сазонов после увольнения его от должности министра иностранных дел. 24 тысячи рублей получали: В. Н. Коковцов, И. Л. Горемыкин и Б. В. Штюрмер — после увольнения их от должности председателя Совета министров и А. Н. Куломзин после увольнения его от должности председателя Гос. совета. 25-тысячный оклад получали председатели Гос. совета: граф Д. М. Сольский, Э. В. Фриш, М. Г. Акимов, А. Н. Куломзин; И. Г. Щегловитову было назначено 30 тысяч.

44. Перевод в неприсутствующие ни разу не повлек за собой потери или сокращения содержания. Это существовало, по-видимому, как угроза, реализация которой зависела от царя: коли он назначал содержание члену Гос. совета, он его увеличивал, то очевидно, что он мог его сократить или вообще не сохранить за переводимым в число неприсутствующих. Но и с сохранением содержания перевод этот, кроме того, что означал (если происходил вопреки желанию члена) утрату доверия монарха и был нравственно трудно переживаем, лишал надежд на увеличение оклада. Наконец, сановник, как и любой чиновник, мог быть уволен.

45. По свидетельству П. П. Менделеева, «это собственно пережиток старого обычая давать заслуженным деятелям в бесплатную аренду участок казенной земли. Впоследствии такая аренда была заменена ежегодными выдачами определенной суммы из кредитов министерства государственных имуществ. Аренда жаловалась весьма редко и только престарелым заслуженным сановникам» (*Менделеев П. П. Воспоминания. 1864 — 1933 гг.*// ГА РФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 27 — 28).

46. В этом отношении не составляли исключения и выборные члены Гос.совета. В период с апреля 1915 г. по март 1916 г. многие из них, оказавшись в затруднительном положении (одни — из-за преждевременного прекращения сессии, другие — потому, что имения оказались «под неприятелем»), обратились с просьбами: одни — возместить «убытки», другие — о «пособии», третьи — о «ссуде». Все они получили безвозмездное пособие «в путях монаршей милости». 32 члена — по 3,5 тыс. рублей и один — граф С. И. Велепольский — 6 тыс. Среди них были избранные от церкви (4), промышленности (1), дворянства (6), земства (14), землевладельцев Царства Польского (3), торговли (1) и съездов землевладельцев неземских губерний (4).

47. В виде исключения, по особому ходатайству председателя Гос.совета, пособие «на погребение» выдавалось и вдовам выборных членов Гос.совета. Нам известно пять таких случаев: по одному в 1909, 1910 и 1913 и два в 1916 гг.; четыре по 1,5 тыс. рублей и раз — в 2 тысячи.

48. Несколько конкретных примеров: П. Ф. Унтербергер, назначенный в Гос.совет 6 декабря 1910 г. с должности Приамурского генерал-губернатора, получил «на переезд», по ходатайству министра внутренних дел, 8 тысяч рублей; А. И. Пантелеев в июне 1906 г. — 2 тысячи рублей «на лечение»; вдове П. Н. Дурново в сентябре 1915 г. было выдано 4 тыс. рублей «на погребение» и назначена пенсия в 10 тысяч рублей, а его незамужней дочери — 2 тысячи рублей в год.

49. 285 рублей в год «за раны» получал и выборный член Гос.совета генерал-майор в отставке С. С. Чеботарев.

50. Пенсии (от 700 рублей до 7 тысяч рублей в год) получали и 12 членов Гос.совета по выборам.

51. Так, только содержание назначенных членов Гос.совета в 1912 г. составило 1 363 588 рублей.

52. Следует заметить однако, что ситуация, в принципе, от этой оговорки не меняется: убеждение это формировалось в условиях экономической зависимости от самодержавия, и последнее не могло уже не мыслиться как условие существования и класса, и семьи, и индивида. «Дворянин, благодетельствованный судьбою, — писал еще Н. М. Карамзин, — навькает от самой колыбели уважать себя, любить отечество и государя за выгоды своего рождения, пленяется знатностью, — уделом своих предков, и наградою личных будущих заслуг его. Сей образ мыслей и чувствований дает ему то благородство духа, которое, сверх иных намерений, было целию при учреждении наследственного дворянства» (*Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 128*).

53. Так, Б. Мансуров в частном письме в начале мая 1906 г., характеризуя положение в законодательных «палатах», между прочим, замечает: «Члены Государствен-

ного совета из чиновников, конечно, готовы подчиниться в надежде на сохранение жалования» (РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 43).

54. Ежегодно, 1 января, публиковался указ о назначении 98 членов Гос.совета к присутствию в нем. Эта возможность ежегодно перетряхивать состав назначаемой половины Гос.совета вызвала позднее раздражение в либеральной части и Гос.совета, и Думы, и общества. Некоторые усматривали тут «нарушение закона», «неправильное его толкование», подмену требуемой законом (ст. 11 Учреждения Гос.совета) ежегодной публикации списка назначенных к присутствию ежегодным назначением к присутствию, что сводило, по их мнению, на нет гарантированную ст. 9 того же Учреждения несменяемость назначенных (см., напр.: *Vitte С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 545; *Таганцев Н.С.* Пережитое. Пг., 1919. С. 116). Следует, однако, заметить, что для творцов реформы в этом ничего неожиданного не было: в совещании Сольского само собою разумелось, что определенная часть членов по назначению будет «ежегодно призываться» монархом «к присутствованию в Совете» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 17. Л. 377 об.). Таганцев, очевидно, лукавил, утверждая, что «об ежегодном пере-назначении этих лиц государем каждого первого января и мысли не возникало» в совещании Сольского. А. А. Половцов, бывший в отличие от Таганцева членом совещания, свидетельствовал, что значительное число «немо заседающих» в дореформенном Совете побуждало с самого начала «установить, что на каждый год государь назначает членов присутствующих и членов неприсутствующих, подобно тому, как это делается в сенате» (Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 97). Некоторое основание для критики ежегодного назначения членов Гос.совета к присутствию было в ст. 9 Учреждения Гос.совета, согласно которой члены по назначению несменяемы, однако неясно, что имеется в виду: несменяемость звания или несменяемость присутствия. Составители закона, утверждал С. Ю. Витте, подразумевали последнее. Заметим также, что формально ст. 9 не нарушалась: сановник, будучи назначен членом Гос.совета, оставался им независимо от того, в какой список — присутствующих или неприсутствующих — он попадал по воле монарха.

55. Так, 11 марта 1911 г. члены Гос.совета П. Н. Дурново и В. Ф. Трепов по настоянию П. А. Столыпина были уволены Николаем II «в отпуск по 1 января 1912 г.»

56. ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 — 8 об., 10 — 10 об.; Д. 358. Л. 2 об.

57. Объединенные дворяне это хорошо понимали. «При том подкопе, — говорил С. М. Прутченко, — который идет организованно против дворянских обществ на местах, для нас важна та организация, которая соединяет нас с Государственным советом, как, во-первых, законодательным учреждением, и во-вторых, как закрепляющим нашу корпоративную организацию нашими Основными законами» (Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. 9—16 марта 1908 г. СПб., 1909. С. 49).

58. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий»

59. *Давидович А. М.* Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975. С. 61 — 62.

60. Так было до 1 декабря 1916 г., когда XII съезд уполномоченных несколько ограничил их роль в делах объединенного дворянства, решив, что «члены Гос.совета

от дворянства образуют одну группу, которая имеет один отдельный от губерний голос». Те из них, кто был одновременно и уполномоченным, мог голосовать еще и «по своей губернии» (ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 51. Л. 321 об.).

61. Последнее было решено в заседании Постоянного совета 25 октября 1906 г., когда А. А. Бобринский возбудил вопрос об участии на правах членов в работе Постоянного совета всех членов Гос.совета, избранных от дворянства. Однако опасения «случайных влияний» склонили Постоянный совет к решению пригласить их с правом совещательного голоса (Там же. Д. 75. Л. 28; Д. 76. Л. 16).

62. Прим. 1 к ст. 2 разд. I устава давало Постоянному совету право приглашать на заседания съезда, без права участия в постановлениях, не более 10 дворян, не входящих в состав объединенных дворянских обществ и «известных своими заслугами дворянству». Прим. 3 к ст. 2 разд. I давало председателю Постоянного совета право приглашать для участия в съезде отдельных лиц в качестве «сведущих».

63. Первоначально в ст. 11 разд. II устава говорилось, что в Постоянный совет, кроме избираемых на съезде, входят находящиеся в Петербурге губернские предводители дворянства тех губерний, которые присоединились к общедворянской организации. В 1912 г. ст. 11 была изменена: членами Постоянного совета становились все губернские предводители дворянства входящих в объединение губерний.

64. Небезынтересны мотивы такой практики. Когда А. А. Нарышкин в заседании Постоянного совета 21 января 1914 г. предложил заменить, в интересах экономии, делопроизводителей одним секретарем, А. Б. Нейдгарт возразил, резонно при этом заметив: «Наши делопроизводители, как чины Государственной канцелярии, обладают весьма полезными для объединенного дворянства свойствами, как то: тонкою воспитанностью и корректностью, привычкою к редактированию бумаг, свободным доступом к архивным, законодательным и прочим государственным документам, а главное, принадлежностью их к той среде, интересы коей они при наших трудах обслуживают» (РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 220. Л. 14 об.).

65. В списках уполномоченных встречаются имена некоторых из назначенных членов Гос.совета, никогда не принимавших участия в съездах объединенного дворянства (А. С. Ермолов от Рязанского дворянства, князь А. Д. Оболенский-2 от Калужского, С. И. Тимашев от Астраханского и др.). Видимо, дворянские общества, по соображениям экономии, выбирали уполномоченными проживающих в столице, худо при этом представляя их политические взгляды. Были такие и среди выборных членов Гос.совета (Е. В. Рыков, уполномоченный от Таврического дворянства, входивший в левую группу Гос.совета).

66. Так, среди 269 уполномоченных на VI съезд (март 1910 г.) их было 30 (11,15%): шесть назначенных, девять от дворянства, тринадцать от земств и два от съездов землевладельцев. Среди 325 уполномоченных на VII съезд (февраль 1911 г.) — 35 (10,76%): шесть назначенных, восемь от дворянства, семнадцать от земств и четыре от съездов землевладельцев. Среди 410 уполномоченных на X съезд (март 1914 г.) — 44 (10,73%): девять назначенных, двенадцать от дворянства, восемнадцать от земств и пять от съездов землевладельцев. И эти же среди 416 уполномоченных на XI съезд (март 1915 г.) составили 10,57%. Следует иметь в виду, что далеко не все уполномоченные являлись на съезды и принимали участие в их работе.

67. Не раз Постоянный совет «с чувством глубокой признательности» свидетельствовал «о просвещенном участии в трудах комиссий» членов Гос.совета барона Ю. А. Иксуля, Н. А. Зверева, барона Р. А. Дистерло и др.

68. Подсчитано на момент образования комиссий; состав их затем менялся и иногда существенно. Так, в пяти постоянных комиссиях — экономической, судебной, по народному образованию, по еврейскому вопросу и по делам западных губерний — членов Гос.совета среди председателей было трое на 8 апреля 1910 г., столько же на 1 марта 1914 г., четверо — на 1 марта 1915 г. и один на 1 ноября 1916; среди членов комиссий — 13 из 35, 14 из 45, 14 из 45 и 10 из 43 (ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 71. Л. 56 — 58; Д. 73. Л. 52 — 54; Д. 80. Л. 27 об. — 28; Д. 85. Л. 12 — 13).

69. А. Shecket Corros ошибается, утверждая, что 9 из 15 членов Постоянного совета, избранного III съездом уполномоченных, были членами Гос.совета и будто бы все они относились к его правому крылу (The politics of Rural Russia. 1905 — 1914. Bloomington and London. 1979. P. 126). С. С. Бехтеев и князь Н. Б. Щербатов еще не были членами Гос.совета: первый назначен 1 января 1909 г., а второй избран 6 сентября 1912 г. В правую группу Гос.совета входили пять, а двое — А. Б. Нейдгарт и О. Р. фон Экеспарре — в группу центра.

70. ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 358. Л. 15.

71. Д. А. Олсуфьев на III съезде объединенного дворянства в марте 1907 г., выражая удовлетворение, что дворянство «выработало наконец у себя орган, представляющий интересы дворянства в его целом составе», говорил: «Благодаря сумбуру, который у нас господствует, при скороспелом учреждении, созданном, быть может, недостаточно обдуманно, я думаю, дворянству предстоит играть роль политического тормоза, на который слишком рискованно рассчитывать со стороны того учреждения, которому поручена законодательная власть». А. А. Чемодуров также сомневался, что в вопросе о местной реформе Гос.совет «не последует за решением Думы» (Труды третьего съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 26, 28 — 29). Показательна эта оценка ситуации людьми, хорошо осведомленными, — оба были членами Постоянного совета и, одновременно, членами Гос.совета.

72. ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 78. Л. 3 об.

73. Труды IV съезда уполномоченных. С. 19 — 51, 336.

74. Это уже отмечала А. Shecket Corros (Указ. соч. С. 129 — 130).

75. РНБ. РФ. 37.53.3.738.

76. ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 358. Л. 48 — 48 об.

77. Там же. Д. 81. Л. 2 — 3.

78. Там же. Д. 83. Л. 7 об.

79. Так, среди членов избранного на первом съезде уполномоченных (май 1906 г.) Постоянного совета наряду с правыми и крайне правыми (князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, А. А. Нарышкин, А. А. Чемодуров и др.) были и октябристского толка — граф Д. А. Олсуфьев, О. Р. фон Экеспарре. В дальнейшем политическая неоднородность Постоянного совета несколько усилилась.

80. В. А. Бутлеров и В. Н. Поливанов перешли в группу правого центра и Д. А.

Олсуфьев — в группу центра; С. С. Бехтеев и С. С. Стромиллов скончались, но в правую группу вошли назначенный А. А. Бобринский и избранный В. Н. Ознобишин; с 1911 г. Постоянный совет стал привлекать назначенного члена Гос.совета Н. А. Зверева, входившего в правую группу.

81. Восемь (С. Е. Бразоль, князь П. П. Голицын, В. И. Денисов, А. А. Зеленцов, А. Б. Нейдгарт, Н. А. Ребиндер, С. Б. Скадовский и В. Ф. Дейтрих) перешли в группу правого центра, Г. В. Калачов — в кружок внепартийного объединения, а Д. К. Гевлич заявил себя внепартийным.

82. См.: Труды второго съезда уполномоченных дворянских обществ 31 губернии. СПб., 1907. С. 127; Труды IV съезда уполномоченных. С. 198, 208 — 209, 216, 323; Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910. С. 49, 57, 59 — 60, 64 — 65; Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912. С. 145, 146 — 147, 148 — 150; Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. СПб., 1913. С. 192.

83. См.: Там же; ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 7. Л. 254 об.; РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 463. Л. 47.

84. ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 81. Л. 53.

85. РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 463. Л. 101.

86. Труды VIII съезда уполномоченных. С. 149.

87. Такая реакция имела место в Вологодском, Воронежском, Вятском, Курском, Орловском, Пермском и Тверском земствах.

88. РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1906. Д. 13. Л. 24. Слова гласного Пермского губернского земского собрания И. Г. Каменского, бывшего затем все 11 лет членом Гос.совета. Тогда, на 37-й чрезвычайной сессии земского собрания он, разделяя и сомнения, и — одновременно — надежды относительно Гос.совета, говорил: «Затем еще одно соображение. За последнюю четверть века замечается падение талантов и в области государственного управления. Круг, из которого приглашаются министры, оказывается неудовлетворительным».

89. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908 — 1909 годы. Сессия четвертая. СПб., 1909. Стб. 651.

ГЛАВА IV

1. Среди членов Гос.совета, особенно назначенных, действительно было немало таких, кому трудно было сориентироваться и вполне определиться. Член по назначению Н. А. Зиновьев констатировал 24 июня 1906 г.: «В нашей среде далеко не все имеют определенную политическую окраску, да и эта окраска значительно изменилась за последнее время под влиянием переживаемых событий» (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. С. 4).

2. Факт преобладания либерально-монархического крыла в Гос.совете подтверждается и всеподданнейшим докладом государственного секретаря Ю. А. Иксуля от 7 ноября 1907 г., когда выборы в комиссии были впервые проведены на основе пропорционального представительства групп. Из 154 присутствовавших в заседа-

нии правых было 54, в группе центра — 84 и левых — 16 (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 539. Л. 3).

3. А. А. Чемодуров возмущался в письме к Л. Л. Кисловскому 3 июля 1906 г.: «это большинство, состоящее из выдохшихся либералов во главе с Ермоловым (мечтающим в премьеры), из кадетов, из профессорской клики,.. Все идет хуже и хуже. Ничем Вас порадовать не могу, никакого просвета не видно» (ОР РГБ. Ф. 130.10.17 /1 — 2. Л. 25).

4. *Шипов Д. Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 498 — 499, 502.

5. См.: А. С. Стишинский — С. Д. Шереметеву, 16 мая 1907 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5079. Л. 84 — 85; А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 19 мая и 3 июня 1907 г. // Там же. Л. 134 — 136, 215.

6. См.: А. Ф. Кони — А. С. Суворину, 1 января 1907 г. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1949. Л. 99 об.; *Ковалевский М. М.* Воспоминания // История СССР. 1969. № 5. С. 86; *Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 437 — 438, 499.

7. «Теперь, — пометил в дневнике С. Д. Шереметев, — члены Гос. совета должны считаться с подобным выброшиванием по усмотрению «преьера» или царя — как угодно» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5052. Л. 7).

8. В письме С. Д. Шереметева к Ф. Д. Самарину 3 января 1907 г. это выразилось так: «Новые назначения в Гос. совет привлекают несомненно людей недюженных, но окраски столь определенной, что в направлении сомневаться уже нельзя. Теперь перевес во всех вопросах ясно на чьей стороне» (Там же. Д. 3001. Л. 278).

9. Ф. Д. Самарин — С. Д. Шереметеву, [5 января 1907 г.] // Там же. Д. 5077. Л. 47 — 48.

10. Там же. Д. 5052. Л. 25, 27, 42, 46 — 49.

11. Там же. Д. 3001. Л. 346.

12. «При современных обстоятельствах, — писал Николай II 23 марта 1907 г., — я считаю необходимым назначать членами Государственного совета людей русских и крепких. Таковым первым моим кандидатом является проф. Пихно — редактор «Киевлянина». Уведомьте его об этом и передайте ему вместе с тем мою надежду, что он будет продолжать свое полезное издание и по назначении членом Гос. совета» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 415. Л. 1«б»).

13. В заседании общего собрания 10 марта 1907 г. предложение правых сделать запрос министру народного просвещения было отклонено 79 голосами против 75 (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1907. Стб. 120) Разумеется, это раздражало (См., напр.: Дневник А. А. Киреева, запись 18 марта 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 126.14. Л. 214 — 214 об.).

14. См., напр., письма С. Д. Шереметева В. К. Шлиппе, А. К. Варженевскому, Б. М. Юзефовичу от 10 сентября, 7 и 11 декабря 1907 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3003. Л. 21 — 22, 113 — 114, 120.

15. «Продолжение моего участия в Гос. совете, — вспоминал Д. Н. Шипов, — было для меня очень тягостным и оно сделалось еще более неприятным во время третьей сессии Гос. совета, когда, после роспуска второй Государственной Думы, бюрократия и вообще реакция чувствовали себя в положении победителей над освободительным движением» (*Шипов Д. Н.* Указ. соч. С. 502).

16. С. Д. Шереметев — В. К. Шлиппе, 10 сентября 1907 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3003. Л. 21.
17. С. Д. Шереметев — А. К. Варженевскому, 7 декабря 1907 г. // Там же. Л. 114.
18. Дневник С. Д. Шереметева. Запись 8 февраля 1908 г. // Там же. Д. 5053. Л. 22.
19. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1907 — 1908 годы. Сессия третья. СПб., 1908. Стб. 778.
20. «Вчерашняя полная победа, — ликовав С. Д. Шереметев, — лучший ответ тем выродкам польско-русским, которые мнили остановить державный путь России!» (С. Д. Шереметев — М. Г. Акимову, 1 июня 1908 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5085. Л. 174).
21. С. Д. Шереметев — Н. А. Звереву, 15 июня 1908 г. // Там же. Л. 265.
22. Кризис самодержавия в России. 1895 — 1917. Л., 1984. С. 457.
23. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 — 1919. Т. 1. Париж, 1933. С. 339.
24. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия третья. Стб. 2221 — 2230.
25. Мемуары протоиерея Буткевича Тимофея. Кн. VI. С. 3884 // ГА РФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 382; С. Д. Шереметев — С. С. Гончарову, 1 июня 1908 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5085. Л. 172 — 172 об.
26. Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 127 — 128.
27. Согласно ст. ст. 31 и 34 Наказа Гос. совета, группа членов не менее 10 человек имела право предложить список членов комиссии, состав которой определялся по формуле: $k = (a \cdot n) : s$, где k — число членов комиссии, причитающееся на каждый список, a — число избираемых членов комиссии, n — число поданных за данный список голосов, s — число участвовавших в голосовании.
28. Дневник А. А. Киреева. Запись 25 августа 1908 г. // ОР РГБ. Ф. 126.14. Л. 311 — 311 об.
29. Потери правых были значительны в качественном отношении: князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, П. Х. Шванебах, Ф. Д. Самарин. Это угнетало. (См.: А. С. Стишинский — Ф. Д. Самарину, 2 октября 1908 г. // ОР РГБ. Ф. 265.201.39. Л. 1 — 4 об.; К. Н. Пасхалов — Ф. Д. Самарину, 24 ноября 1908 г. // Там же. Ф. 265.197.35. Л. 60 об. — 61).
30. А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву (получено 31 декабря 1908 г.) // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5088. Л. 255 — 255 об.
31. С. Д. Шереметев — П. С. Шереметеву, 20 декабря 1908 г. // Там же. Д. 3004. Л. 36.
32. Извольский А. П. Воспоминания. Пг.; М., 1924. С. 79.
33. П. А. Столыпин — М. Г. Акимову, 28 апреля 1909 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 9«б». Л. 160 — 160 об.; Ф. 1148. Оп. 10. 1909. Д. 3. Л. 1 — 1 об.
34. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916 гг. Т. 1. М., 1924. С. 71.
35. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в 1907 — 1914 гг. Л., 1990. С. 41 — 42.
36. Дневник А. А. Киреева. Запись 16 января 1909 г. // ОР РГБ. Ф. 126. 15. Л. 5 об.

37. Ф. Д. Самарин — С. Д. Шереметеву, 18 января 1909 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5089. Л. 58 об.
38. Пихно Д. И. Представительство Западной Руси в Государственном Совете. Киев, 1909; Новое Время. 1909. 9 мая; Слово. 1909. 9 мая; Биржевые Ведомости. 1909. 9 мая; Речь. 1909. 9 мая.
39. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908 — 1909 годы. Сессия четвертая. СПб., 1909. Стб. 345 — 346, 648 — 674.
40. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 148.
41. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5093. Л. 127 — 127 об.
42. Дневник С. Д. Шереметева. Запись 28 декабря 1909 г. // Там же. Д. 5054. Л. 169.
43. «Назначение мое и моего брата было много раз отвергнуто императором, — писал А. П. Извольский, — и только благодаря настойчивости Столыпина оно, наконец, состоялось» (Извольский А. П. Указ. соч. С. 161).
44. Правые через Акимова просили царя назначить А. А. Киреева — «Столыпин воспротивился» (ОР РГБ. Ф. 126.15. Л. 80 — 80 об.).
45. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5094. Л. 257 об.
46. РНБ. РФ. 18.329.2.324.
47. Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 154, 211.
48. РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1911. Д. 5. Л. 21.
49. Новое Время. 1910. 20 октября.
50. Там же. 1911. 23 февраля.
51. Дневник А. А. Бобринского. Запись 11 декабря 1910 г. // Красный архив. 1928. Т. 1(26). С. 141.
52. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 548.
53. «Финляндское [дело] протекает отвратительно: оппо[зи]ция растет, перебежчиков масса и хотя еще мы рассчитываем на большинство, но с каждым днем прибавляются сомнения, — сетовал Булыгин. — В понедельник или самое позднее во вторник будет решающий день, а потому был бы в высшей степени желателен твой приезд в понедельник» (А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 11 июня 1910 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5097. Л. 87 — 87 об.).
54. А. А. Бобринский записывал 17 декабря: «Говорят, что за последнюю неделю в Ц[арском] С[еле] дует правый ветер. Лишь бы — говорят правые члены Г[ос.] С[овета] — это настроение продлилось еще недельки на две. Оно повлияет на новогодние назначения в Г[ос.] С[овет]. Однако Столыпин и его Мефистофель, Гучков, смотрят торжественно. Вернее их победа, чем успех правых» (Красный архив. 1928. Т. 1(26). С. 142).
55. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5055. Л. 198 (Запись 8 декабря 1910 г.).
56. Там же. Л. 199 об. (Запись 9 декабря 1910 г.); Л. 203 (Запись 11 декабря 1910 г.).
57. Любопытно, в плане уяснения оценки правыми Николая II, как Варженевский объяснял причину неудачи: «Мне представляется дело в таком виде, что произошла «брань великая» между А[кимовым] и С[толыпиным] с товарищи, а «кучер», постоянно переминающийся с ноги на ногу, в решительный момент споткнулся на

- левую ногу» (А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 10 января 1911 г. // Там же. Д. 5101. Л. 29 — 29 об.).
58. Дневник С. Д. Шереметева. Запись 4 января 1911 г. // Там же. Д. 5056. Л. 4 об.
59. Новое Время. 1913. 5(18) и 8(21) ноября.
60. «К 1 октября, — утверждал «Голос Москвы» 23 сентября 1911 г., — ожидается опубликование новых назначений в Государственный совет, которые усилят группу центра верхней палаты».
61. Убит он был на почве ревности своим племянником В. Г. Кристи.
62. Новое Время. 1911. 15 (28) октября.
63. Там же. 1911. 21 октября (3 ноября).
64. *Vitte* С. Ю. Указ. соч. Т. 1. М., 1960. С. 348 — 349.
65. Новое Время. 1911. 15 (28) октября.
66. *Коковцов* В. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 5.
67. РГИА. Ф. 1162. Оп. 2, доп. к XVI т. 1910. Д. 20. Л. 1 — 1 об.
68. Запись 28 декабря 1911 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 187.
69. С. Д. Шереметев — А. К. Варженевскому, 28 декабря 1911 г. // Там же. Д. 3007. Л. 169.
70. РГИА. Ф. 1162. Оп. 2, доп. к XVI т. 1910. Д. 20. Л. 9 — 12.
71. Русское Слово. 1912. 10 января.
72. Он включал Главноуправляющего канцелярией по учреждениям императрицы Марии князя Д. П. Голицына и сенаторов князя Н. Д. Голицына, В. Я. Бахтеярова, А. А. Римского-Корсакова, А. А. Хвостова (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 541. Л. 1).
73. Там же. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 471. Л. 1 об.
74. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5059. Л. 172 — 173. Назначению Бобринского противилась, видимо, мать-императрица (Там же. Д. 5057. Л. 4).
75. С. Д. Шереметев — А. А. Голенищеву-Кутузову, 31 декабря 1911 г. (Копия) // Там же. Д. 5106. Л. 250.
76. С. Ю. Витте на страницах дневника И. И. Толстого (1906 — 1915 гг.) // Отечественная история. 1992. № 3. С. 128.
77. Новое Время. 1911. 25 октября (7 ноября).
78. Еще в начале сессии «Новое Время» (1912. 6 (19) ноября) предсказывало «доминирующее положение» правой группы, указывая не только на возросшее число ее членов, но и на положение дел в группе центра: «В нее входят торгово-промышленная партия и польское коло, которые будут по некоторым вопросам баллотировать самостоятельно или с другими группами».
79. Дневник С. Д. Шереметева. Запись 28 декабря 1912 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5057. Л. 210.
80. Там же. Д. 5058. Л. 50. Крайне правый Н. А. Маклаков был тогда в фаворе: незадолго перед этим он был назначен министром внутренних дел (из управляющего). Видимо, положение М. Г. Акимова пошатнулось, что и подтверждают распространившиеся в декабре 1912 г. слухи о замене его И. Г. Щегловитовым (Выписка из письма с неразборчивой подписью, СПб., от 19 декабря 1912 г., к Ф. Ф. Трепову, в Киев // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 584. Л. 9. Из письма видно, что его автором был товарищ председателя группы центра Н. Э. Шмеман).

81.РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 9 «б». Л. 228 — 229.

82.РГАВ—МФ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 72. Л. 70.

83.«Много новых членов», — сообщал С. Д. Шереметев А. К. Варженевскому 1 ноября 1912 г. (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3008. Л. 207).

84.Избрание Тверским земством В. И. Гурко вместо А. А. Кушелева насторожило правых. «Как ни приятна для нас вообще эта реабилитация, — писал М. Я. Говорухо-Отрок, — но я его почему-то боюсь: конечно, он будет играть роль и не малую, но какую?» (М. Я. Говорухо-Отрок — А. А. Бобринскому, 22 августа 1912 г.// Там же. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 563. Л. 1).

85.Новое Время. 1913. 3 (16) июля.

86.Государственный совет. Стенографические отчеты. 1913 — 1914 годы. Сессия девятая. СПб., 1914. Стб. 1484 (Признание В. И. Гурко).

87.22 марта (4 апреля) 1913 г. «Русская Молва» констатировала: «В настоящее время организационная работа по этому вопросу в полном разгаре и инициаторы надеются в непродолжительном времени закончить ее». Предполагалось, что группа в Гос.совете будет «действовать самостоятельно, но по общим вопросам будет близко соприкасаться» с такой же группой в Думе. Инициаторы, по свидетельству газеты, рассчитывали «найти примирительную платформу и соединить и левых, и правых».

88.Новое Время. 1913. 29 марта (11 апреля).

89.Там же. 1913. 1 (14) апреля.

90.Там же. 1913. 8 (21) мая.

91.Русское Слово. 1913. 23 июня. Газета называла в числе противников новой группы А. Б. Нейдгарта и графа Ф. А. Уварова (от Нижегородского и Московского земств, оба из правого центра).

92.В письме к А. А. Бобринскому он так объяснил свое решение: «Всякому ясно, что нельзя оставаться в составе партии, когда из 4 случаев в трех с ней расходишься... Однако само собою разумеется, что не частные разногласия вынудили меня выйти из группы, а основное разномыслие по вопросу об отношении Гос.сов[ета] к Гос. Думе. Дурново ведет систематическую войну с Гос. Думой и всемерно стремится сократить всякую ее инициативу. Я с своей стороны вовсе не намерен подписываться под всеми решениями Г. Думы, но инициативу, ею столь редко проявляемую, наоборот, в принципе всемерно приветствую. У нас и без того застой во всем и везде: правительство стремится жить au jour le jour и из министерства с определенной политической окраской и ясно выраженными целями само себя превратило в то, что на западе именуется «деловым министерством», т. е. занимается лишь мелочными текущими делами управления. Если при таких условиях и Г. Дума будет заниматься лишь подносимой ей вермишелью, то мы окончательно проспим Россию» (В. И. Гурко — А. А. Бобринскому, 4 июля 1913 г.// РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 635. Л. 25 — 26).

93.Новое Время. 1913. 3 (16) ноября.

94.Там же. 1913. 1 (14) декабря.

95.Там же. 1913. 10 (23) ноября.

96.Там же. 1913. 12 (25) ноября.

97. Там же. 1913. 8 (21) ноября.
98. См. его письмо Николаю II от 5 декабря 1913 г. // Красный архив. 1928. Т. 1 (26). С. 121 — 122.
99. Дневник С. Д. Шереметева. Запись 31 декабря 1913 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5058. Л. 198.
100. Там же. Д. 5059. Л. 91.
101. *Родзянко М. В.* Крушение империи (Записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции. Т. XVII. Берлин, 1926. С. 72 — 73.
102. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1912. Д. 27. Ч. 2. Л. 1035.
103. *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857 — 1921 гг.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 217.
104. И. Я. Голубев — Н. С. Таганцеву, 19 июня 1914 г. // ОР РНБ. Ф. 760. Д. 138. Л. 1 — 2.
105. А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 18 июня 1914 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5121. Л. 114 — 114 об.
106. Там же. Д. 3011. Л. 213.
107. *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе военного министерства (13 июля 1915 г. — 15 марта 1916 г.) // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 42. Л. 21 об.
108. А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 25 августа 1914 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5122. Л. 200.
109. А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 22 сентября 1914 г. // Там же. Д. 5123. Л. 53.
110. Дневник С. Д. Шереметева. Запись 2 ноября 1914 г. // Там же. Д. 5059. Л. 154; С. Д. Шереметев — А. К. Варженевскому, 4 ноября 1914 г. // Там же. Д. 3012. Л. 4.
111. А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 29 декабря 1914 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5124. Л. 186 об., 189; Дневник С. Д. Шереметева. Запись 31 декабря 1914 г. // Там же. Д. 5059. Л. 189.
112. Имелся в виду И. Я. Голубев, в молодости перенесший операцию.
113. Дневник С. Д. Шереметева. Записи 4 и 6 января 1915 г. // Там же. Д. 5060. Л. 3, 4.
114. Дневник С. Д. Шереметева. Запись 8 января 1915 г. // Там же. Л. 6 — 8.
115. С. Д. Шереметев — А. К. Варженевскому, 9 января 1915 г. // Там же. Д. 3012. Л. 127 — 128.
116. А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 3 июля 1915 г. // Там же. Д. 5128. Л. 8 об. — 9.
117. С. Д. Шереметев — А. К. Варженевскому, 27 января 1915 г. // Там же. Д. 3012. Л. 176.
118. *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе военного министерства. Л. 21 об. — 21.
119. Автор книги о правящей элите России конца XIX — начала XX вв., посвятивший отдельную главу «русскому викторианцу» А. Н. Куломзину, находит «его идеалы и политические взгляды ... до некоторой степени типичными для либерального крыла императорской правящей элиты» и считает, что «изучение его биографии дает

...основу для понимания культурных и интеллектуальных источников бюрократического либерализма и тех путей, по которым происхождение и опыт человека формируют либеральные идеалы» (Lieven Dominic. *Russia's Rulers Under the Old Regime*. New Haven and London, 1989. P. 231).

120. *Менделеев П. П.* Воспоминания. 1864 — 1933 гг. // ГА РФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 2.

121. *Куломзин А. Н.* Мои занятия в Государственном совете // ГА РФ. Д. 5881. Оп. 1. Д. 727. Л. 25 об.

122. См.: Выписка из письма А. Куломзина, СПб., от 30 апреля 1906 г., к Я. А. Куломзину, в Кинешму // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 3.

123. Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 380; *Куломзин А. Н.* Мои занятия в Государственном совете. Л. 13 об. — 14, 20 — 22 об., 24 — 29 об.

124. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1980. Л. 3, 77.

125. А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 17 июля 1915 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5128. Л. 70.

126. А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 18 июля 1915 г. // Там же. Л. 91.

127. С. Д. Шереметев — А. Д. Самарину, 17 июля 1915 г. // Там же. Д. 3013. Л. 122 — 123.

128. Там же. Л. 125. Правда, в письме к А. К. Варженевскому от 23 июля 1915 г. С. Д. Шереметев существенно смягчил свою оценку А. Н. Куломзина (Там же. Л. 135 — 136). Видимо, это было продиктовано желанием приободрить друга.

129. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914 — 1915. Т. 3. М.; Пг., 1925. С. 463.

130. Gurko V. *Features and Figures of the Past*. London, 1939. P. 572 — 573.

131. Красный архив. 1932. Т. 1 — 2 (50 — 51). С. 122.

132. К программе отнеслись «сочувственно», высказались за твердую власть и единение ее «с народом» (Новое Время. 1915. 22 августа).

133. Красный архив. 1932. Т. 1 — 2 (50 — 51). С. 138—141.

134. Там же. С. 159.

135. Входящий в кружок внепартийного объединения П. П. Менделеев утверждал, что Гурко участвовал в заседаниях блока «персонально, без всякого на то от нас полномочия» (*Менделеев П. П.* Указ. соч. // ГА РФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 111).

136. *Шидловский С. И.* Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 44.

137. *Корнилов А. А.* Парламентский блок. М., 1915. С. 17 — 18. 22 августа 1915 г. Гурко не сомневался: «Гос. совет в периоде переизбрания. Многие, которые входят в правительственный центр, и правые будут заменены более левыми к октябрю» (Красный архив. 1932. Т. 1 — 2 (50 — 51). С. 139).

138. Gurko V. Указ. соч. С. 574.

139. Петроградский курьер. 1915. 28 августа.

140. Биржевые Ведомости. 1915. 29 августа.

141. Речь. 1915. 29 августа.

142. ОР РГБ. Ф. 70.47.3.

143. Петроградский курьер. 1915. 31 августа.
144. ГА РФ. Ф. 1178. Оп. 1. Д. 43. Л. 1 — 1 об.
145. На него указывали правые, Б. В. Штюрмер — во всеподданнейшем докладе от 7 июня 1916 г. (ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 2 об.) и Н. Е. Марков — в своих воспоминаниях (Война темных сил. Париж, 1928. С. 160).
146. А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 5 августа 1915 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5128. Л. 122 — 122 об.
147. А. Г. Булыгин — С. Д. Шереметеву, 6 августа 1915 г. // Там же. Л. 138 об. — 139.
148. Речь. 1915. 12 августа.
149. Падение царского режима. Т. VI. Л., 1926. С. 316.
150. Лаврин В. А. Возникновение революционной ситуации в России в годы первой мировой войны. М., 1984. С. 94.
151. ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.
152. Биржевые Ведомости. 1915. 25 августа.
153. Петроградская газета. 1915. 25 августа.
154. Там же. 30 августа.
155. См.: С. Д. Шереметев — Н. А. Звереву, 28 августа 1915 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3013. Л. 224 — 225; Н. А. Зверев — С. Д. Шереметеву, 2 сентября 1915 г. // Там же. Д. 5129. Л. 22 — 22 об.
156. «Недовольны П. Н. Дурново и неподвижностью группы» (Н. А. Маклаков — М. Я. Маклаковой, б. д. // ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 685. Л. 175 — 175 об. В письме речь идет о заседании группы правых 14 августа 1915 г.).
157. Наумов А. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 299.
158. РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 62. Л. 1 — 3 об.
159. См.: Биржевые Ведомости. 1915. 9 октября; Петроградский курьер. 1915. 10 октября.
160. День. 1915. 25 октября.
161. Петроградский курьер. 1915. 22 октября. Еще 30 сентября 1915 г. Постоянный совет решил собраться перед выборами членов Гос. совета, «чтобы наметить желательных кандидатов» (ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 50. Л. 60).
162. Волга. 1915. 1 ноября.
163. Менделеев П. П. Указ. соч. // ГА РФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 111. Л. 71 — 72.
164. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 2. М., 1992. С. 220.
165. «Как противно, — писала она Николаю II, — что Гучков, Рябушинский, Вейнштейн (наверное, настоящий жид), Лаптев ...выбраны в Гос. Сов. всеми этими скотами!» (Переписка Николая и Александры Романовых. 1914 — 1915. Т. 3. М.; Пг., 1925. С. 361).
166. «Поздравляю с новыми сочленами Москвичами, с придачею жида», — писал С. Д. Шереметев (Письмо А. Г. Булыгину, 17 сентября 1915 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3013. Л. 271).
167. См.: Прогрессивный блок в 1915 — 1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 3 (52). С. 195. Примечания 8 и 13. Весьма неточен был в подсчетах (правда, промежуточных) и Б. Веселовский (Русское Слово. 1915. 21 октября).

168. См., напр.: Петроградский курьер. 1915. 26 октября; Биржевые Ведомости. 1915. 29 октября.
169. Русское Знамя. 1915. 28 октября.
170. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3013. Л. 419.
171. Вопросы истории. 1994. № 7. С. 147.
172. РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1909. Д. 3. Л. 2 — 2 об.
173. А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 29 октября 1915 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5129. Л. 225 — 226.
174. С. Д. Шереметев — А. Г. Булыгину, 26 октября 1915 г. // Там же. Д. 3013. Л. 400.
175. Падение царского режима. Т. IV. Л., 1925. С. 321.
176. С. Д. Шереметев — А. К. Варженевскому, 14 декабря 1915 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3014. Л. 71.
177. РГИА. Ф. 1162. Оп. 2, доп. к XVI т. 1910. Д. 24. Л. 1 — 2, 3 — 4.
178. Вечернее Время. 1916. 20 января; Русские Ведомости. 1916. 21 января.
179. Днем в Думе программу блока изложил С. И. Шидловский.
180. Д. Д. Grimm в связи с этим получил телеграммы с одобрением и благодарностью, в т. ч. от А. И. Гучкова (Вопросы истории. 1994. № 10. С. 158. Примечание 5).
181. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1916 год. Сессия XII. Пг., 1916. Стб. 42 — 52.
182. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. М.; Л., 1926. С. 159, 336 — 337. (Вскоре Думитрашко «исправился», записавшись в правый центр).
183. ГА РФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 42. Л. 1 — 2 об.
184. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XII. Стб. 1165 — 1166.
185. Там же. Стб. 1581 — 1582.
186. Настроение западных земств изменилось мало: правый центр лишился одного места (Киевского земства); в этом «нейдгартцы» усматривали опровержение слухов о том, что их позиция в Гос. совете осуждается в земских кругах (Вечернее Время. 1916. 1 октября).
187. Друцкой-Соколинской, кн. В. А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914 — 1918). Орел, 1994. С. 96, 124 — 125.
188. Русское Слово. 1916. 22 октября.
189. Петроградская газета. 1916. 26 октября.
190. Речь. 1916. 26 октября; Колокол. 1916. 26 октября; Биржевые Ведомости. 1916. 26 октября; Смоленский Вестник. 1916. 30 октября.
191. Монархия перед крушением. 1914 — 1917. Из бумаг Николая II. М.; Л., 1927. С. 161.
192. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XIII. 1916. Пг., 1916. Стб. 11 — 20, 21 — 26.
193. Русские Ведомости. 1916. 27 ноября; Киевская Мысль. 1916. 30 ноября; и др.
194. См. его записку царю от 26 ноября 1916 г. // Падение царского режима. Т. VI. Л., 1926. С. 363 — 364.

195. Правда, была и иная оценка: «Высокое собрание осмелилось сегодня сделать заявление политического характера, в котором предостерегает царя против губительного действия закулисных влияний. Это (столь робкое) заявление протеста вызывает оживленные комментарии» (*Палеолог М. Распутин. Воспоминания. М., 1923. С. 96*).

196. Из письма графа Л. Игнатьева, Пг., 2 декабря 1916 г., к Н. Ф. Иванову-Луцевичу // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1983. Л. 31.

197. ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 59. Л. 61 — 62.

198. 10 декабря С. Д. Шереметев, вернувшись с заседания группы, записал в дневнике: «Настроение раздражительное и подавленное. Сознание госуд[арственной] ненормальности, угрожающего характера» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5061. Л. 180).

199. А. Д. Самарин — С. Д. Шереметеву, 25 ноября 1916 г. // Там же. Д. 5136. Л. 108 об. — 109 об.

200. Н. С. Мальцов — С. Д. Шереметеву, 15 декабря 1916 г. // Там же. Л. 266 об. Шереметев разделял этот взгляд (См.: А. П. Сипягина — С. Д. Шереметеву, 12 декабря 1916 г. // Там же. Л. 246 — 246 об.).

201. См., напр.: Русские Ведомости. 1916. 9 декабря.

202. *Палеолог Морис. Царская Россия накануне революции. М.; Пг., 1923. С. 270 — 271.* Одно из многочисленных свидетельств высокой степени негодования и раздражения Александры Федоровны Гос. советом: «Государственный совет сошел с ума, соглашаясь с Думой относительно свободной цензуры» (Переписка Николая и Александры Романовых. 1916 — 1917. Т. V. М.; Л., 1927. С. 176).

203. Там же. С. 169.

204. Падение царского режима. Т. VI. Л., 1926. С. 363 — 364.

205. За кулисами царизма (Архив тибетского врача Бадмаева). Л., 1925. С. 35.

206. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 190 — 191. (Письмо императрицы от 14 декабря 1916 г.).

207. Падение царского режима. Т. IV. Л., 1926. С. 457 — 458.

208. Там же.

209. Там же. Т. 2. Л.; М., 1925. С. 427.

210. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 205.

211. Падение царского режима. Т. 2. С. 425 — 427.

212. Там же. Т. IV. С. 458. Это подтверждал и Щегловитов (Там же. Т. 2. С. 427). Следует заметить, что слухи, а затем и основанные на них представления о решающем влиянии на назначения в Гос. совет тех или иных сановников или безответственных представителей камарильи не находят подтверждения в источниках. Имевший непосредственное отношение к делу С. Е. Крыжановский свидетельствовал: «Всякие предположения в этой области вообще являются затруднительными, так как назначение к присутствованию в Совете зависит всецело от благоусмотрения Его Императорского Величества» (С. Е. Крыжановский — С. Д. Шереметеву, 14 ноября 1916 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5136. Л. 111 об.).

213. РГИА. Ф. 1162. Оп. 2, доп. к XVI т. 1917. Д. 11. Л. 2 — 8.

214. Н. С. Таганцев, описывая «перетасовку», лукавил, нагнетая негодование (Таганцев Н. С. Пережитое. Пг., 1919. С. 18). В самом деле, какой урон мог быть Гос. совету, если переведенному в неприсутствующие «Андреевскому кавалеру» шел 86-й год? и как мог пострадать блок, если этот «кавалер» голосовал с правыми, а в 1906 — 1913 гг. входил в правую группу? Таганцеву ли было горевать, что убрали правых С. Н. Гербея и А. Н. Селиванова? Что касается члена центра Б. Е. Иваницкого, то будучи Главноуполномоченным Красного Креста на Юго-западном фронте, он не мог посещать заседаний Гос. совета.

215. Правые между собой Н. С. Таганцева иначе как «Поганцев» и не называли; не менее пылкие чувства они питали и по адресу А. С. Ермолова.

216. У правых, особенно сторонников А. Ф. Трепова, не было никакого ощущения победы, успеха. Наоборот, их не устраивал Щегловитов в качестве председателя Гос. совета (они хотели видеть здесь А. А. Макарова); смутило и «обилие новых членов — в один день», напомнив им «угрозу покойного Столыпина во время его борьбы с непокорным» Дурново и «угрозу Асквита непокорной палате лордов»; возникало подозрение: не хочет ли он «итити по следам Столыпина и держать все в своей власти» (А. К. Варженевский — С. Д. Шереметеву, 4 января 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5137. Л. 41 — 42). Правые избрали А. Ф. Трепова председателем группы вопреки усилиям Щегловитова, желая «как бы подчеркнуть, что одобряют его отрицательное отношение к Протопопову и разделяют мотивы его ухода из правительства» (Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Т. XVII. Берлин, 1926. С. 156).

217. Современники в этом видели свидетельство особой роли И. Г. Щегловитова в составлении списка: по своей деятельности в судебном ведомстве они были хорошо известны бывшему министру юстиции. Влияние Щегловитова усматривали и в том, что среди назначенных не было ни одного из действующих министров: было известно об его отрицательном отношении к тогдашнему составу кабинета.

218. В. Ф. Дейтрих родился 29 июля 1850 г.; из дворян; окончил юридический факультет Петербургского университета; в Гос. совет назначен в сентябре 1905 г. с должности помощника Финляндского генерал-губернатора; «бобриковец»; один из основателей газеты «Окраины России» и ее сотрудник; в качестве приглашенного участвовал в дворянских съездах.

219. Среди них Г. Г. Замысловский и С. А. Куколь-Яснопольский, проведенные И. Г. Щегловитовым и А. Д. Протопоповым «исключительно своим личным представительством за них у государя» (Падение царского режима. Т. 1. С. 176; Т. 4. С. 57, 458).

220. В 1881 г. Щегловитов закончил Училище правоведения, а с 1903 г. читал там лекции в качестве профессора.

221. Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 358. «Среди наших правых государственных деятелей, — заключал Сазонов, — был один только человек, который мог быть поставлен рядом с Щегловитовым по своим дарованиям и по авторитету, которым он пользовался в своей партии», — П. Н. Дурново.

222. Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. Тетрадь 182. Париж, 1967. С. 94.

223. Падение царского режима. Т. V. Л., 1926. С. 259.

224. Там же. Т. 2. С. 352 — 353.

225. *Завадский С. В.* На великом изломе // Архив русской революции. Т. VIII. Берлин, 1923. С. 31. «Назначение Щегловитова ... было сделано исключительно Распутиным», — утверждал в ЧСК Манасевич-Мануйлов. Из его показаний следует, однако, обратное: Распутин говорил о Щегловитове «с большим презрением» (у него и «морда» «Ваньки-Каина»); Распутин говорил по телефону Щегловитову: «Вчера был у мамыши, все сделано, как ты хошь (выделено нами. — А. Б.) — получается, что не Распутин «делал» Щегловитова, а Щегловитов — Распутина (Падение царского режима. Т. 2. С. 59).

226. Там же. С. 57 — 59.

227. Там же. Т. IV. С. 56 — 57, 458, 460.

228. О либерализме Щегловитова много свидетельств людей, близко и хорошо его знавших, как левых (В. Г. Короленко, В. А. Оболенский и др.), так и правых (В. И. Гурко, Н. Ч. Зайончковский и др.). Сам он в ЧСК говорил так: «Я принадлежал к числу людей, которые, могу сказать, не только радовались, но приходили в восторг от последовавших 17-го октября изменений государственного устройства и затем от осуществления этих изменений, в виде созыва первой думы 27-го апреля. Но затем, не скрою, некоторое разочарование пришлось испытать, потому что те ожидания, которые у меня были, оказались не вполне оправдавшимися, а работа законодательная, как известно, не налаживалась» (Падение царского режима. Т. 2. С. 340).

229. См.: *Вонлярлярский В.* Мои воспоминания. 1852 — 1939. Берлин, б. г. С. 187 — 190.

230. Падение царского режима. Т. 2. С. 437 — 438.

231. *Сазонов С. Д.* Указ. соч. С. 357 — 358.

232. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. V. С. 169 (Письмо императрицы от 8 декабря 1916 г.).

233. С. Д. Шереметев, со слов сына Дмитрия, только что вернувшегося с дежурства во дворце (он был флигель-адъютант), записал 27 декабря 1916 г. в дневнике: «Вид Государя чрезвычайно грустный, а у нее невозмутимый, как у каменной глыбы. Назначение Щегловитова председателем Госуд. Совета также ее дело — давняя симпатия» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5061. Л. 190).

234. Падение царского режима. Т. IV. С. 57.

235. «В последние месяцы своего существования самодержавие действовало словно под диктовку крайне правых» (*Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905 — 1914 гг.) М., 1992. С. 327). Куда ближе к истине, на наш взгляд, другой современный исследователь: «Как и прежде, Николай II маневрировал, не уступая напору оппозиции слева и не слишком поддаваясь давлению справа. По всей вероятности, сознавая противостояние и напряженность в обществе, он стремился сохранить status quo до окончания войны» (*Иоффе Г. З.* «Распутиниада»: большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 3. С. 115).

236. *Барк П. Л.* Указ. соч. // Возрождение. Тетрадь 182. Париж, 1967. С. 93.

237. «Я вполне сознаю крайние неудобства положения, в котором находятся ныне все верные подданные, вследствие покушений врагов монархии на ее основы, —

писал Л. А. Тихомиров. — Но я не вижу исхода из этого путем действия какой-либо монархической Партии, без нарушения самого принципа Монархизма». «При живом и свободном Царе, не лишенном способов действовать», он считал допустимым лишь «обращения к Государю со своими советами» (Л. А. Тихомиров — В. А. Грингмуту, 28 апреля 1905 г. // РГАЛИ. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 99. Л. 164 — 164 об.).

ГЛАВА V

1. В указе речь шла о выходе из общины отдельных домохозяев по их о том заявлениям, а Дума, к этому, постановила признать перешедшими к наследственно-участковому владению общества, в которых не было общих переделов со времени наделения их землей или в последние 24 года.

2. «Истинный смысл 9 ноября, — давно и справедливо заметил М. Югов, — приобретало только 3 июня. До этого аграрное законодательство ...было лишь посулом. ...Но когда третьеиюньская конституция...обнаружила известную почву под ногами у царизма, тогда почвенной оказалась и столыпинская аграрная политика» (Пролетарская революция. 1934. № 1 (108). С. 49).

3. Выразительна была тревога «Московского еженедельника» (1906. 2 декабря): «Если бы последствия указа 9 ноября можно было исправить! Ведь если действительно начнется выделение из общины отдельных домохозяев, то будущее народное представительство очутится пред совершившимся фактом. Как сможет оно уничтожить приобретенное вновь право собственности и восстановить прежний порядок? И во что после этого превратится аграрная реформа, которую с таким единодушием выдвинула первая Дума?»

«Я уверен, например, — утверждал С. Ю. Витте, — что если бы по ст. 87 Столыпин не предрешил крестьянского вопроса, то те основания, которые были приняты Столыпиным, впоследствии были бы в корне изменены законодательными учреждениями» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 390).

4. *Пасхалов К. и Шарапов С.* Землеустройство или землеразорение? М., [1909]. С. 30. Это осознается широко. Ср., напр., у П. Б. Струве: «Старый порядок, в самом своем основании пораженный аграрным переворотом Столыпина,..». (Русская Мысль. 1910. № 10. С. 139).

5. «Когда этот законопроект был внесен в Государственный совет, — вспоминал А. П. Извольский, — эта партия была особенно сильна, так как император назначал туда только лиц, хорошо известных своими реакционными тенденциями» (*Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 154).

6. Отмеченное выше думское дополнение — в виде первых восьми статей — было сделано, по свидетельству С. И. Шидловского, в предвидении «сильной оппозиции» указу и «имело целью привлечь на себя внимание Государственного совета с тем, чтобы в нужный момент его уступить, но зато — сохранить самую суть указа 9 ноября» (*Шидловский С. И.* Воспоминания. Ч. I. Берлин, 1923. С. 178 — 181).

7. *Витте С. Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 390.

«Трудно вообразить что-нибудь более странное, — отмечали «Русские Ведомости» (1910. 2 февраля), — чем положение законодательных палат, обсуждающих

проект закона, уже применяемого 3 года на практике с результатами, изменить которые нет никакой возможности».

8. «Каждый государственный человек, — утверждали «Московские Ведомости» (1910. 12 апреля. Редакционная), — хотя бы он был безусловный противник нынешней земельной реформы, дрогнет перед неутверждением и спросит себя: «что же я тогда буду делать в этом беспросветном хаосе?»... Это (т. е. неутверждение. — А. Б.) было бы только внесением новых порций хаоса в наше и без того хаотическое положение».

9. Правительственный Вестник. 1908. 14 февраля.

Так было с правами III Думы: «...мысль о принадлежности земли всей общине и выделе, как экспроприации, высказывалась некоторыми из правых членов Думы (Баллаклевым, Образцовым, Щечковым и др.), но, подчиняясь Высочайшей воле, они не делали последнего вывода и не отрицали необходимости допустить выход из общины» (МВД. Прения по указу 9 ноября 1906 г. в Государственной Думе. На правах рукописи. СПб., 1911. С. 32). Так было и с Ф. Д. Самариним, принципиальным противником указа. 26 июля 1908 г. он вышел из Гос. совета. Витте по этому поводу писал: «Когда приближалось время, что указ этот должен был пройти через Думу и было ясно, что ...дело дойдет до Государственного совета, то Самарин, с одной стороны, чтобы не насиловать своих убеждений, а с другой — не подавать голоса против оснований, санкционированных царем, которые царь по-видимому признает до сих пор правильными..., отказался от звания члена Государственного совета» (*Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 206 — 207*).

10. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 1. Л. 304 — 305. См. также выступления членов центра И. О. Корвин-Милевского (Л. 298) и А. С. Ермолова (Л. 306 — 310). П. П. Семенов-Тян-Шанский, участвовавший в работе особой комиссии в качестве приглашенного, писал в представленной им записке: «На закон этот нельзя смотреть иначе, как на факт уже совершившийся в истории крестьянского дела и конечно ни о какой отмене прав, им дарованных, не может быть и речи» (Там же. Л. 741).

11. Там же. Л. 310.

12. Там же. Л. 651 — 653. Не без умысла, конечно, записка Горемыкина была опубликована (Русские Ведомости. 1910. 2 февраля).

13. Точно, на наш взгляд, охарактеризовал настроение и позицию правых противников указа Столыпин, выступая 15 марта 1910 г. в общем собрании Гос. совета: «закон ...шагает так быстро, что через несколько времени может быть было бы уже невозможно видоизменить его окрепшие уже очертания. Это сознают и самые крайние противники закона, но тем более он им кажется принципиально вреден. Они не могут не смотреть на него, как на действительно живое порождение правительства, как на исчадие уродливое и уродующее местную жизнь. ...понятно и естественное стремление противников закона выровнять, выправить, видоизменить вредное, в их глазах, явление, ранее чем ...санкционировать дальнейший его рост и развитие» (Государственный совет. Стенографические отчеты. 1909 — 1910 годы. Сессия пятая. СПб., 1910. Стб. 1136).

14. Самарин Ф. Д. Каким образом можно было бы ослабить вредные последствия

указа 9 ноября 1906 г.? М., 1909. С. 2. Самарин принял активное участие в частных совещаниях членов особой комиссии и приглашенных князем Трубецким на квартире последнего 13, 14 и 20 ноября 1909 г., а указанная брошюра была распространена автором среди членов Гос.совета.

15. Сказалось влияние правой группы. «Очень рад, — делился В. К. Саблер с Ф. Д. Самариним, — что указ 9 ноября в думском изложении не будет подлежать рассмотрению до окончания сессии. За лето можно будет ознакомиться со всеми материалами и надлежаще подготовиться к обсуждению дела, угрожающего благосостоянию крестьян» (ОР РГБ. Ф. 265.200.1. Л. 7 — 7 об.). Причина была в том, что в конце четвертой сессии 70 выборных членов Совета выбывало за окончанием срока избрания и по жребью; летом 1909 г. предстояли выборы, и правые рассчитывали на дальнейший рост своих рядов.

16. Из 143 присутствовавших в заседании 71 (49,6%) входили в группу центра, 15 (10,5%) — в левую и 57 (39,9%) были правыми. Это предопределило состав особой комиссии: 3 члена левой (выборные М. М. Ковалевский, А. А. Мануйлов и В. П. Энгельгардт); 15 членов центра: 10 из основной группы (назначенные Н. П. Балашов, князь Б. А. Васильчиков и А. С. Ермолов; выборные Д. К. Гевлич, М. В. Красовский, И. Н. Лсонтрович, князь П. Н. Трубецкой, Б. И. Ханенко и А. И. Яковлев, умерший 27 декабря 1909 г. и замененный с 15 января 1910 г. А. П. Никольским, назначенным), двое из автономной подгруппы правого центра, т. н. «нейдгартцы» (выборные С. Е. Бразоль и А. Б. Нейдгарт), трое из «коло» (выборные И. Э. Олизар, К. Г. Скирмунт и И. А. Шебеко); 12 из правой группы (назначенные С. С. Бехтеев и А. С. Стишинский и выборные В. М. Андреевский, В. А. Бутлеров, М. Я. Говорухо-Отрок, В. А. Драшусов, В. И. Карпов, А. А. Нарышкин, А. Н. Наумов, С. С. Стромиллов, А. П. Струков и Я. А. Ушаков).

17. Программа представляла собою перечень вопросов, распределенных в 3 отдела. В первом — 1 вопрос: отклонить законопроект или перейти к его обсуждению; во втором — 8 вопросов, вытекающих из содержания законопроекта: признать ли общества, где не было общих переделов в последние 24 года, перешедшими к подворному владению? какой должна быть собственность на надельную землю выделяющегося из общины: личной или семейной? и др.; и третий отдел предусматривал обсуждение тех статей законопроекта, по которым при обсуждении II отдела не будут сделаны определенные заключения (РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 1. Л. 266 — 266 об.).

18. Оно заняло 5 заседаний, в ходе которых выступило 19 членов комиссии, 5 из числа приглашенных и командированных; при этом шесть ораторов выступили дважды, двое — трижды, Стишинский — 5, Лыкошин — 6, а Ушаков — 7 раз.

19. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 1. Л. 281 — 282, 290, 299, 301, 319, 331 — 332, 843 — 847. Корни воззрений Ушакова в его народническом прошлом: в 1863 г. 22-летний поручик и слушатель Николаевской инженерной академии был обвинен «в распространении вредных идей между фабричными работниками посредством чтения и передачи сочинений возмутительного содержания с целью возбуждения против правительства»; его лишили всех прав состояния и приговорили к расстрелу, замененному затем каторгой. В 1909 г. это был 68-летний религиозный старик и ра-

- зоряющийся помещик (Там же. Оп. 6. Д. 829; Государственные преступления в России в XIX веке. Т. I. СПб., 1906. С. 119).
- 20.РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 1. Л. 290, 325 — 326, 799 об.
- Близкой была точка зрения А. П. Никольского, находившего, что «обсуждаемый закон пошел недостаточно смело по правильному пути» (Там же. Л. 304 — 305).
- 21.Андреевский, Бехтеев, Говорухо-Отрок, Драшусов, Нарышкин, Наумов, Стишинский и Струков; их взгляды разделял член центра Гевлич. В прениях по I отделу программы комиссии выступили трое: Стишинский, Наумов и Говорухо-Отрок (Там же. Л. 273 — 277, 292 — 294, 310, 313 — 316, 316 — 317).
- 22.См.: *Бородин А. П.* Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 33 — 44.
- 23.Категоричнее формулировка в «Особом мнении» правых членов особой комиссии и Гевлича: «Взгляд на общину, как на какой-то пережиток старины, совершенно не верен» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 1. Л. 837).
- 24.«Замена общинного землевладения личным, — говорилось в «Особом мнении», — должна осуществляться постепенно, без резких скачков, вызывающих потрясение в крестьянском хозяйстве, и только тогда, когда сами крестьяне проникнутся мыслью о преимуществах личной собственности, переход к этой форме землевладения будет и своевременным, и твердым» (Там же. Л. 837 об.).
- 25.Там же. Л. 318 — 319.
- 26.Там же. Л. 278 — 281, 291 — 292, 319 — 321. См. также особое мнение левых членов комиссии (Там же. Л. 750 — 752).
- 27.Там же. Л. 800.
- 28.Там же. Л. 807. Позиция центра постепенно и не без участия ответственных чиновников МВД выработывалась с весны 1906 г., когда была образована под председательством Н. А. Хомякова Комиссия по земельному вопросу, выяснившая уже в июне некоторые его принципиальные стороны. В октябре 1906 г. на «экстраординарной сессии» группы центра Гос.совета вопрос обсуждался конкретнее, в связи с указами о казенных и удельных землях, и были приняты «Заключения группы по аграрному вопросу». Весной 1907 г. центр возобновил комиссию под названием «аграрная» и председательством князя П. Н. Трубецкого, и она подвергла подробному изучению правительственные законопроекты, в т.ч. и указ 9 ноября. После того, как в ноябре 1907 г. центр Гос.совета и центр Думы договорились о предварительном обсуждении всех проходящих через Думу проектов в совещаниях представителей обоих центров, были согласованы и их позиции по аграрному вопросу.
- 29.Это подтверждали и другие; например, Стромиллов: «В настоящее время в крестьянской среде существует весьма ясно выраженное намерение выйти из общины, даже в таких промышленных губерниях, как, например, Владимирская».
- 30.Леонтович привел убедительную справку в подтверждение пользы перехода к подворному владению: «В Полтавской губернии в 1885 г. мелким землевладельцам принадлежало 2 181 435 десятин, а в 1900 г. — 2 452 792 десятины, т. е. площадь их земельной собственности увеличилась на 12,4%. В это самое время число мелких хозяйств возросло на 11,8%. Средняя площадь владений осталась без изменений

(5,64 дес.). За 9 лет продуктивность полей у подворных владельцев возросла на 10,5%. В то же самое время население увеличилось на 17%, причем излишек его не обратился в сельский пролетариат, а наоборот, оказался прекрасным колонизационным материалом. В Кубанской области и Ставропольской губернии вместе имеется до 400 000 душ переселенцев-полтавцев».

31. К 1 июня 1909 г. заявлений о выделе и разверстании на хутора поступило от 350 000 дворов при общем их числе 9 200 000.

32. Продали свои участки 82 000 домохозяев, а купили 62 000.

33. В связи с этими выступлениями А. И. Лыкошина и под влиянием появившихся в печати сообщений в особой комиссии возник вопрос о злоупотреблениях по применению указа 9 ноября. Краткое освещение обсуждения этого вопроса в особой комиссии С. М. Сидельниковым (Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 129) создает у читателя впечатление, будто представитель МВД признал факт принуждения крестьян в ходе реализации указа. В действительности дело обстояло иначе. Вопрос поднял Я. А. Ушаков: в заседании 5 ноября он указал «на необходимость производить расследования по поводу появившихся в печати статей, касающихся злоупотреблений». Лыкошин отвечал, что МВД в каждом таком случае «делает запрос подлежащему губернатору», что в Думе «с целью выяснения тех же злоупотреблений» была «предпринята целая анкета, однако никаких доказанных фактов злоупотреблений в Государственной думе приведено не было». А. С. Стишинский указал на «случаи неправильного понимания указа» и в пример привел «губернаторские циркуляры, обещавшие земским начальникам денежные награды и отличия при успешном применении указа 9 ноября и грозившие отставкою в противном случае». Лыкошин снова удостоверил, что «ни МВД, ни его ревизоры, ни местные учреждения какого-либо давления на крестьян не оказывали; что же касается воздействия на должностных лиц, то тут, как и во всяком новом деле, пришлось употребить много усилий, чтобы его подвинуть. Нужно было указывать на недостаточную быстроту ведения дела, побуждать к более усиленной работе и здесь, быть может, в отдельных случаях, было проявлено недостаточно такта и были допущены ошибки». «Разумеется, нет прямого насилия со стороны правительства, но есть давление администрации, в смысле увеличения числа крестьян, заявивших об укреплении их», — заметил выступивший в следующем заседании граф Д. А. Олсуфьев и указал на земского начальника Полянского, говорившего «крестьянам, что у невыделившихся землю отнимут». Этих обвинений Олсуфьева никто, кроме Ушакова, не разделял. Более того, ему убедительно возражали. В самом деле, если на 1 сентября 1909 г. в личную собственность укрепились 970 тысяч домохозяев при 7 млн. дес., а к подворному владению перешли 182 тыс. домохозяев при 2 млн. дес., то прав Лыкошин: «невозможно думать, что чиновники заставили идти народ своим давлением навстречу закону». Резонным представляется и замечание А. Б. Нейдгарта: «Произвольно также указание на то, что указ 9 ноября обязан своими результатами лишь рвению, выказанному местными чиновниками в расчете на карьеру. Если бы это было так, то результаты применения указа 9 ноября были бы везде одинаковы, а между тем ...на западе укрепляющихся 60%, а на востоке 4%. Естественно, что,

где крепче община, тем число укреплений меньше». А. И. Яковлев удостоверял «на основании личного опыта, что правительство никогда не оказывало на своих подчиненных давления в целях достижения более быстрого перехода от общинного к частному землевладению, причем ни сельские, ни волостные власти, ни земские начальники, ни председатели присутствий ничего народу не навязывали». Это же свидетельствовал С. С. Стромиллов. (РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 1. Л. 283 — 284, 294, 303, 305 — 306, 319). От себя заметим: если бы результаты трехлетнего осуществления указа 9 ноября были действительно обусловлены, в той или иной мере, давлением администрации, то этим не преминули бы воспользоваться многочисленные его противники и, прежде всего, правые; если они, скрепя сердце, соглашались его принять, то только потому, что он, отвечая назревшим потребностям развития деревни, успешно претворялся в жизнь.

34. Причины виделись в том, что население с 1861 г. по 1909 г. увеличилось «приблизительно на 50%, в то время как площадь посевов на наделных землях — на 12 — 13 %, производительность же наделной земли «возвысилась очень мало», а неурожаи вследствие истребления лесов и истощения плохо удобряемой почвы «значительно участились и обратились в обыкновенное явление».

35. Потребление хлеба на душу населения «у нас составляет около 17 пудов» против научно обоснованной нормы в 22,5 пуда.

36. Некоторые из них, как приведенные, например, Ермоловым и, затем, попавшие в доклад комиссии общему собранию, весьма убедительны: 1) по случаю неурожаев с 1891 г. за 18 лет 12 млн. домохозяев было выдано ссуд на 553 млн. руб.; при этом, 9 млн. общинников получили 99,25% всей суммы ссуд (по 61 руб. на двор), а 3 млн. подворников 0,75% всей суммы (по 1 руб. 33 коп. на двор); 2) данные о соотношении казенных ссуд и собственных средств, использованных общинниками и подворниками за эти же 18 лет: у общинников на долю местных запасов приходится 31%, на долю казенных пособий 69%, а подворники 83,25% средств почерпнули из собственных запасов и лишь 16,75% получили от казны.

37. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. Д. 1. Л. 282, 284 — 285, 289 — 290, 306 — 308, 317 — 318, 319, 333, 800 об. — 803, 804 — 806 об.

38. Там же. Л. 423.

39. А «в этом деле, — говорил незадолго перед тем в частном совещании членов особой комиссии С. И. Шидловский, — самое важное — хороший хозяин. А хороший хозяин мыслит только на собственном участке» (Там же. Л. 406).

40. Там же. Л. 419, 441 — 442.

41. «Крайне опасно, — предостерегал М. М. Ковалевский, — предоставить 9 миллионам домохозяев-общинников право неограниченно продавать и закладывать свою землю» (Там же. Л. 453).

42. Ковалевский, Ушаков и Ханенко. Сторонником семейной собственности заявил себя и приглашенный член центра князь А. Д. Оболенский-2 (Там же. Л. 350, 453, 480, 493).

43. Выступление Стишинского (Там же. Л. 451).

44. Против ст. 2 в редакции Думы проголосовало 14 из 28 присутствовавших в заседании 23 ноября 1909 г.: восемь правых, двое левых и четверо из центра.

45. Так, Струков предлагал обусловить право залога и отчуждения согласием жены. «Такая мера, — полагал он, — в известной степени предотвратила бы обезземеливание и возвысила бы положение женщины и матери в русской крестьянской семье» (Там же. Л. 473 — 474).

46. Другая половина присутствовавших в заседании 23 ноября, но включавшая председателя комиссии: 11 членов центра и 3 правых.

47. Там же. Л. 490, 516 — 518, 521, 811, 838 — 838 об.

48. Красовский, возражая тем, кто опасался распродажи крестьянами своих земель, привел убедительные данные: до 1 сентября 1909 г. крестьянами, укрепившими землю, было отчуждено 400 тыс. дес. Вместе с тем на это же время в руках крестьян было 24 млн. дес. земли, кроме надельной, приобретенной от частных владельцев, в т. ч. отдельными крестьянами куплено 13 214 тыс. дес., обществами — 3 729 тыс. дес, и товариществами — 7 650 тыс. дес. «Никак нельзя говорить о какой-нибудь угрозе крестьянскому землевладению, — заключал он. — Существует другая опасность: превращение целых губерний в мужицкие царства, страдающие отсутствием класса интеллигентного, способного участвовать в местном самоуправлении» (Там же. Л. 508 — 509).

49. Там же. Л. 811 об.— 812.

50. Дума предполагала, что домохозяин за укрепляемые излишки должен заплатить обществу по цене на взаимном соглашении или по оценке волостного суда, а особая комиссия Гос.совета восстановила условия оплаты излишков по указу 9 ноября. Дума решила недра оставить (до издания особых законов) в собственности общества, особая комиссия — обществу не право собственности на недра укрепленных участков, а лишь право разработки их; владельцу же такого участка — право на участие в разработке. По мнению Думы, домохозяина, при споре, должен был определить волостной суд, а комиссия сочла, что это делает сельский сход в месячный срок, а затем — земский начальник.

51. Там же. Л. 823 — 823 об. Подкомиссия, сформированная в ноябре 1909 г. для рассмотрения замечаний по отдельным статьям законопроекта, а также пожеланий, намеченных в суждениях комиссии (П. Н. Трубецкой, М. В. Красовский, А. Б. Нейдгарт, А. С. Стишинский и А. П. Струков), предложила выразить при обсуждении сметы Крестьянского банка на 1910 г. пожелание, чтобы его деятельность была «направляема к установлению и поддержанию необходимого, в целях экономического благосостояния страны, количественного соотношения между мелким, средним и крупным землевладением». В заседании особой комиссии 10 февраля 1910 г. по настоящему правых ее членов вопрос поставлен шире — об аграрной политике правительства.

52. «Коалиция правых и левых, — заметили «Русские Ведомости» (1910. 4 февраля), — будет располагать почти равным числом голосов с центром, с которым однако будут голосовать министры». Абсолютная численность групп Гос.совета на это время была следующей: левая — 11 (5,61%), центр — 85 (43,36%), правая — 80 (40,81%), внепартийные — 8 (4,08%) и министры — 12 (6,12%). Голоса присутствовавших в заседании 3 марта 1910 г. при выборе комиссии разделились так: за список

левой группы — 13 (8,44%), центра — 71 (46,10%) и правой — 70 (45,45%), а при выборе комиссии 10 апреля — соответственно: 14 (9,85%), 63 (44,36%) и 65 (45,77%).

53. «Здесь, — предсказывали «С.-Петербургские Ведомости» (1910. 18 февраля), — ожидается схватка между советским центром, поддерживающим законопроект, и крыльями, находящими в последнем существенные недостатки». Позднее «Новая Русь» (1910. 28 марта) констатировала: в Гос. совете идет «сильная и интересная борьба около закона 9 ноября».

54. «Тут есть и доля «Столыпинского вопроса» вообще, чем многое обостряется», — отмечал в дневнике граф С. Д. Шереметев (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5055. Л. 51). См. также: Утро России. 1910. 28 марта.

55. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1136 — 1145.

Участие Столыпина в работе общего собрания оказывало несомненное давление на членов Совета и вызывало раздражение правых. Вот как это отразилось в дневнике С. Д. Шереметева. «Речь Столыпина, — пометил он 15 марта, — самоуверенная и настойчивая — «через несколько лет не будет общинного землевладения!» И возбудила многих». По поводу выступления Столыпина 18 марта: «Столыпин говорил. Напряженная нота насилия. ...Столыпин действ[ительно] довольно бесцеремонен с Г[осударственным] С[оветом], обсуждающим-де то, что уже введено в жизнь». В записи 22 марта: «Продолжение земельного вопроса. В общем впечатление безотрадное. Болтовня бесконечная и бесполезная». 26 марта: «Был в Госуд. Совете. Тяжелое впечатление «насилия»» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5055. Л. 49, 51, 53, 54).

56. Действительно, указ воспринимался правыми как единственно возможная в тот момент реакция на революцию, как единственный способ парировать угрозу принудительного отчуждения. Этим и исчерпывалась в их понимании его значение и ценность. Известный публицист К. Ф. Головин, выступая на съезде объединенного дворянства в феврале 1909 г., говорил: «В том положении, в котором мы тогда находились, в том пожаре, который охватил всю Россию, в том понятии, что все зависит от крестьянского сословия, что все, что крестьяне задумают сделать, в тот же момент ими будет осуществлено — вот, что заставило правительство метаться из стороны в сторону, не имея под собой твердой опоры, боясь потерять свое положение, и не только свое положение, но и самую династию. Считаясь с этим условием, оно не знало, что делать; и, главным образом, обратило внимание на удовлетворение крестьянского земельного голода. Поэтому, к счастью, я скажу, и явился закон 9 ноября. Как бы он мало ни был удовлетворителен, но в настоящий момент он сослужил свою службу. Он остановил то крестьянское брожение, которое было основано на голоде земли и кидалось во все стороны, чтобы эту землю захватить» (Труды V съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 57). Другой правый деятель С. Ф. Шарапов, вспоминая, как на первых съездах землевладельцев в Москве и общедворянских съездах ухватились за идею разрушения общины, писал: «В ту минуту это было понятно, особенно, когда на глазах у всех перебунтованные крестьяне *всем миром* являлись на грабеж. Такой момент малодушия понятен и прости-телен» (Пасхалов К. и Шарапов С. Указ. соч. С. 68).

57. Не случайно сорвавшаяся фраза, а, по справедливому замечанию В. С. Дякина, кредо, с которым Столыпин «приступил к своей деятельности» (Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907 — 1911 гг. Л., 1978. С. 19 — 20).

58. Имея в виду отрицающих все позитивное у Столыпина характеристикой его как позера, напомним, что личная свобода производителя как неперемное условие экономического процветания общества была осознана в русском обществе еще в XVIII веке. И конечно же, мысль о ней не могла не присутствовать в планах человека, преследовавшего цели экономического возрождения крестьянства. Ратуя за уравнивание крестьян в правах с остальными обывателями империи, Столыпин подчеркивал: «Принципиальная сторона законопроекта является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупательной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и наши законопроекты об улучшении, упорядочении местной земской жизни, потому, наконец, что уравнивание прав крестьянства с остальными сословиями России должно быть не словом, а должно стать фактом» (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1143 — 1144).

59. Видеть только одну сторону процесса — разрушение старого — характерно для позиции правых. Вот и лидер правой группы П. Н. Дурново утверждал: «...положение, которое создается, есть разрушение старого, без создания чего-либо нового, кроме громадного вопросительного знака» (Там же. Стб. 1642).

60. Там же. Стб. 1179 — 1186, 1463, 1597.

61. Там же. Стб. 1165 — 1177, 1189 — 1207.

62. Худо верится в искренность этой заботы о крестьянах. «С.-Петербургские Ведомости» (1910. 10 марта) со ссылкой на «Харьковские Ведомости» сообщали: в с. Двуречный Кут есть имение М. М. Ковалевского; земля и луг (212 дес.) отдаются в аренду бывшим крепостным, которые в 1910 г. захотели купить их, но Ковалевский отказался продать: крестьяне не могли уплатить ему все деньги сразу; отказался продать и через Крестьянский банк, а арендную цену увеличил на 300 руб. См. также о его циничной реплике во время одного из выступлений де Роберти (За кулисами видимой власти. М., 1984. С. 91).

63. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1149 — 1155, 1207 — 1217, 1234 — 1240, 1418.

64. «Для меня, — говорил Олсуфьев, — было особенно ценно и, скажу откровенно, даже неожиданно встретить такое уважение к народному быту, такой консерватизм, в лучшем значении этого слова, у представителей левого крыла нашей палаты» (Там же. Стб. 1459).

65. Там же. Стб. 1217, 1238 — 1239, 1247 — 1251.

66. Там же. Стб. 1286 — 1305, 1325 — 1331, 1344 — 1347, 1364 — 1379, 1392 — 1420, 1425 — 1454, 1457 — 1465.

67. Там же. Стб. 1262, 1285.

68. По данным МВД, из 73 090 общин 28 губерний 35 593 не переделались вовсе и «почти» 3 тыс. не переделались более 40 лет. О числе общин, где не было переделов 24 года, судить было трудно, т. к. далее шла рубрика «15 — 25 лет».

69. Развивая мысль о допустимости насилия ради «высших» целей, П. Н. Трубецкой парировал возражения: разве запрещение крестьянам выходить из общины не было насилием? или «теория принудительного отчуждения земель»? (Там же. Стб. 1468 — 1469).

70. Там же. Стб. 1321 — 1322. «Личная инициатива по выходу из общины, — подтверждал Скирмунт, — может оказаться недостаточной» как из-за инертности общинников, так и «противодействия обществ» (Там же. Стб. 1331 — 1333).

71. Там же. Стб. 1347 — 1363.

72. Там же. Стб. 1316 — 1317. «Если бы еще несколько десятилетий жила наша община с ее архаическим порядком землеобработки, — справедливо допускал Нейдгарт, — мы несомненно дожили бы до экономического краха» (Там же. Стб. 1337).

73. Накануне голосования П. Н. Трубецкой, сетуя, что дело «идет туго», писал: «В Думе этот вопрос принимается с каким-то болезненным волнением и нервностью. Настроение в Думе такое: если провалятся 24 года, согласительная комиссия придет к соглашению; если провалится вся статья — Дума не согласится и тогда произойдет глубокий конфликт, который или побудит Гос. Совет принять ультиматум, или придется распускать законодательные палаты» (П. Н. Трубецкой — Ф. Д. Самарину, 21 марта 1910 г. // ОР РГБ. Ф. 265.204.41. Л. 5 об. — 6).

74. Итоги голосования воспринимались в обществе как победа центра (Всеобщая газета. 1910. 24 марта). «Земщину» (1910. 23 марта) возмущало, что одобрение первой части ст. 1 законопроекта решили «7 министров и 17 поляков». «Штюрмер, — записала А. В. Богданович, худо разбираясь в группах «второй палаты», — очень возмущен законом 9 ноября. Он сказал, что впечатление было очень неприятно, когда к голосованию вошли все министры со Столыпиным во главе, и положили свои шары вместе с левыми» (Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 476). В исключении второй части ст. 1 отводили «некоторую роль» Столыпину, однако «решающее значение» имело отрицательное отношение к ней «видных представителей почти всех групп верхней палаты» (Русское Слово. 1910. 23 марта).

75. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1484 — 1488.

76. «Новое Время» (1910. 22 апреля) не без ехидства заметило: «В этих нынешних горячих голосах за общину и семейную собственность слышится недоговоренная мысль, которая, будучи высказана, значительно понижает их убедительность, а именно — та мысль, что и о земельной общине, и о семейной собственности можно говорить исключительно в применении к крестьянам».

77. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Стб. 1488 — 1503, 1524 — 1532.

78. Там же. Стб. 1503 — 1507, 1556, 1576 — 1600, 1607 — 1618, 1640 — 1642.

79. Там же. Стб. 1601 — 1607, 1624 — 1625, 1650, 1653 — 1654.

80. Разъясняя цели правительства, Столыпин говорил в заседании особой комиссии 30 ноября 1910 г.: «Личная собственность растет и порождает увеличение иско-

вых дел. В деревне возрастает озорство и хулиганство. В настоящее время для населения суд дорог и далек. В отношении уголовной репрессии он мало удовлетворителен. Уголовные дела разрешаются слишком медленно. А без суда бессильна и полицейская власть. Суд в деревне должен быть властный и сильный. После землеустроительной реформы самой настоятельной реформой является преобразование местного суда» (РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 78. Л. 609 об. — 610).

81. Там же. Д. 76. Л. 714 — 716 об. См. также: *Зырянов П. Н.* Третья Дума и вопрос о реформе местного суда и волостного управления // История СССР. 1969. № 6. С. 51.

82. Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1908. С. 151 — 164.

83. Там же. С. 183.

84. Там же. С. 196.

85. Там же. С. 217 — 218.

86. Там же. С. 320.

87. Там же. С. 313 — 314.

88. *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 52 — 53.

89. РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 78. Л. 604 — 611.

Столыпин объяснял перемену в позиции правительства следующим образом: «Идея одного общего для всех граждан суда, которая проводится в правительственном законопроекте, не нарушается, если на низах дела, вызываемые первобытными условиями жизни, будут разрешаться упрощенным судом. У волостного суда, при настоящих условиях жизни много сторонников, за него голосовали все крестьяне Государственной думы. Жизнь нужно не ломать, а реформировать. Поэтому в этой части правительство согласилось внести изменение, как уступку требованиям жизни, имея в виду провести главнейшие основания реформы, нужнейшей в России, — избавление ее от бессудья» (РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 320. Л. 1 — 1 об.). А. Н. Наумов, со слов А. Б. Нейдгарта, утверждал, что Столыпин не менял своей позиции по вопросу о волостном суде: он и в Совете министров высказывался за его сохранение, но остался в меньшинстве (*Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 162).

90. РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 78. Л. 614 об.

91. Там же. Л. 615 об. — 618, 622 об. — 625.

92. Там же. Л. 626.

93. Там же. Л. 637.

94. Там же. Л. 647; Д. 80. Л. 205 об. — 206.

95. Там же. Д. 78. Л. 654.

96. Там же. Л. 657 об. — 658, 660 — 666.

97. В проекте это воплощалось следующим образом: волостной судья утверждался уездным съездом; в верхних сельских судах председательствовал земский начальник; надзор над волостными судами возлагался на земских начальников, уездные съезды и губернские присутствия; кассационной инстанцией для верхних сельских судов являлся уездный съезд; земский начальник участвовал в производстве

точно определенных законом дел, подсудных волостному суду; обязательные подробные правила о производстве дел в волостном суде.

98.РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 78. Л. 791 — 795.

99.Государственный совет. Стенографические отчеты. 1911 — 1912 годы. Сессия седьмая. СПб., 1912. Стб. 1827 — 1837, 1876.

100.Там же. Стб. 1875, 1886 — 1888, 1917 — 1925.

101.Там же. Стб. 1760, 1769 — 1773, 1943 — 1945; РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 79. Л. 52 — 53.

102.Вот впечатления С. Д. Шереметева от заседания группы 16 февраля 1912 г.: «Вопрос о местном суде, т. е. об уничтожении земских начальников (!). Тяжелое впечатление от речей А. Нарышкина, Шрейбера и Ушакова. Один Дурново стоек. Уехал до конца. Тяжело.» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5057. Л. 38).

103.Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 1929.

104.Там же. Стб. 1788, 1802 — 1807, 1845 — 1846, 1955 — 1956.

105.Там же. Стб. 1861 — 1865, 1867 — 1871.

106.Там же. Стб. 1788 — 1794, 1934 — 1935.

107.Там же. стб. 1965 — 1967; *Зырянов П. Н.* Указ.соч. С. 53 — 54.

108.Гражданин. 1912. № 12. С. 11 — 12.

109.Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ 37 губерний. СПб., 1912. С. 281, 284 — 285, 289, 293.

110.Сборник речей П. А. Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной думы (1906 — 1911). СПб., 1911. С. 46.

111.См. об этом: *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л., 1972. С. 238 — 272.

112.См.: *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 60. К подобного рода тактике правительство Столыпина прибегало и ранее.

113.См.: Труды третьего съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1907. С. 155; Государственный совет. Стенографические отчеты. 1908 — 1909 годы. Сессия четвертая. СПб., 1909. Стб. 1933 — 1949; Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ 33 губерний. СПб., 1910. С. 163 — 165, 178 — 179.

114.*Аврех А. Я.* Столыпин и третья Дума. М., 1968. С. 319.

Мысль, кстати сказать, не новая: «Законопроект в том виде, в каком он вышел из Государственной думы, за небольшими второстепенными изъятиями, несомненно, был приемлем также и для правых Государственного совета» (Новое Время. 1911. 8 (21) марта).

115.К такому же заключению приходил В. С. Дякин (Столыпин и дворянство. С. 272).

116.Государственный совет. Стенографические отчеты. 1910 — 1911 годы. Сессия шестая. СПб., 1911. Стб. 155, 772.

117.Правый Н. А. Зиновьев подчеркивал, что «самый важный вопрос проекта именно размер участия крестьянских гласных в земских собраниях» (Там же. Стб. 838).

118. Лидера центра П. Н. Трубецкого пугало то, что законопроектом создается почва для пропаганды среди крестьян, и он с тревогой спрашивал: «В каком положении будут русские землевладельцы в этом крае?... Если теперь говорят об абсентеизме русских землевладельцев, то что будет после введения этого земства? Где найдут они в крае таких людей, с которыми они будут работать рука об руку?» (Там же. Стб. 1201 — 1203).

119. См.: Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия шестая. Стб. 1213, 1214.

120. Там же. Стб. 1208.

121. Там же. Стб. 1215. Граф М. Тышкевич писал 19 сентября 1911 г. князю В. П. Мещерскому, имея в виду деятельность Союза Русского Народа, возбуждающего крестьян против польских помещиков: «Не буду повторять, что теперь не время на тому подобные манифестации. По-моему, это только социальная революция. Быть может, революционеры пользуются бессмысленными выходками националистов для своих целей. Но эти последние должны же понять, что аграрная революция одинаково опасна для русских, как и для поляков, а прежде всего для самого государства» (ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 265. Д. 498. Л. 15 об.).

122. См.: Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия шестая. Стб. 1359.

123. Там же. Стб. 893, 1232, 1240 — 1241.

124. Там же. Стб. 896.

125. Там же. Стб. 837, 838, 953 — 954.

126. Там же. Стб. 927. Еще осенью 1910 г. правые на собрании группы «категорически высказались против намечаемого проектом понижения ценза» (Новое Время. 1910. 16 (29) ноября). Показательно заседание правой группы и в январе 1911 г., где против курий было двое, в то время как вопрос о цензе вызвал «ожесточенные споры, окончательно так и не был выяснен» (Новое Время. 1911. 27 января).

127. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903 — 1919. Т. 1. Париж, 1933. С. 452 — 453.

128. Гражданин. 1911. № 6. С. 6 — 7; № 7. С. 12.

129. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия шестая. Стб. 1312.

130. ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 265. Д. 504. Л. 95.

131. Там же. Л. 62. См. также: Письмо Г. Рейна к Н. Ф. Дерюжинскому от 12 августа 1911 г. (Там же. Л. 63); Письмо Дм. Хомякова к гр. Д. М. Граббе от 29 августа 1911 г. (Там же. Д. 505. Л. 33).

132. Русская Мысль. 1911. № 8. С. 5 (2 пагинация).

133. Русское Богатство. 1911. № 8. С. 141.

134. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911 — 1912. Д. 20. Л. 216 об. — 219.

135. См.: РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911 — 1912. Д. 29. Л. 270 — 271 об.; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 3925 — 3935.

136. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911 — 1913. Д. 82. Л. 143 об. — 145.

137. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1912 — 1913 годы. Сессия восьмая. СПб., 1913. Стб. 679 — 680.

138. Там же. Стб. 707 — 708.
139. Там же. Стб. 720 — 729.
140. Новое Время. 1912. 14 (27) февраля.
141. Государственный совет. Стенографические отчеты. 1913 — 1914 годы. Сессия девятая. СПб., 1914. Стб. 1343.
142. «2 гвардейских и 52 казачьих полка шестисотенного состава, 36 отдельных сотен, 1 гвардейская и 21 казачья батареи шестиорудийного состава, 18 запасных казачьих сотен, 1 запасная казачья батарея четырехорудийного состава — 40 тысяч с лишком прекрасных прирожденных всадников!» (Там же. Стб. 1344).
143. *Тарле Е. В.* Сочинения в 12 томах. Т. IV. М., 1958. С. 410 — 411.
144. *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907 — 1916 гг. Т. 1. М., 1924. С. 199.
145. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия девятая. Стб. 1386 — 1387.
146. См. об этом: *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 56 — 59; *Дякин В. С.* Столыпин и дворянство. С. 244 — 265.
147. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911. Д. 49-а. Л. 288 — 289.
148. Труды IV съезда уполномоченных дворянских обществ. С. 140 — 141, 145, 221, 225.
149. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911. Д. 49-а. Л. 32 об.; 34 об. — 35.
150. Труды VIII съезда уполномоченных дворянских обществ. С. 263.
- «Я имею влияние не потому, — разъяснял уполномоченный Д. Н. Кованько, — что имею голос среди своего крестьянства, а потому, что само мое положение, вне крестьянства находящееся, ставит меня выше его и дает мне возможность давать ему те советы и те указания, которые он, раз дело не касается отнятия у меня земли, принимает, потому что чувствует за мной силу, себе полезную и извне его, мне принадлежащую. ...Наша сила в обособленности нашей» (Там же. С. 276).
151. Там же. С. 274.
152. Гражданин. 1911. № 19. С. 1 — 2.
153. Поговаривали даже о выходе из группы то выборных членов, то голосовавших 4 марта за национальные курии и соединении их с вышедшими из группы центра «нейдгартцами» (Новое Время. 1911. 12 (25) марта).
154. Состав ее был такой: правые и центр — по 11 членов, из правого центра — 3, левых — 3 и из кружка внепартийного объединения — 2. Председателем ее был избран лидер центра А. С. Ермолов, его заместителем — глава правых П. Н. Дурново.
155. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911. Д. 49-б. Л. 846.
156. Там же. Л. 846 — 847.
157. Там же. Л. 848.
158. Там же. Примечание 1. При этом первое положение принято 16 голосами против 12, второе — 19 против 7, третье — 17 против 1 при 5 воздержавшихся, четвертое — 13 против 3 при 8 воздержавшихся и лишь пятое — единогласно.
159. В подкомиссии не было ни одного правого, ее решения определялись членами группы центра.

160.РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911. Д. 49-б. Л. 579 об., 848, 850 — 852 об., 853 об., 855 — 857 об., 858 об. — 859 об., 860 об. — 861 об.

161.Там же. Л. 570.

162.Там же. Л. 1022 — 1026.

163.«Бессословность немислима на Руси, ее не было в течение веков, и не думаю, — говорил правый член Гос.совета князь А. Н. Лобанов-Ростовский, — чтобы скоро она могла появиться. Как на протяжении целых столетий дворянское сословие играло первенствующую роль в делах государственного управления, так оно и впредь должно играть эту роль. Между тем эта роль у него вырывается законопроектом, начертанным подкомиссией» (Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний. СПб., 1913. С. 229). Об отношении IX съезда объединенного дворянства к законодательному наследству Столыпина см.: *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 61.

164.Труды IX съезда уполномоченных дворянских обществ. С. 216.

165.Гражданин. 1913. № 1. С. 17; № 5. С. 15.

166.Имевший непосредственное отношение к исходатайствованию рескрипта товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин писал 12 марта 1914 г. А. В. Кривошеину: «Я усиленно хлопотал в прошлом году, чтоб сделали это к Романовскому юбилею, но тогда не удалось. ...Мне хотелось бы большей торжественности, дабы крестьянству ясно было, что оно пользуется милостью непосредственно от Государя. Но столько было рескриптов за это время, что Ник[олай] Ал[ексеевич Маклаков] счел неловким испрашивать еще один. Очень этим смягчается острый вопрос о волостном земстве» (РГИА. Ф.1571. Оп.1. Д. 287. Л.1 — 2). Мысль эта была подсказана царю объединенным дворянством. См.: *Всеподданнейший доклад А. П. Струкова о работе IX съезда уполномоченных дворянских обществ // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 498. Л. 24 об.*

167.РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911. Д. 49-б. Л. 203 — 205 об.

168.См., напр.: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5120. Л. 202.

169.Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия девятая. Стб. 2133 — 2135.

170.Там же. Стб. 2238, 2259, 2274, 2275 — 2278, 2373.

171.Там же. Стб. 2272 — 2273.

172.Там же. Стб. 2292 — 2296.

173.Там же. Стб. 2338 — 2345.

174.Там же. Стб. 2198 — 2200, 2390 — 2391.

175.Там же. Стб. 2219, 2222, 2246 — 2247.

176.Там же. Стб. 2177 — 2180.

177.Там же. Стб. 2200 — 2207, 2300, 2334 — 2335.

178.Там же. Стб. 2994.

179.Сборник речей П.А.Столыпина... С. 23.

180.Всеподданнейший доклад графа А. А. Бобринского о работе VI съезда уполномоченных дворянских обществ // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 498. Л. 12 об. — 13.

181.Труды VI съезда уполномоченных дворянских обществ. С. 73.

182.Всеподданнейший доклад графа А. А. Бобринского о работе VII съезда уполномоченных дворянских обществ // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 498. Л. 1 об. — 3.

183. «Один из непостижимо легкомысленных проектов покойного Столыпина, ...целиком вдохновленный расчетом на либеральный эффект», — характеризовал позднее этот законопроект В. П. Мещерский (Гражданин. 1912. № 5. С. 18 — 19)

184. Указав, что правительству придется израсходовать в течение 10 лет 700 млн., а земству 880 млн. рублей сверх того, что они уже тратят, Дурново продолжал: «Оглянитесь кругом: горизонт со всех сторон представляется не только неясным, но покрытым мрачными тучами: на севере — мятежная провинция, которая не хочет ничего и никого слушать, на западе — вооруженные с головы до ног могущественные государства, на юге и дальнем востоке горят пожары, которые грозят нам ближайшими опасностями, даже возможностью вооруженных вмешательств. Спрашивается, при таких чрезвычайных условиях переживаемого нами времени, куда должны быть направлены заботливые и осторожные взоры людей, которые обязаны открыто высказывать свои мысли, не считаясь ни с предстоящими выборами, ни с поголовным почти увлечением такой заманчивой фантазией, что будто бы через 10 лет мы своими школами побьем всех наших вероятных и маловероятных врагов? Ответ на этот вопрос может быть только один: все финансовые усилия должны быть направлены, прежде всего, на оборону нашего Отечества» (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 1259 — 1260).

185. См. выступления Я. Н. Офросимова, Д. И. Пихно, В. И. Карпова (Там же. Стб. 1255, 1302 — 1307, 1328).

186. Там же. Стб. 1335 — 1337.

187. Там же. Стб. 1178 — 1184.

188. Там же. Стб. 1315 — 1317.

189. Там же. Стб. 4686.

190. Там же. Стб. 1191, 1195, 1218, 1227, 4688.

191. Протоиерей Д. Н. Беликов спрашивал общее собрание: «Где ручательство за то, что особый, специальный в пользу церковно-приходских школ, как школ самостоятельных, как школ именно церковных, пройдет непременно в положительном смысле? Судя по предшествующим данным, имеющим отношение к настоящему вопросу, шансы на положительное решение этого предполагаемого и ожидаемого законопроекта слабы, гарантии шатки» (Там же. Стб. 1248).

192. Там же. Стб. 1241, 4680.

193. Новое Время. 1911. 20 ноября, 1 декабря; 1912. 28 и 29 января.

194. Так, если Коковцов, более всего доказывая необходимость всеобщего начального обучения и возможность закрепления кредитов, лишь не возражал против фиксации кредитов на церковно-приходские школы, то обер-прокурор Синода Саблер считал вопрос о церковно-приходских школах главным в законопроекте и при вторичном рассмотрении потребовал отклонить законопроект, поскольку он «упраздняет церковно-приходские школы» (Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 1188 — 1189, 4682 — 4683).

195. РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5109. Л. 91, 114.

196. Там же. Д. 5057. Л. 112.

197. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911. Д. 28. Ч. 1. Л. 1473, 1474 об. — 1477, 1478 — 1481, 1482 об. — 1492, 1503.

198. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 2730 — 2736, 3863.

199. Там же. Стб. 2946 — 2947.

200. Там же. Стб. 2993 — 2994.

201. Там же. Стб. 3010, 3030 — 3031.

202. Правый Н. А. Зверев возражал Ливену, доказывая, что законопроект вполне удовлетворительно решает воспитательную задачу: закон божий ставится в особо благоприятные условия, общее наблюдение за духовно-нравственным воспитанием поручается высшему духовному начальству, пение — обязательный предмет — связывает с храмом и пр. (Там же. Стб. 2878 — 2879).

203. Там же. Стб. 2874; РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911. Д. 28. Ч. 1. Л. 1836 — 1847.

204. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 2784.

205. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911 — 1912. Д. 1. Л. 403 — 404 об., 406, 407 об. — 408

206. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия седьмая. Стб. 3789 — 3803.

207. Там же. Стб. 3764 — 3766.

208. Трое правых, двое из правого центра, двое из кружка внепартийного объединения и один из центра.

209. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911 — 1912. Д. 85. Л. 286 — 288.

210. Один левый, пять членов центра и четверо правых.

211. РГИА. Ф. 1162. Оп. 4. 1911 — 1912. Д. 85. Л. 289 — 289 об., 292 об. — 297, 374 — 376.

212. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия восьмая. Стб. 1715.

213. Там же. Стб. 1681.

214. Там же. Стб. 1693.

215. Там же. Стб. 1673 — 1679.

216. Там же. Стб. 1708.

217. «Государственный совет, — воскликнул по этому поводу князь Мещерский, — совершил патриотическое и святое дело!» (Гражданин. 1913. № 19. С. 15).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА 20 февраля 1906 года	4
Глава II. СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В ПЕРВУЮ СЕССИЮ (27 апреля — 10 июля 1906 года)	24
Назначенные члены	
Выборные члены	
Формирование политических групп	
Академическая группа	
Группа правых	
Группа центра	
Глава III. СОСТАВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В 1906 — 1917 гг.	77
Социальное происхождение членов Гос.совета	
Имущественное положение членов Гос.совета	
Возраст членов Гос.совета	
Национальный состав Гос.совета	
Образование членов Гос.совета	
Чины в составе Гос.совета	
Содержание членов Гос.совета	
Гос.совет и объединенное дворянство	
Некоторые дополнительные штрихи к характеристике состава Гос.совета в 1906 — 1917 гг.	
Глава IV. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В СОСТАВЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В 1906 — 1917 гг.	115
Первые сессии (27.IV. — 10.VII.1906 г.; 20.II. — 5.VI.1907 г.)	
Третья сессия (1.X.1907 г. — 5.VII.1908 г.)	
Четвертая сессия (15.X.1908 г. — 12.VI.1909 г.)	
Пятая сессия (10.X.1909 г. — 17.VI.1910 г.)	
Шестая сессия (15.X.1910 г. — 28.V. 1911 г.)	
Седьмая сессия (15.X.1911 г. — 25.VI. 1912 г.)	

Восьмая сессия (1.XI.1912 г. — 4.VII. 1913 г.)
 Девятая сессия (1.XI.1913 г. — 30.VI. 1914 г.)
 Десятая сессия (17 — 30.I.1915 г.). Вопрос о председателе Гос.совета
 Гос.совет и Прогрессивный блок
 Попытка правого единения
 Правая группа Гос.совета в 1915 г.
 Выборы в Гос.совет летом и осенью 1915 г.
 Назначения в Гос.совет в 1915 г.
 XII сессия Гос.совета (9.II. — 22.VI.1916 г.). Гос.совет и правительство
 Б. В. Штюмера
 Выборы членов Гос.совета в сентябре-октябре 1916 г.
 Начало XIII сессии. «Исторические дни» в Гос.совете
 «Чистка» Гос.совета

Глава V. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ И РЕФОРМЫ

П. А. СТОЛЫПИНА 169

Гос.совет и указ 9 ноября 1906 г.
 Реформа местного суда
 Попытки реформировать земство
 Волостная реформа
 Попытки реформировать народное образование
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ 235
 ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Таблицы 1— 14 236
 ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Члены Гос.совета (1906—1917) 250
 ПРИМЕЧАНИЯ 310